

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

12v 716.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СЕНТЯБРЬ

ГОДЪ I

ОКТАБРЬ

У С Т О И

А

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

№№ 9 и 10.

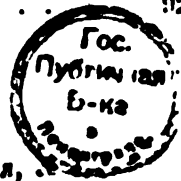
СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
I. Глава изъ неопубликованной повѣсти. М. Альбова.	1
II. Шекспиръ въ наше время. П. Слѣпшова.	61
III. Веселая сказка (Стихотвореніе). П. Янубовича.	100
IV. Прихлебатель (Изъ воспоминаній учителя). И. Б—ва.	103
V. Древнерусскія солоняренныя товарищества (Къ исторіи русской промышленности обидины) О. Остроумова.	127
VI. Неожиданная встрѣча (Сценка) Я. Абрамова.	171
VII. Стихотвореніе. Н. Минскаго.	180
VIII. Толить (Разсказъ). Николая Познякова.	182
IX. Погоня за призракомъ (Отрывокъ изъ романа «Интеллигенція и народъ»). А. Штамера.	205
X. Какъ я сталъ «духовнымъ братомъ» (Изъ записокъ студента) А. Г.	280
XI. Смѣль. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе).	321—448
—	
XII. Соціальное положеніе Италіи. Лени.	1
XIII. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни (Письма къ читателямъ). Амандрова.	21
XIV. Отчего крестьяне предпочитаютъ «свою» школу земской? Пучикова.	45
XV. Антикабацкое движеніе Я. Абрамова.	60
XVI. Голосъ старухи. Е. Г.	74
XVII. Литературныя заѣтки. С. Венгерова.	81
XVIII. Новая книга: I. Историческое исследование дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ П. Гиббенегъ.—II. Ф. Ф. Эрнманъ, Санитарное исследование фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда.—А. Погоженъ, Санитарное исследование фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ.—III. Германъ Лотце, Основанія практической философіи.	92

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Средняя Подъяческая,

1882.

ВЫЙДЕТЬ ЧРЕЗЪ НѢКОТОРОЕ ВРЕМЯ.

з.у
ш.в
не
в

Виза
1882
9-10

Заказ № 3206/13

Дата 24/VI

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Микросъемка / экз.   позитив   экз.

Фотопечать по   экз.   формат

Снимать стр.

Все

w 9-10.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Наименование или
шифр издания

Учебник 1882

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. ГИИБ з. 1499 - 5X007 6-61

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ПОВАЯ КНИГЪ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ ^В

Содержаніе: Отъ автора.—Типъ «средней» деревни.—Крестьянскіи дѣти.—Перехожіе учителя.—Схема народно-бытовыхъ основъ.—Семейные раздѣлы.—Распределение общинной земли.—Сходы.—Переѣзды.—Помощь.—Товарищества.—Типъ общины «хозяйственнаго» мужика.—Атмосфера двоедушій и двуличія.—Организція «мыти».—Начто объ изученіи деревни и проч.
Стр. 254 in 8°. Цѣна 1 р. 25 к.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору, Сиб. Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, цѣна 1 р. съ пересылкою.

== Того же автора: «СРЕДИ НАРОДА» (разсказъ). Ц. 1 р 50 к. «ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА» (повѣсть). Ц. 50 к.

ВЫШЛА ПОВАЯ КНИГА

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

РАЗСКАЗЫ.

Четыре дня.—Ироническое.—Трусъ.—Встрѣча.—Attalea принсера.—Художники.—Ночь.—То, чего не было.

Цѣна 1 руб.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору журнала пересылка бесплатно.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «УСТОИ» ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

НАНА

Романъ Э. Зола.

Цѣна 1 р. 50 к., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 25 к. съ пересылкой.

РАЗСКАЗЫ МАКСИМА БЪЛННСКАГО.

Цѣна 1 р. 25 к. Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№№ 9 и 10.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Глава изъ недописанной повѣсти. М. Альбова.	1
II. Шекспиръ въ наше время. П. Слѣпшева.	61
III. Весенняя сказка (Стихотвореніе). П. Якубовича.	100
IV. Прихлебатель (Изъ воспоминаній учителя). И. Б—ва.	103
V. Дривнерусскія солеваренныя товарищества (Къ исторіи русской промышленной общины). О. Остроумова.	127
VI. Неожиданная встрѣча (Сценка). Я. Абрамова.	171
VII. Стихотвореніе. Н. Минскаго.	180
VIII. Голышъ (Разсказъ). Николая Познякова.	182
IX. Погоня за призракомъ (Отрывокъ изъ романа «Интеллигенція и народъ»). Л. Штамера.	205
X. Какъ я сталъ «духовнымъ братомъ» (Изъ записокъ студента). А. Г.	280
XI. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе)	321—448
XII. Соціальное положеніе Італіи. Лени.	1
XIII. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни (Письма къ читателямъ). Александрова	21
XIV. Отчего крестьяне предпочитаютъ «свою» школу земской? Пучинюка	45
XV. Автукбацкое движеніе. Я. Абрамова.	60
XVI. Голось старухи. Е. Г.	74
XVII. Литературныя замѣтки. С. Венгерова.	81
XVIII. Новыя книги: I. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ.—II. Ф. Ф. Эрисманъ, Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда.—А. Погожевъ, Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ.—III. Германъ Лотце, Основанія практической философіи.	2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1882.

△
P Slav 716.5 (1882.)
└ 9-10 ┘

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 5 1962

URHP

Средня Подільська, № 1.
2418.

1

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ
ЖУРНАЛА
„УСТОИ“.

Литературный, научный и политический журнал «УСТОИ» будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: Общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обзорѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ, М. Н. Альбовъ, Алкандровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Балинскій,

А. Л. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, О. О. Воропоновъ, В. В., проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Златовратскій, проф. И. И. Иванюковъ, проф. Ив. Лучицкій, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. Карѣевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Мивскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. И. И. Янжуль, Я. В. Федосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлинг*, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою *на полгода*: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. Деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ несправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору «УСТОЕВЪ».

Лица, желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовые марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала «УСТОИ» по личному ихъ востребованію; пересылаются же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи же, не востребованныя въ теченіи годового срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ сохраненіе.

Глава изъ недописанной повѣсти.

I.

Прелюдія.

Грохнула пушка. Двѣнадцать часовъ пополудни.

Въ этотъ моментъ, аккуратный петербуржець, слышавъ сигналъ «адмиральскаго часа», повѣряетъ свой показатель времени и, буде опъ изъ «потребляющихъ», начинаетъ испытывать въ желудкѣ нѣкоторое ощущеніе, которое, какъ мы объясняли, происходитъ отъ того, что у каждаго такого субъекта имѣется тамъ пѣкій маленькій, очень маленькій, но коварный червякъ; опъ тонкій, зеленаго цвѣта и снабженъ предлинными усамъ; обыкновенно этотъ червякъ пребываетъ въ спокойствіи и только въ извѣстный моментъ подымается вдругъ на хвостъ и начинаетъ шевелить своими усамъ; тогда наступаетъ необходимость его успокоить принятіемъ внутрь чего нибудь спиртуознаго. У аккуратнаго петербургскаго жителя все дѣлается въ свое время, поэтому и червяку (буде опъ имъ обладаетъ) дозволяется его вышензображенный маневръ только лишь послѣ выстрѣла пушки. Вотъ почему и этотъ откормленный, въ бобрахъ, мчащійся въ собственномъ щегольскомъ экипажѣ биржевикъ, и этотъ дыряющій въ дряхлыхъ извозничьихъ санкахъ господинъ съ геморроидальнымъ лицомъ и

прижатой къ груди портфелью, и эта лѣзущая съ имперіала вагона конножелѣзной дороги сибирка, и этотъ субъектъ неопредѣленнаго типа, съ руками въ карманахъ, фланерской походкой выступающій по троттуару, зѣвая въ окно каждаго по пути магазина, — вотъ почему, говорю, весь этотъ мчащійся, ѣдущій, идущій и плетущійся по Невскому людъ, послѣ выстрѣла пушки начинаетъ отыскивать глазами красную вывѣску; вотъ почему вся эта великая масса притоновъ, на всемъ громадномъ протяженіи Невскаго, начиная съ «Hôtel Tartare», Франція, Вольфа и т. п., и кончая самымъ демократическимъ трактиришкомъ, прилѣпившимся гдѣ нибудь на углу Знаменской площади — одновременно, съ выстрѣломъ пушки, закипаютъ шумною жизнью, и весь легионъ служащихъ, отъ галантерейнаго лакея во фракѣ, до грязнаго парня въ розовой рубахѣ, съ запахомъ въ волосахъ деревяннаго масла, читаль-ли онъ до того по складамъ, отъ бездѣлья, свѣжій номеръ газеты, или просто глазѣлъ въ окошко, меланхолически колуная въ носу — съ выстрѣломъ пушки начинаютъ метаться какъ угорѣлые, подъ хлопанье дверей и крики прибывающихъ одинъ за другимъ посѣтителей, между тѣмъ какъ у буфета идетъ уже давка....

- Коньяку!
- Горькой!
- Желудочной!
- Специальной!
- Очпиденной!

И т. п. Выборъ разнообразенъ до безконечности, но всѣ требованья заявляются торопливо, съ нетерпѣливыми восклицаніями:

- Поскорѣе пожалуйста!
- Скоро-ли мнѣ-то?!
- Живѣе!

И проч. Все торопится, потому что публика все дѣловая. Это особый типъ дѣловаго петербуржца: не тотъ, который обитаетъ гдѣ-нибудь за Козьмь Болотомъ или въ Чекушахъ

и обреченъ злою судьбою съ девяти до пяти одурять себя, согнувшись въ три погибели, въ какойнибудь канцелярин, подъ дружное шарканье перьевъ такихъ-же страдальцевъ, — а тотъ, который поситъ бобры и еноты, хотя онъ тоже мученикъ долга, потому что заигрался вчера «въ благородкѣ» въ макао и можетъ теперь прозѣвать крайне-нужнаго ему чловѣка, или обязанъ все-таки заглянуть въ опредѣленный свой часъ въ департаментъ: хотя-бы даже затѣмъ, чтобы, между куреньемъ папирасы и чтеніемъ газеты, позѣвать у окна съ такимъ-же какъ онъ сослуживцемъ, лѣниво болтая о томъ, что пѣвецъ Орловъ держится на сценѣ хуже сапожника, или о томъ, что дѣла наши съ Китаемъ, — «что-то тоно»; послѣ этого онъ озабоченно вынетъ часы и устремится въ швейцарскую; только тогда съ лица его слетаетъ дѣловое выраженіе, ибо часы показали время обѣда, и онъ можетъ оставить присутствіе.

Но теперь, въ этотъ часъ, онъ дѣловитъ, озабоченъ. Въ этотъ часъ весь Невскій запруженъ извозчиками. На троттуарахъ пока немного народа. За то посредникъ движется цѣлый потокъ лошадиныхъ головъ, мужицкихъ бородъ, цилиндровъ и шапокъ. Все это труситъ мелкой рысцою, вырываетъ галопомъ, обгоняетъ, пересѣкаетъ дорогу. «Гэй, гэй!» «Правѣй держи!» «Бер-р-ги-ис!» рѣжутъ воздухъ крики возницъ въ сумятицѣ ѣдущихъ, на перекресткахъ, гдѣ всего больше скопленіе. Мчатся кареты. Катится, звоня оглушительно, копка. Тамъ все набито биткомъ. Пассажиры запрудили платформу, висятъ на подножкахъ, лѣпятся, съ опасностью жизни, на верхотурѣ, примостившись къ периламъ, и мелькаетъ красный околышъ протискивающегося съ трудомъ въ этой давкѣ кондуктора.

Февраль въ серединѣ. Погода, что называется, мягкая. Какъ будто не таетъ, а и мороза тоже не чувствуется. Надъ Невскимъ проспектомъ повисла пелена облаковъ, похожихъ на клочья грязной хлопчатой бумаги. На всемъ лежитъ мутная дымка. Сквозь эту дымку тускло вырѣзывается шпиль Адмиралтейства и перспектива лѣзущихъ другъ на друга громадинъ-домовъ.

Скучно смотреть тусклыми литерами многочисленных вывесок, скучно тянутся клубы дыма из труб, и в тумане дыхания людей и животных толкуются блѣдныя, хмуря лица идущих и ѣдущих. Надъ высокою башнею Думы, гдѣ чуть виднѣется, величиной съ муравья, силуэтъ сторожеваго солдата, дремлетъ группа бѣло-свѣзыхъ облаковъ, принявшая форму двухъ цѣлующихся другъ съ другомъ медвѣдей. Время отъ времени, промежутки ея освѣтлѣють, точно передъ огнемъ растянули промасленный листъ бѣлой бумаги, засвѣтятся тамъ и сямъ блестящія искры, вдругъ брызнувъ лучами выгянетъ солнце— и весь Невскій проспектъ словно озарится веселой улыбкой. Вмигъ сдѣлались розовыми хмуря лица прохожихъ, загорѣлись золотыя литера вывесокъ, вспыхнулъ Адмиралтейскій шпиль со своимъ корабликомъ, точно сверкающей искрой, заколыхались, будто танцую и краснѣя въ лучахъ, столбы дыма, тянущіяся къ повеселѣвшемуся небу.... Но ненадолго. Поглядѣло, поглядѣло солнышко на Невскій проспектъ и, какъ будто подумавъ: «а, ну, чортъ съ вами, не стойтъ!»—зарылось опять въ облака, и опять облегла все мутная дымка.

На ступеняхъ входа въ Пассаждъ, по которымъ непрерывно снуютъ туда и обратно народъ, торчитъ группа газетчиковъ, соблазняя прохожихъ отчетомъ о свѣжемъ скандальномъ процессѣ въ окружномъ судѣ.

Въ Пассаждѣ стоитъ равный матовый свѣтъ, проникающій сквозь стеклянную крышу, отчего какъ-то буднично выгядитъ вся эта масса разныхъ товаровъ за огромными зеркальными окнами, всѣ эти ряды красиво разложенныхъ принадлежностей мужскаго платья, бѣлья, всевозможнѣйшихъ галстуковъ, шкарпныхъ женскихъ костюмовъ и шляпъ, пирамиды разноцвѣтнаго мыла и флаконовъ съ духами, коллекціи карманныхъ часовъ и цѣпочекъ... Но теперь мало кого соблазняетъ зрѣлище всѣхъ этихъ предметовъ. Развѣ кой-кто остановится у сажениныхъ оконъ «Швейцарскаго магазина», или у оконъ подъ бѣлою вывеской съ огромными буквами: «Maison Dargense», гдѣ чаруетъ глаза артистически-разложенная группа роскош-

ныхъ альбомовъ, нѣжныхъ, какъ сливочный кремъ, статуэтокъ пастушекъ и рыцарей, изящныхъ туалетныхъ вещицъ изъ фарфора и бронзы, и проч. Только кой-кто, говорю, остановится здѣсь, чтобы въ теченіи двухъ-трехъ секундъ поглядѣть на всѣ эти диковины — и то машинально, такъ, Богъ знаетъ зачѣмъ — и затѣмъ устремится впередъ своею дорогой. Публики теперь совсѣмъ мало въ Пассажѣ, и все это больше такая, которой нѣтъ времени заглядываться на зеркальныя окна; если кто выбралъ дорогу черезъ Пассажъ, то только въ видахъ ея сокращенія. Всѣ идутъ сиѣшнымъ шагомъ, такъ что дробное эхо гулко разнесется подъ стеклянною крышей. Кос-гдѣ торчитъ у дверей своего магазина франтовитый прикащикъ и перекидывается разговоромъ съ товарищемъ черезъ дорогу. Покупателей въ этотъ часъ почти совсѣмъ не бываетъ.

Въ верхней галлерей, за стеклами оконъ, принадлежащихъ разнымъ мастерскимъ и магазинамъ попроче, вы увидите группы дѣвушекъ, углубленныхъ въ работу. Это все бѣлошвейки, корсетницы, перчаточницы, и т. п. Дѣловитость тутъ еще ощутительнѣй. Рѣдко, рѣдко пройдетъ ктонибудь. Развѣ только попадется фланёръ, которому совсѣмъ ужъ нечего дѣлать. Онъ, то повиснетъ на перилахъ и смотритъ внизъ на прохожихъ, то опять тронется съ мѣста и поплетется впередъ, заглядывая въ окна глазами на дѣвушекъ, то остановится противъ одного изъ нихъ и воззрится туда убійственнымъ взглядомъ....

Кажется, вамъ становится скучно, читатель? Вы думаете: ну, что тутъ есть наблюдать! Не думайте такъ. Я согласенъ, что все, пока вамъ мною представленное, очень буднично и мало замѣчательно. Отлично, пусть такъ, — но что-жъ изъ того? Будьте только внимательными, примѣчайте за всѣмъ, и одна пустая, ничтожная сценка можетъ для васъ послужить кончкомъ нити, которая васъ поведетъ, открывая рядъ интересныхъ предметовъ, въ этой сумятицѣ шума, движенія, мельканія лицъ, отрывочныхъ сценъ, въ этомъ казейдоскопѣ пест-

рой, спутанной жизни, которая называется уличной жизнью на Невскомъ проспектѣ; только не упускайте, не упускайте ее, эту нить — и она все время будетъ звучать, какъ струна, передъ вами, непрестанно будетъ звучать одной болѣзненной нотой мотива, въ который сливается весь этотъ нестройный хоръ разорванныхъ звуковъ...

Начнемъ. Мы поднялись съ вами въ верхнюю галерею Пассажа. Какъ разъ, передъ нами два человѣка. Прекрасно, будемъ ихъ наблюдать.

Одинъ стоитъ привалившись къ периламъ, и вотъ уже нѣсколько времени какъ не перемѣняетъ своего положенія. Одѣтъ онъ очень прилично. На немъ шуба съ скунксовымъ воротникомъ и котиковая шапка. Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, средняго роста, съ обыкновеннымъ лицомъ блѣднаго петербургскаго типа. Раскинувъ оба локтя на перилахъ, онъ прижался подбородкомъ къ сѣпленнымъ вмѣстѣ кистямъ своихъ рукъ и не сводитъ глазъ съ противоположной стороны галереи, съ одного ея пунета, гдѣ, нѣсколько наискосокъ отъ него, стоитъ другой человѣкъ, который повернулся къ нему спиною и не видитъ, что его наблюдаютъ. Должно быть, господина въ котиковой шапкѣ сильно занимаетъ, что дѣлаетъ тамъ тотъ, другой господинъ.

Онъ тоже еще совсѣмъ молодой человѣкъ, почти даже юноша, съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ, что называется, кровь съ молокомъ, и массой густыхъ бѣлогурыхъ волосъ, буйными кудрями выбивающихся изъ подъ круглой барашковой шапки. Маленькая завывающая борода и такіе же усики, должно быть, еще не пробовавшіе бритвы, очень ему къ лицу, съ правильными, мягкими, почти женскими линиями. Тѣмъ не менѣе, онъ сложенъ на славу, высокаго роста, съ широкими плечами и грудью. Одѣтъ онъ въ ватномъ пальто, безъ теплаго воротника, но сшитомъ очень изящно и по модѣ.

Вотъ уже минутъ пять будетъ по крайней мѣрѣ назадъ, какъ онъ началъ прохаживаться по одному и тому же мѣсту, взадъ и впередъ, каждый разъ украдкой поглядывая на одно

окно магазина, на которомъ значится надпись: «Modes et fleurs». Когда онъ замедленнымъ шагомъ проходитъ мимо окна, ему сквозь стекло отлично видно, что тамъ происходитъ. Во-первыхъ, видѣются три женскихъ головки. Одна, ближе къ окну, принадлежащая молоденькой дѣвушкѣ, низко нагнулась къ быстро вертящемуся колесу швейной машины, такъ что видно только одно темя, въ густыхъ прядяхъ волнистыхъ черныхъ волосъ, раздѣленныхъ посрединѣ бѣлой ниткой пробора. Затѣмъ видѣнъ уголъ стола, на которомъ набросаны лоскуты разноцвѣтныхъ матерій, тюля и лентъ, перемѣшанные съ золотистыми листьями и яркими чашечками искусственныхъ розъ и камелій. За этимъ столомъ видѣются еще двѣ женскихъ фигуры. Одна, почти въ профиль — блѣдной, немолодой и довольно некрасивой дѣвушки, другая — подростка, лѣтъ четырнадцати, съ скуластымъ, въ веснушкахъ, лицомъ и съ подрѣзанными прядями блесоватыхъ волосъ — характерный типъ «ученицы». Всѣ три пристально углубились въ работу, хотя и знаютъ, что ихъ наблюдаютъ, чувствуя каждый разъ на себѣ устремленный взглядъ прохаживающагося мимо окна бѣлокурого юноши. Особенно, кажется, чувствуетъ это темно-волосая дѣвушка, потому что тогда ея головка еще ниже наклоняется къ колесу швейной машины, такъ что видны только кончики ея волосъ алыхъ отъ смущенья ушей... Она даже нѣсколько разъ, моментально, украдкой, вскинула глаза на него, полные тоскливаго нетерпѣнія, и при этомъ пожала плечомъ. Все это можно было перевести такъ: «Чѣмъ-же я виновата? Ты видишь, нельзя!»

Онъ и самъ зналъ, что «нельзя». Онъ давно уже усмотрѣлъ въ глубинѣ комнаты, гдѣ тянулся по стѣнѣ высокій стеклянный шкафъ, между проволочными вѣшалками, похожими на бѣлки въ формѣ женскаго бюста, на которыхъ надѣваются дамскія платья, четвертую женскую фигуру, въ черномъ, которая тоже что-то тамъ дѣлала. Отъ времени до времени она близко подходила къ работающимъ, причемъ свѣтъ падалъ на худую, отцвѣтшую физиономію, обладавшую тою

типической подвижностью чертъ, благодаря которой она, за минуту суровая съ подвѣсальнымъ лицомъ, способна внезапно принять самое сладкое и любезное выраженіе въ обращеніи съ посторонними, каковая подвижность необходимо вырабатывается у всѣхъ имѣющихъ дѣло съ публичкой, преимущественно у женщинъ продавищъ изъ французенокъ. Она дѣлала какія-то замѣчанія, на которыя ей отвѣчала, подымая голову, дѣвушка съ некрасивымъ лицомъ, послѣ чего черная фигура опять удалялась къ шкафамъ.

Курчавый блондинъ начиналъ уже злиться.

«Старая вѣдьма! Когда ее выживутъ!» проскрежеталъ онъ вполголоса.

Но въ эту минуту ему изъ окна, должно быть, подали какой нибудь знакъ, потому что онъ сейчасъ же быстро туда устремился.

Тутъ-то и началъ его наблюдать тотъ, другой господинъ, въ котиковой шапкѣ, съ противоположной стороны галлерей.

Этотъ подошелъ совсѣмъ близко къ окошку. Теперь всѣ три дѣвушки, не исключая подростка, бросивъ работу, смотрѣли, обративъ къ нему лица, съ улыбкой.

Дѣвушка съ некрасивымъ лицомъ усмѣхалась сдержанной, какой-то даже унылой усмѣшкой. Подростокъ хихикалъ, прикрывшись ладонью. Онѣ были только участницами, даже скорѣе только свидѣтельницами всей этой безмолвной интермедіи, но не главными лицами. За то черноволосая дѣвушка за швейной машиной была какъ на угольяхъ. Она и сіяла лукавой улыбкой, вся пуцовая, смущенная, радостная, и кивала, и обертывалась назадъ, и тянулась къ окошку. Надо было спѣшить. Фигура въ черномъ, которая теперь вышла изъ комнаты, могла каждую минуту вернуться.

Затѣмъ сквозь окно, между ними начался тотъ быстрый, нѣмой діалогъ, составленный изъ жестовъ и мимическихъ знаковъ, который имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда собеседники не могутъ слышать другъ друга и должны не терять ни минуты.

Во первыхъ курчавый блондинъ прижалъ обѣ свои ладони къ стеклу, сдѣлавъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ рупора, къ которому и прижался губами, надѣясь этимъ способомъ передать нѣсколько словъ.

— Не слышу, не слышу! — затрясла головою въ отвѣтъ ему черноволосая дѣвушка.

— Я войду,—показалъ онъ рукою на дверь.

Но тутъ всѣ три въ разъ замахали руками.

— Ни-ни-ни, Боже васъ упаси!!—отвѣчалъ этотъ жестъ.

— Выйди ты,—качнулъ головою блондинъ.

— Никакъ не могу!—пожала скорбно плечами брюнетка.

Затѣмъ всѣ три быстро обернулись къ дверямъ и опять всѣ въ разъ замахали руками:

— Уйдите, уйдите, скорѣе отсюда; войдетъ!

— Пустяки!—презрительно дернулъ губами курчавый блондинъ.

Но онъ все-таки немного отошелъ отъ окна и, не спуская глазъ съ дѣвушки, принялся ей что-то чертить пальцемъ по воздуху. Врядъ-ли бы кто нибудь посторонній уразумѣлъ что-либо изъ этихъ манипуляцій, но та, которой были онѣ предназначены, очевидно ихъ понимала. По крайней мѣрѣ, она нѣсколько разъ кивнула головою утвердительно.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ знакъ, переводимый вопросомъ:

— Когда?..

Брюнетка протянула къ окну правую руку съ растопыренными всѣми пятью пальцами.

Тогда тотъ показалъ свою пятерню, посредствомъ которой онъ переспрашивалъ:

— Въ пять часовъ?

— Да, да, да,—закивала опять головою брюнетка.

Вдругъ лица всѣхъ трехъ за окномъ моментально приняли тревожное выраженіе, и всѣ три отчаянно замахали руками:

— Уходите, уходите, Бога-ради! Идетъ!!

Блондинъ быстро отскочилъ отъ окна...

(Конечно, все это, изображенное мною сейчасъ, произо-

шло въ несравненно-кратчайшее время, чѣмъ то, которое вамъ понадобится, чтобы прочитать).

Отойдя на нѣсколько шаговъ въ сторону, онъ увидѣлъ, что всѣ три головы опять прилежно нагнулись къ работѣ, причемъ между ними обозначилась силуэтъ давишной черной фигуры. Онъ выждалъ, когда черноволосая дѣвушка бросила взглядъ въ его сторону и сдѣлала ей издали ручкой. Потомъ онъ пошелъ по галлерей на лѣстницу.

Въ ту же минуту его согладатай тоже покинулъ свой наблюдательный постъ и устремился слѣдомъ за нимъ.

Блондинъ уже былъ на послѣдней ступенькѣ, когда тотъ сзади ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Ключаревъ!

Онъ обернулся на окликъ и въ теченіи нѣсколькихъ секундъ молча разглядывалъ въ полумракѣ лѣстницы темный очеркъ фигуры стояшаго сзади него человѣка. Потомъ узналъ и воскликнулъ:

— А! Федоръ Иванычъ! Какими судьбами?

II.

Менторъ и Телемакъ.

Ключаревъ былъ смущенъ. «Видѣлъ, или не видѣлъ?» шевелилось въ его головѣ. «А, чортъ, все равно!» успокоивалъ онъ себя вслѣдъ затѣмъ, но, не смотря на то, къ великой досадѣ своей ощущалъ, какъ жгучая краска залигаетъ лицо его, выдавая смущеніе.

Федоръ Иванычъ смотрѣлъ съ самымъ невиннымъ видомъ... «Не видѣлъ!» рѣшилъ про себя окончательно курчавый блондинъ, и повторилъ свой вопросъ самостоятельнымъ тономъ:

— Какими судьбами?

Они шли теперь по нижней галлерей Пассажа, плетясь лѣннымыъ, безцѣльнымыъ шагомъ, въ обратную сторону.

— А я тутъ, по близости, къ одному человѣчку... (Федоръ Иванычъ на минуту пріостановился у одного изъ простѣночныхъ зеркалъ, выпятилъ губы и пріосанился). Клиентикъ наворачтывается! Дѣло пустое, по я ничѣмъ вѣдь не брезгаю... Былъ у него въ половинѣ двѣнадцатаго, не засталъ, только что передо мною уѣхалъ... Въ два будетъ дома.

— Такъ ты вотъ здѣсь и маячишь?

— Такъ я вотъ здѣсь и маячу,—повторилъ съ разстановкой фразу Ключарева Федоръ Иванычъ.

Вообще необходимо замѣтить, что рѣчь его отличалась медлительностью и спокойной важностью, точно передъ тѣмъ, какъ сказать, онъ смаковалъ и взвѣшивалъ каждое слово. По отношенію же къ Ключареву, въ тонѣ ея еще замѣчался отѣнокъ не то покровительства, не то какой-то снисходительной насмѣшливости.

— Ну, а вы-то что же не на лекціи, сипьоръ?—предложилъ онъ вдругъ вопросъ Ключареву.—Вмѣсто того, чтобъ въ аудиторіи сидѣть, шалберничать въ Пассажѣ изволите?.. Не-хо-ро-шо-съ!

Его спутникъ момептально покраснѣлъ какъ піонъ.

— А я, видишь ли тутъ... Карточки визитныя надо...

— Карточки?.. Тэ-экъ-съ! Ну, а за записки еще не сидился?

— Нѣтъ, успѣю еще... Видишь ли... У насъ такъ медленно выпускають листы...

— Медленно выпускають листы? Дѣло дря-яны! пропѣлъ Федоръ Ивановъ — и вдругъ повернувшись, воззрился прямо въ лицо Ключареву:—Такъ ты, значить, за карточками?.. Да чего-жъ ты красиѣешь, чего-жъ ты красиѣешь?! Ха-ха-ха! Ужасно это люблю я въ тебѣ!—Онъ хлопнулъ по плечу своего собесѣдника и смѣясь протянулъ:—Ю-но-ша!!

«Все видѣлъ, мерзавецъ!» вывелъ про себя Ключаревъ; «а впрочемъ, чортъ съ нимъ, все равно!»

Федоръ Ивановичъ вдругъ остановился съ серьезнымъ лицомъ. Они были у выхода на Невскій проспектъ.

— Постой, куда-жь мы теперь? Ты что намѣренъ дѣлать?

— А я, знаешь ли, хотѣлъ тебѣ предложить... Ты вѣдь не вѣдь еще?

— Никакъ-съ нѣтъ! (Федоръ Ивановичъ выпятилъ губы и пожевалъ ими съ размышляющимъ видомъ). Позавтракать?.. Вон! Угощаешь?

— Ахъ, что за вопросъ! Ну, идемъ!

— Погоди... Ты небось въ какойнибудь гнусный трактиришко меня поведешь? Твой демократическій вкусъ.

— Ну, вотъ, вздоръ какой! Пойдемъ хоть сюда.

— Къ Тиханову? Ну, это еще ничего. На это согласенъ. Идетъ!

Въ одномъ изъ тѣхъ двухъ ресторановъ, высокія стеклянныя двери которыхъ выходятъ, vis-à-vis, на площадку, было уже порядочно публики. Новые посѣтители очень удачно однако нашли себѣ мѣсто противъ окна, за круглымъ мраморнымъ столикомъ, изъ за котораго только что всталъ какой-то военный. Послѣ того какъ каждый изъ нихъ заказалъ себѣ порцію по картѣ, Федоръ Ивановичъ тотчасъ-же погрузился въ газету, а его товарищъ предался созерцанію окружающаго.

У буфета, съ ярко-блестящей мѣдной печкой для пирожковъ, шла толкотня. Мелькали суетливо лица буфетчица и двухъ его подручныхъ, непрерывно продѣлывавшихъ въ самое короткое время рядъ быстрѣйшихъ манипуляцій, то вооружаясь на мигъ и мелькая надъ рюмкой бутылкой или графиномъ, то принимая деньги и сдавая сдачу, то гремя съ быстротой молвіи отворяемымъ и задвигаемымъ ящикомъ выручки или дверцей металлической печки, въ перекрестномъ огнѣ восклицаній: «сію минуту-съ!» «двадцать копѣекъ-съ!» «пожалуйте-съ!» «извольте получить-съ!» и проч. Въ движущейся группѣ разныхъ господъ у буфета выдѣлялась фигура какого-то толстака, съ медленнымъ перегибаньемъ назадъ всего туловища, сладострастно «вонзавшаго» въ себя рюмку очищенной, и

желчная физиономія субъекта въ форменной фуражкѣ и интендантскихъ погонахъ, съ черной повязкой на правомъ глазу, брезгливо прожевывавшаго кусокъ бутерброда. Служитель у входа разрывался въ равныя стороны, подавая и снимая верхнее платье, и стеклянная дверь хлопала безпрестанно, впуская и выпуская гостей.

Ключаревъ наблюдалъ все это совсѣмъ не съ тѣмъ разсѣяннымъ, скучающимъ видомъ, съ которымъ по временамъ поднималъ глаза отъ газеты его товарищъ, и который бываетъ у каждаго находящагося въ безцвѣтной и безпрестанно мѣняющейся толпѣ лицъ, соединенныхъ между собою лишь такою случайною связью, какъ процессъ насыщенія, или одна и та же дорога. Напротивъ, Ключаревъ, положительно, можно сказать, упивался. Онъ наблюдалъ каждую черточку, живо перебѣгая глазами, съ распутившимся по всему лицу выраженіемъ участія и интереса, совершенно какъ юноша, которому

«повы

Всѣ впечатлѣнья бытія».

Вообще въ немъ было еще много совершенно дѣтскаго нетронутаго—особенно рельефно выступавшаго отъ контраста съ его сильной и рослой фигурой. Правда, ему еще не было и девятнадцати лѣтъ. При первомъ же наблюденіи, все въ немъ указывало на эту крайнюю молодость, начиная хотя бы съ неумѣнья управлять выраженіемъ своего лица, почему бывали случаи, когда онъ вспыхивалъ и конфузился какъ красная дѣвушка. Къ этому еще присоединялись нѣкоторая угловатость манеръ и не петербургскій акцентъ рѣчи, которые въ немъ выдавали провинціала. Дѣйствительно, всего только полгода, какъ онъ въ Петербургъ, пріѣхалъ же онъ изъ той отдаленной страны, одно названіе которой, въ воображеніи петербуржца *rig sang*, не простирающаго своихъ экскурсій далѣе Нарголова, возбуждаетъ представленіе какъ о чемъ-то туманномъ и баснословномъ, какъ о какомъ-то срашномъ далекѣ, гдѣ морозъ трещитъ круглый годъ, гдѣ все лѣса, да такіе, что себѣ и представить нельзя, а глубоко подъ землею бьютъ

золотыя жилы, вотъ какъ у насъ родилки, живутъ же тамъ лишь медвѣди да каторжники... Словомъ, Ключаревъ изъ Сибири, изъ города, названіе котораго, тому же петербуржцу *pur sang*, не поперхнувшись, не выговорить. Приѣхалъ же онъ въ Петербургъ, чтобы учиться... Т. е., собственно говоря, цѣль учиться, хотя и выдвигаемая впередъ на первыхъ порахъ, очутилась какъ-то такъ, съ боку припекой. Дѣло въ томъ, что есть многое множество юношей, получающихъ свое бытіе въ какомъ нибудь дальнемъ медвѣжьемъ углу, нарицаніе котораго подчасъ ни на какой географической картѣ не сыщешь. Юноши эти—отпрыски мѣстныхъ тузовъ и зажиточныхъ гражданъ, и удѣлъ ихъ—пройти свой жизненный путь, если, можетъ быть, и не со славой, то во всякомъ случаѣ въ благоденствіи и съ успѣхомъ въ своемъ медвѣжьемъ углу. Медвѣжий уголь ихъ породилъ, вскормилъ, воспиталъ, онъ держитъ ихъ всѣми тончайшими нитями, какъ свой продуктъ... Чего, кажется, лучше? Однако, вотъ подите же, случается такъ, что въ тотъ извѣстный періодъ, который у дѣвушки знаменуется созрѣваніемъ бюста и смутными мечтами о немъ, а у юноши первой растительностью на румяныхъ щекахъ и заботой о брѣтвѣ—этотъ самый продуктъ начиняетъ томиться... Нити, которыми онъ держится въ почвѣ, его тяготятъ. Переходя въ бродъ черезъ лужу, посреди главной улицы, отражающую небо даже въ періоды самыхъ жгучихъ жаровъ, или обороняя свои икры отъ зубовъ стаи собакъ, бродящихъ вдоль безконечныхъ заборовъ его роднаго Козьмодемьянска или Каменогорска—юноша витаетъ въ мірѣ нездѣшнемъ. Что ему эта лужа, съ высывающимся изъ нея сапогомъ, который былъ кѣмъ-то оброненъ и предается въ ней разложенію? Что ему эти заборы съ собаками и съ выдѣлывающимъ около нихъ антраша хмѣльнымъ обывателемъ, въ бабьей вуцавейкѣ, босымъ и безъ шапки? Положимъ, все это родныя картины, но онъ ихъ не видитъ. Его грезы витаютъ надъ стогнами огромнаго, роскошнаго города, гдѣ все блеститъ, гремитъ и сіяетъ; гдѣ дворцы и монументы отразились въ зонѣ многоводной рѣки, несущей

стаи судовъ со всѣми диковинами запада; гдѣ праздничная толпа тысячъ людей, вельможъ и красавицъ замерла и не дышетъ, какъ одинъ человекъ, въ аккордахъ божественной музыки и треляхъ волшебнаго пѣнья; гдѣ все и вся вѣчно ликуетъ и празднуетъ... Его фантазія лишена реальныхъ подобій, но онъ мечтаетъ о нашихъ чухонскихъ Лопнахъ, какъ мечталъ, можетъ быть, дикій скифъ о семипрамыдныхъ всячихъ садахъ Вавилона... Да, онъ поѣдетъ туда! Только тамъ центръ всего, только тамъ человекъ съ талантомъ и предприимчивостью найдетъ имъ приложеніе, потому что только тамъ можно учиться, служить, дѣлать карьеру! Учиться или дѣлать карьеру—которая изъ этихъ двухъ цѣлей представляется болѣе почтенной мечтателю—не въ томъ суть, это дѣло его личныхъ симпатій и вкусовъ, но, та или другая, стоитъ передъ нимъ, обремененная всѣмъ обаяньемъ таинственности. И вотъ совершилось! Въ одинъ прекрасный день онъ порываетъ всѣ нити и покидаетъ родныя весы и нивы для другой, невѣдомой, но соблазнительной дали... Иногда онъ—опрометчивый пловецъ, пускающійся въ открытое море, не зная, гдѣ бросить онъ якорь, но въ большинствѣ случаевъ ему свѣтитъ въ дали какая нибудь путеводная точка, въ смыслѣ лица, на которое обращены упованья. Это или «особа», къ которому, черезъ посредство разныхъ путей, выхлопотаны рекомендабельныя письма, или какой нибудь двоюродный братъ внучатной племянницы шуррина, существованіе котораго доселѣ таилось подъ спудомъ, но помощію разныхъ комбинацій оказалось имѣющимъ право считаться родствомъ. Во всякомъ случаѣ это существа полумифическія, но къ нимъ стремятся надежды, какъ къ властителямъ судьбы аргонавта, ибо они могутъ «пристроить», «сдѣлать протекцію» и пр., словомъ провести его утлое судно чрезъ всѣ мели и рифы къ тому заповѣдному мѣсту, гдѣ обрѣтается золотое руно...

У Ключарева былъ тоже родственникъ—этотъ самый Федоръ Иванычъ, который сидитъ теперь вмѣстѣ съ нимъ передъ вами. Онъ приходится ему даже двоюроднымъ братомъ,—а

между тѣмъ врядь ли бы вамъ удалось отыскать другихъ двухъ субъектовъ, у которыхъ можно бы было найти такъ мало общаго, въ смыслѣ родственныхъ чертъ. Начиная съ фамилій: это Ключаревъ, а то—Роцинъ. По внѣшности же они представляютъ совсѣмъ антиподовъ, особенно теперь, когда они оба сидятъ другъ противъ друга, въ ожиданіи завтрака. Глядя на Роцина, отъ времени до времени поднимающагося съ апатическимъ видомъ глаза отъ газеты, вы должны согласиться, что это истое дитя Петербурга. Онъ ни красивъ, ни дурень. Лицо его принадлежитъ къ числу тѣхъ, при взглядѣ на которыя всегда кажется, будто гдѣ-то ихъ уже видѣлъ. Черты довольно тонкія, правильныя, съ выраженіемъ той равнодушной скуки, которая составляетъ специальное достояніе Петербурга и которую проникнуты, кажется, даже его блѣдныя зданія, въ будничной сѣренькій день. Ему лѣтъ 25, можетъ быть, даже и меньше, а между тѣмъ вы должны признать за фактъ то обстоятельство, что это лицо еще молодое, съ недавно начавшейся пробиваться жидкой растительностью, въ видѣ темной бородки, сложилось уже разъ на всегда по опредѣленному типу, и его измѣненія во внѣшности возможны только въ смыслѣ тѣхъ или другихъ его разрушеній. Самая эта бородка, обрамляющая безкровная, худощавыя щеки съ землистымъ оттѣнкомъ, произошла, кажется, на счетъ волосъ на головѣ, которые уже замѣтно рѣдѣютъ на вискахъ и на темени. И такъ будетъ дальше. Будутъ портиться зубы, сильнѣе просвѣчивать лысина, но это лицо останется тѣмъ же въ теченіи такого періода времени, въ который какойнибудь румяный карапузъ благословенной провинціи не только успѣетъ обратиться въ солиднаго мужа съ брюшкомъ, но даже и произвести на свѣтъ нѣсколько другихъ точно такихъ карапузовъ. между тѣмъ вакъ чахлый продуктъ болотнаго города,—повитый туманами, затянущими мутную дымкой его чинныя, прямолінейныя перспективы каменныхъ громаднѣ-домовъ, вскормленный грохотомъ лихорадочной жизни, несущимся съ его мостовыхъ и троттуаровъ къ холодному, безпросвѣтному небу—

остается въ своемъ statu quo, какъ тотъ бальзамнѣ или гераніи, типическій образчикъ культурной петербургской флоры, что традиціонно торчалъ въ запыленномъ горшкѣ на окошкѣ квартиры, которая упиралась въ унылую надворную стѣну и въ которой протекли дѣтскіе годы Федора Ивановича Рощина... Онъ помнитъ и этотъ гераній, и эту надворную стѣну, съ рядами окопъ въ пять этажей, съ человѣческими обликами, отъ времени до времени появляющимися и опять пропадающими въ черныхъ впадинахъ съ бѣлыми складками занавѣсей, которыя онъ созерцалъ, вися на окошкѣ и, съ рискомъ полетѣть на мостовую двора, пытаясь иногда увидѣть краешекъ неба. Онъ помнитъ тишину отцовской квартиры въ длинные, зимніе вечера, при свѣтѣ керосиновой лампы, отца въ халатѣ, гнущаго спину за ворохами бумагъ, притащенныхъ съ собою изъ должности, помнитъ мать, гремящую чайной посудой передъ столомъ съ самоваромъ. Безмолвно и тоскливо идетъ чаепитіе...

— Сегодня въ мясной прикащикъ денегъ спрашивалъ, нарушаетъ молчаніе мать, придвигая къ себѣ опорожненный отцовскій стаканъ. — Будешь, что-ли, пить-то еще?

— Не хочу, мрачно произноситъ, вставая, отецъ и усаживается опять за бумаги. — О-охъ, Господи, Господи! вздыхаетъ онъ тяжело, потомъ попкаестъ къ бумагамъ, и опять наступаетъ безмолвіе.

Иногда у нихъ случается какой нибудь гость. Тогда веселѣе. Бесѣда идетъ оживленно. Сюжетъ его вертится преимущественно на насущныхъ вопросахъ и въ нихъ принимаетъ самое горячее участіе мать.

— Рыбу теперь хоть возьмите!! восклицаетъ она, сверкая глазами. — Это я какъ-то надняхъ на Сѣнной сижка торговала... Приступу нѣтъ! Просто хоть не живи!

— Хоть не живи! какъ эхо, повторяетъ отецъ.

Но вотъ отца нѣтъ. Онъ умеръ ударомъ. Въмѣсто квартиры—одна только комната, «отъ жильцовъ», перегороженная пополамъ драпировкой, скрывающей помещеніе Единной ма-

тери. Вечеръ. Тихо. Овъ, теперь гимназистъ, напрягая мозги, мучится надъ латинскимъ extemporale: «Pecuniam, si cuiusiam fortuna ademit, tamen dum existimatio est integra facile consolatur»...

— Ему что, нахапалъ себѣ въ карманъ-то... Еще бы: управляющій! слышится сквозь неплотно притворенную дверь въ сосѣдную комнату голосъ квартирной хозяйки, отводящей душу въ мирной бесѣдѣ съ Единной матерью. — Встрѣлся со мной на лѣстницѣ давеча... «Съ будущаго числа, говорить, два рубля наложу, потому у насъ теперь конка»... Черти! Умирай да и полно!

— Умирай да и полно! раздается въ отвѣтъ сочувственный материнъ вздохъ.

Но вотъ и ея нѣтъ въ живыхъ. Федоръ Ивановичъ—студентъ университета, юристъ. Римское право, церковное право, полицейское право... Скверные обѣды въ дешевыхъ кухмистерскихъ, лопнувшіе сапоги, путешествія изъ Шестнадцатой линіи въ Гончарную улицу на урокъ за полтинникъ—и мечты, мечты, мечты... Мечты объ адвокатской карьерѣ, о кушѣ, о рысакѣ съромъ въ яблокахъ, объ ужинахъ въ cabinet particulier у татаръ съ какойнибудь Армансъ или Камиллой... А пока—обѣдъ за двугривенный, безкорыстные ласки Матрешы, или кутежи съ дюжиной пива въ Средней Мѣщанской, въ объятяхъ наштукатуренной Фрины, подъ треньканье разбитаго фортецяно, топотъ выдѣлывающаго на полу выкрутасы субъекта и визгливое пѣніе на мотивъ шансонетки полупьяной прелестницы въ коротенькой юбочкѣ, которая дрыгаетъ ногами въ тактъ пѣснѣ, сидя на колѣняхъ размякшей енотовой шубы:

«Мушана глушь,
Глушь,
Глушь,
Какъ бабій вузь,
Пушь,
Пушь»...

А время не ждетъ, и горе тому, кто зѣваетъ по сторонамъ, отдаваясь инстинктамъ, и не беретъ судьбу въ руки.

Кому не ворожить бабушка, кому не валятся прямо жареные рыбчики въ ротъ, тотъ долженъ взять самъ судьбу въ руки, хотя-бы пришлось для того вылезть изъ кожи! И Федоръ Ивановичъ лѣзетъ изъ кожи... У него есть идеаль, котораго онъ достигнетъ, во что бы ни стало, ибо онъ, идеаль этотъ самый, крѣпко залегъ въ глубокихъ тайникахъ его существа; онъ возникъ уже давно, еще въ дѣтскіе годы, въ бѣдной квартиркѣ родителей, среди недохватковъ и недостатковъ семьи, подъ бесѣды о дороговизнѣ и трудности жизни; возникъ тогда безсознательно, но зрѣлъ и развивался потомъ, въ позднѣйшіе годы, когда, ужъ студентомъ, Рошинъ шагаль, въ осеннемъ пальто, въ трескучій морозъ, пряча окостенѣвшія руки въ карманы, изъ Шестнадцатой линіи въ Гончарную улицу, на урокъ, за полтинникъ. Онъ зрѣлъ подъ шумъ и кипѣніе уличной сутолоки, гдѣ, какъ въ глубинѣ водоворота, окруженнаго холодными стѣнами великолѣпныхъ домовъ, маются тысячи человеческихъ жизней: гдѣ давятъ того, кто мѣшаетъ на дорогѣ къ куску или карьерѣ, или гибнуть безслѣдно, выбиваясь изъ силъ; гдѣ за каждой стѣной, съ ея освѣщенными окнами, посылающими веселые потоки лучей въ эти непрестанно катящіяся волны людскаго движенія—можетъ быть, совершается незримо потаенная драма... Горе слабымъ, опускающимъ руки! О, нѣтъ, онъ-то ужъ рукъ не опуститъ... Онъ признаетъ (и признаетъ это съ внутренней мучительной болью), что у него нѣтъ крупной силы, блестящихъ талантовъ, но за то есть другое: есть практичность, настойчивость, есть выдержка сокращать свои аппетиты, сжаться, стерпеть—и за то потомъ, потомъ—онъ вознаградитъ себя сторицей за все!.. И онъ бросаль гордые взгляды на освѣщенные зеркальныя окна кондитерскихъ, Милютиныхъ лавокъ, магазиновъ ювелирныхъ издѣлій, презрительно пятился передъ пересѣкавшей ему дорогу каретой, шагая на урокъ, въ своемъ холодномъ пальтишкѣ, по Невскому. Понемножку, полегоньку, не вдругъ... Бей сороку и ворону, не поддавайся иллюзіямъ и сокращай себя тамъ, гдѣ ты можешь раскиснуть, расчувствоваться, потому что это все глу-

пость и слабость, держи носъ по вѣтру—и благо будетъ тебѣ! И вотъ онъ понемногу уже достигаетъ. Онъ теперь кандидатъ правъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, одѣвается безукоризненно, всегда въ свѣжихъ перчаткахъ, расширяетъ знакомство съ разнымъ нужнымъ народомъ—и кто догадается, что наединѣ, самъ съ собою, онъ часто себѣ въ самомъ необходимомъ отказываетъ?.. Нельзя-же! Понемножку, полегоньку, не вдругъ!

Пріѣздъ провинціального родственника внесъ новый и чуждый элементъ въ бытъ нашего практика. Словно въ душную комнату, гдѣ атмосфера давно застоялась, и пахнетъ мышами и пыльными книгами, внезапно, нивѣсть откуда, ворвалась струя свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ хвойныхъ лѣсовъ и свѣжестью степнаго приволя... Въ тихихъ стѣпахъ двухъ меблированныхъ комнатъ, сдаваемыхъ чинною, богобоязненною дѣвой Каролипой Августовной Роцину, гдѣ вѣчно стоялъ какой-то кисленькій запахъ отъ смѣси пѣмечкой добродѣтели и благоуханій суповъ mit Kartoffeln, гдѣ самая ничтожная вещь искони приучилась знать свое мѣсто, гдѣ дешевенькіе, но донельзя опрятные, ковры и гарусныя подушки на диванахъ и креслахъ, съ изображеніями нестрыхъ букетовъ и миловидныхъ охотниковъ, душили всякую громкую ноту—вдругъ воцарились молодой, раскатыстый хохотъ, шумные крики, рассыпанный повсюду табакъ, разбросанная начинка двухъ чемадановъ и запахъ ворвани отъ ботфортъ Ключарева... Кузены до того не видались ни разу, не имѣли другъ о другѣ понятія, но Ключаревъ, въ силу провинціальныхъ традицій о кулыѣ родственниковъ узъ, счелъ-бы оскорбленіемъ «братцу», еслибы оставился въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ.

Роцинъ сперва съ кислой улыбкой принялъ это вторженіе, но сейчасъ же смекнулъ о выгодной въ этомъ для себя сторонѣ. Водвореніе кузена до минимума сокращало бюджетъ... Что же касается до тѣхъ диссонансовъ, которые вошли въ привычную программу его обихода, то онъ мало по малу ихъ сократилъ. Онъ сразу принялъ роль ментора, и это возникло

само собою, такъ какъ провинціальный кузень добровольно отдался подъ его ферулу, какъ чловѣка, имѣющаго передъ нимъ преимущество во всѣхъ отношеніяхъ, не только какъ петербуржца, но и старшаго, опытнаго, составившаго себѣ положеніе. Рощинъ скоро гошелъ ко вкусу своей роли. Перво-на-перво, какъ водится, осмотрѣно было все, что имѣется въ нашей столицѣ достопримѣчательнаго (сказать по секрету, съ доброй половиной изъ этого и самъ чичероне не имѣлъ еще случая познакомиться, что не мѣшало ему подавлять своего Телемака обширностью свѣдѣній). Потомъ Рощинъ принялся за моральное его воспитаніе. Въ этомъ онъ даже узрѣлъ свою миссію... Конечно онъ допускалъ спсходительно, что юность должна имѣть свои требованія; какъ чловѣкъ установившійся, онъ понималъ и оправдывалъ броженіе силъ въ молодомъ организмѣ... Но какъ болѣе опытный и прошедшій ужъ самъ чрезъ горнило соблазновъ, онъ обязанъ былъ указать на вредъ увлеченій. Жизнь не шутка, не праздникъ, особливо теперь «въ наше тяжелое время, когда...». Словомъ, петербургскій кузень высказывалъ тѣ великія, но старыя какъ міръ истины, которыми всегда мудрый опытъ допнмаетъ неосторожную юность. Надо однако ему отдать справедливость. Онъ не фарисействовалъ, поучая своего Телемака, онъ горячо стремился проникнуть его хоть нѣкоторой долей того міросозерцанія, которое въ немъ самомъ крѣпко сложилось, и въ которое онъ самъ искренно вѣрилъ. Но—вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ примѣшивалось и еще кое что... Въ этомъ онъ никогда-бы вслухъ не сознался себѣ, а между тѣмъ чувствовалъ, какъ оно по временамъ болѣзненно шевелилось въ глубокихъ тайникахъ его существа, и зналъ, что именно это такое. Это была зависть, да, ѣдая, жгучая зависть къ своему Телемаку, зависть къ его наивной молодости, горячо откликающейся на истинныя и позывы жизни и жадно припадающей къ чашѣ, со всѣмъ восторженнымъ самозабвеніемъ здоровья и нерастраченныхъ силъ... Временами, онъ даже его ненавидѣлъ.

Случалось, Ключаревъ приходилъ домой нѣсколько наве-

селѣ и восторженно принимался рассказывать о своихъ похожденияхъ, съ хохотомъ, возгласами, словомъ со всѣмъ бурнымъ экстазомъ челоуѣка, полнаго еще пережитыхъ впечатлѣній. Обыкновенно, кузень съ участіемъ слушалъ его, тоже смѣялся и переспрашивалъ, вникая въ подробности, съ добродушною снисходительностью старшаго товарища и пѣстуна, котораго это все забавляетъ, потому что, хотя онъ и стоитъ теперь выше этого, но самъ тоже нѣкогда пережилъ бурный періодъ, пожалуй даже теперь, въ угоду питомцу, не прочь при случаѣ тряхнуть старинной. Такъ было въ началѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ тактика его измѣнилась.

Если приходилось ему заработать за полночь, а кузень не являлся, Рощинъ начиналъ испытывать то щемящее, сложное чувство досады и ревности, которое бываетъ у труженника, принужденнаго корнѣть надъ работой, когда онъ подумаетъ, что вотъ онъ не хуже другихъ, а бьется какъ рыба объ ледъ, между тѣмъ какъ другіе въ это время срываютъ себѣ цвѣты удовольствія и плевать хотятъ на него...

— Небось, лытаетъ теперь гдѣ нибудь!—шипѣлъ онъ злобно про Ключарева;—деньги швыряетъ, благо не своимъ горбомъ достаются, а потомъ съ рассказами явится... Глупый, самодовольный самецъ!

Онъ ожесточенно скрипѣлъ перомъ или перекидывалъ свирѣпо страницу, стараясь углубиться въ работу—по беззаботное лицо кузена неотвязно мерещилось ему между строкъ и мѣшало сосредоточиться. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла ажитация, переходя даже въ нѣчто лихорадочное.

— Хоть бы приходилъ, что-ли, скорѣе... Скотина!

Но вотъ звякалъ звонокъ, являлся кузень—и, въ самомъ дѣлѣ, съ рассказами.

Рощинъ слушалъ въ глубокомъ молчаніи, не смѣялся и не переспрашивалъ, опустивъ глаза книзу, съ видомъ истерпѣливой покорности, кривя иногда губы недоброй усмѣшкой—и затѣмъ вдругъ огорашивалъ:

— Все это прекрасно, милый юноша... А ты воть мнѣ лучше скажи: долго у тебя будутъ праздники?

Лицо «милго юноши» померкло, а Рощинъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вѣдь, право, довольно ужь, кажется! Что-жъ дальше то будетъ? Трата здоровья, времени, денегъ—а въ результатъ-то что? Ну, хорошо, побаклушничалъ, подурачился, такъ вѣдь пора и оставить! Ты посмотри, всѣ дѣлаютъ дѣло, ты одинъ въ усъ себѣ не дуешь... Вѣдь даже противно! Я знаю, что тебѣ неприятно все это слушать, ты извини, но я считаю себя обязаннымъ высказать, потому что ты мнѣ двоюродный братъ, и я тебѣ желаю добра!—обрывалъ Оедоръ Иванычъ, и опять погружался въ работу.

Разладъ обострялся.

Ключаревъ не могъ оставаться почувствительнымъ къ этимъ нотаціямъ, потому что петербургскій кузень былъ въ его глазахъ авторитетомъ, и онъ его даже побаивался, но въ то же время въ немъ жилъ духъ протеста, какъ у школьника, который знаетъ, что шалости къ добру не приводятъ и все-же не можетъ вести себя благоправно, потому что зудитъ плечо и ноги не въ состояніи оставаться спокойно на мѣстѣ. Онъ ходилъ какъ въ чадѣ, и нотаціи Рощина играли для него роль холодныхъ окачиваній. Онъ началъ скривничать. Приходилось и врать. Дома онъ велъ себя агнцемъ, а на свободѣ вздыхалъ съ облегченіемъ.

Наконецъ, струна лопнула.

Разъ Ключаревъ пришелъ особенно поздно и положительно пьяный. Рощинъ уже былъ въ постели и, какъ показалось Ключареву, спалъ. Какъ ни старался онъ быть осторожнымъ, однако повалилъ все-таки стулъ. Оедоръ Иванычъ съ досадою перевернулся на другой бокъ, и его двоюродный братъ заснулъ съ мыслью, что завтра ему опять не избѣгнуть нравоученій. «Чортъ съ тобой, наплевать!»—рѣшилъ онъ.

Онъ, однако, ошибся. На слѣдующее утро Оедоръ Иванычъ не только не напомнилъ ему про вчерашнее, но даже и со-

всѣмъ не промолвилъ ни слова. Пилъ чай съ сосредоточеннымъ видомъ человѣка, не то глубоко-оскорбленнаго, не то игнорирующаго въ данный моментъ все на свѣтѣ кромѣ утоленія жажды. Ключаревъ, чувствуя себя виноватымъ, заговаривалъ всячески, но держась исключительно постороннихъ предметовъ. Кузень, со своей стороны, только мычалъ... Наконецъ тотъ не выдержалъ.

— Послушай, Федоръ Ивановичъ, скажи откровенно: ты золъ на меня?

— Я?!—удивился Федоръ Ивановичъ, и усмѣхнулся, взглянувъ въ первый разъ тутъ на родственника.— Съ чего вообразилось тебѣ?.. Ахъ, да... Это ты про вчерашнее!.. Ну, что-жь? Глупо было бы злиться... Ты вѣдь не маленькій, самъ знаешь, что дѣлаешь. Вліянія я на тебя имѣть не могу, въ этомъ я уже убѣдился, такъ что-же тутъ толковать? У насъ съ тобой разныя дороги. Ты можешь жуировать, средства у тебя готовые, съ голоду ты не умрешь,—а я долженъ каждую копѣйку собственнымъ горбомъ доставать... Конечно, мнѣ хочется иногда, послѣ работы, усталому, въ собственной своей квартирѣ хоть ночью покой то имѣть... Желанье законное! Ха!

— Федоръ Ивановичъ, мнѣ очень больно... И ты это напрасно... пролепеталъ Ключаревъ дрогнувшимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

Но Рощинъ ужъ всталъ и, засвиставъ, принялся прохаживаться.

Ключаревъ помрачнѣлъ, а чрезъ нѣсколько времени тоже всталъ, и исчезъ. Вернулся онъ подъ вечеръ и сейчасъ-же началъ укладывать свои чемоданы. Федора Ивановича не было дома. Онъ явился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда послѣдній ремень былъ застегнутъ.

— Это что? спросилъ онъ.

Ключаревъ, весь багровый, точно преступникъ, уличенный на мѣстѣ, объяснилъ, запкаясь и путаясь, что такъ какъ онъ дѣйствительно видитъ, что Федору Ивановичу онъ часто мѣшаетъ, то вотъ и пошелъ... словомъ, нанялъ отдѣльно... что, набо-

пецъ, онъ дѣйствительно видѣть, что ему пора заниматься... чтобы онъ не сердился... что, словомъ, онъ переѣзжаетъ на другую квартиру.

Прощанье вышло натянутое. Этого требовали обстоятельства, но каждый изъ нихъ понималъ, что эта натянутость прикрываетъ только довольство другъ другомъ и что имъ обоимъ будетъ теперь только легче. Слово у нихъ одновременно лопнуло въ груди какой-то нарвѣ.

Конечно, совсѣмъ не имѣлось въ виду разрывать между собой отношенія.

Черезъ нѣсколько же дней, Роцинъ первый сдѣлалъ визитъ кузену въ новомъ его помѣщеніи—одной изъ *chambres garnies* на Невскомъ проспектѣ. Онъ замѣтилъ, что тотъ въ это короткое время успѣлъ уже значительно эмансипироваться и держалъ теперь себя съ Роцинымъ независимо, какъ добрый товарищъ. Ѳедоръ Ивановичъ бросилъ свой менторскій видъ и принялъ ту свисходительную интонацію, съ нѣкоторымъ отѣнкомъ насмѣшливости, которая бываетъ у старшихъ въ обращеніи съ бывшимъ питомцемъ, незахотѣвшимъ болѣе быть въ подчиненіи... Осматривая критическимъ окомъ обстановку меблированной комнаты, носившей шаблонный видъ всѣхъ меблированныхъ комнатъ средней руки, съ поползновеніями казаться изящной, съ пожелтѣвшими гардинами оконъ, выходящихъ на грязный дворъ, съ простѣлочнымъ зеркаломъ, на полочкѣ котораго стояли, давпо уже застрявшіе на половинѣ второго, часы, съ бронзовой нимфой, и лежали подтяжки хозяина, съ полинялымъ турецкимъ диваномъ, гдѣ валялись литографированные листы какого-то «Права», перебитые въ складкахъ заношенной крахмальной сорочки,—Роцинъ сквозь зубы цѣдилъ: «недурно, недурно», съ видомъ, который высказывалъ: «ладно, ладно, посмотримъ, что будетъ дальше, а все-таки теперь мое убѣжденіе, милый мой, таково, что пропасть тебѣ безъ меня!»

Такъ какъ Ключаревъ продолжалъ все жуировать, то часто его кузену случалось не заставить дома хозяина. Онъ преспо-

койно ложился на диванъ, въ ожиданіи его, и отъ нечего дѣлать, прислушивался къ шагамъ и хлопанью дверей, въ количествѣ приблизительно дюжины, выходявшихъ въ корридоръ, длинный и мрачный какъ катакомбы, въ разныхъ пунктахъ котораго то и дѣло слышались возгласы: «Марья, Марья!» и на нихъ эхомъ прокатывались, откуда-то изъ глубины корридора, отклики день-деньской разрывающейся на всѣ комнаты Марьи: «Сейча-а-сь!» Если Рощину надоѣдало лежать, онъ вставалъ, кликалъ Марью, и приказывалъ за счетъ Ключарева подать себѣ завтракъ...

— Каково шалберничать изволите? — былъ обыкновенно первый вопросъ его Сережѣ.

Свиданіе скоро кончалось.

На прощанье, подавая руку кузену, Рощина какъ будто что-то вспомнивъ, небрежно ронялъ: «Чуть не забылъ... Не богатъ ли ты деньгами?—Тутъ онъ зѣвалъ и потягивался, а потомъ прибавлялъ:—Пустяки... рублей пять?

И, получивъ, говорилъ:

— Что-жъ ты ко мнѣ-то?... Захаживай, какъ нибудь...

Въ теченіи этого періода времени, какъ кузены расселились отдѣльно, нашъ провинціалъ настолько уже культивировался въ нашей столицѣ, что чувствовалъ себя повсюду легко и свободно. Но за то стоило имъ только встрѣтиться другъ съ другомъ, какъ Ключаревъ моментально начиналъ ощущать надъ собой то давленіе болѣе сильнаго на болѣе слабого, которое всегда лежало въ отношеніяхъ кузеновъ. Федоръ Иванычъ самъ хорошо это зналъ и не допустилъ бы мысли потерять когда нибудь передъ родственникомъ свой престижъ...

Однако это отступленіе затянулось до того неопозволительно длительно, что авторъ долженъ самъ себя дернуть за фалду и приступить къ новой главѣ.

III.

Въ ресторанѣ. — За бутылкой.

А тѣмъ временемъ завтракъ поспѣлъ, причемъ бифштексъ Ѳедора Ивановича даже и пережарился, за что тотъ, брезгливо снимая перчатки, крѣпко выбранилъ прислуживавшаго имъ человѣка во фракъ и зеленомъ передникѣ, а затѣмъ оба съ Ключаревымъ погрузились въ ѣду.

Брызнуло солнце и заиграло блестящими пятнами на посудѣ и мебели... Ключаревъ, жмурясь, передвинулся въ сторону отъ свѣтоваго столба, ударившаго прямо въ его румяное лицо, на которомъ золотился пушокъ, какъ на персикѣ. Рощинъ сидѣлъ въ тѣни, и теперь его щеки были блѣдно-зеленыя и морщины выступали отчетливѣе.

Позавтракали.

— Я полагаю, слѣдуетъ выпить? предложилъ Ключаревъ.

— Сужденіе вполне основательное! одобрилъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Чего-бы?.. Что ты скажешь насчетъ краснаго вина... Хоть лафиту, что-ли... а?

— Благословляю!

— Бутылочку, да?.. Эй, человѣкъ!

Оба они сидѣли въ благодушно-созерцательномъ настроеніи людей поѣвшихъ съ аппетитомъ. Теперь поѣтителей значительно поумельшилось, но все-таки столики въ ресторанѣ всѣ были заняты. За однимъ изъ ближайшихъ, у другаго окна, сидѣлъ толстый старикъ, передъ кружкой пива, и читалъ номеръ «S.-Petersburger Zeitung». За другимъ, у стѣны, завтракалъ высокій господинъ, съ благороднымъ выраженіемъ на красномъ, хотя и сильно потертомъ лицѣ. Рощинъ машинально слѣдилъ, какъ онъ деликатно, чуть прикасаясь, дѣйствовалъ ножомъ и вилокъ, красиво поднося куски мяса ко рту и безпрестанно утираясь салфеткой, съ какою то граціозной брезгливостью. Ключаревъ глядѣлъ въ окно, изъ-за котораго вид-

нѣлась длинная масса Гостиваго двора, съ мелькающими подъ его колонадой прохожими, съ торговцами почтовой бумагой, грецкими губками и сладкой халвой, пріютившимися со своими лотками подъ арками, и съ развѣвающимися тамъ и сямъ связками воздушныхъ шаровъ, похожими на гигантскіе гроздья красной смородины. Ему какъ разъ теперь пришло въ голову это сравненіе воздушныхъ шаровъ съ красной смородиной. Рядомъ съ этимъ въ его головѣ шла посторонняя мысль.

Встрѣтившись давеча въ Пассаждѣ съ кузеномъ, онъ проляля въ душѣ этотъ случай—и предложилъ ему съ собою позавтракать только по своему добродушію. Что Федоръ Иванычъ видѣлъ его экивоки передъ цвѣточницами—въ этомъ Ключаревъ былъ увѣренъ, а также и въ томъ, что Федоръ Иванычъ не премпнетъ на этотъ счетъ надъ нимъ позубоскалить и, какъ всегда, прочтаетъ мораль. «И на кой лядъ я его притащилъ?—какая уже нѣсколько разъ юноша, улетая свой завтракъ. Въ силу этой увѣренности въ неизбѣжности объясненія, онъ и раскутился на бутылку вина, въ расчетѣ задобрить кузена. «Или самому развѣ ему все рассказать?» думалъ онъ теперь, глядя въ окно. «Что, въ самомъ дѣлѣ, боюсь я что-ли его!»

Какъ разъ въ эту минуту, Рошинъ предупредилъ его намѣреніе, разливъ изъ принесенной бутылки вино и, протягивая свой стаканъ, чтобы чокнуться съ Ключаревымъ, сказалъ:

— За успѣхи въ твоихъ сердечныхъ дѣлахъ!

Юноша по обыкновенію вспыхнулъ, а кузень, не давая ему опомниться, хитро подмигнулъ и продолжалъ:

— Нечего, нечего краснѣть-то! Все видѣлъ! Что, небось отопрешься?

— Я и не думаю совсѣмъ отпираться, пробормоталъ Ключаревъ.

— Да и не можешь!.. Ахъ, ты, сердцеѣдъ! Каковъ? Его тутъ все время дѣвницей красной считали, а онъ пзголите видѣть, какія штуки отмачиваетъ... Молодецъ! Молодецъ! Совершенствуешься!

Кузень начиналъ зубоскалить. Ключаревъ почувствовалъ

желаніе его офраппировать. Онъ дернулъ плечомъ и, съ небрежной усмѣшкой записнаго ловеласа, сказалъ:

— Я не знаю, за кого ты меня прежде считалъ, и, признаться, мнѣ это совсѣмъ безразлично... Мнѣ только кажется страннымъ и даже забавнымъ (извини меня!) твое удивленіе такимъ вещамъ, которыя другимъ, и мнѣ самому, кажутся совершенно естественными...

— Экъ выпалилъ! Да чего же ты разсердился-то? Ха-ха-ха!.. Ну, чего ты, чего ты? Ха-ха-ха! потѣшался надъ нимъ Оедоръ Иванычъ.

Ключаревъ опять дернулъ плечомъ и на этотъ разъ отвернулся, съ миной, которая говорила: «Какъ это глупо!»

Рощинъ слѣдилъ за нимъ смѣющимися глазами, потомъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и произнесъ солидно и съ разстановкой:

— Какой ты наивный еще! (Онъ вздохнулъ съ оттѣнкомъ почти сокрушенія). И какъ тебя легко разсердить!..

— Нисколько! горячо подхватилъ Ключаревъ.—Только мнѣ не нравятся... Хочешь, хочешь, я скажу тебѣ сейчасъ откровенно, что въ тебѣ мнѣ не нравится?.. Этотъ вотъ самый твой тонъ, эти постоянныя насмѣшки надъ моею молодостью и неопытностью, точно ты мой опекунъ и обязанъ слѣдить за моею нравственностью, точно ты видишь во мнѣ какого-то заблудшаго человѣка, который можетъ дѣлать только дурное... Вѣдь вотъ и теперь, я увѣренъ, ты будешь меня сейчасъ распинать за эту модистку... Я знаю! Между тѣмъ какъ еслибы ты зналъ...

— Да полно, Христось съ тобой, что ты! Экъ раскипятился! Ну, помилуй, скажи, какъ же ты еще не ребенокъ? Успокойся пожалуйста. «Распинать за модистку»... Ха-ха! Экій чудакъ! Да помилуй, я тебя одобряю, мнѣ пріятно, что у тебя такой изящный вкусъ... Серьезно, серьезно тебѣ говорю! Вѣдь она преникавтная дѣвочка! Право! Злодѣй эдакій...

Юноша слушалъ эту тираду, какъ звуки мелодической музыки. Этотъ потокъ одобреній былъ для него совершеннымъ

сюрпризомъ. Весь багровый отъ удовольствія, съ распутившейся по лицу блаженной улыбкой, онъ воскликнулъ, сверкая глазами:

— Вѣдь правда, премиленькая!

— Роскошная дѣвочка!

— И вѣдь что еще въ ней, ты не знаешь! все болѣе закипалъ Ключаревъ.—Что особенно въ ней такъ мнѣ нравится! Эта, знаешь, ея чистота какая то дѣтская, это... это...

— Ну, чистота... хмъ! Конечно, опрятность — хорошая вещь... А ты вотъ мнѣ лучше скажи: у васъ ужъ покончено? Ну, тово... понимаешь? Самое главное!

— Ой, что ты! Вѣдь мы только недавно...

— Э-э, а я уже думалъ... разочарованно протянулъ Федоръ Иванычъ; такъ, значитъ, еще пока у васъ въ сухомъятку?.. Чего-жь ты зѣваешь? Э-эхъ ты! Охалалей!

Съ этимъ восклицаніемъ, произнесеннымъ съ дружеской фамильярностью, Федоръ Иванычъ щипнулъ повыше локтя руку кузена, который, облокотившись на столъ, взволнованно тербилъ споникъ спичекъ, высовывающихся изъ фаянсовой спичечницы,—и въ ту же минуту юноша почувствовалъ, какъ его сердце устремилось къ кузену, и онъ опять по рукамъ и ногамъ въ его власти, какъ въ то недавно-прошедшее время, когда онъ, тогда еще робкій провинціальный дигарь, поучался изъ устъ своего пѣстуна тайнамъ питерской жизни... За это время у него накопился большой запасъ секретовъ, которые, бродя одиноко, саднили своею невысказанностью его расплывчатую душу... Теперь его охватила neodолимая потребность взглянуть.

— Ахъ, какой ты! воскликнулъ онъ съ жаромъ;—какъ право, ты можешь такъ... Тутъ совсѣмъ не въ томъ штука!

Федоръ Иванычъ подмигнулъ съ добродушнымъ лукавствомъ.

— Ну, ну, ужъ расскажи, расскажи свою тайну! Вижу вѣдь, что подѣлится тебѣ хочется—смерть... Какъ же ты это съ ней? Любопытно!

Юноша покраснѣлъ еще больше.

— А въ самомъ дѣлѣ, хочешь я тебѣ расскажу? воскликнулъ онъ, и глаза его засвѣтились удовлетвореннымъ тщеславіемъ.—Только ты, слушай, не смѣйся пожалуйста...

Онъ подвинулся со стуломъ ближе къ столу, облокотился на него обѣими руками и, метнувши головой во всѣ стороны, какъ это дѣлаютъ всѣ, когда желаютъ, чтобы то, что должно быть рассказано, не могло долетѣть до постороннихъ ушей,— началъ:

— Видишь-ли, какъ я съ ней познакомился... Слушай!

(NB. Собственно, тутъ бы мнѣ слѣдовало привести цѣлкомъ рассказъ Ключарева, тѣмъ болѣе, что это входитъ въ цѣпь матеріала, изъ котораго состоитъ моя эпопея — но надо признаться, что я затрудняюсь, по многимъ причинамъ. Во первыхъ, рассказъ вышелъ бы длиненъ и непременно наскучилъ читателю, тѣмъ болѣе, что вся исторія не заключала въ себѣ никакихъ оригинальныхъ подробностей, принадлежа къ числу тѣхъ банальныхъ интрижекъ между петербургскимъ юношей и модисткой изъ магазина, которыя въ массѣ разыгрываются подъ стеклянными сводами галлерей Пассажа. Все это было очень несложно, но выходило длинно и сбивчиво, благодаря тому, что рассказчикъ обременялъ главную суть массой ненужныхъ подробностей, возвращался назадъ, повторялся, тонулъ въ лирическихъ отступленіяхъ и проч. Единственное, что было оригинальнаго во всей этой исторіи, это только то, что подкладка ея была совсѣмъ платоническая...).

Еслибы Ключаревъ былъ понаблюдательнѣе, то онъ замѣтилъ бы, что кузень слушаетъ его рассказъ съ выраженіемъ далеко несоотвѣтствующимъ одушевленію рассказчика. Съ первыхъ же словъ Рощинъ принялся слушать въ пол-уха. Онъ даже два-три раза легонько зѣвнулъ, украдкой отъ Ключарева, въ задонъ.

Толстый старикъ у окна весь ушелъ въ свою газету, сидя какъ каменный. Господинъ съ благороднымъ выраженіемъ лица кончилъ свой завтракъ и, откинувшись на спинку стула, во-

вырвалъ въ зубахъ. Передъ нимъ, изогнувшись, стоялъ слуга, держа въ рукахъ широкій ящикъ съ отдѣленіями, по которымъ были разложены сигары. Не выпуская изо-рта зубочистки, господинъ перебиралъ ихъ одну за другою, подносилъ къ носу и бросалъ съ отвращеніемъ.

— Дрянь! Эта?

— Эта въ двадцать-съ, пояснилъ человекъ, выжидательнымъ взглядомъ впиваясь въ глаза господина.

— Хм... Точно капуста. Я вѣдь сказалъ, поважи мнѣ порядочную.

— Самыя лучшія-съ.

— Хм... А кромѣ этой дряни, у васъ больше нѣтъ?

— Богъ эти-съ, на пятьдесятъ.

— Хм...

Господинъ медленно вынулъ одну изъ указанныхъ, осмотрѣлъ подозрительно, сръзалъ кончикъ, зажегъ и, очевидно удовлетворенный, съ полузакрытыми глазами, погрузился въ куреніе.

А Ключаревъ изливался... Щеки его теперь были совсѣмъ пурпуровыя, а глаза горѣли, какъ двѣ звѣзды. Право, Федоръ Иванычъ напрасно думаетъ, что на Дуню (ее зовутъ Дуней) можно смотрѣть какъ на какую нибудь въ родѣ «этихъ дѣвчонокъ»... Дуня совсѣмъ не такая! Удивительно даже, какъ еще она можетъ жить въ магазинѣ! Такъ жалко ее! Еслибы онъ зналъ, какая Дуня уменькая, какъ она всѣмъ интересуется, какъ она любитъ читать, какъ ей хочется развиваться— и вотъ она принуждена корпѣть надъ работою, въ родѣ какихъ нибудь глупыхъ цвѣтовъ... Не ужасно все это?!

Ключаревъ хлопнулъ кулакомъ по столу. Федоръ Иванычъ на минуту вскинулъ глаза на одушевленное лицо юноши и тотчасъ же медленно перенесъ ихъ на свой прежній пунктъ наблюденія—на господина съ благороднымъ лицомъ, погруженного въ куреніе сигары. Онъ и на него смотрѣлъ также разсѣянно. Въ сущности, ни до этого господина, ни до «уменькой» Дуни ему не было дѣла... А между тѣмъ, помню

его воли, рассказъ Ключарева будилъ въ его головѣ рой совсѣмъ постороннихъ, не относящихся къ этому рассказу мыслей, и въ душѣ его возникала и ширилась давняя, застарѣлая боль, которую онъ заглушалъ, но она иногда на зло ему принималась саднить его грудь... Онъ никогда никому не повѣрялъ тайны существованія недуга. Это было все тоже, что онъ испытывалъ въ послѣднее время своего сожителства, съ провинціальнымъ кузеномъ и что встало между ними истинной причиной разлада. Съ тѣхъ поръ, какъ они расселились по разнымъ квартирамъ, оно въ немъ заглохло и вотъ теперь опять начало ныть все сильнѣй и сильнѣй. Теперь лицо его словно окаменѣло, и углы губъ опустились книзу и застыли въ какомъ-то жестокомъ и зломъ выраженіи...

А Ключаревъ, между тѣмъ, въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, продолжалъ наносить ему ударъ за ударомъ.

— У Дуни, представь, есть уже два жениха. Она мнѣ про нихъ говорила. Одинъ—какой-то канцелярскій чиновникъ и, кажется, порядочный паренъ, другой—я не помню... Даже раньше за нее уже сватались, лабачникъ, что-ли, какой-то... Свой домъ на Пескахъ! «Ни за кого, говорить, не пойду, ни за что, хоть отъ матерп сбѣгу, а этого не будеть!» А ужъ какъ ее мать этими женихами пилить, просто ей, бѣдняжкѣ, житья нѣтъ! Она, знаешь, съ характеромъ... Все моей фотографической карточкѣ просить. Хочу на дняхъ сняться. «Снимись, говорятъ, для меня въ медальончикѣ, я для него, говорить, куплю цѣпочку и буду носить на груди»... Свою карточку она мнѣ дала... Показать?

Федоръ Ивановичъ не отвѣчалъ. Въ эту минуту онъ молча смотрѣлъ на кузена, который досталъ бумажникъ и торопливо рылся въ его отдѣленіяхъ, доставая Дунину карточку. Все разгорѣвшееся яркимъ румянцемъ, съ правильными, мягкими линіями и волною русыхъ кудрей, освѣщенное сбоку золотымъ лучемъ солнца, лицо юноши въ эту минуту было прелестно, какъ лицо Адониса... И какъ разъ тутъ возникъ въ памяти Рошина одинъ случай, бывшій съ нимъ однажды, въ эпоху

студенчества. Случай былъ самый ничтожный, но воспоминаніе о немъ залегло въ его душѣ глубоко. Какъ-то разъ онъ шелъ тоже по верхней галлерей Пассажа, мимо окна, за которымъ работала недуренькая дѣвушка. Только та была блондинка. Онъ проходилъ замедленнымъ шагомъ, смотря на нее, и замѣтилъ, какъ она подняла голову. Онъ пріостановился и послалъ ей поцѣлуй на кончикахъ пальцевъ. Она продолжала смотрѣть на него въ теченіи секунды, потомъ ея губы раздвинулись и, сдѣлавъ презрительную гримаску, она опять наклонилась къ работѣ... Только и было всего, но эта гримаска поразила его въ самое сердце. Онъ отошелъ отъ окошка, какъ ошельмованный, и, придя къ себѣ, остановился передъ зеркаломъ... Оттуда взглянуло на него отраженіе лица, банальнаго типа, съ землистымъ оттѣнкомъ... Онъ долго его созерцалъ и чувствовалъ, какъ въ груди его шевелятся змѣи...

Это воспоминаніе молніей пронеслось въ его головѣ. На смѣну ему стало выступать-было другое, но въ эту минуту кузень протянулъ ему Дунину карточку, сказавши:

— Гляди!

Какимъ путемъ появляются въ какой нибудь забитой мелкочиниовничьей или заплывшей жпромъ купеческой средѣ красивыя лица съ тонкими чертами—также трудно рѣшить, какъ и указать происхожденіе какого нибудь роскошнаго цвѣтка, выросшаго въ грязной канавѣ, среди чертополоха, крапивы и всяческой сорной травы. Личико Дунини невольно наводило на подобное сравненіе. Строго говоря, его далеко нельзя было назвать правильнымъ, но за то въ немъ было что-то такое, что сразу должно было его выдѣлять изъ массы просто-хорошенькихъ лицъ. Нѣсколько вздернутый носикъ и одна непокорная прядка волосъ, волнистымъ завиткомъ сбѣгавшая на лобъ, придавали личику дѣвушки нѣчто зазорное, тогда какъ въ глазахъ ея было то нѣжно-робкое выраженіе, которое лежитъ въ глазахъ лавы, а губы были сложены совершенно по дѣтски. Все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе чего-то хрупкаго и цѣломудреннаго, однимъ своимъ видомъ импонирющаго всеяую

попытку на оскорбленіе, пли той «чистоты», о которой такъ горячо говорилъ Ключаревъ... На оборотѣ портрета было написано: «Милому Сережѣ отъ любящей Дуни».

— А вотъ я тебѣ еще покажу, какъ она пишетъ!—опять воскликнулъ юноша, доставая изъ бумажника вторую свою драгоценность. Онъ теперь весь пылалъ въ увлеченіи открытости. На этотъ разъ въ рукахъ у него оказалось письмо, которое онъ и передалъ Рощину, сказавши:

— Можешь прочесть!

Письмо было отъ Дуни и написано тѣмъ ребячески-старательнымъ почеркомъ, который бывасть у недавно начавшихъ писать. Однако грамматическихъ ошибокъ было немного, а орфографическихъ почти совсѣмъ не встрѣчалось, что, очевидно, долженъ былъ оцѣнить Федоръ Ивановичъ. Въ немъ Дуня объясняла «Сережѣ», почему она не могла придти къ нему вечеромъ, какъ обѣщала. Къ матери, какъ на зло, принесла Катину тетку, такъ что солгать уже было нельзя. «Я весь вечеръ тогда мучилась, все думала: вотъ мой Сережа сердится, а я не виновата. Долго съ вечера не могла заснуть и все объ этомъ думала, а восняхъ тебя видѣла. Все у меня было въ головѣ, какъ ты пройдеши завтра мимо нашего магазина и будешь сердитый, тогда у меня цѣлый день будетъ сердце болѣть».

И это письмо, какъ и карточку, Рощину молча возвратилъ Ключареву. Онъ не глядѣлъ на него, а все также, по прежнему, созерцалъ господинна съ благороднымъ лицомъ. Тотъ все продолжалъ курить свою сигару, но кромѣ того передъ нимъ стояла теперь бутылка вина, которое онъ медленно прихлебывалъ изъ большой зеленой рюмки. «Рейнвейнъ пить, каналья!»—безотчетно подумалось Рощину, между тѣмъ какъ глаза его по прежнему машинально изучали нѣкоторыя подробности его туалета. Жакетъ и панталоны, изъ одноцвѣтной матеріи, были сшиты, должно быть, хорошимъ портнымъ, но далеко уже не первой молодости. При внимательномъ наблюденіи, и сапоги представляли изъянъ, особенно правый, что

было замѣтно, когда пхъ владѣлецъ клалъ ногу на ногу: сбоку коварно свѣтилась бѣлая дырочка... Этотъ господинъ сидѣлъ все по прежнему, съ полузакрытыми глазами, и на благородномъ лицѣ его покоилась какая-то тихая и глубокая дума. Ее вѣроятно на него навѣвалъ дымъ ароматной сигары, которою онъ затягивался въ перемежку съ прихлебываньемъ дорогого вина. У кисти руки, подносившей къ губамъ рюмку зеленого стекла, виднѣлась манжетка, подозрительной чистоты... «А еще рейнвейнъ лакаетъ, мерзавецъ!» — опять ругнулъ его мысленно Роцинъ, все также безотчетно, какъ безотчетно онъ его наблюдалъ, потому что въ головѣ его проходило совершенно другое. Тамъ проходило личико съ вздернутымъ носикомъ и задорной прядкой волосъ; оно неотвязно мерещилось, и неотвязно мерещилась послѣдняя любовная фраза письма, обращенная къ «милому Серезѣ»... А въ груди все сплывъ и сильнѣй саднило давшнее проклятое чувство, которое теперь Роцину не давало покоя...

— Видишь-ли, кто эта Катина тетка, — объяснялъ между тѣмъ Сереза, спрятавъ обѣ свои драгоценности обратно въ бумажникъ. — Надобно тебѣ сказать, Дуня у меня можетъ бывать только вечеромъ, и матери она всегда говоритъ, что была у подружки... Эта-то вотъ самая Катя и есть... Иначе нельзя ей, ты понимаешь... Ужъ чего лучше, даже и мнѣ приходится врать! Хозяйка нашихъ меблированныхъ комнатъ ужасно какая-то... Чортъ ее знаетъ! Нравственность ее заѣла! Представь, что она терпѣть не можетъ пускать къ себѣ молодыхъ холостяковъ, на томъ, видишь-ли, основаніи, что они всѣ безобразники и непременно будутъ водить къ себѣ дѣвочки... Родственницу тамъ, сестру принять еще можно, только ужъ насчетъ чего нибудь эдакаго — упаси Господи! Съ квартиры прогонить! Поэтому Дуню мнѣ приходится выдавать за сестру... Только ты пожалуйста, ради Бога, не думай, чтобы я позволялъ себѣ съ нею что нибудь эдакое... Ничего сквернаго, ни-ни-ни! Придетъ это она, я велю подать самоваръ... Она чай разливаетъ... Сидимъ, разговариваемъ... Анекдоты тамъ какіе

нибудь, или она расскажетъ, что прочитала... А не то сидимъ оба съ ней на диванѣ и молчимъ, и, право, такъ обонимъ намъ хорошо! Головку она на плечо мнѣ положитъ, а я ее рукой обовью, и сидимъ такъ... Право! Ты не смѣйся пожалуйста! Это когда уже совсѣмъ не о чемъ намъ говорить... А то у насъ бывають очень долгіе разговоры. Ей обо всемъ хочется знать. Ну, и рассказываешь, что отъ гимназіи еще уцѣлѣло, изъ исторіи тамъ, что-ли... А то иногда вслухъ ей читаю! Она много уже прочитала. Давалъ я ей Гоголя, Гончарова, Тургенева... Писарева далъ ей на дняхъ...

— Что тако-ое?!—встрепенулся въ первый разъ тутъ Федоръ Ивановичъ, вытаращивъ въ самомъ искреннемъ изумленіи глаза;—какъ, какъ ты сказалъ?

— Ну, чего, какой ты, право... Ну, что-жь... Ну, Писарева... Что-жь?

— Ха-ха-ха, такъ и залился Федоръ Ивановичъ громкимъ, почти до истерички, хохотомъ на весь ресторанъ. Онъ даже упалъ головою на столъ.

Старикъ, у окна, подвигъ глаза отъ газеты. Господинъ съ благороднымъ выраженіемъ лица не донесъ до рта свою рюмку и тоже смотрѣлъ на него строгимъ взглядомъ.

IV.

Въ ресторанѣ.—Исповѣдь юнаго сердца.

— Ха-ха-ха! покатывался между тѣмъ Федоръ Ивановичъ.— Ой, умру!... Ха-ха-ха!... Но это прелестно... Ха-ха-ха! Неподражаемо!... Юноша! Я тебя узнаю... Ха-ха-ха! Вотъ такъ утѣшилъ!!

Онъ утеръ заслезившіеся отъ смѣха глаза. Сережа съ ошеломленнымъ видомъ смотрѣлъ на него, не въ состояніи промолвить ни слова.

— Такъ Писарева? А? Ха-ха-ха! не унимался Федоръ Иванычъ.— Нѣтъ, ты совсѣмъ прелесть, ей-Богу! Тебя за деньги показывать! Представляю поэтическую картину: тихій вечеръ... самоваръ на столѣ... на диванѣ студентъ и гризетка, невпивно обнявшись... головка ея у него на плечѣ (кажется, такъ ты сказала)—и толкуютъ о книжкахъ... И добро-бы, какой нибудь тамъ «Рокамболь», «Двѣнадцать шпагъ дьявола» — куда ужъ не шло! А то, извольте видѣть—Писаревъ! Пи-са-ревъ!! О, силы небесныя! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Рощинъ смѣялся теперь тѣмъ деревяннымъ, насильственнымъ смѣхомъ, подъ которымъ скрывается злость. Онъ видѣлъ отлично, что его насмѣшки производятъ на Ключарева дѣйствіе холодной воды, и наслаждался... Юноша сидѣлъ съ мрачнымъ видомъ, быстро смѣнявшимся давишее выраженіе самодовольнаго оживленія, и не смотрѣлъ на кузена. Онъ былъ огорченъ.

Федоръ Иванычъ вдругъ пересталъ хохотать и сказалъ совсѣмъ другимъ тономъ, дотрогиваясь до руки Сережи:

— Прости. Но, право, я не могъ удержаться... Ты на меня разсердился?

— Нисколько. Я только злюсь на себя, что не умѣю держать языкъ за зубами... Можетъ быть, я дѣйствительно глупъ!

— Ты напрасно капришься... Только, видишь-ли, по нынѣшнимъ временамъ, это ужъ очень наивно. Нѣтъ, ты положительно человѣкъ не отъ міра сего, какъ я посмотрю! Кто-бы другой придумалъ такой путь оболъщенія?

— Опять «оболъщеніе»! Кто тебѣ сказалъ, что тутъ оболъщеніе? Эхъ! Да ужъ что гозорить!... Мы съ тобой не сойдемся!

Онъ махнулъ рукой, обловотился и мрачно повикъ надъ столомъ.

Федоръ Иванычъ пытливо его наблюдалъ. Сережа вдругъ замкнулся въ себѣ, и его двоюродный братъ, привыкшій его видѣть насквозь, понялъ, что съ юношей начинается происходить что-то новое, которое мучить его и требуетъ изліянія, но онъ только крѣпится.

Рошинъ взялся за бутылку, чтобы налить свой стаканъ, но она оказалась пуста.

— Трущъ! Это жаль...

Сережа медленно поднялъ глаза.

— Хочешь еще? Выьемъ!

— Не прочь.

— Выьемъ!!—треснулъ по столу кулакомъ Ключаревъ.— Выьемъ, чортъ побери! (Онъ рѣшительно позвонилъ). Только не это, другаго чего... Хочешь нюхъ?

— Ого, это ты съ чего-же раскутился-то? Денегъ, что-ли, много?

— Мать вчера прислала... (Онъ хлопнулъ рукой по боковому карману). Да это все равно... Я хочу напиться!

Когда вино принесли, онъ налилъ стаканы, залпомъ отпилъ изъ своего почти половину, облокотился на столъ, повѣсилъ голову на руку и зацѣпился опять въ своей думѣ.

Наступило молчаніе. Федоръ Ивановичъ не прерывалъ его. Онъ медленными глотками, смакуя, прихлебывалъ вино, откинувшись на спинку стула, и не спуская глазъ наблюдалъ Ключарева. Въ этомъ застывшемъ взглядѣ было столько глухой, сосредоточенной ненависти. что еслибы тотъ въ эту минуту поднялъ глаза, онъ можетъ быть инстинктивно угадалъ бы, что происходитъ въ сердцѣ кузена, и пожалѣлъ бы, что поторопился своими признаніями..

Впрочемъ, пѣтъ, врядъ-ли бы онъ угадалъ. Для этого ему слѣдовало бы знать своего родственника хотя на половину такъ, какъ тотъ зналъ его, и сумѣть разобраться въ хаосѣ тѣхъ мелкихъ до неуловимости мыслей и ощущеній, которыя во все это время смутно бродили въ немъ и достигли теперь своего апогея.

Это было все то же ноющее, глухое и темное чувство, составленное изъ мелкой зависти и сознанія безсилія, которое обуревало его въ послѣднее время его совмѣстнаго жительства съ провинціальнымъ кузеномъ и будило всю застарѣлую желчь засушившаго себя человѣка, при видѣ вѣчно веселой, ликую-

щей праздности, кипѣнія юныхъ силъ, жизни посредствомъ всѣхъ поръ организма, откликающагося на всѣ наслажденія, пользующагося ими какъ должнымъ, необходимымъ, естественнымъ, дающимся сразу, безъ трудовъ и усилій и не оставляющимъ послѣ себя ни угрызений, ни горечи. Вѣроятно, нѣчто подобное долженъ чувствовать каждый кастратъ при видѣ влюбленныхъ... «И за что, почему ему легко такъ дается? Гдѣ эти заслуги? Смазливая рожа, здоровье, да легкомысліе... И вѣдь пусть, пошлѣ при этомъ, какъ больше нельзя быть... Онъ наблюдать уставившаго съ мрачнымъ видомъ въ одну точку глаза Ключарева и продолжалъ размышлять съ все болѣе и болѣе закипающей злобой: «Скажите пожалуйста, какъ жись, вѣдь страдаетъ... Неземную любовь какую-то себѣ отыскалъ и лихомонію разводить... Чистое, идеальное чувство, изволите видѣть, осквернили грубымъ прикосновеніемъ грязной руки... Ну, какъ-же не мучиться?!.. Ахъ, ты, семяць проклятый!»... Въ его воображеніи нарисовалась картина платоническихъ отношеній Дуни къ Сережѣ, какъ тотъ самъ описалъ ихъ. Самоваръ кипитъ на столѣ, а на диванѣ влюбленная пара, воркующая о книжкахъ... Ему представилась эта самая Дуня, страстными глазами врывающаяся въ «милаго Сережу». — «То-то, должно быть, передъ нимъ преклоняется! Идеаль вѣдь! Красавецъ и умница! Ха! Все такія хорошія книжки даетъ, такія все умныя слова говорить... А тотъ-то таесть, дуракъ!»...—И его охватила вдругъ ненависть къ Дунѣ, острая, жгучая ненависть, и, рядомъ съ этимъ, желаніе сдѣлать ей вредъ, насмѣяться надъ ней, оплевать, насмѣяться надъ всей этой невинной любовной идилліей...

Сережа сидѣлъ по прежнему мрачный. Федоръ Ивановичъ наполнилъ виномъ его опустошенный стаканъ, долилъ себѣ и пробудилъ его вопросомъ:

— Ну, а что твоя Люба?..

Онъ попалъ, что называется, въ центръ. Онъ чутьемъ угадалъ, что вопросъ его коснулся прямо предмета теперешнихъ думъ Ключарева. Послѣдній поднялъ глаза и остановилъ

на кузенѣ долгій, медлительный взглядъ—тотъ, нѣсколько отупѣлый и влажный взглядъ, который бываетъ у захмѣлѣвшихъ людей. Вино ему бросилось въ голову.

— Да ты задремалъ, что-ли? Не слышишь?.. Выпьемъ.

— Нѣтъ... Я слышу!.. Выпьемъ!

Онъ испустилъ тяжкій вздохъ, чокнулся съ Рощинымъ и хватилъ залпомъ опять пол-стакана.

— Ого, ты, я вижу, и въ самомъ дѣлѣ хочешь напиться!.. Это чего ради?.. а?

Юноша, не отвѣчая, выпилъ до дна, стукнулъ съ силой стаканомъ и поникъ надъ нимъ головою.

Рощинъ пронзительно смотрѣлъ на него, глазъ не спуская.

— Что за горести, а?.. Да что съ тобой, а?..

— Со мной ничего... Что тебѣ говорить?.. Развѣ ты можешь?.. Ну, положимъ, если и такъ?.. Нѣтъ-же вотъ, ничего не скажу!!

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, съ послѣднимъ напряженіемъ воли противостоять искушенію излиться.

— Какъ знаешь... Я своего участія никому не навязываю,— молвилъ холодно Рощинъ.

Ключареву показалось, что онъ оскорбился. Это прорвало плотину.

— Не сердись пожалуйста на меня, Федоръ Ивановичъ! Ей-Богу, мнѣ скверно! Еслибъ ты зналъ... Право, ты пожалѣлъ бы меня! Почему я сначала тебѣ не хотѣлъ говорить? Мы съ тобой совсѣмъ разные люди. У тебя все идетъ какъ-то такъ гладко, точно по маслу; не знаю, какъ ты это дѣлаешь... Ты съ характеромъ, ты съ огромнымъ характеромъ! А я чортъ знаетъ что! Иной разъ думаешь сдѣлать чтонибудь хорошо, а выходитъ нелѣпость! И почему это такъ?.. Вѣдь вотъ, я знаю, если теперь я тебѣ расскажу, что со мной, ты будешь смѣяться... Ну, и смѣйся! Чортъ съ тобой, смѣйся!..

— Почему-же ты думаешь, что я непременно буду смѣяться? серьезнымъ тономъ спросилъ его Рощинъ.

Юноша находился теперь въ томъ первомъ градусѣ опя-

нѣнія, которое выражается различно у разныхъ людей: одни озлобляются, замыкаясь въ себѣ, другіе готовы броситься на грудь всему міру и вывернуть на изнанку всю свою душу. Глаза Сережи были совсѣмъ влажны отъ стоявшихъ въ нихъ слезъ...

Теперь клапанъ раскрылся, и никакая ужъ сила не могла остановить изліяній.

— Я знаю, что ты будешь смѣяться, потому что оно дѣйствительно глупо... Да, глупо, глупо, самъ знаю, а между тѣмъ я вотъ мучусь!.. Вѣришь-ли... Ахъ! Еслибъ ты зналъ... Иногда у меня голова кругомъ идетъ! Просто не знаю, что дѣлать! Слушай, Ѳеодоръ Ивановичъ, брось на время этотъ свой проклятый насмѣшливый тонъ... А? Голубчикъ! Будь другомъ! Я къ тебѣ обращаюсь... Ты меня понимаешь... Миѣ вѣдь, ей-Богу, не къ кому обратиться, кромѣ тебя! Кто дастъ миѣ совѣтъ, какъ не ты?.. Я всегда тебя уважалъ и любилъ и всегда, всегда буду любить, пока живъ! (Онъ порывисто схватилъ руку Кузена и сжалъ ее въ своей пятернѣ). Я знаю, ты опытный, умный, развитый меня въ тысячу разъ... Я, братъ, тряпка! Я глупъ! Хуже: я, братъ, подлецъ! Да, это вѣрно! Подлецъ!..

— Да что съ тобой дѣлается, скажи миѣ на милость? За что ты себя проклинаешь?—въ искреннемъ недоумѣніи спрашивалъ Ѳеодоръ Ивановичъ.

— За что?.. А вотъ, слушай! Ты вѣдь знаешь, про что я хочу говорить... Знаешь отлично!

— Ей-Богу, не знаю.

— Нѣтъ, знаешь! Ты про Любку спросилъ... Не даромъ спросилъ вѣдь, не даромъ?.. Признайся!.. О, ты провинцателевъ, ты чертовски провинцателевъ!!

— Я спросилъ такъ, просто... Да неужели ты и въ самомъ дѣлѣ еще возишься съ ней? Вотъ чудакъ!

— Не чудакъ, скажи, а подлецъ!

— Это мы уже слышали... Говори толкомъ, въ чемъ дѣло! Ну, ну! Съ Богомъ, впередъ! Смотри только, безъ визаній, на чистоту, какъ на исповѣди...

— Я все расскажу. (Онъ вздохнулъ). Ты вѣдь знаешь эту исторію?

— Ну, знаю. Ты рассказывалъ.

Когда изъ мрака заблужденія
Я душу падшую зывалъ...

Какъ это тамъ?.. Ну, да! Я тогда еще тебѣ совѣтовалъ влюнуть на эту шгузу, какъ на нелѣпѣйшій вздоръ... А ты все продолжаетъ? Не надоѣло еще?

— Хуже, братъ! Я просто голову теряю! Я, кажется, съ ума сойду! Я связанъ по рукамъ и ногамъ...

— А-га-а! протянулъ Федоръ Ивановичъ. — Ну, теперь я понимаю... Она тебя принялась обирать? Да? Ну, что-жъ, я зналъ еще раньше, что тѣмъ должно кончиться!

— Не то! Слава-Богу, еслбы такъ... Нѣтъ, хуже!

— Ну, вотъ, и пойми тебя! Да что же можетъ быть хуже?

— Что?—Ключаревъ нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ на кузена, какъ-бы подготавливая эффектъ, и затѣмъ произнесъ, мрачно и съ разстановкой, потрясая головой:—А то, что она вотъ меня любитъ, что она вотъ не можетъ жить безъ меня!!

— Ха, ха, ха,—покатился Федоръ Ивановичъ, опять какъ и давеча по поводу Писарева.

— Ну, вотъ, опять ты хохочешь!—съ досадою сказалъ Сережа.

— Да какъ же не хохотать, ангель мой, если ты комикъ?.. И главное, съ такимъ трагическимъ, отчаяннымъ видомъ... Что-же тутъ поразительнаго? Слава-те Господи! На здоровье! Другой-бы гордился еще... Ишь ты какой у меня сердцебдъ, всѣ-то въ тебя влюблены!.. Ахъ ты, сокровище мое! Такъ въ этомъ-то всѣ и причины отчаянія?

— Да нѣтъ-же, пойми ты, пойми въ чемъ исторія! Ахъ, Господи, какъ тебѣ объяснить!. Слушай, я все подробно. Я вѣдь рассказывалъ тебѣ, какъ началось? Ну, подхватилъ я ее на Невскомъ, ну, пошелъ... Все это ты уже знаешь. Ну, пришли въ ней... Надо сказать, я былъ тогда выпивши, потому и не помню, какъ оно вышло... Я-ли что ей сказалъ, сама-ли она

начала — хоть убей, не помню! Помню только одно, что меня поразило. Вижу вдруг, плачет! Просто рѣкой разливается, плачет, чуть не съ истерикой... Меня за сердце такъ ихватило! Ну, а ты бы устоялъ, скажи, устоялъ?! Мнѣ и теперь въ память врѣзалось, какъ тогда она плакала, и вообще вся эта сцена и вся обстановка. Разсвѣтъ, знаешь, мутный (лампу уже мы погасили), а она въ углу, на кровати, прижалась, лицо руками закрыла, вся такая маленькая, бѣленькая... рубашка у нея съ плечъ спустилась, волосы рассыпались... и рыдасть, рыдасть, такъ ее и колотить! А потомъ какъ бросится вдругъ пичкомъ въ подушки, и такимъ, знаешь, отчаяннымъ голосомъ: «Проклятая, проклятая, говоритъ, моя жизнь!» Нѣтъ, ты скажи, устоялъ-ли бы кто, у кого сердце не каменное?! Я тогда совсѣмъ растерялся. И вѣдь главное, что меня поразило: сперва была такая веселая, врала всякую чушь, а тутъ вдругъ... изволь-ка! «Не могу, говоритъ, больше такъ жить, руки, говоритъ, на себя наложу!» Господи, думаю, что же это такое?! Ну, сталъ ее утѣшать. Разспрашивать началъ ее... Сперва молчитъ, только плачетъ, а потомъ успокоилась, отвѣчать стала... Проговорили мы съ ней тогда всю ночь, до утра. Всю свою исторію она мнѣ рассказала... Кажется, я передавалъ тебѣ эту исторію?

— Не помню... Передавалъ, кажется... Что-то про прачку, прикащика?.. Ну, да, помню! Что-жъ дальше?

— Ну, а дальше, это ужъ утромъ, когда сталъ уходить, она и спрашиваетъ: «Придешь опять?» — «Приду», говорю. — «Навѣрно придешь?» — «Навѣрно» — «Ну, а когда?» — «Скоро», говорю. — «Нѣтъ, а когда?» Ну, я день назвалъ, и дѣйствительно пришелъ въ этотъ день... Такъ и пошло ужъ. Бывало, какъ ухожу, такъ и день назначаю, когда буду опять, она ужъ и ждетъ... И долго такъ все тянулось... А потомъ ужъ не въ моготу стало мнѣ! Признаюсь откровенно! Обѣщаю — и не приду... Главное, что меня подчасъ раздражало, это то, что она начала мнѣ сцены устраивать. Слѣдить за мной стала. Къ себѣ я ей ходить запретилъ, такъ она меня по вечерамъ

ловить начала... Записки безпрестанно мнѣ посылаетъ, просить придти, «жить», писать, «безъ тебя не могу»... А я просто не въ состояніи! Ну, вотъ, что ты хочешь, не могу, не могу, да и кончено! И знаю вѣдь самъ, что она, можетъ, тамъ мучится, ждетъ... А я не могу!.. И за то я подлецъ!

Сереза рвануль себя за волосы и мрачно понурился. Онъ все больше пьянѣлъ...

Федоръ Иванычъ все время слушалъ его рассказъ очень внимательно, и теперь, не прерывая наступившей паузы, терпѣливо ждалъ продолженія. Онъ не спускалъ глазъ съ кузена, но лицо его оставалось безстрастнымъ, и только чуть замѣтная саркастическая усмѣшка дрожала въ углахъ его рта...

— Да, мнѣ нѣтъ оправданія!—неожиданно воскликнулъ опять Ключаревъ, грузно поднявъ свою отяжелѣвшую голову.— Я вѣдь не все рассказалъ... И никогда-бы, никому не рассказалъ, даже тебѣ, потому что мнѣ теперь стыдно... Ну, да ужъ говорить нужно все до конца!.. Вѣдь ты знаешь-ли что? Мало того, что я съ ней тянулъ капиталъ—хуже еще! И какъ это вышло... чортъ знаетъ! Пьянъ я, что-ли, черезчуръ тогда былъ, или ужъ очень мнѣ жаль ее стало... только я обѣщаль взять ее... да! взять и жить съ нею вмѣстѣ... Какъ это вышло, я и самъ теперь не пойму... Потомъ уже спохватился, анъ дѣлито сдѣлано! И вѣдь вотъ въ чемъ свинство-то главное: еслибы она дѣйствительно отъ меня сама что нибудь требовала, если бы хоть разъ меня на словѣ поймала... Ну, или тамъ деньги бы, что-ли, тянула съ меня... легче-бы было... ей-Богу! А то вѣдь нѣтъ! Безкорыстье полнѣйшее! А между тѣмъ, я знаю она то мое обѣщанье запомнила, голову на отсѣченіе даю, что запомнила, ну и конечно воздушные замки тамъ разные строить... то есть, насчетъ совмѣстной-то жизни!.. Я помню какъ этими словами ее тогда я обрадовалъ... Честное мое, благородное слово: еслибъ она мнѣ какую нибудь пакость устроила—я былъ-бы ей благодаренъ... Клянусь! Развязала-бы, камень-бы сняла съ души! По крайней мѣрѣ, я зналъ-бы тогда, что имѣю полное право съ ней разойтись... А то вѣдь нѣтъ,

только жалкими письмами и доводится!.. Да вотъ, чего еще лучше, не дальше, какъ вчера! Сидимъ мы вечеромъ съ Дуней—вдругъ наша прислуга—съ запиской... Что такое? «Дѣвочка, говоритъ, какая-то принесла, просить отвѣта...» Смотрю: отъ Любки, съ упреками и просьбой, что-бы я пришелъ въ «Петербургъ»... Своей хозяйки дочку, девяти-лѣтнюю дѣвочку, изволишь видѣть, нарочно послала!.. Дуня, конечно, ко мнѣ сейчасъ-же съ распросами: что, да какъ, да кто къ тебѣ пишетъ, да что тебѣ пишутъ?.. Хотѣла даже непремѣнно прочесть, я ужъ наслу отъ нея отвязался, чуть мы съ ней не поссорились... Весь вечеръ мнѣ тогда былъ испорченъ!.. И совѣсть-то мучила... Вѣдь самъ знаю, что виноватъ. Развѣ это легко?!

Голосъ юности дрогнулъ слезливо. Онъ взглянулъ на Федора Иваныча. Тотъ по прежнему слушалъ внимательно, но давнишняя саркастическая усмѣшечка ширилась теперь у него во весь ротъ...

— Тебѣ забавно?.. Да?.. Ты смѣешься?—съ патетическимъ укоромъ спросилъ его Сережа.

— А ты, кажется, готовъ ужъ расплагаться?.. Да, смѣюсь, братъ, смѣюсь! Горькимъ смѣхомъ смѣюсь надъ ерундой человѣческой!.. Ты хочешь, чтобы я высказалъ свое откровенное мнѣніе? Изволь! Я скажу!

— Откровенное, да!.. и... и серьезное!

— Изволь!

Федоръ Иванычъ вылилъ изъ бутылки остатки вина въ свой стаканъ, выпилъ его, не торопясь и смакуя, и потомъ, развалившись локтями на столѣ, вперилъ провинительный взоръ свой въ кузена...

V.

Въ ресторанѣ.—Поученіе Ментора Телемаку.

— Ну-съ, прелестный мой юноша,—началь Оедоръ Иванычъ,—я выслушалъ твою исповѣдь со всѣмъ строгимъ вниманіемъ, достойнымъ предмета!.. Только я долженъ тебя разочаровать. Ничего, то есть, такъ-таки вотъ совсѣмъ ничего я не нашелъ въ ней неожиданнаго!.. Представь!.. Въ томъ, что ты разсказалъ, ты весь, какъ на ладони, весь, цѣликомъ! Представь даже, что я все это уже раньше зналъ, то есть, зналъ, что именно такъ и должно быть съ тобою... Мало того! О, ужась, представь еще, что я зналъ и то, о чемъ ты мнѣ умолчалъ... Не смѣю только рѣшить, намѣренно ли ты умолчалъ, изъ стыдливости, или, что тоже возможно, ты и самъ еще не докопался до этого... То есть, это я вотъ про то, что ты мнѣ сейчасъ открылъ въ видѣ своей задушевиѣйшей тайны... ну, на счетъ твоего общапія Любкѣ по части совмѣстнаго жительства-то!.. Ты увѣряешь, будто тебѣ непонятно, какъ это случилось... очень пьянъ, дескать, былъ... А я говорю тебѣ: врешь!!... Можетъ, пьянъ ты и былъ, только не очень, и вполне сознательно, пожалуй даже съ восторгомъ это ей говорилъ... Увлекался вѣдь ты ею, признайся? Ну, и конечно, любилъ... Понятное дѣло! Не силъся, пожалуйста, мнѣ возражать, не пыжься и не хлопай глазами.. Напрасно! Удивительно даже, какъ ты еще не общалъ ей жениться? А признайся, можетъ, было и это? А?.. Съ тебя стается! Да и скажи мнѣ на милость, съ кѣмъ изъ неопытныхъ юношей твоей коллекціи и съ такимъ, какъ у тебя, знаніемъ жизни, не случалось подобныхъ исторій?.. Господи Боже! Благородные порывы, еще-бы! Все это очень похвально! Умилительно даже... Ну, а потомъ надоѣло. Вѣдь такъ?.. И резонъ! Зачѣмъ тебѣ чужіе объѣды, когда цѣлый лабомиѣй кусокъ самъ прямо въ ротъ тебѣ лѣзеть?.. Дуня-то?.. А?.. Губа-то тоже не дура! Да еще счастливъ твой Богъ, что вся эта чепуха именно такъ разыгра-

лась... Вѣдь могло быть и хуже. Ну, представь, если бы ты и въ самомъ дѣлѣ съ ней связался? Погубилъ бы себя ни за грошъ! Все равно бы она въ концѣ концовъ тебѣ надоѣла, а развязаться съ ней духу бы у тебя не хватило... Ну, и ныль бы, и казнился!.. Ты и теперь вотъ казнишься... Еще бы, какъ можно! Принципъ вѣдь! Душу спасать!.. Ха-ха! Аркадскій мой пастушо-окъ!.. Да знаешь ли ты, что этотъ твой принципъ-то, основанный на благородномъ порывѣ, не только нелѣпый, но даже безнравственный? Что онъ даже подлый? А?.. И я тебѣ докажу! Вѣдь ты идешь, знаешь ли это, противъ одного изъ условій общественнаго строя, отрицаешь одинъ изъ необходимыхъ его элементовъ, даже самые законы природы, можно сказать!.. Что не нами устроено, то не нами и кончится... Установленъ извѣстный экономическій порядокъ— и шабашъ! Или ты не думаешь ли, что возможно переустройство на выворотъ, какъ полагаютъ нынѣшнiе безумцы?.. Я увѣренъ, у тебя есть настолько здраваго смысла, чтобы видѣть эту нелѣпость! Пока существуютъ на свѣтѣ извѣстныя потребности, долженъ быть спросъ и должно соответствовать ему предложенiе... Ясно, какъ день! Чтожъ дѣлать, если социальныя условiя сложились такъ, а не иначе? Твоя Любка— «жертва общественнаго темперамента» — и отлично, и благо ей, значить, такъ нужно! Пусть говорятъ, что это зло, но это необходимое зло! Да еще зло ли, полно, вотъ въ чемъ вопросъ... Развѣ она не полезна? Она вѣдь, такъ сказать, миссiю свою исполняетъ! Обществу служить! Безъ Любокъ нельзя обойтись, какъ нельзя обойтись и безъ насъ. Я адвокатъ, тотъ чиновникъ, третiй купецъ, и всѣ мы необходимы для всѣхъ и не можемъ обойтись другъ безъ друга взаимно, но всѣ мы люди-человѣки, имѣемъ извѣстныя страсти, въ которыхъ мы невольны—и вотъ для нихъ-то долженъ быть кранъ, такъ сказать... Именно «кранъ»! Не помню, гдѣ-то, въ одной какой-то статьѣ, это прекрасно развито... Жить становится все труднѣй и труднѣй, домашнiй очагъ обращается въ роскошь... Какъ же тутъ быть? Представь, что бы случилось, если бы вдругъ, въ одинъ

прекрасный день, мы всё очутились безъ Любокъ? Что бы было тогда?.. Каждому пришлось бы домашній очагъ заводить... Какъ бы разрослось населеніе—страсти Господни! И всё́мъ было бы нечего ѣсть... Перспектива отрадная! Кажется, ясно? Пойми теперь, что ты сдѣлалъ... Ты сблизъ съ панталыку дѣвчонку! Жаль ее стало, скажите! Гдѣ бы благоразумно внушить, что ей далеко не резонъ убиваться, онъ, изволите видѣть, самъ съ нею ~~р~~чувствовался! Ну, и что же ты этимъ сдѣлалъ полезнаго? Ты вотъ, можетъ, въ ней теперь разладъ поселилъ! Жила она сперва, «ничто-же сумняшеса», со спокойнымъ духомъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ хлѣбъ зарабатывала, а тутъ вдругъ является чувствительный юноша, который ей соболѣзнуетъ... За что, почему? Да и чѣмъ такимъ особеннымъ Любка твоя отличается отъ прочихъ другихъ, ей подобныхъ? Всѣмъ имъ такая уже лпнія вышла, значить, такъ и быть тому слѣдуетъ! За что ихъ жалѣть? Гдѣ тѣ счастливцы, которымъ все даромъ дается? Всѣ за свое существованіе борются, эксплуатируютъ свой умъ, таланты, способности, пускаютъ свой капиталъ въ оборотъ... И она тоже пускаетъ свой капиталъ въ оборотъ—и отлично, и пользуйся, пользуйся имъ, пока курсъ не упадъ... А курсъ упадетъ — другія на смѣну имъ явятся, сотни, тысячи явятся!... Таковъ ужъ всемірный порядокъ!

(Федоръ Иванычъ даже разгорячился. Начатая въ саркастическомъ тонѣ рѣчь его звучала теперь увлеченіемъ, такъ какъ тутъ заговорила въ немъ адвокатская жилка... За то, врядъ ли найдется ораторъ, который имѣлъ когда либо болѣе внимательнаго слушателя, чѣмъ Роцинъ въ данное время имѣлъ такового, въ лицѣ Сережи. Тотъ такъ и замеръ въ одномъ напряженномъ вниманіи, облокотившись обѣими руками на столъ, положивъ на нихъ голову и не сводя глазъ съ бузена. И Федоръ Иванычъ имѣлъ полное право похвастаться, что сѣмена его краснорѣчія падали не на бесплодную почву...)

— Хорошо, будемъ теперь говорить о тебѣ. Ты вотъ себя терзаешь по поводу какой-то своей воображаемой подлости...

Да ты увлекать ее развѣ, скажи? Она влюблена въ тебя... а? Свѣтъ ей Божій не милъ безъ тебя? Она объ этомъ тебѣ говоритъ и пишетъ въ запискахъ, а ты и уши развѣсилъ! Угрызѣнія совѣсти даже восчувствовалъ! Еще-бъ не восчувствовать, когда ты погубилъ ее, бѣдненькую... Ахъ ты, невинность моя! Да неужели еще нашъ Петербургъ не успѣлъ тебя научить, какъ слѣдуетъ понимать этотъ типъ? Любка-ли, Сашка-ли, Машка-ли, вѣдь все это одинъ только типъ гнуснаго, хищнаго выродка, въ которомъ самая уже специальность должна убить всякую способность привязанности! Вѣдь это ужъ логическое послѣдствіе самаго ремесла! Вѣдь иначе онѣ не могли бы быть тѣмъ, что онѣ есть! Правда, многія изъ нихъ имѣютъ любовниковъ—такъ вѣдь тутъ привязанность только животная... Совсѣмъ пная статья! Провинціалъ ты мой добродушный!.. Человѣкъ не отъ міра сего!.. Пойми ты, пойми ради Бога, что ты дурака разыгралъ! Вѣдь она, я увѣренъ, сама про себя надъ тобою смѣется! И резонно, вполне... Хочешь, я воспроизведу тебѣ всю подкладку твоей нелѣпой исторіи?.. Слушай. Прожженная, уже потерявшая стыдъ, гуляющая невская тварь встрѣчается съ неопытнымъ юношей... Положимъ, удивить ее трудно, потому что какихъ-какихъ только «паціентовъ» не перевидала она въ своей практикѣ,—но этотъ юноша совершенно особенный, не отъ міра сего... У нея въ этотъ день дѣла были скверны, можетъ быть, вышла даже какая нибудь неприятность съ хозяйкой, словомъ—она не въ своей тарелкѣ. А тутъ еще нѣсколько выпитыхъ стакановъ пива шумятъ въ головѣ, ну, и конечно: «проклятая, проклятая жизнь... руки на себя наложу», и все прочее... Что же дѣлаетъ при видѣ такого пассажи юноша не отъ міра сего? вмѣсто того, чтобы порекомендовать ей закрыть клапанъ, или по крайней мѣрѣ, просто уйти самому,—онъ принимается ее утѣшать, горевать, соболѣзновать... Мало того, начинаетъ участіе въ пей принимать, ходить къ ней, по первому зову является, даже, чего уже лучше, совмѣстную жизнь ей обѣщаетъ!.. Да вѣдь это находка! Понятно, что лучше: трепаться

ли по Невскому и въ дождь, и въ морозъ, или жить на счетъ добродушнаго малаго, и въ котораго можно веревки вить, и безмятежно себѣ кофеи распивать? Да вѣдь она была бы послѣдняя дура, еслибы прозѣвала такой славный случай! Развѣ она себѣ врагъ, чтобы такого выгоднаго человѣка изъ рукъ своихъ выпустить? Ну, конечно, чѣмъ его можно предъстить? «Влюблена!» «Жить не могу безъ тебя!» Онъ и таетъ... Ахъ вдругъ, дѣлота дрянъ начинается! Юноша сперва-то ходилъ и подъ ея дудку плясалъ, а потомъ хвостъ сталъ показывать... Что тутъ подѣлаешь? Только одно средство, письма писать: «Приходи, умираю, жить не могу безъ тебя!» Извѣстный расчетъ: юноша совѣстливый, какъ же такъ вдругъ надуетъ? И на счетъ безкорыстія тоже податливъ... А какая къ чорту корысть съ него, если самъ безпрестанно то или другое закладываетъ? Этимъ-то немного съ него поживишься... А вотъ насчетъ его обѣщанія—это иная статья!.. Да вотъ помани мое слово, если она и насчетъ денегъ тебя не пощупаетъ! Вѣдь должно же наконецъ и ея терпѣніе лопнуть... Вотъ увидишь, что въ одинъ прекрасный день, она ворвется прямо къ тебѣ и возьметъ съ тебя отступнаго... И дашь, поневолѣ ей дашь, и подѣломъ это будетъ тебѣ, потому такихъ пижоновъ надо учить: не балуй въ другой разъ! Да я позволю распять себя...

— Довольно, Федоръ Ивановичъ! неожиданно перебилъ его Сережа.—Теперь я вижу все ясно! Ты правъ! Я дуракъ! Ты открылъ мнѣ глаза и я теперь знаю, что мнѣ дѣлать... Надо дѣйствительно кончить... Шабашъ! Ты у меня камень съ души снялъ! Спасибо, голубчикъ, я твоей услуги во вѣкъ не забуду!..

Онъ торжественно протянулъ черезъ столъ свою пятерню и съ чувствомъ потрясъ руку кузена. Тотъ благосклонно припалъ это выраженіе признательности, замѣтивъ съ усмѣшкой:

— Хм... Не стоитъ, мой милый! Очень радъ, что мое скромное мнѣніе для тебя пригодилось... Серьезно, я радъ! Знай, что врядъ ли другой у тебя кто-либо найдется, желающій тебѣ больше добра... И, знаешь, скажу откровенно: вся эта твоя исторія съ Любкой меня крайне возмущала и огорчала. Вѣдь

это верхъ безобразія! Парень молодой, здоровый, смазливый, не глухой, которому еще цѣлая жизнь впереди, путается въ сѣтяхъ какой-то погибшей твари... Вѣдь это позоръ! Смѣхъ сказать! Неужели ты настолько себя низко цѣнишь?.. Богъ съ тобой, развлекайся, ты еще въ такомъ теперь возрастѣ, что это естественно и необходимо,—такъ выбирай хоть, по крайней мѣрѣ, предметъ-то болѣе достойный для развлеченій! На что лучше, вотъ хоть-бы эта самая Дуня...

— Оставь! съ неудовольствіемъ перебилъ Ключаревъ.

— Кажется, что можетъ быть подходящѣе? — не обращая вниманія, продолжалъ Федоръ Ивановичъ. — Нѣтъ, ты, просто, чортъ тебя знаетъ, что за человѣкъ такой есть! Дѣвочка къ нему всей душой, ждетъ отъ него только перваго слова, а онъ — ни гу-гу, только выспеть... Да вѣдь это, пойми, еще возмутительнѣй, чѣмъ та-то исторія! Я ужъ и понять не могу, что тутъ такое! Вѣдь если сказать другому кому...

— Оставь, говорю!

— Нѣтъ, не оставлю!! — воскликнулъ запальчиво Рощинъ (Онъ вдругъ воодушевился, такъ что даже его землистыя щеки вспыхнули пятнистымъ румянцемъ... Злая идея, которая давеча въ немъ зародилась, по поводу Дуни, успѣла за это время мало по малу сложиться въ ясно-начерченный планъ будущихъ дѣйствій, предвкушеніе которыхъ наполняло теперь его душу какимъ-то мрачнымъ восторгомъ. И онъ рѣшилъ про себя, что это непременно должно быть исполнено). — Не оставлю, чортъ возьми, коли такъ! Миѣ противно, миѣ гадко смотрѣть на тебя! Когда ты освободишься отъ своей дурацкой провинціальной закваски? Вѣдь это и идеализмомъ назвать даже нельзя, это просто чортъ знаетъ что! Это даже какое то извращеніе чувства! Нѣчто противоестественное! Меня даже вчужѣ злость разбираетъ!... Таешь, взынваетъ, анекдоты рассказываетъ, книжки читаетъ... Тьфу!! И гдѣ такіе нечѣстные люди рождаются?! Вѣдь, это даже безчестно, пойми! По моему, если на большее тебѣ не хватаетъ, такъ ужъ гораздо бы благопристойнѣе было просто совсѣмъ прекратить... Зачѣмъ ты ей попусту голову

кружишь? Зачѣмъ ты дразнишь се? Ну, скажи, чего ты, чего отъ нея добиваешься?

— Я не знаю... я не могу сказать, въ чемъ тутъ дѣло... Конечно, она очень мнѣ нравится... Ну, да! Такъ неужели же такъ, вдругъ?.. Я вѣдь вѣдь врядъ ли женюсь на ней... За что же я ее погублю?.. Ну, да словомъ, оставь!

— Тьфу! опять плюнулъ Федоръ Ивановичъ.—Кто тебѣ говоритъ о женитьбѣ? Что ты рыцаря то изъ себя представляешь? Ужъ не меня ли обморочить ты хочешь? «Умненькая, добренькая, всѣмъ интересуется, хочетъ развиться...» Ха-ха! Разсказывай, братъ, другому кому эти басни! Меня то ужъ ты не надуешь! Дудки! Старый, братъ, я воробей... А ну, чортъ съ тобой, въ самомъ дѣлѣ!

Рощинъ даже отвернулся отъ кузена съ прсзрѣніемъ и замолчалъ. Его собесѣдникъ тоже молчалъ и не глядѣлъ на него. Потомъ, немного погодя, Ключаревъ заговорилъ нерѣшительно:

— Послушай, Федоръ Ивановичъ, мнѣ кажется странно... Скажи мнѣ пожалуйста: изъ за чего ты хлопочешь, чтобы я непременно... ну, сдѣлалъ вотъ это, что ты мнѣ совѣтуешь?..

— Ха! а вопросъ дѣйствительно не лишень остроумія! Въ самомъ дѣлѣ, чего ради я распинаюсь? Мнѣ то до тебя что за дѣло? И чего, въ самомъ дѣлѣ я битыхъ три часа съ тобой растабарываю, лѣзу изъ кожи? Давеча вотъ по поводу Любки твоей кровь себѣ портилъ!.. Да цѣлуйся ты съ ней, въ самомъ дѣлѣ, спасай на здоровье падшую душу, хоть обвѣчайся на ней... мнѣ что за печаль?.. А вѣдь и вѣрно, плюнька ты лучше на всѣ слова мои давишнія, сойдишь опять съ Любкой, а я тѣмъ временемъ за Дуню примусь... а? Ты вѣдь конечно позволишь? Вѣдь тебѣ все равно... Въ самомъ дѣлѣ, хочешь, я ее у тебя отобью?... Дуню-то... а?

— Ну, ну... еще это посмотримъ!—вахмурился юноша.

— Нѣтъ, ей-Богу, отлично! подмигивалъ Федоръ Ивановичъ.—Ты ей Писарева будешь читать, значить, по части развитія,—такъ сказать, по части духовныхъ потребностей,—ну, а я, по своей прозачности, возьму ужъ матерьяльныя...

Надѣюсь, мы съ тобой не столкнемся?.. А я ужъ зѣвать то не буду, нѣ-ѣтъ, братъ, ша-и-вишь! Матерьялисть, братъ, вѣдь я... А? Хорошо? Ты согласенъ?

— Чортъ!.. Не зли ты меня!..

— Ха-ха-ха! А вѣдь ревнуешь, ревнуешь! Ничего еще нѣтъ, а опъ ужъ ревнуешь!.. Охъ ты, молодость, молодость! Успокойся, мой ангелъ, я пошутилъ... Будто у меня только и свѣта въ окошкѣ. что сердца пожирать?.. Не до того мнѣ совсѣмъ! А что ктонибудь до тебя ею попользуется—это ужъ вѣрно! Пари держу на что хочешь! Во-первыхъ эти самые ея женихи... Ну, хоть бы лавочникъ то съ собственнымъ домомъ на Пескахъ... Что ты думаешь? Подождеть, подождеть она. увидить, что толку отъ тебя, что отъ козла молока—возьметъ да и выскочить замужь за лавочника... И резонъ! Лучше хоть это, чѣмъ губить свою молодость за грошевой работой. И вдругъ, представь ты себѣ, что какойнибудь тамъ бородачъ, кроводилъ, сорветъ эдакій роскошный цвѣточекъ! Не обидно ли? А вотъ ты облизнись!.. А можетъ и хуже быть, обиднѣй еще, и это вѣрнѣе! Ты развѣ не знаешь нашъ Вавилонъ? Это а на счетъ того, о чемъ давеча тебѣ говорилъ... ну, насчетъ спроса то! Вѣдь это, братъ, цивилизованный городъ, Питерь то нашъ, а не какіенибудь Кобеляки... Промышленный центръ! Вѣдь тутъ никакой товаръ залежаться не можетъ, все идетъ въ прокъ, все подавай, все берутъ, а коли нѣтъ, такъ у другого изо рта вырвать готовы... Пучина! Ну, и представь ты себѣ, что при такихъ то дѣлахъ, ростеть вдругъ у всѣхъ на виду прелестнѣйшій фруктъ... Эдакій какойнибудь аппетитный, ароматическій персикъ, совсѣмъ уже спѣлый, готовый! Да неужели ты думаешь, что такъ и дадутъ ему увеселять только взоръ, нова онъ не перезрѣетъ и самъ не свалится съ дерева? Если ты вотъ мимо проходишь, такъ за то ты и особенный экземпляръ, не отъ міра сего... Такихъ нынче за деньги показываютъ! Другіе же люди—просто такъ люди, обыкновенные смертные: поправился фруктъ,—взялъ да и слопалъ! и слопаютъ... А ты вотъ будешь глядѣть, да вчужѣ облизываться..

Да развѣ это все не обидно? Господи Боже! Когда, такъ сказать, ты первый, исконный владѣлецъ, когда этотъ фруктъ для тебя одного только спѣеть, самъ тебя просить: сорви; и когда стоитъ только протянуть руку и взять—ты мямлишь, пока другой кто нибудь у тебя изъ подъ носу сорветъ твою собственность и дуть же, на глазахъ твоихъ, слопасть... Да ты не мужчина, послѣ того! Ты поношенье людей! Убирайся, мнѣ даже противно смотрѣть на тебя!..

И въ самомъ дѣлѣ, Федоръ Иванычъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ своего собесѣдника.

Серсжа сидѣлъ неподвижно и молча, облокотившись на столъ и насмурно свѣспивъ голову на руку. Онъ очевидно страдалъ.

— И вѣдь главное, что возмутительно! не унимался Федоръ Иванычъ;—добро бы, если и впрямь тутъ было что-либо особенное... Средство тамъ душъ, что-ли, гармонія сердець... Словомъ какая нибудь идеальная одна ахинея (чортъ ее побери, я въ ней ни бельмеса не смыслю, и совершенно ее отрицаю!)—а то вѣдь самая, что ни на есть, простая исторія! Все это сводится къ одному знаменателю... Небось, какъ давеча ты изволилъ на меня зарычать, когда я въ шутку сказалъ, что Дуню отъ тебя отобью... Ага! ревность сказала! Ну, значить, и конечно, и нечего лихомонію мнѣ разводить. Дѣло ясное! Такъ чего же ты зѣваешь то, скажи мнѣ на милость? Варваръ ты эдакій... Эхъ! А ей-то, ей-то, подумай, легко? За что ты ее-то томишь? Неужели ты дожидаясь, что она первая на шею сама къ тебѣ бросится?.. Ужъ она-ли не даетъ понять тебѣ всячески, что побѣда за тобою? обезпечена? И письма, и этотъ портретикъ, и насчетъ медальончика... Да какого-же тебѣ рожна еще нужно?!..

Федора Иваныча прошибъ даже потъ. Онъ торопливо отеръ лобъ платкомъ и впился выжидательнымъ взглядомъ въ кузена. Сдержанный молодой человекъ чувствовалъ теперь такое волненіе, будто отъ отвѣта Серсжи зависѣла его личная участь..

Юноша сидѣлъ весь пунцовый, растерянный, и глаза его

маслились. Федоръ Ивановичъ понялъ отлично, что тотъ теперь въ его власти. Оставалось еще сдѣлать небольшое усиліе. Въ Серезѣ, казалось, все еще происходила борьба, но теперь уже слабая. Онъ пыжился что то возразить своему искусителю, открывалъ было ротъ, но только краснѣлъ и стыдливо безмолствовалъ.

— Ты хочешь что-то сказать? Ну, что? Ну, что? Говори, говори! понукалъ его нетерпѣливо Федоръ Ивановичъ.

— Видишь-ли, я... я... Нѣтъ, право, у меня духу не хватитъ!

— Ахъ, ты, сердцеѣдъ! «Духу не хватитъ»... На что же тебя хватитъ то, послѣ того?.. Стыдись! Ну, ладно, коли на то у... пошло.. Хочешь, я тебѣ помогу?.. Такъ тебѣ это дѣло обтяпаю, просто восторгъ!.. А? Идетъ, что-ли?

— Ну-у?!

Глаза Серези занскрились.

— Честное слово! Въ самомъ непродолжительномъ времени... Хочешь? Даже сегодня, коли на то ужъ пошло! Сегодня же вечеромъ! Идетъ, что-ли, ну?..

Змѣй-искуситель чуть не дрожалъ отъ волненія... Сереза молчалъ, но за то по лицу его расплзалась улыбка самаго плотояднаго свойства—и это было самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ.

— Молодецъ! въ совершенномъ восторгѣ вскричалъ Федоръ Ивановичъ.—Значить, согласенъ? Отлично! Нечего откладывать дѣла... Давай сюда карандашъ! Есть у тебя?

— Но зачѣмъ это?..

— Не твое уже дѣло! Нѣтъ? Все равно, у меня есть въ бумажникѣ... Браво, и бумага нашлась!

Роцинь торопливо выхватилъ изъ бумажника тоненькій записной карандашикъ, досталъ оттуда же какое то письмо, отъ котораго оторвалъ задній чистый листокъ, и перебросивъ то и другое Серезѣ, сказалъ повелительно:

— Пиши!

— Но я не понимаю...

— И понимать тебѣ нечего! Пиши, говорю! Мое уже дѣло...

Ну?.. Пстой! Ты какъ ее кличешь въ запискахъ? Ну, тамъ: «дорогая», «безцѣнная», «драгоценная»... Какъ? Впрочемъ, вздоръ, все равно! Пиши просто: «Милая Дуня!»

Ключаревъ покорно исполнилъ приказанное.

— Мельче пиши, чтобы умѣстилось... Готово? Ну, теперь дальше: «Имѣю до тебя очень важное дѣло»... Или, нѣтъ, погоди, лучше такъ... А чортъ, все равно!.. Написалъ? «Миѣ крайне необходимо тебя видѣть. Постарайся выйти сегодня въ 8 часовъ. Въ первой галлерей къ тебѣ подойдетъ одинъ господинъ, мой пріятель. Можешь вполнѣ на него положиться. Онъ тебѣ скажетъ, гдѣ я нахожусь. Жду тебя непременно»... Ну, кажется, будетъ?.. Собственно, оно нѣсколько тово... суховато. Ну, да плевать, не по моей это части! Развѣ, пожалуй, прибавь что нибудь понѣжнѣе... Какъихъ нибудь нѣсколько словъ, хоть такъ, что-ли: «цѣлую тысячу разъ твои губки и глазки»... Божественно! Теперь подпись и число... Готово? Прелестно!.. Вотъ и «бильеду» соорудили! То-то она будетъ ломать теперь голову... Кратко, ясно, и вмѣстѣ—таинственно! Главное, таинственно!.. Ха-ха-ха!.. Теперь давай сюда что ты написалъ... Эхъ, почеркъ-то что-то тово... Пожалуй, еще догадается, что въ пьяномъ видѣ писалъ... Ну, да вздоръ! Разбереть! Жаль, что конверта-то нѣтъ... Да ладно, безъ него обойдемся! Кажется, я еще не забылъ своего прежняго искусства...

Рошнъ принялся сосредоточенно складывать маленькій ключокъ почтовой бумаги, и вскорѣ изъ него вышла самая миниатюренькая цидулочка, затѣйливо сложенная въ нѣкое подобіе змѣйки.

— *Finita la commedia!* — воскликнулъ, кончивъ свою работу, Федоръ Ивановичъ.—Теперь только посылнаго, нѣсколько дипломатическихъ ему наставленій, двугривенный въ зубы — и шабашъ, дѣло въ шляпѣ!

Сережа, все время повиновавшійся ему машинально, смотрѣлъ теперь на него съ ошеломленнымъ, почти бессмысленнымъ видомъ.

— Однако, Федоръ Ивановичъ, послушай... Чтожъ это значить?—Заговорилъ онъ въ безпокойствѣ.—Мнѣ хочется знать, наконецъ...

— А, тебѣ хочется знать? Ишь ты, пряткѣй какой... Сюрпризъ, вотъ это что значить! Не безпокойся, все произойдетъ, какъ написано. Выйдетъ она въ восемь часовъ, подойдетъ къ ней одинъ господинъ (сирѣчь — я, своею персоной), скажетъ ей нѣсколько словъ, и она пойдетъ, а онъ ее поведетъ, а ты будешь ждать, ну и... и... ну, и пока довольно съ тебя! Сюрпризъ, говорю! Понимаешь?

— Да все-таки, какъ же это такъ, мнѣ хочется знать...

— А тебѣ все-таки хочется знать?.. А вотъ не скажу же пока! Повозлуйся... Это, знаешь, пикантиѣе выйдетъ... Да ты не бойся, пожалуйста! Ужаснаго ничего не предвидится... Ужъ положишься, говорю, на меня! Все будетъ въ самомъ благороднѣйшемъ стилѣ. А пока... А пока интересно узнать, который-то часъ? (Федоръ Ивановичъ взглянулъ на часы — и въ ту же минуту вскочилъ, какъ ужаленный). Батюшки-свѣты! Ай-ай-ай! Три часа!!.. Ну, братъ, некогда! И то опять, чего добраго, кліента своего прозѣвалъ... А все ты виноватъ! Плати и пойдемъ!.. За это бы слѣдовало штрафъ какой-нибудь, что ли, съ тебя, а?.. Вотъ что: ты меня кормишь обѣдомъ!.. Нѣтъ, серьезно, — продолжалъ Федоръ Ивановичъ, пока Сережа расплачивался,—такъ ужъ и быть, я тебя долго мучить не буду. Не позже пяти буду я у тебя и открою весь планъ... А пока потерпи. Некогда мнѣ, честное слово, тѣмъ болѣе...

— Негодяй, какъ ты смѣешь!

— Не хорошо-съ, господинъ...

— Да какъ ты можешь, ска-атина, меня увѣрять...

Кричали два голоса,—одинъ запальчиво, другой сохраняя почтительность. Еще ранѣе оба кузена слышали какой-то споръ у стола, гдѣ сидѣлъ давшій господинъ съ благороднымъ выраженіемъ лица, но, занятые своимъ разговоромъ, они не обратили вниманія. Теперь уже споръ раздавался на весь ресторанъ, принимая форму скандала. Они подошли. Всѣ посѣтители (ихъ

было теперь человекъ пять-шесть) толпились у стола, наблюдая происходящее. Центромъ вниманія былъ господинъ съ благороднымъ лицомъ. Онъ теперь уже былъ порядочно пьянъ; хотя онъ твердо стоялъ на ногахъ, но объ этомъ можно было судить потому, что лицо его лоснилось отъ поту, и мокрая пряди волосъ падали на лобъ изъ подъ барашковой шапки, сдвинутой совсѣмъ на затылокъ. При всемъ томъ физиономія его выражала крайнюю степень благородства, усиленнаго негодованіемъ, которымъ онъ весь былъ пренеполненъ. Заложивъ руки въ карманы, онъ гремѣлъ на весь ресторанъ.

— Кан-наля! Нѣтъ, каково нахальство! Полчаса назадъ я далъ размѣнять двадцать пять...

— Никакъ нѣтъ-съ, господинъ! Позвольте получить-съ, — настаивалъ служащій.

— Сдачу подай мнѣ! Нѣтъ, это возмутительно наконецъ, чор-ртъ побери! Вотъ этотъ господинъ тоже видѣлъ, какъ я отдалъ здѣсь двадцать пять! Вы, конечно, будете настолько любезны, чтобы засвидѣтельствовать подъ протоколомъ... обратился онъ бархатнымъ голосомъ къ ближайшему зрителю.

Тотъ что-то буркнулъ и отодвинулся дальше. Лица остальныхъ посягателей выражали одно безучастное любопытство. Тѣснившаяся тутъ же прислуга смотрѣла враждебно. Буфетчикъ, тоже вышедшій изъ за стойки, имѣлъ видъ огорченный. Кто-то изъ группы вполголоса произнесъ слово: «мазурикъ»...

— Я требую послать за полиціей! Протоколъ! Я хочу, чтобы составленъ былъ протоколъ!

— Пойдемъ, не стойте! — дернулъ Роцинъ за рукавъ Ключарева.

— Какой негодяй! — пробормоталъ на лѣстницѣ юпаша.

— Что-жъ дѣлать, братъ? Надо полагать, ість тоже хочеть! — философски замѣтилъ Федоръ Игнатьичъ. — А съ апломбомъ, бестія! Буфетчикъ, конечно, отступится, во избѣжанье скандала... Ну, чортъ съ нимъ! А вотъ и посыльный!

Они были теперь на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ Пассажъ, въ серединѣ двухъ встрѣчныхъ теченій. Федоръ Ива-

ныхъ сейчасъ же поманилъ къ себѣ посыльнаго, отвелъ его въ сторону и, вручивъ пидулку, началъ подробно и торопливо давать ему какія-то наставленія. Сережа стоялъ въ сторонѣ, машинально наблюдая прохожихъ, съ тупымъ и тяжелымъ выраженіемъ глазъ человѣка подвыпившаго. На душѣ его было смутно...

— Ну, все обдѣлано!—подскочилъ къ нему Рошинъ. Этотъ былъ, что называется, ни въ одномъ глазѣ и обнаруживалъ большую подвижность.—Теперь пока до свиданья!—Онъ протянулъ руку Сережѣ и спросилъ, устремивъ на него пристальный взглядъ:—Не идешь на попятный? Нѣтъ? Ну, то-то, смотри!.. Ты куда же теперь? Домой? Спать? Да неужели ты и въ самомъ дѣлѣ очень пьянъ?

— Вотъ глупости! Нисколько не пьянъ! обидѣлся юноша.

Федоръ Ивановичъ безпокойно воззрѣлся налѣво. Съ той стороны слышался звонъ приближающагося вагона конно-железной дороги.

— Прощай! Въ пять! Жди!—бросилъ на лету онъ Сережѣ, въ два прыжка былъ уже на серединѣ троттуара, толкнулъ кой-кого изъ прохожихъ и бросился наперерѣзъ показавшемуся уже противъ Большой Садовой вагону.

Сережа видѣлъ, какъ мелькнули на платформѣ котиковая шапка и шуба кузена, потомъ повернулъ налѣво кругомъ и не совсѣмъ твердой походкой поплелся по направленію въ Литейной...

М. Альбовъ.

Шекспиръ въ наше время.

О Шекспирѣ писали и пишутъ цѣлыя библіотеки. Въ Англии и въ Германіи существуетъ нѣсколько обществъ, которыя посвящаютъ исключительно свои труды великому драматургу эпохи Елизаветы и Якова I. Всякая строчка его вызывала и вызываетъ горы комментариевъ; всякое затруднительное или устарѣлое слово порождаетъ десятки болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ уясненія или исправленія. Есть люди, и люди не лишеныя способностей, все литературное значеніе которыхъ ограничивается тѣмъ, что они изучали и комментировали Шекспира. Поэтому, появленіе новой статьи о Шекспирѣ должно, пожалуй, нѣсколько испугать читателей, и имъ невольно представится вопросъ: что можно сказать еще новаго по этому предмету?

Читатель былъ бы вполне правъ, еслибы я имѣлъ въ виду вѣдаться въ разсужденія о творчествѣ Шекспира, о его гени, о концепціи его драмъ, о ихъ эстетическомъ значеніи, о ихъ исторической послѣдовательности и т. д. и т. д.; словомъ, о тѣхъ вопросахъ, которые преимущественно составляютъ предметъ литературныхъ работъ о Шекспирѣ. Я не считаю себя вовсе компетентнымъ высказать что-нибудь новое по этому поводу, да думаю, что русскому читателю это было бы и мало интересно.

Мнѣ хочется поговорить о другомъ, до чего тоже касались, конечно, не разъ члены разныхъ шекспировскихъ обществъ и комментаторы Шекспира, но касались, сравнительно, рѣже, и притомъ

неизбѣжно внося въ свои соображенія взгляды не только своей націи, но и своего класса, своего кружка, а потому становясь на точку зрѣнія, весьма отличную отъ точки зрѣнія читателей, которыхъ я имѣю въ виду, читателей русскихъ, слѣдящихъ за русской журналистикой и въ извѣстной степени находящихся подъ вліяніемъ направленій, въ ней существующихъ; читателей—не сибаритовъ, способныхъ посвятить значительную часть жизни на эстетическое наслажденіе и на его тонкій анализъ, но людей, глубоко затронутыхъ вопросами жизни, увлеченныхъ, такъ или иначе, ея теченіемъ, и для которыхъ отдыхъ на прекрасномъ произведеніи искусства, на великомъ историческомъ событіи прошлаго представляеть не разрывъ съ жизнью, а средство набрать въ этомъ отдыхѣ новыя силы, новую энергію для жизненной борьбы.

Читатель смѣется. «Что за дикій взглядъ!—говоритъ онъ,—не полна ли наша литература обвиненіями нашего общества въ дряблости, въ неспособности къ энергіи, къ проявленію личнаго характера? Не сознается ли громко большинство нашихъ лучшихъ сатириковъ, беллетристовъ, фельетонистовъ въ тоскливомъ безсиліи предъ вопросами жизни? Не смѣшны ли и не гадки ли голоса тѣхъ риторовъ; которые требуютъ мажорныхъ нотъ и лирически-торжественныхъ отношеній къ жизненнымъ вопросамъ отъ литературы, насквозь проникнутой тоскою безсилія, невозможностью справиться съ задачами жизни? А вдругъ тутъ какой-то жалкій, неизвѣстный критикъ говоритъ о людяхъ, «набирающихъ новыя силы, новую энергію для жизненной борьбы». Дикій взглядъ! Нелѣпая фантазія! Мы не боремся съ жизнью, а предъ нею сгибаемся въ три погибели, уклоняемся, какъ можемъ, отъ ея слишкомъ тяжелыхъ ударовъ; мы сторонимся отъ жизни, насколько умѣемъ, если мы еще не совсемъ испорчены, или въ противномъ случаѣ, стараемся сорвать съ нея возможно большее количество наслажденій, стараемся словить возможно болѣе рыбы въ мутной водѣ. Но идти на жизненную борьбу! выработать въ себѣ для нея энергію! набирать для нея новыя силы! Это—совершенно фантастическія побужденія. Критикъ имѣеть въ виду несуществующую публику».

Нѣтъ, читатель, вы напрасно смѣетесь. Смѣшны и гадки риторы, требующіе восторговъ, когда тяжелая тоска господствуетъ надъ всѣми умами, но эта тоска, ясно выражающаяся во всѣхъ

честныхъ и живыхъ произведеніяхъ нашей литературы, есть не бесплодная, не безсильная тоска. Это — тоска, свидѣтельствующая о невозможности примириться съ наличными условіями жизни, это — тоска искателей выхода, искателей правды. Въ ней звенитъ неумирающая нота эпергін, пассивной въ данную минуту, вслѣдствіе тяжелыхъ условій среды, по которая можетъ, должна стать активной при первой возможности. А исторія въ своихъ безпре-
станныхъ видоизмѣненіяхъ и въ колебаніяхъ ея волнъ создастъ эти возможности. Нѣтъ, читатель, прислушайтесь внимательно къ этимъ тоскливымъ пѣснямъ, къ этимъ унылымъ возгласамъ; взгляните къ тѣмъ тысячамъ читателей, которые признаютъ въ этой литературѣ отраженіе своего душевнаго состоянія, и вы не скажете, что это — безсиліе жить, не скажете, что это — робкое уклоненіе отъ задачъ жизни. Я слышу подъ этими звуками жажду жизни...

Много ли, мало ли, но есть люди, которые берутъ Шекспира и книгу о Шекспирѣ не какъ сладкій пирогъ, щекочущій первы вкуса, не какъ одинъ изъ элементовъ существованія, отворотившагося отъ всѣхъ жизненныхъ заботъ и вопросовъ, но какъ отдыхъ души, глубоко проникнутой этими заботами и вопросами, какъ міръ иной, но не чуждый, изъ котораго можно вынести не уясненіе этихъ заботъ, не рѣшеніе этихъ вопросовъ, но то, болѣе возвышенное, настроеніе духа, при которомъ и заботы и вопросы минуты перестаютъ быть подавляющимъ кошмаромъ, но становятся на свое мѣсто въ іерархическій рядъ вопросовъ и заботъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, какъ заботы и вопросы жизненной борьбы, начавшейся съ началомъ человѣчества, продолжающейся до сихъ поръ и въ которой каждый развитой человѣкъ обязанъ участвовать, по мѣрѣ своихъ силъ. Да, эти люди есть, и мнѣ кажется, что ихъ не такъ мало и между нами, какъ это представляется поверхностнымъ наблюдателямъ, и къ нимъ-то я преимущественно и обращаюсь съ моею статьею; ихъ имѣю я преимущественно въ виду въ минуту ихъ отдыха отъ тяжелыхъ заботъ, отъ мучительныхъ попросовъ.

Потолкуемте на минуту, невѣдомые читатели, о предметѣ, не относящемся къ этимъ тяжелымъ заботамъ, къ этимъ мучительнымъ вопросамъ. Отдохнемъ на образѣ давно сошедшаго со сцены

жизни великаго поэта и на вопросъ о значеніи его «безсмертныхъ» произведеній для нашего времени.

Что можетъ намъ дать Шекспиръ?

Прежде всего можно подумать о чисто-эстетическомъ наслажденіи; но эстетическое наслажденіе, доставляемое намъ самими замѣчательными произведеніями искусства, весьма различно, смотря по тому, создано ли оно нашимъ современникомъ, участникомъ нашихъ житейскихъ заботъ и волненій, или художникомъ иной страны и иного времени, которому былъ болѣе или менѣе чуждъ нашъ духовный міръ, предъ творческою мыслью котораго стояли иные вопросы. Это наслажденіе различно еще и по самому роду произведенія, созданнаго художникомъ, потому, принялъ ли онъ орудіемъ своего творчества міръ его окружавшій, воспроизводя его именно въ тѣхъ характеристическихъ чертахъ, которыя были восприняты имъ, художникомъ, изъ этого міра, или міръ условный, созданный изъ знанія прошлаго или фантастическихъ преданій, съ одной стороны, и той доли современныхъ художнику вѣрованій и житейскихъ аксіомъ, безъ которыхъ самое изящное произведеніе историческаго или фантастическаго характера не могло бы найти себѣ отзвука въ эпоху художника да, въ сущности, не могло бы и создаться въ его воображеніи. Мы иначе наслаждаемся «Ревизоромъ» Гоголя, «Охотниками» Перова или «Бурлаками» Рѣпина, «Новью» Тургенева, или «Корабейниками» Некрасова, чѣмъ величайшими произведеніями современныхъ иностранныхъ художниковъ, а тѣмъ болѣе художниковъ иныхъ эпохъ,—иначе, чѣмъ сценами Л. Толстого изъ общества временъ Александра I, или картинами Ге или Крамского изъ жизни Петра или изъ евангельской эпохи, или статуями Антокольскаго, даже чѣмъ «Исторією одного города» нашего сатирика. Здѣсь я совершенно устраниаю возможныя несогласія о большей или меньшей отдѣлкѣ и законченности художественной формы въ упомянутыхъ произведеніяхъ и останавливаюсь только на элементѣ патетизма, въ нихъ заключающемся и вводящемъ зрителя, читателя или слушателя въ душевный міръ художника. Гармоничность, отдѣлка и законченность избранной формы есть всегда первое и неизбѣжное условіе художественнаго творчества, безъ котораго оно перестаетъ быть художественнымъ; но лишь очень немногіе гастрономы искусства способны наслаждаться и с-

ключительно достоинствами художественной формы. Здоровое наслаждение искусствомъ требуетъ всегда еще другого, жизненнаго элемента.

Отъ современнаго намъ художника, создающаго въ нашихъ глазахъ образы или душевныя настроенія изъ окружающаго насъ міра, мы требуемъ прежде всего художественной правды. Созданные имъ образы или душевныя настроенія не только должны заключать въ себѣ характеристическія черты личностей и настроеній, дѣйствительно существующихъ болѣе чисто и выпукло, чѣмъ мы видимъ въ настоящей, смѣшанной и всегда немножко пошлой дѣйствительности, но должны заключать именно самыя характеристическія черты той самой доли дѣйствительности, которую художникъ сдѣлалъ предметомъ своей творческой дѣятельности, т. е. то, что мы—публика, читатели, зрители, слушатели—считаемъ самымъ характеристичнымъ въ данной сферѣ окружающаго насъ міра. Отсюда споры и недовольства, вызываемыя самими замѣчательными произведеніями искусства, во имя того, что авторъ не освѣтилъ ту сторону дѣйствительности, которая намъ кажется самою характеристичною. Романистъ нарисовалъ борьбу двухъ общественныхъ группъ и выставилъ ярко и выпукло нравственное превосходство одной надъ другою. Но нравственные герои его интеллектуально слабы. Представители обѣихъ группъ кричатъ противъ «неправды» произведенія. «Это ложно, говорятъ одни,—между нами есть честные и искренніе люди, и это настолько характеристично, что безъ этого романъ становится не правдивымъ воссозданіемъ дѣйствительности, но каррикатурою, произведеніемъ, можетъ быть — и художественнымъ, но относящимся къ условному фантастическому міру». «Это ложно, говорятъ другіе,—мы не только нравственно стоимъ выше нашихъ враговъ, но многіе изъ насъ суть высшіе представители современной интеллектуальной силы, и это настолько характеристично, что авторъ, не указавъ этого, нарисовалъ фантастическую картину дѣйствительности». Мы удовлетворены лишь тогда, когда тѣ самыя жгучіе вопросы жизни, которые мучатъ насъ дни и ночи, встанутъ предъ нами въ образѣ, созданномъ фантазіею художника, въ лирическомъ его настроеніи, болѣе выпуклыя, болѣе живыя, чѣмъ въ нашемъ собственномъ умѣ, подавленномъ спутанностью житейскихъ мелочей, пошлостью обиденныхъ примѣсей къ самымъ серьез-

нымъ задачамъ. Да, это такъ, говоримъ мы, и переживаемъ втеченіе нѣсколькихъ минутъ, или нѣсколькихъ часовъ, лучшую долю собственныхъ душевныхъ мученій, душевныхъ радостей, отдыхая на яркомъ изображеніи того, что для насъ составляетъ нравственную жизнь, даже тогда, когда эта жизнь намъ доставляетъ одни мученія. Въ этомъ отдохновеніи на чистомъ звукѣ того, что вызываетъ большую часть страданіе въ смѣшанномъ шумѣ жизни, заключается тайна искусства, которую еще не разгадали современные психологи, но когда-нибудь разгадаютъ. Наибольшее эстетическое наслажденіе намъ всегда доставляетъ не полное отвлеченіе отъ заботъ дѣйствительности, какъ думаютъ многіе, но наиболее яркое, выпуклое и живое воплощеніе этихъ самихъ заботъ въ художественную форму. Чѣмъ болѣе мы переживаемъ собственной внутренней жизни въ данномъ произведеніи, чѣмъ непосредственно понятнѣе намъ его духовное содержаніе, тѣмъ дѣйствіе его сильнѣе, и художественная законченность отдѣлки становится въ этомъ случаѣ самымъ могучимъ орудіемъ для укрѣпленія въ насъ нашихъ нравственныхъ побужденій и самымъ лучшимъ лекарствомъ противъ раздраженія, вызываемаго въ насъ мелкими препятствіями, ошибками, недочетами, которые оказываются при обыденномъ опытѣ.

Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, весь міръ искусства—есть міръ условный, и драматическое искусство требуетъ, въ особенности, этой условности. Нѣкоторое преувеличеніе размѣровъ, измененіе дѣйствительной перспективы, полагаютъ эти критики, неизбежно во всякомъ произведеніи, особенно же въ драмѣ. Можетъ быть, тутъ есть значительная доля правды. Можетъ быть и то, что сторонники этого мнѣнія, въ нѣкоторой мѣрѣ, смѣшиваютъ два процесса совсѣмъ различныхъ. Характеристическія черты дѣйствительности въ художественномъ произведеніи выдѣляются изъ мутнаго міра реальной, наблюдаемой жизни, какъ чистый музыкальный звукъ выдѣляется изъ смѣшаннаго шума голоса. Въ этого выдѣленія нѣтъ искусства, какъ нѣтъ чистаго музыкальнаго звука. Но выдѣленные изъ жизненной пошлости характеристическія черты дѣйствительности остаются — или могутъ, кажется, остаться—въ томъ же правдивомъ отношеніи одна къ другой, въ какомъ онѣ были и въ жизни, какъ музыкальные звуки выражаютъ болѣе чисто и патетично то самое душевное настроеніе, которое заключается въ рѣчи, произнесенной обыкновеннымъ голосомъ. Впрочемъ, а не

имѣю въ виду останавливаться здѣсь на этомъ спорномъ вопросѣ. Оставляя, слѣдовательно, въ сторонѣ разборъ того, насколько въ художественное произведеніе, почерпнутое изъ современной жизни, входятъ условности, присущей самому процессу художественнаго творчества, мы неизбежно должны признать значительную долю условности для тѣхъ произведеній, которыя переносятъ насъ въ міръ болѣе или менѣе отдаленный отъ насъ по времени, или въ міръ сознательно измѣненный авторомъ: міръ сказки, утопіи, карриатуры. Здѣсь, чтобы наслаждаться, надо имѣть возможность послѣдовать за авторомъ въ міръ, имъ созданный. Надо, для міра историческаго, чтобы знаніе и пониманіе читателя, зрителя или слушателя было близко къ уровню знанія и пониманія художника. Надо, чтобы міръ сказки, утопіи или карриатуры, въ который вводитъ насъ художникъ, былъ намъ или привыченъ, или вполне ясенъ въ своихъ недѣйствительныхъ особенностяхъ, или соотвѣтствовалъ нашему личному стремленію представить одну долю этого міра въ радужныхъ краскахъ утопическаго ореола, другую—въ насмѣшливыхъ искаженіяхъ карриатуры. Здѣсь художникъ, живущій среди насъ, усвоившій наравнѣ съ нами извѣстный уголъ зрѣнія на прошедшее человѣчества (уголъ зрѣнія, всегда обусловленный злобою дня), проникнутый одинаково съ нами желаніемъ возвеличить одни явленія и порывы человѣческой природы и унижить другія, создаетъ вмѣстѣ съ нами условный міръ прошлаго (всегда съ примѣсю нашего настоящаго), или желательный намъ міръ радужной утопіи и желчной или юмористической сатиры. Мы наслаждаемся здѣсь художественною правдою иного рода, правдою, съ которою художникъ уловилъ нашъ уголъ зрѣнія на ту или другую эпоху, на ту или другую легенду; правдою, съ которою онъ осуществилъ наше желаніе восхищаться однимъ и унижить другое. Поэтому, если наше знаніе и пониманіе прошлаго расходится съ историческимъ кругозоромъ художника—все равно, стоитъ ли онъ выше или ниже насъ въ этомъ отношеніи,—то его историческое возсозданіе оставитъ насъ холодными, наше эстетическое наслажденіе пропадетъ. Если онъ идеализируетъ то, что насъ возмущаетъ, и ишетъ желчную карриатуру на то, чему мы живо чувствуемъ,—мы возмущены; его условный міръ преувеличенія намъ противенъ. Жизненно правдивыми, реалистическими картинами мы

еще можемъ наслаждаться, въ известной мѣрѣ, даже тогда, когда мы находимъ, что въ нихъ не заключается полной правды, не освѣщены самыя характеристическія для насъ стороны. Но міръ исторіи, противорѣчащій нашему пониманію прошлаго, міръ сказки намъ чуждый, міръ идеалистическихъ колоссовъ и совершенствъ, или сатирическихъ пигмеевъ и уродливостей, которые для насъ не колоссы и не совершенства въ одномъ случаѣ, не пигмеи и не уродливости въ другомъ, для насъ совсѣмъ невыносимы. Красота формы здѣсь большею частью безсильна доставить намъ наслажденіе: напротивъ, она возмущаетъ насъ своимъ диссонансомъ съ правдою...

Но вотъ передъ нами творцы иного времени, гениальные художники, жившіе иными жизненными заботами, возсоздавшіе въ своихъ произведеніяхъ реальную истину иного міра, нуждавшіеся, вмѣстѣ съ ихъ современниками, въ идеализированіи иныхъ стремленій и въ обрушеніи громовъ сатиры на иные общественныя явленія. Какъ мы, люди иной страны и иной эпохи, можемъ эстетически наслаждаться патетизмомъ, для насъ чуждымъ? Какъ намъ, помимо наслажденія исключительно формою, переживать душевныя волненія Гомера, Эсхила, Данте, Шекспира, Мольера, Бомарше, Гете?

Истинный «разборъ вѣковыхъ произведеній», по мнѣнію современнаго критика-художника, «весьма труденъ». «Ни одно великое твореніе не упало на землю, какъ камень съ неба; каждое изъ нихъ вышло изъ глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась этого счастья, что весь смыслъ современной жизни отразился въ ней не одними преходящими отголосками, но цѣлымъ, иногда довольно мучительнымъ развитіемъ характера и таланта; чѣмъ выше, проще и нераздѣльнѣе произведеніе, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе условія и процессъ его возникновенія». Но, рядомъ съ этимъ, критикъ увѣряетъ, что «вовсе не нужно дойти до сознанія этого процесса, чтобы вполне наслаждаться великимъ произведеніемъ», потому будто бы, что «непосредственная, несомнѣнная, общепонятная красота—необходимая принадлежность всякаго художественнаго созданія». Съ этимъ можно согласиться только въ отношеніи красоты формы для всякаго, кто выработалъ въ себѣ вкусъ къ ея воспріятію; но для того, чтобы наслаждаться жизненнымъ элементомъ художественнаго произведенія, необходимо имѣть

возможность пережить собственными чувствами, воображением или мыслью значительную долю того мира вѣрованій, убѣжденій, радостей, горя, желаній и борьбы, который составлялъ интеллектуальную и нравственную атмосферу художника; надо, насколько возможно, перенестись въ эту атмосферу.

Можемъ ли мы сдѣлать это для внутренняго содержанія великихъ художниковъ минувшаго? Можемъ ли мы, въ спеціальному случаѣ, составляющему предметъ этой статьи, сдѣлать это для Шекспира, одного изъ самыхъ великихъ представителей прошлаго въ искусствѣ?

Мнѣ кажется, что возможность подобнаго переживанія читателемъ или зрителемъ внутренняго міра писателя, принадлежащаго давно минувшей эпохѣ, обусловливается двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, насколько сама эпоха, по своимъ культурнымъ идеаламъ и стремленіямъ, имѣла опредѣленную характеристику; во-вторыхъ, тѣмъ, насколько авторъ проникся преимущественно особенностями этой эпохи и тѣми элементами ея, которые невозвратно погибли въ потокъ исторіи, или тѣми, которые еще стоятъ юпрсами предъ послѣдующими поколѣніями и живутъ, частью, среди насъ.

Въ этомъ отношеніи періодъ возрожденія и реформаціи, отдѣляющій средніе вѣка отъ новаго времени, представляетъ много характеристичнаго, но нельзя сказать, чтобы истинное его значеніе въ исторіи было уже вполне выяснено существующими по этому предмету историческими трудами, хотя многія вѣрныя, но отрывочныя замѣчанія можно встрѣтить у современныхъ историковъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Одинъ изъ представителей отживающаго нѣмецкаго идеализма, Морицъ Корьеръ, пишетъ въ своемъ большомъ трудѣ о разсматриваемой эпохѣ: «Стремленіе къ личной самостоятельности и къ чисто-человѣческому развитію обозначаетъ новый періодъ въ возрастѣ міра, характеризованномъ усиленіемъ внутренней духовной жизни (das Weltalter des Gemüths). Этотъ періодъ начинается самоутвержденіемъ, самостоятельнымъ проявленіемъ воли и ведетъ къ самознанію, находящему подтвержденіе всему сущему и источникъ истинны въ собственномъ мышленіи. Это обусловливаетъ переходъ къ возрасту міра, характеризованному господствомъ духа (das Weltalter des Geistes)».

Представитель натуралистическаго развитія въ исторіи, отрица-

ющій всевозможные идеалы, Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ, говоритъ объ эпохѣ возрожденія: «Ея сущность заключается въ томъ, что развитое человѣчество этой эпохи раздѣлилось со средними вѣками, освободилось отъ оковъ средневѣкового духа, послѣ того, какъ задачи послѣдняго были выполнены, идеалы его вымерли, силы распались. Однимъ словомъ, это была эпоха, когда, вслѣдствіе естественнаго закона развитія, должно было оставить за собою достигнутую съ трудомъ ступень средневѣковой культуры. Изъ неловкаго дѣтства народы Европы перешли въ возрастъ юности съ его выгодами и съ его недостатками. Отъ ряда заблужденій люди перешли къ другому ряду заблужденій, который прославляли какъ побѣдоносное знамя истины... Чувство зависимости отъ высшей, таинственной силы, которое прежде управляло народами и отдѣльными личностями, замѣнилось призрачнымъ чувствомъ собственной силы, химерою сознанія свободной воли... Всю эпоху проникаетъ снѣжая любовь къ природѣ, обнаруживающаяся одновременно и въ наукѣ и въ искусствѣ; но объективной истины не слѣдуетъ искать въ произведеніяхъ «возрожденія», какъ и въ другихъ обнаруженіяхъ его духа. Преимущественно стремятся къ красотѣ внѣшняго проявленія, точно также, какъ творенія гуманистовъ проникнуты воодушевленіемъ къ благородству и къ добру. Прозанчески-полезнаго и истиннаго еще не понимаютъ. Весь періодъ проникнутъ ароматомъ поэзіи, цвѣты которой оборвала бы грубая проза истины, еслибы сущность этой истины была уже уловлена».

«Въ концѣ XV и началѣ XVI вв.—пшеть г. Стороженко—въ умственной жизни западной Европы чувствуется особое, небывалое дотогѣ оживленіе. Къ этому времени, словно къ заранѣе назначенному пункту, стекаются отовсюду элементы умственного и соціальнаго обновленія: окончательное паденіе феодализма и тѣсно съ нимъ связанное установленіе прочнаго государственнаго порядка, открытіе Америки и морскаго пути въ Индію, изобрѣтеніе книгопечатанія, возрожденіе науки и, наконецъ, религіозная реформа. Шумъ движенія не умолкаетъ ни на минуту; вездѣ видна усиленная дѣятельность, жгучая жажда знанія, судорожное желаніе поскорѣе разорвать оковы духовной тирани, стѣснявшіе вырожденіе многихъ вѣковъ всѣ порывы человѣчества къ болѣе разумному существованію. Хотя проявленія этого великаго умственнаго движенія весьма разнообразны, однако они сами собою группируются вокругъ двухъ цент-

ральныхъ пунктовъ, двухъ взаимно обуславливающихъ другъ друга идей—возрожденія и реформы. Подъ совокупными ударами этихъ двухъ великихъ факторовъ новой цивилизаціи колеблется и рушится, по-видимому, крѣпко сколоченное зданіе средневѣковой вѣры и науки. Борьба ведется почти одновременно на двухъ почвахъ, и побѣды гуманизма готовятъ собою успѣхи реформаціи.

«Въ періодъ возрожденія и реформаціи—пишетъ Дауденъ (10 и слѣд.)—жизнь обратилась въ нѣчто реальное, именно, земная жизнь въ три двадцатилѣтія съ десяткомъ. Минули средніе вѣка, когда въ формахъ жизни господствовали ужасъ и униженіе, отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ радостей, мучительная и восторженная духовная жажда, а съ другой стороны—осужденіе скептицизма, ироніи и чувственности... Но въ періодъ возрожденія и реформаціи люди перестали замѣнять естественные факты міра сверхъестественными силами, личностями и событіями, люди обратились къ самимъ этимъ фактамъ и въ нихъ нашли поддержку для сердца, ума и совѣсти... Далекія страны земли не были всѣ наполнены вампирами и чертями... Ралей привезъ табакъ и картофель. Въ коллегіи своей «Новой Атлантиды» Бэконъ воздвигаетъ памятникъ изобрѣтателю сахара... Смѣльчаки шли основывать плаптаціи и завоевывать землю. Подобно тому, какъ эти искатели жадно стремились къ власти надъ физическимъ міромъ, расширяя владѣнія цивилизованнаго человѣка въ Индіи и въ Америкѣ, точно также другіе столь же жадно стремились, съ помощью научныхъ открытій, расширить власть человѣка надъ силами и областями природы. Ученый не былъ болѣе колдуномъ, чернокнижникомъ, чудотворцемъ при помощи нечистой силы; онъ былъ адвокатомъ въ судахъ, присутствовалъ въ парламентѣ, становился лордомъ-канцлеромъ Англій. Было доказано, что небо не состоитъ изъ ряда сферъ, двигающихся надъ землею и вокругъ земли, а что земля находится дѣйствительно среди неба. Это можетъ служить типомъ нравственныхъ открытій этого времени. Люди нашли, что земля находится среди неба, что Богъ пребываетъ не внѣ природы, соприкасаясь съ нею лишь въ непогихъ сверхъестественныхъ точкахъ, но что Онъ находится, вѣрнѣе говоря, вблизи каждаго изъ насъ; что и человѣческая жизнь священна, и что время—часть вѣчности... Новый духъ времени, часть котораго составляетъ протестантизмъ, открылъ во всей совокупности человѣческой жизни болѣе глубокую и истинную святиню, чѣмъ та, въ

которую могъ обратиться предметъ путемъ прикосновенія какого-либо церковнаго магическаго жезла. Бремя проклятiя было сброшено. Знанiе сдѣлалось благомъ и люди устремились къ увеличенiю запаса знанiя путемъ испытанiя природы и путемъ изслѣдованiя жизни человѣчества по памятникамъ древней литературы. Выѣшнее великолѣпiе стало предметомъ, которымъ могло откровенно наслаждаться зрѣнiе человѣка; люди постарались придать жизни блескъ... Красота была теперь признана благомъ; не райская красота, изображенная Анджелико, а красота «Монны Лизы» Леонардо, «Фарнарины» Рафаэли и «дочерей Пальмы» Веббiо... Отечествомъ каждаго человѣка въ это время былъ уже не небесный Иерусалимъ, но опредѣленная часть обитаемой поверхности земли; патриотизмъ сталъ добродѣтелью, и почитанiе королевы—частью религiи. Совѣсть стала правдивымъ свидѣтелемъ, дѣйствительное сознанiе грѣха, дѣйствительная потребность праведности стали личнымъ дѣломъ, принадлежащимъ къ самой интимной сущности человѣческой личности и перестали входить въ область церковнаго механизма, продажи индульгенцій или папскаго разрѣшенiя... Любовь, дружба, бракъ, семейная связь, ревность, честолюбiе, ненависть, месть, честность, преданность, милосердiе—это все не были предметы, лишеныя значенiя потому только, что они принадлежатъ къ скоропреходящему миру; человѣческая жизнь имѣла значенiе, а потому и всѣ они имѣли значенiе, какъ источники блаженства или проклятiя въ человѣческой жизни. Можетъ быть, и небесное существованiе совершенно реально; мы твердо вѣримъ, что оно такъ; но пока предъ нами наша земля, какъ существенный, неоспоримый фактъ».

Далѣе, сопоставляя съ Шекспиромъ Спенсера, Бэкона и Гукера, Дауденъ говоритъ (22 и слѣд.): «Нельзя-ли отыскать чего-либо общаго въ научномъ движенiи, въ религiозномъ движенiи и въ драмѣ этого перiода? Обще имъ всѣмъ, повидимому, разнообразное стремленiе къ положительному, конкретному факту... Поэзiя въ перiодъ Елизаветы получила совершенно человѣческое основанiе. Никакой фатумъ не управляетъ поступками человѣка или исторiей семей; единственный фатализмъ, продолжающiй дѣйствовать, есть фатализмъ характера... Могучая жизненность драмы временъ Елизаветы чисто свѣтская. Для нея реально все, что встрѣчается на поверхности земли; о реальности же другихъ вещей она не заботится... Религiозна ли драма вѣка Елизаветы? Нѣтъ, не ре-

лигіозна, если религія есть нѣчто пребывающее выше человѣческой жизни, нѣчто отвлекающее человѣка отъ всего земного; нѣтъ, если высшіе процессы религіи заключаются въ достиженіи доступа къ божеству, при посредствѣ спеціальныхъ церковныхъ обрядовъ, освященныхъ мѣстъ и личностей. Да, драма эта религіозна, если священные сами факты земной дѣйствительности, если они составляютъ часть божественнаго порядка вещей, если они проникнуты высшимъ реальнымъ бытіемъ, которое мы можемъ постичь, но не можемъ познать, и которое проявляется въ мірахъ вещества и духа».

Во всѣхъ этихъ отзвѣхахъ о переходномъ періодѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени есть много вѣрнаго, но мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣрныя замѣчанія теряются въ ряду данныхъ сомнительныхъ или второстепенныхъ, въ другихъ же главные характеристическія особенности времени не вполне ясно выступаютъ.

Прежде всего слѣдуетъ указать, что рассматриваемый періодъ именно потому, что это періодъ перехода отъ одной цивилизациі къ другой, представляетъ самъ въ себѣ нѣсколько фазисовъ. Обнимаемая около полутора вѣка (съ половины XV до начала XVII), онъ не представляетъ вовсе одного сплошного цѣлаго. Эпоха инкунабуль и флорентійскаго обожанія Платона не совѣмъ то, что эпоха Колумба, Эразма Роттердамскаго, Лютера, Макіавелли, Коперника и Рафаэля, какъ время Раблэ не то, что время Монтэна, или время Шекспира, Лопе-де-Вэга, Сервантеса, Галилея, Кеплера и Франсиса Бэкона.

Нѣсколько теченій одновременно сталкиваются и попеременно господствуютъ въ различные моменты этого періода, и одна и та же характеристика вовсе не годится для всего этого времени. Шекспиръ создаетъ свои драмы, когда нѣсколько улеглась уже бурная волна; которая несла чрезъ весь періодъ возрожденія и реформаціи обломки разныхъ старыхъ авторитетовъ и развивающіеся элементы новыхъ общественныхъ организмовъ, тогда какъ Макіавелли писалъ своего «Государя» въ эпоху, когда самые сильныя умы не могли отдать себѣ отчетъ, что выйдетъ изъ начавшагося столкногенія стихійныхъ силъ общества и какой элементъ восторжествуетъ въ этой борьбѣ. Для нашего времени представители этого періода и результаты ихъ труда (художественнаго, научнаго или общественнаго) имѣютъ совершенно различное значеніе, смотря по тому, какою элементъ въ нихъ господствуетъ: тотъ ли, кото-

рымъ весь этотъ періодъ связанъ съ предшествующими эпохами и для насъ представляетъ лишь археологическій интересъ, или тотъ, которымъ это время связано съ задачами настоящаго, тотъ, къ которому относятся вопросы, еще и теперь подлежащіе рѣшенію. Лютеры и Яковъ Бэме для насъ совсѣмъ уже непонятны; Макіавелли стоитъ предъ послѣдующими поколѣніями загадкою, которую рѣшаютъ снова и снова и все не могутъ надлежащимъ образомъ рѣшить; Лопе-де-Вега, лишь при нѣкоторомъ усиліи воображенія, доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе; Раблэ насъ изумляетъ формами, вполне принадлежащими среднимъ вѣкамъ, въ то время какъ предъ его мыслью уже открылись совершенно новые горизонты.

Монтэнь чуть ли не первый писатель, котораго мы можемъ достаточно понимать, чтобы признать его вполне принадлежащимъ новому времени. Итакъ, вопросъ о значеніи Шекспира для нашего времени разрѣшается не только общимъ отношеніемъ всего періода возрожденія и реформациі къ нашей эпохѣ, но еще особенностями мѣста и времени, когда дѣйствовалъ Шекспиръ въ этомъ періодѣ, и тѣми теченіями времени, которыя въ эпоху Шекспира получили въ Англии преобладаніе. При различныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи, значеніе стариннаго писателя, не смотря на красоту формъ его творчества и на его значеніе для своего времени, можетъ быть для нашего весьма различно.

Средневѣковая цивилизація была характеризована вообще преобладаніемъ религіозныхъ вопросовъ надъ всѣми прочими, какъ въ области теоретической мысли, такъ и въ области практической дѣятельности, и, въ частности, господствомъ идеала единой универсальной церкви, какъ органа истинной религіи, какъ источника всякой теоретической мысли, какъ главы всякой общественности. Оппозиція противъ этого частнаго идеала и противъ этого общаго стремленія ни на минуту не исчезала въ средневѣковомъ обществѣ и принимала самыя разнообразныя формы, отъ языческихъ обрядовъ простонародья, до скептицизма схоластиковъ въ университетахъ Парижа или Падуи, отъ феодальнаго грабежа церквей до многочисленныхъ себѣ, вооружившихся противъ римской курии, отъ насмѣшливаго фабліо до самаго торжественнаго лирическаго проклятія. Но всѣ эти проявленія оппозиціи были отрывочны, часто противорѣчили другъ другу и потому были безсилны въ борьбѣ.

Къ XV вѣку стали болѣе рѣзко опредѣляться нѣсколько направле- ній этой оппозиціи.

Во-первыхъ, въ предѣлахъ чисто религіозныхъ интересовъ, господствовавшихъ въ средніе вѣка, усилилась оппозиція церковной раздѣльности, религіознаго сектаторства противъ господства единой церкви; эта оппозиція имѣла самыя широкія основы, такъ какъ затрогивала всѣ классы общества именно потому, что не выходила изъ области привычныхъ средневѣковыхъ господствующихъ интере- совъ, интересовъ религіозныхъ; она была, слѣдовательно, антицер- ковною оппозиціею, продолжавшею средневѣковую цивилизацію, не подрывая ея церковнаго идеала.

Во-вторыхъ, опять-таки въ предѣлахъ средневѣковыхъ заботъ и авторитетовъ, во имя почитанія античнаго міра, блескъ котораго ослѣплялъ средневѣковыхъ варваровъ впродолженіе цѣлаго тысяче- лѣтія, усилилась оппозиція свѣтско-языческая, противъ авторитета христіанскаго преданія; эта оппозиція охватывала исключительно интеллигентные классы и ставила ихъ въ противоположеніе съ массами, чуждыми традицій древняго міра; она подрывала сути средневѣковыхъ стремленій, но не могла имѣть будущности, какъ стремленіе возвратиться къ міру, настолько умершему, что онъ существовалъ лишь въ фантазіи гуманистовъ, въ мертвыхъ памят- никахъ, и всѣ практическія условія его осуществленія давно пере- стали имѣть мѣсто.

Въ-третьихъ, политическій ходъ событій противопоставилъ идеалу церковной организаціи идеалъ организаціи свѣтско-государственной, которая отодвигала теоретическіе интересы на второй планъ, руко- водилась интересами практическими, подчиняла себѣ церковь, какъ одинъ изъ элементовъ государства, и, во имя «праведнаго закона», во имя «государственной пользы», считала возможнымъ игнориро- вать тѣ авторитеты и тексты, которые служили отвѣтомъ на все въ средніе вѣка; эта оппозиція свѣтскаго государственнаго автори- тета церковному касалась, конечно, почти исключительно господ- ствующихъ классовъ общества, и становилась доступною массамъ лишь по своей связи съ національнымъ вопросомъ, о чемъ я скажу ниже.

Въ-четвертыхъ, мало по малу, на почвѣ единичныхъ, разсѣян- ныхъ трудовъ выработывался новый авторитетъ, не нуждавшійся ни въ какомъ сверхъестественномъ подтвержденіи, ни въ какомъ

авторитетъ «писаннаго разума» древняго права, ни въ какомъ декретѣ королей и парламентовъ, ни въ какомъ древнемъ текстѣ, ни въ какомъ церковномъ или античномъ преданіи; но, разъ установившись, онъ могъ разростись за всякіе видимые предѣлы, подчиняя себѣ и споры сектаторовъ, и эрудицію гуманистовъ, и государственные идеалы: это былъ авторитетъ точной науки, ограничивавшійся еще къ началу XVII вѣка самою скромною областью изслѣдованій, и всѣ завоеванія котораго были въ будущемъ; само собою разумѣется, что борьба научной критики противъ всѣхъ возможныхъ авторитетовъ не выходила изъ весьма ограниченаго круга специально-развитаго меньшинства.

Къ этимъ четыремъ главнымъ направленіямъ, подрывавшимъ средневѣковой строй, надо прибавить пятый элементъ, именно, все болѣе опредѣлявшуюся раздѣльность европейскихъ національностей, опиравшуюся на развитіе литературъ на нарѣчіяхъ нѣкоторыхъ центральныхъ мѣстностей, на усилившееся политическое и экономическое соперничество; этотъ элементъ содѣйствовалъ элементу церковной раздѣльности, оставался совершенно чуждъ антично-языческому и ново-научному элементу, относительно же элемента государственнаго могъ принять самыя разнообразныя отношенія, такъ какъ въ государствахъ, опиравшихся на рѣшительное преобладаніе одной національности надъ всѣми другими, онъ являлся союзникомъ государственности, въ государствахъ же, охватывавшихъ территоріи, населенныя различными національностями, противодѣйствовалъ ей.

Различныя фазисы переходнаго полуторавѣковаго періода, который можно вообще ограничить серединою XV столѣтія и послѣдними годами XVI, обозначились различнымъ участіемъ только-что указанныхъ оппозиціонныхъ элементовъ въ общественной жизни и ихъ взаимною борьбою. Слѣдующій періодъ цивилизаціи долженъ былъ обозначиться господствомъ свѣтско-государственнаго элемента въ практической сферѣ жизни и быстрымъ ростомъ свѣтско-научнаго элемента. Въ самомъ концѣ XVI вѣка и въ первые года XVII оба эти начала будущаго уже вполне опредѣлились, какъ элементы самостоятельныя и прочныя, и выступили въ союзъ другъ съ другомъ, заключивъ невысказанное обязательство не мѣшать другъ другу въ завоеваніяхъ, для которыхъ, въ мірѣ государства, предѣлы обозначались лишь господствомъ надъ цѣлымъ міромъ, а въ мірѣ

науки Фрэнсисъ Бэконъ набросилъ карту будущихъ завоеваній, выказывавшую неменьшіе честолюбивые замыслы. Но въ разсматриваемый періодъ значеніе этихъ двухъ элементовъ будущаго было чрезвычайно различно. Свѣтско-государственный элементъ, который боролся за господство издавна, стоитъ на виду съ самаго начала періода, и Людовики XI, Фердинанды аррагонскіе, Генрихи VII англійскіе связаны непрерывною традиціею съ Елисаветами и съ кардиналами Ришелье; здѣсь положеніе стало лишь отгрохеннѣе. Напротивъ, значеніе научной независимой критики совершенно ничтожно въ эпоху введенія книгопечатанія, а въ годы дѣятельности Кеплера, Галилея, Гэрвея и Фрэнсиса Бэкона она есть уже самостоятельная сила, признанная окружающимъ обществомъ. Фазисы борьбы періода возрожденія и реформы преимущественно обусловлены во ви́шнихъ формахъ проявленіемъ религіозно-сектаторскаго и свѣтско-античнаго элемента и отношеніемъ къ нимъ государственной власти. Сначала, на первый планъ выступаетъ свѣтско-античная, языческая оппозиція, охватывая все «образованное» общество и даже духовныя власти. Государственная власть является въ главныхъ центрахъ сильною поддержкою этого движенія и около дворовъ крупныхъ и мелкихъ монарховъ развивается свѣтско-античная культура, которая какъ-бы отрекается отъ всѣхъ главныхъ элементовъ средневѣковой вѣры и культуры. Затѣмъ, начинается реакція возвращенія къ религіознымъ интересамъ, которая есть въ то же время реакція массъ, чуждыхъ античной традиціи, противъ выдѣленія цивилизаціи господствующихъ классовъ. Элементъ реформы выступаетъ, какъ возвращеніе къ средневѣковому принципу, къ господству религіозныхъ интересовъ надъ всѣми прочими, какъ стремленіе возстановить первобытный міръ христіанства. Государственные центры относятся къ движенію сначала повсюду враждебно, однако потомъ въ разныхъ мѣстахъ вступаютъ въ союзъ съ сектаторствомъ, которое становится подъ духовное главенство свѣтской власти. Но едва совершился этотъ переходъ сектаторскаго движенія въ союзничество съ государственною властью, это движеніе почти повсюду теряетъ свою жизненность; изъ религіознаго движенія массъ оно обращается въ схоластику ученыхъ богослововъ новаго толка. Массы къ нему охлаждаются. Средніе вѣка умираютъ съ исчезновеніемъ обоихъ стремленій къ возврату невозвратимаго прошлаго: стремленіе возрожденія вернуться къ антич-

ному язычеству получает исходъ, соответствующій новому времени, въ созданіи новой филологіи, познанія древности; стремленіе реформаціи вернуться къ первобытному христіанству переходитъ въ попытки, съ одной стороны, отдѣлить область богословскаго знанія отъ новой области знанія свѣтскаго, съ другой—создать идеалистическую метафизику, которая объединила бы во имя новыхъ требованій разума вѣрованіе и знаніе, и въ сознательное обращеніе къ интересамъ свѣтскимъ въ общественныхъ вопросахъ. При этомъ новыя формы культуры ставятъ гораздо болѣе рѣзкую, чѣмъ прежде, черту между господствующими классами и массами народа, а развитіе фискальнаго давленія, придворнаго общестія, придворной литературы, утонченной роскоши, накопленіе богатствъ въ рукахъ членовъ разныхъ колониальныхъ компаній, а потомъ въ рукахъ промышленныхъ предпринимателей, обезземеленіе крестьянства и скопленіе рабочаго пролетаріата въ промышленныхъ центрахъ—все углубляютъ эту черту раздѣла, образуя изъ нея все болѣе опасную для общества пропасть.

Всѣ тѣ явленія этого періода, которыя характеризуютъ стремленіе вернуться къ античному міру или къ первобытному христіанству, принадлежатъ для насъ къ археологіи мысли и представляютъ лишь археологическій интересъ. Всѣ тѣ, которыя обусловливаются развитіемъ и разростаніемъ задачъ новаго міра, новаго свѣтскаго пониманія вещей и новыхъ свѣтскихъ преобразованій общества, остаются въ связи съ вопросами и теперь насъ занимающими.

И такъ, произведенія этого времени настолько безвозвратно устарѣли для насъ, насколько они отражаютъ сектаторскую борьбу реформаціи, явленія болѣе реакціоннаго, чѣмъ предшествующее ей возрожденіе. Они устарѣли для насъ и во всемъ, что выражаетъ обожаніе античнаго міра, поклоненіе его авторитету, который для насъ не можетъ быть авторитетомъ ни въ какомъ отношеніи.

Но и въ теченіяхъ, безусловно обусловившихъ поворотъ къ новому времени, т. е. къ общественному порядку XVII и XVIII столѣтій, мы не можемъ одинаково отнестись ко всѣмъ элементамъ. Есть задачи, которыя предстояло рѣшить XVII и XVIII вѣкамъ, но которыя для насъ поставлены совсѣмъ иначе и требуютъ совсѣмъ иныхъ рѣшеній. То рѣзкое культурное отдѣленіе господствующихъ классовъ отъ народныхъ массъ, которое мы только что отмѣтили,

какъ характеристическую черту періода, начавшагося XVII вѣкомъ, черту, подготовленную предшествовавшимъ временемъ, для насъ выказалось, какъ явленіе столь грозное, что мы не можемъ устранить нашего неудовольствія, когда находимъ, что авторъ періода возрожденія и реформаціи не видитъ всего значенія этого факта. Тѣ надежды, которыя возлагались на государственныя мѣры Генриховъ IV, Елизаветъ, а позже на министровъ-реформаторовъ и на государей-реформаторовъ XVIII вѣка, для насъ суть уже надежды отцвѣтшія; мы очень хорошо знаемъ, что административная мѣра и обнародованный законъ безсилны при отсутствіи живого содѣйствія со стороны самаго общества. Поэтому псевдо-классическая французская литература, имѣвшая такое громадное вліяніе на всю Европу въ XVII и XVIII вѣкахъ именно потому, что она была вызвана культурнымъ раздѣленіемъ классовъ и обожаніемъ центральной власти, остается для насъ литературою вполне чуждою, для наслажденія эстетическими достоинствами которой намъ приходится дѣлать довольно значительное усиліе воображенія. Когда Рашель передавала Федру, публика восхищалась Рашелью, какъ восхищается замѣчательною примадонной, но Федра Расина оставалась въ своихъ эстетическихъ достоинствахъ доступна лишь исключительнымъ литературнымъ лакомкамъ: эта литература отжила. Изъ нея намъ доступнѣе другихъ Мольеръ именно потому, что онъ относится сатирически къ этому отжившему для насъ міру; но слѣдуетъ замѣтить, что и Мольера мы понимаемъ уже по своему, влагая въ него содержаніе далеко не то, которое находили въ немъ современники, и Сарсэ совершенно вѣрно замѣтилъ, разбирая исполненіе «Мизантропа» въ 1879 г. въ Парижѣ, что артистъ нашего времени, чтобы вызвать сочувствіе публики, подчеркиваетъ въ Альцестѣ то, что Мольеръ вовсе не имѣлъ въ виду подчеркивать, и пересоздаетъ типъ «Мизантропа» сообразно задачѣ нашей эпохи.

Это наводитъ на указаніе новой особенности въ старинномъ авторѣ, способности уже чисто личной, которая дѣлаетъ его болѣе или менѣе доступнымъ для эстетическихъ наслажденій позднѣйшей публики. Способность его брать темы, допускающія пересозданіе подъ вліяніемъ новыхъ вопросовъ и возрѣній, становится здѣсь важнымъ условіемъ нашего наслажденія. Конечно, и тутъ вліяніе общаго характера эпохи остается значительнымъ, такъ какъ во всѣ эпохи способны дать типы, допускающіе пересозданіе обще-

ственной фантазією будущаго времени, но и личная склонность автора къ элементамъ человѣческаго характера, допускающимъ съ теченіемъ времени пересозданіе, а не замѣну другими элементами, играетъ здѣсь немаловажную роль.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ эпоха Елизаветы поставлена довольно выгодно. Какъ я сказалъ выше, въ это время броженіе эпохи возрожденія и реформаціи нѣсколько улеглось, и тенденціи новаго времени опредѣлились, причемъ въ Англии они выяснились съ меньшею односторонностью, чѣмъ въ другихъ странахъ. Религіозные интересы уступали болѣе явно свое господство свѣтскимъ въ странѣ, которая передъ этимъ имѣла канцлеромъ Томаса Мора, а теперь должна была видѣть на этомъ мѣстѣ Френсиса Бэкона, чѣмъ въ Испаніи Лопе де-Вэги, которая была въ то же время Испанією Филиппа II, или во Франціи Ронсара, которая была Францією варооломеевской ночи. Эпоха *Instaurativ magna* и Гарвея не была эпохою слѣпного обожанія древности, которое, впрочемъ, и вообще имѣло гораздо менѣе мѣста въ Англии, чѣмъ въ другихъ главныхъ центрахъ европейской цивилизаціи; зародыши научнаго пониманія древности можно подмѣтить здѣсь довольно рано. Можно было бы ожидать въ англійской литературѣ сильно характеризованнаго національнаго обособленія; но эпоха дальнихъ путешествій и завоеваній земного шара, эпоха колоніальной политики и всемірныхъ предпріятій представляла значительный противовѣсъ тенденціи къ національному обособленію именно въ странѣ, въ которой выработывался идеалъ «господства надъ морями». Эпоха Тюдоровъ была эпохою самаго напряженнаго (для Англии) возвеличенія идеала центральной власти; около личности Елизаветы сгруппировалась цѣлая школа придворныхъ поэтовъ-хвалителей; но самое напряженное возвеличеніе этого идеала въ Англии, которая только-что пережила эпоху войны Алой и Бѣлой Розъ, и которая должна была въ близкомъ будущемъ пережить эпоху Кромвеля, не могло дойти до того полнаго униженія человѣческаго достоинства, которое выказалось на материкѣ Европы въ эпоху Людовика XIV и его подражателей. Самое культурное раздѣленіе сословій, которое было неизбѣжнымъ результатомъ экономическаго и политическаго развитія періода, теперь только обозначилось въ своихъ главныхъ чертахъ и направленіяхъ, но должно было создать нѣсколько позже литературу, въ которую оно воплотилось совершенно опредѣленно.

При этих условиях исторической среды, могучий ум мог ставить предъ современниками не только вопросы, засавшіеся интересовъ эпохи, но и вопросы, обозначающіе стремленія будущаго. Именно: была одна область мысли, въ которой эстетическое творчество могло являться и являлось, отъ времени до времени, какъ полезный предшественникъ научной критики и точнаго метода. Всегда и вездѣ задачи теоретической мысли были тѣсно связаны съ лучшимъ иля худшимъ пониманіемъ отношеній человѣка къ окружающему его міру, какъ задачи практической мысли были столь же тѣсно связаны съ пониманіемъ жизненныхъ потребностей человѣка. Но научно-критическій путь, для точной установки того и другого пониманія, требовалъ многочисленныхъ предварительныхъ работъ, которыя и до сихъ поръ не совершены вполне удовлетворительно. Между тѣмъ, отношеніе человѣка къ окружающему міру и его жизненныя потребности развивались на дѣлѣ подъ многочисленными влияніями конкретныхъ явленій и событій, путемъ послѣдовательнаго исправленія частныхъ ошибокъ и послѣдовательнаго отпаденія частныхъ заблужденій, такъ что многія истины, теоретическія и въ особенности практическія, научно-критическая установка которыхъ до сихъ поръ не кончена, оказались угаданными довольно рано. Это особенно часто имѣло мѣсто въ области нравственныхъ убѣжденій, какъ при опредѣленіи началъ человѣческаго достоинства, въ виду господства обычнаго, религіознаго, юридическаго авторитета, такъ и при опредѣленіи условій солидарнаго общежитія между людьми. Старинныя изреченія, чуть не до-историческія поговорки и традиции о мыслителяхъ самыхъ отдаленныхъ временъ сохранили намъ, рядомъ со слѣдами древней дикости и древняго варварства, столь правильныя формулы для нѣкоторыхъ частныхъ человѣческой нравственности, что эти формулы перешли изъ поколѣнія въ поколѣніе почти безъ измѣненія и внушили даже нѣкоторымъ изслѣдователямъ цивилизации мысль, будто нравственный элементъ въ человѣчествѣ не прогрессируетъ, а прогрессируетъ лишь интеллектуальный. Во всѣ времена, именно въ процессѣ эстетическаго творчества, въ процессѣ созданія живыхъ личностей эпопей и драмы, въ процессѣ лирической выработки субъективнаго настроенія—совершались самыя неожиданныя и самыя вѣрныя отгадки психологическихъ и нравственныхъ истинъ, помимо научно-критическаго ихъ изслѣдованія. Сакунталь и Антигона,

Пріамъ и Гагенъ, псалмы и народныя пѣсни дали въ этомъ отношеніи болѣе богатый матеріалъ, чѣмъ книги Кхун-цзы и заповѣди разныхъ религіозныхъ учителей. Именно тѣ поэты, которые, какой расѣ и національности они ни принадлежали, сдѣлались поэтами человѣчества, хотя бы въ одной долѣ своихъ произведеній, именно они являются и самыми могучими отгадчиками въ области нравственной психологіи, которая и до сихъ поръ не получила научной обработки. Именно ихъ поразительныя открытія въ области нравственности постановили ихъ въ рядъ поэтовъ человѣчества, вывели ихъ изъ рядовъ иллюстраторовъ культуры даннаго народа и данной эпохи. Когда мы хотимъ узнать относительно какого-либо поэта-художника, что именно въ его произведеніяхъ могло остаться для будущихъ поколѣній предметомъ наслажденія и умственной пищи, намъ приходится узнать, помимо эстетической красоты его формы, сколько онъ угадалъ въ области человѣческой нравственно-психической жизни. Область нравственныхъ задачъ является поэтому одною изъ важнѣйшихъ при рѣшеніи вопроса, выше поставленнаго. При отсутствіи, правильныхъ научныхъ методовъ для этихъ открытій, даже до нашего времени, именно художникъ, способный угадать рациональное рѣшеніе жизненныхъ вопросовъ и воплотить это рѣшеніе въ живой образъ прежде, чѣмъ наука можетъ даже подуматъ объ установленіи всѣхъ частныхъ пути къ этому рѣшенію, именно подобный художникъ и является для насъ самымъ близкимъ представителемъ отдаленной отъ насъ эпохи.

Эпоха Шекспира и въ этомъ отношеніи весьма благопріятна. Тогда, на развалинахъ старой нравственности, опиравшейся на текстъ и авторитетъ, выработывалась новая нравственность, въ которой личное убѣжденіе, обусловленное критическимъ отношеніемъ къ старымъ нравственнымъ преданіямъ и новымъ житейскимъ вопросамъ, становилось главнымъ орудіемъ открытія нравственныхъ истинъ. Умъ гениальнаго художника, при подобныхъ условіяхъ, могъ имѣть широкое поле для открытій, которыя должны были пережить культуру его времени.

Поэтому Шекспиръ настолько можетъ быть источникомъ наслажденія не только для лакомокъ эстетики и археологовъ искусства, но и для развитога человѣка вообще, насколько его угадываніе рѣшенія нравственныхъ вопросовъ приблизило его къ нашему времени.

Здѣсь, въ частности, представляются три вопроса:

1) Насколько Шекспиръ освободился отъ традиціонной нравственности, которая, опираясь на текстъ и авторитетъ, устраняла личное убѣжденіе?

2) Насколько онъ угадалъ основную задачу нравственности нашего времени: отношеніе обязанности личнаго развитія къ обязанности общественной солидарности, или личной нравственности къ нравственности общественной?

3) Насколько онъ расширилъ свой горизонтъ нравственныхъ отношеній между людьми, признавая достоинство человѣка въ людяхъ разнаго общественнаго положенія, разнаго пола, разныхъ національностей, разной вѣры и разной расы?

На первый вопросъ мы уже знаемъ отвѣтъ, который дастъ Дауденъ относительно Шекспира. Признавая религіозный элементъ въ драмѣ вѣка Елизаветы, «если смышленны сами факты земной дѣятельности, если они составляютъ часть божественнаго порядка вещей» (29), онъ отрицаетъ въ этой драмѣ религіозный элементъ, насколько онъ является началомъ традиціоннымъ и обряднымъ, какъ «нѣчто отвлекающее человѣка отъ всего земнаго», доставляющее доступъ къ божеству, при посредствѣ специальныхъ церковныхъ обрядовъ, освященныхъ мѣстъ и личностей» (тамъ же). И въ другомъ мѣстѣ: «Чудесное не вторгается въ драмы Шекспира, разрушая связь и измѣняя самую сущность теченія жизни людей. Единственное чудо въ этихъ драмахъ—самъ міръ... Мы напрасно стали бы искать въ англійской драмѣ такихъ проявленій священнон тауматургіи, какія встрѣчаемъ въ «Autos» Кальдерона» (24).

Но мы имѣемъ въ этомъ отношеніи и болѣе опредѣленные указанія. Не ставя себѣ вовсе цѣлью подробное изслѣдованіе, которое могло бы утомить читателей, я ограничусь лишь двумя подобными указаніями.

Въ «Гамлетѣ» Шекспиръ ярко обрисовываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ традиціонную, клерикальную нравственность, въ виду настоящей жизни съ ея увлеченіями и страстями, съ ея горемъ и человѣческимъ безсиліемъ, и этихъ строкъ безъ всякаго комментарія достаточно для того, чтобы читатель или зритель чувствовалъ, какъ далеко остались позади поэта начала XVII вѣка среднѣвѣковые традиціонные взгляды.

Представитель традиціонно-клерикальнаго взгляда предъ мо-

гной бѣдной, жалкой Офеліи произносить только слова осужденія:

Прахъ и камни,
А не молитвы христіанъ должны бы
Ее въ могилу провожать...
Мы осквернили бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ всѣмъ, почившимъ въ мирѣ.

Въ «Генрихѣ IV» Шекспиръ рисуетъ государя, руководящагося не личнымъ нравственнымъ сознаніемъ, но традиціоннымъ благочестіемъ. «Онъ остается холоденъ къ великимъ плачамъ, его высшая цѣль—остаться безупречнымъ. Въ немъ нѣтъ ни жадности, ни честолюбія; тѣмъ не менѣе онъ проникнутъ эгоизмомъ, именно эгоизмомъ робкаго благочестія. Онъ добродѣтеленъ лишь отрицательно... Изъ боязни сдѣлать что-либо дурное, онъ опасается сдѣлать и то, что хорошо... Генрихъ бездѣятеленъ въ присутствіи зла и плачетъ. Онъ хочетъ, чтобы одежды его оставались чистыми... Успокоивая свою боязливую, раздраженную совѣсть, Генрихъ не способенъ дѣйствовать—и оставляетъ вещи идти ихъ путемъ... Безстрастіе Генриха не есть безстрастіе высшаго рода; онъ лишь не способенъ къ какому-либо волненію. Его примиреніе съ судьбой не есть тотъ миръ, который служитъ почвою для здоровой дѣятельности». (179—186).

Наше время настолько оставило за собою вѣру въ традиціонную нравственность, что насъ даже не поражаетъ это отрицательное отношеніе къ тому, что было единственнымъ источникомъ истины для среднихъ вѣковъ; насъ возмутило бы скорѣе противоположное отношеніе, которое требовало бы съ нашей стороны усилія мысли, чтобы стать на точку зрѣнія автора. Но вопросъ для насъ не исчерпанъ этимъ. Мы знаемъ, что традиція и авторитетъ не даютъ рациональнаго отвѣта на дѣйствительныя задачи нравственности. Мы возмущены представителемъ традиціи, который можетъ бросить лишь камень на могилу Офеліи. Мы чувствуемъ презрѣніе къ Генриху VI при всѣхъ его поучительныхъ изреченіяхъ: «И тварь, и человекъ стремятся къ верху»; «Блаженны миротворцы на землѣ»; «Велика Господня благодать»; «Намъ надо поучиться, какъ должно управлять». Но гдѣ же искать руководства для нравственной жизни? Какъ относиться къ злу, которое явно присутствуетъ въ мирѣ? Какъ поступать въ присутствіи частныхъ поро-

ковъ и въ присутствіи историческихъ бурь, которыя существуютъ независимо отъ нашей воли, независимо отъ нашего участія?

Средневѣковая нравственность давала на это нѣсколько рѣшѣній. но они всѣ для насъ не годятся.

Она говорила однимъ: устранись отъ царства зла и лжи, отъ временной преходящей жизни въ долины плача. Отвернись съ одинаковымъ безстрастіемъ отъ всего, что есть въ мірѣ хорошаго, или кажущагося хорошимъ, какъ отъ всего, что въ немъ дурно, или повидимому дурно; отъ Корделии, какъ отъ Реганы, отъ Порціи, жены Брута, какъ отъ Клеопатры, отъ Генриха V, какъ отъ Ричарда III, отъ Отелло, какъ отъ Яго. Все это одинаково ничтожно предъ картиною будущаго, неувыдающаго блаженства, или безконечнаго мученія.

Она говорила другимъ: стань выше людскихъ страстей и людскихъ раздоровъ. Судь принадлежитъ не тебѣ, и на тебѣ лежитъ одна обязанность: люби и прощай! услаждай всѣ страданія, заслуженныя и незаслуженныя; тебѣ братъ — Яго, точно также, какъ и Эдгаръ; Полоній и король Джонъ должны вызывать въ тебѣ такое же чувство самоотверженія, братской привязанности и братской преданности, какъ и идеалистъ Брутъ, несчастная Дездемона, несправедливо обвиненная Имогена. Все это одинаково достойные предметы любви и преданности, потому что любовь и преданность предписываются не человѣческимъ достоинствомъ, продуктомъ человѣческой гордыни, а одинаковой грѣховностью всѣхъ и cadaго.

Новое человѣчество также возмутилось противъ этой аскетической проповѣди одинаковаго во всѣхъ случаяхъ отвращенія отъ міра, какъ и противъ этой развращающей проповѣди безразличной любви ко всѣмъ людямъ. И та и другая, въ ихъ нивелирующемъ отношеніи къ личностямъ, немногимъ отходили отъ безсердечія священника, отказывающагося молиться надъ гробомъ Офеліи, или отъ душевной вялости Генриха VI, предоставляющаго злодѣяніямъ совершаться въ то время, когда онъ произноситъ поучительныя сентенціи. Новому времени надо было нѣчто иное.

Надо было дѣйствовать и бороться. Когда прошедшее выходитъ изъ могилы и требуетъ человѣка къ дѣлу, надо дѣйствовать, а не восклицать уныло съ Гамлетомъ:

Распалась связь времени, —
Зачѣмъ же я связать ее рождень!

Да, связь временъ распалась и постоянно распадается, и осужденъ на гибель, какъ «пропащій человекъ», тотъ, кто, какъ Гамлетъ, не умѣетъ повиноваться призванію духа, падъ которымъ совершенно преступленіе; тотъ, кто можетъ только ныть надъ тѣмъ, что его жизнь «ничтожище булавки»; можетъ лишь разсуждать «промежду себя» о «быть и не быть»; можетъ возвыситься лишь до укоровъ слабой женщины, которая внесла въ него съ молокомъ матери свою несостоятельность; тотъ, кто начнетъ дѣйствовать лишь тогда, когда уже у него самого лдъ течетъ въ жилахъ и когда будущаго для него уже нѣтъ.

Надо дѣйствовать и бороться. Надо различать людей. Подлѣ насъ есть Корделии и есть Реганы, и если мы будемъ безразлично относиться къ нимъ, намъ придется лишь произносить безумныя рѣчи въ пустынѣ, плакать надъ трупомъ удушенной Корделии и быть величественнымъ въ судѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ шутъ-юмористъ. Подлѣ насъ есть Дездемоны и есть Яго, и если мы не посмотримъ трезво на нихъ, если допустимъ, что наше довѣріе будетъ обмануто, то мы собственными руками совершимъ надъ собою ту казнь, которую предназначалъ намъ нашъ худшій врагъ, собственными руками задушимъ то, что намъ всего дороже, то «чудесное созданіе», въ которомъ живемъ.

Надо понимать среду, въ которой дѣйствуешь. Наши поступки должны быть соображены съ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ тѣхъ, среди которыхъ мы дѣйствуемъ. Когда граждане Рима восклицаютъ о Брутѣ: «Пусть царемъ онъ будетъ», то допустить Антонію на трибуну есть шагъ къ собственной гибели, и Брутъ погибнетъ. Когда Коріоланъ хочетъ быть консуломъ, онъ долженъ понимать, къ кому онъ обращается на выборахъ; когда онъ хочетъ руководить вольсками, онъ готовитъ себѣ гибель, если оскорбляетъ ихъ въ своей рѣчи. Джонъ, Ричардъ II, Генрихъ VI гибнутъ, потому что не понимаютъ среды, въ которой дѣйствуютъ. Генрихъ V выдвигается, какъ идеалъ короля, потому что всякое его дѣйствіе, всякое его слово отражаетъ идеалы общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ, потому что самыя слабости его молодости и недостатки его характера соотвѣтствуютъ грубымъ влеченіямъ времени, которое рисуетъ Шекспиръ и въ которомъ отражается эпоха самого Шекспира.

Гибель, если отступаешь предъ дѣломъ, которое предъ тобой

поставила исторія. Гибель, если въ дѣлѣ не различаешь друзей отъ враговъ, союзниковъ отъ противниковъ, если не присоединяешь пониманіе къ рѣшительности. Гибель, если не понимаешь, среди какихъ людей, въ какой исторической средѣ приходится дѣйствовать. Человѣкъ долженъ быть вооруженъ съ головы до ногъ для жизненной борьбы, вооруженъ знаніемъ и рѣшимостью, и никогда не долженъ отступать предъ борьбою, въ которую его вводитъ жизнь.

Это ученіе энергической жизненной борьбы, дѣйствительно, воплощается въ большинствѣ крупныхъ личностей, созданныхъ Шекспиромъ; въ однихъ отрицательно, обнаруживая гибель, которая постигаетъ человѣка, не умѣющаго бороться или отступающаго передъ борьбою; въ другихъ—положительно, выказывая торжество энергіи и пониманія. Гамлетъ и Отелло, Брутъ и Шейлокъ, Лиръ и Джульетта гибнутъ, не смотря на свои безспорныя способности или нравственныя достоинства, не смотря на симпатію, которую вызываютъ многіе изъ нихъ,—потому что въ ихъ вооруженіи есть слабыя мѣста, и ихъ враги подмѣтили эти мѣста, или потому, что событія должны были направить удары именно на эти мѣста. Но Генрихъ V и Просперъ, Елена и Яго достигаютъ цѣли, потому что они вооружены знаніемъ и рѣшимостью.

Трагедіи Шекспира могутъ быть съ успѣхомъ противопоставлены ученію о драматической справедливости, о томъ, что читатель или зритель долженъ оставлять книгу или театръ подъ вліяніемъ удовлетвореннаго требованія воздаянія каждому «по дѣламъ его». Отелло, Ромео и Джульетта, Лиръ, принадлежа къ величайшимъ эстетическимъ созданіямъ всѣхъ временъ, въ то же время идутъ на переборъ этому требованію. Поэтъ вовсе не стремится доказать, что вещи въ мірѣ идутъ постоянно противъ требованія драматической справедливости, какъ, очевидно, хотѣли доказать это нѣкоторыя произведенія французской беллетристики (наприм. «Атарполь» Эжена Сю, или многіе романы Додэ), по онъ игнорируетъ эти требованія. Я нахожу патянутыми объясненія Дюдена по этому предмету. Такъ, полемизируя противъ довольно узкаго взгляда Гервинуса относительно «Ромео и Джульетты», онъ говоритъ: «Сюжетъ трагедіи, какъ она была задумана поэтомъ, заключается не въ матеріальномъ успѣхѣ и не въ матеріальной гибели: это процессъ въ области духа; это осуществленіе или неудача осуществленія судьбы, болѣе возвышенной, чѣмъ судьба, зависящая отъ искус-

ства преуспѣвать въ жизни... Ромео и Джульетта... завершили свой жизненный путь. Они любили полною любовью. Ромео сталъ мучемъ. Джульетта внезапно разцвѣла въ женщину-героиню... Неужели нужно еще что-либо?» (128) Предъ загадками, представляемыми «Лиромъ», Дауденъ говоритъ: «Шекспиръ не пытается отиѣтить на эти вопросы. Шекспиръ выше цѣнить впечатлѣніе, которое производятъ сами факты, ихъ «облегчающее, возвышающее, расширяющее» дѣйствіе на духъ читателя, чѣмъ какое-либо объясненіе фактовъ... Сердце очищается не силою догматическаго ученія, но силою состраданія и ужаса» (280). И далѣе еще, въ главѣ о «юморѣ Шекспира», возвращаясь къ безутѣшнымъ развязкамъ этихъ драмъ, онъ резюмируетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: «Мы выносимъ всѣ эти сцены, такъ какъ знаемъ, что нѣтъ безусловной неудачи для любви и преданности, которыя презираютъ всѣ подобныя послѣдствія и не подчиняются ни случайности, ни времени, ни мѣсту. Но все-таки предъ нами страшный трагическій разладъ» (369).

Едва ли Шекспиръ имѣлъ въ виду удовлетвореніе требованій читателя или зрителя осуществленіемъ «судьбы болѣе возвышенной», чѣмъ успѣхъ въ жизни, едва ли онъ ставилъ себѣ задачей, что «нѣтъ безусловной неудачи для любви и преданности». Средневѣковая теорія безусловнаго провиденціализма, которая жила и позже, формулированная въ знаменитое изреченіе: *l'homme s'agitte, Dieu le mène*,—отражается въ псевдо-эстетическомъ требованіи драматической справедливости, отражается очень часто и въ мысли Даудена. Но оппозиція средневѣковой мысли, назрѣвшая въ эпоху возрожденія, извлекла изъ древней трагедіи и то міросозерцаніе, гдѣ фатумъ замѣняетъ провиденціализмъ. А въ драмахъ Шекспира провиденціализмъ дошелъ до минимума, какъ замѣтилъ Дауденъ въ приведенныхъ выше словахъ: «единственное чудо въ этихъ драмахъ—самъ міръ». Въ всякаго требованія драматической справедливости, въ всякаго ожиданія воздаянія «по дѣламъ и заслугамъ», развиваются въ драмахъ страсти, сталкиваются личности, и, по фатальнымъ законамъ господства наибольшей силы, способной обнаружиться при данныхъ условіяхъ, совершается переходъ отъ конкретныхъ посылокъ къ конкретному драматическому результату. Тѣ изреченія, въ которыхъ пытались открыть міросозерцаніе самого Шекспира относительно личнаго и провиденціальнаго элемента въ

жизни человека, являются каждый раз лишь неизбежнымъ продуктомъ развитія мысли личности, при данномъ теченіи драматическихъ событій.

Гамлетъ безсиленъ предъ задачею, на него возложенною трагическимъ прошлымъ, и неизбежно ищетъ исхода въ провиденціализмъ:

Насъ иногда спасаетъ безразсудство,
А планъ обдуманнй не удается.
Есть божество, ведущее насъ къ цѣли,
Какой бы путь ни избирали мы.

Если Гораціо и говорить: «это вѣрно», то можетъ ли онъ иначе отвѣтить другу, который страдаетъ безсиліемъ воли и съ которымъ приходится обходиться какъ съ неизлечимымъ больнымъ?

Но Елена, которая идетъ упорно къ цѣли (для насъ, въ сущности, недостойной такого упорства), опять-таки неизбежно поддерживаетъ сама себя своимъ отрицаніемъ провиденціализма:

Мы часто небесамъ приписываемъ то,
Что, кромѣ насъ самихъ, не создаетъ никто.
Памъ волю полную судьба предоставляетъ
И наши замыслы тогда лишь разрушаетъ,
Когда лѣнливо мы ведемъ дѣла.

Точно также разсуждаетъ и Эдмундъ, который нуждается лишь въ собственной изобрѣтательности для достиженія своихъ коварныхъ цѣлей.

За то несчастный Глостеръ, раздавленный событіями, столь же естественно возмущается противъ «произвола» силъ, посылающихъ ему мученія, и говорить:

Для боговъ .
Мы то же, что для ребятшекъ муха:
Насъ мучить—имъ забава.

И Макбетъ, когда у него нѣтъ болѣе надежды отстоять престоль, добытый цѣною слишкомъ рѣшительныхъ для него злодѣяній, воплощаетъ безнадежность, имъ овладѣвшую, въ отчаянномъ міросозерцаніи:

Что жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неустово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми,—сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеніемъ.

Наконецъ Болингброкъ, когда вся жизнь его прошла въ борьбѣ, въ которой онъ восторжествовалъ, но изъ которой вынесъ сознание крайней непрочности побѣдъ, такимъ образомъ достигнутыхъ, совершенно естественно проникнуть мучительною мыслью, что «не-вѣрна судьба людей», что

Наша жизнь какъ чаша,
Покорная лишь случаю слѣпому,
Должна поочередно наполняться
То радостью, то горемъ.

Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ изреченіяхъ мы видимъ воплощеніе угаданной поэтомъ истины, которая еще долго не должна была войти въ область научнаго пониманія человѣческой мысли, именно, что метафизическія міросозерцанія суть въ гораздо большей мѣрѣ результатъ личнаго жизненнаго опыта и личныхъ наклонностей—въ связи, конечно, съ общимъ состояніемъ культуры среды (эта поправка лежала внѣ горизонта самаго гениальнаго мыслителя начала XVII вѣка), чѣмъ результатъ отвлеченнаго и объективнаго мышленія. Но искать въ этихъ словахъ міросозерцанія самого Шекспира было бы странно.

Надо дѣйствовать и бороться; вотъ все поученіе, которое мы извлекаемъ изъ драмъ Шекспира; надо вооружаться для дѣйствія и борьбы; надо быть всегда готовымъ къ дѣйствию и къ борьбѣ; и когда минута драматическаго конфликта наступаетъ для каждого, вызвана ли ова личными влеченіями, или историческими событіями, надо рѣшительно встрѣчать неостратимое, употребляя для борьбы заранѣе приготовленное оружіе пониманія міра и людей, энергичскую рѣшимость, не полагаясь на двусмысленныя предвѣщанія темныхъ силъ, на провиденціальное руководство «къ цѣли», на «звѣзды», а черпая для дѣятельности и среди горя утѣшеніе въ томъ міросозерцаніи, которое намъ фатально подсказываетъ собственный нашъ характеръ.

Дауденъ въ значительной степени правъ, когда оканчиваетъ свою книгу словами: «Шекспиръ не даетъ намъ никакой доктрины, не истолковываетъ намъ міръ, не сообщаетъ намъ откровеній; но онъ даетъ каждому изъ насъ—мужество, энергію и силу для посвященія себя и своего труда на то, что жизнь открыла каждому изъ насъ, какъ лучшее, высшее и наиболѣе реальное, въ чемъ бы оно ни состояло» (449). Въ этомъ именно, какъ мнѣ кажется, за-

ключается одна изъ главныхъ чарующихъ силъ Шекспира, позволяющая ему переживать вѣка и говорить пужныя челоѣку истины послѣдующимъ поколѣніямъ, не смотря на историческія измѣненія культуры. Вопросы борьбы измѣняются для каждаго поколѣнія, но необходимость дѣятельнаго участія въ жизни, необходимость участвовать въ ней существуетъ для всѣхъ поколѣній, и каждое новое поколѣніе черпаетъ въ драмахъ Шекспира тѣ побужденія къ энергій, въ которыхъ нуждается всякій, кто способенъ участвовать въ исторической жизни своего времени, или, по крайней мѣрѣ, то уваженіе къ дѣятельнымъ, энергическимъ борцамъ за идеалы, которое необходимо даже самому «пропащему челоѣку», чтобы перейти въ лагерь проповѣдниковъ застоя и реакціи. Эпоха Шекспира и страна, въ которой онъ жилъ, были особенно благоприятны для этого новаго нравственнаго ученія, чуждаго текстамъ авторитетовъ. Эпоха Стюартовъ едва начиналась, и политическое идолопоклонство предъ «королемъ-солнцемъ» было еще въ будущемъ точно также, какъ хищничество лордовъ подъ маскою борьбы «за права» и за «принципы». Новые догматы лицемѣрной респектабельности той Англіи, которая выработалась послѣ «славной» революціи 1688 г., были тоже въ будущемъ. Мысль, избавившись отъ средневѣковыхъ путъ, вѣрила, что невозможны для нея новыя пути, которыя задумать нравственность въ мертвенности новыхъ формъ общежитія. Она вѣрила, что въ глубинѣ личнаго убѣжденія можно найти отвѣтъ на всѣ трудныя нравственныя вопросы, предлагаемыя личною и общественною жизнью, и развертывала предъ читателемъ, взаимъ забытыхъ текстовъ и схоластическихъ диссертаций, одно правило, которое казалось удовлетворительнымъ во всѣхъ случаяхъ: вооружайся для жизни, какъ можешь, и борись за то, что ты знаешь какъ истину!

Но за первымъ вопросомъ вставали другіе: безразлично ли, на что именно употреблена сила мысли и энергія воли? Если вѣтъ, то какая борьба соотвѣтствуетъ достоинству челоѣка? Гдѣ руководство для открытія этого истиннаго достоинства, для выработки того, что должно лечь въ самую основу личнаго убѣжденія? Что дѣлать личности, вооруженной сильной мыслью и энергическою волею, въ царствѣ заблужденій и зла?

Здѣсь уже художественное угадываніе нравственныхъ истинъ становится бессильно, такъ какъ пониманіе истиннаго челоѣческаго

достоинства окрашивается въ значительной мѣрѣ привычными взглядами данной эпохи, взглядами, отъ которыхъ очень рѣдко можетъ отдѣлаться самый могучій умъ.

Впрочемъ, здѣсь приходится дѣлать различіе между личными и общественными мотивами борьбы. Большая часть драмъ Шекспира посвящена борьбѣ во имя мотивовъ личныхъ, а, въ отношеніи личной нравственности, взгляды начала XVII вѣка не такъ далеко отстали отъ взглядовъ новѣйшаго времени, какъ въ области общественныхъ отношеній. Власть, какъ цѣль беззастѣливой дѣятельности, оцѣнивается Шекспиромъ также, какъ могла бы оцѣниваться авторомъ «Заговора Фьеско», и Ричардъ III, Макбетъ, Болингброкъ проходятъ предъ нами, не вызывая нравственного диссонанса между нами и поэтомъ эпохи Елизаветы. Но это не всегда такъ, и энергія, настойчивость Елены въ «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ» неизбежно являюся намъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ современникамъ Шекспира и самому Шекспиру. Мы находимъ, что здѣсь унижено человѣческое достоинство, что сила мысли и энергія воли, употребленная для подобной цѣли, могутъ быть развѣ извинены безуміемъ страсти, но представляютъ скорѣе предметъ для комедіи и сатиры, чѣмъ для серьезной обработки. Недостатокъ разработки «доктрины» истиннаго человѣческаго достоинства здѣсь чувствуется нами ясно, и инстинктъ гениальнаго художника оказывается безсильнымъ.

Но еще сложнѣе задачи, относящіяся къ общественной нравственности, къ тѣмъ элементамъ убѣжденія, которые опредѣляютъ отношенія личности къ людямъ вообще, связаннымъ съ нею общественнымъ союзомъ. Достоинство челоѵка опредѣляется не исключительно личною жизнью, но въ значительной мѣрѣ жизнью общественною. Онъ не можетъ не ставить себѣ цѣлей общественныхъ, не признавать обязанностей коллективныхъ. Вооруженный мыслью и энергіею, онъ можетъ, въ присутствіи заблужденія и зла, или заботиться о личной безупречности, развивая себя независимо отъ міра, его окружающаго, или стремиться къ развитію себя, путемъ скрѣпленія своихъ связей съ другими людьми и поднятія уровня общественнаго развитія. Онъ можетъ поставить себѣ цѣлью быть примѣромъ, образцомъ, предоставляя другимъ подражать ему, слѣдовать за нимъ, если они могутъ и хотятъ этого. Или онъ можетъ взять на себя роль энергическаго и пронизательнаго участ-

ника въ общемъ трудъ на общее развитіе, сдѣлаться дѣятельнымъ элементомъ общаго движенія, интеллигентнымъ орудіемъ усиленія общественной солидарности и развитія общества помощью этой солидарности.

Какая общественная обязанность въ этомъ отношеніи стоитъ выше?

Слѣдуетъ ли заботиться прежде всего о личной безупречности, какъ это дѣлали средневѣковые аскеты, въ виду загробнаго блаженства, какъ дѣлали это и древніе мудрецы, отвергавшіеся отъ общественной жизни для идеальнаго общечеловѣческаго гражданства?—Стоики, выдѣляясь изъ жизни, уходя отъ своей современности, не спасли стараго міра, а погубили его. Средневѣковые аскеты выродились въ развращенное средневѣковое монашество, которое возмутило современниковъ и вызвало не только требованіе реформации, но еще скептицизмъ и отрицаніе—относительно тѣхъ самыхъ идеаловъ, которымъ служилъ средневѣковой аскетизмъ. Спасти для новаго Іерусалима, или быть мудрецомъ—гражданиномъ міра, сторонясь отъ жизненныхъ волненій, оказалось противорѣчіемъ. И Шекспиръ сознавалъ это противорѣчіе. Онъ воплощалъ это сознание въ осужденіе личностей, уединяющихся отъ жизненной борьбы.

Но если нѣтъ спасенія въ гордомъ и презрительномъ уединеніи подвижника или мыслителя, то предметомъ подвига и работы мысли можетъ быть лишь солидарность съ другими людьми—скрѣпленіе человѣческихъ связей, выработка началъ, на основаніи которыхъ вражда и раздоры прекратились бы въ мірѣ, гармонія общественная, опирающаяся на нравственныя потребности человѣка, какъ на практическое пониманіе его существа. Если такова должна была быть задача новой нравственности, то поэтъ не могъ удовлетворить этой задачѣ однимъ требованіемъ энергической борьбы за убѣжденія. Ему приходилось угадать для новаго времени не только необходимость этой борьбы, но и тѣ основы, на которыхъ могло выработаться убѣжденіе въ человѣческой солидарности, и общія черты того пути, которымъ могла быть осуществлена эта солидарность. Ему приходилось дать «доктрину», которая замѣнила бы старыя тексты и не позволила бы развиваться новому лицемерному фарисейству,—доктрину, опирающуюся на научныя данныя и открывающую широкій путь прогресса.

Но для этого время Шекспира было неудобно, и самый геніаль-

ный писатель не могъ выйти изъ предѣловъ возможнаго для своего времени.

Братство всего человѣчества, во имя общаго прародителя, никогда осуществлено не было и даже не существовало попытокъ къ его осуществленію. Всего менѣе можно было думать о подобномъ братствѣ въ эпоху колониальнаго хозяйства, торговли рабами и зарожденія остъ-индскихъ компаній. Шейлокъ и Калибанъ свидѣлствуютъ намъ, что Шекспиръ не стоялъ въ этомъ случаѣ выше понятій своего времени, и весь творческій геній его лишь для лакомокъ эстетики можетъ заслонить нравственный диссонансъ, который мы чувствуемъ въ созданіи этихъ фигуръ поэтомъ эпохи Елизаветы и Якова I.

Братство вѣрующихъ представляло болѣе конкретный идеалъ для универсальной церкви. Но гдѣ была эта универсальная церковь при Шекспирѣ, послѣ варфоломеевской ночи, послѣ того, какъ втеченіи четверти вѣка (1533—1558), Англія только-что пережила нѣсколько прогнвоположенныхъ религіозныхъ гоненій, и внутри ея росло поколѣніе, которое должно было дожить до Кромвеля?

Правда, въ началѣ XVI вѣка въ этой самой Англіи раздается голосъ, обѣщавшій людямъ солидарность на почвѣ общаго труда; но этотъ голосъ былъ такъ одинокъ и обѣщалъ эту солидарность въ царствѣ Утопіи. Гораздо современнѣе была проповѣдь солидарности національной и государственной, причемъ послѣдняя воплощалась въ особу монарха. Слѣды этой религіи патріотизма и рюстущаго поклоненія монархическому принципу въ эпоху Шекспира слишкомъ многочисленны въ его драмахъ; чтобы стоило указывать ихъ. Та комбинація патріотизма съ монархическою лояльностью, которая выработывалась въ эпоху Елизаветы, вслѣдствіе самихъ личныхъ качествъ королевы, проявляется во всѣхъ драмахъ Шекспира изъ англійской исторіи. Всюду мы видимъ Англію, отчизну

столькихъ

Преемственныхъ монарховъ по рождению,
Прославленныхъ по рыцарскимъ дѣланъ
И подвигамъ.

Но Европа не даромъ прожила съ тѣхъ поръ три столѣтія— читателю и зрителю нашего времени мало этой символической и культурной солидарности. Для него, подъ символическимъ единствомъ государства, надо разглядѣть существованіе реальнаго един-

ства между группами и классами населенія. Въ общей формулѣ національнаго патриотизма ему хотѣлось бы различить, насколько это высокое чувство устраняетъ взаимную эксплуатацію соплеменниковъ и соотечественниковъ. Патриоты-лицемеры, патриоты-товарищески, патриоты-ретрограды намъ достаточно раскрыли свои истинныя хищническія побужденія, или свое отсутствіе всякой истинной любви къ гражданамъ, чтобы мы не вѣрили на слово разнымъ голословнымъ заявленіямъ «любви къ отчизнѣ». Поэтому и для Шекспира приходится спросить: какое пониманіе солидарности внутри государства скрывалось подъ тѣмъ, что для него было патриотической тенденціей?

Въ послѣднемъ отношеніи подданный Тюдоръ, который старался понять эпоху борьбы домовъ Йорка и Ланкастера, и личнымъ опытомъ узналъ шаткость претензій на престолъ той королевы, которая привлекла къ себѣ наиболѣе симпатіи подданныхъ, не считалъ, повидимому, особенно неприкосновенными правъ наследственности и ореола королевскаго вѣнца. Въ уста самаго жалкаго представителя власти, актера-короля Ричарда II, онъ вложилъ слова:

Весь бурный океанъ
Не можетъ смирить божественнаго мтра
Съ вѣчнаго чела. Дыханье смертныхъ
Не въ силахъ сдуть избранника небесъ.

Какъ въ личномъ убѣжденіи Шекспиръ искалъ основъ нравственности, независимо отъ всякаго авторитета и преданія, такъ и при спорѣ за корону онъ, повидимому, признавалъ на пее право за наиболѣе энергической и «царственной» личностью:

Прочь съ дороги!
Не будешь ты властителемъ того,
Кто самъ рожденъ, чтобы быть твоимъ монархомъ.

Если Генрихъ V, идеальный король Шекспира, говоритъ:

Пускай теперь возстанутъ,
Какъ грозная гигантская рука,
Всѣ силы міра—ни въ разлучить
Меня съ моею наследственной короной...

—то Генрихъ V является постоянно какъ личность, облеченная «царственнымъ величіемъ», и эту личность характеризуетъ черта,

что онъ дѣйствительно (у Шекспира) солидаренъ со своимъ королевствомъ,

...чей покой

Мы дѣнимъ выше насъ.

Но для между сословной солидарности эпоха Шекспира была эпохой неудобной. Будущее подготовляло, какъ сказано выше, обособленіе культуры высшихъ классовъ, господствующихъ экономически и политически, отъ культуры большинства. Если драма Шекспира не подпала тому эстетическому обособленію культуръ, которое такъ рѣзко проявилось въ псевдоклассической французской трагедіи, то тѣмъ не менѣе, подъ эстетическими формами, доступными всѣмъ классамъ, она ясно выказываетъ, что въ мысли автора противоположеніе господствующихъ классовъ общества подчиненнымъ пустило глубокіе корни. Не требованіе солидарности личнаго развитія исключительно-сильныхъ людей съ нуждами и потребностями массъ проглядываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Шекспиръ рисуетъ общественныя столкновенія, но необходимость подчиненія малоосмысленныхъ массъ болѣе могучему уму и руководству исключительныхъ личностей. Всего рѣзче это выражается въ отрывкѣ изъ «Генриха VI», въ «Кориоланѣ» и въ «Бурѣ». «Авторъ «Кориолана» — говоритъ [Бэдждотъ — «никогда не вѣрилъ толпѣ, старался и другихъ предостерегать отъ этого... Вы вообще замѣтите, что вездѣ, гдѣ упомянуть «гражданинъ», онъ дѣлаетъ или говоритъ что-нибудь глупое... Онъ (Шекспиръ) вездѣ хвалитъ то умѣренное, благоустроенное, сообразующееся съ обстоятельствами правленіе, въ которомъ классъ собственниковъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе, но не болѣе». Собственно, политическій идеалъ Шекспира, повидимому, — общество, управляемое умными и энергическими самодержцами, прислушивающимися къ общественному мнѣнію. «Нужно признаться — пишетъ Дауденъ (439) — что Шекспиръ, если и не «тори и джентльменъ», какъ говоритъ Гортлей Кольриджъ, то имѣлъ въ себѣ элементъ англійскаго консерватизма».

Едва ли этотъ отзывъ не слишкомъ слабъ для фактическихъ данныхъ: Никакая гениальность поэта не можетъ скрыть отъ современнаго читателя тотъ нравственный диссонансъ, который заключается въ противопоставленіи Кориолана римскимъ гражданамъ, и только «лакомки эстетики» могутъ наслаждаться тѣмъ презритель-

нымъ отношеніемъ къ протесту за свободу, который Шекспиръ влагасть въ уста Калибана «раба-чудовища»:

Свобода! у-у! свобода! у-у! свобода!

или въ уста сторонниковъ Джека Кэда, который хочетъ сдѣлать государство «общимъ достояніемъ», когда они утверждаютъ: «Пусть правителями будутъ работники; значить, мы должны управлять государствомъ. Совершенная правда: мозолистая рука — лучшій признакъ дѣльнаго человѣка».

Конечно, въ современной борьбѣ мнѣній найдутся представители мысли, которые съ радостью станутъ опираться въ этомъ случаѣ на авторитетъ Шекспира, и Ренапъ доказалъ это, продолжая «Бурю» въ своемъ «Калибанѣ», именно въ смыслѣ порицанія народнаго вліянія на общественныя дѣла. Но я предполагаю въ читателяхъ достаточно ясное пониманіе требованій отъ развитого человѣка нашего времени, чтобы не усомниться относительно взгляда ихъ на этотъ вопросъ. Демократическое теченіе въ области общественныхъ задачъ началось уже давно, захватываетъ все болѣе элементовъ, и если видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что ставить на первый планъ, то одну, то другую сторону общественнаго строя, то едва ли допускаетъ отступленіе въ общемъ направленіи теченія. Мы можемъ эстетически наслаждаться величественными фигурами Генриха и Коріолана, но ихъ отношеніе къ обрѣзающему ихъ «низшему» міру въ насъ вызываетъ невольное нравственное отвращеніе. Мы знаемъ, что никакое величіе ума, никакая энергія характера отдѣльныхъ личностей не могутъ замѣнить въ обществѣ дѣйствительной солидарности, которая зависитъ отъ единства стремленій разныхъ общественныхъ элементовъ, отъ отсутствія презрительнаго отношенія умственно и нравственно «высшаго» къ тому, что историческая среда поставила ниже его и въ чемъ презрительное отношеніе неизбежно вызоветъ протестъ, въ томъ или другомъ видѣ если не деморализуетъ «низшій» слой окончательно. Мы знаемъ, что Генрихи V, какъ ихъ рисуетъ Шекспиръ, «счастливыми исключенія», по извѣстному выраженію личности, не бывшей вовсе счастливымъ исключеніемъ. Да и тутъ самому Шекспиру приходится сознаться, что именно его подвиги создали то поколѣніе «лордовъ-волковъ», которые хищничаютъ около Генриха VI, вызвали и на-

устов», №№ 9 и 10, отд. 1.

родное движеніе Джэка Када, на которое поэтъ Елизаветы обращаетъ свои насмѣшки. Для насъ Коріоланъ унижаетъ себя своимъ отношеніемъ къ согражданамъ, какъ Просперо—своимъ отношеніемъ къ Калибану. Генрихи V, Коріоланы, Просперо могутъ быть величественны, какъ личности, но они не создаютъ и не могутъ создать общественной солидарности.

Недостатокъ «доктрины» тутъ обнаруживается съ полной рѣзкостью. Отсутствие пониманія источниковъ солидарности дѣйствій, во имя убѣжденія, должно было повести или къ новой лицемерной общественной рутинѣ (какъ оно и было въ Англии XVIII вѣка, особенно послѣ эпохи методизма), или къ самодурамъ-реформаторамъ, которые пытались сломать слой мысли и жизни цѣлыхъ населеній и, при лучшихъ намѣреніяхъ, при самой усиленной работѣ, приходили лишь къ внесенію въ общество новыхъ элементовъ раздора, къ развитію въ немъ новыхъ элементовъ хищничества. Личное убѣжденіе есть первая ступень человѣческой нравственности, которая освобождаетъ человѣка отъ рутины преданія и буквеннаго авторитета, но личное убѣжденіе, предоставленное инстинкту, развивается въ рѣдкихъ случаяхъ не патологически, особенно когда дѣло идетъ не о личныхъ влеченіяхъ, столкновеніяхъ и страстяхъ, а объ общественныхъ задачахъ, передъ которыми личность поставлена обстоятельствами. Для правильнаго развитія убѣжденія въ теоріи и въ практикѣ, личность нуждается въ критическомъ руководящемъ принципѣ, и этимъ руководящимъ принципомъ можетъ быть только укрѣпленіе и развитіе общественной солидарности, доктрина, которая указала бы, въ чемъ заключается эта солидарность и какъ она можетъ быть достигнута.

Какъ сказано выше, эпоха Шекспира не была благоприятна для установленія этой солидарности. Средневѣковая церковная солидарность разлетѣлась невозвратно въ дребезги, а создаваемая политическая и національная солидарность встрѣчала сильное препятствіе—въ растущемъ культурномъ обособленіи экономически и политически господствующихъ классовъ отъ массы. Это обособленіе проявилось довольно опредѣленно и въ драмѣ Шекспира, всюду, гдѣ онъ былъ поставленъ предъ междусловными отношеніями проявилось въ презрительномъ отношеніи ко всякому протесту на-

рода противъ высокоумія культурныхъ, господствующихъ единицъ ¹⁾. Вся эта сторона Шекспира для насъ отжила...

Конечно, тутъ не можетъ быть никакого повода для осужденія Шекспира. Самый могучій умъ не выходитъ изъ предѣловъ своего времени и подчиняется его теченіямъ. Время Шекспира замѣнило мертвую, традиціонную средневѣковую нравственность нравственностью, опирающеюся на личное убѣжденіе, и ни одинъ изъ современниковъ Шекспира ни въ какой сферѣ мысли не стоялъ выше его въ томъ могучемъ утвержденіи необходимости дѣятельной жизни и энергическаго осуществленія на дѣлѣ того, что однажды признано нами, какъ истина и благо. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ останется надолго, можетъ быть, навсегда, — источникомъ высшаго наслажденія не только эстетическаго, но и нравственнаго, источникомъ, укрѣпляющимъ для дѣятельности. Но время Шекспира выработывало культурное обособленіе господствующаго сословія, начало, подрывающее общественную солидарность. Шекспиръ отразилъ въ извѣстной мѣрѣ и это стремленіе, хотя, къ счастью, посвятилъ свое творчество гораздо болѣе образамъ личной страсти, чѣмъ общественныхъ столкновеній. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ, наряду съ многими множествомъ замѣчательныхъ художниковъ, невозвратному прошлому, и этой стороной его творчества могутъ наслаждаться — уже чисто эстетически — лишь тѣ немногіе, которые безъ особеннаго усилія могутъ перенестись въ строй мысли иного времени или которые тщательно развили въ себѣ спеціальннй органъ эстетическаго наслажденія, независимо отъ содержанія.

II. Слѣпышовъ.

¹⁾ Я ничего не говорилъ объ отношеніи Шекспира къ женскому вопросу, но и тутъ есть мѣста, которыя требуютъ археологическаго усилія, чтобы ими наслаждаться. Я сомнѣваюсь, чтобы развитой человѣкъ нашего времени безъ нѣкотораго нравственнаго усилія наслаждался «Усиреніемъ строптивой», даже въ частяхъ безспорно-шекспировскихъ, или симпатизировалъ той цѣли, которую такъ энергически преслѣдуетъ Елена въ «Концѣ всему дѣлу вѣнецъ», и тѣмъ унизительнымъ средствамъ, которыя она употребляетъ для этой цѣли.

Весенняя сказка.

Въ брилліантовой коронѣ,
 Непрístupенъ и суровъ,
 Царь-Морозъ сидитъ на тронѣ.
 Изъ серебрянныхъ снѣговъ.
 Борода его сѣдая
 Вся въ алмазахъ—не взглянуть!
 Но молчитъ старикъ, вздыхая,
 Свѣсивъ голову на грудь...
 Вьюга—драхлая старуха—
 Улеглась у царскихъ ногъ
 И рычитъ ему подъ ухо,
 Какъ озлившійся бульдогъ;
 Вѣтеръ—юркій и вертлявый—
 Тихо плачетъ, между тѣмъ...
 Но властитель величавый
 Непривѣтливъ, глухъ и нѣмъ.
 Онъ, насупившись угрюмо,
 Предался своимъ мечтамъ—
 И упалъ; скользнувъ безъ шума,
 Скипетръ къ царственнымъ ногамъ.
 Тишина кругомъ нѣмая,—
 Можетъ быть, передъ грозой?..

Вдругъ, ворвалась вихрей стая,
 Поднямая страшный вой!
 — «Царь, спасайся! Пѣсна свѣта—
 Битва намъ не удалась...
 Мы такого моря свѣта
 Не видали отродясь.
 Ослѣпились ваши очи
 Блескомъ царственной Весны:
 Мы во тьмѣ холодной ночи,
 Самъ ты знаешь, рождены...
 И—подобно темной тучѣ,
 Полный гнѣва и угрозъ,
 Вспрянулъ—грозный и могучій,—
 Вспрянулъ—смѣлый—царь-Морозъ!
 Взоромъ огненнымъ сверкая,
 Точно молніей ночной,
 Головою потрясая,
 Полетѣлъ онъ въ смертный бой...
 А за нимъ Стрибога внуки,
 Съ воплемъ ужаса въ груди,
 Простирая къ небу руки,
 Робко мчатся позади.
 Онъ не слышатъ: серебряной
 Чуть взмахнетъ своей клюкой,
 И потокъ осенній—льдистой
 Покрывается корой.
 Дунетъ онъ—и паръ морозный
 Воздухъ теплый леденить...
 И, властительный и грозный,
 По полянамъ онъ летитъ.
 Сталактиты и кораллы
 Разсыпаетъ тамъ и тутъ;
 А покорные вассалы
 Позади его бѣгутъ.
 Вдругъ, востокъ зарею алгой

Вспыхнулъ...

Видеть царь-Морозъ,
 Какъ, одернувъ покрывало,
 Солнце теплое зажглось,
 Какъ лучи струей цѣлебной
 Полились туда, сюда:
 Силой тайной и волшебной
 Раздались оковы льда...
 Зажурчалъ потокъ игривый...
 Травка первая глядитъ—
 Стебелекъ ея красный
 Зеленѣетъ и дрожитъ.
 Заструился снѣгъ ручьями...
 «Что за притча!—мыслить царь:
 «Я-ль, испытанный боями,
 Былъ когда безсиленъ встарь?..
 И куда дѣвались слуги?
 Вотъ ихъ вѣрность какова!..»
 А въ глазахъ пестрѣютъ круги,
 Тяжелѣетъ голова.
 Гнутся гордыя колѣни...
 Подъ наплывомъ страшныхъ грезъ
 Полонъ странной, томной лѣни,
 Таетъ, таетъ царь-Морозъ!
 Солнце красное неслышно
 Лететь лучей своихъ потокъ—
 И Весна-царица пышно
 Входитъ въ свѣтлый свой чертогъ.

П. Якубовичъ.

Прилебатель.

(Изъ воспоминаній учителя).

Быль темный и ненастный осенній вечеръ. Рѣдкія, но крупныя капли дождя порывисто бились въ окна моей комнаты. Старыя липы нашего сада гнулись и трещали подъ сильными напорами вѣтра, гнавшего по улицѣ ихъ сухую, пожелтѣвшую листву.

Я взялъ книгу и хотѣлъ читать. Но чтеніе что-то не вышло. Усиливающаяся непогода бѣсновалась за окнами и неистово скрипѣла старымъ, заржавѣвшимъ флюгеромъ на крышкѣ нашего колодца. На улицѣ было темно, хоть глазъ выколи, ни звѣздочки, ни огонька... Но не свѣтлѣе было на моей душѣ. Скорбныя думы, отрывочныя воспоминанія быстро проносились передо мною, какъ тѣ поблекшіе, гонимые вѣтромъ листья, образуя на душѣ какой-то безобразный хаосъ и гнетущее мучительно-непріятное чувство неудовлетворенности.

Жизнь изрядно таки потрепала меня. Бюрократическая среда, въ которой мнѣ пришлось вращаться, успѣла на меня наложить свой оригинальный, специфическій отпечатокъ. Подобно другимъ моимъ сослуживцамъ, я начинаю примиряться съ судьбой неизбежною и мало по малу, почти незамѣтно для себя и другихъ, дѣлаюсь хладнокровнымъ, исполнительнымъ,

умѣренно-либеральнымъ чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія. И куда подѣвалось прежнее страстное отношеніе къ дѣлу, горячая увѣренность, что я живу не для одного себя, что, служа, я приношу кой-какую пользу и другимъ. какъ педагогъ и воспитатель молодаго поколѣнія. Увы! Всѣ куда-то порастрыслось, поразвѣялось, затерялось среди груды всевозможныхъ инструкцій, циркуляровъ, разъясненій и дополненій, и остались мы всѣ таковы, каковы теперь, съ громкими либеральными фразами и безъ малѣйшаго признака самостоятельности...

Самостоятельность... О ней такъ мало приходится намъ слышать и вспоминать. Да и какаа въ нашей средѣ можетъ быть самостоятельность, когда малѣйшее пополозновеніе ее обнаружить считается у насъ чуть не «потрясеніемъ основъ», объясняется желаніемъ «упорствовать начальству»?.. Вѣдь у насъ, чуть-что, сейчасъ на сцену является § 41 нашего устава и, волей-неволей, приходится сознаться, что предпринимаемое нами не нашего ума дѣло. Даже такіе пустяки, какъ разсаживаніе учениковъ по мѣстамъ, и то дѣлается не по личнымъ нашимъ соображеніямъ, а подъ давленіемъ свыше. Наше дѣло только спрашивать и объяснять, разбирать ссоры и проступки своихъ питомцевъ, записывать ихъ въ кондунтъ и регулярно каждую ездѣлю подмахнуть свою фамилію въ тетрадь для записыванія уроковъ. Наше будущее—это длинная вереница спокойно прожитыхъ и до нельзя однообразныхъ дней, а тамъ, въ туманной дали, какъ нѣкій монументъ нашей педагогической дѣятельности, рисуется высшій окладъ, мѣстечко «повыше» и всякія другія подобныя же отрадные перспективы, доступныя чиновнику нашего вѣдомства. Даже теперь, когда мы не достаточно еще «оперились»,—въ насъ уже проявляется неудержимая склонность къ комфорту. По временамъ обнаруживается стремленіе просмотрѣть «Московскія Вѣдомости» и «Добро» князя Мещерскаго, хотя мы стыдливо завѣряемъ и себя и другихъ, что читаемъ эти газеты исключительно ради курьезовъ, встрѣчающихся въ нихъ на каждой страницѣ. Даже свои

прежніе молодые идеалы мы ухитрились вывернуть и переделывать на свой теперешній ладъ. Когда-то бурно выраженное въ одномъ изъ моихъ пріятелей желаніе: «жить для другихъ, помогать бѣднымъ и слабосильнымъ стать на ноги, чтобы идти по широкому пути прогресса и саморазвитія, незамѣтно испарилось и замѣнилось простыми словами: «учить», «ставить баллы», «садить въ карцеръ» и «награждать аттестами зрѣлости». Мы уже давно перестали мечтать о подготовкѣ энергичныхъ и полезныхъ общественныхъ дѣятелей, но вполне удовлетворимся, если наше педагогическое произведеніе сформируется въ такого же миролюбиваго, исполнительнаго и безсловеснаго чиновника, каковы мы сами. Въ своихъ обязанностяхъ педагога мы поступаемъ такъ, какъ надлежитъ, т. е. рассказываемъ одобренный министерствомъ учебникъ, строго придерживаемся предложенной намъ въ уставѣ программы, аккуратно являемся въ гимназію и иногда улыбаемся, чтобы внести въ урокъ нѣкоторое оживленіе. Какъ воспитатели, мы въ большинствѣ случаевъ придерживаемся старыхъ традицій и мало по малу начинаемъ убѣждаться въ незамѣнности въ-каши испытанныхъ ежовыхъ рукавицъ. Смѣемся надъ людьми, предлагающими воспитывать гимназистовъ по совѣтамъ «Семьи и Школы» и на извѣстное изрѣченіе «Сборника постановлений», что мы, какъ классные паставники, должны пользоваться полнымъ довѣріемъ и любовью своихъ учениковъ, — смотримъ какъ на то идеальное евангельское око, которое, при всемъ своемъ уваженіи къ религіи, мы вырвать не въ силахъ.

Какъ не прискорбно для нашего самолюбія, но надо сознаться, что въ нашей педагогической карьерѣ мы начинаемъ обрѣтать свое Монрепо, въ которомъ можно бы было съ комфортомъ успокоиться. Мы даже нѣсколько успѣли въ этомъ. Наши планы и стремленія уже сдузились до желанія выиграть въ ералашъ рубля полтора, а затѣмъ сытно и плотно покушать. Наши интересы сосредоточились на домашнемъ обиходѣ, на мелочныхъ тревоженъцахъ до нельзя однообразной жизни небольшого губернскаго городка, на «окружныхъ» сплетняхъ,

которыя мы охотно выслушиваемъ и осторожно распростра-
няемъ. Мы почти дошли до убѣжденія, что самые разумные
и счастливые люди тѣ, изъ которыхъ находится съ краю, ко-
торые уже съумѣли состряпать для себя покойное Монрепо,
гдѣ и успокоились съ миромъ.

Вотъ этотъ-то душевный миръ, да твердое сознание по-
лезности своего существованія мы при всемъ своемъ желаніи
не могли еще въ себѣ укрѣпить. Кажется ничего себѣ, жи-
вешь да поживаешь по разъ установившемся и одобрен-
ному начальствомъ росписанію, и вдругъ—словно тебя про-
рветъ. Дума за думой, одна другой печальнѣе, одна другой
непригляднѣе бесполезно мучать и надрываютъ сердце. Являются
тоска и апатія къ дѣлу, недовольство окружающимъ и невы-
носимо давящее чувство неудовлетворенности. Какъ будто жаль
чего-то... Какъ будто недостаетъ чего-то... Чего жаль, чего
недостаетъ?.. Роешься, роешься въ воспоминаніяхъ, точно желая
въ нихъ найти что то доброе, близкое и давно утраченное, не
смущаясь и не задавая столь обычнымъ у насъ вопросомъ:
«какое законное основаніе вы имѣете думать о томъ, что должно
быть погребено и забыто?». Но и воспоминанія приходятъ на
память какія-то безотрадныя и гнетущія, безъ всякой пользы
раздражающія и безъ того напряженные нервы. И въ нихъ
тотъ-же мракъ, тотъ-же хаосъ, что и за окномъ, и страстно
хочется, чтобы хоть болотный огонекъ, хотя-бы обманчивая
зарница блеснули среди царящаго кругомъ мрака.

Подобнаго рода размышленія волновали меня въ тотъ бур-
ный осенній вечеръ, которымъ я началъ свой рассказъ. Ни
книга, ни экспромты не могли меня отвлечь отъ нихъ.—
«Хоть-бы пришелъ кто-нибудь»,—думалъ я, тоскливо посматри-
вая на окно, темнымъ четырехугольникомъ вырѣзывавшееся на
свѣтло-сѣрыхъ обояхъ комнаты. Но мнѣ сейчасъ-же пришлось
сознаться, что это было одно изъ нелѣпѣйшихъ желаній, мо-
гущихъ придти въ мою голову. Въ такую ночь, какъ говоритъ
пословица,—добрый хозяинъ собаки не выпуститъ, а я еду,
что ко мнѣ явится какая-либо добрая душа съ цѣлью потол-

ковать и тѣмъ хотъ немного разогнать хандру скучающаго человѣка.

Стукъ отворившейся гъ сосѣдную комнату двери заставилъ меня вздрогнуть и, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить—«кто тамъ?»—послышался давно знакомый, тихій голосъ посетителя:

— Дома хозяинъ?

— Дома,—милости просимъ!.. почти съ радостью вскричалъ я и стремглавъ бросился на встрѣчу Максиму Ивановичу Кондрашкину.

Максимъ Ивановичъ былъ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ. Не знаю,—вѣрно-ли я выразился, назвавъ его сослуживцемъ. Быть можетъ, многіе изъ тѣхъ, среди которыхъ онъ вращается, прочитавъ невольню вырвавшееся у меня слово «сослуживецъ»,—презрительно вздернуть плечами. И Максимъ Ивановичъ нисколько этимъ не обидится,—ибо на то онъ и «прихлебатель». Помню однажды на мой праздный вопросъ, предложенный мною въ минуту бездѣлья, давно-ли служить Максимъ Ивановичъ,—самъ онъ отвѣчалъ: «не спрашивайте, давно-ли служу. Спросите лучше давно-ли прислуживаю... Такъ будетъ вѣрнѣе»...—И при этомъ онъ какъ-то странно всхлипнулъ,—не то всплакнулъ, не то засмѣялся,—Богъ его знаетъ. Въ комнатѣ тогда было темно и я не могъ разглядѣть выраженія его лица.

Тогда впервые я обратилъ на Кондрашкина серьезное вниманіе. Раньше, на равнѣ съ другими, я совершенно игнорировалъ имъ. Казалось,—въ мірѣ не было ничего безынтереснѣе и, пожалуй, глупѣе этого сухопараго старика, пресмыкавшагося въ корридорахъ гимназіи. Но тутъ—откровенное полу-признаніе въ роли прихлебателя совсѣмъ сбilo меня съ толку. Оно крайне меня удивило, а тонъ, которымъ оно было произнесено, заставилъ меня задуматься. Что такое? Неужели подъ позелѣвшимъ отъ времени сукномъ форменнаго вице-мундира, не одинъ десятокъ лѣтъ болтавшася на плечахъ Максима Ивановича, что-то еще бродило, не унималось? Неужели

въ немъ сохранилась еще способность—сознавать всю пека-
зистость роли «прихлебателя»?.. Не совсѣмъ еще очерствѣлъ,
не оперился?.. Не обратился въ старую канцелярскую крысу,
тощую и жадную, подбирающую крохи, падающія съ чужаго
стола?.. Но думать долго не захотѣлось: на рукахъ была
масса дѣла, кругомъ толпилось столько интереснаго, развитаго
люда, съ которымъ у меня было такъ много общихъ интере-
совъ и въ разговорахъ съ которымъ было такъ удобно коро-
тать однообразную вереницу присутственныхъ и неприсут-
ственныхъ дѣй. Поэтому я сдѣлалъ тоже, что и другіе: от-
вернулся отъ Максима Ивановича и постарался по возмож-
ности забыть объ его существованіи.

Но какъ не былъ ничтоженъ Максимъ Ивановичъ,—со-
вершенно забыть о немъ было невозможно. Каждый разъ, когда
мнѣ приходилось заглянуть въ учительскій кабинетъ во время
уроковъ,—я невольно смотрѣлъ на чахлую фигуру, согбенную
надъ большимъ столомъ, и терпѣливо выводящую букву за
буквой, строчку за строчкой, или провѣряющую подъ чтеніе
письмоводителя наши гимназическія вѣдомости. Проходя по
корридору въ классъ,—я еще издали замѣчалъ низко кланяв-
шагося и направлявшагося въ мою сторону какой-то странной
присѣдающей походкой скромнаго небольшого человѣчка. Это
Максимъ Ивановичъ шелъ засвидѣтельствовать мнѣ свое ни-
жайшее почтеніе. Я подавалъ ему руку, которую онъ какъ-то
торопливо и конфузливо сжималъ, точно опасаясь, чтобы кто
нибудь этого не замѣтилъ. Впрочемъ надо сказать и то, что
не всѣ мы удостаивали Кондрашкина рукопожатіемъ. Поло-
жимъ,—большинство насъ были народъ вѣжливый и за ма-
лѣйшій толчекъ просили другъ у друга извиненія. Съ Макси-
момъ-же Ивановичемъ мы поступали совсѣмъ напротивъ: тол-
кая его локтемъ,—мы не имѣли привычки передъ нимъ изви-
няться, а просто оглядывались на него и иногда отстраняли
его рукой, какъ мебель. Это дѣлалось очень простодушно и
непринужденно, въ искреннемъ сознаніи, что Максимъ Ива-
новичъ не въ состояніи обидѣться.

Да и трудно было предположить, чтобы могъ на кого-либо обидеться этотъ старикъ, вся жизнь котораго, какъ я потомъ узналъ, слилась въ одну сплошную, вопіющую обиду. Когда по пятницамъ, замѣшкавшись въ кабинетѣ, я выходилъ въ гимназическую шинельную вмѣстѣ съ нашимъ «прихлебателемъ», — услужливый Петръ сломя голову бросался подавать мнѣ пальто и балоши. А рядомъ со мной Максимъ Ивановичъ, крихтя, самъ напяливалъ на себя свое старое ватное пальтишко, между тѣмъ какъ другой нашъ сторожъ, Осипъ, скрестивши по Наполеоновски руки, — пальцемъ не шевелилъ, чтобы помочь старикву. И здѣсь, въ лакейской, тоже сильно развито чиновничье почитаніе. Осипъ зналъ, что я — учитель, получающій полторы тысячи годоваго содержанія, что я имѣю барское обыкновеніе давать на чай, что я — пѣкій намекъ на самостоятельную силу, ибо бѣдный еврей, опредѣляющій своего сына въ гимназію, цѣлуется рукавъ моего пальто, — и, основываясь на всемъ этомъ, Осипъ выбивается изъ силъ, чтобы услужиться мнѣ. А Максимъ Ивановичъ что? Среднее между помощникомъ классныхъ наставниковъ и самымъ мелкимъ писцомъ... Человекъ въ услуженіи, такъ-же какъ и они съ Петромъ. Его даже и по имени-отчеству рѣдко называютъ, а просто по фамиліи, точно челядь какую-нибудь. Для него дать Осипу на чаебъ — все равно, что самому безъ чайку остаться, — вогъ почему Осипъ, разсуждая о Максимѣ Ивановичѣ, говоритъ:

— Что это за баринъ!... Развѣ такіе господа бывають? Ему и бумаги-то изъ милости переписывать дають.

И дѣйствительно, — оно какъ-то такъ выходило, какъ будто бы и изъ милости. Бывало — нѣтъ времени сдѣлать какіе-нибудь пустяки, или, просто, лѣнь одолѣла, — сейчасъ къ Максиму Ивановичу:

— Максимъ Ивановичъ, — вы бы какънибудь того... Сдѣлали-бы за меня...

И непременно сдѣлаегъ, сдѣлаегъ молча, безпрекословно, не строя недовольныхъ гримасъ и не ссылаясь ни на что: ни на боль въ груди, ни на недостатокъ времени.

Максимъ Ивановичъ былъ въ сущности кроткій, даже слишкомъ смиренный, почти безсловесный человѣкъ. Среди учителей онъ ступевывался, старался молчать и держаться въ тѣни, а если и говорилъ, то съ какою-то своеобразною пугливостью, тихо и подбирая выраженія, точно опасаясь проронить хоть одно лишнее и неумѣстное слово. Особенно интересно было на него взглянуть въ присутствіи директора. Едва сѣдые, благообразные бакены нашего начальства появились въ дверяхъ той комнаты, гдѣ находился Максимъ Ивановичъ,—последній моментально съеживался и отходилъ въ сторону, но не уходилъ, ибо зналъ, что его сейчасъ-же зачѣмъ нибудь потребуютъ. Учителя гуськомъ подходили къ директору, подавая ему руку и отчасти съ напускнымъ вниманіемъ выслушивая отъ него городскія и окружныя новости, при чемъ Карлъ Ивановичъ почти къ самымъ его губамъ подставлялъ свое старое, сморщенное ухо. Только Максимъ Ивановичъ держался въ сторонѣ, ожидая обычнаго небрежнаго призыванія.

— Кондрашкинъ,—заприте форточку... Кондрашкинъ,—принесите отъ писмоводителя такую-то бумагу... Сходите ко мнѣ на квартиру за портфелемъ и перепишите вотъ это...

И въ сторону Кондрашкина летѣлъ листъ, который онъ долженъ былъ переписать... Онъ все успѣвалъ сдѣлать: и форточку запереть, и бумагу переписать, и сбѣгать на квартиру начальника со всею скоростію, на какую были еще способны не молодыя, на вѣку уставшія уже ноги.

Вотъ эта-та угодливость, это покорное стараніе сдѣлать все и за всѣхъ и были главнымъ образомъ причиною того, что его прозвали «прихлебателемъ». Пугливая, сковфуженная улыбка тоже не мало повредила его репутаціи. Держи онъ себя хоть немного посамостоятельнѣе, попрямѣе,—его никогда не обидѣли-бы позорной вичкой прихлебателя и его часто вполне безкорыстную услужливость не называли-бы «лебезеніемъ». Даже поклонны его,—и тѣ служили поводомъ къ негодованію. Карлъ Ивановичъ иногда такъ низко кланялся, что невольно являлось опасеніе за его поясницу, но его поклонны

не были так робко принижены, как поклоны Максима Ивановича. Карлъ Ивановичъ могъ заразъ выказать своимъ поклономъ и вѣжливость, и чиновничаніе, а у Максима Ивановича это какъ то не выходило: вѣжливости замѣтно не было, а бросалось въ глаза одно только заурядное низкопоклонство. Мы привыкли на него смотрѣть, какъ на стараго, заядлаго чиновника, прожпвающаго милостями своего начальства, не столько гнусаго, сколько жалкаго, жалкаго своею припиченностью, безличностію и низкопоклонствомъ. Всякое человѣческое чувство, казалось, было на-всегда въ немъ забито. Въ немъ не проявлялось ни любви, ни привязанностей, ни самолюбія,—ничего, что хотя-бы немного облагородило его нравственный обликъ. Оставалась только одна сухопарая фигура, облеченная въ синій истрепанный вицъ-мундиръ, запуганная и жалкая, обезличившаяся до *pes plus ultra*.

Такимъ именно субъектомъ считала Кондранкина компанія молодыхъ педагоговъ, среди которой я особенно часто вращался. Такимъ же видѣлъ его и я самъ. Но однажды произошло одно обстоятельство, поставившее всѣхъ насъ въ тупикъ, до того оно было неожиданно.

Была большая перемѣна. Мы собрались въ библіотекѣ и о чемъ то толковали. Нельзя сказать, чтобы разговоръ нашъ отличался оживленіемъ и интересомъ. Чувствовалась, напротивъ, какая то вялость, безучастное отношеніе ко всѣмъ этимъ пустымъ фразамъ, составлявшимъ содержаніе нашего разговора, въ которыхъ, какъ нельзя рельефнѣе, отражалось убійственное однообразіе и безсодержательность нашей обыденной жизни.

— Ну и тоска же, господа! замѣтилъ кто то, выражая этимъ восклицаніемъ наше общее настроеніе.

— Хоть бы вечерокъ у когонибудь устроить, предложилъ другой.

Предложеніе устроить вечерокъ приняли сочувственно. Его одобрила вся собравшаяся компанія и сейчасъ же порѣшила собраться вечеромъ у Синицына, одного изъ молодыхъ педа-

гоговъ. Но Синицынъ къ нашему удивленію отказался принять насъ.

— Почему? спрашивали его.

— Есть работа!

— Брось!.. Отложи до завтра.

Но отложить было нельзя. Оказалось, что сегодня же «до зарѣзу» ему нужно было переписать двѣ какія то бумаги, что весь день у него занять, такъ что перепиской онъ можетъ заняться только вечеромъ. Судя по его тону, можно было заключить, что нашъ вечеръ грозитъ разстроиться. Синицынъ, веселый и живой человѣкъ, сдѣлался душой нашей компаніи и безъ него была немыслима ни одна изъ нашихъ вечеринокъ. Мы приуныли. Вдругъ дверь въ бібліотеку открылась и передъ нами предстала скромная фигура Максима Ивановича.

Появленіе его на этотъ разъ было встрѣчено почти съ энтузіазмомъ. «Вотъ онъ, нашъ спаситель!» закричали кругомъ. Его подхватили подъ руки и переконфуженнаго, растерявшагося отъ такого приѣма—подвели къ столу. Благодаря тому, что всѣ говорили вмѣстѣ,—нашъ прилебатель никакъ не могъ понять, чего именно отъ него требуютъ. Нужно было видѣть его смущенное, растерянное лицо—въ эту минуту. Наконецъ Синицынъ, возвысивъ голосъ, объяснилъ ему наше общее желаніе обыкновенно принятымъ у насъ въ разговорѣ съ Кондрашкинымъ спускающимся тономъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ, Максимъ Ивановичъ: не придете ли вы ко мнѣ и не перепишите ли за меня двѣ бумаги. Дѣло не трудное и займетъ не особенно много времени. Такъ зайдите же!.. Кстати, я угощу васъ водочкой и пирожкомъ, прибавилъ онъ, хлопнувъ Кондрашкина по плечу.

Тогда то и произошло до нельзя удивившее насъ, неожиданное обстоятельство, о которомъ я упомянулъ выше. Последняя фраза Синицына казалась намъ вполнѣ естественной, такъ какъ она относилась къ Максиму Ивановичу. Но, взглянувъ на его лицо, мы невольно почувствовали, что, произнеся ее, Синицынъ сдѣлалъ большую неловкость. Минуты двѣ мы мол-

чали, съ недоумѣніемъ посматривая то на Сяницына, то на Максима Ивановича. Роли перемѣнились. Кондрашкинъ былъ неузнаваемъ. Онъ стоялъ выпрямившійся, смотрѣвшій прямо въ глаза Сяницыну полнымъ стыда и негодования взглядомъ. Обыкновенно опущенная голова его вдругъ поднялась, согнутый станъ выпрямился и въ постоянно кроткихъ, словно испуганныхъ глазахъ сверкала искра Богъ-вѣсть откуда проявившейся гордости. Онъ не говорилъ ни слова, ни да, ни нѣтъ, и только дрожавшія руки выдавали его сильное нервное возбужденіе. А Сяницынъ, нашъ самоувѣренный, спокойный и находчивый Сяницынъ, стоялъ передъ нимъ, опустивъ голову и кусая губы, сконфуженный, сознающій, какъ глубоко оскорбилъ онъ своимъ необдуманнмъ, неосторожнымъ словомъ этого несчастнаго старика. Молчаніе дѣлалось не только неловкимъ но, даже, невыносимымъ. Всѣ точно ожидали чего-то, страннаго и небывалаго. Наконецъ, Максимъ Ивановичъ заговорилъ первый, мѣрно, отчеканивая каждое слово, слегка дрожавшимъ взволнованнымъ голосомъ:

— Стыдно, Николай Павловичъ!.. Добро-бы другой кто... А то вы, человѣкъ образованный, молодой человѣкъ.

Сяницынъ быстро шагнулъ въ его сторону и сильно пожалъ его старую, худую руку.

— Простите, Максимъ Ивановичъ, сказалъ онъ, взволнованный не меньше Кондрашкина. — Я обидѣлъ... оскорбилъ васъ. Но, повѣрьте,—я вѣдь унизилъ самого себя этой глупой непростительной выходкой.

Онъ направился было къ двери. Старикъ, тронутый до глубины души, бросился вслѣдъ за нимъ. Схвативъ Сяницына за рукавъ виць-мундира, онъ на минуту задержалъ его въ дѣсяхъ бібліотеки.

— Давайте же бумаги, заговорилъ онъ, заглядывая въ глаза моего товарища взоромъ, просящимъ прощенія,—я ихъ въ минутку перепису... Погорячился немного, простите глупаго старика...

Но Синицынъ рѣшительно отказался дать ему свою переписку и сейчасъ же вышелъ изъ библіотеки.

Это была минутная вспышка, впоследствии не повторявшаяся. Черезъ часъ послѣ нея Максимъ Ивановичъ явился передъ нами такимъ, какимъ мы его постоянно знали. Но въ нашемъ обращеніи съ нимъ произошла значительная перемена. Оно сдѣлалось какъ то проще, деликатнѣе, и старикъ, видимо польщенный и тронутый нашимъ задушевно-ласковымъ обращеніемъ, самъ сблизился съ нами и уже не поражалъ насъ своимъ «лебезеньемъ». Подъ личиной забитаго, приниженнаго человѣка мы наконецъ-то замѣтили и порядочность, и добродушіе. Мы, наконецъ, поняли, что подъ синимъ сукномъ вицмундира бьется сердце, способное чувствовать всю обиду своего приниженнаго, позорнаго положенія. Только нѣкоторые, исполнѣ очерствѣвшіе въ затхлои атмосферѣ чиновничьей жизни,—обратившіеся въ ходячія предписанія и циркуляры, смотрѣли на него по прежнему презрительно. Для нихъ Максимъ Ивановичъ оставался все тѣмъ же крохотнымъ, ничтожнымъ чиновникомъ, человѣкомъ на побѣгушкахъ, котораго можно было шокировать на каждомъ шагу, не роняя своего собственнаго чиновничьяго достоинства.

Меня постоянно поражало то удивительное терпѣніе, съ какимъ Максимъ Ивановичъ переносилъ свое жалкое, рабское положеніе. Никогда ни словомъ, ни жестомъ не выдавалъ своего недовольства. Всегда одинаково скромный и молчаливый,—онъ тщательно скрывалъ тѣ сокровенныя думы, которыя волновали, а можетъ быть и мучили его. А что такія думы были,—въ этомъ я убѣдился совершенно случайно, заставъ врасплохъ Максима Ивановича одного во время директорскаго завтрака.

Это былъ казенный завтракъ, устраиваемый директоромъ ежегодно въ день своихъ именинъ. Еще въ 9 часовъ утра я на равнѣ съ другими получилъ торжественное приглашеніе отъ сторожа:

— Ихъ превосходительство просятъ ваше благородіе на пирогъ въ большую перемену...

— Хорошо, отвѣчалъ я.

— Они сегодня именинникъ, прибавилъ Петръ, принимая мои калоши.

Я прошелъ въ учительскую. Цѣлая толпа педагоговъ толковала тамъ по поводу ожидаемаго пирога. Къ слову сказать, этотъ пирогъ считался своего рода рѣдкостью. Наше начальство не особенно то было расположено принимать насъ, а тѣмъ болѣе угощать пирогами. Оно смотрѣло на насъ почти также, какъ смотритъ всякій управляющій какою-либо палатой на мелкій, подчиненный ему людъ, занятый кропотливой работой. У насъ отношенія были тѣ же, нѣсколько замаскированныя вѣжливо спускательнымъ тономъ и красивыми фразами хозяина. Не мудрено, что при подобныхъ условіяхъ этотъ пресловутый пирогъ считался пустой казенной формальностью. Благодаря этому, и со стороны хозяина замѣчалось тяжелое, неприятное недовольство. Хозяинъ видимо тяготился этимъ наплывомъ гостей—подчиненныхъ, которыхъ, въ силу традиціи, онъ долженъ былъ кормить имениннымъ пирогомъ. Гости шли къ нему нехотя, не находя никакой пріятности въ перспективѣ покушать директорскаго пирога и заранѣе предвкушая чувствительныя уколы болѣе или менѣе раздраженнаго самолюбія. Но они считали нужнымъ идти, ибо знали, что въ нашемъ чиновничьемъ быту каждое лыко ставится въ строку, что директоръ, хотя и «первый между равными»,—все-таки начальство, которому по § 41 должны подчиняться всѣ служащіе въ гимназій. Ежегодно оно даетъ въ округъ свой отзывъ о нихъ и раздражать его отказомъ отъ пирога было-бы болѣе, чѣмъ необдуманно. Поэтому учителя шли къ нему всѣ, цѣлою толпою, и, раздѣвшись въ прихожей, прямо проходили въ столовую. Залъ же былъ постоянно закрытъ для нихъ, потому что въ сосѣдней съ нимъ комнатѣ спалъ директорскій ребенокъ. Вся процедура завтрака должна была окончиться въ полчаса, пока продолжалась большая перемѣна.

Въ этотъ годъ «пирогъ» прошелъ также, какъ и всегда. т. е. довольно скучно. Говорили мало и сдержанно, ѣли на

скорую руку. Чувствовалась неловкость. Хозяйка, не молодыхъ лѣтъ дама, держала себя съ подобающимъ достоинствомъ. Петръ, облаченный въ коричневый пиджакъ и старую учительскую жилетку, пожертвованную ему директоромъ, — совалъ подносить каждому изъ «ихъ благородій» куски именитнаго пирога, рекомендуя, которые изъ нихъ лучше. Время завтрака кос-какъ прошло. Часовая стрѣлка остановилась на половинѣ перваго. «Пора за работу», намекнулъ кто-то и всталъ. Другіе не замедлили сдѣлать тоже самое. Благодарили хозяевъ, причемъ хозяйка по возможности любезно произнесла:

— Покушали, господа, теперь и заниматься веселѣе...

Многіе приняли это за деликатное: «милые гости, — не надобли-ли вамъ хозяева?» и поторопились ускользнуть. Я же остался на минуту, такъ какъ четвертаго урока у меня не было и мнѣ хотѣлось закурить папиросу. Въ комнатѣ спичекъ не оказалось. Такъ какъ Петръ понесъ на кухню тарелки, а сами хозяева были заняты проводомъ гостей, — то я самъ отправился искать спичечницу. Сосѣдняя комната была директорскимъ кабинетомъ и я заглянулъ туда. Я увидалъ тамъ Максима Ивановича, одиноко сидящаго у небольшого стола, на которомъ помѣщались едва тронутый кусокъ пирога и не раскупоренная бутылка пива. Онъ не завтракалъ. Сѣдая, виднѣвшаяся мнѣ въ профиль голова его задумчиво смотрѣла въ окно, за которымъ виднѣлась аллея каштановъ. На лицѣ его я уловилъ невеселое выраженіе, — должно быть отпечатокъ какихъ-то скорбныхъ думъ, бродившихъ въ эту минуту въ его головѣ. По крайней мѣрѣ въ сѣрыхъ и кроткихъ его глазахъ свѣтилась такая глубокая, прочувственная грусть, такое разумное, свободное чувство, какихъ я не ожидалъ въ немъ встрѣтить. Я приотворилъ дверь побольше, — она слегка скрипнула. Какъ не былъ слабъ этотъ скрипъ, — Кондрашкинъ услышалъ его и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Я вошелъ въ комнату. Максимъ Ивановичъ всталъ и заговорилъ со мной, заговорилъ какъ-то особенно круто, жесткоуверя, маскируясь напускною неестественною веселостью и видимо стараясь отъ

меня скрыть то, что происходило въ эту минуту у него на душѣ.

— А я вотъ здѣсь, отдѣльно... говорилъ онъ.—Мнѣ и хорошо... За глазами не стѣсняешься,—кушаешь и пьешь, сколько душѣ угодно... Вотъ и шивца старику дали... (кивнуль онъ на пераскупоренную бутылку).—Только... штопоръ забыли подать, невольно вырвалась у него грустная пронія, не знаю—надъ кѣмъ, надъ хозяевами ли, или надъ собой, надъ своимъ печальнымъ положеніемъ забытаго и забытаго человѣка. При этомъ онъ заморгаль и захихикаль. И за этимъ видимымъ, тихимъ хихиканьемъ слышались незримыя, горькія слезы.

Таковъ былъ Максимъ Ивановичъ, впервые посѣтившій меня въ ненастный осенній вечеръ.

На столѣ шумѣлъ самоваръ. Стеариновая свѣча освѣщала худощавое, постарѣвшее лицо съ прилипшими ко лбу влажными сѣдыми прядями.

— «Вы одинокій человѣкъ, Максимъ Ивановичъ? — спрашивалъ я, наливая ему стаканъ.»

— «Семьи не имѣю. Жена умерла вотъ уже лѣтъ 15-ть будетъ; дѣтокъ тоже Господь прибралъ.»

— «И не скучно вамъ, безъ семейства-то?»

— «Прежде—скучновато было. Сами посудите: постоянно одинъ, ни души близкой, ни ласки, ни привѣта... Совсѣмъ лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ себя чувствуешь.»

— «А теперь? Привыкли, должно быть, къ одиночеству-то?»

— «Нѣтъ,—не то. Года три назадъ я взялъ къ себѣ одного мальчика. —Славный такой, умный парень. Вотъ онъ и живетъ теперь у меня»...

— «На хлѣбахъ?»

— «Нахлѣбниковъ я не держу. У меня нѣтъ средствъ держать ученическую квартиру. Да и прислуга, знаете ли, не то, что хозяйка. Присмотръ за дѣтми ужъ совсѣмъ не таковъ:—кое какъ, спустя рукава... А я этого допустить не могу, — совѣсть не позволяетъ»...

И Максимъ Ивановичъ махнулъ рукой, выражая этимъ жестомъ всё неудобства держать у себя ученическую квартиру. — «Павелъ Дорофѣевичъ не сказалъ бы такъ», — мельнула у меня мысль. — Вотъ образецъ практичнаго человѣка!.. Находясь, очевидно, въ такихъ же условіяхъ, какъ и Кондрашкинъ, — онъ, ни мало не смущаясь, держитъ у себя ученическую квартиру и помимо того выручаетъ деньги на урокахъ, даваемыхъ имъ своимъ же квартирантамъ. Говорятъ, — на эти деньги выстроены одноэтажный деревянный домикъ съ хорошенькимъ мезонинчикомъ, принадлежащій Павлу Дорофѣевичу. Въ одной изъ комнатъ этого дома проживаетъ пять человѣкъ нашихъ гимназистовъ. Зимой тамъ убійственная атмосфера, невыразимая духота. Кормятъ — не ахти-какъ, «по платъ», какъ говоритъ хозяйка, причемъ постоянно жалуется на возрастающую дороговизну съѣстныхъ припасовъ. Иногда утренній чай подается къ 9-ти часамъ, т. е. къ тому времени, когда воспитанники должны быть на урокахъ, — неаккуратность, впрочемъ, понятная, если принять во вниманіе то обстоятельство, что накапунѣ картишки затянулись почти до разсвѣта, такъ что хозяева нѣсколько дольше проспали. И все-таки родители на перебой стараются помѣстить своихъ дѣтей на квартиру Павла Дорофѣевича, находя ее и удобною, и хорошою. Кроме того, Павелъ Дорофѣевичъ служитъ въ гимназіи, хлѣбосольничаетъ съ нѣкоторыми педагогами и при случаѣ может замолвить имъ словечко. Опъ и у начальства въ милости, и «прихлебателемъ» не слыветъ, — такъ хорошо сумѣлъ онъ устроиться и привароваться.

— «Павелъ Дорофѣевичъ, однако, находитъ возможнымъ держать квартиру, а между тѣмъ, условія почти одинаковы», — не утерпѣлъ я.

— «Богъ съ нимъ! — отвѣчалъ Максимъ Ивановичъ. Онъ человѣкъ семейный, домохозяинъ... Да и характеръ у него другой... А я такъ не могу»...

— «Значитъ, — мальчикъ, котораго вы приняли, вашъ хорошій знакомый... даже, можетъ быть, родственникъ?»

— «Родственникъ. Ермолаевъ, — въ третьемъ классѣ, можетъ быть помнишь... Черноволосенькій, небольшого роста...»

— «Да, — я помню Ермолаева».

— «Ну, такъ вотъ онъ-то и живетъ теперь у меня».

— «Вотъ какъ! Я и не зналъ, что Ермолаевъ вашъ родственникъ», — повторилъ я, крайне удивленный и заинтересованный, потому что Максимъ Ивановичъ раньше ни разу не упоминалъ мнѣ о своемъ родствѣ съ худенькимъ, черноволосымъ мальчонкомъ, однимъ изъ лучшихъ учениковъ третьяго класса.

— «Родственникъ, батюшка Иванъ Сергѣевичъ, — близкій, кровный. Роднымъ племянникомъ мнѣ приходится», — сказалъ Максимъ Ивановичъ и тяжело вздохнулъ.

— «Родители его живы?» — поинтересовался я.

— «Мать умерла три года назадъ, а отецъ живъ. Только о немъ и говорить-то не хочется, — такую разгульную жизнь ведетъ. Не разъ въ больницѣ лежалъ и все отъ пьянства... Вотъ подите: и не лѣнивый, и не глупый человекъ, а Богъ знаетъ, что съ нимъ подѣялось. Пьетъ безъ просыпа, хмѣль просто до звѣрства его доводитъ... Сестрѣ Машѣ за нимъ какъ-то не жизнь была, хотя она и молчала... Терпѣла все, бѣдная»...

— «Вы взяли къ себѣ мальчика уже послѣ смерти вашей сестры?»

— «Да, къ ряду. Написали, что Маша умираетъ, проститься зовутъ. Собрался я кое-какъ и поѣхалъ, только опоздалъ: приѣзжаю, а ее, бѣдную, еще наканунѣ похоронили, такъ что и мертвую-то повидать не пришлось. А дома у нихъ — адъ чистый... Хозяинъ постоянно пьянъ, бушуетъ. Меня на первый же день чуть за двери не вытолкали, — зачѣмъ при немъ Васютку пожалѣлъ. — «Это, говорить, ты меня вздумалъ упрекать, старый лѣший?.. Твое ли дѣло меня судить? Я — человекъ вольный, хочу нью, хочу — ребра тебѣ переломаю, потому что я здѣсь хозяинъ, а не ты»... Едва отвязался. А синишку чуть не за каждое слово по затылку. Ночью разбудить,

въ кабакъ босикомъ пошлетъ... Я, грѣшный человѣкъ, не разъ самъ за него бѣгалъ, просто изъ жалости къ ребенку. Посмотрѣлъ я на эту жизнь, погоревалъ и домой было собрался... Сижу я у нихъ послѣдній вечеръ. Племянникъ тоже около меня жметъ, скучный такой, оборванный, босоногий. Старые-то сапоженки износились, а новыхъ отецъ не думаетъ шить, потому что у него всѣ деньги въ кабакъ уходятъ. Приходить наконецъ и самъ, — просто страшно взглянуть на него, — до того человѣкъ допиль... Руки дрожать, глаза кровью налились... Что ни слово, то брань или скверность какаянибудь. Сѣлъ онъ рядомъ съ нами. Мы молчимъ... Мнѣ самому тогда жутко стало, а Вася сидитъ, точно въ воду опущенный... Дрожать, бѣдный, какъ листъ, глазъ на отца поднять не смѣетъ, хоть и не провпился передъ нимъ ни въ чемъ... Жалокъ онъ мнѣ показался въ эту минуту... Вдругъ отецъ какъ набросится на него: «Ты что молчишь, мерзавецъ? Или начудотворилъ опять чего? Знаю я васъ, тихони проклятые!..» И пошелъ, и пошелъ... Васютка заплакалъ, не выдержалъ. Онъ его за волосы, «чего, дескать, плачешь, когда дѣло тебѣ говорить. Изъ упрямства или со злости пюни-то распустилъ, должно быть». Васютка началъ было отбиваться, да какъ-то печально ногтемъ его руку и задѣлъ. «Такъ ты еще царапаться, Кондрашкинская порода?» Схватилъ веревку, толстую такую, и бросился было на мальчишку. Тотъ какъ закричитъ!.. Въ жизнь свою я не слышалъ такого крика. Вѣрите ли, Иванъ Сергѣичъ, онъ меня точно пожемъ' по сердцу рѣзнулъ. Даже не помню хорошо, что потомъ со мною было. Помню—бросился я на помощь Васютѣ, вырвалъ его у отца, а того такъ толкнулъ, что онъ тутъ же на кровати и растапулся. Не знаю, откуда и сила ваялась. Тогда-то я и порѣшилъ взять къ себѣ Васю. Пораздумалъ я, до чего можетъ искалѣчить подобная жизнь ребенка. Что изъ него могло бы выйти? Пьяница или бродяга, а можетъ быть чтонибудь иное, хуже и пьяницы, и бродяги. Вѣдь впечатлительная молодая душа все равно, что молодое тѣло,—ее легко искалѣчить. А я одинъ-одинешенекъ. Жало-

ванье, положимъ, не велико, но на дроблѣ хватить, слава Богу. Голодовать не придется. Переговорилъ я на другой день съ Васюткинымъ отцомъ, съ утра, пока онъ не напился,—не прекословилъ. «Гдѣ мнѣ, говоритъ, съ нимъ возиться... Только кто же мнѣ водочку-то изъ заведенія будетъ носить?» Вишь, о чемъ пожалѣлъ. Такъ-то я и взялъ мальчика.

— И сами подготовили его въ гимназію?

— Самъ. Сначала трудно было. Дома онъ выучилъ только азбуку, потому что Маша сама едва по складамъ читала, а отцу было не до того. А я какой учитель!.. И среднее-то образование не получилъ, куда мнѣ другихъ учить. Однако кое-какъ подготовилъ.

Мы замолчали. Максимъ Ивановичъ задумчиво смотрѣлъ на висѣвшую на стѣнѣ гравюру.

— Имѣетъ ли Вася какія-либо сношенія съ отцомъ? спросилъ я.

— Никакихъ! отвѣчалъ Кондрашкинъ.—Писали ему—не отвѣчалъ. Потомъ я ужъ справки о немъ наводилъ, живъ ли онъ. Оказалось—все прежнюю жизнь ведетъ, если не хуже. Теперь онъ пропилъ все, что только осталось послѣ смерти жены, и домишко, и утварь домашнюю. Говорятъ, даже въ тюрьмѣ сидѣлъ... за что?—не знаю. Васѣ, конечно, я этого не говорю. Зачѣмъ мучить? Хоть и малъ, а все-таки кое-что понимаетъ. Смотрю иногда на него и таково тяжело сдѣлается: сидитъ, бѣдный, понурый такой, Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Спросишь—молчитъ... Жаль смотрѣть.

Мы снова замолчали. Максимъ Ивановичъ сидѣлъ задумавшись и тоже печальное, разумное чувство, которое я когда то замѣтилъ въ немъ на директорскихъ именинахъ, — свѣтилось и теперь въ его добрыхъ, сѣрыхъ глазахъ. Богъ знаетъ, о чемъ онъ думалъ. Думалъ ли о бѣдной, забытой Машѣ, должно быть такой же кроткой, терпѣливой и всепрощающей, какимъ былъ онъ самъ. Думалъ ли о своемъ собственномъ, нерадостномъ прошломъ, въ которомъ онъ не встрѣчалъ «ни души близкой, ни ласки, ни привѣта», какъ только что онъ

выразился. Или задумался надъ судьбою брошеннаго и забытаго отцомъ мальчика, который вслѣдствіе своего несчастнаго семейнаго положенія вдругъ сдѣлался такъ близокъ ему и далъ содержаніе и смыслъ его однообразной, одинокой жизни. Но стоило мнѣ только заговорить о Васиномъ будущемъ, стоило только сказать, что онъ прекрасный и способный мальчишъ, чтобы Максимъ Ивановичъ повеселѣлъ. Обыкновенно молчаливый, онъ заговорилъ о немъ съ самымъ горячимъ одушевленіемъ.—То были мечты, прекрасныя и честныя,—мечты о томъ, какъ Вася окончитъ гимназію, уѣдетъ въ университетъ, будетъ со временемъ полезнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, утѣхою своего стараго воспитателя. Глаза его сверкали почти юношескимъ воодушевленіемъ. Говорилъ онъ увѣренно, твердо, безъ запинки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не рисуясь ролю благодѣтеля, не примѣшивая къ своимъ чистымъ и честнымъ помысламъ ни капли тщеславія или эгоизма. Съ возраставшимъ удивленіемъ я смотрѣлъ на его преобразившееся просіявшее лицо и, признаюсь, мнѣ какъ то не вѣрилось, что это тотъ же самый безличпый и припиченный Максимъ Ивановичъ, котораго я встрѣчалъ въ гимназіи и который такъ недавно еще пользовался единственною опредѣленною репутаціею директорскаго прилебателя.

— А все-таки вамъ трудно, должно быть приходится. Вѣдь, воспитать мальчика, а особенно при вашихъ средствахъ,—не шуточное дѣло. Сколько расходовъ, сколько хлопотъ...

Но Ковдрашкннъ не далъ мнѣ продолжать.

— Полпоте!.. это не такъ трудно, а особенно мнѣ, одинокому человѣку. Самъ я старъ становлюсь, ничего мнѣ не нужно. Моя пѣсепка спѣта, если она пѣлась когда нибудь. Вася же—другое дѣло. У него цѣлая жизнь впереди и (почемъ знать?)—можетъ быть хорошая, полезная жизнь, о какой мы и не мечтали.—Пусть же онъ живетъ и работаетъ, а я, пока силъ хватитъ, поддержу его. Вѣдь онъ не изъ такихъ, что готовы весь вѣкъ сидѣть на чужой шеѣ. Богъ дастъ — годика черезъ три уроки получить и будетъ пробиваться впередъ самъ, собствен-

ными своими силами. Вотъ за это то я и уважаю нашу бѣдную, трудящуюся молодежь.—Иному и тяжело, пзъ силъ выбивается, иногда куска хлѣба не имѣеть, а идетъ себѣ своей дорогой... Ни голодь, ни холодь,—ничто его не удержитъ, дай только въ силу ему войти. Мой Вася, на сколько я разглядѣлъ его,—пзъ такихъ...

Пробило десять часовъ и Максимъ Ивановичъ безпокойно посмотрѣлъ на свою шляпу.

— Засидѣлся-таки я у васъ, — замѣтилъ онъ, но я удержалъ его хоть на полчаса—въ надеждѣ, что хоть немного перейдетъ дождь, все сплывѣе барабанившій въ окна. Я предложилъ ему выпить и закусить,—онъ отказался, по не уходилъ, потому что, повидимому, онъ имѣлъ ко мнѣ какую то просьбу, которую стѣснялся высказать. Наконецъ онъ рѣшился.

— А у меня до васъ просьбица есть, Иванъ Сергѣевичъ,—сказалъ онъ тихо и неувѣренно. Я отвѣчалъ, что съ радостью готовъ ее исполнить.

— Дѣлю вотъ въ чемъ: господинъ Подкопаевъ (учитель математики) задалъ Васѣ задачу, должно быть совсѣмъ ему не по силамъ. Вчера цѣлый вечеръ сидѣлъ, бился, бился—такъ-таки ничего и не вышло. Не знаетъ, какъ ее рѣшить... Ужь и я то съ этой задачей намучился, признаться сказать (улыбнулся Кондрашкинъ), — у меня и подавно ничего не вышло... Когда то зналъ четыре дѣйствія, смутное понятіе о дробяхъ имѣлъ, а теперь почти ничего не знаю... Плохой я математикъ. А мальчишка безпокоится, говоритъ—господинъ Подкопаевъ общалъ единицу поставить тому, кто не сдѣлаетъ... Такъ вотъ я къ вамъ: помогите нашему горю,—рѣшите! "

— Радъ, если смогу, — отвѣчалъ я и пригласилъ его въ кабинетъ. Тамъ мы засѣли у письменнаго стола. Кондрашкинъ вытащилъ изъ кармапа исписанный клочекъ бумаги, на которомъ было написано условіе. Задача, дѣйствительно оказалась сложна и я, собравъ во едино всѣ свои ариметическія познанія,—кое-какъ рѣшилъ ее. Старикъ, наклонившись за моею

спиной, слѣдилъ за ходомъ рѣшенія. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта.

— 15,000!—вскричалъ онъ.—Такой же отвѣтъ и въ задачникахъ... Вотъ обрадуется Васютка!..

— Но пойметъ-ли онъ?

Старикъ опечалился.—Не знаю, пойметъ ли... Задача такая сложная, что и на выпускномъ экзаменѣ впору,—прошептала онъ.—Не объясните ли вы мнѣ ее?.. Я, быть можетъ и усвою...

Я согласился и началъ ему объяснять ходъ моихъ арметическихъ выкладокъ. Онъ слушалъ внимательно, почти жадно, стараясь все усвоить и удержать въ памяти. По временамъ просилъ повторить. Когда объясненія были окончены,—онъ взялъ отъ меня листовъ, на которыхъ я писалъ, но лицо его сейчасъ же выдало, что онъ далеко не ясно представлялъ себѣ мои хитроумныя доказательства.

— Вотъ что,—предложилъ я.—Я напишу для Васи боротенькое объясненіе. Такъ будетъ лучше.

Максимъ Пвановичъ началъ было отпѣкиваться.

— Это затруднитъ васъ. Я и безъ того васъ задерживаю,—у васъ, вѣдь, работа (указалъ онъ на лежавшія на столѣ тетради). Авось я и самъ какъ нибудь растолкую...

Но я взялъ у него обратно рѣшеніе, встрѣтивъ при этомъ весьма слабый протестъ. Старикъ очевидно былъ тронутъ моею готовностью помочь ихъ общему горю. Я сѣлъ за работу, которая продолжалась минутъ десять. Наконецъ объясненіе было окончено и я передалъ ему листъ.

Вдругъ сильный напоръ вѣтра съ пѣлымъ потокомъ дождя загремѣлъ по оконнымъ рамамъ. Я съ безпокойствомъ взглянулъ на своего хилаго собесѣдника.—Куда теперь пойдетъ, въ такую адскую погоду?—мелькнула у меня мысль. Максимъ Пвановичъ, очевидно, угадалъ ее.—Ничего!—сказалъ онъ. Вѣдь я—не сахарный, не растаю. А дома меня Вася ждетъ,—скупаешь, поди-ка...

Онъ поспѣшно спряталъ въ карманъ мою задачу и съ торо-

пливыми, но сердечными благодарностями и извпненіями убъжалъ домой.

И я опять остался одинъ, по прежнему недоумѣвающей, болѣе чѣмъ когда-либо сознающей безсодержательность своей настоящей жизни. Передо мною лежали тетради для записыванія уроковъ, на которыя только что указалъ мнѣ Максимъ Ивановичъ. Просмотрѣть ихъ, выставить въ нихъ баллы за послѣднюю недѣлю, написать сухое, педантичное замѣчаніе относительно «небрежнаго веденія ихъ» или недавняго заключенія ученика въ карцеръ,—все это входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, какъ воспитателя молодого поколѣнія. И я принялся за эту работу, хотя голова была занята совершенно посторонними ей думами,—все о томъ же неожиданномъ визитѣ Кондрашкина. Мнѣ живо представлялась его сутуловатая, неказистая фигура, шлепавшая теперь по грязи узкаго и безлюднаго переулка черезъ сырую мглу нависшей надъ городомъ мрачной октябрьской ночи. Въ то время, какъ каждая падающая капля дождя бьетъ въ мои нервы и все болѣе раздражаетъ мое праздное, тоскующее воображеніе,—какъ спокойно, должно быть на душѣ этого скромнаго, простаго и необразованнаго человѣка, котораго наша черствая чиновничья среда обратила въ лакея, прихлебателя. У него только «Вася»; на нашихъ же рукахъ масса мальчиковъ, но «Вася» ни одного. Для насъ всѣ они слились въ безформенную, почти безынтересную для насъ массу учениковъ гимназій, которыхъ мы должны обучать и наказывать, сообразуясь съ программой и съ «правилами о наказаніяхъ». Пресловутое «правственное вліяніе», о которомъ мы такъ много толкуемъ и которое такъ упорно ускользаетъ отъ насъ,—одна только жалкая пародія на то дѣйствительное, неоспоримое правственное вліяніе, которое оказываетъ на чуткую, воспріимчивую молодую душу самоотверженность и горячая привязанность Кондрашкина. То, что пережили Васей въ родительскомъ домѣ,—ему трудно забыть. Но если къ этимъ горькимъ, тяжелымъ воспоминаніямъ присоединить еще претензіи г. Подкопаева, всю черствую, непри-

глядную обстановку нашей школьной казенной жизни, разные «слѣпые случаи», могущіе встрѣтиться на экзаменахъ, — кто можетъ поручиться, что все это, вмѣстѣ взятое, не доведетъ его до отчаянія и озлобленія. — Вѣдь молодая, воспримчивая душа все равно, что молодое тѣло: ее не трудно искалѣчить», — припомнились мнѣ слова Кондрашкина. И въ эти тяжелыя минуты жизни мальчика кто въ силахъ поддержать его: мы-ли, образованные, патентованные педагоги со своею казенною, сухою моралью, со своимъ холоднымъ, почти безучастнымъ отношеніемъ къ воспитаннику, или нашъ «прихлебатель» Максимъ Ивановичъ, — полуграмотный, забытый, но честный, любящій, искренній и терпѣливый, какимъ я только что видѣлъ его?..

И. В—въ.

Древнерусскія солеваренныя товарищества.

(Къ исторіи русской промышленной общины).

У.

Прежде всего обратимся къ старорусскому соляному району. Было ли здѣсь организовано солевареніе на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ оно существовало на крайнемъ сѣверѣ, въ эту эпоху времени, или здѣсь были совсѣмъ другія формы солеваренія, непохожія на сѣверныя и въ другихъ мѣстахъ Московскаго Государства? Вопросъ, какъ видитъ читатель, для нашего изслѣдованія самый существенный и потому требующій отъ насъ полнаго вниманія къ тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ литературѣ по части Старорусскихъ порядковъ солеваренія, хотя мы должны здѣсь сознаться, что данныхъ имѣемъ не очень много, потому что ихъ и издано еще мало; самые интересныя документы по статистической части, именно писцовыя, переписныя и перемерныя книги, до сихъ поръ не изданы, хотя и существуютъ; такъ мѣстный Новгородскій археологъ Р. Игнатьевъ, написавшій въ 50-хъ годахъ нѣсколько статей въ «Новгородскія губ. вѣд.» о Старой Руссѣ заявляетъ, что бывшія у него въ рукахъ писцовыя, переписныя и перемерныя Сатарорусскія книги XVI и XVII стол. имъ переданы были въ археографическую комиссію, гдѣ, значитъ, 30 уже лѣтъ лежатъ неизданными и быть можетъ съѣдены крысами (чего не бываетъ на свѣтѣ!); въ такомъ же положеніи находится масса писцовыхъ книгъ по другимъ мѣстностямъ Московскаго Государства, а нима

еще въ худшемъ, такъ какъ даже неизвѣстно, переданы ли нѣтъ онѣ въ археографическую комиссію, а между тѣмъ находишь извѣстія, что подобныя книги существуютъ до сихъ поръ и цитируются иногда составителями описаній разныхъ монастырей, какъ рукописи и въ большей части случаевъ безъ указанія, въ какихъ рукахъ онѣ находятся. При такомъ состояніи главнаго матеріала при изученіи древнерусскихъ порядковъ, хотя бы солеваренной промышленности, остается одно—склеивать разныя извѣстія и грамоты и по нимъ догадываться о состояніи промысла въ извѣстное время, твердо памятуя и принимая къ свѣдѣнію порядки солеваренія въ другихъ мѣстностяхъ и потомъ уже по аналогіямъ добираться до истины. Въ данномъ случаѣ, мы находимся сравнительно еще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ тотъ же мѣстный археологъ Р. Игнатьевъ не напрасно хранилъ и держалъ въ своихъ рукахъ разныя Старорусскія писцовыя книги, а кой чѣмъ и воспользовался изъ нихъ и передалъ потомству нѣкоторыя свѣдѣнія о Старорусскомъ солевареніи, основываясь и на писцовыхъ книгахъ и на разныхъ грамотахъ, чѣмъ мы и воспользуемся, добавивъ къ этимъ свѣдѣніямъ и нѣсколько другихъ, взятыхъ изъ другихъ археологическихъ источниковъ. Въ Старой Руссѣ въ XVI стол. занимались солевареніемъ и имѣли свои варницы не только крупныя собственники, каковыми были въ то время, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Московскаго Государства—монастыри, но здѣсь также была и масса мелкихъ солеваренныхъ промышленниковъ, посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ. Къ несчастію, нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы здѣсь существовало товарищеское солевареніе, какъ и на сѣверѣ, между мелкими владѣльцами, что однако необходимо предположить не только по аналогіи съ другими мѣстностями, находящимися въ то время при одинаковыхъ условіяхъ владѣнія землею и всякими угодьями, но и въ силу тѣхъ соображеній, что мелкое солевареніе едва ли было возможно въ одиночку по недостатку капиталовъ для веденія дѣла и для первоначальнаго устройства разсолоносныхъ колодцевъ и трубъ и соляныхъ варницъ; кромѣ того, у насъ имѣются нѣкоторыя данныя насчетъ того, что солевареніе производилось иногда группами: такъ напримѣръ, царскіе тонщики занимались здѣсь солевареніемъ и находились даже на привелигированномъ положеніи; въ другомъ мѣстѣ находимъ уставную грамоту цѣлой крестьянской слободы,

имѣвшей свои варницы. Каждый житель Старой Руссы могъ свободно производить солеваренный промыселъ и торговлю солью, какъ на мѣстѣ, такъ и по другимъ окрестнымъ селеніямъ, платя положенную плату. Здѣшняя соль шла въ юго-западные мѣста Россіи, въ Псковъ, въ Нѣмецкія и Ганзейскія земли. Іоаннъ Грозный пользовался нѣкоторымъ числомъ Старорусскихъ солеварень и подтвердилъ старинное право имѣть таковыя многимъ Новгородскимъ монастырямъ: Спасо-Юрьеву, Хутышскому, Николаевско-Островскому, Михаило-Клонскому, Духовскому, Деревяницкому и Спасскому-Старорусскому безъ платежа пошлины. Всѣмъ же гражданамъ города Старой Руссы, желающимъ производить выварку соли на продажу, предоставлено платить пошлину въ казну. Эта пошлина была соразмѣрна съ доходами Старорусскихъ соляныхъ варницъ. Въ одной изъ изданныхъ грамотъ Вязицкому монастырю въ 1621 году Михайлъ Ѳедоровичъ подтверждаетъ права этого монастыря, данныя по грамотамъ Ивана Грознаго и Ѳедора Іанповича, на дворы въ Старой Руссѣ и варницы на посадѣхъ. Быть можетъ, и еще какія нибудь монастыри имѣли здѣсь свои варницы въ XVI и XVII стол. Какъ мы видѣли, Грозный имѣлъ здѣсь нѣсколько варницъ и, по словамъ того же Р. Игнатѣва, видно, что князья, какъ то видно изъ многихъ достоѣрныхъ фактовъ, имѣли здѣсь свои солеварни; интересно бы знать, что это были за княжескія солеварни; весьма вѣроятно, что это были просто Государя и В. Князя варницы, т. е. черныя, крестьянскія и тяглыя, гдѣ росоль Государевъ, а крестьянскаго владѣнья, варился въ солеварняхъ крестьянами—оброчнымъ или посадскими черными людьми, за плату известнаго оброка въ казну Государеву—эти варницы противопологались частнымъ, монастырскимъ или боярскимъ солеварнямъ, по большей части находившимся на привилегированныхъ правахъ, безошлянныхъ или обѣленныхъ отъ разныхъ оброковъ и податей, съ чѣмъ мы имѣли дѣло и ранѣе на сѣверѣ, а быть можетъ, это были и лично князьямъ принадлежавшія варницы; но это мало вѣроятно, судя потому, что въ это время уже не было удѣловъ, когда князья имѣли свои варницы, тоже по большей части находившіяся въ арендѣ у мелкихъ владѣльцевъ. Какія бы ни были эти княжескія варницы, для насъ интереснѣе здѣсь существованіе монастырскихъ варницъ, издавна находившихся подъ монастырями и при каждомъ новомъ Царѣ получавшихъ подтвердительныя гра-

моты. Какимъ образомъ монастыри забирали въ свои руки соляныя варницы въ Старой Руссѣ и мало по малу завладѣвали солевареніемъ, тѣмъ же порядкомъ, какой мы видѣли ранѣе, на сѣверѣ, или другимъ какимъ способомъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія слова Р. Игнатьева: «монастыри и духовенство пріобрѣтали таковыя (варницы) черезъ покупку, а болѣе черезъ отказныя памяти доброхотныхъ дателей, жертвовавшихъ на вѣчный поминъ себя». Въ общихъ чертахъ, значитъ, и здѣсь водвореніе монастырскаго солеваренія происходило тѣмъ же порядкомъ, что и въ другихъ мѣстахъ Московскаго Государства и на крайнемъ сѣверѣ. А такъ какъ одинаковыя слѣдствія бывають отъ одинаковыхъ причинъ, то и здѣсь несомнѣнно нужно предположить, что существовало мелкое солевареніе, быть можетъ и организованное на товарищескихъ началахъ, гдѣ обѣднѣвшіе и слабосильные пайщики принуждены были продавать свои пай или другимъ богатымъ владѣльцамъ или прямо въ монастыри отдавать на память души или за деньги, хотя нужно сказать, что монастырскими жертвователями на поминъ души гораздо чаще были богатые владѣльцы, чѣмъ бѣдняки, которымъ, конечно, выгоднѣе было продать свое послѣднее достояніе, чѣмъ жертвовать его.

Слѣдовательно, продавцами варничныхъ участковъ почти всегда были или бѣдняки, которымъ нужны были деньги «на посылъ» или для пропитанія, или перекупщики и скупщики варницъ изъ богатыхъ посадскихъ жителей, которые и продавали въ монастыри варницы соляныя, а иногда и отдавали при смерти своей и даромъ «на поминъ души», чувствуя свои прегрѣшенія, сдѣланныя въ жизни, и за которыя монастырь долженъ былъ молиться и записать въ «сенодыкъ» для вѣчнаго поминовенія умершаго скупщика мелкихъ участковъ, за что монастырь и получалъ богатый вкладъ, въ видѣ разныхъ угодій и въ томъ числѣ и соляныя варницы въ Старой Руссѣ. На ряду съ монастырями, по части пріобрѣтенія варницъ и угодій, шли и бояре, и помѣщики, и другіе служилые люди, такъ что приходилось иногда защищать самымъ царямъ мелкихъ и простыхъ солеваровъ отъ вторженія въ ихъ предѣлы монастырей и помѣщиковъ и т. д. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующая уставная грамота, данная въ 1530 году жителямъ Моревской Слободы (нынѣ Новой Русы) въ Новгород-

скомъ уѣздѣ въ Деревской Пятинѣ на рѣкѣ Полѣ: «также есмь пожаловалъ ихъ (слобожанъ) ослободилъ есмь имъ за двадцать верстъ отъ Соли дрова сѣчи и хоромный лѣсъ, чей ни буди... также есмь пожаловалъ: кто къ нимъ придать должный человекъ, не тяглою и не писмянной опричь слободчиковъ, которые въ сей грамотѣ писаны. и они платятся своимъ должникомъ въ 5 лѣтъ, въ истую уплату безъ росту... а наши бояре и дѣти боярскіе, и помѣщики, и владыки и монастырехъ — варницъ у ихъ соли не ставити и соли не варити». Такимъ образомъ, здѣсь видимъ примѣръ того, какъ мелкіе солонари защищались отъ вторженія въ ихъ предѣлы крупныхъ собственниковъ, для чего имъ выдавались особия грамоты и льготы, чтобы они могли соперничать съ крупнымъ привилегированнымъ солянымъ промысломъ; въ этой грамотѣ характерна льгота по части вѣзда въ лѣса для рубки дровъ на солевареніе; видно, что ужъ около этого времени лѣса были или разобраны разными помѣщиками, или же были значительно истреблены для соляныхъ варницъ, такъ что слобожанамъ давалось право рубить чей попадется лѣсъ за 20 верстъ отъ ихъ соли; въ дѣйствительности, вѣроятно, и то и другое существовало рядомъ, т. е. и значительная часть близъ лежащихъ лѣсовъ была уже истреблена, а другая часть находилась за частными лицами на вотчинныхъ или на помѣстныхъ правахъ — все равно. Жители Моревской слободы или Новой Руси (которая изъ двухъ Новыхъ Русъ тутъ разумѣется — не знаю, обѣ находились по рѣкѣ Полѣ, не далеко другъ отъ друга и при обѣихъ, по Эйхвальду, находятся соляныя источники и ключи) занимались солевареніемъ у своей соли, слѣдовательно, этотъ примѣръ нашъ не прямо относится къ старорусскому солеваренію, хотя бы разстояніе между этими Руссами и не было значительно, а потому мы приведемъ еще примѣръ привилегированнаго мелкаго солянаго промысла уже въ самой Старой Руссѣ, производившагося не большою группою царскихъ тонщиковъ или топниковъ, сидѣвшихъ на царскихъ тонахъ для рыбной ловли по ручью Воне и другимъ рѣкамъ около Старой Руссы, вытекающимъ изъ соленнаго озера въ Старой Руссѣ; такъ, этимъ тонникамъ, рыболовамъ Якимовымъ, Михеевымъ, Олухинымъ и Демешевымъ, во второй половинѣ XVI ст. дана была грамота Ив. Грознымъ, въ которой, между прочимъ, говорится: «а сотной соли писчей имъ не платите рудашамъ (жителямъ Старой

Руссы); въ виру имъ съ рушаномъ не тянути. а дрова имъ по рѣкамъ плавити на себя, а руськимъ промысломъ имъ промысляти (а вмѣсто) соль варити, а съ рушаны имъ въ ихъ потугъ не тянути». Однимъ словомъ, снова видимъ обособленную и привелигированную группу мелкихъ солеваровъ, промышлявшихъ, кромѣ русскаго солевареннаго промысла по зимамъ, и рыбною ловлею на царскихъ топяхъ по ручью Воне и др. Группа этихъ солеваровъ не тянула и въ «потугъ» съ рушанами и въ «виру» и не платила какой-то писчей сѣтной соли. Всѣ же остальные рушане тянули въ потугъ и въ виру и платили разныя подати вмѣстѣ и, вѣроятно, росписывались по сохамъ или по другимъ податнымъ, тяглымъ единицамъ, платящимъ «по животомъ и по промысламъ» ихъ составныхъ дворовъ посадскихъ. Каждый посадскій житель старорусскій, участвовавшій въ солевареніи, распорядился своею частью или цѣлою варницею, какъ полною собственностью; число же варницъ, какъ говорится въ писцовыхъ книгахъ, доходило къ 1625 г. до 600. Количество разсолонпроводныхъ трубъ и колодцевъ до того громадно, что до сихъ поръ ихъ открываютъ во многихъ мѣстахъ Старой Руссы. Соль варилась по преимуществу зимою (лѣтомъ занимались другими промыслами), потому что зимою было легче варить соль; такъ какъ въ разсолахъ часть воды вымерзала, а разсолъ отъ того дѣлался крѣпче и требовалъ менѣе дровъ для выварки соли. Варницы имѣли по одному 4-хъ-угольному чрену въ 2 арш. длины и 1 арш. глубины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины, значить, сравнительно не большихъ размѣровъ.

Изъ исторіи Старой Руссы извѣстно, что въ XVI и XVII ст. она не разъ подвергалась непріятельскимъ вторженіямъ и была уничтожаема огнемъ; самому страшному раззоренію она подверглась въ смутное время XVII ст., когда она нѣсколько лѣтъ находилась во власти шведовъ, которые, по выходѣ своемъ изъ нея, почти сожгли ее до тла, что отчасти видно и изъ переписи и описи города, произведшейся вскорѣ по занятіи Старой Руссы русскими; перепись эта произведена была по повелѣнію Михаила Федоровича въ 1625 году А. Чеглоковымъ. Во время шведскаго здѣсь господства масса варницъ была роздана шведами повгородскимъ боярамъ въ помѣстье для привлеченія ихъ на сторону шведовъ; но у всѣхъ этихъ новопеченныхъ помѣщиковъ, по отобраніи Руссы въ руки Московскаго государства, по повелѣнію царя Михаила Федоровича

варницы были отняты и отданы были прежнимъ владѣльцамъ въ видахъ большаго развитія соляной промышленности. Въ 1670 году велѣно было старорусскому воеводѣ Лодыженскому изыскивать ежегодно съ частныхъ тамошнихъ соляныхъ промысловъ, съ тѣхъ дворовъ 10 рублей 6 денегъ. Однакожъ соляной промыселъ, производившійся тогда всеми жителями Старой Руссы, былъ въ большей или меньшей степени неравный между ними, въ количествѣ вывариваемой соли и средствахъ къ такой вываркѣ соли, между тѣмъ по общей раскладкѣ приходилось каждому жителю вносить равное количество пошлинъ. По сему, для устранения такого неудобства, послѣдовалъ въ 1673 году новый царскій указъ, которымъ велѣно взимать въ казну за соляной промыселъ соразмѣрно количеству вывариваемой и продаваемой соли каждымъ изъ жителей Старой Руссы и окрестныхъ посадовъ. Во время вторичной описи Старой Руссы въ 1673 году были потребованы прежніе акты и грамоты отъ монастырей и другихъ владѣльцевъ на земли, угодья и соляныя варницы, изъ числа коихъ казенныя отданы въ оброчное содержаніе. Чтобы покончить съ древнѣйшимъ періодомъ солеваренія на извѣстныхъ началахъ въ Старой Руссѣ, мы здѣсь приведемъ и болѣе позднѣйшія свѣдѣнія о старорусскихъ соляныхъ варницахъ, чтобы видѣть финалъ разношерстнаго древнерусскаго солеваренія. Въ 1770 г. повелѣно устроить и привести въ лучшій видъ соляныя варницы, уже значительно упавшія, а въ 1722 году запрещено было частнымъ людямъ производить соляной промыселъ и въ замѣнъ того велѣно было обывателямъ отвести безденежно въ вѣчное владѣніе земли, дуга и рыбныя ловли, а въ 1723 г. казенныя варницы отданы въ оброчное содержаніе частнымъ лицамъ съ платою съ каждаго пуда вываренной соли по 8 алт., затѣмъ, въ 1778 г., казенныя солеварни снова поступаютъ въ завѣдываніе казны, съ 1770 г. содержалъ ихъ генералъ Боуръ. Этими послѣдними историческими извѣстіями мы хотѣли указать ту историческую грань, гдѣ кончается солевареніе, устроенное по древнерусскому складу общинно-товарищескаго и частнаго типа собственности на соляныя варницы; въ Старой Руссѣ этотъ переходъ совершился крутымъ способомъ отобранія варницъ изъ частныхъ рукъ, вслѣдствіе государева указа съ вознагражденіемъ прежнихъ владѣльцевъ варницъ другими угодьями; въ другихъ мѣстахъ этотъ процессъ совершался болѣе медленнымъ путемъ метаморфозъ

крупнаго монастырскаго или частнаго солеваренія, народившихся изъ общинотоварищескаго крестьянскаго и затѣмъ закончился переходомъ монастырскихъ вотчинъ въ казну и затѣмъ въ отдачу казенныхъ варницъ крупнымъ владѣльцамъ за оброкъ или въ вотчину, а также и въ откупное содержаніе. Какъ бы то ни было и здѣсь, въ Старой Руссѣ и по ея окрестностямъ, въ XVI и XII ст. мы видѣли и мелкое и крупное монастырское и частное солевареніе; мелкіе участки или цѣлыя варницы составляли частную собственность владѣльцевъ, переходили по наслѣдству, продавались, покупались, закладывались и отдавались въ монастырь на поминъ души; подобная подвижность участковъ помогала водворенію монастырскаго и крупнаго частнаго солеваренія, такъ что въ XVII ст. здѣсь уже находится масса монастырей — владѣльцевъ варницъ, получающихъ при новыхъ государяхъ подтвердительныя грамоты на свои варницы и только силою разныхъ льготъ держались долго привилегированныя группы мелкихъ соловаровъ и прямычъ запрещеніемъ государей — монастырямъ и боярамъ, и частнымъ лицамъ вторгаться въ область мелкихъ соловаровъ, напримѣръ моревскихъ слобожанъ, или царскихъ тонщикова. Тою же подвижностью участковъ объясняется и та неравномѣрность во владѣніи варницами, которая и вызвала указъ 1670 года, чтобы подати и сборы съ варницъ брались по доходности варницъ и по количеству вываривавшейся на нихъ и продаваемой соли, а не по числу владѣльцевъ, между которыми, вѣроятно, много уже было обѣдѣвшихъ, не могшихъ нести государева тягла на равнѣ съ богатыми. Кроме того, совокупность данныхъ, приведенныхъ нами, убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь должно быть товарищеское солевареніе, по крайней мѣрѣ такое, какое мы увидимъ въ Балахиѣ или Соликамскѣ и, вѣроятно, въ Тотьѣ.

Въ виду массы неизданнаго матеріала, а главнымъ образомъ разныхъ писцовыхъ книгъ, читатель, конечно, извинитъ насъ въ томъ, что мы припуждены строить свои выводы на разныхъ обрывкахъ и отрывочныхъ данныхъ, или пользоваться небольшими указываніями лицъ, имѣвшихъ въ рукахъ нѣкоторыя подлинныя грамоты, и на аналогію съ другими мѣстностями московскаго государства, находящимися при одинаковыхъ условіяхъ и въ одно и тоже время, только принимая всѣ эти свѣдѣнія въ совокупности, мы, наприм., высказываемъ то положеніе, что и здѣсь должно быть товарище-

ское солосвареніе, хотя бы въ XVI ст. Солопромышленниковъ изъ числа посадскихъ жителей по переписи 1625 года въ Старой Руссѣ считалось до 76 человекъ, кромѣ того здѣсь было до 300 лавокъ соляныхъ, откуда продавалась соль, а варницъ, какъ мы уже сказали, насчитывалось до 600; входили ли въ это число и варницы окрестныхъ мѣстностей или солей — неизвѣстно. Такъ какъ количество варницъ извѣстно, то можно сдѣлать приблизительный расчетъ общей годовой выварки на всѣхъ варницахъ, если принять въ расчетъ тѣ данныя, которыя взяты были для вычисленія количества вывариваемой соли на одной варницѣ въ одинъ годъ, по Тотемскимъ солямъ въ половинѣ XVI стол., такъ въ грамотѣ Грознаго на постройку соляныхъ варницъ у Тотемскія соли Тотемскому монастырю въ 1555 году говорилось: «а соли де изъ трубы добраго расолу на варницу сварятъ по пяти тысячъ пудъ соли на годъ, и средняго по четыре тысячи пудъ, а худаго по три тысячи пудъ соли на годъ», а потому, если взять даже росоль Старорусскій «среднимъ», то и тогда на каждой варницѣ должно было вывариваться до 4000 п., а умножая это количество на число всѣхъ варницъ—600, получимъ въ итогѣ общее производство соли до 2.400.000 пуд. даже до 3 милл. пудовъ, если брать весь росоль добрымъ, т. е. хорошей крѣпости (шѣряли ли въ древнее время крѣпость росоловъ при помощи какихъ нибудь приборовъ, неизвѣстно, а потому и нельзя здѣсь ничего сказать положительнаго о томъ, что означаютъ эти названія доброй, средней и худой, какой % соли имъ соответствовалъ неизвѣстно, но такъ какъ въ прежнее время колодцы были не особенно глубоки, скоро истощались и забрасывались—нужно предположить, что добрый росоль незаходилъ далѣе 10% крѣпости, а низшей или худой не спускался ниже 2% — 3%). Условія работы и положеніе монастырскихъ людей на здѣшнихъ варницахъ — намъ неизвѣстны, никакихъ почти памятниковъ изъ этотъ счетъ нѣтъ у насъ подъ руками и, быть можетъ, и изданныхъ; только отъ XVIII столѣтія кой-какія свѣдѣнія остались и приведены въ путешествіи Озерецкаго (путеш. по Ладожскому, Онежскому и оз. Ильменю) но въ XVIII ст. (въ 1710 г.) и варницъ-то уже было только до 70, при чемъ на каждой варницѣ работало по 7 челов. за плату въ сутки по 12 коп., а дрововозу съ лошадыю по 15 — 18 коп., дрова же покупались по 10—13 коп. за сажень аршинныхъ, а въ

сутки варница требовала отъ 8 до 15 сажень, а соли выходило въ сутки изъ двухъ сковородъ отъ 15—30 пудовъ. Монастырскіе рабочіе, вѣроятно, были изъ крѣпостныхъ, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ 1625 г. при описи огорѣвшихъ улицъ упоминаются и дворы монастырскихъ соловаровъ, которые были подчинены какому нибудь старцу или монастырскому прикащику, послѣдній и судилъ своихъ крестьянъ, за исключеніемъ тяжелыхъ преступленій. Вѣроятно, что здѣшніе монастыри имѣли здѣсь тѣ же льготы, какими пользовались при соловареніи и торговлѣ и сѣверные монастыри. Этими данными и исчерпываются наши свѣдѣнія о старо-русскомъ соловареніи въ XVI и XVII ст., данными, какъ видѣлъ читатель, отрывочными, крайне не полными, здѣсь намъ не пришлось сдѣлать даже маленькой выписи изъ писцовыхъ книгъ, чтобы показать обращикъ здѣшнихъ порядковъ распредѣленія варницъ по владѣльцамъ, что мы дѣлали для сѣверныхъ соловаренъ, по тамъ недостатокъ писцовыхъ книгъ выкупался массою оставшихся грамотъ—купчихъ, отказныхъ и жалованныхъ и многихъ другихъ; а здѣсь и этого-то очень мало. Съ теченіемъ времени, когда будутъ изданы писцовыя книги—тогда будетъ возможно сдѣлать и много другихъ интересныхъ выводовъ и сопоставленій о тогдашнемъ соловареніи, а теперь мы всѣ эти разсужденія должны пройти молчашиемъ, за немѣнимъ извѣстныхъ документовъ. Перехода отъ Старорусскихъ солей къ Тотемскимъ и близъ нихъ лежащимъ Леденгскимъ, намъ опять приходится повторить чуть ли не въ десятый разъ и все одно и то же—что писцовыя книги Тотемскихъ солей, составлявшіяся въ XVI и XVII ст. равно, какъ и для Леденгскихъ, до сихъ поръ не изданы и гдѣ-то пропадають; вѣроятно до сихъ поръ лежатъ въ мѣстныхъ архивахъ, или монастырскихъ или какихъ другихъ; составитель описанія Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря ссылается на писцовыя книги на разные годы. Между прочимъ, онъ нигдѣ не оговорился на счетъ нахождения этихъ книгъ во время составленія своего описанія (1850 г.); изъ этихъ писцовыхъ книгъ упоминаются книги отъ 1623 года и отъ 1685 г. и вѣроятно были какія нибудь и отъ XVI столѣтія; отъ XVII же столѣтія сохранились и писцовыя книги Леденгскаго Усоля; всѣми этими книгами мы, конечно, не пользовались, такъ какъ даже не извѣстно, гдѣ сохраняются онѣ и въ рукописяхъ-то, не то что въ печатныхъ источникахъ, куда онѣ не могутъ понасть до сихъ поръ.

А потому мы принуждены такъ-же, какъ и въ другихъ случаяхъ обратиться къ изученію грамотъ, касавшихся Тотемскихъ солей, да и при томъ такихъ, гдѣ рѣчь идетъ о монастырскомъ соловареніи, и въ этихъ грамотахъ искать намековъ на складъ тамошняго соловаренія въ XVI ст., такъ какъ грамоты эти относятся къ этому времени. Начало здѣшняго соловаренія теряется въ глубокой древности, какъ при Тотемскихъ, такъ и при Леденгскихъ соляхъ; весьма вѣроятно, что обѣ соли стали разрабатываться правильно вскорѣ другъ послѣ друга, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга, не превышаетъ 35 верстъ. О началѣ Тотемскихъ соловарницъ неизвѣстный составитель описанія Тотемскаго монастыря говоритъ такъ: «когда при городѣ Тотьмѣ посредствомъ трубъ начали доставать разсолъ изъ нѣдръ земныхъ и варить соль, объ этомъ положительно сказать трудно. По крайней мѣрѣ можно утверждать съ достовѣрностью, что соляной промыселъ былъ уже извѣстенъ жителямъ Тотьмы въ началѣ XVI столѣтія. Всякой, кто только вносилъ за вываренную соль пошлину въ казну государеву, имѣлъ право устроить свои варницы, а многимъ монастырямъ позволялось и безпошлинно. На основаніи сего находились при Тотьмѣ трубы и варницы Спасо-Прилуцкаго монастыря, Спасо-Каменнаго, Никольскаго-Угрѣшскаго, впоследствии и Спасо-Суморина, — многихъ мѣщанъ, гостей и другихъ, какъ сіе видно изъ писцовыхъ книгъ на разные годы. Нынѣ здѣсь заводъ купца Кокорева». Значитъ и здѣсь уже встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, что и во многихъ другихъ мѣстахъ или соляхъ, т. е. съ водвореніемъ монастырскихъ варницъ и съ перетасовкою простыхъ мѣщанскихъ варницъ съ варницами и гостей и монастырей; у послѣднихъ въ XVI столѣтіи были здѣсь свои прикащики или смотрителя при варницахъ, изъ числа коихъ былъ и преподобный Θεодосій Тотемскій, сперва прикащикъ Прилуцкаго монастыря при здѣшнихъ варницахъ, а потомъ основатель мѣстнаго монастыря. Послѣднему основатель выхлопоталъ жалованную и льготную и несудимыя грамоты отъ царя Ивана Грознаго, которыя и даны были ему въ 1554 и 1555 годахъ. Основатель Тотемскаго монастыря писалъ Грозному, что они въ новооснованномъ монастырѣ живутъ бѣдно, «а кормятся де оны, сѣкутъ дрова, да у соли продаютъ, а опричь де имъ дровъ прокормиться не чѣмъ, и въ томъ де имъ нужда великая» и все это говорится для того,

чтобы Грозный велѣлъ пожаловать ихъ (т. е. монастырь) «у соли на Тотмѣ труба садити и соль варити безоброчно, и изъ тое трубы соль на Тотмѣ продавати, а оброку де даютъ на Тотмѣ, съ иныхъ варницъ по осмнадцати (18) алтынъ по три деньга на годъ; а соли де изъ трубы добраго росоу на варницу сварятъ по пяти тысячъ пудъ соли на годъ, и середняго по четыре тысячи пудъ, а худаго по три тысячи пудъ соли на годъ, а намѣстнику де нашему Тотемскому, и его пошлиннымъ нашимъ, пошлины идеть съ продавца соли по деньгѣ съ рубля, а больше де того иныхъ пошлинъ съ продавца соли никакихъ нѣтъ и на тѣмъ оброчныя деньги у Всемилоост. Спаса ладанъ и свѣчи держати»; на эту просьбу Грозный даетъ свою жалованную грамоту, въ которой и дозволяетъ монастырю или жалуетъ «на Тотмѣ у соли на порожнемъ мѣстѣ труба садити и соль варити безоброчно, и тое трубы со всей соль продавати, а пошлина имъ давати намѣстника съ соли по уставной грамотѣ Тотемской, а на оброчныя деньги держать ладанъ и свѣчи и самимъ тѣмъ кормиться». Вотъ сущность жалованной грамоты Грознаго отъ 1555 г. (7063 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ, монастырь уже имѣлъ здѣсь 6 трубъ, 4 варницы и 2 лавки въ городѣ Тотмѣ для продажи соли. Что здѣсь былъ товарищескій складъ владѣнія и пользованія соляными варницами и трубами, распределенными уже въ половинѣ XVI ст. довольно неравномѣрно между 4 монастырями и многими гостями и посадскими людьми, на это указываютъ отрывки изъ духовнаго завѣщанія преп. Феодосія, писавшаго свою духовную память въ 1558 году, чѣмъ мы и можемъ воспользоваться за неимѣніемъ изданныхъ писцовыхъ книгъ, гдѣ распределеніе варницъ между владѣльцами ихъ описывалось со всею подробностію. Въ духовной памяти перечисляются монастырскія варницы и трубы въ такомъ порядкѣ: «да у соли у Тотемскія четыре варницы, три съ цырѣны, четверта безъ цырѣну, да труба у рѣчки по Углецкую съ росоломъ, до Спасоважъ полтрубы туто-жь недостѣлана, а другая полтрубы Петру Истоинну съ племянникомъ съ Иваномъ, да моя-жь труба Подломиха, а стоитъ у Спасскихъ варницъ въ наволокъ, да труба Срака, да возлѣ ту же трубу Сраку другая труба стоитъ, да моя-жь треть трубы подъ спасскимъ дворомъ стоитъ за рѣчкою за Ковдою, да моя-жь труба въ рѣчкѣ въ Ковдѣ, про-

тивъ ее, за рѣкою труба Семена Саблица съ братьею, до Григорьевы трубы, а на другой сторонѣ, съ моею же трубою въ межахъ, стоитъ той же колодязь съ росоломъ, да мой-жь труба у Бориса и Глѣба противу вривуши за рѣчкою за Ковдою, а словеть та труба Дерябинская». Изъ этой памяти видно, что монастырь, въ теченіи 13 только лѣтъ, успѣлъ столько завоевать за собою трубъ и варницъ, которыя нерѣдко были въ товариществѣ съ другими владѣльцами; на это указываютъ слова треть трубы, полтрубы и т. д. Если такой крупный владѣлецъ варницъ и трубъ, какъ монастырь, составлялъ товарищества для устройства трубъ и варницъ или, быть можетъ, другимъ какимъ способомъ нерѣдко являлся въ товариществѣ съ другими лицами для владѣнія и пользования солевыми трубами и колодцами, то, безъ сомнѣнія, мелкіе посадскіе люди и недавно должны были устраивать товарищества для эксплуатаціи соляныхъ источниковъ и это наше предположеніе, вѣроятно, подтвердится, когда будутъ изданы Тотемскія Писцовыя книги XVI и XVII ст. Мы уже привели условія солеваренія на Тотемскихъ варницахъ, сколько вышаривалось соли на одной варницѣ, сколько шло пошлинъ государственныхъ съ варницы; дрова поставялись на монастырскія солеварни и на частныя сосѣдними крестьянами, бравшими деньги у хозяевъ подъ вырубку и выдававшихъ на себя въ томъ записи и кабалы; въ той же духовной памяти преп. Феодосія говорится: «кабалъ у меня останеца денежныхъ, дровяныхъ взячахъ, на полтора ста рублевъ... да у меня-жь дровъ въ лѣсу, да на Сухонѣ полторы тысячи сажень, да у варницъ дровъ, въ трехъ садѣхъ, полторы тысячи сажень». Тутъ же перечисляются и тѣ количества соли, которыя были въ складахъ или поступили въ продажу, «а соли въ амбарахъ полторы тысячи пудовъ, да восемь сотъ палицъ желѣза цырѣннаго». Кромѣ того, посланъ былъ старецъ Іона на Вологду съ двумя дощаниками соли (отъ 6 до 10,000 пуд.), «дощаникъ красныя соли моря, а рогозинъ въ немъ сто тридцать безъ рогожи (129), да 4 рогожи соли Тотмы, да сто пудъ, а красныя соли и моря пудовъ 3080 пудъ съ четвертью, а другой дощаникъ соли Тотмы, а въ немъ сто рогожъ двадцать двѣ рогожи (122), а соль на Тотмѣ не вѣшена, да Ювѣ-жь старцу Пѣловѣ велѣлъ есма взяти въ Заозерѣ у Гавріила у Лупева на Бечевѣ полпятадесять рогожъ соли Тотмы, что у него поставилъ мой же старецъ Тео-

гность о Петровѣ дни, а соли въ нихъ осемь сотъ (800)». Этими словами исчерпывается и торговля монастырей солью. Сколько было всѣхъ варницъ въ Тотмѣ около этого времени неизвѣстно; вѣроятно, число ихъ достигало нѣсколькихъ десятковъ въ XVI ст., а выварка соли—до 300,000 пудовъ и даже полмилліона; все это впоследствии будетъ извѣстно, когда будутъ изданы Писцовыя книги, изъ которыхъ книги отъ 1623 и 1685 года должны лежать въ монастырскомъ архивѣ, такъ какъ въ «Описаніи монастыря» (1850 года) находятся подробныя выписки изъ нихъ, но не относящіяся къ солеваренію. Только въ описи 1623 года приводится, что у Тотемскаго монастыря при соляхъ была уже одна варница, во время другой переписи 1687 г. о варницахъ, по описанію монастыря, не упоминается, хотя монастырь и варилъ здѣсь соль до самого учрежденія штатовъ монастырскихъ, т. е. до 1764 г., такъ соли вываривалось въ 1745 на монастырской варницѣ до 4,200 п., а въ 1751 г. до 2,760 пудовъ соли. Судя по этимъ указаніямъ, нужно только предположить, что типъ солеваренія здѣсь сохранился тотъ же до самаго послѣдняго момента господства монастырскихъ вотчинъ, т. е. до половины XVIII ст., но чтобы преслѣдить это солевареніе по періодамъ времени, какъ оно измѣнялось въ разное время, насколько оно было крупно или мелко—для этого пока не имѣемъ данныхъ. Насчетъ ближайшихъ къ Тотмѣ Леденгскихъ варницъ у насъ свѣдѣній почти нѣтъ; только можемъ сослаться на одного корреспондента, писавшаго въ 50-хъ годахъ небольшую замѣтку о Леденгскихъ минеральныхъ водахъ, который упоминаетъ, что по переписямъ въ XVII ст. здѣшнія варницы въ одно время принадлежали фамиліи Строгановыхъ, а въ другой разъ были записаны за двумя гостями или купцами, послѣднимъ изъ ряда владѣльцевъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ Псаевъ, а затѣмъ заводъ перешелъ въ казну и разрабатывался по казенно-крѣпостному порядку до новѣйшаго времени. Кромѣ того, онъ же замѣчаетъ, что въ одной описи упомянуто, что въ первой половинѣ XVI ст. здѣсь жили «солевары и солянаго дѣла ярыжные», такъ что и тутъ можно предположить, что въ XVI ст. существовало здѣсь мелкое солевареніе, производившееся, вѣроятно, мѣстными посадскими жителями. Другой—писавшій о тѣхъ же варницахъ, говоритъ, что, по преданіямъ старожиловъ, здѣсь, будто бы, были солеварни еще во время новгородцевъ, со-

ставлявшія вотчину Марѣи-посадницы; по прямыхъ историческихъ извѣстій о здѣшнемъ солевареніи у насъ нѣтъ, даже неизвѣстны переписи XVII ст., а потому мы и будемъ довольствоваться тѣмъ, что сказали. Соли Вычегодскія извѣстны тоже съ начала XVI ст., но здѣсь, кажется, постоянно были варницы только Строганова; онъ ли открылъ здѣшніе росолы и одинъ началъ варить соль или до прихода сюда фамиліи Строгановыхъ, происходившихъ изъ новгородскихъ гостей, было тутъ солевареніе—неизвѣстно; въ XVI ст. число варницъ здѣсь доходило до 90, а по Лепехину, бывшему здѣсь въ 1772 г., можно сказать, что число это не превышало 50; всѣ эти варницы процвѣтали только въ XVI ст.; въ XVII ст. значительно упали, а по описи 1710 года здѣсь была уже одна труба съ двумя-тремя варницами. Въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Выжи, съ начала XVII ст., существуетъ Сереговскій заводъ, который основавъ былъ въ 1637 г. дякомъ Панкратьевымъ, купившимъ эту землю у крестьянъ Яренскаго уѣзда Княжноготскаго селенія Опариныхъ и съ тѣхъ поръ солевареніе здѣсь не прекращается до настоящаго времени, такъ какъ здѣшній росоль довольно крѣпокъ и вѣстощается до сихъ поръ. Вѣроятно, солевареніе въ Вологодской губ., въ XVI и XVII ст., существовало и въ другихъ мѣстахъ, но свѣдѣній никакихъ не осталось, а потому и говорить о нихъ нѣтъ надобности, такъ у Лепехина упоминается соляной заводъ по Двинѣ, въ 30 вер. отъ Устюга, и называющійся Пускпнскимъ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи было до 3-хъ трубъ и вываривалось соли до 8,000 пуд. Этими свѣдѣніями и ограничиваемся для вологодскихъ соляныхъ пунктовъ въ теченіи XVI и XVII ст., писцовыхъ книгъ никакихъ не издано, другихъ документовъ почти нѣтъ, за исключеніемъ разныхъ грамотъ, разбросанныхъ по различнымъ мѣстамъ и мало касающихся солеваренныхъ порядковъ на разныхъ усольяхъ. Ближайшее къ тотемскимъ солямъ, но уже находящееся по системѣ Волги—Солигаличское продолжало свое солевареніе и въ XVI и XVII ст., но такъ какъ мы никакихъ подробныхъ свѣдѣній объ немъ не имѣемъ за это время, то и пройдемъ его молчаніемъ, ограничившись только предположеніемъ что въ это время солевареніе здѣсь было организовано такъ же какъ и въ Тотмѣ, а данныя XIV и XV ст. приведенныя нами ранѣе и указанія Зябловскаго (въ его статистическомъ трудѣ отъ 1815 года) что въ Солигаличѣ до 1731 года варницы принадле-

жали двумъ монастырямъ и Солигаличскимъ купцамъ, заставляють насъ думать, что здѣсь и въ XVI ст. были осмины и четвертины варницъ принадлежащія посадскому люду, а потому перешедшія за монастыри и за купцовъ; писцовыхъ книгъ на счетъ здѣшнихъ варницъ никакихъ не издано, хотя можно думать, что отъ XVII ст. онѣ сохранились и для Солигалича, такъ какъ для другихъ костромскихъ соляныхъ мѣстъ онѣ сохранились, напримѣръ Нерехотскихъ—1627 года но, къ несчастію, изданныхъ не существуетъ. По послѣднимъ, т. е. Нерехотскимъ книгамъ Павла Волинскаго, въ числѣ другихъ монастырскихъ варницъ были тутъ варницы и Шартмскаго монастыря, какъ объ этомъ говоритъ Борисовъ въ описаніи города Шун и его уѣзда. Здѣсь же продолжали существовать въ XVI и XVII ст. и варницы митрополичіи и Троицко-Сергіева монастыря; были ли варницы посадскихъ людей—неизвѣстно. Въ 25 верстахъ отъ Нерехты находятся Большія Соли, а отъ нихъ въ 3 верстахъ Малыя Соли. Солевареніе здѣсь существовало съ глубокой древности, въ исходѣ XVI стол. варницъ было 19, въ томъ числѣ двѣ варницы принадлежали ярославскимъ монастырямъ Спасо-Преображенскому и Толгскому; въ царствованіе Алексія Михайловича—въ XVII ст. было 4 варницы а послѣдняя варница, принадлежавшая купцу Шорину закрыта въ 1799 году. Въ XVI ст. продолжали существовать и Переяславскія соли, въ началѣ этого столѣтія Троицко-Сергіевъ монастырь имѣлъ тутъ 4 варницы, кромѣ этихъ варницъ у того же монастыря были варницы Киржачскія и въ Ряполовскомъ Стародубѣ; всѣ эти три соли находились въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губерніи. Насчетъ Стародубскихъ варницъ имѣется жалованная грамота Грознаго монастырю, въ которой монастырь получаетъ разныя льготы по солеваренію, а монастырскіе солевары освобождаются отъ суда намѣстниковъ. Сколько было на Холую въ Стародубѣ варницъ и трубъ въ 1543 году въ грамотѣ не обозначено; въ 1613 году часть здѣшнихъ варницъ перешла или пожалована князю Дм. Пожарскому. Въ Суздальскихъ писцовыхъ книгахъ Михайла Трусова отъ 1629, 1630 и 1634 годовъ значится «два двора вотчинниковыхъ, да 23 крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, да не тяглыхъ бобылей 24 двора, людей столько-жъ, дѣлають надѣлье на боярина. Въ той же слободкѣ варница Орель, да другая варница Усолка, да два мѣста варничныхъ:

мѣсто варнишно Купаво, а другое Хорошово въ спорѣ съ Троицко-Сергіевымъ монастыремъ да четыре трубы съ усоломъ». Значить, на Холую часть варницъ была за Троицко-Сергіевымъ монастыремъ, а другая за помѣщиками, сначала за Пожарскимъ, а затѣмъ за другими. Соловареніе было уже крупновотчинное, крѣпостное. Однимъ словомъ, на всѣхъ почти Усоляяхъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ Костромской и Владимірской губ. мы видимъ монастырскія солеварни, другая часть варницъ въ нихъ раздавалась въ помѣстья или въ вотчины боярамъ, напр. Большія Соли временно были пожалованы въ XVII ст. фамиліи Строгановыхъ. Другихъ данныхъ объ этихъ Усоляяхъ пока нѣтъ, а между тѣмъ весьма вѣроятно, что и здѣсь на ряду съ монастырскими варницами существовали варницы посадскихъ людей, но объ нихъ не дошло извѣстій, а переписныхъ и писцовыхъ книгъ за разные годы не издано, слѣдовательно и судить непочему о состояніи солеваренія, ни о количествѣ всѣхъ варницъ, ни о распредѣленіи ихъ по владѣльцамъ, остались одна обрывки разныхъ извѣстій и притомъ односторонняго характера.

Болѣе интересныя свѣдѣнія о владѣніи и пользованіи соляными варницами въ XVI и XVII стол. найдемъ въ описаніи Балахнинскихъ солеварень; въ Балахиѣ солевареніе началось съ начала XVI ст. и продолжалось до самаго послѣдняго времени. Что всего интереснѣе для насъ, это то, что товарищеская форма владѣнія и пользованія варницами и трубами сохранилась очень долго; въ XVII ст. она здѣсь была въ полномъ ходу, хотя уже владѣльцы варницъ и принадлежали, вѣроятно, къ болѣе или менѣе самостоятельному классу, а отъ XVI ст. не сохранилось переписей, а другихъ грамотъ не издано, слѣдовательно, только переписи XVII ст. укажутъ намъ, въ какомъ направленіи развивалось здѣсь солевареніе и какъ мелкое солевареніе падало и превращалось въ крупное купеческое или монастырское; здѣсь нѣтъ изданныхъ актовъ и грамотъ, по крайнѣй мѣрѣ въ общедоступныхъ археологическихъ сборникахъ, а потому нѣтъ возможности иллюстрировать цифровыхъ данныхъ фактами жизненными, что мы дѣлали для Сѣвера, гдѣ всего было помаленьку, то есть и частичка писцовыхъ книгъ уже издана, и не мало грамотъ, характеризующихъ жизнь солеваренныхъ товариществъ на крайнемъ сѣверѣ; въ Балахиѣ же, за всимѣніемъ подобныхъ грамотъ мы вос-

пользуемся показаніями лицъ, изучившихъ здѣшнее солевареніе и безъ помѣтки и выписокъ грамотъ утверждающихъ тоже, что мы доказывали на сѣверѣ, приводя многія примѣры касательно жизни соловаренныхъ товариществъ. О Балахнинскомъ соляномъ промыслѣ писалось не мало, какъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, такъ и въ другихъ издачіяхъ, но всѣ они повторяютъ одни и тѣ же данныя объ организаціи соловаренія въ XVII ст., а потому мы и выпишемъ здѣсь то, какъ они описаны у архимандрита Макарія въ его матеріалахъ для географіи и статистики Нижегородской губерніи (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изданный географическимъ обществомъ т. III. 1858 г. Ивановъ П. въ С.-Петербургѣ св. и мат. по вѣд. фин. 1866 т. II. № 7 повторяетъ тоже самое). Соловареніе въ Балахнѣ началось съ XVI ст.; имя Балахны встрѣчается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ XVI ст. По преданію же, которое имѣетъ свою достовѣрность, первыми поселенцами Балахны были ссыльные новгородцы, сосланные сюда послѣ покоренія Новгорода В. Кн. Іоанномъ III въ 1479 г. Эти то новгородцы, какъ говорятъ, будучи знакомы съ образомъ добытія соли на мѣстѣ родины своей, въ Старой Руссѣ, и завели здѣсь первыя варницы. Ранѣе мы привели извѣстіе о соляхъ въ Городцѣ отъ времени конца XIV ст., и начала XV ст., а одинъ изъ Городцовъ находится вблизи Балахны и упоминается въ лѣтописяхъ еще въ удѣльное время въ XIV ст., а потому, при сопоставленіи этихъ данныхъ, едва-ли есть надобность давать вѣроятіе тому, что здѣсь завели варницы знавшіе соловареніе Новгородскіе ссыльные. Соляной промыселъ достигъ здѣсь цвѣтущаго состоянія въ XVII ст., а первыя письменныя свѣдѣнія о балахнинскихъ соловарняхъ встрѣчаются въ 1532 году, но сколько тогда было варницъ, неизвѣстно. Соляной росоль добывался на глубинѣ 25 сажень, а для того, чтобы поставить трубу для извлеченія рассола съ такой глубины—стоило не мало издержекъ и труда, по этому съ самаго начала соловаренія въ Балахнѣ такія работы предпринимались не иначе какъ на паяхъ и потому пользовались такимъ количествомъ росола, добываемаго изъ поставленной общими силами трубы, какое было сообразно съ употребленнымъ паямъ въ капиталѣ. Обыкновенно для опредѣленія пая рассоловъ брали за норму 800 бадей въ трубѣ и разсчитывали, какое именно количество придется на долю каждаго участника. Если напр. труба стояла 100 р., то кто далъ

20 р., тотъ имѣлъ 160 бадей, кто—25 р., у того было 200 бадей. Право на известное число бадей укрѣплялось законнымъ актомъ. Бади свои владѣлецъ оставлялъ по наслѣдству, дѣлилъ, продавалъ по купчимъ крѣпостямъ, отдавалъ въ залогъ подъ заемныя письма, завѣщалъ по душѣ своей въ церкви и монастыри и проч. Если владѣлецъ былъ несправенъ въ платѣ Государевыхъ повинностей, то бади отписывались на Государя. Вообще участіе въ усольѣ имѣло характеръ недвижимой собственности. Трубы, принадлежащихъ одному лицу почти не было, кромѣ одного богатаго солопромышленника, который имѣлъ свои бади въ нѣсколькихъ трубахъ. Съ трубъ казенныхъ пошлины не взымались. Варницы, напротивъ, почти всегда принадлежали одному лицу. Владѣлецъ варницы или варилъ свой росоль или пользовался чужимъ, платя за это деньги по условію. Бывали частые примѣры, что имѣвшій росоль, не имѣлъ варницы; случилось и наоборотъ, но весьма рѣдко. Съ варницъ и находившихся при нихъ амбаровъ и дровяныхъ мѣстъ взымалась пошлина въ казну, равно платили пошлину въ казну и за право выгружать и ставить дрова на берегу Волги. Порядокъ относительно владѣнія росоломъ и варницами сохранился тотъ же и досихъ поръ. Въ XVI столѣтіи особенно замѣчательнъ былъ солопромышленникъ В. Кухтинъ. У него было въ разныхъ трубахъ 1542 бади и нѣсколько варницъ. Въ 1610 г. Балахна была разорена казаками въ смутное время, а до этого времени въ XVI столѣтіи воеводою Алябьевымъ. Во время нѣсколькихъ переписей соловарень въ XVII столѣтіи состояніе ихъ было въ слѣдующемъ положеніи: Въ 1618 г. по описи писца Пискальскаго въ Балахиѣ было: варницъ дѣйствующихъ 72, а владѣльцовъ варницъ—53; трубъ росольныхъ 29, а въ нихъ бадей росолу 21,608 (325 пичи), владѣльцовъ этого росола было 80 человекъ, изъ коихъ имѣвшихъ 500 бадей и болѣе 10 человекъ; отъ 200—500 бадей—36 человекъ; отъ 100—200 бадей—было 22, и менѣе 100 бадей—12 человекъ. Изъ этого видно, что росоль былъ раздѣленъ на большое число мелкихъ владѣльцовъ и что болѣе 100 человекъ участвовало въ промислѣ, какъ варничныхъ, такъ и трубныхъ хозяевъ. Изъ числа главныхъ воротилъ былъ—Спиринъ, имѣвшій болѣе десятой части всего росола, 2200 бадей и 5 варницъ, кромѣ 4 сгорѣвшихъ. Въ продолженіи 10 лѣтъ послѣ 1618 года мелкіе владѣльцы продавали свои

права на росоль и такимъ образомъ промыслы соединялись въ рукахъ капиталистовъ. Число владѣльцовъ варницъ уменьшилось на половину, а росольныхъ почти на одну треть. Изъ варницъ только 24 осталось въ прежнихъ рукахъ, остальные были проданы, 18 варницъ сгорѣло, 4 заведены вновь. Главный солопромышленникъ Спиринъ, въ это время, промыслы свои продалъ, частію завѣщавъ монастырямъ и церквамъ Балахинскимъ. Въ 1628 г. состояніе промысловъ было таково: Варницъ дѣйствующихъ 62; владѣльцовъ варницъ 40; трубъ росольныхъ 31; владѣльцовъ росола 55. Бадей въ трубахъ 25.129. (1.990 ничь). Владѣльцовъ имѣвшихъ 500 и болѣе бадей 13; отъ 200—500—21; отъ 100—200—13, менѣе 100—8. Число участвовавшихъ въ промыслахъ было около 70. Изъ нихъ главнѣйшими были: Потепинъ, скупившій много росолу у Спирина и у другихъ—у него было 2,681 бадей и 6 варницъ, и Добрынинъ съ сыновьями, у него 2,083 бадей и 6 варницъ.

Изъ описи Сомова 1674 г. видно, что къ этому времени владѣніе солянымъ промысломъ еще болѣе сосредоточилось въ рукахъ богачей, гостинной и суконной сотни людей. Тутъ занимались солевареніемъ и нѣкоторые москвичи. Число варницъ увеличилось. Въ 1674 г. состояніе промысловъ было таково: варницъ дѣйствующихъ 80; владѣльцевъ варницъ 36. Трубъ разсольныхъ 33; владѣльцевъ разсола 41. Бадей въ трубахъ 24,632 (въ томъ числѣ отписанныхъ отъ Потепина 2,507 бадей на государя). Имѣвшихъ 500 бадей и болѣе—15; отъ 200—500—17; отъ 100—200—5; менѣе 100—4. Число участвовавшихъ въ промыслахъ было до 55. Изъ нихъ главные: 1) Филипповъ съ 2,000 бадей, въ томъ числѣ одна дѣлая труба и 7 варницъ; 2) Добрынины съ 1,837 бадьями и 5 варницами и 3) Троицко-Сергіевъ монастырь съ 1,800 бадьями и 4 варницами. Для наглядности выразимъ эти цифры въ одномъ мѣстѣ въ таблицѣ.

	Въ 1618 г.	1628 г.	1674 г.
Варницъ дѣйствующихъ было	72	62	80
Владѣльцевъ варницъ	53	40	36
Трубъ разсольныхъ	29	31	33
А въ нихъ разсолу бадей	21,608	25,129	24,632
Владѣльцовъ разсола	80	55	41
Въ томъ числѣ имѣвшихъ 500 бадей и болѣе	10	13	15
• • • • • отъ 200—500 бадей	36	21	17
• • • • • > 100—200 „	22	13	5
• • • • • менѣе 100 бадей	12	8	4

Цифры эти сами говорят за себя и показывают намъ, какимъ образомъ совершался процессъ капитализаціи промысла и сосредоточенія его въ рукахъ немногихъ богатыхъ лицъ. Ранѣе указывалось, что певносившій государевыхъ пошливъ владѣлецъ, лишался своего владѣнья, а потому бѣдность и непосильность платежей служила, вѣроятно, и здѣсь немалымъ побудительнымъ толчкомъ къ продажѣ маленькихъ паевъ, которые и забирались, конечно, богачами; процессъ сосредоточенія промысла въ рукахъ богачей шелъ на столько скоро, что въ какія нибудь 60 лѣтъ разстоянія между переписями 1618 г. и 1674 г. число владѣльцевъ варницъ и разсола или участниковъ въ промыслѣ сократилось на половину и впоследствии еще болѣе продолжало сосредоточиваться, такъ что въ 1849 г. здѣсь было уже 5 варницъ, изъ нихъ 4—принадлежали купеческой фамиліи Рѣдозубовыхъ, а 1—купцамъ Лагуннымъ; на этихъ варницахъ вываривалось на 15 чрепахъ, до 100,000 пуд. при 32 рабочихъ съ платою мастерамъ 120 р. въ годъ, а черно-рабочимъ по 70 р. Въ XVII ст. съ каждой варницы, съ амбара для складыванія вываренной соли и дровяныхъ мѣстъ у варницъ взыскивалось по 25 алт. съ варницы безъ амбара, а съ дровяныхъ мѣстъ взималось по 18 алт. и 2 деньги. Съ варницъ казеннаго дохода получалось: въ 1618 г. съ 72 варницъ 43 р. 59 к., въ 1628 г. съ 62 варницъ 42 р. 76 к.; а въ 1674 г. съ 80 варницъ 60 р. Впоследствии, въ XVIII ст., соляной промыселъ въ Балахиѣ то закрывался, то открывался; выварка соли въ началѣ XVIII ст. достигала до 240,000 пуд., а въ XVII ст. вѣроятно была гораздо больше; если разсчитывать выварку соли по той нормѣ, которую мы брали ранѣе для Тотемскихъ варницъ, то среднимъ числомъ, выварка въ 1674 г. при 80 варницахъ достигала до 320,000 или даже до 400,000 пуд., считая ежегодную выварку соли на каждой варницѣ по 4—5,000 пудовъ.

Изъ ряда тѣхъ соляныхъ пунктовъ или усольевъ, гдѣ процвѣтала товарищеская форма владѣнія и пользованія соляными варницами и трубами, въ XVI и XVII ст. намъ остается еще разсмотрѣть Соля Камскую, при нынѣшнемъ городѣ Соликамскѣ, Пермской губерніи, да нѣсколько словъ о Чердынскомъ солевареніи на р. Вишерѣ, гдѣ варницы принадлежали посадскимъ людямъ и вольнымъ крестьянамъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и о строгоновскихъ вотчинахъ, въ которыхъ производилось соле-

вареніе въ разсматриваемое нами время. Нѣкоторыми писателями, затрогивавшими исторію соляныхъ промысловъ въ Пермской губерніи, высказывалось такое мнѣніе, что соляные источники здѣсь открыты со времени появленія здѣсь Строгонова, т. е. въ началѣ второй половины XVI ст., такъ напр. Миллеръ въ своей сибирской исторіи и за нимъ Фишеръ утверждаютъ, что до пожалованія земель по Камѣ Строгонову Соликамска не существовало. Но это мнѣніе едва ли имѣетъ какую вѣроятность; мѣстные изслѣдователи пермскіе утверждаютъ, что соль камская заведена была чердынцами (Чердынь или Пермь Великая въ прежнее время была областнымъ тогда городомъ) еще до появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ Строгонова, да и переписныя соликамскія книги 1579 года показываютъ, что къ этому времени Соликамскъ былъ городомъ со множествомъ варницъ и съ довольно большимъ населеніемъ, для чего, конечно, требовалось не мало времени, чтобы колонизовать дикую мѣстность, завести городъ и построить множество соляныхъ варницъ и другихъ заведеній промышленныхъ и торговыхъ. Въ книгѣ сошпаго письма города Камскаго писца Ив. Игн. Яхонтова 87 года (1579 г.) показано: «на посадѣ у Соликамской пашенныхъ и непашенныхъ дворовъ 190, а людей въ нихъ 201 человекъ, 26 лавокъ, 16 соляныхъ варницъ и нѣсколько церквей». Какъ бы то ни было, но во второй половинѣ XVI ст. Соликамскъ существовалъ и былъ значительнымъ городомъ; весьма вѣроятно поэтому, что и въ первой половинѣ XVI ст. чердынцы здѣсь уже пмѣли варницы и начали селиться около соляныхъ промысловъ; прослышавши объ этомъ обстоятельствѣ, Строгоновъ и соблазнился этими мѣстами и выхлопоталъ себѣ отъ Грознаго грамоту на громадную площадь земли по обѣимъ сторонамъ р. Камы ниже р. Лысвы и Пызновскія Курьи, которыя отстоятъ отъ Соликамска верстъ на 10—15; Строгоновскія владѣнія шли еще на 20 верстъ ниже. А потому гораздо правдоподобнѣе будетъ предположеніе, что Строгоновъ явился сюда для соляныхъ промысловъ, когда узналъ, что пермская страна богата соляными источниками, которые уже отчасти и разрабатывались мѣстными жителями. Нами приведено указаніе на то, что въ 1579 г. въ Соликамскѣ было 16 варницъ, принадлежащихъ посадскимъ людямъ, но какъ онѣ распредѣлялись въ то время между мѣстными жителями, сколько было участниковъ въ солевареніи въ 1579 г.— неиз-

вѣстно, такъ какъ эта писцовая книга не отпечатана подробно; а потому и судить о разныхъ порядкахъ солеваренія въ то время не почему; одно только несомнѣнно, что солевареніе производилось на товарищескихъ началахъ между посадскими людьми, такъ какъ это мы наблюдаемъ при слѣдующей переписи въ началѣ XVII ст., въ 1623 и 1624 гг., въ писцовыхъ книгахъ Мих. Кайсарова, да дьяка Мартемьянова, изданныхъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ въ 1872 г. Въ томъ же 1579 году, въ книгѣ сошной чердынской и Чердынскаго у., Яхонтова, упоминаются соляныя варницы, принадлежащія посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ, «въ Чердынскомъ уѣздѣ за рѣкою за Вишерою, на р. на Толычѣ, на р. Усолкѣ посадскихъ и волостныхъ крестьянъ соляныя варницы: варница Якова Могильникова, варница Пимена Коробейникова, варница Филипа Вознищева, а оброку давати по 6 р., по 2 руб. съ варницы въ годъ. Варницы же молодчихъ людей: варница Юшка Наумова, варница Максима Калинина, варница Аникія Кокотова, варница Ивана Оотѣева, а оброку имъ съ тѣхъ варницъ давати 4 р., по 1 р. съ варницы. И обоего съ варницъ давати въ государеву казну оброка 10 рубл., да пошлины намѣстникамъ по 20 пудовъ съ варницы». (Пермск. губ. вѣд. 1878 г. и 1879 г.). Выпись эта приведена кратко, такъ что нужно ли тутъ предполагать существованіе варницъ товарищескихъ, или всѣ онѣ принадлежали лицамъ по одиночкѣ, такъ какъ въ книгѣ обозначены, быть можетъ, только тѣ лица, по именамъ которыхъ записаны эти варницы; вѣдь мы ужъ видѣли примѣры подобныя въ Ненокотскихъ и другихъ варницахъ, гдѣ наур. въ варницѣ Григорьевской, Кологривова, было очень много участниковъ, а между тѣмъ варница носила имя одного лица, будь то первоначальный ея основатель, или главный пайщикъ въ ней, имѣющій больше всѣхъ другихъ товарищей паевъ. Во всякомъ случаѣ наше предположеніе должно имѣть свою вѣроятность въ виду ранѣе встрѣчавшихся фактовъ, такъ и въ виду того, что неподалеку существовали тоже товарищескія варницы въ Соликамскѣ въ XVII ст., а отъ конца XVI ст. изъ переписи Яхонтова по Соликамску отъ 1579 г. у насъ нѣтъ подробныхъ указаній, кромѣ общаго числа варницъ, бывшихъ въ то время во владѣніи посадскихъ людей; издатель писцовыхъ пермскихъ книгъ В. Шишонко оговаривается, что во время переписи 1579 г. въ Соликамскѣ не было такого дробнаго дѣленія владѣль-

цевъ варницъ по ихъ имущественной состоятельности, какое встрѣчается при слѣдующей переписи въ 1622—23 годахъ, изъ чего можно заключить, что въ XVI ст. варницы составляли въ Соликамскѣ отрасль мелкой промышленности, не успѣвшей еще развиться до степени смѣшанной, какою мы ее видимъ въ XVII ст., когда большая часть варницъ принадлежала уже богатому сословію, имѣвшему части во многихъ трубахъ и варницахъ и скупившему ихъ у менѣ состоятельныхъ лицъ, посадскихъ людей, и кромѣ того—уже накупившему не мало и другихъ угодій въ уѣздѣ и земельныхъ имуществъ, гдѣ сидѣли на купеческихъ земляхъ «половники», что видно изъ переписи Кайсарова, гдѣ перечисляются подробно всѣ доходныя статьи посадскихъ людей, въ томъ числѣ и соляныя варницы на посадѣ у Соликамской. Для того, чтобы выяснитъ складъ товарищескаго солеваренія въ 1622 и 23 годахъ въ Соликамскѣ, мы сдѣлаемъ только коротенькія выписки, чтобы дать, такъ сказать, образчики—для сужденія о вопросѣ владѣнія и пользованія варницами и объ ихъ распредѣленіи между владѣльцами—посадскими людьми. Всѣ варницы соликамскія раздѣлены были на 5 разрядовъ по экономической состоятельности ихъ владѣльцевъ, при чемъ и оброкъ, и пошлыны съ каждаго разряда шли особа, такъ какъ «животы и промыслы» у этихъ владѣльцевъ и разрядовъ были не одинаковыя, такъ что плата податей была распредѣлена подоходно, по большей или меньшей имущественной состоятельности владѣльцевъ варницъ, которые дѣлились на 5 статей: владѣльцевъ дворовъ—лучшихъ торговыхъ пашенныхъ людей, да такихъ же лучшихъ—безпашенныхъ; среднихъ, молодчихъ и самыхъ молодчихъ. Мы будемъ приводить здѣсь по одной варницѣ изъ каждой статьи и по общему итогу съ оброками и пошлынами по каждой статьѣ и затѣмъ общій итогъ всѣхъ варницъ въ Соликамскѣ и количество оброку и пошлынь и единицъ податнаго дѣленія дворовъ по сохамъ. Въ писцовыхъ книгахъ эти варницы переписывались такъ: «первая статья: варница Ивана Фодорова сына Безукладникова, да Пареена Григорьева сына Третьякова, да Первого Осипова сына Усачева, а къ ней труба росольная, да худая труба росольная, да два анбара соляныхъ, да анбаръ куда кладутъ въ него желѣзо цренное, да мѣсто дворовое, что имъ дано подъ варницу Дмитрія Фофанова, до Петра же Усачева—купили у Петра у Меркурьева да у Ондрушки Половинникова... И всего первая статья десять вар-

вицъ, а оброку съ нихъ: тридцать шесть рублей, по четыре рубля съ варницы, да пошлина съ оброку рубль и 26 алт. и четыре деньги, съ рубля по 10 денегъ, да за намѣстный доходъ съ тѣхъ же варницъ 180 пудовъ соли и др. пошлины. Варницы же другія статьи:.. варница Ивана Тихонова сына Быкова, а къ ней труба росольная, вообще съ Григорьемъ Чебоксарцомъ да съ Минкомъ и съ Пвашкомъ Зыряновымъ, что они купили у вдовы Анны Лаптевой съ дѣтьми, да къ ней же анбаръ соляной. И всего другія статьи десять варницъ, а оброку съ нихъ 27 р., по три рубля съ варницы, да пошлины съ оброку рубль 11 алт. 4 ден., да за 180 пуд. намѣстничей соли—десять рублей. Варницы третьей статьи: двѣ варницы московскаго гостя Ивана Юрьева, да брата его Василья Юрьева, что были усольцовъ Ондreja да Максима Кондаковыхъ, да чердынца Богдана Могильникова, а къ нимъ труба росольная вообще (общая) съ московскимъ жильцомъ съ Максимомъ Дощениковымъ, да труба-жь росольная-жь пуста вообще съ Максимомъ же, да къ тѣмъ же варницамъ Пвановыхъ да Васильевыхъ два анбара соляныхъ. И всего третьей статьи шесть варницъ, а оброку съ нихъ 12 рубл.—Варницы 4-й статьи: Полварницы московскаго жильца Онисима Цибина, а другая половина тое варницы усольца Ермолки Посельскаго, а къ ней труба росольная, да анбаръ соляной. Да Онисей же да Ермолко къ той же трубѣ поставили варницу повую. Или: варница Василья Елисеѣва да Федора Васильева Онофриева варить соль, наймуя росоль изъ иныхъ трубъ. И всего 4-й статьи 8 варницъ, а оброку съ нихъ 12 р. по 1½ руб. съ варницы и т. д. Варницы 5-й статьи: варница Перваго да Третьяка да Пятого Усачевыхъ, а къ ней труба росольная, да безросольная вообще съ Иваномъ Овдокимовымъ, да съ Жданкомъ Григорьевымъ, да къ той же ихъ варницѣ два анбара соляныхъ. И всего съ двухъ варницъ 5-й статьи оброку 2 р. 16 алт. и 4 деньги.

Да въ Усольскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Зырянкѣ варница московскаго жильца Богдана Левашова, что была Вологженинова Ивана Нарыгина, да на той же рѣчкѣ на Зырянкѣ поставлена другая варница у Богдана Левашова, а оброку ему съ тѣхъ двухъ варницъ платить по 2 р. 16 алт. 4 д.

И всего у Соли Камскія, на посадѣ, и на рѣчкѣ на Зырянкѣ, тридцать семь (37) варницъ, а оброку съ нихъ 93 р., да пошлины

съ оброку 4 р. 21 алт. 4 ден. съ рубля по 10 денегъ; да за намѣстничу соль за 740 пудовъ—37 р. (по усольской цѣнѣ)». Обращеніи распредѣленія варницъ по владѣльцамъ, представленныя нами, какъ нельзя болѣе, могутъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и иллюстраціею порядковъ въ солевареніи, описанныхъ нами въ Балахиѣ въ XVII ст.; какъ здѣсь, такъ и тамъ видимъ товарищескій складъ владѣнія варницами, потомъ трубами разсолными и безразсолными, и даже амбарами соляными, куда складывалась вывариваемая соль. Далѣе, и здѣсь были варницы, наймовавшія разсолъ, и рѣдко владѣльцы трубъ и варницъ совпадали между собою. Кромѣ того, здѣсь въ числѣ владѣльцевъ былъ одинъ монастырь—Вознесенскій и много иногороднихъ людей, что намъ указываетъ на разложеніе мелкихъ солеваренныхъ товариществъ, такъ какъ съ проникновеніемъ на промыселъ иногороднихъ промышленниковъ (въ данномъ случаѣ,—московскихъ гостей и жильцовъ, Чебоксарцевъ, Вологжениповыхъ, Чердынцевъ, и т. д.) и монастырей связывается представленіе о крайней подвижности промысловыхъ паевъ или участковъ, скупаемыхъ и съими богатыми людьми и посторонними; то же мы видѣли и въ Неноксѣ (гдѣ были устюжане) и въ Балахиѣ. Эта же выпись указываетъ намъ, что здѣсь солевареніе приняло уже крупно-товарищескій характеръ, благодаря тому обстоятельству, что бѣднѣйшая часть товарищей продавала свои части въ промыслѣ богатымъ гостямъ и иногороднымъ купцамъ. Большая часть варницъ начала уже сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ богатыхъ промышленниковъ, такъ что уже въ XVIII ст. здѣсь были владѣльцами Турчаниновъ и Рукавишниковъ, первый изъ нихъ устроилъ заводъ съ 1737 г. и скупилъ другія варницы у Демидова и другихъ солепромышленниковъ; около 1800 годовъ здѣсь уже было до 6—7 варницъ дѣйствующихъ, до 10 трубъ, и пустыхъ и недѣйствующихъ трубъ до 62; до того промыселъ уже упалъ. Данныхъ, которыми бы можно было иллюстрировать подобные статистическіе факты владѣнія варницами, въ родѣ купчихъ грамотъ, отказныхъ и дѣльныхъ, мы не имѣемъ, а потому о жизни здѣшнихъ солеваренныхъ товариществъ распространяться не можемъ.

Въ другихъ мѣстахъ Пермской губ. солевареніе развилось и появилось въ большинствѣ случаевъ другимъ образомъ, чѣмъ указаннаыя нами соликамскіе и вишерскіе солеваренные промыслы; а промыслы солеваренные существовали здѣсь въ очень многихъ мѣ-

стахъ въ XVI и XVII ст. Всѣ подобныя промыслы возникли благодаря розыскамъ Строгоновыхъ, которымъ, начиная съ 1564 года и до конца XVII ст., даются жалованныя грамоты на громадныя пространства пустыхъ земель; въ большей части грамотъ говорится, что «тѣ де земли пустыя», что на нихъ нѣтъ «ничьихъ угодьевъ» и т. д; вслѣдствіе этого обстоятельства масса пустыхъ земель отдана была въ вотчину Строгоновымъ еще при Грозномъ и послѣ смутнаго времени въ XVII ст. Первое поселеніе Строгоновыхъ было заведено на пожалованныхъ еще въ 1558 г. земляхъ по обѣимъ сторонамъ р. Камы, кажется, верстъ на 40, начинаясь верстахъ въ 10—15 отъ Соликамска; здѣсь были построены два городка, одинъ на рѣкѣ Орлѣ, а другой—ниже по Камѣ на двадцать верстъ перваго городка. Эти мѣста были пожалованы Строгопову съ тѣмъ, что бы ему «и лѣсъ сѣчи и людей называти не писменныхъ и нетяглыхъ разсолу искати, а гдѣ пайдется росоль и варницы ставити и соль варити». Вскорѣ вся эта мѣстность густо заселилась, заведены были варницы и въ городкѣ на рѣкѣ Орлѣ, и 20 верстъ ниже на наволокъ; здѣсь въ XVII столѣтіи, въ 1629 и 1639 годахъ въ обоихъ городкахъ была масса варницъ, о чемъ свидѣтельствуютъ произведенныя въ этихъ городахъ раздѣльныя акты и грамоты Строгоповыхъ. Кажется, на мѣстѣ городка на рѣкѣ Орлѣ впоследствии былъ построенъ Строгоповымъ Пискорскій монастырь, которому и пожалованъ имъ былъ соляной промыселъ, который теперь называется Дедюхинскимъ Усольемъ. Кромѣ того—вскорѣ тому же Строгопову были пожалованы земли по Чусовой, гдѣ были построены городки и при нихъ соляныя варницы, запустѣвшія въ концѣ XVIII столѣтія. Были варницы по Левѣ, которыхъ считалось въ 1697 году 44 варницы, 23 разсолныхъ трубы и 21 амбаръ. Зырянскіе промыслы перешли вскорѣ къ тому же Строгопову; въ селѣ Веретеѣ у него же было три соляныхъ промысла съ 21-й трубой и 40 варницами и 22 амбарами. (это все въ Усольскомъ уѣздѣ). Ко всѣмъ этимъ промысламъ была приписана масса крѣпостныхъ крестьянъ, заселившихъ первоначально пустыя земли и работавшихъ при соляныхъ промыслахъ. Нѣтъ нужды пускаться въ статистику строгоповскихъ вотчинъ въ Пермской губерніи; въ 1700 году только въ Соликамскомъ уѣздѣ, въ Обвинской, Инвенской и Косвенской волостяхъ, кромѣ церковныхъ, за Строгоновыми было записано 16 погостовъ, 641 деревень

и почишковъ, людей разнаго званія 14,003, жившихъ въ 3,443 дворахъ. Этого будетъ вполне достаточно для насъ и мы не будемъ распространяться объ организаціи работъ на строгиновскихъ вотчинахъ и солеварняхъ, для насъ важно только одно—это возникновеніе его вотчины. Въмѣстѣ съ ранѣе уже приведенными данными на счетъ пожалованія пустыхъ земель въ вотчину съ правомъ населять мѣстность нетяглыми и неписменными людьми и паводить на пустыхъ земляхъ при рассолахъ варницы—и строгиновскія вотчины не составляли исключенія въ ряду возникновенія крупныхъ вотчинъ или крупнаго солеваренія. Для Архангельской губерніи нами приведено два примѣра пожалованія пустыхъ земель съ цѣлю разработки соляныхъ источниковъ—это пожалованіе земель по рѣкѣ Ижмѣ Корельскому монастырю, и въ Двинскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Юрьѣ цѣлому товариществу двинянъ изъ 5 человекъ; оба пожалованія были сдѣланы въ XVI столѣтіи.

Такимъ образомъ, мы припили еще къ новому способу образованія крупныхъ вотчинъ и крупнаго солеваренія, но какъ видитъ читатель, этотъ способъ игралъ въ исторіи солеваренія не особенно выдающуюся роль, за исключеніемъ Пермской губерніи, колонизація которой происходила въ широкихъ размѣрахъ только въ XVI и XVII ст., когда предѣлы Пермской губерніи перестали подвергаться нападеніямъ разныхъ сибирскихъ народцовъ, въ родѣ вогуличей и съ покореніемъ Сибири, потокъ колонизаціи русскимъ народомъ въ здѣшнихъ краяхъ направился въ Сибирь и въ Пермскую губернію, которая и заселилась въ XVII ст. уже густо. Этимъ и закончимъ обзоръ солеваренія въ XVI и XVII ст. по разнымъ мѣстамъ Московскаго государства, насколько позволили намъ это сдѣлать разные изданные матеріалы, причемъ нами указана масса неизданныхъ писцовыхъ книгъ для разныхъ уездовъ и на разные годы и гдѣ-то до сихъ поръ пропадающихъ, съ тою цѣлю, чтобы обратить вниманіе археологовъ на такіе важные документы для исторической жизни нашего народа, о которыхъ почему-то до сихъ поръ мало заботятся наши присяжные археологи, тогда какъ публикѣ преподносится масса многотомныхъ изслѣдованій «о родѣ Юсуповыхъ, о родѣ Шереметевыхъ или Голицыныхъ, Строгиновыхъ», печатается масса анекдотовъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ прошлыхъ столѣтій, воспоминаній и записокъ разныхъ помещиковъ и вліятельныхъ лицъ,—въ это время, какъ бы украдкой,

являются тощенькія изслѣдованія о народной исторіи въ разныхъ ея проявленіяхъ, небольшія изслѣдованія касательно экономическаго положенія народа въ ту или иную эпоху времени. Вслѣдствіе подобнаго аристократическаго направленія въ разработкѣ исторіи нашей, мы имѣемъ дѣйствительно кой какую политическую исторію, тогда какъ о народной исторіи мы можемъ только мечтать, такъ какъ масса матеріала для этого не издана и гвѣтъ въ разныхъ центральныхъ и провинціальныхъ архивахъ; замѣчательнѣе для характеристики нашихъ правовъ отвѣтъ корельскихъ монаховъ, отъ которыхъ въ 50 годахъ требовалось описаніе разныхъ актовъ и грамотъ, находящихся въ монастырѣ и касающихся разныхъ земельныхъ и другихъ угодій, бывшихъ прежде за монастыремъ; свѣдѣнія эти требовались архіереемъ въ виду предполагавшагося изданія «Историко-статистическаго описанія Архангельской епархіи»; монахи отвѣчали—что ужно имѣть хорошіе глаза для того, чтобы только просмотрѣть эти грамоты и разобрать ихъ, да кромѣ того — какой молъ толкъ или польза для насъ, когда всѣ эти вотчины, на которыя имѣется такая масса грамотъ, уже не находятся во владѣніи монастыря! Съ изданіемъ писцовыхъ книгъ будетъ возможность сдѣлать разные выводы касательно движенія собственности въ народѣ, распредѣленія ея, о количествѣ богатыхъ и бѣдныхъ, о количествѣ платежей и даней, всѣ эти свѣдѣнія, дополненные разными актами и грамотами, могли бы представить намъ довольно яркую картину экономическаго состоянія народа въ разное время нашей прошлой жизни; сопоставленіе только трехъ описей въ XVII стол. Балахины въ солеваренномъ промыслѣ наводитъ насъ на многія поучительные выводы; будемъ ждать изданія этихъ книгъ, и наши надежды въ этомъ отношеніи обращены къ г. Балачеву, такъ много уже изданному старинныхъ актовъ и памятниконъ и начавшему уже редактировать писцовыя книги, издаваемые Географическимъ обществомъ, изъ которыхъ, кажется, вышла только одна часть 1-го тома. Всевозможныя усольскія книги слѣдовало бы издать отдѣльно отъ общихъ писцовыхъ книгъ уѣздовыхъ и городскихъ; не малую услугу въ изданіи подобныхъ книгъ могли бы оказать и мѣстные статистическіе комитеты, въ архивахъ которыхъ и хранится не малое число тѣхъ же писцовыхъ книгъ, что видно изъ того, что нѣкоторые комитеты печатаютъ ихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а нѣкоторые ограничиваются

простыми выписками или просто ссылками на рукописные книги; здѣсь мы можемъ указать на нѣкоторые комитеты, которые уже издали писцовыя книги за нѣкоторые годы, таковы: Пермскій комитетъ, Владимірскій и, пожалуй, Олонецкій и нѣкоторые другіе, тогда какъ напр. Вологодскій или Костромской не только почти ничего не издали, но первый изъ нихъ, по рассказамъ, даже не малую толику разныхъ грамотъ и актовъ сжегъ, такъ что представлять изданіе разныхъ архивныхъ памятниковъ мѣстнымъ статистическимъ комитетамъ съ ихъ чиновными учеными едва ли стоитъ, по крайней мѣрѣ, не мѣшало бы нашимъ археологамъ сноситься съ комитетами и пожалуй даже контролировать ихъ иногда по части храненія разныхъ историческихъ памятниковъ у нихъ хранящихся.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ, мы не памѣрены вести исторію солеваренія въ разныхъ мѣстахъ Московскаго государства дальнѣе конца XVII стол., то здѣсь считаемъ необходимымъ подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя приведены нами для характеристики солеваренныхъ порядковъ въ XVI и XVII стол., оставивъ ранніе періоды безъ комментарій и ограничившись тѣмъ, что уже сказано ранѣе о солевареніи въ XIV и XV ст., такъ какъ отъ этого періода осталось немного памятниковъ, а потому пускаться въ обобщенія и выводы на счетъ тогдашнихъ порядковъ намъ кажется нѣсколько рискованнымъ сравнительно съ періодомъ XVI и XVII стол., отъ котораго сохранились не только нѣкоторыя переписи, но есть немало и другихъ данныхъ, въ видѣ жалованныхъ, купчихъ и другихъ грамотъ, которыя позволяютъ намъ намѣтить хоть общія черты тогдашняго солеваренія въ сферѣ владѣнія и пользованія варницами и соляными угодьями, равно какъ и о распредѣленіи варницъ между владѣльцами, переходѣ собственности изъ рукъ въ руки и о той или иной формѣ организаціи промысла, какъ слѣдствіи или результатѣ взаимодѣйствія многихъ причинъ соціально-экономическаго и политическаго характера. Съ объединеніемъ и образованіемъ Московскаго государства, мы видимъ развитіе государственной собственности сперва въ видѣ вотчины царя и великаго князя, а потомъ земель государевыхъ, черныхъ или тяглыхъ; государственная собственность главнымъ образомъ создавалась благодаря завоеваніямъ московскими государями удѣльныхъ земель, покупкѣ ихъ (или примысламъ) и т. д.; экспроприація правъ

собственности у нѣкоторыхъ богатыхъ бояръ, напр. новгородскихъ посадниковъ и другихъ. Процессъ нарожденія государевыхъ земель вызвалъ къ жизни массу простаго люда или крестьянства, которое и осыло на государевыхъ земляхъ и разныхъ угодьяхъ съ платою извѣстнаго оброка и даней и службъ государевыхъ; на ряду съ государевыми землями расширялась и монастырская вотчина, съ незапамятныхъ временъ появившаяся въ Россіи, благодаря стародавнему обычаю — завѣщаній частныхъ людей земель и другихъ угодій по своей душѣ, вмѣстѣ съ правомъ покупки, и продажи земель частичками въ тѣ же монастыри крестьянами и т. д.; далѣе земельныя имущества служатъ фондомъ для раздачи служилымъ классамъ для полученія денегъ съ земель въ родѣ жалованья за службу; такимъ образомъ, передъ нами выступаютъ три типа земельного имущества: 1) земли государевы, черныя и тягла, на которыхъ сидѣли крестьяне оброчные; 2) земли вотчинныя духовенства, монастырей и бояръ; 3) земли помѣстныя, раздававшіяся служилымъ людямъ. Въ солевареніи или во владѣніи и пользованіи соляными угодьями мы наблюдаемъ тоже самое; соляныя варницы и источники ничѣмъ не отличались отъ другихъ родовъ имущества недвижимаго или отъ другихъ угодій, каковы рыбныя ловли и др. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ и соляныя варницы были или на государевыхъ земляхъ, или на вотчинныхъ монастырскихъ или боярскихъ, или иногда жаловались въ помѣстье служилымъ людямъ. Какъ монастырскія вотчины, такъ и помѣстныя земли питались изъ одного источника — изъ черныхъ государевыхъ земель. А потому и крестьянскія варницы, построенныя на государевыхъ земляхъ, начали сосредоточиваться въ рукахъ крупныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ вмѣстѣ съ переходомъ земель и угодій къ нимъ вслѣдствіе ли пожалованія князьями или покупки ихъ. Крестьяне сидѣвшіе на государевыхъ земляхъ и вотчинныхъ, группировались въ волость и другія единицы административно-податнаго характера; земли между крестьянами распределялись подворно съ правомъ почти неограниченной свободы распоряженія своими участками на государевыхъ земляхъ; крестьяне пользовались правомъ перехода съ мѣста на мѣсто до конца XVI ст. (нерѣдко были исключенія вслѣдствіе соглашенія князей и вотчинниковъ не принимать крестьянъ другъ отъ друга), причемъ каждый разъ рядились на землю и другіе промыслы или съ монасты-

рами и вотчинниками у ихъ прикащиковъ, или со старостами, если дѣло велось съ черными, тяглыми крестьянами, сидѣвшими на государевыхъ земляхъ.

Тогдашняя община крестьянская носила скорѣе податный и административный характеръ и для отбыванія разныхъ земскихъ розрубовъ и розметовъ для цѣлей отбыванія многихъ натуральныхъ повинностей. Поземельной же общины съ нынѣшнимъ ея характеромъ, съ передѣлами и переверстками земель между всѣми общинниками, сообразно рабочимъ силамъ или другимъ какимъ основаніямъ, не было, а вмѣсто этого мы видимъ товарищества крестьянъ, арендовавшихъ государеву или вотчинную землю, рядившихся на извѣстные участки земли и сообразно съ этимъ отбывавшихъ разныя повинности, и кромѣ того видимъ немало большихъ семейныхъ группъ, въ родѣ нераздѣльныхъ семей другихъ народовъ, жившихъ на земляхъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и простые товарищества и только между этими группами и семьями мы встрѣчаемъ раздѣлы и передѣлы земель и животныхъ и всякихъ угодій. Каждый владѣлецъ участка или цѣлая группа ихъ могли продавать, закладывать свои участки, отдавать въ монастыри. что рѣзче всего видно въ общинахъ промысловыхъ и такимъ образомъ давали доступъ къ чернымъ землямъ постороннимъ элементамъ наприм. монастырямъ, а сами владѣльцы переходили въ разрядъ бобылей или же снова рядились съ новымъ хозяиномъ, чтобы жить за нимъ. Благодаря этому неограниченному распоряженію своими участками, масса крестьянъ, особенно на сѣверѣ обезземелилась, а земля переходила въ руки разныхъ скушниковъ и въ особенности монастырей, которымъ впоследствии и давались жалованныя грамоты отъ московскихъ царей на прибрѣтенныя земли, по крайней мѣрѣ это мы наблюдаемъ на крайнемъ сѣверѣ въ XVI и XVII ст., относительно волостныхъ угодій и въ томъ числѣ варницъ, а потому и неудивительно, что почти все сельское солевареніе въ XVII ст. было уже монастырское. Въ посадахъ и городахъ солеваренныя товарищества нѣсколько дольше держали въ своихъ рукахъ солеваренныя угодья, но и здѣсь мы видимъ только больше кропотливую скупку участковъ богатыми людьми и монастырями, такъ что результатъ получался одинъ и тотъ же — замѣна товарищескихъ операцій вотчиною крупною, если тутъ орудовали монастыри и привилегированныя лица ихъ товариществъ.

крупнѣли, т. е. изъ крестьянскихъ дѣлалась купеческими, что рѣзче всего видно на балахнинскихъ и соликамскихъ и вѣроятно старорусскихъ солеварняхъ, дробленіе и раздѣлы мелкихъ участковъ въ солевареніи между товариществами и семейными группами и податная тягота и разные сборы и розрубы и розметы земскіе для отбыванія натуральныхъ повинностей и сборовъ, судебная волюкта — способствовали значительно разрушенію крестьянскихъ солеваренныхъ товариществъ; а разныя льготы и несудимыя и тарханныя грамоты, дававшіяся крупнымъ вотчинамъ, благопріятствовали послѣднимъ въ борьбѣ съ мелкими промышленниками. Результатъ получился такой, что къ XVII столѣтію мы видимъ, что большая часть мелкихъ солеваренныхъ товариществъ уже не существуетъ, а вмѣсто нихъ орудуяютъ или крупныя хозяйства вотчинниковъ или же товарищества крупныхъ капиталистовъ—гостей и купцовъ. Вотъ тотъ путь, которымъ въ общихъ чертахъ, шелъ процессъ разрушенія мелкаго товарищескаго солеваренія и водворенія вмѣсто него крупнаго промышленнаго предпріятія въ рукахъ монастырей и капиталистовъ. Судьба же крестьянъ, бывшихъ соловаровъ хозяевъ, рѣзко измѣняется сперва на судьбу наймитовъ и свободно рядившихся рабочихъ, а въ заключеніе въ XVII столѣтіи, съ воспрещеніемъ переходовъ крестьянъ, и на судьбу крѣпостныхъ батраковъ или крестьянъ, всецѣло находившихся въ рукахъ вотчинниковъ, тогда какъ на промыслахъ гостей и капиталистовъ оставались наймиты безъ закрѣпощенія, на пахатныхъ земляхъ подобныхъ владѣльцевъ изъ гостей, на сѣверѣ и въ Пермской губ. жили половники, а въ монастырскихъ вотчинахъ крѣпостные крестьяне. Крестьянскія солеваренныя товарищества XVI столѣтія основаны были на паяхъ съ правомъ неограниченнаго почти распоряженія своимъ участками, система дѣленія пашей или участія въ промышленномъ предпріятіи была чрезвычайно различная не только для разныхъ мѣстностей, но и для разныхъ варницъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, во многихъ мѣстахъ были различныя товарищества какъ для владѣнія варницами, такъ и разсолными трубами и колодцами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже другими мелкими орудіями промысла. Въ отбываніи повинностей и оброка государева товарищества верстались между собою сообразно своему участію въ промыслѣ каждаго лица, кто платилъ за половину, кто за двѣнадцатую часть и т. д. Скудость данныхъ не позволяетъ намъ пус-

каться въ еще большія обобщенія и выводы; только съ изданіемъ многочисленныхъ писцовыхъ книгъ можно будетъ нарисовать картину товариществъ солеваренныхъ, ихъ распространенность и уничтоженіе ихъ въ волнахъ крупнаго производства, получившаго льготы. На ряду съ указаннымъ рожденіемъ крупнаго промысла пзъ мелкаго, процессъ этотъ шелъ еще и другими путями — именно, прямо начинался крупнымъ промысломъ на пожалованныхъ дикихъ мѣстахъ съ правомъ заселенія подобныхъ мѣстъ разнаго рода рабочимъ людомъ, этимъ путемъ образовались крупные солеварные промыслы въ Пермской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Архангельской губерніи. Въ другихъ мѣстахъ дѣло ограничивалось тѣмъ, что крупные промышленники сперва получали разрѣшеніе устраивать свой промыселъ при существующихъ уже крестьянскихъ промыслахъ и потомъ уже расширяли свое производство первымъ разобраннмъ нами путемъ. Условія работъ въ товарищескихъ солеварняхъ почти неизвѣстны, до того мало издано разныхъ грамотъ и условій, что нѣтъ никакой возможности говорить о внутренней жизни товариществъ, о порядкѣ разчисленія готоваго продукта по пайщикамъ, о порядкѣ работъ, о выгодахъ товарищей и о многихъ другихъ сторонахъ товарищеской жизни. Въ заключеніе скажемъ еще, что солеваренныя товарищества ничѣмъ существенно не разошлись отъ таковыхъ же въ области рыболовнаго промысла или земледѣльческихъ и другихъ промысловыхъ, напримѣръ охотничьихъ, а потому изученіе солеваренія въ XVI и XVII и другихъ столѣтіяхъ раннихъ должно идти на ряду съ изученіемъ вообще земледѣнія въ тѣ времена, такъ что и земельная община въ ея историческомъ развитіи и разныхъ своихъ типахъ должна вмѣщать въ себѣ и солеваренную и рыболовную общину, какъ свои части, какъ отрасли одного дерева, которое развѣтвилось только впоследствии, а въ началѣ составляло одинъ стволъ народной общинной жизни; да и теперь мы можемъ еще наблюдать общинное солевареніе и общинное рыболовство, оно сохранилось въ Архангельской губерніи и притомъ въ типахъ стараго и новаго времени, и, чтобы представить читателю для сравненія древній и новый типъ общиннаго солеваренія, мы здѣсь опишемъ нынѣшнее солевареніе въ Ценоксѣ, Унѣ и Лудѣ Архангельской губерніи; при чемъ здѣсь замѣтимъ, что Ценокса, прошедшая черезъ разные виды солеваренія въ настоящее время даетъ намъ примѣръ крупнаго единолич-

паго солеваренія, мелкаго товарищескаго съ характеромъ владѣнія XVI и XVII столѣтій, и такого-же общиннаго по типу современной крестьянской поземельной общины. Чтобы рѣзче выразить тѣ послѣдствія, къ которымъ привело солевареніе на началахъ собственности паевъ и неограниченнаго ими распоряженія въ Неноксѣ въ XVII столѣтіи, здѣсь мы кромѣ ссылки на перепись варницъ въ 1623—24 годахъ нами приведенную, приведемъ еще описаніе ненокотскихъ варницъ по Лепехину, бывшему здѣсь въ 1772 году, когда только что монастырскія вотчины были отобраны въ коллегію экономіи или въ разрядъ государственныхъ земель.

1) Первая варница въ которой владѣли частями Кириловскій и Корельскій монастыри и отчасти посадскіе люди Коковины, выварка соли продолжалась до 1761 съ выходомъ соли 9—18,000 п. а съ 1761—68 годъ выварка не производилась, а въ 1768 году варница продана Коковину за 8 руб. вывариваетъ соли до 19,486 п., каждый пудъ обходится въ 8 коп.

2) Варница Яковлевская принадлежала монастырямъ Сійскому и Архангельскому и нѣкоторымъ церквамъ и церковнослужителямъ; въ ней же были 16 вытей казенныхъ, на которыхъ варили соль ненокотскіе промышленники съ платжомъ въ казну за всѣ выти по 6 р. 80 к.; нынѣ вывариваютъ соли до 14,178 пуд.

3) Михайловская съ вываркою до 15,800 пуд., принадлежать Архангельскимъ купцамъ Е.шову и Свѣшникову.—

4) Коковинская, возобновленная съ 1758 года, принадлежит Коковиннымъ.

Всѣ сіи варницы довольствуются разсоломъ изъ колодца называемаго Великолѣтнымъ (глубиною $3\frac{1}{4}$ саж.).

Второй колодецъ называемый Навологной (глубиною 4 саж.). Изъ него довольствуются разсоломъ 5 варницъ: 1) Кобелиха, 2) Комариха, 3) Глубокая, 4) Синяя и 5) Споторошица; бывшія прежде во владѣніи за Сійскимъ, Николаевскимъ и Кириловскимъ монастырями—возобновлены архангельскимъ купцомъ Латышевымъ.

Третій колодецъ, именуемый Смердинскій, который былъ запущенъ, а нынѣ возобновленъ купцомъ Голубинимъ, довольствуется разсоломъ двѣ варницы.

Выварка соли въ Неноксѣ на одиннадцати варницахъ въ 1772 году доходила до 134,033 пуд.

Объ Унскомъ посадѣ Лепехинъ говоритъ, что бывшія здѣсь соляныя варницы копунскихъ жителей промыселъ составляли, но нынѣ всѣ онѣ стоятъ въ запустѣніи.

Фонъ-Пошманъ въ 1800 году о непокотскихъ жителяхъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ нанимаются въ работники у сосѣдей своихъ кущовъ, имѣющихъ въ семь посадѣ солеварницы; а насчетъ Унскаго посада говорятъ, что здѣсь жители варятъ соль изъ морской воды. Есть въ немъ и соляныя источники, при коихъ построены варницы, при коихъ находится 12 колодцевъ до 10 саж. глубины съ разсоломъ отъ 5% до 8%.

Тоже самое о послѣднихъ варницахъ, а равно о непокотскихъ говоритъ отъ 1813 г. и Молгановъ.

Такимъ образомъ на развалинахъ монастырскаго солеваренія возникло въ концѣ XVIII столѣтія купеческое, которое и продолжалось здѣсь до 1842 года, когда вслѣдствіе разныхъ исконъ и тяжбъ непокотскихъ посадскихъ людей сенатъ рѣшеніемъ своимъ постановилъ, чтобы только такіе участки оставались въ частномъ пользованіи, при приобрѣтеніи которыхъ были соблюдены извѣстныя формальности, всѣ же остальные отданы были въ общественное пользованіе. Эта двойная система, какъ говорятъ А. Ефименко, примѣняющаяся къ одиѣмъ и тѣмъ же варницамъ, производитъ тотъ сложный характеръ, какимъ отличается современное устройство пользованія ими, такъ какъ вышеупомянутое рѣшеніе до сихъ поръ сохраняетъ свою силу.

Современная организація солеваренія въ Непоксѣ, Унѣ и Лудѣ описывается А. Ефименко въ слѣдующихъ чертахъ.

Въ посадѣ Непоксѣ, въ настоящее время, разсолъ добывается изъ двухъ колодцевъ. Лучшій изъ нихъ находится въ частномъ пользованіи купцовъ Ласкиныхъ, которые имѣютъ на немъ свои варницы. Другой колодецъ общественный и на немъ находится 8 варницъ. Въ каждой изъ нихъ участвуютъ и коренщики или коренные, т. е. тѣ посадскіе люди, которые владѣютъ участками въ варницахъ на правахъ собственности, передаваемыхъ по наследству съ извѣстными ограниченіями, и душовики, посадскіе, пользующіеся участками варницъ по надѣлу, т. е. по раздѣлу этихъ частей между всѣми душами общества, не имѣющими наследственныхъ правъ на участіе въ соляныхъ промыслахъ. Доли коренщиковъ очень различны, такъ какъ величина ихъ зависитъ отъ случай-

ностей наслѣдованія; доли душовиковъ одинаковы и соразмѣряются съ количествомъ душъ семьи душовика.

Пользуются правомъ выварки соли попеременно всѣ совладѣльцы, которые распределены на 8 общественныхъ варницъ. Варницы эти дѣйствуютъ не всѣ вдругъ, такъ какъ иначе не хватило бы разсолу, а съ извѣстными перемежками—«отдыхаютъ». Каждая варница находится въ дѣйствиіи около сутокъ. Количество, соли вывариваемое за это время въ одинъ разъ, и составляетъ варю, сугребъ, выть или участокъ, къ которому приписывается въ каждой варницѣ определенное число душъ, maximum 11, minimum 4. Тотъ, у кого въ семьѣ одна душа, пользуется одною такою частью вари $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{11}$, смотря потоху, къ какой онъ варницѣ приписанъ, если двѣ души—двумя такими долями и т. д. Коренщики или пользуются по нѣсколько человекъ одною варею, причемъ размѣръ участія каждаго различенъ (одинъ получаетъ $\frac{1}{8}$, другой $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и т. д.) или одинъ коренщикъ получаетъ цѣлую варю. Всѣ пользующіеся одною варницею чередуются между собою такъ: нѣсколько варь сварить коренщики, затѣмъ тоже нѣсколько варь душовики, затѣмъ опять коренщики, за ними душовики и т. д., пока всѣмъ, и коренщикамъ и душовикамъ, доведется получить причитающуюся имъ долю въ вываркѣ. Когда такимъ образомъ, очередь обойдетъ всѣхъ приписанныхъ къ варницѣ—это называется обводомъ. Потомъ начинается въ томъ же порядкѣ новый обводъ. Порядокъ чередованія въ пользованіи варницами строго определенъ и записанъ особо по каждой варницѣ, въ реэстры, засвидѣтельствованные формальнымъ порядкомъ. Въ годъ доводится сдѣлать два много три такихъ обвода, а потому каждое лицо, участвующее въ варницѣ, участвуетъ въ вываркѣ соли только два три раза въ годъ, если оно не коренщикъ, владѣющій нѣсколькими варями.

Всѣ участники варницы для веденія солеваренія выбираютъ солевареннаго старосту, который и слѣдитъ за всѣми операціями солеваренія, а въ концѣ года отдаетъ отчетъ участникамъ своей варницы въ издержкахъ, сдѣланныхъ имъ и усчитывается въ количествѣ вываренной соли. Старосты, какъ хозяева, несутъ всю отвѣтственность на себѣ передъ чиновниками солянаго надзора и т. д. За трудъ свой онъ получаетъ рублей 20 въ годъ. Въ каждой варницѣ работаетъ 5 человекъ солеваровъ, изъ нихъ варятъ первую и вторую воду по два человекъ на смѣну и наконецъ главный

солеваръ заканчиваетъ дѣло. Онъ называется «большой солеваръ». Солевары получаютъ хлѣбный или денежный паекъ; всѣ 5 человекъ получаютъ отъ сугреба рубля 2—2½, или по 15 ф. хлѣба на человека съ коренщиковъ (прежде давали 20 ф.) съ душовиковъ же по 10 ф. съ души (или по 25 коп.). Общество участниковъ въ варницахъ нанимаетъ кузнеца для поправки чрена за 40—50 р. въ годъ, распредѣляя эту плату по душамъ и по коренщикамъ. Все общество нанимаетъ писаря, который ведетъ счетъ соли, онъ получаетъ рублей 30 въ годъ.

Такимъ образомъ, въ Непоксѣ общинное пользованіе страннымъ способомъ соединено и перепутано съ частнымъ, такъ что общинники и собственники составляютъ одно товарищество, пользующееся сообща варницей и всѣми орудіями производства и матеріалами (кромѣ дровъ), а также сообща ведущее дѣло. Надо замѣтить, что собственники очень невыгодные дольщики для общинниковъ. Положимъ, на варю приходится 100 пуд. соли, а душовиковъ, приписанныхъ къ варѣ 8 человекъ, слѣдовательно на каждого 12½ пуд. въ два обвода 25 пуд. соли,—количество ничтожное. Между тѣмъ тамъ же два собственника варятъ до 20,000 пудовъ соли и затѣмъ около 50 человекъ вывариваютъ отъ 100 до 500 пудовъ каждый, всего до 15,000 пудовъ. Вся годовая выварка соли на варницахъ въ Непоксѣ доходитъ до 70,000 пудовъ; слѣдовательно больше половины достается крупнымъ собственникамъ, остальное мелкимъ собственникамъ и душовикамъ. Всего душъ, пользующихся надѣломъ, считается около 500, считая на каждую по 25 пуд., всего только 12,500 пуд. Вообще общинники получаютъ крайне мало выгоды отъ дѣла, большинство солепромышленниковъ крайне бѣдно и почти находится въ полной зависимости отъ крупныхъ солепромышленниковъ скупщиковъ. Многие душовики продаютъ богатымъ свое право на варю копѣекъ за 40—50. Мелкіе коренщики продаютъ свои участки навсегда, вопреки указу сената 1842 года.

Въ Унскомъ и Лудскомъ посадахъ коренщиковъ нѣтъ, а потому организація солянаго промысла чисто-общественная. Въ Унѣ одинъ колодець и одна общественная варница. Солевареніе производится жеребьями, а въ жребій складывается по 5 рев. душъ. Всѣхъ жеребьевъ 42. Каждый жребій по очереди вывариваетъ чренъ въ 100 п. соли, слѣдовательно въ одинъ обводъ на душу придется 20 п. соли. По слабости рассола издержки производства

здѣсь дороже, а дѣло развито очень слабо, а потому общество выручаетъ отъ промысла очень мало. Тоже самое и въ Лудѣ, гдѣ тоже одна варница, а разсолъ еще слабѣе. Бѣдность большинства и ничтожность заработка съ дороговизною производства производятъ то, что и здѣсь многіе продаютъ свое право, «жеребій», за ничтожную плату богатымъ людямъ.

Сравнивая историческія данныя о Пеннокотскомъ, Увскомъ и Лудскомъ солевареніи въ XVI, XVII и XVIII ст. съ минѣйшею организациею его, приходимъ къ тому заключенію, что крѣстьянская организація промысла снова вызвана къ жизни въ 1842 году, послѣ болѣе чѣмъ 200-лѣтняго устраненія посадскихъ людей, за исключеніемъ богатаго элемента—купцовъ, до 1762 года здѣсь царствовали монастыри и только 40 лѣтъ тому назадъ, снова крѣстьянская община вступаетъ въ свои права, солевареніе организуется по современному мірскому типу общины съ душевою разверсткою участія въ промыслѣ; а въ Пеннокѣ, на ряду съ мірскою системою разверстки, существуетъ и старая система солеваренія съ наследственными правами лицъ на извѣстную часть въ промыслѣ, въ лицѣ коренщиковъ, эта послѣдняя система и теперь даетъ тѣ же плоды, которые рождались отъ нея въ XVI и XVII ст., т. е. сосредоточеніе наевъ въ рукахъ богатыхъ людей и устраненіе съ арены промысла бѣдности; кромѣ того, въ той же Пеннокѣ цѣлый колодезь съ варницами принадлежитъ купцамъ Ласкинымъ, значитъ, здѣсь мы имѣемъ всѣ типы дреперусскаго солеваренія, кромѣ монастырскаго, и современную организацію его, довольно интересную со стороны мірскихъ ея распорядковъ въ промышленномъ предпріятіи.

Гдѣ можно, крестьяне образуютъ мірской союзъ и для работъ солеваренныхъ, тамъ, гдѣ посредникомъ между казною и народомъ является купецъ; а потому мы представимъ здѣсь еще мірскую организацію крестьянъ для подрядныхъ работъ на солеваренныхъ заводахъ, гдѣ по старымъ традиціямъ арендаторомъ завода казеннаго является купецъ. Здѣсь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о леденгскомъ солевареніи въ современномъ его видѣ, какъ его недавно описалъ г. Потанинъ. («Древн. и Нов. Россія» 1876 г., № 10).

Леденгскій солеваренный заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдаетъ заводъ на аренду, теперь заводъ находится въ арендѣ у ростовскаго

купца Первушина. Пережѣна управленія заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ, они значительно обѣднѣли. Селеніе завода, по величинѣ не уступающее г. Никольску, повсюду представляетъ слѣды упадка. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность, одинъ рабочій, жившій въ избѣ, въ которой помѣщался этапъ, говорилъ мнѣ (Потапину), что онъ живетъ хуже арестантовъ, проходившихъ и видѣнныхъ имъ. Новый хозяинъ завода уменьшилъ эксплуатацію разсола, прежде при казнѣ въ дѣйствиі было 20 варницъ, теперь только 9. Съ сокращеніемъ дѣйствующихъ варницъ рабочаго парода требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ, леденгское населеніе свыкло съ своимъ промысломъ и никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего, можетъ быть, нужно и переселеніе. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ леденгское общество приняло на себя всю работу по варницамъ въ цѣломъ и потомъ уже между собою разверстало работу такъ, что въ результатѣ вышло всеобщее равномерное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общества имѣетъ право на два дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два рабочихъ дня въ недѣлю или 104 въ годъ не могутъ обезпечить содержаніе рабочаго, особенно-семейнаго. Въ гульное время легендцы заняты поставкой дровъ, конные запрямаются возкой ихъ, безконные—рубятъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ, т. е. все леденгское общество обратилось въ артель, которая беретъ на себя подрядъ поставить столько дровъ, сколько будетъ нужно. Вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно двухъ рабочихъ, тамъ мы поставили шесть. По ихъ расчету 18 р. рабочей платы за варничные работы раздѣлены между 3 чел., а 30 р. платы за рубку дровъ — между шестью. Такимъ образомъ, человѣкъ съ семьей въ 10 душъ получаетъ въ мѣсяць 5 р., а ему нужно 10 п. муки, слѣдовательно 10 р. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонетъ разомъ, всѣ члены цѣлко держатся другъ за друга.

Здѣсь мы привели современные примѣры общиннаго, мірскаго солеваренія въ Неноксѣ, Унѣ и Лудѣ, и мірскаго порядка въ подрядныхъ работахъ при Леденгскомъ солеваренномъ заводѣ (въ 35 вер. отъ Тотмы) съ тою цѣлю, чтобы сравнить нижнія порядки при солевареніи съ порядками товарищескими, наблюдавшимися при солевареніи въ большей или меньшей степени въ XVI

и XVII стол. чѣтъ ли не на всѣхъ усольяхъ Московскаго государства; это сопоставленіе важно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ намъ преимущество того или другого типа солеваренія и мы, конечно, зная результаты системы товарищескаго солеваренія XVI стол., не можемъ ее рекомендовать для нынѣшняго времени, для котораго уже имѣются другіе современные образцы, быть можетъ и не совсѣмъ безукоризненные со стороны социальна-экономической, но во всякомъ случаѣ, гораздо лучшіе, чѣмъ образцы XVI и XVII ст., допускаяшіе крайнюю неравномѣрность въ пользованіи и владѣніи участками и паями въ промыслѣ, что въ заключеніе привело къ полнѣйшему уничтоженію товариществъ къ концу XVII ст. и къ переходу промысла въ руки монастырей и купцовъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы не коснулись казеннаго—крѣпостнаго солеваренія съ приписными крестьянами, ни частнаго крѣпостнаго, ни казенной регалии въ торговлѣ солью, ни откупной системы солеваренія съ опредѣленною вываркой, и доставкой соли въ казну, однимъ словомъ, мы не коснулись солеваренія XVIII и половины XIX ст. до 1861 г. въ тѣхъ видахъ, что въ это время уже и не было рѣчи о мелкомъ солевареніи; всѣ порядки покоились на крѣпостномъ правѣ и въ сферѣ солеваренія; для насъ интересно было прослѣдить солевареніе въ эпоху свободнаго промысла, когда солевареніе было доступно для всякаго желающаго съ платою опредѣленныхъ оброковъ и пошлинъ, кромѣ того, для насъ не малый интересъ былъ и въ томъ, чтобы выяснитъ происхожденіе крѣпостныхъ порядковъ въ сферѣ солеваренія; уничтоженіе мелкаго товарищескаго солеваренія крупнымъ; выясненіе причинъ разрушенія древней солеваренной общины у насъ отняло немало мѣста въ очеркѣ. Если нашъ очеркъ и вышелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блѣднымъ и малодоказательнымъ, то вся вина за это падаетъ на нашу археологію, до сихъ поръ разрабатывающуюся со стороны политической или аристократической, тогда какъ масса интереснѣйшихъ статистическихъ документовъ, въ родѣ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, платежныхъ и др. книгъ, преимущественно отъ XVI и XVII ст., до сихъ поръ остается неизданною и пропадающею въ разныхъ архивахъ.

Въ заключеніе нашего очерка, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ и по поводу современнаго солеваренія, которое до того упало въ разныхъ мѣстахъ, что вмѣсто прежнихъ милліо-

новъ пудовъ соли, едва дастъ сотни и много — тысячи. Въ виду историческихъ данныхъ, съ освобожденіемъ соли отъ акциза не мѣшало бы отдать нѣкоторые казенные заводы, каковы напр. Кулойскій, Владыченскій (Архангельской губ.), Леденгскій и др. въ руки крестьянскихъ общинъ, при нихъ находящихся; примѣры, нами указанные, даютъ право думать, что крестьянскія общины сьумѣютъ повести дѣло солеваренія, особенно если имъ будетъ оказанъ и кредитъ отъ казны; кромѣ того, казнѣ слѣдуетъ совсемъ отказаться отъ продажи и отдачи въ аренду казенныхъ заводовъ въ руки частныхъ лицъ капиталистовъ, пока еще осталось нѣсколько казенныхъ заводовъ, и отобрать напр. Старорусскій заводъ отъ Рохеля, получающаго большую казенную субсидію и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушающаго заводъ безъ всякой выварки соли. Крестьянамъ отдать заводы въ безсрочную аренду. Въ упавшихъ заводахъ казна могла бы углубить трубы и сдѣлать новыя буровыя скважины для извлеченія разсола и въ такомъ цѣнномъ видѣ отдать ихъ крестьянскимъ общинамъ. Для сѣвернаго солеваренія необходимо облегчить покупку у казны дровъ и оказывать кредитъ крестьянамъ, желающимъ варить соль изъ морской воды, что и существовало тамъ вплоть до новѣйшаго времени. Съ отдачею заводовъ крестьянамъ, можно надѣяться и на поднятіе экономическаго быта при заводскихъ крестьянъ и на удешевленіе соли хоть бы на одномъ сѣверѣ, такъ нуждающемся въ соли для рыболовнаго промысла. Этими пожеланіями и закончимъ статью, такъ какъ по адресу новѣйшаго времени нами говорено въ разныхъ мѣстахъ статьи и ранѣе.

Перечень источниковъ, бывшихъ при составленіи моей статьи подъ руками.

1) Акты юридическіе, изд. Археограф. ком. №№ 23, 90, 93, 110; IV 135, 257, 92, 85, 422, 409, 415, 71; X и XXXII 95.

2) Акты археографической экспедиціи, т. I, №№ 52, 33, 62, 200, 268, 299, 303, 99, 164, 300, 385.

3) Акты историческіе. Т. I, №№ 49, 93, 158, 156, 141, 246, 144. Т. II, 77, 68, 59. Т. III, 61, 95, 97, 104.

- 4) Дополненіе къ актамъ истор. Т. I, №№ 117, 118, 26, 111, 140. Т. II, 56, 77.
- 5) Акты относящіеся до юридич. быта древней Россіи. Т. I, №№ 31. Т. II, и 34, 31, VIII, 31, XI, XIII и XVI 63, IV 63, IX 108. Т. II, 126, 160.
- 6) Собраніе государственныхъ грамотъ. Т. I, №№ 34, 39, 40, 41, 42, 51. Т. II, 69.
- 7) Прибавленія къ исторіи Карамзина къ Т. V и VI, къ V Т. примѣч. 122, 137, 244, 422, 210. 227; къ Т. VI примѣч. 42, 421.
- 8) Описаніе Соловецкаго монастыря, арх. Досифей, 3 ч. 1853 г.
- 9) Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря. Изд. арх. Нафанла, 1850 года.
- 10) Описаніе Корниліево-Комельскаго монастыря. (Истор. стат.) Состав. въ 1852 году.
- 11) Фонъ-Потманъ. Описаніе Архангельской губерніи. Т. I и II, сост. 1802 года.
- 12) Описаніе Архангельской губерніи, Оомъ Молчанова, 1813 года.
- 13) Описаніе Корельскаго Никольскаго монастыря съ хронологическимъ указателемъ актовъ и грамотъ въ немъ находящихся. «Архангельскія Губернскія Вѣдомости» 1852 года.
- 14) Промышленность древней Руси. Н. Аристова, 1866 года.
- 15) Собраніе ученыхъ путешествій. Изд. Академіи Наукъ, 1818—1825 г. Путешествіе Нв. Лепехина. Т. V, Т. I и II Крашенинникова.
- 16) Историко-географическое описаніе Пермской губерніи. Состав. въ 1800 году.
- 17) Хозяйственное описаніе Пермской губерніи. Попова, 1811—1813 гг. 3 части.
- 18) «Пермскія Губернскія Вѣдомости» 1872 года. (Писцовыя книги Соликамска 1623 года), 1878—1879 г. (Писцовыя книги съ примѣчаніями по Чердынину 1579 года) 1876 — 1877 гг. (Историческія свѣдѣнія о Строгоновѣхъ).
- 19) Архангельскій Сборникъ, 1863 года.
- 20) Владимірскій Сборникъ Тихомирова, 1857 года, (о Холуйской слободѣ).
- 21) Описаніе города Шуи. Борисова. 1851 года.
- 22) Путешествіе къ Ладожскому и Онежскому озерамъ в Ильмень. Академика Озерецковскаго. Изд. Академіи Наукъ. 1822 года.
- 23) «Новгородскія Губернскія Вѣдомости» 1852 года. (Статьи Игнатьева) и 1856 года (изъ путешествія Эйхвальда, по окрестн. Старой Руссы).
- 24) «Архангельскія Губернскія Вѣдомости» за 1853 годъ. (Кулойскій заводъ).
- 25) А. Ефименко. Обществ. солевареніе въ Архангельской губерніи въ Сб. мат. объ артел. в. II.
- 26) П. Чубинскій. Обществ. солевареніе въ Архангельской губерніи. «Труды Вольнаго Экономическаго Общества» за 1866 годъ. Т. IV.
- 27) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Изд. географическаго

общества. Т. III, 1858 года, (статья Макарія о Нижегородской губерніи и о балахнинскихъ солеварняхъ).

28) Сборникъ матеріаловъ и свидѣній по вѣдомству финансовъ. 1866 г. Т. II, (статья Иванова, о соляномъ промыслѣ въ Балахнѣ).

29) Статистическое описаніе Россійской Имперіи. Вялковскаго. 1815 г. въ IV томѣ (о соляныхъ промыслахъ).

30) «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» за 1839—1840 года. (Леденгскіе и Сереговскіе заводы) и за 1852 годъ.

31) Матеріалы для географіи и статистики Костромской губер. Кржи-воблоцкаго.

32) «Костромскія Губернскія Вѣдомости» за 1859 годъ. (Историческія свидѣнія о Солигаличѣ), за 1856 г. (Большія Соли Нерехотскаго уѣзда).

33) «Древняя и Новая Россія», 1876 года № 10. (Статья Потанина).

34) Очеркъ торговли и промышленности въ XVI и XVII ст. въ Московскомъ государствѣ. Н. Н. Костомарова.

35) П. Соколовскій. Очеркъ исторіи общины на сѣверѣ Россіи. 1877 г.

36) Памятная книжка Тобольской губерніи на 1861—1862 годъ.

37) Труды харьковскаго статистическаго комитета. Вып. I, 1872 года.

38) «Олонецкія Губернскія Вѣдомости» за 1854—1855 годы.

39) Олонецкій Сборникъ. Изд. подъ редакціею Иванова. 1879 года.

40) О соляныхъ промыслахъ въ Россіи. Бюшюрка 1874 года.

Ө. Остроумовъ.

Неожиданная встрѣча.

(Сценка).

Лязгъ! лязгъ! лязгъ!..

Ужасно утомительно и скучно! Цѣлыхъ три дня придется мнѣ ѣхать, и все это время, безъ перерыва, я буду слышать этотъ поганый звукъ.

И что это лязгаетъ? Рельсы, кажется, лежатъ твердо, плотно прикрѣплены къ шпаламъ; неровностей нѣтъ никакихъ, колесо движется равномерно. Откуда же это-то противное лязганье?..

— А это, братецъ ты мой, въ родѣ какъ-бы напоминаетъ... чтобъ не забыть, значить, что тутъ перевернуться можно...

Что за чертъ такой! кто это мои мысли читаетъ?

Оглядываюсь, какъ разъ за моей спиной сидитъ крестьянинъ (сужу по костюму) и разговариваетъ съ своимъ визави, какимъ-то молодымъ господиномъ, котораго я тотчасъ-же прозываю «статистикомъ». Есть такія фizioномiи, для которыхъ сейчасъ-же, какъ взглянешь, находится клочка, и визави крестьянина имѣетъ именно такую фizioномiю. Почему онъ мнѣ кажется статистикомъ, я не умѣю сказать, но что это такъ, я готовъ держать какое угодно пари.

— Такъ ты думаешь, что она лязгаетъ для этого? вопрошаетъ «статистикъ».

— Безиремѣнно. Ты прислушайся-ка, что она говоритъ: слушай, слушай, слушай, слушай, да послушивай!.

«Статистикъ» разсмѣялся.

— Да ты—затѣйникъ!.. А откуда ты? поспѣшилъ онъ задать статистическій вопросъ.

— Мы-то?.. Мы—воронежскіе...

— На заработки ходилъ?..

Мужикъ отвѣтилъ не съ разу. Онъ долго о чемъ-то думалъ и только-было разинулъ ротъ, какъ раздался звонокъ и мы подѣхали къ станціи.

— Станція Невинномысская! поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!..

Суматоха понемногу улеглась. Одни высадились изъ вагона, другіе сѣли. Я пообедалъ и теперь въ благодушномъ настроеніи разсматриваю только-что сѣвшую въ вагонъ дублику. Ни одного знакомаго лица! Боже ты мой, а давно-ли я былъ въ этихъ краяхъ своимъ человѣкомъ и зналъ почти каждого въ лицѣ! Что-же это значитъ: я-ли перезабылъ всѣхъ и не узнаю теперь, или населеніе здѣшнее перемѣнилось?..

Ба! вотъ и знакомое лице. Но неужели это она? неужели это та шустрая, веселая, розовая и кругленькая барышня, которую я когда-то зналъ тамъ, на родинѣ? Гдѣ-же дѣлись ея веселость, ея подвижность, ея румянецъ на щекахъ, ея здоровье? Блѣдно-желтая, худая, сидитъ она неподвижно, словно пристыла къ своему мѣсту, —неужели это она? На ея лицѣ написано столько страданій, въ ея глазахъ столько грусти, что, право, не хочется вѣрить, чтобъ это была она.

Я слышалъ о печальной исторіи, случившейся съ нимъ и жалѣлъ не разъ его. Хорошій онъ былъ, очень хорошій и много хорошаго сдѣлалъ-бы онъ; и жалко, ужасно жалко было его. И не я одинъ жалѣлъ, жалѣли его всѣ... Но никогда мнѣ и въ голову не приходило, что въ этой исторіи кромѣ него

есть еще страдательное лицо. Просто какъ-то забыли всѣ про нее. И что такое была она для насъ? аксессуаръ, подробность, дополненіе его—и только. Мы знали его, видѣли его, а она заслонялась его фигурой; его душа намъ была извѣстна, а въ ея душу мы не заглядывали. Мы даже удивлялись, какъ онъ могъ сойтись съ такой беззаботной пѣвуньей и хохотуньей...

И вотъ она передо мной, но совсѣмъ другая. Врядъ-ли она поетъ, но уже, навѣрное, не хохочетъ. Она вся ушла въ свою любовь и въ свое горе...

— Екатерина Александровна!.. неужели это вы?

— Я, я самая... Не узнаете? А я васъ, какъ вошла въ вагонъ, узнала...

— Отчего-же вы меня тотчасъ-же не окликнули?

— Боялась...

Я съ удивленіемъ гляжу на нее. Она сказала это очень серьезно и глядитъ тоже серьезно.

— Чего-же вы боялись?

— Что вы не захотите узнать мнѣ... Отъ меня теперь всѣ отворачиваются и не узнаютъ меня...

И ея грустное лице стало еще грустнѣе.

Она заплакала. Я смотрѣлъ на нее и молчалъ. Да и что я могъ-бы сказать ей въ утѣшеніе...

Прислушиваюсь къ разговору мужика со «статистикомъ». Мои подозрѣнія оправдались и молодой господинъ оказался дѣйствительно статистикомъ: онъ вынулъ записную книгу—и всякій фактъ, всякую цифру, сообщаемые мужикомъ, тотчасъ-же записываетъ.

— Заработки-то тамъ хорошіе, только и горя разнаго потерпишься. Первое дѣло—лихоманка... Ты погляди-ка на меня: съ чего это я такой желтый, мертвецомъ-то выглядываю—давѣ ты самъ говорилъ? Все съ нею, съ лихоманки-то треклятой.

Она, братецъ ты мой. какъ челоуѣкъ пришелъ вновѣ, сейчасъ его за бока да на земь... Да что толковать: у меня жена тамъ умерла отъ лихоманки-то!.. Вотъ оно что! а ты толкуешь—заработки, заработки...

Мужикъ помолчалъ. Потомъ началъ снова.

— Пришли мы на эту треклятую линію въ передѣ. Ну, стали на покосъ; цѣны, значить, хорошія: три съ полтиной парѣ, мнѣ то-псь съ бабой... (Статистикъ поспѣшилъ записать)... Цѣны, что и говорить, превосходныя, это ужъ неча Бога гнѣвить... Ну, только простояли это мы три дня,—я, значить, кошу, а баба громадить. И забила насъ тутъ лихоманка, да обонхъ сразу. Да такъ забила, что нельзя на ногахъ стоять, такъ и валишься на земь... И съ чего-бы? съ воды что-ли? Вода-то въ тѣхъ мѣстахъ больно легкая... Ну, валяемся мы подъ возомъ день, валяемся другой, валяемся третій. Въ субботу посадилъ насъ хозяинъ на возъ и повезъ въ станицу. Привезъ—и бросилъ на улицѣ: «что мнѣ, говорить, съ вами возиться? добро-бы еще долго работали... А то такъ-то, говорить, буду я васъ нанимать, а вы черезъ три дня ноги протягивать—вѣдь, у меня, говорить, не лазареть»... И свалилъ насъ около плетня... Лежимъ мы да охаемъ; такъ всю ночь и проохали. На утро народъ мимо насъ валяя валить, въ церковь, значить. Поглядятъ на насъ, поглядятъ, да и пойдутъ дальше: «это, говорятъ, мужланы»... А видишь ты, казаки то насъ очень не любягъ; деньги хорошія платять, а не любягъ: вотъ и говорятъ «мужланы»,—значить, пусть хоть какъ собаки пропадаютъ!.. А пить мнѣ хочется, такъ это страсть: такъ проето внутри-то все огнемъ горить... Ну, только слышу по разговору, идутъ нашъ братъ—косари. Нагнулись это надъ нами,—смотрять. А я это хочу воды-то попросить, да языкъ не ворочается,—такъ, замычалъ только. Однако, разобрали—принесли мнѣ водицы. Испилъ это я,—и потомъ ужъ не помню, что со мною было: всю память сразу отшибло... Очнулся я ужъ въ какой-то хатѣ. Гляжу,—бабы-то около меня

нѣтъ. А сидитъ супротивъ меня молодница-казачка да таково-то грустно на меня смотреть. «Гдѣ баба?» говорю. А она какъ заплачетъ: баба-то, значить, померши...

— Вотъ ты и разочти, продолжалъ толковать статистику мужикъ: а то все—«заработокъ», да «заработокъ!» Понимаешь: жена умерла... Вотъ ты лихоманку-то и запиши рядомъ съ цѣной...

— Ну, а скажи, какъ ты въ хатѣ-то очутился? вѣдь, вы на улицѣ валялись?

— Извѣстно, какъ: косари подняли. За хату-то они двѣ недѣли платили, пока я вылежался; да и жену-то похоронили все они же, косари тонсь... У насъ это такъ; нужды нѣтъ, что съ разныхъ мѣстъ народъ, незнакомый, значить. Нужда-то сдружить...

Замолчалъ мужикъ, а статистику сталъ записывать въ записную книжку: окончивъ, онъ снова устремилъ вопросительный взглядъ на собесѣдника. Мужикъ продолжалъ:

— Ну, какъ оправился я маленъко, пошелъ на работу. Покосъ ужъ покончили,—начали хлѣбъ убирать... А силы у меня стало какъ у малаго ребенка: носить ужъ и не думай. И сталъ я, братецъ ты мой, въ «пару», за бабу,—значить, вязать въ снопы хлѣбъ. Поработалъ,—анъ и это мнѣ не въ моготу: совсѣмъ безъ силы человекъ. Вотъ она какая проклятая, лихоманка-то!.. Ну, спасибо, напяли меня снопы возить къ молотилкѣ; паромъ она, значить, дѣйствуетъ и, сейчасъ-же начинаетъ работать, какъ скосили хлѣбъ. Ну, тутъ я немпожко заработалъ, около молотилки-то: потому сперва снопы возилъ, а потомъ истопникомъ при ней былъ,—солому-то въ ейную печку клалъ... Только страшно!..

— Страшно?

— И не дай тебѣ, Господи, какъ страшно! Машина-то эта, того и гляди, что зацѣпитъ за руку, либо за одежду, да

и втянетъ въ нутро свое, а тамъ ужь поминай, какъ звали! При мнѣ дѣвкѣ одну втянула,—она, значить, снопы-то развязывала да въ самые зубья хлѣбъ спускала. Ну, не доглядѣла что-ли, руки то и удѣпилъ тамъ вазъ какой-то и потянулъ: такъ, братецъ ты мой, вверхъ ее и подкинуло! Ну, пока остановили машину, то да се, а у ней одну руку по плечо оторвало,—такъ и отхватило, а другую въ разныхъ мѣстахъ переломало... Вотъ она какая работа, а заработаешь грошъ...

— Ну, а что-жъ съ дѣвкой этой было потомъ?

— Обыкновенно что: померла...

— Ну, а какая плата на этой молотилѣ?

— Плата-то?.. а вотъ какая: я вотъ работаю болѣ мѣсяца, а доѣхать до дому не на что: верстъ триста пѣшкомъ придется идти, да Христовымъ именемъ питаться... Вотъ они какіе, наши заработки!

— Ну, хорошо: ты болѣлъ лихорадкой, упустилъ покось, ослабѣлъ... Ну, а другіе-то, сколько они зарабатываютъ?

— А ты думаешь, насъ мало тамъ лихоманкой-то болѣютъ. Много, братъ, дюже много... Это разъ. А другое—прижимка. Ты думаешь, какъ ваяли насъ по три, три съ полтиной пару, такъ сейчасъ мы всѣ денежки и получимъ? Какже, держи карманъ! Коса у тебя сломалась, пошелъ другую купить, а съ тебя въ пять разъ дороже берутъ; рубаху порвалъ—тоже... А то зажиливаетъ хозяинъ,—поди, судись тамъ съ нимъ... А кабакъ? деньги есть—выпить послѣ трудовъ хочется, да и не удержишься и много пропьешь. А тамъ, глядишь, пьянаго оберутъ... А то и такъ бываетъ: набьется народъ, анъ работи нѣтъ,—трава выгорѣла, аль тамъ что; ну и продавай лохмотишки да иди по міру аль должай... Да и мало-ли что! Вѣдь это только говорятъ—«заработки!» А поглядишь, такъ только на проѣздъ туда да назадъ и заработаешь. Да вотъ еще даромъ лѣто прокормишься...

— А какіе у васъ лѣтніе заработки въ Воронежской гу-

берни, если, напр., къ помѣщику наняться? продолжалъ допрашивать статистикъ.

— Да такъ, полтина въ день...

— Какая жь вамъ послѣ этого выгода ѣхать на заработки на Кавказъ? Вѣдь, что вы лишнес тамъ заработаете, то потратите на проѣздъ...

— Экъ ты чудакъ! вѣдь, ежели бы мы всѣ дома оставались, такъ у насъ цѣна-то была-бъ не то чтобы полтина, а прямо гривенникъ въ день, а то гляди и за одинъ хлѣбъ стали бы работать...

Она снова успокоилась и сама обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А знаете, куда я ѣду?

— Я, конечно, не зналъ.

— Къ Угрюмъ-Бурчееву.

Я вздрогнулъ. Угрюмъ-Бурчеевъ—это просто пугало, которымъ пугаютъ въ нашихъ краяхъ дѣтей. Это звѣрь въ образѣ землевладѣльца. Сколько онъ зубовъ выбилъ у своихъ рабочихъ и вообще у крестьянъ, сколько глазъ разбилъ, сколько челюстей своротилъ! Съ образованными людьми онъ грубъ и дерзокъ до безобразія. Мучить людей какимъ бы то ни было способомъ высшее наслажденіе для него.

— Въ губернатки къ его дѣтямъ поступаю...

Губернатки у Угрюмъ Бурчеева мѣнялись чуть не помѣсячно и ни одна изъ нихъ не уходила безъ скандала. Наконецъ, дѣло дошло до того, что къ нему никто не соглашался поступать. И вдругъ она, болѣзненная, нервная, полуживая, идетъ на это мѣсто!

— Неужели же вы не могли найти чего-нибудь лучше?

— Лучше! горько отвѣчаетъ она: искала, да не берутъ меня нигдѣ... Просилась въ сельскіе учительницы,—удивились

даже, какъ я могла думать, что меня пустятъ въ сельскую школу. Искала частныхъ уроковъ,—всѣ боятся взять меня къ дѣтямъ... Ну вотъ и пришлось поступить къ Угрюмъ-Бурчееву. Я еще рада этому: надо-жь чѣмъ нибудь жить...

— И ему помогать? добавилъ я въ вопросительной формѣ.

Она сконфузилась, слегка зардѣлась и, поднявъ на меня глаза, отвѣчала:

— Да и ему: вѣдь это цѣль моей жизни; безъ него за чѣмъ мнѣ жить?..

— Ну, а что у тебя тамъ, въ Воронежской губерніи, хозяйство, семья?..

— У меня-то?.. Ничего, братъ, у меня нѣтъ; вѣдь, я бо-быль... Я, вѣдь, зачѣмъ пошелъ на линію-то? думалъ поработать да и остаться тамъ жить съ женой; думалъ, какъ ни какъ, хозяйствомъ своимъ обзавестись... Анъ дѣло-то не выгорѣло...

— Отчего-жь ты не остался на линіи?

— Отчего?! Отъ того, что жена померла: опостылѣла мнѣ эта сторона послѣ нея...

— Ну, а въ Воронежскую губернію зачѣмъ ѣдешь? вѣдь, говоришь, семьи у тебя тамъ нѣтъ?..

— Зачѣмъ? то-то я и самъ не знаю, зачѣмъ... Вотъ и думаю: не то ѣхать, не то остаться въ Ростовѣ? Тамъ нашего брата, голоштанниковъ, довольно таки; слыхалъ, можетъ, бо-сой командой зовуть?..

Звонокъ. Остановка. «Станція Кавказская! Поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ!» Ей здѣсь слѣзать. Экипажъ Угрюмъ-Бурчеева ожидаетъ ее и отвезетъ въ «экономію».

— До свиданья! говорю я.

— Нѣтъ, ужъ, вѣрно, прощайте: Едва-ли когда увидимся. Исполните только одну мою просьбу...

— Какую?

— Напишите ему хоть строчку: вѣдь, онъ изнываетъ отъ тоски...

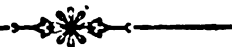
И опять: лязгъ! лязгъ! лязгъ!.. Тоска!..

Статистикъ тоже слѣзь. Желтый мужикъ, будущій членъ босой команды, свернулся на лавочкѣ и пытается заснуть...

А мнѣ все слышится: лязгъ! лязгъ! лязгъ!..

И лѣзутъ въ голову вопросы и не даютъ покою...

Я. Абрамовъ.

* * *

Ребенкомъ, помню я, на площади обширной
Съ дѣтми играя, всякій разъ,
Когда черты лѣсовъ въ торжественности мирной
Касался солнца шаръ, я глазъ
Съ небесъ не могъ сводить съ какой-то болью странной.
Я помню ясно ту печаль:
Туда, туда, туда,—въ край дивный и туманный
Я вмѣстѣ съ солнцемъ рвался вдаль.
Туда, гдѣ такъ свѣтло, такъ грустно, такъ воздушно...
И часто страстныя слова
Восторженно шепталъ я, голосу послушный,
Въ душѣ звучащему едва.
Съ тѣхъ поръ какъ много разъ заката золотого,
Любуясь, видѣлъ я разливы!
Но никогда въ душѣ не повторился снова
Тотъ грустный, дѣвственный порывъ.
То—голосъ дѣтства былъ...

Но часто, погруженный
Въ мечты о родинѣ своей,
Сквозь настоящій мракъ душою умиленной
Провидя блескъ грядущихъ дней,—
Я чувствую въ груди такой же трепетъ страстный,
Такой же пламенный порывъ,

И часто слышу я торжественный и властный,
Влекущій въ даль меня призывъ.
И знаю я тогда, что въ смутный духъ поэта
Упалъ народной вѣры лучъ,
И знаю, что народъ, въ комъ свѣтитъ вѣра эта,
Здоровъ и молодъ, и могучъ...

Н. Минскій.

Г О Л Ы Ш Ъ.

(Разсказъ).

I.

Широко распахнулась дверь Афимьиной лачужки. Кто-то сильно толкнулъ ее съ крыльца ногой, такъ что она съ трескомъ привскочила на петляхъ. За нею, на крыльцѣ, показалась высокая и плотная фигура мужчины, медленно входившаго въ нее, низко наклонивъ голову, чтобъ не удариться лбомъ о верхній косякъ. Переступивъ черезъ порогъ, мужчина крянулъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и, проведя жирною рукою по лоснившемуся долгополному сюртуку, спросилъ хрипло и отрывисто:

— Хозяйка тутъ что-ли?

— Тутъ я... А что надо? слышался слабый женскій голосъ изъ темнаго угла.

Тамъ на кровати, за занавѣской, лежала больная старуха Афимья.

— Что надо-то? переспросилъ ее мужчина и съ отѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ прибавилъ:—А вашей милости неизвѣстно, что ли, что надо-то намъ? А ты бы встала, дура старая, да приняла бы гостя-то по христіанскому обычаю...

— Ой, Гордѣй Нилычъ, моченьки моей нѣтъ, престонала старуха:—видво, часъ мой приходитъ...

— Знаю я васъ: вамъ, какъ долгъ отдавать, все часъ приходить; а вотъ какъ за деньженками къ Гордѣй Нилычу, такъ ужъ куды притки... Народецъ!..

— Нилычъ! Помилосердствуй ты... Видишь, руки-ноги отнялись... Вечерось и на судъ идти не вмоготу было...

— Да что помилосердствовать-то? Легче тебѣ что-ли стаеть съ этого? Присудилъ вчера съ тебя мировой—вотъ те и сказъ весь...

Афимья промолчала, и только тяжелое дыханіе ея послышалось въ лачужкѣ.

— Такъ нѣтъ денегъ? коротко спросилъ Гордѣй Нилычъ.

— Какія деньги? Нилычъ, побойся ты хошь Бога... Креста на тебѣ, что ли, нѣтъ? Вторья сутки не вышли... И то вѣдь за двѣнадцать рублей тридцать записали: втрое почти-что... Дай вотъ поправиться: встану—заработаю, отдамъ, ей-Богу отдамъ...

— Ну, нѣтъ—такъ на нѣтъ и суда нѣтъ... А приставъ есть... Придемъ вотъ и опишемъ...

— Нилычъ!..

— Чего еще?

— Будь ты человекъ...

— Я человекъ и есть... А ты деньги подай—вотъ и будешь человекъ...

Последнія слова Гордѣй Нилычъ сказалъ уже стоя на крыльцѣ.

— Вотъ еще сокровище! прибавилъ онъ, увидѣвъ шедшаго ему навстрѣчу мальчика лѣтъ восьми:— Ты бабкѣ скажи, чтобъ безпремѣнно, а не то опишемъ...

Мальчикъ робко посмотрѣлъ на Гордѣя Нилыча и, шмыгнувъ въ дверь лачужки, мигомъ стоялъ уже около Афимьи:

— Баушка! а баушка!.. шепталъ онъ ей испуганно—Что сказалъ то ѣнъ... чтобъ безпремѣнно... слышишь?... а не то... не то писать будутъ... слышишь, баушка?

— Слышу, Гришенька... Все слышу... Пусть ихъ пишутъ: все одно—помирать...

— Баушка...

— Чего, рѣднѣй?

— А ты встанешь сегодня?

— Нѣту, внучекъ... силъ моихъ нѣтъ...

— Баушка, какъ же? завылъ мальчикъ:—ѣсть хочу...

Старуха молчала.

— Баушка, встань... Второй день лежишь: не варила...
Хоть бы хлѣбца...

— Милый ты мой, поди на станцію—попроси милостыньки.

— Баушка, какъ же? Ты вѣдь ономнись не велѣла: говорила—грѣхъ?..

— Грѣхъ, у кого есть... А у насъ нѣту... нѣту, рѣднѣй...

— Я пойду, баушка!.. Привнесу хлѣбца...

Онъ побѣжалъ на станцію. Велѣдъ ему пронесся тихій вздохъ старухи.

II.

До станціи надо было пройти съ версту. Сначала Гриша бойко подвигался впередъ, но скоро сталъ уставать: силы его и безъ ходьбы были слабы отъ голода. Онъ медленно переставлялъ свои босыя, косявяця ноженки и съ нетерпѣніемъ слѣдилъ, какъ мало по малу ясенѣе выдѣлялись очертанія вокзала, его оконъ, трубъ и стоявшихъ на запасныхъ путяхъ вагоновъ. Воиъ уже онъ у дебаркадера и поднимается на него по ступенькамъ.

— Эй! Куды?.. К-куды? слышался отъ вокзала строгій вопросъ

Гриша не обратилъ на него вниманія: ему и въ голову не пришло, что именно его дырявяя и заплатанная курточка, отрепанные штанишки и картузикъ безъ козырька — вызвали этотъ вопросъ. Онъ шелъ впередъ, ничего не чуя.

— Куды? тебѣ говорятъ! слышалось снова еще громче.

Гриша увидѣлъ передъ собою рослаго, усатаго мужчину, въ синей фуражкѣ и сѣрой шинели, на которой блестѣлъ рядъ крестиковъ и медалей. Онъ крѣпко ухватилъ Гришу за локоть, сердито глядя на него своими сѣрыми глазами изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей. У Гриши отъ страха сердце похолодѣло.

— Дяднѣйка... отпусти! шепнулъ онъ.

— Дяднѣйка! чего «дяднѣйка»? какой я тебѣ «дяднѣйка»?.. Шляетесь, голыши проклятые! Ты зачѣмъ сюда пришелъ?

Гриша обомлѣлъ, чувствуя, какъ сильно ухватились за его локоть желѣзные пальцы жандарма, и не зная, что отвѣтить. А тотъ продолжалъ укорять его назидательнымъ и даже убѣдительнымъ тономъ:

— Пойми ты, дурова твоя голова, что не велѣно васъ сюда пущать: побираетесь вы тутъ, толчетесь по-пусту, да того и гляди еще—подъ поѣздъ попадете... Ну, а попадешь ты—тебѣ-то ничего, а мнѣ-то достанется...

— Дяднѣйка, вѣдь я только милостыньку... У меня баушка хвора...

— Вотъ то-то и оно-то... милостыньку!.. А съ меня того не спросятъ, хвора у тебя бабка, нѣтъ-ли... Мнѣ-то изъ-за васъ неприятность получать приходится: намъ сюда вашего брата пущать не приказано. Понялъ?

— Понялъ, дяднѣйка...

— То-то... Гляди-же: коли еще мнѣ на глаза попадешься, такого задамъ трезвону—узнаешь, какъ Кузьмину мать зовутъ.

Съ этими словами жандармъ разжалъ свои пальцы и отпустилъ Гришу. Почувявъ свободу, мальчикъ опрометью бросился по лебаркадеру и, завернувъ за уголъ, скрылся изъ глазъ жандарма. Понуривъ голову, шелъ онъ по дорогѣ къ городу. «Нѣту милостыньки... нѣту хлѣбца... а ѣсть какъ хочется!.. и баушкѣ...» шепотомъ говорилъ онъ самому себѣ, тоскливоводя глазами передъ собой и не умѣя придумать, какъ-бы ему утолить голодъ.

— Гришка! Гришка! ты откуда? зачѣмъ туды ходилъ?—

раздалось вдругъ нѣсколько дѣтскихъ голосовъ невдалекѣ отъ Гриши.

Вздрогнувъ, онъ повернулъ голову, и увидѣлъ четырехъ мальчиковъ: это были такіе-же «голыши», какъ и самъ онъ. Они были ему хорошо извѣстны, потому что жили на одной съ нимъ улицѣ. Какъ только онъ ихъ замѣтилъ, ему стыдно стало, хотя онъ отлично зналъ, что сами они за тѣмъ-же постоянно бѣгали на станцію, зачѣмъ и онъ только-что ходилъ туда.

— А вамъ какое дѣло? угрюмо отозвался Гриша: — былъ и нѣтъ меня тамъ.

Но они не отстали:

— Гришка! и ты за мпlostынькой?.. Вѣдь, грѣхъ!..

— Да, грѣхъ, у кого есть: а у насъ нѣту, — повторилъ Гриша слова своей бабушки.

— Чтожъ у васъ? спросили «голыши».

— Баушка хвора... хлѣбца нѣту... второй день не ѣли: а хочется... Меня оттедова прогнали...

Указавъ на вокзалъ, Гриша заплакалъ.

— Кто прогналъ?

— Дяннька какой-то...

— Какой?

— Съ усами да съ крестиками. Сказалъ, подъ поѣздъ упаду...

— Братцы, это — жандаръ его шугнулъ, — догадался одинъ изъ мальчиковъ.

— Ахъ, ты Гришка! дуракъ-дуракъ! Погоди, мы тебя научимъ... Только чуръ: намъ не мѣшать. Слышишь?

Гриша присоединился къ компаніи. Далеко отъ станціи перешли они черезъ рельсовый путь и, нырнувъ въ кусты, направилсь къ станціи. Когда они уже приблизились къ ней и подошли къ такому мѣсту, гдѣ кусты стали рѣдѣть, то ползкомъ провралсь до вокзала и размѣстившись за толстыми деревьями. Съ четверть часа стояли они за ними въ ожиданіи поѣзда... Никто ихъ не замѣтилъ. Гриша, увлекшись хитрою

уловкою, сначала забылъ и про голодь и про усталость. Но когда его стало прохватывать рѣзкимъ октябрьскимъ вѣтеркомъ, который беззащитно забирался въ дырья его куртки и пощипывалъ ему руки и ноги, Гриша почувствовалъ, какъ онѣ стали воченѣть, и какъ ему ѣсть хочется, и какъ стоять трудно—такъ бы, кажется, и присѣлъ, да хлѣбца-бы, «хоть бы только хлѣбца»!..

III.

Вдали раздался свистокъ.

— Идетъ! произнесъ громкимъ и торжествующимъ шепотомъ одинъ изъ «голышей».

Скоро поѣздъ, сопя и пыхтя, подкатилъ къ станціи. Какъ кошки на мышъ, выскочили къ нему «голыши» изъ своей засады.

— Ты, Гришка, только у одного вагона и ходи, къ другому не перебѣгай: а не то какъ-разъ увидить тебя онъ-то въ прогалочекъ. А только звонокъ, сейчасъ назадъ бѣги къ дереву,—училъ старшій изъ «голышей», Андрюшка, и, указавъ ему, къ какому вагону идти, отдѣлился отъ него. Гриша, подойдя къ назначенному вагону, сталъ протягивать рученку кверху, къ окнамъ. Но всѣ окна были закрыты, только какой-то господинъ, замѣтивъ Гришу, спустилъ раму и, высунувъ голову, спросилъ его:

— Что тебѣ мальчикъ? Ты продаешь что-нибудь?

— Подайте милостыньку... на хлѣбъ... баушка хвораю...

Господинъ, поведя бровями, собирался-было снова поднять раму, но изъ окна высунулась голова съ розовыми щеками и въ шляпкѣ съ пушистыми перьями.

— Подайте, барыня, Христаряди... на хлѣбъ...

— Стыдно, стыдно, мальчикъ, милостыню просить: такъ приучаются къ туевядству... Лучше вотъ поди—вынеси мнѣ вещи: тогда получишь за работу.

Гриша въ одинъ мигъ вскочилъ на цѣпи, соединяющія вагоны, оттуда вскарабкался на платформу и вошелъ къ барынѣ.

— Вотъ эту подушку... Этотъ мѣшочекъ... Еще вотъ корзинка... Пожалуйста, осторожнѣй,—говорила дама, навьючивая вещи на Гришу:—Не урони, мальчикъ, не урони, осторожно... Oh, qu'il est misérable!..

Съ этими словами она вышла изъ вагона, слѣдя за Гришей, который съ его площадки спускался уже на платформу. Въ эту минуту послышался суровый голосъ:

— А ты, «дядинька», опять сюда попалъ?

Гриша вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ усатый жандармъ. Съ испугу руки и ноги задрожали у Гриши. Вещи чуть не посыпались изъ рукъ его на каменный полъ. Барыня пришла въ ужасъ. Гриша прижался къ ней и, захлебываясь отъ слезъ, робко заговорилъ:

— Барыня, добрая барыня!.. боюсь... дядиньки... боюсь...

— Я те, я те покажу!.. Паршивецъ эдакій! Ревѣть тоже,—говорилъ жандармъ, подходя къ нему и уже готовя желѣзные пальцы свои къ задержанію.

— Оставьте его, оставьте!.. Я его сама позвала... Ахъ, какое счастье! корзиночка не упала: rien n'est cassé!—воскликнула дама.

Торжествуя, мальчикъ прошелъ мимо жандарма и еще мимо какого-то господина въ красной шапкѣ, который, увидѣвъ Гришу, кивнулъ пальцемъ жандарму и строго кривнулъ:

— Эй, Арефьевъ!

— Что прикажете, ваше благородіе? спросилъ тотъ, подскочивъ къ нему.

— Опять эти!.. сколько разъ тебѣ говорено!?!.. На это носильщики есть.

Хотя Гриша и слышалъ этотъ разговоръ, но въ чемъ дѣло—не понималъ. Откуда только взялась у него бодрость. Онъ смѣло вошелъ въ залъ перваго класса и осторожно положилъ вещи на скамейку.

— Ну, вотъ тебѣ, дружокъ, за то, что все исправно,—

проговорила барыня и, вынувъ изъ кармана портъ-монэ, прибавила:—помни, что никогда не надо просить милостыню: это грѣшно... Надо работать. Понялъ?

— Понялъ, добрая барынька, — отвѣтилъ Гриша, пристыженный.

— На, возьми себѣ на пряники... tu t'achèteras des pains-d'épice.

Въ рукѣ у Гриши очутился пятиалтынный. Такой «копѣчки» ему давно уже не выпадало. Въ глазахъ у него помутилось отъ неожиданности. Въ восторгѣ кипулся онъ къ «доброй барынь». Та подставила ему руку. Онъ поцѣловалъ ее и опрометью побѣжалъ изъ вокзала къ бабушкѣ.

«Покажу копѣчку, рада будетъ она, баушка-то... да... хлѣбца купимъ... добрая барынька! Не надо, говорить, милостыню просить: надо работать... Только чудная—на пряники... Какой пряникъ? Хлѣбца-бы: ѣсть хочется... А копѣчка-то какая! блестящая!»...

Гриша держалъ пятиалтынный въ рукѣ и съ наслажденіемъ любовался имъ. Еле волочилъ онъ ноги, но идти поторопился: «Къ баушкѣ» и «хлѣбца» — вотъ зачѣмъ онъ торопился.

— Братцы! Это вѣдь никакъ Гришка идетъ?

— Онъ... Или постой: никакъ не онъ?

— Онъ. Какъ есть — онъ...

— Ну, подлая твоя душа, погоди-жь!

— Андрюшка! Это, вишь, онъ отъ дѣлежки ушелъ.

— А то какъ-же? Извѣстно дѣло — отъ дѣлежки.

Услышавъ голоса позади себя, Гриша обернулся. Онъ узналъ товарищей-«голышей» и сталъ дожидаться ихъ, чтобы подѣлиться съ ними своею радостью.

— Робята, гляди-вось: мнѣ барынька что дала! — съ ликующимъ видомъ сообщилъ онъ, протянувъ къ нимъ руку съ пятиалтыннымъ.

— Вотъ-те и дала! — было ему отвѣтомъ отъ Андрюшки, который, подскочивъ къ нему, такъ ударилъ его по уху, что Гриша кубаремъ скатился въ канаву.

Моментъ вѣмага молчанія — и затѣмъ площадная ругань, слетавшая съ дѣтскихъ губъ «голыша» Андрюшка, и дикій ревъ оскорбленнаго Гриши, лежавшаго ничкомъ въ канавѣ.

— Мы-же тебя научили, — укорялъ его Андрюшка: а ты, поскуда ты эдакая, отъ дѣлежки ушелъ! Такъ подавай-же сюды всѣ деньги, и не будетъ тебѣ ничего!..

— Я... я... хлѣбца хочу...

— Давай, давай! а не то еще хуже взбучу!

— За... за что-же?..

— Дѣлись другой разъ! вотъ за что. Давай-давай-давай! Нечего...

— Есть хочу...

— Ладно-ладно-ладно... И мы, братъ, то-же хотимъ. Подавай сюды монетку!

Андрюшка вскочилъ въ канаву и, вставъ надъ Гришей, притиснулъ его колънами къ землѣ.

— Ну?..

— Андрюшка, бро-ось, — жалобно вымолвилъ Гриша.

— Отдашь — брошу...

— Андрюшка, барынька вѣдь мнѣ дала... Я хлѣбца...

— Отдашь?

Андрюшка сильнѣе притиснулъ его къ землѣ.

— Андрюшка, брось... Я баушкѣ скажу...

— Кому? баушкѣ?

— Скажу...

— Вотъ-те, баушка, Юрьевъ день!..

Андрюшка, видимо наслаждаясь безсиліемъ Гриши, жаль его все крѣпче и крѣпче. Остальные три «голыша» тупо глядѣли на эту привычную имъ сцену.

— Да чего вы, ребята, глаза-то выпучили? Вали его! — крикнулъ имъ Андрюшка, и они, наскочивъ на Гришу, мигомъ отняли у него патлатый и убѣжали къ городу.

IV.

Гриша долго пролежалъ въ канавѣ. Онъ никакъ не могъ опомниться: все, о чемъ онъ хлопоталъ цѣлое утро, — все у него отняли... Наконецъ, онъ поднялся и побрелъ по дорогѣ къ городу, въ изнеможеніи еле волоча ноги. Вотъ ужъ и вхъ захолустная уллица, вдоль которой тянутся сѣрые заборы, изрѣдка прерываемые такими-же, какъ и они, сѣрыми избушками. Вотъ и Афикина лачужка. Уныло покосившись, съ разоренною крышею, на которой мѣстами видѣются кусты зеленого моха, смотритъ она во дворикъ единственнымъ своимъ подслѣповатымъ оконцемъ.

Гриша въ нерѣшимости остановился у калитки и самъ въ упоръ узрися въ это оконце. Идти или не идти? — вотъ что останавливало его: идти — бабушка спроситъ, что принесъ, станетъ посылать опять... не идти — она, можетъ статься, встала, что-нибудь сготовила... Хлѣбца!

Гриша быстро подошелъ къ двери и робко отворилъ ее. Тихо было въ лачужкѣ и почти такъ-же холодно, какъ на улицѣ. Только сырость и смрадная затхлость сразу охватили его. Онъ стоялъ у двери, не рѣшаясь окликнуть бабушку: ожиданія его не оправдались — она ничего не готовила. Гриша заглянулъ въ печку: тамъ было пусто, какъ и вчера.

— Баушка!.. осмѣлился Гриша.

Старуха не откликнулась ему.

— Баушка!.. ребята у меня... ко... ко... копѣечку...

Гриша заплакалъ, и только его всхлипыванье раздалось въ лачужкѣ: Афикина опять не подала голоса. Гриша приблизился къ темному углу и скрылся за занавѣской, за которою лежала старуха.

— Баушка!.. а, баушка...

Опять тоже молчаніе. Гриша протянулъ руку и, ухватившись за рукавъ Афикины, дернулъ его. Рука старухи бессильно, но тяжело откинулась въ сторону.

— Проснись, баушка, встань, молилъ Гриша жалобнымъ, слабымъ голоскомъ:— баушка, глянькось: Гриша пришелъ... вшучекъ твой... встань!.. сготовь хопь хлѣбца...

Но въ отвѣтъ на всѣ мольбы не слышалось никакого звука. Гриша тормошилъ старуху за рукавъ, но ея рука, свѣсившись съ кровати, произвольно потряхивалась, и пальцы глухо ударялись по полу.

— Баушка! ты робятъ пугни... я тебѣ хлѣбца... они отняли... барыня-то добрая: ты къ ей сходи... баушка, слышишь? баушка! баушка! слышишь чтоли? добрая барынька-то... баушка, встань, проснись!..

Гриша будилъ все громче и громче. Безпомощные вопли его разносились по лачужкѣ. Ему становилось тяжело стоять и кричать. Голова кружилась отъ слабости, голода и отчаянія. Онъ припалъ къ кровати, и лицо его коснулось холодной щеки старухи. Дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ.

— Баушка... родная... хлѣбца, шепталъ онъ безпомощно, и затѣмъ одно только его дыханіе слышалось въ лачужкѣ. «А что ежели она не спитъ, а такъ... для смѣху?..» подумалъ Гриша, вспомнивъ, какъ бабушка въ счастливые дни шутила съ нимъ. Онъ отдернулъ рукой занавѣску. Слабый свѣтъ проникъ отъ оконца къ кровати. Гриша увидѣлъ блѣдное лицо старухи. Однимъ полуоткрытымъ глазомъ смотрѣло оно на него. Гришѣ отчего-то страшно стало.

— Бабушка! да ты не спишь?.. попробовалъ онъ утѣшить себя.

Афимьинъ глазъ по прежнему тускло свѣтился и неподвижно глядѣлъ на мальчика.

— Будеть тебѣ смѣяться-то, баушка! встань—ѣсть хочу, промолвилъ Гриша дрожащимъ голосомъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, у старухи захрипѣло въ горлѣ и на губахъ показалась пѣна. Гриша обомлѣлъ. Холодно ему стало и страшно. Глазъ бабушкинъ такъ тупо и прямо глядѣлъ на него. Гриша потихоньку задернулъ занавѣску и очутился въ темнотѣ. Тихо было вокругъ и холодно, такъ хо-

лодно.. Гриша началъ смутно догадываться. Дрожа всѣмъ тѣломъ, истомленный, голодный, напуганный, онъ забился въ уголь за печку. Въ головѣ у него тяжело роплсъ и воспоминавiя. и желанiя... Все путалось, мѣшалось.

«Гдѣ теперь хлѣбца взять? Баушка сготовить? А какъ не сготовить? какъ не проснется она?.. Кабы только проснулась! Опять-бы коровку купила... какъ та... Буренка, что весной продали... Бывало—му-у! мычтъ у калитки—домой просится. А баушка выйдетъ къ ей, донтъ се зачнетъ... Молочко бѣленькое!.. Такъ дзы-дзы въ подойникъ... Вкусное! А теперь хлѣбца бы, хоть бы кусочекъ!.. Тогда-съ молочкомъ, съ тепленькимъ,—а теперя... водицы-бы: глотка засохла... Что водицы? Не надо водицы: молочка хочу... хочу... что отъ Буренки. . Хошь-бы только чу-у-точку, глоточекъ... А ѣшь-то, ѣшь-то тогда, Нилычъ-то пришелъ:—Неважная, говорить, корова!.. Баушка-то плакала, какъ продавала... А ѣшь—чего, дура, плачешь? говорить:—деньги вѣдь за то... А тамъ, какъ выбило градомъ—сѣмянъ новыхъ надо:—пошла къ ему за деньгами, меня съ собой брала. Долго не давалъ, бранился... Потомъ она, какъ домой пришла, кастила его кастила: «Нехристь—прости Господи!—второе записалъ!..» И сегодня приходилъ:—«чтобъ безпремѣнно! крикнулъ. А гдѣ у насъ? Была копѣечка — барынька-то добрая... «Милостыньку, говорить, грѣхъ просить: надо говорить, работать»... Я и буду... Зачѣмъ милостыньку? Не надо мнѣ милостыньки... Я важный день на станцію ходить стану—вещи буду выносить. Баушка. баушка! слышишь? Каждый день... Дянька-то ничего, нетронеть: ѣшь только побираться не приказалъ. Баушка! слышишь!

Гриша такъ увлекся своими думами, что даже произнесъ послѣднiя слова вслухъ. То же гробовое молчанiе было отвѣтомъ на его крикъ. Онъ притихъ, какъ будто испугавшись собственнаго голоса и наставшей затѣмъ тишины. Вдругъ на дворѣ послышался разговоръ. Гриша пританлъ дыханiе и сталъ прислушиваться, но разобрать ничего не могъ. Не про-

шло и минуты, какъ дверь лачужки съ тѣмъ же трескомъ, какъ и утромъ, привскочила на петляхъ и распахнулась настежь. Гришѣ изъ его угла видно было, какъ къ нее, нагнувшись, входили двое: одинъ былъ Гордѣй Нилычъ, а другой—какой-то господинъ съ серебрянною цѣпью на шеѣ, поверхъ пальто, и въ темно-зеленой фуражкѣ. Войдя, господинъ осмотрѣлся вокругъ себя и, взглянувъ на Гордѣя Нилыча, спросилъ его:

— Что же тутъ описывать? Гдѣ-жъ имущество?

— Оно точно такъ, господинъ судебный приставъ, отвѣчалъ Гордѣй Нилычъ мягкимъ, заискивающимъ тономъ:—оно такъ, что движимости у ей всего на все два стула-съ...

— Да и тѣ, кажется, безъ ногъ? замѣтилъ вскользь приставъ.

— Да столъ-съ вонъ еще, да кровать...

— Постель я, по закону, не имѣю права описывать, возразилъ приставъ и, пожавъ плечами, прибавилъ:—Удивительное, право, дѣло: какъ такая бѣдность—и вдругъ должнасть!

— Чтѣ и говорить! бѣдность-съ! съ соболѣзнованіемъ качнулъ головою Гордѣй Нилычъ, причемъ безнадежно и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно махнулъ рукой:—А что прикажете дѣлать, ваша милость? Придеть, просить, въ ноги кланяется-съ... А слышамши я, что, дѣйствительно, въ бѣдности и немуществѣ онѣ состоятъ, и знавши про ейную печаль и вдовье положеніе,—ну, какъ не помочь?.. Потому, сердце вѣдь тоже не камень-съ. А что того, касательно насчетъ изысканія-съ, то намъ тоже безъ капитала никакъ не можно: мельница у меня и лавка-съ... Повѣрите-ли, господинъ судебный приставъ, ждалъ, ждалъ-съ—долготерпѣнія, наконецъ, моего не стало,—ну, и подалъ-съ...

— Оно конечно, разсѣянно подтвердилъ приставъ.

— Повѣрите-ли слову-съ, ваша милость? три года ждалъ, ей Богу-съ! прибавилъ Гордѣй Нилычъ шопотомъ:—Да и то коли ежели бы корысть какая, либо что другое-съ, а то—что съ ней возьмешь-то? Одно слово—тьфу-съ.. Далъ двадцать

семь, а записали тридцать, чтобы, значить, всякіе расходы, тамъ какіе, издержки судебныя—убытку, значить, чтобы не было-сь. Потому, по нашимъ средствамъ, тоже не разорваться-сь... А только осмѣлюсь я доложить вашей милости, что у ей эти самыя палаты не наемныя-сь, а собственность еяную составляютъ. Опять же огородъ тутъ—двѣ съ лишнимъ десятины-сь..

Гриша, сидя въ своемъ углу, жадно прислушивался къ ихъ разговору, и слышалъ все до послѣдняго слова. Когда Гордѣй Нилычъ упомянулъ про огородъ, ему живо вспомнилось, какъ отъ этого огорода пошли всѣ ихъ бѣдствія: какъ огурцы, бобы и другія овощи побило градомъ, какъ послѣ того бабушка съ горя захворала, а когда встала, то огородъ былъ совсѣмъ разоренъ, и съ той поры она ужъ больше не поправлялась, а теперь...

— А что? гдѣ она сама? дома ея пѣтъ? спросилъ приставъ Гордѣя Нилыча.

— Нѣтъ, надо быть, что дома. Давеча утромъ была. Эй, хозяйка!

Никто не откликнулся. Гриша, испугавшись этого зова, плотнѣе прижался къ печкѣ.

— Хозяйка! слышишь что ли? будетъ тебѣ дрыхнуть-то!

Съ этими словами Гордѣй Нилычъ отдернулъ занавѣску. Гришѣ видно было, какъ бабушкино тѣло слабо освѣтилось, а полуоткрытый глазъ ея съ тою же мутностью и по прежнему тупо-безмысленно уставился на Гордѣя Нилыча, который, взглянувъ на старуху, съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Вотъ таперя возись со взысканіемъ: померла никакъ...

— Неужели? испуганно отозвался приставъ, издрогнувъ отъ неожиданности.

Однако, на лицѣ Гордѣя Нилыча выразилось недовѣріе. Качнувъ головой въ сторону, онъ попытался освѣдомиться, не жива-ли старуха:

— Кочевряжитесь, небось... Афимья! Какой тутъ смѣхъ: нешто не видишь?.. Приставъ...

Но глазъ Афимьянъ не видѣлъ ни пристава, ни Гордѣя: съ прежнею мертвенною тупостью смотрѣлъ онъ на Нилыча, который, какъ бы желая скрѣпить свое предположеніе, приронулся рукою ко лбу старухи, и тутъ уже подтвердилъ угрюмо:

— Такъ и есть—холодная-съ...

— Какая ужъ теперь опись? За полиціей надо послать— больше ничего, произнесъ приставъ, поспѣшно выходя изъ лачужки.

Гриша все это слышалъ. Теперь ужъ ему ясно стало, что пѣтъ у него бабушки, что бабушка ужъ больше не проснется и хлѣбца не сготовитъ. Въ горлѣ у него захватило, сердце его замерло. Съ тупою злостью смотрѣлъ онъ изъ своего угла на Нилыча, который, почувствовавъ себя свободнѣе по уходѣ пристава, опустилъ занавѣску и, направляясь къ двери, процѣдилъ сквозь зубы:

— Экая стерва! и подохнуть-то время не подобрала!.. Право, паскуда-анаеема!..

Услышавъ эти ругательства, Гриша живо вспомнилъ, какъ Нилычъ этими-же словами бранилъ бабушку, когда она продавала ему корову. Кровь бросилась мальчику въ голову, онъ готовъ былъ кинуться на Нилыча, и порывисто шевельнулся за печкой. Гордѣй Нилычъ, услышавъ шорохъ, вздрогнулъ.

— Съ нами крестная сила! никакъ встаетъ?.. промолвилъ онъ, крестясь.

Робость Нилыча ободрила Гришу. Онъ выскочилъ изъ своего угла и, ставъ передъ Нилычемъ, яростно крикнулъ ему бабушкиными словами:

— Нехристь,—прости Господи!—второе записалъ!...

— Ухъ, испужалъ какъ! анаеемская сила, — прошепталъ Нилычъ, отступивъ отъ него.

Гриша стоялъ передъ нимъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, но, замѣтивъ, что Нилычъ ободряется и готовится взять его за

вихры, онъ выскочилъ на крыльцо и побѣжалъ, куда глаза глядѣли.

— Экая погань! процѣдилъ сквозь зубы Нилычъ, выйдя изъ лачужки и смотря вслѣдъ бѣжавшему Гришѣ: — Тоже, вѣдь, подумаешь,—наслѣдникъ!..

V.

Медленно шелъ Гриша. Ноги его подзашивались. Однако, онъ съ какимъ-то тупымъ, ожесточеннымъ упорствомъ передвигалъ ихъ: впереди видѣлась станція.

Нескоро опомнился онъ, убѣжавъ отъ Гордѣя Нилыча: только когда силы стали уже измѣнять ему, онъ осмотрѣлся вокругъ себя, и узналъ дорогу, ведущую къ вокзалу. Съ большою силою сказала ему теперь истина: онъ съ трудомъ дышалъ, руки его дрожали, подъ ложечкой словно червячокъ сосалъ, въ глазахъ рябило и зеленѣло, ноги еле выдерживали тяжесть тѣла. А онъ все шелъ и шелъ впередъ, съ надеждой поглядывая на станцію:

— Вонъ тамъ... заработаю.—угрюмо шепталъ себѣ Гриша, кивая подбородкомъ по направлению къ вокзалу.—Хлѣбца ужъ не сготовить—померла она...

Вотъ уже онъ поднимается на дебаркадеръ, вотъ занесъ ногу на верхнюю ступеньку.

— Эй, куда?.. К-куда-ды? снова послышался отъ вокзала знакомый строгій вопросъ.

Гриша обомлѣлъ и остановился.

— Нельзя пешю? спросилъ онъ себя.—А барынька-то велѣла... приказала она, барынька-то...

И, ободрившись, онъ смѣло шагнулъ раза два впередъ.

— К-куда-ды, тебѣ говорятъ!? Не слышишь?.. раздалось еще громче и строже.

Гриша остановился и съ удивленнымъ равнодушіемъ глядѣлъ на подходившаго къ нему жандарма. Въ головѣ у него нестройнымъ рядомъ пронеслись догадки и оправданія: «нешто посмѣеть? барынька-то велѣла: она только милостыньку заказала, чтобъ не просилъ... работать надо—а то грѣхъ»...

— Русскимъ тебѣ языкомъ говорено, или другимъ какимъ? сердито спросилъ жандармъ, глядя на мальчика суровыми глазами изъ-подъ нависшихъ бровей.

Въ Гришѣ опять робость появилась при видѣ усовъ и крестиковъ, внушившихъ ему утромъ еще столько страха. И тутъ надежда стала исчезать: Гриша только и могъ пролепетать:

— Дянька, я...

— Что, «дянька», ты?.. Говорено было тебѣ?

— Мнѣ барынька... прошептала Гриша.

— Что барынька? Какая тамъ еще барынька?

— Не приказала она...

— Чего не приказала?

— Побираться не велѣла,—грѣхъ говорить.

— На коего же ты пса лѣзешь сюды, коли сказано тебѣ? Сколько же разъ тебѣ говорить?

— Я, дянька, за работой...

— Какая тебѣ тутъ работа? Ты вотъ за работай, а мнѣ достается, зачѣмъ пуцаю: посильщики у насъ на это есть... Мнѣ тоже отъ начальства сильпатіи нѣтъ никакой.

— Дянька... началъ было Гриша.

— Нѣтъ, другъ любезный, съ тобой, видно, не сговоришь, — равнодушно возразилъ жандармъ и, ухватившись желѣзными пальцами за локоть мальчика, молча направился къ вокзалу. Гриша бессильно потащился за нимъ, неловко переплетая слабые ножонки. Страхъ охватилъ мальчика, надежды на монетку и слѣда не осталось. Куда теперь ведутъ? Что будетъ? Пожалуй, выдерутъ?.. Больно будетъ... Какъ давеча ребята... И бабушкѣ ска...

Но когда онъ давеча жаловался бабушкѣ на мальчишекъ, она только однимъ глазомъ смотрѣла на него. Тусклый свѣтъ

этого глаза живо представился ему теперь. Гриша вздрогнул и испуганно шепнул жандарму:

— Дянька, померла она...

Тот остановился. Пристально взглянув на Гришу, онъ разжал пальцы и освободилъ его локоть.

— Кто—она? спросилъ онъ.

— Баушка...

— Когда?

— А вонъ... давеча...

— Ну, царствіе небесное...

— Дянька, отпусти: а къ ей пойду...

— Эхъ, грѣхъ одинъ съ тобой! Уходи лучше съ глазъ скорѣй. Экая голытьба, подумаешь! И въ чемъ только душонка держится? — спокойно разсуждалъ жандармъ вслѣдъ Гришѣ, который плелся по дебаркадеру, понуривъ голову.

А уже начинало смеркаться. День близокъ былъ къ концу. Мальчикъ не задавалъ себѣ вопроса, чѣмъ онъ кончится: онъ былъ подавленъ настоящимъ и только что минувшимъ. — Нѣту хлѣбца... Баушка не сготовить — померла она... И монетки нѣту.. Барынька сказала—работать надо, а дянька прогналъ... Хлѣбца бы... Хотъ бы милостыньки.. А грѣхъ? Барынька не велѣла... она—работать, а не даютъ... обманула барынька...

— Papa arrivega tout-de suite...

Это былъ знакомый голосъ. Гриша повернулъ голову направо. На дебаркадеръ входила «добрая барыня» съ двумя дѣтьми, такими нарядными, хорошенькими, розощекими. Отъ неожиданной радости, Гриша сначала остолебѣлъ, но опомнившись, въ два прыжка былъ около нихъ и жалобно проронилъ:

— Подайте на хлѣбъ...

Она оглянулась и, узнавъ его, съ сердцемъ проговорила:

— Ты опять милостыню просишь, мальчикъ! Вѣдь сегодня ты ужъ получилъ...

— Maman, tu m'achèteras de bonbons? спросила дѣвочка, обернувшись къ матери.

— Sans doute, mon enfant.

Они подвигались къ вокзалу. Гриша шелъ за ними и моллъ тѣмъ же жалобнымъ тономъ:

— Подайте, барыня... кусочекъ... Прогналъ ѣнъ, дянька-то...

— Я тебѣ сказала, мальчикъ, что надо работать... Oh, qu'ils sont gâtés, ces gamins!.. Иди, иди домой...

— Померла она...

— Я тебѣ говорю, отстань!.. Или я тебя въ полицію... Passez, enfants, passez!..

Гриша остановился и, смотря имъ вслѣдъ, продолжалъ шептать:

— Барынька, отнялъ онъ монетку-то... Я бы хлѣбца, а они прибили..

— Эй! э-эй! послышался издали строгій голосъ.

Гриша встрепенулся. Увидѣвъ у вокзала «дяньку съ усамн да съ крестивками», грозившаго ему пальцемъ, онъ торопливыми и невѣрными шагами пошелъ къ спуску и, сойдя со ступенекъ, побрелъ по дорогѣ.

VI.

Сумерки становились все гуще и заволакивали собою окрестные предметы. Съ неба нависали свинцовыя тучи. Вѣтерокъ становился свѣжѣе и рѣзче.

Хотя Гриша ужъ около четверти часа шелъ по дорогѣ къ городу, но еще очень недалеко ушелъ отъ станціи: ноги его подкашивались и переплетались, силы почти совсѣмъ побидали мальчика. Его даже пошатывало въ стороны, и онъ, останавливаясь, безнадежно глядѣлъ въ темноту, какъ бы не предвидя конца своему пути. Ясно было слышно ему, какъ поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ станціи, какъ раздался провзительный свистокъ, а за нимъ хриплое шипѣнье локомо-

тива. Вѣтеркомъ слабо донеслись до Гриши даже звуки людскихъ голосовъ. Тамъ, за нимъ, отбуда слышалось все это, была какая-то жизнь, было что-то такое, на что онъ полчаса тому назадъ еще такъ вѣриво надѣялся... Вотъ и теперь онъ обернулся, шагнулъ два раза къ станціи...

— А дянька? вдругъ шепнулъ онъ себѣ и тутъ же рѣшительно прибавилъ:—нѣтъ.

А все же остался на мѣстѣ и смотрѣлъ туда, гдѣ такъ привѣтливо мигали огоньки, какъ будто маня его къ себѣ, — смотрѣлъ туно, безнадежно. Оттуда онъ уже ничего себѣ не ждалъ:—тамъ «дянька», и барыня прогнала: сказала — въ полицію!.. И тотъ, что съ Пилычемъ къ баушкѣ давеча приходилъ, сказалъ—въ полицію ее... Гдѣ баушка? зачѣмъ ее въ полицію? померла она — не побиралась... Меня-то послала... Говорила — «грѣхъ у кого есть, а у насъ нѣту, рѣдний»... Рѣдний... Она меня все «рѣдний» звала, любила она меня... А теперь? Померла она... какъ Нилычева матка... Тоѣ-то въ гробъ заколотили да въ землю... А баушку? тоже зарюютъ? Какъ же я? милая... Хлѣбца-то кто сготовить?.. Дянька не далъ: ѣнъ не добрый,—пугаетъ ѣнъ...

А передъ нимъ все мелькали огоньки — такъ привѣтливо, весело... Вотъ два какъ-будто стали отдѣляться отъ нихъ — сначала въ сторону, а потомъ все ближе и ближе къ Гришѣ. Вотъ уже ему слышны бойкій конскій топотъ по камешкамъ шоссе и лягачье рессоръ. Быстро приближаются огоньки: кто-то ѣдетъ. Гриша медленно сходитъ съ середины дороги.

— Эй, берегись! зычнымъ голосомъ кричитъ вучерь.

Изъ коляски слышенъ звонкій дѣтскій смѣхъ. Фонарь на секунду ярко освѣтилъ Гришу, который прижался къ верстовому столбу.

— Maman, regarde: ce garçon que tu...

— Oh, laisse le, mon enfant.

Пронеслась коляска — пронеслись и эти знакомые голоса. И конскій топотъ, и стукъ колесъ затихли. Ушелъ и поѣздъ: снова пронзительно свиснулъ локомотивъ, какъ-бы вздохнувъ

на дорожку, и съ тѣмъ-же грохотомъ потащилъ его впередъ. Огоньки на станціи стали убывать, и тамъ сдѣлалось темно. И вдругъ вездѣ темно... А Гриша все стоялъ, прислонившись къ столбу. Рѣзкій вѣтерокъ по-прежнему дулъ на него, забираясь въ дыряго одежонки, скользя своимъ холоднымъ дыханіемъ по его лицу и рукамъ. Гриша ежился, скрестивъ руки на груди и пряча ихъ кисти подъ локти по бокамъ. Но и тамъ прохватывалъ ихъ вѣтеръ: не могъ Гриша крѣпко прижать ихъ локтями, совсѣмъ ужъ измѣняли ему силы. Ноги его мало-по-малу стали сгибаться. Онъ присѣлъ, откинулъ голову къ столбу и, закрывъ глаза, впалъ въ забытѣе.

— Ночью куды лучше: ночью жандаръ не увидитъ!—раздалось невдалекѣ отъ него.

Это былъ голосъ Андрюшки. Гриша вздрогнулъ. Сразу вспомнилось ему, какъ Андрюшка съ другими «голышами» еще днемъ обидѣлъ его. При мысли, что и теперь они могутъ его замѣтить, Гриша ползкомъ оттащился отъ дороги и залегъ въ пробороздкѣ между огородными грядами. Въ это время до него донесся разговоръ проходившихъ «голышей»:

— Что и говорить! Ночью не въ примѣръ лучше...

— Днемъ-то сбоку только. А случится, что никто и окна не растворитъ.

— А ночью кто тебя увидитъ? Темно...

— И вагоны-то всѣ пройти можно.

— Братцы! а какъ это Гришка давеча умудрился? Въ вагонъ забрался вѣдь, подлая душа!.. И жандаръ ничего: пропустилъ, зная...

— А что взялъ? Все одно—отняли... Чтобъ дѣлился, значить...

— Ужь онъ какъ молился!

— Гхе! ровно быдто крыса!..

Все это слышалъ Гриша, и тутъ только почувствовалъ, что во всемъ онъ виноватъ—онъ самъ: кабы подѣлился, дали-бы ему монетку—и хлѣбца-бы у него было... А теперь вотъ лежить онъ, ничего второй день не ѣвши. Ослабъ совсѣмъ. По-

шелъ-бы опять на станцію, потому — «ночью не въ примѣръ лучше. ночью всё вагоны пройти можно, и жандарь не увидитъ».. Да какъ? Силъ нѣтъ подняться на ноги. А холодно тутъ, вѣтеръ дуетъ какъ-разъ вдоль проборозка и скользитъ по Гришину тѣлу, цѣпляясь за лохмотья и вгоняя его въ дрожь. И земля такая холодная. Тамо лучше, гдѣ огоньки-то видны были. Тамъ лучше ночью — «не въ примѣръ лучше: тамъ всё вагоны пройдешь — и никто тебя не увидитъ, и дянька не прогонитъ, потому — темно. Фонарики горятъ въ вагонахъ, тускло такъ, — словно лѣнь имъ свѣтить. Вонъ купецъ развалился на скамейкѣ, одно колѣнко выставилъ вверхъ, а другую ногу вытянулъ, какъ полвно, и храпитъ со свистомъ; барыня какая-то дремлетъ и тычетъ впередъ носомъ, будто влюеть... И его, Гришу, дрема одолеваетъ... Хочется ему протянуться на скамеечкѣ — да нельзя: рядомъ сидитъ какой-то солдатикъ, да еще такъ важно разсѣлся, точно за два мѣста заплатилъ... — «Гришенька, внучекъ, прилягъ головкой ко мнѣ на колѣпки, — прилягъ, рѣдний»... Такъ ласково смотрятъ старческіе, выцвѣтшіе глаза въ лицо мальчику... — «Баушка, а ты?» — «Прилягъ, внучекъ, прилягъ»... Она склонилась надъ нимъ, и ему слышно ея тихое, ровное дыханіе... Гриша вздрогнулъ: — «Баушка! а давеча ты»... — «Прилягъ, рѣдний, усни»... И тихо-тихо въ вагонѣ, только купецъ нѣтъ-нѣтъ и всхрапнетъ... Гриша взглянулъ на бабушку. Она также задремала; но у нея одинъ глазъ какъ-будто немного открытъ... — «Баушка, баушка!» шепнулъ онъ, испуганный, и треплетъ ее за руку. — «Что, рѣдний?» — «Ты не спишь?..» А вотъ и свистокъ, поѣздъ идетъ тише, остановился. Бабушка собираетъ свои узлы и торопитъ внучка выходить. Вдругъ какой-то крикъ слышится: — «Куды заѣхалъ? Ахъ, ты пострѣленокъ!..» Гриша съ любопытствомъ смотритъ тула: оборваннаго мальчика ухватилъ за ухо тотъ самый купецъ, что храпѣлъ такъ громко, и кричитъ на него: — «Вотъ я тебя къ жандарму предоставлю! Ахъ, вы христарадники!.. Ночью вамъ лучше... не въ примѣръ»... — «Иди, иди, внучекъ: тутъ, окромя худаго, ничему доброму не научишься, —

торопить бабушка Гришу... Они проходят мимо вокзала, спускаются на дорогу, бабушка взвалила себѣ два узла на плечи, одинъ дала внучку...

А какъ это все недавно было: прошлую весною, когда бабушка ѣздила за сѣменами и Гришу брала съ собой.— «Вотъ погода: и съ Нилычемъ дѣлишки поладимъ»,— говорила она, идя по дорогѣ. А вѣтеръ былъ такой холодный,—вотъ какъ теперь... У-у, какъ холодно, какъ холодно! дуетъ... Ручонки окоченѣли, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу... и ѣсть хочется, ѣсть... А тутъ отъ земли такъ пахнетъ капустой—убирали, звать, складывали... Хотѣли-бы вочерыжечку!..

Спустя нѣсколько дней, на одномъ изъ загородныхъ огородовъ, недалеко отъ станціи, былъ усмотрѣнъ разлагавшійся трупикъ мальчика лѣтъ восьми.

То былъ Афиимъ «наслѣдникъ».

Январь 1882 г.

Николай Позняковъ.

Погоня за призракомъ.

(Отрывокъ изъ романа «Интеллигенція и народъ»¹⁾).

Было около пяти часовъ по полудни. Жара уже спада значительно, но все еще было оччень душно. Окрестность дремала, залитая яркими лучами солнца. Легкія чешуйчатныя тучки, разсѣяныя въ безиредѣльной сипевѣ небснаго свода, медленно поддавались впередъ и, переливая всѣми яркими цвѣтами, принимали всевозможныя фантастическія формы и очертанія. Въ воздухѣ было тихо, неподвижно, и только временами поднимется легкій вѣтерокъ, скользнетъ чуть замѣтно по травѣ, потреплетъ слегка тонкія вѣтки курчавой березки, торчащей одиноко въ сторонѣ отъ дороги, и затихнетъ.

По широкой степи, мѣстами покрытой молодыми колосьями ржи и пшеницы, мѣстами—густою травою, холмы и овраги, точно волны, чередуясь, исчезали на горизонтѣ. Тамъ, задернутыя легкой, сѣрватою дымкой, мелькали урывками зазуб-

---

¹⁾ «Интеллигенція и народъ»—одннъ изъ серіи романовъ, которые вспоръ начнутъ выходить отдѣльными изданіями подъ одннмъ общнмъ заглавіемъ «Дальцы костоломовеквой водости».

Предлагаемый читателю отрывокъ, какъ и вся серія романовъ относится къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ до сербско-турецкой войны.

Авторъ.

ренныя каймочки далекаго лѣса. Посреди степи змѣилась узенькая дорожка, мѣстами чуть-чуть сѣрѣя, мѣстами совсѣмъ исчезая въ высокой, сочной травѣ.

По этой дорожкѣ, ковыляя одна за другой, медленно плелись безконечной вереницей телѣги, запряженныя волами; изрѣдка какая вибуда телѣга, запряженная куцыми лошадками обгонитъ плетущійся на волахъ и пѣшкомъ утомленный людъ, оставляя за собою густое облако пыли; иногда зацѣпить объ чужую телѣгу и поднимется крикъ, брань, но потомъ, освободившись, улепетнетъ во всю деревенскую прыть, оставляя поднятую брань вмѣстѣ съ густымъ облакомъ пыли висѣть въ воздухѣ: это народъ костоломонской волости возвращался съ ярмарки. Пѣшіе шли тропинкой, узенькой ленточкой извиравшейся рядомъ съ дорогой и вели за собою новопуленную или непроданную «худобку»; слышались пьяные и трезвые голоса, пѣсни, брань и хохотъ. Ярморочный людъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: въ кошвахъ у каждаго побрякивали мѣдяки, серебряныя монеты, а у иного счастливица въ кожанпомѣ «гаманцѣ», завернутомъ въ нѣсколько тряпочекъ, были даже и «бумажки». Выручка эта — результатъ тяжелыхъ трудовъ или продажи необходимой въ хозяйствѣ скотины для покрытія экстраординарныхъ расходовъ, однако львиная доля ея осталась на своемъ настоящемъ мѣстѣ—въ кабакѣ. Но за то, міръ крещеный безконечно веселъ, что и выражаетъ своимъ чудными пѣснями, веселымъ смѣхомъ, подчасъ пьянымъ и бессмысленнымъ, подчасъ острымъ и мѣткимъ, проникнутымъ неподдѣльнымъ самобытнымъ юморомъ.

Вотъ на фурѣ, запряженной парой невзрачныхъ, но сытыхъ бычковъ, сидитъ дюжій широкоплечій мужикъ, а за его спиною—баба. И мужикъ и баба, очевидно, не первой молодости, о чемъ у одного свидѣтельствуетъ его густая просѣдъ въ мохнатой, давнымъ давно небритой бородѣ и чубѣ, торчавшемъ космами изъ-подъ соломённаго брыля; у другой — ея морщинистое, какъ печеное яблоко, испитое лице. Мужикъ часто помахиваетъ своимъ батогомъ и понукиваетъ бычковъ

однообразнымъ «цоб—цобе—тирр... цоб—тирр... цоб—тирр...» но видно, что дѣлаетъ онъ это совершенно машинально, а самъ погруженъ въ глубокую задумчивость.

Думая свою думу, Олексо Пачарыца (такъ звали мужика) не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило кругомъ. А кругомъ происходило вотъ что: на телѣгѣ, ѣхавшей впередъ, сидѣло, нѣсколько бабъ и вели между собою хотя и бабій, но очень оживленный и, должно быть, даже веселый разговоръ, потому что мужикъ, сидѣвшій спиною къ бычкамъ, все посмѣивался тупо или ржалъ, какъ годовалый лошакеъ. На телѣгѣ, ѣхавшей позади, двѣ бабы, крѣпко обнявшись и толкаясь поминутно висками, голосили во всю мочь, сляясь выводить трудныя ноты какой-то пѣсни, но это имъ, вслѣдствіи тряской ѣзды, никакъ не удавалось, а мужикъ, прикурнувъ носомъ, временами, точно изъ просонья, подтягивалъ не впопадъ, моталъ головою и вставлялъ въ пѣсню постороннія слова. Рядомъ съ телѣгой Пачарыца, по тропинкѣ, шли два мужика: одинъ—длинный и тонкій, какъ вѣха, по прозванью Дзыныця, велъ за собою годовалаго бычка, который трусилъ рысью, чтобы поспѣвать за своимъ жожакомъ; другой—низенькій, широкоплечій и немного сутуловатый, по прозванью Гоглобля, тащилъ на плечахъ пустой мѣшокъ и быстро шмыгалъ короткими ногами, чтобы также не отставать отъ своего спутника. Оба они держали въ зубахъ коротенькія люльки-носогрѣйки, ковыряли въ нихъ безпрестанно то толстымъ, то указательнымъ пальцемъ и болтали безъ умолку, отилевываясь поминутно въ сторону.

— Ну и что же?—спросилъ Гоглобля, когда его собесѣдникъ вдругъ замолчалъ.

— А ничего, равнодушно отвѣтилъ Дзыныця:—какъ видишь, бычка я таки не продалъ.—А ты какъ?

— Я?

— Э-ге, ты.

— Да такъ вотъ, флегматически и глядя упорно въ землю отвѣтилъ Гоглобля:—продалъ я четверку пшеницы, и взялъ

полрубля. Ну, я пообѣдалъ, подбрлся, подстригся, кровь пустилъ, зубъ вырвалъ... Тамъ еще копѣекъ тридцать осталось, я образокъ купилъ, бублики дѣтямъ...

— До-обре ты, Панько, орудовалъ! вставилъ Пачарыця:— оно и видно, что за дѣломъ на ярмарку пошелъ...

— А то какъ же?—наивно удивился Гоглобля.

— Кто и говорить!.. подтвердилъ Пачарыця и пожалъ плечами. «Но и дурень же!»—прибавилъ онъ про себя:—настояща Гоглобля!»...

— Какъ же человѣку да на ярмаркѣ не побывать!—удивился про себя вслухъ Дзыниця.

— Э-ге-жь, поддакнулъ Пачарыця: — безъ «человѣка» ярмарки не будетъ,—это что и говорить!—Только далеко немного до Рудыхъ и носить пшеницу—трудно, даромъ что всего только четверта...

— За то до дому совсѣмъ на легкѣ идетъ, ввернулъ кто-то:—безъ пшеницы, и денегъ...

— А Прыська еще что скажетъ?—ввернулъ другой, и воздухъ вдругъ огласился пастоящимъ гомерическимъ смѣхомъ.

Дѣло въ томъ, что Прыська была почти въ полтора раза длиннѣе своего мужа и ровно вдвое сильнѣе. Это послѣднее обстоятельство обнаружилось самымъ очевиднымъ образомъ вскорѣ послѣ того, какъ вышла она замужъ за Панька. Какъ-то разъ онъ подъ пьяную руку полѣзъ было драться, а вышло такъ, что самъ же онъ остался съ помятыми боками. Съ тѣхъ поръ, открывъ въ себѣ такое драгоценное преимущество, Прыська уже забрала въ руки Панька и держала, что называется, въ ежѣвыхъ рукавицахъ. Но надо отдать ей справедливость: она не злоупотребляла своимъ преимуществомъ, а пользовалась имъ умѣренно. Стоило Паньку явиться домой въ пьяномъ видѣ, чтобы Прыська сей часъ-же, не говоря худого слова, схватила его за шиворотъ и швырнула въ чуланъ и развѣ только въ ную нехорошую минуту наградить при этомъ двумя-тремя подзатыльниками—тоже не говоря худого слова. Гоглобля переносилъ свою долю съ истинно

философскимъ стоицизмомъ и не ропталъ, не жаловался, потому что и безъ этихъ жалобъ его, спромаху, нерѣдко поднимали на смѣхъ, будто его вина была, что баба у него оказалась съ «норовомъ». Гоглобя только все удивлялся и недоумѣвалъ про себя. «От-то чортова баба!»—проворчить онъ, очутившись въ запертомъ чуланѣ; но въ ту-же минуту уляжется и уснетъ мирнымъ сномъ праведника.

Дзыныця также крѣпко побаивался своей Хиври, хотя никогда съ нею не дрался. Онъ любилъ поваляться подольше на палатахъ, заваливаться днемъ спать въ ригѣ или въ вишневомъ садикѣ; но Хивря, работавшая безъ усталости, точно заведенная машина, съ разсвѣта и до поздняго вечера, вытраивала мужа отовсюду, куда бы онъ ни зализалъ и гоняла на работу. Дзыныця старался увертываться отъ вездѣсущей Хиври; но если это ему не удавалось, онъ безпрекословно покорялся, и этимъ самымъ также навлекъ на свою голову не мало шутокъ сосѣдей. Эта-то общая доля сдружила Гоглобя и Дзыныцу. Они оба понимали другъ друга, и безъ словъ другъ другу сочувствовали.

Поднявшійся взрывъ смѣха скоро притихъ, замѣнившись общимъ разговоромъ, и Дзыныця съ Гоглобей, послѣ нѣкотораго молчанія, опять заговорили, но уже вполголоса и косясь поминутно подозрительно по сторонамъ. Пачарыця молчалъ. Онъ какъ будто и забылъ и объ существованіи пѣшеходовъ-пріятелей, не остававшихъ отъ его телѣги и задумчиво глядѣлъ на спины своихъ бычковъ. Но сильный стукъ и подымавшаяся вслѣдъ за тѣмъ брань опять вывели его изъ задумчивости.

Какой-то деревенскій лихачъ, обгоняя фуры, зацѣпилъ колесо телѣги, ѣхавшей позади Пачарыци. Колеса сильно столкнулись; но лошадки во время были остановлены и осмѣвшихъ телѣгъ уцѣлѣли.

— Чого скачешь, какъ на безголовье, чортъ бы схватилъ тебя въ корчмѣ за оселедецъ!.. ругнулся было пьяный мужичокъ, но, взглянувъ на лихача, замолчалъ, точно поперхнулся.

— А... это Тихонъ!.. произвесь онъ съ подобострастной улыбочкой и, спрыгнувъ съ воза, сталъ отцѣплять колеса.

Тихонъ также спрыгнулъ съ телѣги, осмотрѣлъ заднюю ось и затѣмъ, подбоченившись, принялся глазѣть свысока на проѣзжавшихъ, на спину пьянаго мужика, который все еще возился около телѣгъ, осматривая колеса и оси.

— Эй, Олексо! крикнулъ Тихонъ, замѣтивъ отъѣзжавшаго уже шаговъ на двадцать Пачарыцю:—а Шубенка мы прогонимъ,—такъ, чи ни?

— Чого гнать! буркнулъ Пачарыця, оглянувшись: — хай сидитъ. Лучшаго старшина все равно не найдемъ.

— Найдемъ, небось! возразилъ Тихонъ, съ торжествомъ оглядывая проходившихъ, какъ бы обращаясь къ нимъ за подтвержденіемъ.

По никто не отозвался. Пачарыця тоже молчалъ и, не оглядываясь, продолжалъ свой путь. Тихонъ вскочилъ на свою телѣгу, снова пустил лошадокъ вскачь и, порознявшись съ Пачарыцей, снова кривнулъ ему что-то, махнувъ при этомъ батогомъ въ сторону. Пачарыця ничего не разобралъ, однако кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Народъ, между тѣмъ, подъ вліяніемъ дремавшей природы, мало-по-малу притихъ. Подчасъ то здѣсь, то тамъ раздастся еще слабая попытка дотянуть начатую пѣсню; но вдругъ она оборвется на самой серединѣ независимо отъ воли запѣвалы, у котораго шейные позвонки уже плохо поддерживали голову, которая безпомощно опускалась, болтаясь на груди, какъ тяжелая тыква.

Въ числѣ телѣгъ, запряженныхъ лошадами и обгонявшихъ поминутно плетущійся на волахъ и пѣшкомъ народъ, катились двѣ телѣги, какъ бы догоняя одна другую и подпрыгивая поминутно. Лошади трусили мелкой сонной рысцей; онѣ не были взнузданы и, веревочная упряжь болталась по бокамъ ихъ, пониже животомъ. Мужики, сидѣвшіе на телѣгахъ, какъ будто дремали. Изрѣдка только то одинъ, то другой вдругъ встрепенется, взмахнетъ рукою, покрутитъ батогомъ надъ спи-

нами лошадокъ и, обогнавъ попавшіяся телѣги, запряженныя волами, снова опустить руку вмѣстѣ съ батономъ и снова заболтаетъ ею, какъ и всѣмъ своимъ туловщикомъ, по волѣ подприсвающей поминутно телѣги.

На первой телѣгѣ, за спиною мужика, тряслась женщина, исчезая на половину среди двухъ довольно объемистыхъ чемодановъ и пѣсколькихъ узловъ и корзинкокъ разной формы и величпын. Женщина эта тоже какъ будто дремала подъ кровомъ густаго слоя пыли, такъ что и черное платье, и черный вуаль, покрывавшій всю ея голову, казались свѣтло-сѣрыми.

Но вотъ изъ-за перелѣска выглянуло безобразное деревянное строеніе, полуразрушенное отъ времени и непогоды и стали доноситься, чуть слышно, смѣшанные голоса, и—сна какъ не бывало. Крещеный людъ разомъ прочухался, и прежшій шумъ опять повисъ въ воздухѣ. Лошадки, поровнявшись съ корчмой, по привычкѣ, сами свернули въ сторону и остановились.

Мужикъ, ѣхавшій впереди, встрепенулся, лѣниво почесалъ за ухомъ и вывалился кулькомъ изъ телѣги. Вздохнувъ всю широкою грудью и надвинувъ кивкомъ головы сѣхавшій на затылокъ брыль, онъ медленно-медленно подошелъ къ лошадакамъ, потрепалъ каждую по гривѣ, по бедамъ; поправилъ безъ всякой надобности упряжь, косясь въ то же время на женщину, которая все еще продолжала сидѣть неподвижно, точно она и не замѣтила, что лошадаки остановились.

Мужикъ этотъ былъ чертоухаевскій господарь, Максимъ Гедзь—немного пожилой, коренастый и пеповоротливый. Невозмутимое спокойствіе лица, покрытаго золотистыми колючками давно небритой бороды, составляло рѣзкій контрастъ съ живыми дразнящими глазками, лукаво выглядывавшими изъ-подъ растрепаннаго чуба. Въ общемъ, лицо это выражало смѣсь добродушія и лукавства, и было очень симпатично. Товарищъ его, Мартынъ Капшукъ, былъ гораздо моложе, нѣсколько выше ростомъ и съ виду поворотливѣе. Лице его, хотя и молоджавое, слегка покрытое сѣроватымъ пушкомъ, сохра-

пало тотъ же спокойно-серіозный, даже нѣсколько важный видъ, какъ оно и подобаетъ «доброму господарю», обладающему и движимою, и недвижимою собственностью и имѣющему, вслѣдствіи этого, значительный вѣсъ въ глазахъ своего міра.

— А что, кумъ, будемъ съ погодой? провзнесъ Гедзь, бросивъ подъ ноги лошадокъ охапокъ соломы.

— Будемъ съ погодой! какъ эхо отвѣтилъ Капшукъ, не оглядываясь. — А вужно бы дожда, спохватился онъ, точно вдругъ вспомнилъ что-то, что необходимо вужно было прибавить.

— А вужно бы, согласился Гедзь.

Онъ подошелъ къ телѣгѣ, порылся въ солому и, вытащивъ небольшой мѣшокъ, сталъ развязывать, пуская въ дѣло ногти и зубы.

— А можетъ, выпьемъ? обратился онъ къ своему спутнику, прервавъ свое занятіе.

— Можно и выпить, согласился Капшукъ.

Онъ бросилъ подъ ноги лошадокъ охапокъ соломы и вслѣдъ за кумомъ, протиснувшись сквозь толпу, юркнулъ въ корчму. Минуту спустя оба опять появились на дворѣ и, вытирая рукавами губы, какъ ни въ чемъ ни бывало, направились каждый къ своей телѣгѣ. Гедзь развязалъ свою «торбонку», вытащилъ непочатый хлѣбъ весьма почтенныхъ размѣровъ и, прищурившись, снова принялся рыться въ мѣшкѣ.

— А есть у тебя, кумъ, чѣмъ закусить? крикнулъ онъ Капшуку.

— О-охъ, есть еще гдѣ-то съ кусокъ хлѣба, глубоко вздохнулъ Капшукъ и, заложивъ обѣ руки за затылокъ, вытащилъ изъ богородицы (капюшонъ свиты) «съ кусокъ хлѣба фунта четыре вѣсомъ и такъ запустилъ въ него свои ровные, бѣлые зубы, что даже глаза у него заскрипели.

— А можетъ и вы, панночка, перекусите? обратился Гедзь къ сидѣвшей въ его телѣгѣ женщинѣ: — тутъ и булочку, и молока достать можно.

«Панночкой» величалъ женщину Гедзь, какъ сталъ бы онъ величать всякую молодую дѣвушку, одѣтую «не по нашему». На дѣлѣ же это была не просто панночка, а слушательница медицинскихъ курсовъ. Звали ее Любовью Владиміровной Дми-тровичъ-Гальченко. Она отложила свой экзаменъ до осени и намѣревалась провести все лѣто въ малороссійской деревнѣ, — чтобы поприглядѣться къ той самой будничной жизни, среди которой ей впослѣдствіи придется жить и дѣйствовать въ качествѣ врача, — коротко объяснила она нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

— Что это?.. удивилась она только теперь, выведенная изъ глубокой задумчивости: — вы опять остановились?

— Э-ге, остановились, чуть виѣтно отвѣтилъ Гедзь, жуя обѣими челюстями.

— Вѣроятно, не близко еще, а? произнесла Любовь Владиміровна груднымъ голосомъ, пытливо поглядывая во всѣ стороны.

— До вечера заѣдемъ, буркнулъ Гедзь такъ беззаботно, точно во всемъ мірѣ никакихъ заботъ и не существовало, кромѣ одной: какъ бы отломить надрѣзанную ногтемъ краюху хлѣба, но такъ, чтобы и крошечки не проронить.

— Да вѣдь вы уже и кормили и, кажется, недавно?

— Такъ то прежде было, какъ ни въ чемъ ни бывало, возразилъ Гедзь, доставая изъ своего мѣшка микроскопическій кусочекъ сала: — а теперь снова закусить нужно; худѣба заодно отдохнетъ, соломки пожуетъ...

Любовь Владиміровна глянула пытливо въ лицо Гедза и чуть замѣтно улыбнулась, какъ бы невольна отвѣчая на его насмѣшливую улыбку, застрѣвшую въ его длинныхъ усахъ, около угловъ рта. Она сняла вуаль, повозилась съ минутой среди своихъ узловъ и чемодановъ и, ловко спрыгнувъ съ телѣги, страхнула съ себя пылъ и выпрямилась.

— Однако надо сознаться, подумала она, улыбнувшись, потягиваясь и позѣывая: — въ вѣнской коляскѣ или даже въ простомъ фаэтонѣ не въ примѣръ удобнѣе путешествовать.

Съ минуту она глядѣла во всѣ стороны черезъ головы разсѣянаго по площади народа и снова хотѣла было сказать что-то. Но, скользнувъ глазами по порыжѣлымъ голенищамъ Гедза, по его широкой, замаранной дегтемъ мотивѣ, по широкой пыльной спивѣ и красной шеѣ съ безчисленными складками и, замѣтивъ, что онъ, растопырявъ ноги и нагнувшись надъ телѣгой, всецѣло углубленъ въ свое занятіе, промолчала и снова чуть замѣтно улыбнулась.

— Да... Я была душой, —набитой душой!.. прошептала она едва слышно, отвѣчая повидимому на какую то собственную тайную мысль.

— А долго мы здѣсь простои́мъ? спросила она минуту спустя.

— Долго-не долго, а постоять—постоимъ, чуть внятно отвѣтилъ Гедзь, не оборачиваясь.

— Но гдѣ-же эта ваша Невылазовка? недоумѣвала Любовь Владиміровна.

— А вонъ тамъ!.. не сразу и очень спокойно отвѣтилъ Гедзь, махнувъ рукою черезъ плечо.

Любовь Владиміровна обернулась, наставила ладонь ширмочкой и, прижмурившись, глянула «туда». Тамъ, за перелѣскомъ, видѣлись камыши и сквозила стальная поверхность пруда. Далѣе, изъ-за кустовъ, разныхъ фруктовыхъ деревьевъ и изгородей, мѣстами заснованныхъ плющемъ, выглядывали урывками крестьянскіе дворы, отливали серебромъ три купола деревенской церкви, крытой бѣлой жестию; лѣвѣе и будто псего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отсюда, за небольшимъ промежуткомъ узенькихъ, разноцвѣтныхъ полосокъ, но немного ближе къ горизонту, видѣлся крестъ другой церкви и мелькалъ сквозь вытянувшійся рядъ тополей фасадъ барской усадьбы. И все это утопало въ безбрежномъ морѣ зелени и было залито боковыми лучами спускавшагося къ горизонту солнца.

— Совсѣмъ близко! удивилась Любовь Владиміровна вслухъ.

— Э-ге, не далеко, подтвердилъ Капшукъ: —три версты въ объѣздъ. А напрямкомъ и одной версты не будетъ.

— Какъ же это люди останавливаются у корчмы, когда домой такъ близко.

— На то корчма, пояснилъ Гедзь.—Корчмы никакой чело­вѣкъ не минеть, потому—дѣло знаетъ, что кто корчму ми­нае, той щастья не мае.

Любовь Владиміровна глянула мелькомъ въ профиль Гедза, но ничего особеннаго не замѣтила: лицо это оставалось совер­шенно серьезнымъ; только уголь рта болѣе обыкновеннаго ос­вѣтился его обычной насмѣшливой улыбкой.

Любовь Владиміровна поглядѣла кругомъ, прислушивалась съ минуту къ общему говору, но изъ всѣхъ отрывочныхъ фразъ и замѣчаній, относившихся къ разнымъ неизвѣстнымъ ей об­стоятельствамъ и происшествіямъ, ровно ничего повать не мог­ла, и раздумывала, что лучше всего ей дѣлать въ настоящемъ случаѣ: пойти-ли въ перелѣсокъ, куда такъ манили таинствен­ная тѣнь и громкій концертъ пернатого царства, или же вос­пользоваться случаемъ и поближе разсмотрѣть то самое «за­веденіе», которое играетъ такую фатальную роль въ жизни народа. Съ минуту она колебалась, затѣмъ не безъ отвраще­нія приблизилась къ безобразной корчмѣ, оглянулась раза два по сторонамъ, раскраснѣлась и—остановилась въ нерѣшитель­ности: изъ черной пасти этой неприглядной берлоги понесся ей на встрѣчу невыносимый запахъ—смѣсь паровъ сивухи, гнилыхъ селенокъ и навоза. Съ трудомъ преодолевъ она свое чувство брезгливости и рѣшительно пошла впередъ, еще разъ оглянулась, и—отскочила, какъ ошпаренная, въ сторону: въ эту минуту изъ-за угла корчмы показался тарантасъ, запря­женный четверней сѣрыхъ лошадей и остановился.

Въ тарантасѣ сидѣлъ чело­вѣкъ, которому съ виду могло быть лѣтъ тридцать-тридцать пять, не смотря на густую про­сѣдъ въ длинныхъ, падавшихъ на плечи, темно-каштановыхъ волосахъ и въ подстриженной темно-русой бородѣ. Прежде­временная сѣдина эта могла свидѣтельствовать только о томъ, что надъ головою барина пронеслась не одна житейская буря. Вообще же это былъ бодрый, широкоплечій мужчина, съ вы-

пуклой грудью, открытымъ, серьезно-задумчивымъ лицомъ и большими, сѣрыми глазами. Что-то мягкое, ласкающее было въ этихъ глазахъ, во всѣхъ его приемахъ, полныхъ достоинства и благородства. Но видно было, что все это—не тотъ вѣшний лоскъ, который далъ поводъ Наполеону I сказать: «поскоблите русскаго, и вы найдете татарина», и который соскакиваетъ вдругъ при первомъ же затруднительномъ положеніи; а естественная, неотъемлемая принадлежность, присущая всѣмъ тѣмъ, которые при высокихъ душевныхъ качествахъ, дарованныхъ природою, были воспитаны съ пеленокъ въ самыхъ строгихъ понятіяхъ о рыцарствѣ и чести и цивилизованная порода которыхъ, кромѣ того, восходитъ нѣсколько выше перваго или втораго поколѣнія...

Мужички почтительно кланялись—тарантасу или барину,— неизвѣстно. Баринъ не тронулся съ мѣста. Онъ продолжалъ сидѣть мѣшкомъ и оглядывать присутствовавшихъ, какъ бы лица кого-то и остановилъ свой задумчивый взоръ на Любови Владиміровнѣ. Глаза ихъ встрѣтились. Любовь Владиміровна почувствовала, что уши у нея горятъ— до того она покраснѣлась. Баринъ, казалось, сначала недоумѣвалъ, но скоро какъ будто понялъ что-то и улынулся. Онъ закурилъ сигару и приказалъ кучеру трогать.

— Кто это такой? обратилась Любовь Владиміровна къ ближайшему мужику.

— Это нашъ невылазовскій помѣщикъ, панъ Залѣскій, отвѣтилъ мужикъ.

Тарантасъ медленно и осторожно пробирался между телѣгами, и Залѣскій раза два глянулъ еще мелькомъ на незнакомку. Видно было, что его такъ и подмывало сказать ей что-то, да не рѣшался. Наконецъ, тарантасъ выбрался изъ тѣсноты, покотился и скоро исчезъ въ облакъ пыли.

— Такъ вотъ это онъ и есть, народъ-то!.. говорила про себя задумчиво Любовь Владиміровна, бродя между телѣгами:— народъ не малеванный, а настоящій, живой... со всѣми его

рѣзкими особенностями, со множествомъ мелкихъ, неуловимыхъ деталей, не поддающихся вовсе никакому описанію?..

Она много разъ была въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго ею сегодня и столько же разъ впадала въ самое мрачное отчаяніе: жизнь развернула передъ нею одну свою странничку; странничка была очень любовитна, но не со-всѣмъ понятна.

— Да-а... такъ это онъ и есть, народъ-то, продолжала она, прислушиваясь ко всему съ напряженнымъ вниманіемъ:—по-смотримъ... Посмотримъ...

Но сказать это было гораздо легче, чѣмъ сдѣлать: было очень тѣсно и не было ни малѣйшей возможности пробраться между телѣгами, среди которыхъ толпились народъ и стояли или лежали волы, кони, коровы, телята. Она насилу выбра-лась изъ тѣсноты, отдѣлавшись двумя-тремя легкими толчками, и взобралась на свою телѣгу.

Народъ теперь запрудилъ корчму, непрерывно убывая и прибывая вновь; обо всемъ здѣсь говорилось очень обстоя-тельно, и никто не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака, что онъ спѣшитъ куда-то. Всякій, выпивая и закусывая, въ то же время выслушивалъ вздорныя шутки и прибаутки такъ же внимательно, какъ и вещи, составляющія самую щекотли-вую, самую лихорадочную злобу дня.

Въ одномъ мѣстѣ группировалась небольшая кучка людей, среди которыхъ гуляла чарка. Здѣсь рѣчь шла о конокрадствѣ и конокрадахъ, и всякій передавалъ разные случаи чисто-анекдотическаго свойства, такъ что часто общій говоръ по-крывался неудержимымъ, оглушительнымъ взрывомъ смѣха.

Въ другомъ мѣстѣ толпились болѣе солидный кружокъ. Сюда, кромѣ Гедза и Капшова, присоединились одинъ за другимъ Олексъ Пачарыца, Трохимъ Чубукъ, невылазовскій гуменный Семень Бугай и многіе другіе. Всѣ они стояли, глубокомы-сленно потупившись и внимательно слушали Василя Барбдлю— бывшего ундера, а нынѣ добраго хлѣбороба села Порѣснаники. Изрѣдка только кто нибудь перебьетъ Барбдлю какимъ ни-

будь вопросом или дополнить его рассказ короткимъ, обрубленнымъ замѣчаніемъ.

Рѣчь шла о пороснянской и сосѣднихъ волостяхъ. Всѣмъ слушателямъ очень хорошо извѣстны были всѣ подробности дѣла этихъ волостей, тянувшася уже нѣсколько лѣтъ, со времени введенія въ исполненіе люстраціонныхъ актовъ, по которымъ бывшіе казенные крестьяне этихъ волостей надѣлялись землей. Всѣ знали очень хорошо, что «ахтовье»—это та часть крестьянъ, которымъ подворные надѣлы пришлось по вкусу, и они, вслѣдствіе этого, охотно подписали люстраціонные листы, а «душевики»—большинство, которому ни подворное надѣленіе землей, ни способъ этого надѣленія не нравились, и они протестовали, посылали куда-то ходоковъ; знали, чего желаютъ «ахтовье», чего добиваются «душевики», въ какихъ передрагахъ перебивали послѣдніе все время. Не безызвѣстенъ былъ всѣмъ, хотя уже болѣе въ фантастической формѣ, и слухъ, который уже Богъ-вѣсть откуда взялся, какъ жилъ и чѣмъ питался, но который поддерживалъ «душевиковъ», внушалъ имъ бодрость и стойкость и тѣмъ самымъ раздражалъ «ахтовыхъ». Извѣстно было, съ какихъ поръ томятся болѣе уважаемые «душевики» въ Щекинѣ, претерпѣвая всѣ невзгоды неволи—на свободѣ, когда казеннаго корма не полагается, а доставать работу почти всѣ пути заказаны. Все это было очень хорошо извѣстно въ сосѣднихъ и даже отдаленныхъ волостяхъ, повторялось часто, возбуждало живѣйшее участіе и сочувствіе «душевикамъ», на сторонѣ которыхъ было страданіе и стояла во всемъ своемъ величій неподкупная народная правда.

Въ третьемъ мѣстѣ образовалась довольно крупная толпа, которая орава о чемъ-то очень громко и очень задорно, и замѣчалась путешествовавшая изъ рукъ въ руки чарка, изъ которой говорящіе, вѣроятно, и черпали свой задоръ.

Это Тихонъ угощалъ міръ крещеный на свой счетъ, не приглашая собственно никого, но наливая всякому, кто ни подставлялъ чарку. Толпа непрерывно мѣняла свою фізіономию. Многіе, оставшіе довольными и Тихономъ, и его сиву-

хой, протолкались къ своимъ телѣгамъ и отѣзжали, а ихъ мѣсто тотчасъ же занимали другіе и ввязывались въ общій разговоръ, который поддерживалъ самъ Тихонъ.

— Сидѣлъ въ громадскомъ шинкѣ Гершко, продолжалъ онъ, точно бесѣдуя съ фляжкой, изъ которой непрерывно наливалъ:—и громада каждыи годъ 300 карбоганцевъ чистаганомъ получала. На что нибудь, а таки сдавались громадѣ эти деньги,—такъ, чи ни?

— Ой-ой!.. Еще и какъ сдавались!.. подхватили въ толпѣ:—и на расходы по волости, и на жалованье писарю, сотскимъ, на все хватало.

— То-то. А съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ шинкаремъ Хведько, громада и гроша мѣднаго не видала. А какъ придется жалованье платить писарю, мы и еще разъ мошну развяжемъ,—такъ, чи ни?

— Чорта съ два! другой разъ мы мошны уже не развяжемъ!

— Самъ посадилъ дурня Хведька, кричали другіе:—хай самъ и считается съ нимъ!

— Да не хочетъ же Шубенко и слушать! заоралъ Семень Птахъ, господарь средней руки, дальній родственникъ Тихона и одинъ изъ тѣхъ мірскихъ крикуновъ, которые имѣютъ обыкновеніе поддакивать тому, чью сивуху пьютъ:—сами вы, говорить, приговоръ составили, чтобы жидовскаго духа въ громадскомъ шинкѣ не было; сами вы Хведька посадили, сами же и вѣдайтесь съ нимъ. Грѣхъ общій, а мое дѣло - сторона!..

— Мало чего бы онъ не говорилъ! ухмыльнулся Тихонъ:—но міръ кто подбилъ составить приговоръ? Шубенко,—такъ, чи ни?

— А уже никто другой!

— И Хведька онъ же посадилъ въ шинкѣ,—такъ, чи ни?

— Онъ... онъ!.. А то кто же? орали въ толпѣ:—онъ голова міру; онъ всему и распорядитель...

— Ну, и пусть бы уже от-теперь самъ и считался съ Хведькомъ,—такъ, чи ни?

— Да такъ же, такъ! Только онъ, собачій сынъ, теперь и руки умываетъ. — Сами, говорятъ, распоряжались, сами же и вѣдайтесь, какъ знаете! А у меня и безъ того много дѣла-...

— Ге! усмѣхнулся Тихонъ:—чужою свитою да свою трубу заткнуть, можетъ, и всякій бы хотѣлъ, да не дадутъ,— такъ, чи ни?

— А такъ... такъ... поддакнули въ толпѣ.

— И коли онъ хотѣлъ выслужиться передъ начальствомъ, то мы за это не должны развязывать мошну,— такъ, чи ни?

Въ толпѣ опять одни поддакнули, а другіе возразили. Опять поднялся общій шумъ, изъ котораго посторонній ровно ничего не понялъ бы. Всѣ орали, стараясь перекричать другъ друга и не зная хорошенько, чего собственно добиваются. Одинъ только Тихонъ, хотя тоже былъ далеко не хладнокровенъ, однако зналъ очень хорошо, чего добивался.

— А кто выбралъ Шубенка въ старшины? крикнулъ онъ наконецъ громче всѣхъ:—громада выбрала,— такъ, чи ни?

— Громада... А то кто же!

— А коли громада выбрала, такъ она же и прогнать можетъ,— такъ, чи ни?

— И давно бы пора! подхватили въ толпѣ.

— Зазнался уже очень! кричалъ Птахъ:—величается, собачій сынъ, какъ пороса на дрчику (на пристяжкѣ); думаетъ, какъ уже съ нимъ посредникъ чай пьетъ, то ему уже и самъ чортъ не братъ!

— Вотъ Хведька бы и спросить, ввернулъ Тихонъ,—онъ, можетъ, и расскажетъ, на какія деньги угощаетъ Шубенко...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ, что фляжка пуста, и шмыгнулъ въ корчму.

Шумъ, однако, не унимался. Всѣ орали на перебой, пережевывая одно и то же па разные лады. Но больше всѣхъ бѣсновался Семень Птахъ.

— Пьемъ сивуху? приставагъ онъ, вѣдѣвшисъ обѣими руками въ рукава какого-то человѣка.

— Пьемъ, отвѣтилъ тотъ.

— И будемъ пить, кто бы ни сидѣлъ шинкарсмъ?

— Будемъ.

— Отчего-жъ у насъ дохода нѣтъ?

— А я хйба знаю!

— Какъ не знаешь! Но мы пьемъ сивуху?

— Пьемъ.

— И будемъ пить?

— Будемъ.

— А давалъ намъ Гершко 300 карбованцевъ ренды?

— Давалъ.

— Гдѣ-жъ они?

— Кто?

— А деньги, 300 карбованцевъ?

— А я хйба знаю! Ты мйръ спроси, мйръ уже знаетъ?

— Какъ не знаешь! Но пьемъ сивуху?

— Пьемъ.

И такъ продолжалась исторія, пока подъ руки Птаха не подвернулся другой, и онъ, вцѣпившись обѣими руками въ обшитые затѣйливыми узорами лацканы свиты новаго слушателя, началъ тоже самое на другой ладъ.

Тихонъ, между тѣмъ, вынырнулъ изъ корчмы и направился было къ своей телѣгѣ; но, замѣтивъ Пачарыцю, собиравшагося уже отѣхать, сунулъ кому-то въ руки свою фляжку и пустился догонять. Пачарыця не замѣтилъ приближавшагося Тихона и тронулъ съ мѣста; но Тихонъ нагналъ его, схватилъ ярмо и разомъ остановилъ бычковъ.

— Ты это куда спѣшишь? крикнулъ онъ.

— Домой пора, флегматически буркнулъ Пачарыця.

— Домой спѣшить нечего,—успѣешь.

— Го-во-ри! Скоро ночь...

— А пусть себѣ и ночь! перебилъ Тихонъ:—но какъ люди вотъ стоятъ, да объ громадскомъ дѣлѣ калякуютъ, то уже дѣлать нечего,—слѣзай!

— Какое тутъ у лысаго чорта громадское дѣло такъ поздно, да у корчмы! Хйба у насъ волости нѣтъ?

— Волость—волостью, а корчма—корчмою, возразилъ Тихонъ.—На волостномъ дворѣ иной сиромаха, можетъ, и радъ бы сказать что, да убоятся. «Хай ему всячина! думаетъ себѣ:—сбрешешь, что не ладно, старшина потомъ пакостить будетъ. А тутъ, у корчмы, да еще и выпивши, тебѣ такого наговорятъ, что власть некуда будетъ!»

Пачарыця помолчалъ съ минутой, почесалъ въ затылкѣ, затѣмъ медленно-медленно поднялся и спрыгнулъ съ воза.

Любовь Владиміровна, между тѣмъ, сидѣла на своемъ мѣстѣ и раздумывала. Масса новыхъ впечатлѣній была слишкомъ разнообразна, чтобы сразу въ ней разобраться и дать вѣрную оцѣнку фактамъ, разумѣется, по ея собственному крайнему убѣжденію. Она, поэтому, старалась ничего не думать, а только по возможности больше видѣть и запечатлѣть въ своей памяти видѣнное.

— Скажите, пожалуйста, обратилась она къ Гедзу, который вслѣдъ за своимъ спутникомъ въ эту минуту подошелъ къ телѣгѣ и сталъ собираться въ путь:—о чемъ вы это толковали все время?

— Кто, мы? переспросилъ Гедзь, не глядя на говорящую.

— Ну, да,—вы.

— А мы, панночка, тамъ съ людьми калякали такъ себѣ... про дідовы гуси, что на псарню летаютъ, да по немногу молока носятъ, отвѣтилъ Гедзь пресерьезно и, вздохнувъ глубоко, взобрался на телѣгу.

Любовь Владиміровна разсмѣялась. Она тоже хотѣла пошутить и такъ добиться настоящаго отвѣта отъ Гедза, но ее предупредилъ Тихонъ.

— А вы, чортовы дѣти, можетъ не нашей волости?! крикнулъ онъ еще издали:—куда от-то дѣдко васъ унеситъ?

Оба господаря, тронувшіе уже было съ мѣста, остановились и обернулись въ сторону Тихона.

— Нашей, говорю, вы волости, чи ни? повторилъ Тихонъ тѣмъ же задорнымъ тономъ, приблизившись къ телѣгѣ Гедза.

— Вашей. А что?

— А то, что у насъ скоро выбираютъ старшину, — не знаете развѣ?

— Какъ же, слышали, отвѣтили оба господаря разомъ.

— Ну, и что же вы думаете?

— Да ничего не думаемъ, отвѣтилъ Гедзь.

Капшукъ промолчалъ.

— Какъ же не думать? возразилъ Тихонъ: — говорить, будто Шубенко не хочетъ уже больше служить міру.

— Не хочетъ такъ не хочетъ, — другаго выберемъ.

— А про то вотъ мы тутъ за чаркою и калякаемъ, — слѣзайте!

При словѣ «чарка», оба господаря сдѣлали движеніе прыгнуть съ воза, но въ ту же минуту отдумали.

— Да мы уже тутъ и безъ того долго стоимъ, сказалъ Гедзь, не выпуская возжей изъ рукъ: — тамъ человекъ про пороснянцевъ рассказывалъ...

— Что намъ пороснянцы! перебилъ Тихонъ: — у нихъ свои дѣла, а у насъ — свои.

— Нѣтъ, намъ пора, слабо отпѣкивался Гедзь. — Вотъ и панночку доставить нужно, прибавилъ онъ, ткнувъ батономъ черезъ плечо.

— Панночку? удивился Тихонъ и только теперь впервые обратилъ вниманіе на Любовь Владиміровну, сидѣвшую грибокъ среди своихъ узловъ и чемодановъ.

— И панночка подождетъ, продолжалъ онъ съ подобострастной улыбочкой, точно просилъ прощенія: — погода хорошая, ясная; дождь на нихъ не падаетъ; онѣ и посидятъ, — такъ, чи ни?

— Я ихъ и не тороплю, живо встала Любовь Владиміровна: — сдѣлайте одолженіе! Говорите, сколько душѣ угодно — хоть до полночи.

— Такъ слѣзайте же! — нетерпѣливо крикнулъ Тихонъ обомъ господарямъ и, не заботясь больше объ «панночкѣ», направился къ своей телегѣ.

Оба чортонхаевскіе господаря нерѣшительно прыгнули съ

телѣгъ и побрели вслѣдъ за нимъ въ толпѣ, гдѣ въ ту минуту больше всѣхъ бушевалъ Семень Птахъ. Онъ затесался въ самый центръ и, черпая вдохновеніе изъ чарки, оралъ безъ передышки.

Видъ площади передъ корчмою мало по малу измѣнился. Многіе разѣхались или разошлись въ разныя стороны, а тѣ, которые все еще оставались или подъѣзжали, образовали одну сплошную массу. Вышелъ, такимъ образомъ, импровизированный мірской сходъ, со всѣми его типичными свойствами и особенностями,—съ тѣми же страстными спорами, съ тою же легкой, остроумной перебранкой въ иносказательной формѣ и съ тѣми-же соглашеніями и поддакиваніями. Тутъ всплыло все. Вырывались изъ-подъ спуда давнымъ давно забытыя «грѣхи» и промахи отсутствовавшего старшины и градомъ сыпались укуры на его голову. Самъ Тихонъ хотя тоже былъ пьянъ, но гналъ свою «политику» довольно искусно. Онъ воздерживался по возможности отъ критическихъ замѣчаній и въ качествѣ суфлера только поддразнивалъ другихъ многозначительными недомолвками и намеками, наигрывая на всѣхъ слабыхъ стрункахъ мірскихъ крикуновъ. Всѣ волновались, орали наперебой, не выслушивая другъ друга и невольно играя въ руку Тихону. Одинъ только Пачарыця молчалъ и глядѣлъ упорно въ землю, какъ бы группируя всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ всего, что говорилось кругомъ.

— Гонится какъ бы за лисицею, а стрѣляетъ въ зайца... сказалъ кто-то, глянувъ на Пачарыцю и лукаво мигнувъ глазами въ сторону Тихона.

— Э-ге, хмуру поддавнулъ Пачарыця:—уже какъ ему что приглянется, то хоть бы гадюка лежала, такъ согналъ бы да украсть...

— Уже-жъ мы его два раза провалили,—чего-жъ онъ теперь еще въ третій разъ суется?

— Охота, значить, буркнулъ Пачарыця и покачалъ головою.

Полчаса спустя Гедъ выдѣлился изъ толпы, точно отор-

вался отъ привязи, подошелъ къ телѣгѣ и сталъ поправлять запутавшуюся упряжь. Минуту спустя изъ толпы выдѣлился и Капшукъ. Оба господаря были теперь, по выраженію Гедза, «трѣхи пидъ хѣремъ»; оба были красны, точно сейчасъ только изъ бани вышли; у обоихъ были весьма оживленные лица и осоловѣлые глаза.

— А вы, панночка, вѣрно уже и соскучились, сказалъ Гедзь отечески-добродушно, живо распутывая возжи и поглядывая въ тоже время насмѣшливо на Любовь Владиміровну.

— Нѣтъ, не соскучилась, отвѣтила она задумчиво.

Ей бы очень хотѣлось знать, какъ подѣйствовала агитация Тихона на этихъ господарей, да не рѣшалась спросить. Она очень хорошо помнила почти все, что говорилъ Тихонъ и какъ онъ говорилъ; передъ глазами все еще рисовалась его высокая, немного сутуловатая фигура, съ оживленнымъ лицомъ, горящими, какъ пара горячихъ угольевъ, глазами и предательской улыбочкой на губахъ!

Говорить онъ не иначе, какъ убѣдительно, думала Любовь Владиміровна, глядя на проходившій мимо телѣги ярмарочный людъ:—замѣчается въ немъ много типичныхъ чертъ деревенскаго кулака. Однако видно, что онъ все таки не писанный кулакъ, а что-то особенное, своеобразное — Федотъ да не тотъ»...

— Добрый изъ него былъ бы голова, произнесъ кто-то вблизи.

Это говоритъ Дзыпница, шагая не совсѣмъ твердо мимо телѣги Гедза.

— Уже голова такъ голова! — продолжалъ онъ, какъ бы про себя.

— Э-ге, совершенно равнодушно поддакнулъ Гоглобя.

— А будетъ-же онъ головою?

— Кто?

— Да сосѣдъ твой, Тихонъ?

— А кто его зна!

— Ты же самъ какъ думаешь?

«устон», ММ 9 и 10, отд. 1.

— Какъ я думаю?—переспросилъ Гоглобля, какъ бы не-
сказанно удивляясь, что его заподозрили въ томъ, будто и
самъ онъ также можетъ думать.

— Э-ге, ты.

— Какъ выбереть мѣръ, то и будетъ, рѣшилъ Гоглобля.

Гедзь, между тѣмъ, кончилъ свою возню съ лошадками и
взобрался на телѣгу.

— А что, кумъ,—слыхалъ?—крикнулъ онъ, не оборачива-
ясь:—все поровиль: «какъ бы я... да какъ бы меня»...

— Ге!—усмѣхнулся Капшукъ:—ще не зловѣвъ, а уже ску-
бытъ...

Гедзь даже плечами пожалъ.

— А такъ добрый рыбалка этотъ Тихонъ, проговорилъ
онъ и тронулъ съ мѣста.

— Э-ге, поддакнулъ въ догонку Капшукъ:—какъ закинетъ
удочку въ чужую будочку, такъ и тянетъ — не кожухъ, то
свытечку...

...-Ты, Соничка, удивлялась, что я именно теперь взду-
мала отложить экзамень до осени и отправиться въ совер-
шенно незнакомую мнѣ деревню, — писала Любовь Влади-
мировна на другой день своему другу, слушательницѣ медицин-
скихъ курсовъ, Софьѣ Соболевской:—называла мой поступокъ
капризомъ, эксцентричностью... Такъ выслушай-же мою повѣсть.
Она будетъ не длинна, повѣсть эта, не занимательна и не
поучительна; за то ты убѣдишься, что если мною и руково-
дилъ что нибудь въ этомъ случаѣ, то ужъ меньше всего экс-
центричность».

Повѣсть въ романѣ.

Тебѣ, Соничка, извѣстно, а если неизвѣстно, то да будетъ тебѣ извѣстно, что я—одна изъ тѣхъ счастливиць міра сего, объ которыхъ судьба, еще за долго до ихъ появленія на свѣтѣ, заботится, чтобы жилось имъ тепло и привольно. И до шестнадцати-лѣтняго возраста я прожила, какъ живутъ всѣ избранники судьбы, въ счастливомъ невѣдѣніи всего, что творится на бѣломъ свѣтѣ; смотрѣла на міръ Божій сквозь розовую призму и искренно думала, что все на свѣтѣ именно для того и существуетъ, чтобы доставлять мнѣ всевозможныя удовольствія и наслажденія. Но настоящій праздникъ жизни наступилъ для меня по выходѣ изъ института. И татап, и сестра Вагге, и братъ Риегге наперерывъ вывозили меня въ «свѣтъ»; я рядилась, какъ оно и подобаетъ первой невѣстѣ въ губерніи; сама съ ума сходила, другихъ съ ума сводила и вообще дѣлала «успѣхи». А между тѣмъ, пока я предавалась удовольствіямъ съ беззавѣтностью институтки, вырвавшейся на свободу, у меня почти подъ самымъ носомъ произошло что-то, чего я не замѣтила. А когда я оглянулась, то кругомъ меня уже было пусто, и я почувствовала себя страшно одинокою среди «свѣта.» И Вѣрочка, и Лидочка, и Варинька—помнишь? я тебѣ объ нихъ говорила—отлынули, и стала я ихъ встрѣчать не въ «свѣтѣ», а случайно гдѣ нибудь на улицѣ. На нихъ точно повѣтріе нашло; вѣчно скучаютъ, какъ муравьи кругомъ потревоженнаго муравейника—суетливо и очень озабоченно; одѣваются просто искообразимо, а Варинька—о, ужась!—и волосы подрѣзала!.. Даже тихоня—Машенька, которая въ институтѣ двухъ словъ не умѣла сказать, чтобы на третьемъ не покраснѣть до корней волосъ—и та напаяла на себя поверхъ юбки кумачевую блузу, перехватила талію кушакомъ и тоже вѣчно суетится, вѣчно бѣгаетъ, какъ оглашенная, и, туда же, не узнаетъ меня при встрѣчѣ!..

Долго я крѣпилась, показывала видъ, что совсѣмъ не замѣчаю этого пренебреженія, наконецъ не выдержала и встрѣтивъ какъ-то разъ Вариньку, пристала прямо, какъ съ ножомъ къ горлу: скажи, молъ, что такое у васъ дѣлается?

Варинька, видимо, была озадачена и отвѣтила уклончиво, а потомъ, подумавши не много, въ свою очередь спросила.

— А читала ты Лассала?

— Нѣтъ, говорю:—не читала.

— Ну, такъ прочти, говорить:—а потомъ мы ужъ съ тобою потолкуемъ.

И вотъ я, раба Божья, добыла Лассала, прочла очень внимательно и на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ и ничего не поняла. Т. е. понять-то я поняла Лассала; но никакъ не могла сообразить, какое отношеніе могли бы имѣть всѣ эти Лассалевскія пертурбаціи къ суетѣ Вариньки и какая существенная связь между агитаціей Лассала и шаловливо небрежнымъ костюмомъ Лидочки. Сунулась было я къ Машенькѣ, думала: проступка, такъ скорѣе толку добьешься. Но и тутъ ошиблась. Машенька съ первыхъ же словъ моихъ страшно растерялась, перетрусилась, и не нашлась, что сказать. Потомъ надумала.

— Ты прочти «Знаменія времени», потомъ — «Одинъ въ полѣ не воинъ», сказала она и по старому же покраснѣла:— а потомъ...

— А потомъ-что?

— Потомъ... Ну, потомъ — «Исторію одного крестьянина»... Мы вѣдь всѣ прежде всего это читаемъ...

Надо тебѣ знать, Соничка, что я многое уже читала; читала, какъ водится, и много всякой дребени, но именно упомянутыхъ Машенькой вещей я не читала,—ясно, значитъ, почему изъ всѣхъ я одна осталась ветхимъ человѣкомъ. Дѣлать нечего, надо было поскорѣе пополнить этотъ пробѣлъ. Съ немовѣрнымъ трудомъ добыла я «Знаменіе времени», стала читать и—не дочитала до конца: вся исторія показалась мнѣ не просто дребеденью, а таки настоящимъ абсурдомъ, и у меня отпала всякая охота читать и все прочее, необходимое

для того, чтобы сдѣлаться новымъ человекомъ. На гвоздяхъ спать и не пробовала, вопючей колбасы въ ротъ не брала и объ «дѣлѣ» не толковала. Перваго я не дѣлала потому, что ужь черезъ чуръ сильно вкоренились во мнѣ привычки ко всему изыщному, и я, по глупости своей конечно, полагала, что въ мѣръ не измѣнится ни къ лучшему, ни къ худшему отъ того, что я по прежнему буду спать на своемъ мягкомъ матрацѣ; объ «дѣлѣ» я не толковала потому что я, тоже конечно по глупости своей, мыслила конкретно, т. е. объ вещахъ и по поводу вещей и абстрактнаго сужденія совсѣмъ не могла понять, не приурочивъ его къ чему нибудь конкретному. «Дѣло», «польза», «идея» переносились мною на реальную почву и судила я обо всѣхъ этихъ понятіяхъ по столько, по сколько они казались мнѣ важными въ приложеніи къ тому или другому конкретному предмету. Я, напримѣръ, не могла произносить слово «дѣло», если не понимала до мельчайшихъ подробностей того дѣйствія, которое слѣдовало совершить и слѣдствій, какія вытекали непосредственно изъ этого дѣйствія. «Новые люди», такимъ образомъ, были мнѣ не по плечу, великіе люди до смерти надоѣли, и я очутилась по серединѣ; отъ одного берега оторвалась, къ другому пристать не могла. Теперь, Соничка, мнѣ все это кажется смѣшнымъ; но тогда — помню — мнѣ было не до смѣха. Это была страшная полоса въ моей жизни; ничего я не понимала ясно, постоянно мучилась, постоянно хандрила и рѣшительно не могу сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы на помощь не явился «онъ».

«Онъ» былъ хорошей знакомый, очель серьезный, но все не «новый человекъ», одѣвался не какъ пугало, а прилично; шляпу носилъ самую обыкновенную, а не съ огромнѣйшими полями на подобіе крыльевъ вѣтряной мельницы: молодыхъ барышень не развивалъ и даже бѣгалъ ихъ по возможности, въ дракахъ съ городскими у театральнаго подъѣзда участія не принималъ, въ экипажи любимыхъ артистовъ не запрягался и, вообще, велъ себя, какъ самый обыкновенный:

смертный. Мнѣ «онъ» тогда былъ еще чужой человѣкъ, и за совѣтами и разъясненіями я бы къ нему не полѣзла, да онъ бы ихъ и не далъ. Только разъ какъ-то встрѣтились мы съ нимъ въ театрѣ и заговорили о томъ, о чемъ обыкновенно заговариваютъ съ знакомыми въ театрѣ во время антрактовъ.

— Что подѣлываетъ ваша сестрица? — спросилъ между прочимъ «онъ».

— Благодарю васъ, говорю:—здорова, она живетъ теперь съ мужемъ въ деревнѣ.

— А Рісге?—Онъ все на виду?

— О, да!—ташан говоритъ, что его оживаетъ блестящая карьера; его любятъ; даютъ ему поощренія. На Рождество 500 рублей наградныхъ получилъ, и купилъ на нихъ люстру... Ахъ, что за прелесть!...

— На 500 рублей люстру!—вырвалось у него и, повидному, совершенно невольно:—но вѣдь для того, чтобы собрать недолжку въ 500 рублей, нужно продать все движимое почти цѣлой деревни!...

Кажись, что такое сказала «онъ»?—вѣдь ровно ничего?—Я, можетъ быть, сотни разъ слышала что нибудь подобное и съ разными варьяціями. А тутъ вдругъ слова эти застѣли мнѣ въ голову, да такъ, что и гвоздемъ бы не вышибла. Совершенно невольно я думала объ этомъ, обо многомъ другомъ, что до тѣхъ поръ казалось не совсѣмъ нормальнымъ, и наконецъ, все мало по малу предстало въ совершенно новомъ для меня свѣтѣ. Особенно долго, помню, занимала меня одна картина, которую я когда-то видѣла и забыла, но которая теперь вдругъ снова воскресла въ моей памяти съ поразительной отчетливостью.

Это было лѣтомъ въ деревнѣ. Я возвращалась изъ купальни пѣшкомъ и наткнулась на такую группу: одинъ мужикъ съ медалью на груди, другой—съ бляхой тащи свинью одною рукою за уши, другою за хвостъ. Свинья упиралась, страшно визжала, и всѣ трое медленно подавались впередъ. А слѣдомъ за этой группой бѣжала старуха—босая и растрепанная и го-

лосила на все село, какъ по покойнику. Это мнѣ показалось тогда очень трогательнымъ, но и очень комичнымъ. Я тогда не понимала, что происходило передъ моими глазами; ни малѣйшаго понятія ни о недоимкахъ, ни о налогахъ я не имѣла и совсѣмъ не подозрѣвала даже, чтобы у людей ни за что, ни про что требовали денегъ. И вотъ опять всплыла передъ глазами эта картина, но уже получила особенное значеніе. Вотъ, думалось мнѣ, продали свинью: продали множество другихъ свиней, бычковъ, барановъ, телятъ. Надъ каждымъ педѣльнымъ было пролито цѣлое море слезъ, высыпаны цѣлые ворохи причитаній и составилаась сумма въ 500 рублей. А Ріегге получилъ эти деньги въ видѣ наградныхъ, расписался, и по дорогѣ, не заѣзжая даже домой, завернулъ въ магазинъ и купилъ люстру... Воображеніе помимо моей воли разнообразило эту картину до безконечности и каждый разъ, дорисовавши до конца, начинало работать въ другомъ направленіи: Ріегге получилъ 500 рублей наградныхъ—хорошо. Но за что онъ получилъ награду? и за что онъ, вообще, получаетъ 2500 рублей въ годъ жалованья?—Что такое самъ Ріегге, если ужъ признаться по чистой совѣсти?—Ріегге, между нами будь сказано, немножко волокита, немножко фать—въ гостинной и важный администраторъ—въ канцеляріи. Какъ это совмѣстить?—И бы не рѣшилась, Соничка, взглянуть на брата, когда онъ съ дѣловымъ видомъ сидитъ въ канцеляріи,—не рѣшилась бы потому, что расхохоталась бы до слезъ. Я могу себя вообразить Ріегг'а въ вальсѣ, въ лапсѣ;—особенно гонде опъ ведетъ мастерски,—въ хвостѣ замуженныхъ львицъ, но никакъ не за серьезнымъ дѣломъ. И такъ, Ріегге отличный танцоръ, первый сердцеѣдъ и получаетъ крупное жалованье и 500 рублей наградныхъ,—тѣ самые 500 рублей, которые...

Вотъ когда, Соничка, наступилъ для меня пастоящій періодъ шатавія и метанія изъ стороны въ сторону. И Господи!—чего—чего только не было!—И социологія, и фельдшерскіе курсы, и акушерскія лекціи, и просто переливаніе изъ пустого въ порожнее,—все это чередовалось одно за другимъ

и ни изъ чего, разумѣется, никакого толку не выходило. Я на все набрасывалась съ одинаковой энергіей: знать побольше, дѣлать что нибудь, быть хоть чѣмъ нибудь полезной—это сдѣлалось для меня настоящей пассіей. Мои неудачи меня только раздражали и больше подзадаривали, и жажда дѣлать что нибудь, быть въ состояніи платить за то, чѣмъ пользуюсь, во мнѣ все больше и больше разгоралась. Какъ всякій неопитъ, и я, конечно, не преминула внасть въ крайность и—смѣшно подумать!—дошло до того, что я куска не съѣдала, чтобы не подумать, откуда и какъ онъ взялся, кто его добылъ, и какъ онъ ко мнѣ на тарелку попалъ, когда сама я и пальцемъ о палецъ не ударила. Ваге, напримѣръ, толкуетъ мнѣ о какой-то модной шляпкѣ, о кружевахъ, о послѣднемъ фасонѣ шелковаго платья, а я слушаю и—ничего не понимаю: въ моемъ умѣ вращаются разныя соображенія на счетъ добыванія и выдѣлки шелка; является любопытный вопросъ. во что одѣваются тѣ, которые производятъ этотъ самый шелкъ, чѣмъ они питаются и всякое такое несообразное, и я ставлю въ тупикъ бѣдную Ваге своею разсѣянностью и невнимательностью.

Мнѣ теперь страшно становится, когда вспомню эту полосу времени. Это была не жизнь, а какой-то тяжелый кошмаръ, который давилъ съ немовѣрной силой. А «онъ»—ничего. Говорю:

- Я теперь слушаю фельдшерскіе курсы.
- Ваше дѣло, отвѣчаетъ.
- Но вы какъ думаете?
- Это на счетъ чего-же?
- Да на счетъ тѣхъ же самыхъ фельдшерскихъ курсовъ?
- Ничего не думаю.
- Но фельдшеръ можетъ быть несравненно полезнѣе народу, чѣмъ акушерка?
- Вы почему-же знаете?
- Какъ почему?—Вѣдь это ужъ извѣстно... Народъ больше нуждается въ медицинской помощи, чѣмъ въ акушеркахъ.

— А вы знаете народъ?

Повнимаешь-ли, Соничка?—Я мечусь, какъ угорьлая, единственно потому, что желаю быть чѣмъ нибудь полезной народу, т. е. производительному классу людей, и вдругъ я должна сознаться, что народа-то я и не знаю. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, судить объ народѣ по Шевченку, потому что «Наймичка», «Бандуристь» и проч.—только возвышенная поэзія, а не народъ. Но нельзя также судить объ народѣ и по горничной Дунькѣ, потому что это ужъ черезъ чуръ грубая проза, но тоже не народъ. Дунька только и норовитъ, какъ бы стащить у меня ленту, пли другую какую пеструю тряпку, принарядиться и бѣгать въ сумерки за калитку, а въ случаѣ уликъ въ покражѣ, нахально увѣрять, что это—не украденное, а ея кровная собственность. За Дунькой водится и еще одна скверная привычка: она каждыи мѣсяцъ обладаетъ новымъ братомъ и непременно какинъ нибудь унтеромъ въ сажень ростомъ. Эти «братья» падошли, наконецъ, до того, что, нанимая новую горничную, я ставлю ей непремѣннымъ условіемъ, чтобы она была безъ «брата». Горничная соглашается. А прошло нѣсколько дней, смотришь—за угломъ, на тротуарѣ, ужъ торчитъ какой нибудь дьяволъ и караулить.

— Дунька!—Палашка!—кричишь:—кто такой торчитъ тамъ вѣчно?

— Братъ, отвѣтитъ застѣнчиво Палашка, опустивъ глазки къ полу. Какой-же это «народъ»?—Нѣтъ, это не народъ, это чортъ знаетъ что, отщепенцы какіе то, поддонки народа. Настоящій народъ тамъ, въ деревнѣ. И чтобы познакомиться съ нимъ, надо пожить въ деревнѣ...

Спросишь: Ну, а что же татап?—Какъ она относилась къ мовимъ затѣямъ?

Но надо тебѣ знать, Соничка, что моя татап сама либеральная женщнна, состояла и поднесъ еще состоитъ членомъ разныхъ дамскихъ кружковъ съ прелестнѣйшими намѣреніями и, какъ продуктъ своего времени, заражена немного духомъ сомнѣнія и отрицанія; но—главное,—она меня обожаетъ и, слѣ-

довательно, все, что бы я ни стала дѣлать, не можетъ быть не хорошо. Только впослѣдствіи, замѣтивъ мое сближеніе съ «нимъ» она нѣсколько встревожилась: ей почудилась какая-то опасность, которая будто бы мнѣ угрожала, и она хотѣла уберечь меня. Въ сороковыхъ годахъ, взволнись ли видѣть, языкомъ можно было молоть всякій вздоръ, но дальше дѣло не доходило, потому что тогда всякій зналъ свое мѣсто, а теперь... теперь всяко бываетъ. Ну, а татап очень дорожила моими «успѣхами» въ «свѣтѣ» и, сомнѣваясь и отрицая, строила на счетъ моего замужества самые радужные планы. Раза два татап дѣлала мнѣ сцены; наконецъ я категорически заявила ей, что о замужествѣ моемъ и думать нечего, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, и она успокоилась.

И такъ, рѣшено было пожить въ деревнѣ. Я запаслась дипломами фельдшерицы и акушерки, выбрала мѣстность поудобнѣе — вблизи желѣзнодорожной станціи и не очень далеко отъ города — и, выпроводивъ татап за границу, сама отправилась въ деревню, поселилась и — пришла въ отчаяніе.

Сначала все пошло распречудесно. Меня очень скоро полюбили и чуть-ли даже не на рукахъ носили. Въ моемъ акушерствѣ никто не нуждался, потому — какъ это молоденькая «панночка» да вдругъ повитуха! — Старая баба — другое дѣло: она на своемъ вѣку разные виды видала, она и можетъ «бабить», а молоденькая «панночка» — куда-жъ ей! — Чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, меня однако «звали»; раза два я бѣгала, а въ третій отказалась: я убѣдилась, что во мнѣ совершенно не нуждаются. Въ медицинской помощи нуждались и даже сильно нуждались, да мои познанія были равны нулю, и я, при всемъ своемъ желаніи, ничего сдѣлать не могла: стою у кровати больной и ничего не понимаю; она плачетъ, и я плачу, в кончаю тѣмъ, что дамъ деньги и совѣтую послать за докторомъ въ городъ. Убѣдившись на первыхъ же порахъ въ полнѣйшей неспособности моей подготовки, я занялась физическимъ трудомъ. Вѣдь вотъ, думала я, Варенька, Лидочка и другія исключительно этимъ и занимаются въ деревнѣ, увѣ-

рая, что ничего другого отъ нихъ деревнѣ и не нужно. А я чѣмъ же хуже другихъ?

Мнѣ и тутъ помогали: водили въ поле, давали въ руки серпъ, показывали, какъ жнуть, какъ ходить за косарями съ граблями, а я съ горяча усердствовала, не замѣчая лукавыхъ насмѣшекъ и не обращая вниманія на то, что съ меня—тоже не безъ лукавой-насмѣшки—требуютъ платы и за «науку», и за порчу матеріала. Я платила за все очень щедро и, наконецъ, замѣтила, что все это какая то безконечная обоюдная мистификація—съ моей стороны невольная, а со стороны мужичковъ умышленная: дурачить панночку, которая за все благодарна, за все даетъ «на водку», имъ, повидимому, очень нравилось, а я въ простотѣ своей душевной думала, что дѣло дѣлаю. Ко мнѣ то и дѣло ходили бабы, плакали на свою судьбу, и я помогала, чѣмъ могла, а потомъ—къ своему изумленію—я встрѣчала тѣхъ же бабъ въ безобразно пьяномъ видѣ. Сначала я и на это не обращала ни малѣйшаго вниманія, а потомъ, когда стала вдумываться въ мои отношенія къ окружающимъ, оцѣнила и это по достоинству... Гадко, отвратительно стало мнѣ на душѣ; стыдно было и за себя, и за другихъ, которыхъ, вѣроятно, мистифицируютъ такъ же, какъ и меня, а можетъ быть и еще грубѣе... Я покинула деревню, убѣдившись, что и трудъ, и время были потрачены совершенно даромъ, что я ничему не научилась, ничего не вынесла, кромѣ одного: если мы, интеллигентные люди, чѣмънибудь и нужны деревнѣ, то исключительно одними знаніями. Физическій же трудъ интеллигентнаго человѣка, если онъ одинъ только и имѣется въ виду—не болѣе, какъ самая бессмысленная, самая жалкая профанація идей: трудъ физическій—не только трудъ, но и наука, своего рода, разумѣется и неучившемуся физическому труду взяться за него только потому, что это похвально—тоже, что неучу взобраться на кафедру. Это, кажись, простая истина, а ее не понимали!..

Поразмыслила я хорошенько обо всемъ этомъ и рѣшила приобрѣсть прежде всего знанія, не заботясь о томъ, кому они

понадобятся, т. е. поступить на курсы. Но противъ этого рѣшенія протестовала татап и на этотъ разъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ я предполагала. И не удивительно: иное дѣло сомнѣваться и отрицать, иное дѣло медицинскіе курсы. Первое опратно и во всякомъ случаѣ нисколько не рискованно. Но совсѣмъ не то медицина: медикъ приходитъ ежеминутно въ соприкосновеніе со всякаго рода заразительными болѣзнями, рискуетъ здоровьемъ и даже самой жизнью. Главное же, какъ это я стану выслушивать солдатскій бредъ?—Это татап казалось просто чудовищнымъ. Она, разумѣется, не знала и до сихъ поръ не знаетъ, какимъ образомъ люди дѣлаются медиками; не имѣла ни малѣйшаго понятія о клиникѣ, о препарировочной; не знала, что запахъ въ комнатѣ больного—пріятный ароматъ въ сравненіи съ запахомъ въ анатомическомъ театрѣ, а солдатскій бредъ—ни что въ сравненіи съ препарированіемъ, а была только чуточку знакома съ манерой бреда нашего солдата...

Въ жизнь свою татап много разъ случалось навѣщать горячечныхъ больныхъ, присутствовать при ихъ горячечномъ бредѣ; рара умеръ отъ перитонита, которому предшествовалъ брюшной тифъ,—но все это былъ бредъ интеллигентный, т. е. рѣчи были бессмысленныя, но ничего особенно непривличнаго въ нихъ не было. Но разъ ей довелось слышать солдатскій бредъ. Не помню, при какихъ именно обстоятельствахъ, но она навѣщала, по обязанностямъ кружка, одно семейство, гдѣ былъ больной солдатъ. Раза два дѣло сходило благополучно: больной или бывалъ въ совершенномъ забытїи и только слабо стоналъ или же метался и бормоталъ что-то безсвязное. Въ третій разъ онъ заговорилъ — тоже безсвязно, но очень разборчиво: сначала пустилъ нѣсколько крупныхъ словечекъ изъ своего сжатаго и выразительнаго военнаго лексикона, потомъ загнулъ тоже самое въ три этажа и, наконецъ, пошелъ варьировать тоже самое до безконечности...

Это случилось очень давно, но было совершенно достаточно, чтобы учредившіеся впоследствии курсы встрѣтили въ

лицѣ татаи самую ярую антагонистку. И вдругъ—можешь себѣ вообразить—ея Любявка жемлетъ сдѣлаться слушательницей этихъ самыхъ курсовъ!..

Не стану распространяться о борьбѣ, которую пришлось выдержать—не стоитъ. Скажу только, что на этотъ разъ она была не шуточная, хотя я и играла болѣе пассивную роль. Противъ меня ополчились и татаи и Pierre, и Varbe, и весь «свѣтъ». Всѣ говорили, спорили, соглашались и, разумѣется, не иначе, какъ въ либеральномъ духѣ.—Ахъ, та chère!—вскричала генеральша Пупкина, узнавъ о моемъ намѣреніи:—вѣдь эти курсистки баюдерками одѣваются!.. Но больше всѣхъ пенствовалъ Pierre. Онъ ничего не отрицаетъ и ни въ чемъ не сомнѣвается, но это ему нисколько не мѣшаетъ считать себя либераломъ. Онъ и доказывалъ весьма либерально, что двигать прогрессъ—дѣло не женское вообще, и не мое—въ частности, расписывалъ, чего собственно добивается «тотъ сортъ» женщинъ, стремящихся въ самостоятельности и угрожалъ, что ежели я буду продолжать «сумасбродствовать», то онъ вынужденъ будетъ войти съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ, о дозволеніи переимѣнить фамилію, которую я позорю. А когда пришло время ѣхать въ Петербургъ, всѣ собрались и устроили самые лучшіе проводы, такъ что, глядя со стороны, можно было подумать, что не только никто изъ нихъ никогда противъ моего поступка ничего не имѣлъ, но что я, напротивъ, исполняю самое завѣтное желаніе всѣхъ.

Тутъ казалось бы и конецъ всѣмъ моимъ шатаніямъ,—не такъ ли?—Многое то вѣдь было уже пережито, нѣкоторый опытъ хотя и съ немонѣрнымъ грузомъ, но таки приобрѣтенъ и, повидимому, оставалось уже идти прямою дорогою къ намѣченной цѣли. Но не тутъ то было. Не успѣла я обжиться и привыкнуть къ своему новому положенію, какъ опять возсталъ тотъ же мучительный вопросъ: для кого и для чего я учусь?—Положимъ, у меня будутъ знанія, и я, присутствуя при постели больного, уже буду знать, что съ нимъ такое.

Мое самолюбіе будетъ удовлетворено; ну, а дальше что?— Развѣ дѣло въ медицинскомъ совѣтѣ?—Нѣтъ вѣдь; медицинскій совѣтъ самъ по себѣ еще только второстепенная вещь; важнѣе: въ состояніи-ли больной выполнить этотъ совѣтъ. А какъ я это могу знать, не зная больного?—Но допустимъ даже, что все будетъ идти своимъ чередомъ: я въ деревнѣ буду, что называется, на своемъ мѣстѣ; люди станутъ обращаться ко мнѣ, а не къ своимъ знахарямъ и знахаркамъ; рецепты они будутъ носить въ аптеку, а не станутъ варить прямо изъ подъ моего пера въ водѣ и пить эту воду или полоскаться ею; полученныя микстуры (за деньги или бесплатно) они будутъ употреблять именно такъ, какъ было прописано, ничего не проверяя, — положимъ, говорю, все это будетъ; но что же все-таки изъ этого?—Для меня-то вѣдь все это еще только средство, но не цѣль, и та руководящая идея, въ силу которой я дѣлаюсь медикомъ, все-таки остается ни при чемъ. Почему?—Да потому же, что я не знаю народа, его міросозерцанія, его идеаловъ да и вообще не знаю жизни...

Осталось послѣднее и, какъ я была вправѣ предполагать, самое подходящее къ моему положенію средство—обратиться къ современной литературѣ, которая должна отражать въ себѣ жизнь.

До тѣхъ поръ я читала то, что читаютъ обыкновенно всѣ интеллигентные люди, не посвятившіе пока себя никакой специальности, т. е. читала, большею частью, популярно-научныя статьи; читала и беллетристику, но въ извѣстныя всѣмъ интеллигентнымъ людямъ минуты, т. е. когда ничего серьезнаго въ голову не лѣзетъ—послѣ обѣда или вечеромъ, на сонъ грядущій—и притомъ такъ, что порою прочту только начало, порой начну съ середины или прямо съ конца, а если очень заинтересуетъ, то когда нибудь и начало просмотрю — и ничего: сходило отлично. Теперь я съ особенной живостью, почти лихорадочно, стала глотать все, что ни попадалось, слѣдя преимущественно за статьями изъ народнаго быта. Но, Боже! какъ мучило меня это чтеніе! — Неужели, думала я, все это,

не шутя, дѣйствительность?!—Неужели народъ таковъ, какимъ его здѣсь изображаютъ?!—Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ!—Я вотъ не знаю народа, а убѣждена, что передо мною фигурируетъ карриатура на народъ, но не самъ народъ. Такъ и видишь, что каждый герой изъ народа—болванчикъ, на которомъ навѣшаны личныя убѣжденія автора, но не живой человѣкъ съ своимъ дѣйствительнымъ міросозерцаніемъ, и все вмѣстѣ—плодъ фантазіи и личныхъ выводовъ автора, ни для кого не обязательныхъ и ровно ничему не научающихъ. Общдаго критерія въ нихъ нѣтъ и слѣда, а о формулѣ ужъ и говорить нечего: ея нѣтъ и подавно. Мало того. На всякомъ обстоятельстве, на всякой фигурирующей личности такъ и отпечатлѣлась личность автора съ своими субъективными свойствами и особенностями. Герой изъ народа мелькаетъ передъ глазами, какъ будто и живой—въ зипунѣ, въ опоркахъ, часто безъ шапки, растрепанный и даже въ совершенно пьяномъ видѣ, а непременно снабженъ не одними задатками, но и всѣми налицыми качествами возвышенной души. Что все это черезъ чуръ слащаво и, видимо, въ ущербъ правдѣ—это бросается въ глаза даже и непосвященному въ тайны искусства. По всѣмъ даннымъ, такъ и видишь, что зипунъ—архиплутъ и ему мѣшаютъ являться таковымъ передъ глазами читателя только выбранныя (часто весьма неудачно) постороннія обстоятельства. А авторъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вѣнчаетъ его растрепанную бабку лавровымъ вѣнкомъ и въ эдакомъ видѣ благополучно проводитъ его передъ глазами читателя до конца. Тошнѣ глядѣть, хотъ глаза закрой. Вздумала было я выразить это мнѣніе вслухъ, такъ мнѣ возразили, что автору эта манера писать прощительна, потому что онъ влюбленъ въ народъ и видитъ въ немъ однѣ только лучшія его стороны. Автора, конечно, простить можно, но и читать его не зачѣмъ, потому—влюбленный... Такъ я и сдѣлала—простила и больше не стала читать.

Но не болѣе утѣшительнаго вынесла я изъ чтенія романовъ и повѣстей не изъ народнаго быта. Порѣшивъ разъ на

всегда, что чтение это необходимо, я подвергала себя этой пытке и читала, читала добросовѣстно, отъ доски до доски, ничего не пропуская. Но каждый прочитанный романъ, каждая прочитанная повѣсть ничего, кромѣ злобнаго чувства, по себѣ не оставляли. Сама посуди, Соничка: тянутся передъ тобою какіе-то длинны-предлинныя монологи, діалоги, описанія мѣстностей, жилищъ, и все это такъ вяло, такъ скучно и нехитро сплетено; поминутно у меня вырывается зѣвокъ въ три версты. Всѣ думаютъ, что это есть жизнь, психическій анализъ, а я вижу, что это неправда, что это, въ сущности, вздоръ, бредъ автора, герои котораго чувствуютъ и думаютъ ни глубже, ни возвышеннѣе, ни умнѣе и—что еще хуже, ни глупѣе, чѣмъ самъ авторъ, и сдается мнѣ, что если вмѣсто всѣхъ этихъ монологовъ подставить какіе нибудь другіе, то дѣло отъ этого нисколько не потерпитъ. А вдобавокъ ко всему этому, если, добравшись благополучно до конца, вздумаешь спросить: ну, а что же изъ всего этого вышло? — то, подумавши хорошенько, приходится отвѣчать: а ничего. Я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало... Но это еще куда ни шло!—Кто какъ можетъ, тотъ такъ и поетъ; замѣчательно вотъ что: въ жизни уже въ полномъ разгарѣ нѣчто такое, что вѣроятно займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Россіи, а въ литературѣ, отражающей «дѣйствительную жизнь» — тишь да гладь, да Божья благодать; выводятся все какіе-то идеальныя чиновники, добродѣтельныя гимназисты, идеализированныя барышни и чуть ли даже не аркадскіе пастушки, точно эти именно элементы и «дѣлаютъ» исторію!.. Есть, конечно, и во всѣхъ этихъ вещахъ какая нибудь мизерная идея (какъ ты говоришь: «индѣйка»), но она болтается, какъ скорлупка въ морѣ и чтобы выловить ее, нужно проглотить нѣсколько сотенъ страницъ всякаго вздора. А между тѣмъ, и всю-то исторію можно передать съ большею пользою и съ несравненно большимъ интересомъ на нѣсколькихъ страницахъ. Но бываетъ и хуже: попадаются вещи, въ которыхъ уже ровно ничего нѣтъ и второя бьютъ на эффектъ

единственно тѣмъ, что дѣйствуютъ на неизменные инстинкты читателя, возбуждая въ немъ эротическіе восторги... И все это выдается за отраженіе дѣйствительной жизни, которая кого-то должна поучать чему-то..

Но можетъ быть оно и вѣдъ такъ; можетъ быть все это и впрямь кого-то поучаетъ чему-то; но мнѣ-то, мнѣ-то какое же дѣло до всего этого? — Я-то чему же могу научиться? — Я оставила далеко позади себя всѣ тѣ мотивы, на которые тянутся эти безконечно длинныя, скучныя пѣсни; все это меня больше интересовать не можетъ. Положимъ, попадаются художественныя мѣста и художественныя вещи въ цѣломъ, да вѣдъ мы, русскіе, на этотъ счетъ избалованный народъ. Это разъ. Во вторыхъ, кому же, все таки, это нужно? — Искусство исправляетъ нравы, дѣлаетъ людей лучшими, научаетъ ихъ любить? — О, да! — Я знаю, какъ искусство вкушѣ съ «сомнѣніемъ и отрицаніемъ» очень удобно уживалось съ крѣпостнымъ правомъ; а сама помню еще эту удивительную эпоху, когда въ роскошныхъ гостинныхъ баре развивали теоріи сомнѣнія и отрицанія, а на черныхъ доскахъ управляющіе упражнялись въ примѣненіи теорій своихъ господъ къ мужицкимъ спинамъ... Но въ свое время все это имѣло свое оправданіе, потому что безъ этихъ «теорій» было бы еще хуже. Но теперь-то кого надо понимать всѣмъ этимъ вздоромъ? — Такое ли теперь время, чтобы заботиться о безконечномъ досугѣ отживающихъ уже свой вѣкъ счастливицевъ? — Жизнь теперь ставитъ жгучіе вопросы, на которые надо отвѣчать, — отвѣчать въ какой угодно формѣ, только обстоятельнѣе, вразумительнѣе и по возможности сжатѣе. Нельзя отнимать много времени у дѣла. Если глупые люди уже для того и созданы, чтобы дѣлать и говорить глупости, то совершенно достаточно ограничиться простымъ констатированіемъ этого важнаго факта. Но рассказывать эти глупости на десяткахъ и сотняхъ страницъ — просто безбожно. Подумай: мнѣ надо слушать по нѣсколькимъ лекціямъ въ день, бѣгать на практическія занятія по анатоміи, гистологіи, зоологіи; я съ трудомъ улу-

чаю минуту, чтобы почитать и вдругъ, вмѣсто отвѣта на интересующій меня вопросъ, мнѣ преподосятъ чортъ знаетъ что такое, какой-то вздоръ въ смятку — длинный, какъ сама неволя и, чтобы преодолѣть его, мнѣ надо пожертвовать какойнибудь лекціей, какимънибудь практическимъ занятіемъ... Нѣтъ, Богъ съ нею — съ «народной» и не народной литературой! — Мое эстетическое чувство она не ахти какъ балуетъ, поучать — ничему не поучаетъ. Стану я по прежнему удовлетворяться одними популярно-научными статьями, а жизнь, авось, и сама скажется.

Такъ я порѣшила и — хорошо сдѣлала. Какъ только я успокоилась, потерявъ всякую надежду поймать руководящую нить въ хаосѣ противорѣчій и зажила просто, безпритязательно, — жизнь сама сказала. Постепенно и незамѣтно я стала понимать многое, что прежде казалось загадочнымъ, парадоксальнымъ и чего я никоимъ образомъ понять не могла; все выяснялось, выступило въ новомъ свѣтѣ и главное — выступило въ новомъ свѣтѣ мое неудавшееся нашествіе на деревню.

Смотрѣть на народъ съ точки зрѣнія 3000-й ежегодной ренты — это теперь показалось мнѣ просто абсурдомъ. Мое богатство должно было стать высокою стѣной между мною и народомъ и заслонять насъ другъ отъ друга. А если бы я случайно что и разглядѣла, то дѣло отъ этого все-таки ни на волосъ не подвинулось бы впередъ, потому что 3000 годового дохода обладаютъ немногіе и для тѣхъ, у кого такого дохода нѣтъ или нѣтъ вовсе никакого дохода, мои выводы никуда не годились бы. Такимъ обдѣленнымъ людямъ нужно извлекать изъ своего дѣла и матеріальныхъ средства, и она, слѣдовательно, должны стать въ совсѣмъ особенныя отношенія къ народу. А это-то и любопытно.

Ясно стало быть, что совсѣмъ не нужно выкидывать разныхъ salto mortale, чтобы познакомиться съ народомъ. Стоитъ только просто пожить среди него, не насканивать на мистификацію, какъ могилекъ на пламя свѣчи, не сыпать направо и назлѣво «на водку» и не приставать наязливо съ ненуж-

ными вопросами — и жизнь народа сама скажется. Надо только бросить всю эту мишуру и отказаться хоть на время от бьющей въ глаза и деморализирующей роскоши. Это, быть может, будет не легко, за то я въ концѣ концовъ таки найду доступъ къ сердцу простаго человѣка, узнаю его завѣтныя мечты, его идеалы...

Недѣли двѣ спустя.

... Свинцовыя тучи обложили небо со всѣхъ сторонъ, и дождь лилъ уже нѣсколько дней почти непрерывно, то падая рѣдкими, крупными каплями, то чуть-чуть сыпаясь, какъ изъ сита, то вися въ воздухѣ въ видѣ густаго тумана. Все окружающее какъ будто потонуло въ непролазной жидкой слякоти.

Было уже около пяти часовъ пополудни, но туманъ былъ густъ до того, что, казалось, уже наступили сумерки. Дорога, покрытая сплошнымъ слоемъ бѣлесоватой грязи, была совершенно пустынна и по ней плелась только одна телѣга, запряженная парой заморенныхъ гвѣдыхъ.

Эго Любовь Владиміровна вмѣстѣ съ Гедзомъ возвращалась изъ мѣстечка Рудыхъ. Она все время сидѣла безвыходно дома и пряталась отъ всѣхъ. Лица окружающихъ были также кислы, такъ же угрюмы, какъ и погода, и наводили страшную тоску. Никакое занятіе у нея не клеилось, ничто не утѣшало, и она мѣста съ-бѣ нигдѣ не находила. А какъ на грѣхъ, она давно уже не получала ни писемъ, ни газетъ. Слушая по цѣлымъ часамъ жалобное завыванье вѣтра при аккомпанементѣ непрерывнаго карканья мокрыхъ галокъ, усѣвшихся, какъ нарочно, на деревья, противъ окна, Любовь Владиміровна чуть не рыдала съ тоски и досады. Извѣдала она въ эти дни, что деревенская жизнь — не все розы и что она имѣетъ свои шипы. Вздумала она было навѣститъ стараго Капшука, основательно

расчитывая, что въ такую именно погоду его общество и должно быть кстати и — закаляясь: время было послѣобѣденное; бабы сидѣли съ куделями; на грязномъ земляномъ полу хопошились дѣти. Тутъ же бродили куры, поросята; лежалъ новорожденный теленокъ — красный, какъ ракъ. Старикъ лежалъ на печи, свѣсивъ голову внизъ, кряхтѣлъ и кашлялъ, а воздухъ былъ густъ, хоть топоръ повѣсь. Любовь Владиміровна рѣшительно не понимала, чѣмъ всѣ эти живыя существа дышутъ. Она пробыла здѣсь не болѣе двухъ минутъ и чуть не задохнулась; голова у ней закружилась и въ глазахъ стало рябитъ. Никакого воздуха, казалось, здѣсь и не существовало, а стояло что-то сѣрое, теплое и прогорклое, съ чѣмъ хозяева никакъ не рѣшались разстаться и держали дверь на запорѣ.

Максимъ искренно сочувствовалъ своей панночкѣ, и радъ былъ потѣшить ее чѣмъ нибудь; уговаривалъ не «уважать, по слякоть» и пойти гулять; предлагалъ съѣздить на почту; но Любовь Владиміровна не слѣдовала его совѣтамъ. Такъ она промаялась дня три, наконецъ таки не выдержала и рѣшилась ѣхать за газетами.

Теперь она возвращалась домой. Оба они—и Любовь Владиміровна, и Максимъ—сидѣли мокрыми галвами, прикурнувшись въ мятой соломѣ. Максимъ дѣлалъ изрѣдка какое нибудь движеніе, помахивалъ батогомъ, бесѣдовалъ съ «гнидыми»; Любовь Владиміровна сидѣла неподвижно, окутанная непромокаемымъ балаховомъ.

Доѣхавъ до корчмы, Максимъ тпрукнулъ на лошадокъ и прыгнулъ съ воза. Онъ и теперь не преминулъ осмотрѣть упряжь, колеса, медленно шагая по грязи кругомъ телѣги; затѣмъ остановился, глянулъ пытливо сквозь намокшіи чубы спой на панночку и лукаво ухмыльнулся.

— Чистая бѣда, а?—произнесъ онъ.

— Зачѣмъ вы остановились у этой безобразной корчмы?—выговорила Любовь Владиміровна съ досадой.

— Нельзя иначе, панночка, съ тою же лукавой улыбкой

отвѣтилъ Гедзь: — кони утомились; имъ нужно отдохнуть... Ну и я тоже тѣмъ часомъ люльку покурю...

И болѣе не заботясь ни объ паночкѣ, ни объ «гнидыхъ», повернулся и юркнулъ въ корчму.

Любовь Владиміровна съ минуту колебалась, затѣмъ выбралась изъ телѣги и, оглянувшись раза два по сторонамъ, прокралась въ корчму.

Угрюмо, непривѣтливо глянули черныя, закоптѣлая отъ дыма люзекъ, стѣны корчмы на новую посѣтительницу. Небольшія, загаженные мухами и во многихъ мѣстахъ заклепанные бумагой, стекла кривыхъ оконъ пропускали очень слабо и тотъ сумрачный полусвѣтъ, который стоялъ на дворѣ, и предметы здѣсь различались съ трудомъ. Любовь Владиміровна остановилась у порога, не зная, куда ступить.

— А!—и вы, панночка, къ намъ!—проговорилъ Гедзь и подошелъ къ Любови Владиміровнѣ.—У Мошки не очень чисто, прибавилъ онъ, подведя ее къ широкой лавкѣ, тянувшейся вдоль стѣны:—но посидѣть можно.

Не успѣла Любовь Владиміровна привыкнуть къ темнотѣ, какъ съ улицы опять донеслось лязганье конскихъ ногъ по глубокой грязи; кто-то тпрукнулъ, и вслѣдъ за тѣмъ изъ дверей корчмы показался Тихонъ. Не смотря на мрачную погоду, которая вліяетъ обыкновенно на расположеніе духа, физиономія Тихона была далеко не мрачна. Напротивъ, она послала слѣдъ того самодовольнаго выраженія, которое несомнѣнно свидѣтельствуешь, что «дѣло въ шляпѣ».

— А Мошкина корчма пустовать не будетъ!—усмѣхнулся онъ, прищуривъ свои рысьи глазки и глянувъ на сидѣвшихъ кругомъ стола.

— А нѣтъ, не будетъ, подтвердили сидѣвшіе.

— От-то, собачьи дѣти!—удивился Тихонъ:—забрались въ корчму да и сидятъ, пеначе у Бога за дверима, и горд имъ мало!..

— Изнываетъ онъ, сиромаша, тутъ божь насъ, отозвался Семень Птахъ, кивнувъ въ сторону Мошки, сидѣшаго въ углу, за стойкой, точно паукъ въ паутинѣ.

Тихонъ подошелъ къ столу и ввязался въ общій разговоръ. Здѣсь, кромѣ названныхъ лицъ, сидѣло еще нѣсколько чело- вѣкъ, и Панько Гоглобля. Передъ многими стояли полныя чарки; другіе только покуривали свои носогрѣйки и отплевывались поминутно. Весь этотъ народъ очутился здѣсь теперь совер- шенно случайно: каждый завернулъ сюда, ѣдучи со своей по- лоски, куда онъ, не смотря на непогоду, навѣдался, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли тамъ какой чужой скотины, которая имѣетъ скверную привычку именно въ такую погоду забираться на чу- жую полосу и производить потраву.

— Чего-то Богъ намъ такъ много дождя даетъ, замѣтилъ Тихонъ, добывая изъ кармана своей мотни люльку:— подопрѣть со сѣмъ сѣно.

— Какое подопрѣть! вставилъ Птахъ:— сгніетъ такъ со- всѣмъ да и іди!

— Просить бы Бога, чтобы пересталъ, замѣтилъ кто-то.

— Э, нѣтъ! ухмыльнулся Тихонъ:— нужно просить, чтобы шелъ, а то глухой ангелъ бѣду надѣлаетъ.

— Э-ге, согласились всѣ.

— И нужно же, чтобы дождемъ орудовалъ глухой ангелъ!— вскричалъ Птахъ:— будто у Бога уже никого другаго и не нашлось!..

— А развѣ что?— полюбопытствовалъ Гоглобля.

— А то, ухмыльнулся Птахъ:— что Богъ ему говоритъ: ступай, гдѣ ждуть, а онъ претъ туда, гдѣ жнутъ; ступай, гдѣ просятъ, а онъ лѣзетъ туда, гдѣ косятъ, иди тамъ, гдѣ пусто, а онъ мочитъ тамъ, гдѣ густо,—одно слово, глухой!..

— Оттого-же и говорятъ, добавилъ Капшувъ:— какъ ста- нешь просить Бога за дождь—погода будетъ.

Любовь Владиміровна между тѣмъ успѣла привыкнуть къ непроницаемому мраку, и внутренность корчмы постепенно вырисовывалась; выступили голыя, облупленные стѣны, черный потолокъ, сплошь затканный паутиной, ухабистый земляной полъ, покрытый жиденькой грязью, нанесенной сюда мужиц- кими чоботами и, наконецъ, вырисовалась изъ-за стойки длин-

ная, какъ хрѣвъ, сухопарая фигура Мошка съ птицеобразнымъ пергаментнымъ лицомъ величиною съ дѣтскій кулакъ, огромнѣйшимъ носомъ и жиденькою клинообразною бородкой. Люсовъ Владиміровна слушала все какъ во снѣ, а сама думала отрывочно Богъ вѣсть о чемъ. «Ахъ, какъ здѣсь нестерпимо воняетъ!..» думалось ей. «Было бы хорошо покурить», прошептала она, добыла папироску и закурила. «А что, если бы Риегге вдругъ увидѣлъ меня здѣсь?—Воображаю, какую фвізіономію опъ бы состряпалъ!.. Можетъ, и въ обморокъ упалъ бы. «О, я говорилъ... я говорилъ!.. завопилъ бы: — эти курсы до добра не доведутъ!..» «А эти мужички все лукавятъ. Они сами не вѣрятъ въ то, что говорятъ... Сейчасъ видно, что никто изъ нихъ этимъ предразсудкамъ никакого значенія не придастъ, а говорятъ только такъ себѣ. Эти предразсудки, хотя и удерживаются еще, но слабо, шатко, — держатся потому, что не упали сами собою, а со стороны пока еще толчка такого не было, чтобъ опрокинулъ. Но этотъ толчекъ пужень, настоятельно необходимъ и если не случится разумный, то явится какой нибудь отчаянно дурацкій—въ образѣ новаго религіознаго раскола... И не мудрено: старыя божки отжили, отошли въ вѣчность, новыхъ нѣтъ, и всеобщая неудовлетворенность съ стремительной силой должна удариться въ другую крайность... Ну, а мы, мудрецы, пустимся изслѣдовать; поговолимъ и напишемъ съ три короба «о новомъ расколѣ», никому изъ насъ и въ голову не придетъ, что самъ по себѣ новый расколъ — сущій вздоръ, и не въ немъ дѣло, а въ томъ, что съ одной стороны духовная потребность остается неудовлетворенной, а съ другой—батюшка-куроцапъ до смерти надоѣлъ. А тутъ подвернулся подъ руку какой-то Божій человекъ и рассказываетъ какія-то темныя, никому не понятныя вещи, которыя, безъ сомнѣнія, очень хороши, такъ какъ совершенно ясно одно: отнынѣ народъ православный можетъ отвести душу и совершенно избавленъ отъ налога на курей, яицъ, холста и проч.»

— А что, есть уже у васъ выборные?—продолжалъ между тѣмъ Тихонъ, обращаясь къ чертопахевцамъ.

— Какъ же, выбрали... отвѣтилъ Гедзь:— вотъ и мы съ нимъ туда же попали.

Тихонъ задымилъ потухшую люльку, поглядывая то однимъ, то другимъ глазомъ на обонхъ чертопхаевцевъ.

— А кого же мы теперь выберемъ?— проговорилъ онъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ люлькѣ и показывая видъ, будто онъ перебираетъ въ умѣ своемъ всѣхъ, которые по общему мнѣнію годились бы въ старшины.

— Да Шубенко пусть останется, процѣдилъ Капшукъ.

— А такъ... такъ, поддакнулъ Гедзь:—лучшаго головы намъ и не найти.

Тихонъ былъ озадаченъ. Онъ, повидному, былъ увѣренъ, что оба эти господаря думаютъ иначе объ этомъ предметѣ.

— Ну, Шубенко намъ не голова!—пробасилъ онъ сердито и сплюнувъ въ сторону.

— Отчего?

— Да такъ. Не голова да и гѣди!

— Э-ге-жь; поддакнулъ Птахъ:—какой ужъ изъ него голова!..

— Про насъ пусть и такъ, замѣтилъ Капшукъ, сладко посасывая свою носогрѣйку и глядя на кольца дыма, догопавшія одно другое и постепенно исчезающія въ пространствѣ:— не захочетъ міръ Шубенка—другаго выберемъ.

— А уже не иначе, подтвердилъ Гедзь.—Но все-жъ бы лучше, какъ бы Шубенко остался.

— Такъ-то оно такъ, согласился Тихонъ:—да міръ его уже не хочетъ больше.

— И не даромъ!—подхватилъ Птахъ:—насоллил онъ всѣмъ довольно.

— Всѣ мы люди грѣшныя... замѣтилъ Гедзь.

— Оно такъ, согласился Тихонъ:—но ему уже пора на покой. Да у насъ, слава Богу, есть изъ кого выбирать; добрыхъ господарей много. Мы можемъ выбрать... ну хоть бы и Паццока Степана.

— Тому до Шубенка далеко, какъ кудому до зайца, воз-

разилъ Гедзь:—Шубенко—грамотяка; писарю потачки не дасть.
А этотъ...

— Что?—хиба Пацлакъ дурень?—вступился Тихонъ.

— Кто-жь и говорить, что дурень!—оправдывался Гедзь:—говорится только, что ему до Шубенка далеко.

— А пемного таки и дурень, вставилъ Птахъ:—грѣхъ сказать...

— Не Пацлока, такъ другого кого найдемъ, сказалъ Тихонъ и повернулся къ стойкѣ.

— Мошко!—крикнулъ онъ: дай-ка полштофа горилки!

— Въ горлѣ совѣтъ пересохло, калякаючи, пояснилъ онъ, обращаясь къ честной компаніи съ своей лисей улыбочкой:—мы вотъ пропустимъ чарку-другую, тогда, можетъ, оно и лучше выйдетъ.

Мошка заторопился, и въ ту-же минуту на столѣ появилась бутылка съ сѣровато-мутной жидкостью и чарка. Мошко, повидимому, былъ очень доволенъ, потому что пергаментное лицо его ухмылялось. Онъ очень любилъ, чтобы кутили солидные господа:—деньги платили они наличныя, не то что вной злыдня, который платитъ всякой дрянью, за которую половины денегъ не вернешь. Ему, разумѣется было мало дѣла до того, кого выберутъ въ старшины; но сами выборы ему очень нравились, и онъ искренно желалъ, чтобы они происходили почаще.

— А этотъ Тихонъ—молодецъ!—похвалилъ онъ про себя:—ловко, плутъ, ведетъ свое дѣло. Главное, много водки забираетъ.

Любовь Владиміровна относилась къ дѣлу съ другой точки зрѣнія; но, сама того не подозревая, пришла къ тому же выводу.

За чаркой дѣла пошли нѣсколько иначе: чертопхаевцы вдругъ какъ-то странно стали отмалчиваться, а за тѣмъ стали находить, что Шубенко и «взаправду намъ не голова».

— Миръ вотъ меня хочетъ выбрать, беззащѣпно—небрежно сказалъ Тихонъ:—только я не хочу,—зачѣмъ мнѣ эти хлопоты сдались!

Капшукъ лукаво ухмыльнулся—не хочешь, мошь, ты какъ кошка сала; но промолчалъ.

— Противъ міра идти нельзя, наставительно ввернулъ Птахъ:—какъ міръ уже выберетъ, то уже ничего не подѣлаешь—надо будетъ согласиться.

— Про насъ, замѣтилъ Гедзь:—пусть міръ выберетъ, кого хочетъ... Мы—чтоже?—Куда всѣ, туда и мы...

— А я, можетъ, и совсѣмъ не явлюсь, добавилъ Капшукъ, —какого чорта! Насъ, чертопахавцевъ, всего человѣкъ сорокъ будетъ, невылазовцевъ — и того меньше, такъ куда-жь намъ противъ васъ, костоломовцевъ! У васъ тамъ душъ восемьсотъ наберется; значить, выборныхъ человѣкъ восемьдесятъ будетъ, какъ разъ вдвое больше нашего. Ну, на своемъ и поставите.

— А такъ... такъ... согласился Гедзь:—еще не случалось, чтобы мы своего человѣка старшиною посадили... Пора ѣхать, заключилъ онъ и взялся за шапку.

— А какъ же, поѣдемъ, сказалъ Тихонъ.

Онъ быстро выцѣдилъ остатокъ изъ бутылки и поставилъ чарку передъ Гедзомъ.

— Мошко! крикнулъ онъ:—дай-ка намъ еще полштофа!

— Васъ хотя и меньше, продолжалъ онъ, наливая чарки остальныхъ собесѣдниковъ,—но все же для васъ не все равно, кто сядетъ старшиною.

— Отчего-же? не тотъ, такъ другой добрый господарь старшиною будетъ, намъ все едино... Такъ ѣдемъ?

— А какъ-же, ѣдемъ, отвѣтилъ Тихонъ, подливая чарки:—но все же лучше, чтобы сидѣлъ хорошій человѣкъ,—такъ, чи ни?

— А такъ... такъ... согласился Гедзь:—только мы свои мірскія дѣла можемъ устроить и сами. Старшина намъ не указъ.

— Старшина и намъ не указъ, ввернулъ Птахъ:—а пакостить всетаки всѣмъ можетъ.

— Ты, чоловіче, розумнымъ словомъ обмолвился, ухмыльнулся Тихонъ.—Старшина всегда пакостить можетъ, продол-

жалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—а всѣ знаютъ, что я такой человѣкъ, что всякому люблю дѣлать въ угоду, всякому уважу. Никто не скажетъ, чтобы я когданибудь кого обидѣлъ.

— Что правда, то правда, подтвердилъ Птахъ, покосившись на пустую чарку.

— И отчего бы и не уважить? продолжалъ Тихонъ:—хочешь одолжиться хлѣбомъ изъ гамазеевъ—на! Чего жалѣть? Добро мірское, міръ и пополнить. Такъ, чи ни?

— А такъ... такъ... согласился всѣ.

— Не угодно идти самому или работника посылать въ стойчики къ становому—не иди. И другаго пошлю, а ты въ другой разъ,—такъ, чи ни?

Тихонъ весь раскраснѣлся; всѣ мускулы его лица конвульсивно передергивались; глаза блестѣли лихорадочно, а на губахъ все время играла подобострастная улыбочка.

— Не хочешь кто выѣзжать дорогу поправлять, продолжалъ онъ:—дома какое спѣшное дѣло есть али что—не выѣзжай. Я другаго выгоню, а ты въ другой разъ... Такъ, чи ни?

— А уже не иначе, согласился Гедъ, — какъ захочешь человѣкъ уважить, такъ уважить... Что ѣдемъ?

— А какъ же, ѣдемъ. Какъ тебѣ или тамъ другому пора подати внести, а ты еще не собрался, не продалъ, что нужно было или такъ что случилось, — я и подождать могу... Такъ, чи ни?

— Это бываетъ... Такъ ѣдемъ?

— А какъ-же, ѣдемъ.

Такимъ образомъ они ѣхали, ѣхали. Довѣхали третій полштофъ и принялись за четвертый.

Любовь Владиміровна встала и подошла къ стойкѣ. Тамъ на двухъ подставкахъ, покоилась десятиведерная бочка; надъ нею, на узенькой полкѣ, были разставлены клейменная мѣры разной величины, лежали двѣ-три черствыя, какъ булжники. булочки и, кромѣ свушнаго запаха, здѣсь разлило еще нестерпимымъ запахомъ сырости и гнили. Мошко подскочилъ къ

рѣшеткѣ и очевидно былъ готовъ броситься со всѣхъ ногъ исполнить всякое желаніе гостя.

«Жалкій человекъ», подумала Любовь Владиміровна, пристально глянувъ въ его изможденное лице.

— Скажите, пожалуйста, прибавила она вслухъ:— сколько вы зарабатываете отъ каждаго проданнаго ведра водки?

— Сколько зарабатываю? переспросилъ Мошко дребезжащимъ голосомъ и съ какимъ-то присвистомъ, исходившимъ въ тоже время изъ груди.

— Ну, да,— сколько?

— А не знаю, право... можетъ полтинникъ, можетъ рубль, а можетъ и ничего.

— Какъ ничего?

— А такъ. Если водка скоро распродается, то есть заработокъ. А если стоитъ долго, то усохнетъ много, и тогда очень немного заработка или его и вовсе нѣтъ.

— Сколько же вы ведеръ продаете въ недѣлю?

— Сколько ведеръ?

— Ну, да.

— Какъ иногда. Въ скоромные дни больше пьютъ, больше и выходятъ; въ постные пьютъ мало или почти ничего.

— А всегакъ, круглымъ числомъ сколько выпиваютъ, на примѣръ, въ годъ?

— Круглымъ числомъ?

— Ну, да.

Мошко сталъ было соображать, высчитывать мысленно; но въ эту минуту за стойку вбѣжала дѣвочка—босая, замурзанная, давнымъ давно нечесанная и въ одной до-нельзя грязной рубашенкѣ и стала теревить полы халата Мошва и кричать что-то непонятное благимъ матомъ.

— Чего она хочетъ? вѣспалась Любовь Владиміровна.

— Ничего... такъ... отвѣтилъ Мошко, унимая ребенка:— такъ, блажить.

— Да нѣтъ же! Она ѣсть хочетъ, сказала Любовь Влади-

мировна, разобравши слово essen, произнесенное ребенкомъ нѣсколько разъ сразу.

— Нѣтъ... это она такъ... проговорилъ Мошко, покраснѣвъ, точно его поймали съ поличнымъ:—она отъ послѣ обѣда уже раза два ѣла. Она бѣгаетъ много, потому ей ѣсть часто хочется.

Любовь Владиміровна купила булку и, не смотря на слабый протестъ Мошка, отдала дѣвочкѣ. Послѣдняя, какъ голодный волченокъ, накиннулась на булку, запустила свои острые зубки въ ея черствое тѣло и успокоилась.

— Такъ сколько же вы расходуете круглымъ числомъ въ годъ? повторила Любовь Владиміровна.

Мошко опять задумался. Любовь Владиміровна глядѣла попеременно то на отца, то на дочь, пасику одолевая свое чувство безразличности. «Надо будетъ въ свое время и его лечить, выслушивать его грудь, подумала она и поморщилась.— Впрочемъ, это можно будетъ черезъ стетоскопъ... А вотъ дѣвочка вся въ золотухѣ...»

— Ну, что-же? прибавила она вслухъ.

— Ей-Богу, не знаю, отвѣтилъ Мошко.

— Но знаете-же, по крайней мѣрѣ, какой у васъ доходъ?

— Доходъ? переспросилъ Мошко, изобразивъ на этотъ разъ крайнее изумленіе на своемъ лицѣ.

— Ну, да. Вѣдь есть же у васъ какойнибудь доходъ?

Мошко пожалъ плечами.

— Нѣтъ. У насъ никакого дохода нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно.

— Какъ нѣтъ? Чѣмъ-же вы живете?

— А такъ вотъ и живемъ. Покупаемъ муку, крупу, и все, что нужно. А потомъ, когда придется ѣхать за водкой, то занимаемъ гдѣнибудь нѣсколько рублей, если не достаетъ. Потомъ, въ другое время, когда новая водка скоро расходуется, мы и долгъ отдать можемъ, и новую водку купить. Такъ и живемъ изодна въ день.

Между тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, и нависшія кру-

гомъ тучи зашевелились. Солнце выглянуло на мгновснїе, заронило нѣсколько лучей и въ темную берлогу Мошки и снова спряталось. Всѣ, сидѣвшіе за столомъ, наконецъ поднялись рѣшительно и стали собираться въ путь. Тихонъ также всталъ, сосчиталъ, сколько слѣдуетъ и приказалъ записать. Наличныхъ денегъ на этотъ разъ у него не было,—тѣмъ не менѣе Мошко остался очень доволенъ.

Была довольна и Любовь Владиміровна. Ни тѣни досады не замѣчалось на ея спокойномъ лицѣ, когда она, наконецъ, вскарабкалась на телѣгу и усѣлась поудобнѣе.

— Вотъ вы, панночка, и развеселились, нашу брехню слушаючи, улыбнулся Гедзь, глядя на Любовь Владиміровну:—теперь, можетъ, уже и не будете скучать?

— А разнѣ все это только одна брехня была? удивилась Любовь Владиміровна.

— А то какъ-же? отвѣтилъ Гедзь, взлѣзая на телѣгу:— собираются люди, ну, и калякають о томъ, о семъ... Эй! Мартынь! окликнулъ онъ сосѣда:—сядь сюда! Чего пѣхтурой по грязи шлепать?

— То правда, нерѣшительно согласился Капшукъ:—только какъ еще ласка панночки будетъ...

— Что вы, что вы! вмѣшалась Любовь Владиміровна,—мѣста довольно; хватить для всѣхъ.

Капшукъ взобрался на телѣгу, и оба сосѣда усѣлись на передкѣ, спиною другъ къ другу, а ноги ихъ болтались въ воздухъ по обѣимъ сторонамъ телѣги.

— Такъ что-же? продолжала Любовь Владиміровна:—выберете вы его или нѣтъ?

— Это кого,—Тихона? спросилъ Капшукъ, толкнувъ спиною спину сосѣда.

— Э-ге, Тихона, отвѣтилъ Гедзь и покрутилъ батономъ надъ спинами лошадокъ.

— Кто его зна? прибавилъ онъ, пожавъ плечами:—можетъ, его и выберутъ.

— Какъ это «кто его зна»?! Вѣдь выберате вы, а не кто другой, волновалась Любовь Владиміровна.

— Это мы выбираемъ? удивились и сосѣди.

— А то кто-же?

— Чортъ выбираетъ! сердито возразилъ Гедзь:—собираемся, гуторимъ, а смотришь—старшиною сѣлъ тотъ, кого начальство посадило.

— Вонъ оно что! Какъ же это такъ?

— Да такъ же, подтвердилъ Капшукъ. Вотъ въ Верхопьясовской волости въ прошломъ году выбрали старшину. Былъ тамъ старшиною нѣкій Иванъ—злюдіяка, какихъ мало. Уже всѣ на него такъ и точили зубы—подожди, молъ, таки выживемъ наконецъ. Вотъ собрался сходъ. Орали, орали и таки выбрали другаго. Ладно. Только выходитъ посредникъ изъ волости, глянулъ: «А что, говоритъ, такіе, сякіе, Ивана обижаете? Молчатъ. Кто посмѣлѣе, крикнетъ въ ладонь: «гди ему уже,—хай уже другой побудетъ». Посредникъ—ничего: какъ будто и не слышалъ. «А ну, говоритъ, выбирайте снова!» Молчатъ. «Кто не хочетъ Ивана, говоритъ далѣе посредникъ,—ступай направо; кто хочетъ—оставайся на мѣстѣ». Стоять и молчатъ. Никто не хочетъ идти направо первый...

— Бойтесь Бога, вставилъ Гедзь:—кто же противъ начальства пойдетъ первый?!

— Э-ге, поддакнулъ Капшукъ:—вотъ они стоятъ; супутъся гуртомъ направо тоже не догадались. «Такъ, значить, всѣ хотите Ивана?»—«Хотимъ!» крикнулъ кто-то, можетъ и самъ Иванъ. Такъ онъ и остался головою.

— И что же? задумчиво спросила Любовь Владиміровна.

— А ничего. Кланялся міру; божился, что уже будетъ служить вѣрой-правдой... Такъ куда! Сначала — ничего: за правду добрый сталъ. А тамъ и пошло все по-старому.

...Въ тотъ же вечеръ Любовь Владиміровна писала своей Сонѣ въ Петербургъ. Два листа уже были исписаны мелкимъ

почеркомъ и отброшены въ сторону; она взяла третій и, не отдыхая, продолжала:

...«Хотѣлось бы мнѣ быть послѣдовательной; хотѣлось бы, чтобы между всѣми моими письмами была строгая внутренняя связь, да я не помню ничего изъ всего, что писала прежде, а оставлять у себя дубликаты—лѣнь. Дѣлать нечего, пушусь во что-сѣ тяжкія, на авось, и если въ чемъ нибудь повторюсь—тоже не бѣда. Вѣдь тебѣ, моя миленькая, не очень скучно читать мои письма,—не правда-ли?»

«Ну, вотъ... Такъ о чемъ-бишь я говорила? Да, объ волосномъ писарѣ Мартыновѣ. Ахъ, это вышло пресмѣшно! Помня наши питерскіе порядки, я, конечно, первымъ дѣломъ отправляюсь въ волость заявить свои документы. И что-жъ бы ты думала? Мартыновъ говоритъ, что я напрасно потрудилась, что это совершенно лишнее, если я только православная и что у нихъ только насчетъ поляковъ строго; однако, полтинникъ взял. Онъ былъ со мною очень милъ и любезенъ, обѣщавъ доставить акушерскую практику... Что, ревнуешь? Такъ знай же: мы съ нимъ уже крѣпко сдружились, и не происходитъ ничего такого въ волостномъ правленіи, о чемъ бы я заблаговременно не была извѣщена, хотя живу въ Чертопхаевкѣ, т. е. въ трехъ верстахъ отъ волости. Мой новый пріятель молодой, большой франтъ, держитъ экипажъ, прислугу и получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ жалованья... Свести у него приходъ съ расходомъ пусть возьмется, кто хочетъ (тебѣ не угодно-ли?), но я не берусь—покорная слуга! Должна, впрочемъ, прибавить, что такихъ, какъ мой новый пріятель, въ городѣ, собственно говоря, причисляютъ въ разрядъ «босой команды»; ну, а здѣсь онъ—интеллигенція».

«Познакомилась я также и съ отцами Кирилломъ и Меодіемъ, не тѣми, которые изобрѣли славянскую азбуку, а съ живыми, «батюшками» Костоломовки и Чертопхаевки. Оба они, слава Богу, пока ничего еще не изобрѣли и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы они изобрѣли что либо и въ будущемъ, въ противномъ случаѣ, мужичкамъ придется очень плохо... Доста-

точно и того, что оба они пользуются существующими уже изобрѣтеніями, и какъ еще пользуются!.. Они блюдутъ ихъ свято и не поступятся ничѣмъ и вслѣдствіе этого отношенія ихъ къ своимъ паствамъ—со стороны, по крайней мѣрѣ,—кажутся чисто воеводами. Со стороны глядя, получается впечатлѣніе, будто ихъ именно за тѣмъ и посадили здѣсь, чтобы они собирали дань съ темнаго невѣжества; кажется, будто кто-то предательски подсмотрѣлъ всѣ духовныя потребности темнаго люда и обложилъ данью. Что же касается взаимнаго довѣрія, уваженія, духовной связи, то всѣ эти прекрасныя вещи, быть можетъ, и существуютъ гдѣ нибудь между пастырями и паствами, но здѣсь ихъ нѣтъ».

Она обрисовала поочередно мѣстныхъ землевладѣльцевъ и затѣмъ продолжала:

«Вотъ это и есть вся «интеллигенція» деревни. Но ты, Соничка, не думай, чтобы все ужъ было такъ мрачно, такъ непроглядно. Есть и между этою интеллигенціей свѣтлыя явленія... Виповата, есть одно только свѣтлое явленіе въ образѣ... Паря держу, что въѣзь не угадаси! въ образѣ—гамлетика!..

«Да, Соничка, я нисколько не шучу. Еще не дальше, какъ часъ тому назадъ я имѣла честь видѣть у себя Гамлета Костоломовской волости. Опъ, какъ оно и подобаетъ Гамлету, очень образованъ, далеко не глупъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень несчастливъ, никакъ не можетъ рѣшить вопросъ: «быть или не быть», однимъ словомъ Гамлетъ. Не знаю навѣрное, есть ли за нимъ какіе нибудь грѣшки въ прошломъ, потому что, судя по его умственному развитію, трудно допустить, чтобы онъ былъ компрометированъ бессмысленнымъ движеніемъ 1863 года. Но и безъ этого, принимая во вниманіе его запутанное положеніе (матеріальное) и, главное, выраженіе моего пріятеля, Мартынова, что «насчетъ поляковъ вынче строго», не трудно догадаться, что стоить только имѣть несчастіе принадлежать къ польской національности, чтобы все существованіе было отравлено разными мелочными придирками и незаслуженнымъ подозрѣніемъ, особенно если это можетъ повторяться ежеми-

нотно и на каждомъ шагу и притомъ со стороны такихъ лицъ, какъ мой пріятель Мартыновъ.

— Теперь позволю тебя познакомить съ лицами изъ народа. Начну съ своихъ хозяевъ и ихъ сосѣдей.

Она изложила приблизительно то, что намъ съ читателемъ уже извѣстно, и затѣмъ продолжала:

— И очень далека отъ идеализаціи; понимаю очень хорошо, что единичные случаи, если и доказываютъ что нибудь, то, во всякомъ случаѣ, доказываютъ очень немногое. Но такія явленія, хотя бы даже и въ такой первобытной, грубой формѣ, какъ-то пріятно поражаютъ. Въ высшей степени любопытны отношенія между сосѣями, собственно, между Максимомъ и Мартыномъ. Оба они живутъ въ большомъ ладу и вѣчно бесѣдуютъ дружелюбно, копаясь каждый на своемъ дворѣ или сходясь у низенькаго плетня, отдѣляющаго ихъ дворы. Здѣсь они станутъ другъ противъ друга, облокотившись объ плетень, потолкуютъ, держа люльки въ зубахъ и сладко дымя другъ другу въ глаза, и снова разойдутся къ своимъ занятіямъ, продолжая мирно калякать, такъ что со стороны кажется, будто каждый изъ нихъ разсуждаетъ самъ съ собою вслухъ. Ни разу я не замѣтила, чтобы они о чемъ нибудь поспорили. Скажетъ что нибудь одинъ—другой согласится; скажетъ что нибудь другой—первый поддакнетъ и тоже согласится. Начнется у нихъ рѣчь обыкновенно съ метеорологіи. Замѣтивъ другъ друга, они издали поздороваются и, помолчавши немного, Гедзь скажетъ, если погода пасмурная:

— А что, кумъ, будемъ съ дождемъ?

— Будемъ съ дождемъ! какъ эхо, отвѣтитъ Капшукъ.

Если небо ясное, онъ начнетъ такъ:

— А что, кумъ, будемъ съ погодой?

— Будемъ съ погодой! отвѣтитъ Капшукъ и, помолчавъ минуту, прибавитъ: а таки нужно бы дождя.

— Э-ге, нужно, согласится и Гедзь.

А тамъ уже заговорять о чемъ нибудь существенномъ. Но какъ, въ какомъ духѣ! Разсуждаютъ они, разумѣется, о своей

добрѣ дня. Предметъ рѣчи для нихъ далеко не безразличенъ и рѣдко веселаго свойства, а между тѣмъ, слушая ихъ, невозможно удержаться отъ смѣха. Юморъ, самобытный, неподдѣльный юморъ, слышится въ каждомъ словѣ, сквозитъ изъ каждой фразы, и тѣмъ онъ привлекательнѣе, чѣмъ непринужденнѣе оцъ пробивается. Я, порою, цѣлые часы слѣжу за ихъ бесѣдами, сидя у себя въ хатѣ. Мнѣ изъ окна отлично видно и слышно все, что происходитъ на дворѣ и скажу тебѣ, что будь замѣтно хотя малѣйшее стараніе со стороны какого нибудь изъ собесѣдниковъ выражаться не иначе, какъ остроумно—это остроуміе потеряло бы большую долю своей прелести. Одно только печально: я и до сихъ поръ еще не открыла ничего такого, что могло бы служить правдивою связью интеллигентнаго человѣка съ мужикомъ. Съ этой стороны я пока не вижу ни одной точки соприкосновенія. Складъ жизни мужика, всѣ его воззрѣнія и понятія образуютъ какой-то заколдованный кругъ, котораго никакъ не перешагнешь, если, конечно, желаешь оставаться въ предѣлахъ естественности и не прибѣгать къ грубой, неловкой натяжкѣ... Все, что пока можно дѣлать, такъ, мнѣ кажется, это наблюдать другъ друга издали. Я сказала «другъ друга», потому что, если намъ многое и поддается наблюденію, то и насъ, въ свою очередь, тоже наблюдаютъ и еще какъ наблюдаютъ! Еще не дальше, какъ вчера, я имѣла случай убѣдиться въ этомъ: я слышала, какъ мой хозяинъ съ своимъ сосѣдомъ толковали обо мнѣ, объ моихъ привычкахъ и манерахъ, не подозрѣвая, что я ихъ подслушиваю.

«Признаюсь, ничего лестнаго въ ихъ разговорѣ для меня не было; но я уже теперь знаю, что «добрые люди» органически не могутъ относиться безъ ядовитой насмѣшки ко всему, что «не по-людски» (а знаешь, Соничка, что это значитъ? «Не по-людски» значитъ—не помужички. Они только себя величаютъ людьми; всѣ прочіе на свѣтѣ—паны, жида, немци, но не люди). Положимъ, что и ничего обиднаго въ ихъ словахъ не было. Но если бы даже и было что нибудь подоб-

ное, то съ этимъ по неволѣ пришлось бы мириться. Тутъ необходимо одно изъ двухъ: либо отказаться отъ всякой мысли заставить высказаться искренно мужика, и въ этомъ случаѣ избавить себя, разъ навсегда, отъ всякихъ непріятностей, либо сблизиться съ мужикомъ и подвергать себя этимъ непріятностямъ. Не забывай, Соничка, что даже теперь, при самыхъ простыхъ, задушевныхъ отношеніяхъ, Максимъ часто уходитъ въ свою раковину и достать его оттуда не легко. А я хочу знать мужика во весь его ростъ и потому буду помнить мудрую поговорку: «назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ»...

День св. Петра и Павла.

Любовь Владиміровна сегодня поднялась съ зарею: ей сегодня предстояло много дѣла и, кромѣ того, необходимо было пойти въ церковь. Этого отецъ Кириллъ настойчиво требовалъ. «Будущій исцѣлитель поврежденій тѣлесныхъ, говаривалъ онъ ей неоднократно:—долженъ непременно ходить туда, гдѣ совершается исцѣленіе поврежденій душевныхъ».

Послѣ ранней обѣди Любовь Владиміровна принялась строчить письма. Въ числѣ писемъ, полученныхъ съ послѣдней почтой, было одно изъ-заграницы—отъ матери и сестры Вари. Мамелька очень подробно описывала свою жизнь на водахъ, капризно сердилась за краткость писемъ Любиньки, опять попеняла ей за то, что она предпочла воздухъ малороссійской деревни заграничному и, наконецъ, прижавши ее мысленно къ своей груди, выразила надежду увидѣть ее послѣ лѣтняго сезона въ Щекинѣ. Любовь Владиміровна отвѣтила на это письмо и затѣмъ, призадвись хорошенько, стала писать Соничкѣ.

Такимъ образомъ она проработала вплоть до обѣда; затѣмъ, въ ожиданіи обѣда, стала перелистывать какую-то

книгу, точно совсѣмъ забыла и объ существованіи своихъ хозяевъ.

— А что вы это читаете?—спросилъ Гедзъ, кашлянувъ въ руку.

— Книжку, отрубилла Любовь Владиміровна, не оглядываясь.

Она не очень-то жаловала Максима, когда онъ бывалъ «трѣхи пидъ хѣремъ» и не безъ намѣренія показывала видъ, будто она очень запята. Во всякое другое время это подѣйствовало бы на Гедза; но сегодня былъ праздникъ, и Гедзъ пользовался этой льготой.

— Это я и самъ вижу, что книжку, возразилъ онъ и преспокойно усѣлся на обычномъ мѣстѣ:—только какая это книга?—Что въ ней написано?

Любовь Владиміровна перелистывала въ эту минуту Тейлора и нехотя стала объяснять Максиму содержаніе этой книги. Максимъ внимательно слушалъ и глубокомысленно поддакивалъ.

— А зачѣмъ-же все это написано?—спросилъ онъ наконецъ.

Любовь Владиміровна стала объяснять, что написано все это въ томъ, чтобы изъ знанія прошлаго всѣхъ людей на всемъ земномъ шарѣ можно было сдѣлать выводъ для объясненія всѣхъ явленій настоящей жизни. Все это она объясняла описательно, очень длинно и — для грамотнаго человѣка—очень скучно, но такъ, чтобы Максимъ понималъ се хогъ приблизительно вѣрно. Максимъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, пожалъ плечами.

— Что-же изъ того выйдетъ?—спросилъ онъ.

— Выйдетъ, я полагаю, то, что люди будутъ больше знать самихъ себя и, вѣроятно, сумѣютъ лучше устроить свою жизнь, чтобы всѣмъ жилось лучше... легче...

Максимъ лукаво ухмыльнулся.

— Вотъ же и про насъ, крестьянъ, писали тамъ... въ бумагахъ, сказалъ онъ,—ужь я и въ толкъ не возьму, что только не писали, а все же намъ ни капельки не лучше стало.

— Что же такое писали про васъ въ «бумагахъ»?

— А писали разное... будто мы прежде были крѣпостными, казенными, удѣльными и дѣдо его еще знаетъ какими; потомъ стали временно обязанными, а потомъ уже и обывателями...

— Такъ что-же?—недоумѣвала Любовь Владиміровна.

— Да ничего, пронычески возразилъ Максимъ:—только я такъ думаю, что мужикъ и прежде былъ мужикомъ, хохломъ (опъ съ особеннымъ удареніемъ произнесъ это послѣднее слово), хохломъ и останется, хоть ты его какъ хошь величай!..

Любовь Владиміровна молчала и пытливо глядѣла въ разгорѣвшееся лице Максима. Въ тонѣ его голоса прозвучала еще незнакомая ей нотка.

— Э-ге!—продолжалъ опъ, входя все больше въ задоръ:—называй, какъ хошь—и временно обязаннымъ, и обывателемъ, и дѣдо его еще знаетъ, какимъ, а хохолъ—хохломъ и останется. Что паны захотятъ, то съ нимъ всегда и сдѣлаютъ. Захотятъ паны что дать—дадутъ; не захотятъ—не дадутъ, и то, что есть, отнимутъ—на то ласка панская!.. А ты, темный человѣкъ, живи въ страхѣ, потому—хохоль!

Любовь Владиміровна отложила книгу въ сторону, и скрестивъ руки на груди, во всѣ глаза глядѣла на говорящаго. Максимъ былъ неузнаваемъ. Ни въ тонѣ его голоса, ни въ лицѣ его не было и тѣни той обычной сдержанности и лукавой насмѣшки, которыя были ему свойственны. Обыкновенно Максимъ говорилъ съ нею не иначе, какъ иносказательно, не договаривая и никогда не выражая своей настоящей мысли прямо. Теперь въ его словахъ звучала искренность; слова шли прямо отъ души и въ нихъ звучалъ горькій, тяжелый упрекъ.

— Будутъ люди грамотными, они почувствуютъ себя лучше, сказала она, чтобы чтонибудь сказать, точно чувствовала потребность оправдаться въ чемъ-то.

— Ка-кая тамъ у чортоваго батька грамота!—возразилъ Максимъ:—не далась она намъ да и не пристала къ нашему рылу! Намъ одна сухота: какъ бы не безъ хлѣба сидѣть да недоумокъ чтобы не было... А грамота... Богъ съ ней!

— Кажется, въ сравненіи съ людьми, вамъ и жаловаться грѣшно, замѣтила Любовь Владиміровна въ недоумѣннѣ.

— Правда, это что и говорить!—Да не про насъ я и рѣчь веду!—У насъ, слава Богу, пока ничего: жить можно. Есть у насъ и земля,—не такъ чтобы очень много, но есть. Есть у насъ и сахарные заводы,—нѣтъ-нѣтъ, да таки за годъ какой-нибудь заработокъ и выпадеть на долю каждаго. Но я про другихъ говорю...

— Про какихъ-же это?

— Да тамъ, у корчмы, человѣкъ одинъ былъ, такъ сказывалъ, что теперь у порожнянцевъ дѣтся...

У Любови Владиміровны такъ и ёкнуло ретивое.

— Что-же, что такое сказывалъ человѣкъ?—спросила она торопливо, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ.

— А ничего. Перевязали человѣкъ тридцать господарей и погнали въ губернію.

— За что?—чуть слышно спросила Любовь Владиміровна, глянувъ изъ-подлобья на Гедза.

— Да все за то-же, что не хотятъ быть ахтовыми...

— И все эта госидари попались... мѣстные хозяева?—допытывала Любовь Владиміровна.

Лице ея пылало; она не смѣла взглянуть на говорящаго.

— Какъ-же, все мѣстные хозяева, простодушно отвѣтилъ Гедзь:—самые лучшіе госидари.

— А бобылей между ними не было—мѣстныхъ или чужихъ?... продолжала Любовь Владиміровна, пряча лице въ книгу.

— Нѣтъ, не было... А можетъ и были, поправился онъ:—только про то я ничего не слышалъ.

Онъ помолчалъ съ минутой, а затѣмъ началъ длинную—предлинную повѣсть о порожнянцахъ, голодаевцахъ, пустохицахъ и другихъ бывшихъ казенныхъ крестьянахъ той-же губерніи. Началъ онъ, по обыкновенію, съ Адама и рассказывалъ, какимъ образомъ и почему эти волости очутились въ безвыходномъ положеніи. Любови Владиміровнѣ была лихо-

радка. Она не слушала Гедза и ничѣмъ не намекнула ему, что все, что онъ рассказываетъ, ей самой лучше извѣстно. Въ умѣ ея опять воскресло то, что дремало гдѣ-то глубоко, на самомъ днѣ души и что она желала бы совсѣмъ забыть, вычеркнуть изъ памяти и жить исключительно настоящимъ. Но это ей не удавалось: это настоящее, не смотря на то, что было такъ полно, не поглощало ее всецѣло. И тутъ, въ деревнѣ, какъ и въ Петербургѣ, все дѣлалось какъ будто мимоходомъ, пока, а тамъ, впереди, будто еще что-то ожидается. Что именно ожидалось?—Этого она не хотѣла опредѣлить. Она желала заглушить это «что-то», увѣрить себя, что іо, чѣмъ она теперь живетъ, это и есть все, что больше ничего нѣтъ и не нужно. И вдругъ Гедзь, самъ того не подозрѣвая, избережилъ ея старую рану. Она продолжала сидѣть съ холодно-спокойнымъ, точно застывшимъ лицомъ и сжатыми губами и, казалось, перестала дышать. Максимъ, конечно, не догадался, какую бурю поднималъ его рассказъ въ душѣ паночки и не подозрѣвалъ, что она, хотя и смотритъ ему прямо въ ротъ, но ничего не слушаетъ, и только когда онъ наконецъ замолчалъ, Любовь Владиміровна какъ-то удивленно глянула на него, точно еще чего-то ожидала.

— Такъ чѣмъ-же кончилось? проговорила она на удачу.

— Не кончилось, а еще только начинается, отвѣтилъ Максимъ:—туда, слышно, войско идетъ; но народъ, все-таки, будетъ стоять на своемъ.

— Коли все народъ будетъ стоять за свое дѣло, то онъ, вѣроятно, и отстоитъ его, если оно правое?

— Въ томъ и горе, что не всѣ за одно стоятъ! воскликнулъ Гедзь:—есть такіе, что стоятъ за новые порядки.

— Ну, что-жъ, возразила Любовь Владиміровна:—для нихъ, вѣроятно, выгоднѣе... Всякій блюдетъ свои интересы.

Она спрашивала Гедза объ чемъ-то, сама что-то говорила, но дѣлала все это совершенно безсознательно, думая въ то же время совсѣмъ объ другомъ.

— Какія тамъ выгоды! вскричалъ Гедзь, — то просто у

ивого страхъ, а другой—можетъ выслужиться хочетъ, да другимъ пакостить. Сказано: Хамъ,—Хамъ и есть! Вотъ вы и видите, заключилъ онъ, торжествуя, — все это пустое, что въ книгахъ пишутъ.

— Ну, нѣтъ! спохватилась наконецъ Любовь Владиміровна, догадавшись, что договорилась до абсурда,—книги не то, что «бумаги» въ которыхъ писали объ васъ, крестьянахъ, разныя разности. Книги полезны всѣмъ, и будутъ полезны и крестьянамъ, когда они сдѣлаются грамотными.

Максимъ скептически улыбнулся.

— Похоже на правду, сказалъ онъ, — вотъ же писарь на заводѣ. Что онъ дѣлаетъ? Ничего: чиркъ, чиркъ, чиркъ,—а 30 карбованцевъ въ мѣсяцъ лупить!..

«Чиркъ, чиркъ, чиркъ, а 30 карбованцевъ въ мѣсяцъ лупить... Чиркъ, чиркъ, чиркъ!..»

— Что за безобразіе! вскричала Любовь Владиміровна и остановилась.

Она оглянулась во всѣ стороны, точно искала кого-то, перевела духъ и продолжала путь свой; но о чемъ бы она ни подумала, смотришь — опять словно кто-то нашептываетъ на ухо: «чиркъ, чиркъ, чиркъ, а 30 карбованцевъ въ мѣсяцъ лупить... чиркъ, чиркъ, чиркъ»... Она пошла быстрѣе, точно убѣгала отъ неспрошеннаго собесѣдника; но онъ ее догонялъ и все нашептывалъ назойливо: «чиркъ, чиркъ, чиркъ»...

— Это, однако, въ самомъ дѣлѣ, комично! проговорила она вслухъ,—мы толкуемъ объ просвѣщеніи, объ знаніи, объ идеалѣ, а у него все это—одни только «карбованцы»!..

И во всю дорогу у нея изъ головы не выходила фізіономія Гедза, его пьяная усмѣшка и какъ будто слышалось его мудрое изрѣченіе, пока она не достигла, наконецъ, Костомовки.

Въ зданіи волостнаго правленія — просторной избѣ, крытой соломой, съ неизбежнымъ крылечкомъ, опиравшимся на два тоненькіе столбика, шла дѣятельная работа. Тамъ весь сельскій чиновный людъ былъ въ полномъ сборѣ. Ждали начальства, и старшина съ писаремъ торопливо приводили въ порядокъ всѣ принадлежности правленія, стараясь придать всему благообразный видъ.

Обширный дворъ правленія пока еще былъ пустъ, и по немъ мирно бродили куры, утки, поросята. Рыжая корова съ чернымъ пятномъ на лбу стояла у крылечка и такъ и наровила свалить его, почесывая о него свою спину. Громадная свинья съ ожесточеніемъ взрывала землю, перевернувши предварительно ушатъ съ помоями вверхъ дномъ, между тѣмъ какъ на спинѣ ея преспокойно помѣщалась ворона и, кивая головкой во всѣ стороны, весело каркала, — здравствуйте, молъ, сельское начальство, какъ поживаете?

Наконецъ, около четырехъ часовъ пополудни, на дворѣ правленія сталъ собираться народъ, и прежніе обитатели подверглись безцеремонному изгнанію. Народъ постепенно умножался, такъ что наконецъ не могъ уже умѣститься на дворѣ правленія, и образовалъ кружки на улицѣ, передъ воротами двора. Нѣкоторые разговаривали стоя; другіе усѣлись рядкомъ на колодахъ, лежавшихъ вдоль забора и глубокомысленно молчали, выводя своими палками разныя замысловатыя фигуры въ песокъ, или перекидывались отъ времени до времени ничего не значущими фразами и отрывистыми замѣчаніями. Старшина, съ раскраснѣвшимся лицомъ, между дѣломъ, выставить голову изъ открытаго окна, посмотреть, не ѣдетъ-ли начальство, скользнетъ безпокойнымъ взоромъ по морю волнующихся головъ и съ удрученнымъ видомъ снова примется за свое дѣло.

Пачарыца изъ своего двора очень хорошо видѣла, какъ народъ налилъ на сходъ, и надѣла было шапку и свиту, но остановился въ раздумьи.

— Ни, не пойду лучше! буркнулъ онъ и, махнувъ рукою, снова раздѣлся.

Онъ сталъ копаться у хлѣва, поправляя что-то безъ всякой надобности и косясь въ то же время въ сторону волостной избы, куда народъ все прибывалъ. Его такъ и подмывало пойти туда-же; но онъ такъ удержался, находилъ себѣ разныя занятія и въ то же время все бормоталъ что-то сердито про себя. Затѣмъ, потоптавшись на гумнѣ, онъ заглянулъ къ бычкамъ и подложилъ имъ охапокъ мятой соломы, хотя тѣ, повидимому, были совершенно сыты и, лежа, флегматически отрыгали жвачку. Потомъ онъ вошелъ въ хату, сѣлъ и какъ будто совершенно печально глянулъ въ окно: народу на волостномъ дворѣ была уже тьма.

— Ге! удивился Пачарыця вслухъ и крѣпко-крѣпко почесалъ въ чубѣ.

Онъ поднялся и вышелъ въ сѣни. Здѣсь онъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, какъ бы успливаясь припомнить, зачѣмъ это нелегкая запесла его сюда и вдругъ плюнулъ сердито, снова надѣлъ шапку и свиту и медленно-медленно побрелъ въ волость.

Не глядя ни на кого и чуть внятно прощѣживая необходимый «добры день» встрѣчнымъ и поперечнымъ, Пачарыця усѣлся, наконецъ, на краю колоды, вытащилъ изъ кармана свою носогрѣйку и принялся энергически дымить, ковыряя въ ней съ ожесточеніемъ то толстымъ, то указательнымъ пальцемъ. Въ общій разговоръ онъ не вмѣшивался и все упорно молчалъ, а на случайное обращеніе къ нему другихъ отвѣчалъ короткими односложными словами или даже просто звуками. Это обстоятельство не мало удивило многихъ, знавшихъ Пачарыцю, какъ одного изъ первыхъ крикуновъ на всѣхъ мірскихъ сходахъ. Трофимъ Чубукъ, добрый gospodarъ и тоже не изъ послѣднихъ мірскихъ крикуновъ, потолковалъ было съ Пачарыцей о предстоявшемъ событіи, но, не добившись отъ него ничего, кромѣ «да», да «ни», да «гм... гм...», да «э-ге», выпучилъ свои зенки, изобразивъ изъ всей своей фигуры вопросительный знакъ, поглядѣлъ съ минуту подозрительно на собесѣдника и обратился къ другимъ, мысленно порѣшивъ, что Пачарыця «або пьянъ, або шо-сь не тѣ»...

Въ правленіи, между тѣмъ, все уже было кончено и приведено въ надлежащій порядокъ. Весь чиновный людъ занялъ свои мѣста, и старшина, въ ожиданіи начальства, присѣлъ къ окну. Къ нему немедленно подошло нѣсколько господарей и завели рѣчь. Старшина, весь раскраснѣвшись, разговорился объ разныхъ постороннихъ вещахъ и, между прочимъ, заявилъ, что намѣренъ сложить съ себя свою обязанность, ссылаясь на трудность управленія общественными дѣлами. Мужички слушали и, по обыкновенію, поддакивали.

— Всѣмъ не угодишь, продолжалъ старшина: — одному угодишь, другого обидишь. У того податей требуешь—«не-ма, говоритъ, — жди». А гдѣ тутъ ждать? Съ меня спрашиваютъ,— не свои же гроши вести, да и не запасешься ими на весь міръ! Ну, и старостѣ въ шею часомъ достанется, а онъ тогда и дѣлаетъ свое дѣло—уводить у того овцу, у другого—кабана чи другую какую скотину... Такъ говорятъ, что я граблю!.. — А мнѣ тутъ что? Въ свою кошну не кладу, — всѣ знаютъ..

— А такъ... такъ... поддакнули слушатели.

— Или вотъ хоть бы и съ громадскимъ хлѣбомъ, продолжалъ старшина:—пеняютъ на меня. «Ты, говорятъ, громадское добро жалѣешь».

— А мнѣ чего жалѣть?—себѣ что-ли я его беру? Слава Богу,—гамазен вотъ полны, — пусть тамъ хоть и сгниетъ. А то брать такъ всѣ мастера, а отдавать—ку-да!—и не сунься!.. Когда берутъ—у, какіе добрые! «Первое, говорятъ, что съ поля снимемъ, отдадимъ».

— А приходится отдавать - э-ге!—никого и дома нѣтъ. Сапоги истопчешь, идучи за этимъ хлѣбомъ. Самъ бѣгай, старосту, сотскаго гоняй, а тѣ, собачьи дѣти, попрятались—ищи ихъ! А у меня и безъ того много дѣла, да и сотскій не сидитъ, сложа руки. Ну, ты другой разъ и силою берешь, не уважишь, что кричить: «самоу ѣсть нечего»!—Пеняй на себя: зачѣмъ не отдавалъ, когда было много? На ярмарку везти было что, а въ громадскіе гамазен долгъ отдать не хватало?..

— Что правда, то правда, подхакнули слушатели.

Шубенко еще больше раскраснѣлся, пыхгѣль и вытираетъ поминутно потное лицо рукавомъ.

— Первый, второй годъ, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту:—по неопытности роздалъ почти весь хлѣбъ. Совсѣмъ опустѣли гамазеп. Кто ни попроситъ — на! А потомъ самъ горячку поролъ. Къ кому не сунешься—нѣтъ: тотъ не смолотилъ еще, другой смолотилъ да уже и на мельницу свезъ, третій—на ярмарку,—хоть изъ собственнаго амбара тащи да слышь въ громадскіе гамазеп: неровень часть; начальство наѣдетъ, а тутъ гамазеп пусты — не дай Богъ... Тогда-то я опыту и набрался. Давать таки давалъ, но не зря.

— А то еще говорятъ: «своимъ даетъ». Правда своему дамъ, потому хорошо знаю, что отдасть,—безъ спору, безъ ссору, добромъ возьметъ да и отдасть.

— Это такъ, опять согласились слушатели.

— Ну, не совсѣмъ уже оно и такъ! — возразилъ Птахъ, прослушавъ конецъ рѣчи Шубенка:—раздать громадское добро своимъ родичамъ — также не резонъ. Неправда и то, что начальство все съ тебя спрашиваетъ: за громадское добро передъ начальствомъ держать отвѣтъ громада-же.

— Тебя можетъ позовутъ къ отвѣту?—огрызнулся Шубенко.

— Потянутъ и меня, и другаго, и третьяго, какъ только въ книгахъ будетъ прописано, что кто нибудь изъ насъ бралъ что изъ громадскихъ гамазеевъ. А то, — смотри, какой! И тому даль, и сему даль, и тотъ не отдасть, и другой не отдасть... Какъ будто оно такъ и дѣлается, что взялъ то и пиши пропало, а онъ сиромаха, за всѣхъ въ отвѣтъ... Нѣтъ, брешешь! Всякій за себя самъ отвѣчаетъ! А коли кто и не отдастъ въ сроку—тоже не бѣда: послѣ какъ нибудь отдасть. Что ты своимъ раздаешь, такъ то правда.

— Потому что свои отдають, оттого и одолжаю.

— Э-ге, отдають! Только кто это видитъ?—ухмыльнулся Птахъ:—гамазеп большіе, полные. Какъ тамъ сколько четвертей не досчитаешься—тоже не бѣда. Скажутъ, мыши съѣли...

— От-то Птахъ!—удивился кто-то.

— Э-ка, поддакнулъ другой:—птица съ норовомъ.

— А ты брешь да знай мѣру, замѣтилъ Шубенко.

— Коли къ слову пришлось, отчего-жъ бы и не сказать?—возразилъ Птахъ. Опять же и то сказать: пришли мы от-теперь сюда не затѣмъ, чтобы слушать молча, какъ намъ зубы заговариваютъ,—слушали, слава Богу, довольно — 6 лѣтъ. А кто изъ насъ еще брешеть, то вотъ пусть люди разсудятъ.

— Видно уже и разсудили, сказалъ Шубенко, не глядя на своего противника:—а то видишь-же: молчать.

— Что ужъ и говорить!—не унижался Птахъ:—говорить ужъ печего! Нахозайничалъ въ гамазяхъ, поорудовалъ съ громадскимъ шинкомъ... Тамъ съ родичамъ, а сюда другаго чорта уже не нашель, дурня—Хведька посадилъ...

— А ты чему-же самъ не сѣлъ шинкаремъ? — перебилъ Шубенко:—хйба я не давалъ?

— Г'е!—то я, а то—Хведько!—возразилъ Птахъ:—у меня хозяйство на рукахъ...

— И у меня, человѣче добрый, хозяйство на рукахъ, огрызнулся Шубенко:—и у другаго, и у третьяго... Всѣ мы хозяева; полемъ и орудумъ, а шинокъ—не наше дѣло.

— Ну, и пусть бы себѣ тотъ жидъ сидѣлъ.

— И пусть бы сидѣлъ. Отчего-жъ вы выгнали?—Сами же вы приговоръ составили, чтобъ нѣ было жида,—не я распоряжался. А какъ жида выгнали, то кого-жъ было посадить?—Спасибо и Хведьку, что сѣлъ.

— А не вышло толку, прибавилъ онъ, обращаясь къ слушателямъ:—опять виноватъ я! не могъ-же я самъ сѣсть шинкаремъ!..

— Оно такъ, согласился всѣ.

— А и Хведько не виноватъ, продолжалъ Шубенко:—куда-жъ ему жидовскимъ дѣломъ орудовать!

— До-обре, собачій сынъ, орудовалъ, коли громада такіе убытки понесла, вставилъ Птахъ.

Шубенко, наконецъ, не выдержалъ.

— Э, со всякимъ дурнемъ не столкуешься! — вскричалъ онъ и топнулъ.—Нѣтъ!—продолжалъ онъ:— не хочу я больше быть вашимъ старшиною—хай ему всячина!—У меня и дома, какъ и у всѣхъ добрыхъ людей, свое дѣло есть. Служишь громадѣ, ты уже дома не хозяинъ, чужихъ работниковъ держи, плати... А какія еще чужія руки? — жаръ только загребать ими... Все прахомъ такъ и идетъ, и за все про все вотъ тебѣ и спасибо—гсякій дурень шельмуеть!..

Народъ между тѣмъ продолжалъ совѣщаться. Тихонъ поспѣвалъ всюду и вездѣ вставлялъ свое словце. Семенъ Птахъ, набравшись съ старшиною, успѣлъ уже наговориться и накричаться въ разныхъ мѣстахъ до хрипоты и, приблизившись теперь къ новому кружку и не разобравши даже хорошенько, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, прямо буревнулъ:

— Къ чорту его, самага Шубенка! Онъ только пакостникъ, а толку въ немъ никакого!

— Ты чего пнешься, какъ жаба на купу? — осадилъ его Трохимъ Чубукъ.

Этотъ Трохимъ былъ зажиточный господарь, о чемъ легко было догадаться по новой, сѣрой свитѣ съ затѣйливыми узорами на груди и концахъ рукавовъ и крѣпкимъ сапогамъ, жирно смазаннымъ дегтемъ. Длинные, русые усы скрывали опущенные углы рта, которые вмѣстѣ съ лукавыми глазками, выглядывавшими изъ подъ густаго чуба, ясно свидѣтельствовали, что Чубукъ—большой пересмѣшникъ.

— А онъ чего-же смотрѣлъ? — не унимался Птахъ:— громада ему вѣчная дойная корова что-ли будетъ? Пора знать и честь...

— Стой, стой, Семене! — перебилъ Трохимъ: — брехать — брешу; но и мѣру знай.

— Нѣтъ, не брешу!

— Нѣтъ, брешешь, хлѣпокровно наставлялъ Тихонъ:— ты говоришь, что громада ему дойная корова, а до сихъ поръ про то не слышать было что-то.

— Это можетъ ты одинъ не слыжалъ! — теплая на тебѣ тебѣ шапка... мохнатая... она уши затываетъ...

— А важись и ты также ничего не слыхалъ, хотя на тебѣ и нѣтъ такой мохнатой шапки, да и никто ничего не слышалъ, потому и слушать нечего было.

— Нечего? А послушалъ бы ты, что сважутъ Микола Сиволапъ, Колода Стезько...

— Послушаю... Ну, что скажешь?—обратился Трохимъ къ Колодѣ, глянувъ ему сквозь чубъ прямо въ глаза.

— А что я скажу? — возразилъ Колода: — ничего я не скажу.

— Что?—усмѣхнулся Трохимъ, покосившись на Птаха.

— А ты, такой, сякой, немазанный, сухой,—говори, коли тебя спрашиваютъ!—накинулся на Колоду Птахъ.

— Э-ге, говори!—подразнилъ Трохимъ: — только что говорить? Передъ миромъ сбрехнуть—не то, что передъ сосѣдомъ...

Но Птахъ не сплосалъ. Онъ еще разъ понуканулъ Колоду, и послѣдній, почесавъ попеременно то одной, то другой рукой въ затылкѣ, рассказалъ исторію о томъ, какъ Шубенко приказалъ старостѣ выгнать его, Стецька Колоду, на стойку къ становому не въ очередь.

— Что-же, ему самому въ стойчки идти?—возразилъ Трохимъ: мы всѣ отбываемъ и стойку, и дорожную повинность—кто самъ, кто, работника посылаетъ...

— Ивана Зипуна не погналъ, небось,—своязъ...

— Стой, стой! Не такъ ты говоришь, Семѣне!—перебилъ Трохимъ:—ты скажи-ка прежде тому самому Колодѣ, чтобъ толкомъ рассказалъ, какъ было дѣло. Не такой-же дурень и Шубенко, чтобъ челокѣа не въ очередь отъ работы отрывалъ да и гналъ, чортъ знаетъ куда, когда ему вздумается: знаетъ онъ, небось, хорошо, что это ему даромъ не пройдетъ, хоть и старшина!

Стали допытывать Колоду, и оказалось, что онъ отпросился, когда была его очередь, и Шубенко послалъ на стойку не кого другаго, какъ своего-же свояка, Ивана Зипуна, — ты, молъ, своякъ, не выщешь. За то въ очередь Зипуна приказалъ выгнать Колоду.

Трохимъ только оглянулъ вопросительно всѣхъ,—чья, молъ, правда, а?—глянулъ мелькомъ и на Птаха, но и ему ничего не сказать.

— А Шубенко все же намъ не голова!—настаивалъ Птахъ.

— Изъ тебя, небось, лучший выйдетъ?—усмѣхнулся Трохимъ.

— Я и самъ не про себя говорю:—не такой у меня разумъ, чтобъ міромъ заправлять.

— То правда, поддакнулъ Трохимъ:—грѣхъ сказать, чтобъ у тебя того разума много было. Только кого-жь ты выберешь?

— Міръ уже знаетъ, кого въ старшины посадить.

— Да говори-же, матери твоей—индыкъ печеный!—кого?

— А хоть бы и Лопату.

— Тихона?

— Э-ге, Тихона. Онъ разумный человѣкъ; ему и быть головою.

— Сдурѣлъ ты, человѣче, да и съ міромъ разомъ! Гдѣ-жь такъ такого фармазона да и въ старшины посадить! Вѣдь ему того и гляди кудый всю мірскую казну перетащить!..

— Замокъ съ крестомъ, ввернулъ кто-то:—кудый не приступитъ.

— А не приступитъ кудый, такъ и самъ лапу зауститъ—не полѣнится...

— Можетъ онъ у тебя что укралъ?—горячился Птахъ.

— Нѣтъ, у меня ничего не укралъ.

— То-то!.. перебилъ Птахъ:—и у меня ничего не укралъ, и у тебя, Стецько, и у тебя Микито, и у тебя Вахталамей,—правда?

— Кто и говоритъ!

— А порядковать можетъ хорошо, — лучше Шубенка, да-ромъ что не грамотный. Голова разумная, хозяинъ богатый... Отчего-жь его и въ старшины не выбрать?

— Пожалуй что и такъ... согласились слушатели.

— Такъ-то оно такъ; но чего этотъ Птахъ ужъ такъ распинается?—ввернулъ кто-то.

Трофимъ повосился на говорящаго и улыбнулся.

-- Не знаешь хіба?—сказавъ онъ: — чортъ біса тiane пзъ ліса...

Въ другихъ кружкахъ шли подобныя же споры, только на другія темы и съ другими варьяціями. Вездѣ оказывались сторонники и противники Шубенка и Лопаты; толпа вездѣ молча слупала, безсмысленно поддакивая то тому, то другому крику. Самъ Тихонъ поспѣвалъ всюду; но онъ велъ себя съ тактомъ: вездѣ онъ вязывался въ общій споръ, присоединяясь къ оппозиціи противъ Шубенка, пока не поднимался вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить теперешняго старшину. Но какъ только этотъ вопросъ поднимался, Тихонъ сейчасъ же ступевывался и незамѣтно прокрадывался къ новому кружку.

А Пачарыця, какъ присѣлъ на комодъ въ началѣ своего прихода, такъ и продолжалъ сидѣть, точно его пригвоздили. Онъ молча наблюдалъ за всѣмъ, что происходило кругомъ и только изрѣдка ворчалъ сердито что-то про себя. «Дурни! — процѣдилъ онъ сквозь зубы: — за горілку и батька роднаго продадутъ!»... Его такъ и подмывало сорваться съ мѣста да и крикнуть на весь «міръ»: «Къ чорту Шубенка, но и къ дідьку и самого Тихона!—у одного только руки не чисты, а другой таки совсѣмъ злодіяка! Выбирай, міръ крещенный, въ старшины чловѣка честнаго — хоть бы и Паляныцю Василія, — тотъ своего брата, мужика, не продасть, громадской казны не выпорожнить!»... Но онъ помнилъ свое обѣщаніе и молчалъ. Это обѣщаніе его бы не связывало, по онъ зналъ, что не расположивши чѣмъ нибудь матеріальнымъ толпы да не поладивъ къ кѣмъ слѣдуетъ, о кандидатурѣ на должность старшины и помышлять нечего не только какому нибудь Паляныцѣ, а и самой Оемидѣ, если бы та какъ нибудь олицетворилась въ плоть и кровь и облеклась въ сѣрую свиту и синюю шапку и явилась на мірской сходѣ.

Наконецъ вдали послышался звонъ почтового колокольчика, и всѣ шапки посыпались съ головъ точно сами собою. Народъ заволовался, разступился, и почтовая тройка тихо подкатила къ крылечку и остановилась. «Начальство» спрыг-

нуло съ воза и тотчасъ же скрылось въ избѣ правленія; но всѣ продолжали оставаться съ непокрытыми головами, представляя свои чубы на произволъ легкому вѣтерку, который то шаловливо погнривалъ ими, еле-еле пошевеливая, то разомъ подхватывалъ и, поставивъ дыбомъ, крутилъ по всѣмъ направленіямъ и затѣмъ опять только изрѣдка тихо-тихо шевелилъ отдѣльными прядями.

Что происходило въ самой избѣ — неизвѣстно; но «миръ» издавъ недолго: посредникъ скоро появился на крылечкѣ и, заложивъ руки въ карманы панталонъ, молча озиралъ тихое море волнующихся чубовъ. За плечами «начальства» стоялъ старшина съ писаремъ.

— Кого вы выбрали? — спросилъ наконецъ посредникъ.

— Шубенка! — крикнуло нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Не хотимъ Шубенки! — гаркнули другіе: — мы Лопату выбрали!

И вслѣдъ затѣмъ поднялся прежній шумъ, изъ котораго уже ровню ничего нельзя было разобрать.

— Кого-жъ вы, наконецъ, желаете? — нетерпѣливо крикнулъ посредникъ.

Толпа заволновалась. Въ центрѣ ея произошло какое-то движеніе, не поддающееся описанію. Какъ водоворотъ въ морѣ, закружилась густая, тѣсно сплоченная кучка людей и двинулась впередъ, увлекая за собою Тихона. Двое вели его подъ руки, а всѣ прочіе грудью подталкивали всѣхъ трехъ впередъ!

— Вотъ этотъ пусть будетъ старшиною! — крикнули всѣ разомъ, остановившись передъ крыльцомъ.

— Не хотимъ его! — энергически крикнуло нѣсколько голосовъ изъ толпы: — Шубенко пусть останется старшиною!

Посредникъ уже хотѣлъ было приступить къ развязкѣ и — остановился въ замѣшательствѣ.

— Какъ не хотите? — сказалъ онъ: — вѣдь сами же выбрали?

— Мы его не выбирали! — кричали въ толпѣ: — самъ, собачій сынъ, навязался!

Бѣдный Тихонъ! Онъ очутился въ самомъ жалкомъ по-

ложеніи и готовъ былъ провалиться сквозъ землю. Острое чувство стыда овладѣло имъ; онъ внутренно проклиналъ и себя, и весь «міръ», но ничего не могъ сказать. Хищническіе инстинкты овладѣли имъ въ эту рѣшительную минуту до того, что онъ даже не въ состояніи былъ притворно отпѣкиваться, какъ это непременно долженъ дѣлать всякій «добрый человѣкъ», когда ему предлагають честь. Ему казалось, что отпѣкнись онъ хоть разокъ и — прости-прощай лелѣянная мечта! Онъ продолжалъ стоять молча съ притупленнымъ взоромъ и переминался съ ноги на ногу. А въ толпѣ по прежнему происходилъ неопредѣленный шумъ, среди котораго слышались попеременно то имя Шубенка, то имя Лопаты.

Посредникъ наконецъ потерялъ всякое терпѣніе. Онъ самъ энергично вмѣшался въ дѣло, и не прошло и десяти минутъ, какъ все было кончено.

Тихонъ восторжествовалъ. Народъ сталъ расходиться по домамъ, толкуя о новомъ событіи каждый по своему. Общее мнѣніе, не смотря на недавнія противорѣчія, теперь было таково, что при Тихонѣ дѣла пойдуть несравненно лучше, — иначе «міръ» его не выбралъ бы. Одинъ только Пачарыця былъ недоволенъ — потому-ли, что ему сегодня не удалось охрипнуть, какъ это бываетъ съ нимъ послѣ каждаго схода, потому ли, что дѣла приняли такой оборотъ, который ему почему бы то ни было не былъ желателенъ, — рѣшить трудно. Известно только, что онъ крѣпко негодовалъ на весь «міръ» и на себя больше всего.

Угрюмый и сердитый онъ побрелъ домой, затесался въ самый темный уголъ хаты и, облокотившись обѣими руками объ столъ, крѣпко задумался.

... Небо было звѣздно. Изъ багроваго зарева на горизонтѣ вынырнула луна и засыпала окрестность своими серебрястыми холодными лучами. Подулъ свѣжій, легкій вѣтерокъ и чуть замѣтно зарыбилъ гладкую поверхность дремавшаго пруда, ше-

вельнуль слегка верхушки вербъ — и длинныя, фантастическія тѣни съ неясными очертаніями стали передвигаться, пересѣкаясь и псчезая въ волшебномъ свѣтѣ. Луна, звѣзды и чешуйчатыя тучки, отражавшіяся въ поверхности пруда, слегка закачались и запрыгали.

Любовь Владиміровна возвращалась домой. Она прошла берегомъ пруда, минула огороды, камыши. Отсюда тропинка змѣялась еще немного по небольшому лугу и, наконецъ, побѣжала между двумя косогорами, колосившимися рожью. Здѣсь слышался еще отдаленный говоръ, доносившіяся въ вечерней тишинѣ съ поразительной отчетливостью въ перемежку съ лаемъ собакъ, глухимъ стукомъ колесъ по улицамъ и отрывистыми звуками отдаленной пѣсни.

Любовь Владиміровна шла задумчиво, смутно сознавая, гдѣ она и куда идетъ. Слишкомъ много пережила она сегодня; слишкомъ много она видѣла и слышала; но она неутомимо размышляла обо всемъ и старалась разобраться во всей этой массѣ разнообразныхъ впечатлѣній. Она раньше всѣхъ пришла въ волость и изъ квартиры Мартынова могла видѣть и слышать все, что происходило на волостномъ дворѣ. Ни одна подробность не ускользнула отъ ея вниманія и теперь опять все ясно, отчетливо рисовалось воображеніемъ, точно общій говоръ вилѣлъ еще въ воздухѣ, вдумывалась во все это и—недоумѣвала. Всѣми силами своего ума старалась она вникнуть въ смыслъ мірскихъ толковъ, пайти логическую послѣдовательность между тѣмъ, что было говорено и тѣмъ, что было сдѣлано; но это ей не удавалось. Что какая-то логика существовала—въ этомъ она ни минуты не сомнѣвалась. Но логика эта во всякомъ случаѣ должна быть какая-то особенная, своеобразная, непонятная ея культурному уму. Изъ всего, что ей извѣстно стало и во время закулисныхъ приготовленій къ выборамъ, и на самыхъ выборахъ, необходимо слѣдовало, чтобы Тихонъ провалился въ тартарары. Незамѣтно также было, чтобы посредникъ произвелъ особенное давленіе на міръ и ни малѣйшаго намека не было на что нибудь подобное

тому, что рассказал ей Капшукъ дорогой еще нѣсколько дней тому назадъ по поводу выборовъ верхоплясовскаго старшины. Все это, какъ ей казалось, она видѣла очень хорошо. Общее настроеніе міра, если судить по возгласамъ, раздававшимся съ разныхъ сторонъ, тоже было не въ пользу Тихона и ничего добраго не предвѣщали они его кандидатурѣ, а между тѣмъ его все-таки выбрали... Какъ это понять?

... «Всего мѣсяцъ какъ я живу здѣсь, писала на другой день Любовь Владиміровна своему другу Сонѣ: — и — Боже мой! — сколько я за это короткое время успѣла пережить и перестрадать! Одинъ умный человекъ замѣтилъ, что люди вообще желаютъ весьма многого, а довольствуются весьма малымъ, и я теперь на самой себѣ испытываю всю правдивость этого замѣчанія. Горько и обидно признаться самой себѣ, на чемъ бы желательно было успокоиться среди этого вѣчнаго противорѣчія. Тяжело, очень тяжело сознаться самой себѣ, что ты со всѣми своими мечтами, стремленіями и желаніями — меньше нуля, а необходимо сдѣлать это, жизнь идетъ своимъ чередомъ и какъ бы говорить всѣмъ: слѣдуй за мною или убирайся, но не смѣй забѣгать впередъ! И горе тому, кто не слушается голоса этого грознаго сфинкса: несчастный будетъ проглоченъ...

Я, конечно, заранѣе знала, что звѣздъ съ неба хватать не стану и что даже лулу за рога не схвачу; но все-таки что нибудь, приготовившись хорошенько, я таки въ состояніи буду дѣлать. Оставалось только самое пустое — поприглядѣться къ той самой будничной жизни, среди которой предполагалось жить и дѣйствовать. И вообрази же себѣ, Соничка, что это-то именно «пустое», какъ кладъ, не дается въ руки! Живу вотъ въ деревнѣ, — въ той самой деревнѣ, объ которой у насъ постоянно говорится и пишется, и среди той самой «меньшей братья», объ которой говорится и пишется. И что же? Я чувствую себя ничтожнѣе послѣдняго мірянина, которому

ни до жого и ни до чего въ мѣрѣ никакого дѣла нѣтъ и который ни объ чьей судьбѣ на свѣтѣ не безпокоится: онъ смотритъ на окружающій его мѣръ съ ясными глазами; ему безъ словъ понятны поступки другихъ и самые сокровенные мотивы этихъ поступковъ, а я все вижу, все слышу, на моихъ глазахъ совершаются разныя событiя и — хоть убей — ничего не понимаю!...»

Л. Штамеръ.

Какъ я сталъ „духовнымъ братомъ“ ¹⁾.

(Изъ записокъ штундиста).

До тридцати семи лѣтъ жилъ я въ темнотѣ... Въ это время былъ я на работѣ у крестьянъ деревни Пасѣковой, Одесскаго уѣзда. Встрѣтился мнѣ тамъ человѣкъ, по имени Михаилъ Ратушный. Онъ то и разсказалъ мнѣ про духовную жизнь, объяснивъ, почему человѣкъ называется духовнымъ человекомъ, сказавъ, что для того, чтобъ называться духовнымъ человекомъ, необходимо научиться писать и читать, а особенно духовныя книги: св. библію, евангеліе и святыхъ пророковъ.

Послѣ работы отправился я въ Елисаветградъ и, заработавъ рублей 60, началъ учиться: купилъ себѣ Новый Заветъ и три года читалъ эту книгу безпрестанно. Только въ это время узналъ я, какую правду говорилъ мнѣ Михаилъ Ратушный, называя меня «святою темнотою». Работаю я въ свесмѣ городѣ, въ будни зарабатываю кусокъ хлѣба, а въ воскресные и праздничные дни учусь читать и писать, а, извѣстно,

---

¹⁾ Настоящая статья составляетъ продолженіе «Записокъ крестьянина—любопытнаго», помещенныхъ въ МН 1 и 2 «Утосъ». Ред.

старая рука писать не можетъ, старые глаза смотрѣть не хотять.

Услышалъ я, что «духовное братство» есть уже и въ Елисаветградѣ, и въ воскресенье пошелъ къ братьямъ посмотрѣть, какъ они молятся. Увидѣлъ я, что они плачуть о грѣхахъ своихъ, а наибольше о своей темнотѣ, о томъ, что не понимаютъ, къ чему святые говорили.

Пошли мы разъ молиться на Новую Постройку. Только-что кос-кто пришелъ, какъ вдругъ приѣзжаетъ настоятель, чтобы поучать насъ Слову Божию. Въ это время сбѣжалась толпа пьяныхъ людей и пачала бросать въ насъ камнями... «Братья» начали молиться... И сколько ни кидали камнями, овна побили, а въ насъ ни въ одного не попали. Такъ увидѣлъ я, какъ духовные братья Богу молятся.

На другой годъ поѣхалъ я въ г. Вознесенскъ на сѣнокосъ, а въ то время уже и тамъ появилось «духовное братство».

...Согласились тамошніе мѣщане и отставные солдаты и постановили приговоръ, чтобъ не было этого духовнаго братства. Собралась громада, пошли по хатамъ, понытаскивали «братъевъ», привели къ волостной расправѣ и пачали наказывать, приговаривая: вотъ это вамъ духовное братство!

Принесли икону святителя Николая и говорятъ: кланяйтесь! Креститесь! да кулаками въ шею душъ по пяті сразу...— Давайте подписку, что будете въ церковь ходить...

Нѣкоторые бѣдные братья и сестры согласились ходить въ церковь, а другихъ два дня наказывали, покаместъ не принесъ Господь какого-то пана. Тѣхъ, которые наказывали, онъ арестовалъ, а «братъевъ» отпустилъ по домамъ и сказалъ: ожидайте! а самъ куда-то подалъ бумагу.

И подумалъ я себѣ: бьютъ братъевъ не только у насъ, въ Елисаветградѣ, а и въ Вознесенскѣ.

Работалъ я тамъ у нѣмцевъ цѣлое лѣто и, будучи уже до-
мой, повстрѣчался съ однимъ старичкомъ. Разговорились мы
и начали другъ друга спрашивать. Разказалъ мнѣ тотъ
старикъ, что ему уже восемьдесятъ четыре года, что еще дѣдъ
ему разказывалъ, что въ этихъ мѣстахъ прежде жили ка-
заки.—Своихъ лошадей, бывало, табуны держатъ, стада овецъ,
а скота сколько кто захочетъ, а теперь, Боже, какъ потѣ-
снили!.. Пасѣнки держатъ негдѣ. Вотъ и я хожу: пристанища
нѣтъ... Теперь пойду въ Полтавскую губернію: тамъ у меня
когда-то родичи были.

— Гдѣ же вы теперь были? спросилъ я.

— У нѣмцевъ за овцами ходилъ, отвѣчалъ онъ.—Теперь
уже ночью не вижу... Теперь вотъ пойду къ родственникамъ,
можетъ быть, гдѣнибудь возлѣ пасѣнки буду.

— Своя у васъ пасѣнка? спрашиваю я.

— Нѣтъ! говорить: можетъ быть, наймусь у какого ни-
будь пана, до смерти какънибудь доживу.

— Развѣ у васъ и дѣтей не было? спрашиваю.

— Было два сына, еще при крѣпостномъ правѣ, да стар-
шаго панъ взялъ къ себѣ въ лакеи, а потомъ подарилъ ка-
кому то помѣщику, а меньшаго въ солдаты отдали; а старуха
уже лѣтъ двадцать, какъ померла, и остался я одинъ-одине-
хонекъ. Послѣ воли ходилъ я къ людямъ на работу, а потомъ
нездоровиться стало, работать было не подъ силу, я и на-
нялся къ нѣмцамъ овецъ пасти. Перестали глаза видѣть, и
нѣмцы меня держать не захотѣли. Вотъ я и иду въ Полтав-
скую губернію, а можетъ быть, гдѣнибудь и въ Кіевской
губерніи стану на пасѣнку: по міру ходить стыдно.

Распростился я со старичкомъ и поѣхалъ въ Елисаветградъ.

Пріѣхалъ я въ городъ, нанялъ квартиру и пошелъ снова
работать по городу. И что за лѣто заработаю, то въ го-
родѣ и на зиму не хватитъ, потому что въ нашемъ Елиса-
ветградѣ зимою рѣдко когда бываетъ работа: работаешь, ра-

ботаешь, а все никакъ нельзя хотъ какое нибудь хозяйство завести.

Встрѣтился со мною какъ-то знакомый и говоритъ: «Хочешь, Капитонъ, стать на службу на вокзалѣ? Я тебя отрекомендую начальнику станціи».

Попросилъ я его и онъ разсказалъ про меня начальнику станціи, а тотъ и сказалъ, чтобъ я пришелъ.

Пришелъ я на вокзалъ. Посмотрѣлъ на меня начальникъ станціи, потребовалъ документы, разсмотрѣлъ ихъ и сказалъ: «Оставайся «перопчникомъ». Смотри, чтобъ у тебя платформа была чиста, подъѣздъ чистый и залъ третьяго класса прибрано и выметено каждый день. Смотри, не пьянствуй... Наблюдай, чтобъ стекла въ окнахъ и въ дверяхъ были цѣлы. Въ случаѣ, кто разобьетъ, а ты не досмотришь,—изъ твоего жалованья вычтутъ...»

Выслушалъ я свои обязанности—ответственность большая. Спрашиваю:—а цѣна какая же будетъ?

— Двѣнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ, говоритъ начальникъ станціи:—на своихъ харчахъ.

И остался я на вокзалѣ швейцаромъ и «перопчикомъ».

Пожилъ я мѣсяцъ, смотрю: не хватаетъ того жалованья и на харчи. Надо, значить, между работой зарабатывать на харчи; а то на одежду и на обувь ничего не заработаешь. Присматриваюсь я, а тамъ выносятъ пассажирамъ чемоданы, а пассажиры платятъ: кто дастъ двадцать копѣекъ, а кто—изъ добрыхъ баръ—и пятьдесятъ.

И началъ я такимъ образомъ зарабатывать то сорокъ, то пятьдесятъ копѣекъ и перебивался кое-какъ: жалованья-то скорѣй не получишь, какъ перваго или третьяго числа слѣдующаго за прослуженнымъ мѣсяца...

... Смотрю я, а багажные берутъ все, что перевозятъ купцы: и сахаръ, и водку, и вино. Посмотрѣлъ я въ магазины, и тамъ берутъ, что попало. Испугался я. «Отсюда, думаю—и въ тюрьму попасть можно». Молчу.

Замѣтили служащіе и багажные, что я не беру ничего и

начали говорить между собою: «Вот этотъ не беретъ ничего. Какъ бы онъ не донесъ». И начали подкапываться подъ меня, каверзы мнѣ строить, чтобы выгнать меня оттуда. Взяли однажды уворовали у пассажира бутылку—вотъ что носитьъ черезъ плечо съ водкой или виномъ—и подбросили въ печку въ третьемъ классѣ. А, Богъ далъ, въ это самое время начальникъ станціи послалъ меня въ городъ за покупками. Поѣздъ тотъ и пришелъ безъ меня. Тогда начальникъ станціи и увидѣлъ, что служащіе устроили мнѣ подкопъ.

Вижу я, что рабочіе злы на меня и сталъ ихъ просить:— Вы меня, говорю,— не бойтесь. Берите себѣ, что хотите, я никому не скажу; только меня не трогайте... Я еще отродясь ничего не бралъ чужаго и теперь боюсь, а вы себѣ дѣлайте, что хотите: я никому не скажу.

Какъ то разъ вечеромъ подошли къ вокзалу два поѣзда: одинъ изъ Одессы, а другой изъ Крюкова и оба соединились въ Елисаветградѣ. Одинъ поѣздъ подошелъ прямо къ платформѣ, а другой остановился на второй линіи рельсовъ. Когда первый поѣздъ отходилъ отъ платформы, надо было поставить лѣстницы, чтобы пассажиры втораго поѣзда могли выйти на платформу. Лѣстницы эти долженъ былъ ставить я.

Тронулся первый поѣздъ, и я, погорячившись, потащилъ лѣстницу, да не разсмотрѣвъ, что вагоны еще не всѣ прошли. Словно ошалѣлъ или одурѣлъ. Увидѣли меня начальникъ станціи и помощникъ, прибѣжали, схватили меня съ лѣстницей и оттащили въ вокзалъ. Только тогда я замѣтилъ, что чуть не попалъ подъ вагоны.

Другой разъ пришелъ смѣшанный поѣздъ въ часъ ночи. Побѣжалъ и я «братъ пассажировъ». Съ поѣздомъ пріѣхали двѣ барыни, а съ ними по два большихъ, тяжелыхъ узла багажу.

— Идите сюда!..

Я пошелъ, взялъ два узла; обѣ барыни пошли за мною, а два узла оставили въ вагонѣ. Принесъ я тѣ два узла въ зало втораго класса, а барыни и говорятъ:

— Пойдите и возьмите тамъ еще два узла багажу.

— Развѣ вы тамъ оставили? говорю я.

— Да, говорятъ,—оставили.

— Можетъ быть, уже взялъ ктонибудь, говорю я.

— Какъ можно! говорятъ барыни.—Пойдите.

Пошелъ я въ вагонъ, а тамъ уже нѣтъ багажу. Воротился я въ залъ и говорю барынямъ, что багажу нѣтъ. Барыни не повѣрили и одна пошла со мною въ вагонъ. Увѣрились они, что багажу нѣтъ, и напали на меня.

— Это ты, говорятъ,—багажъ взялъ.

— Нѣтъ, не бралъ, говорю я.

Доложили тѣ барыни начальнику станціи.

— Вотъ этотъ швейцаръ, говорятъ,—должно быть взялъ нашъ багажъ... онъ намъ два узла сносилъ.

Начальникъ станціи и говоритъ: еслибы ктонибудь другой, то я бы могъ подумать, что взялъ. А его винить я не могу, потому что онъ ни за что не возьметъ. Я васъ увѣряю. Да вы сами же и виноваты, потому что пошли обѣ за человѣкомъ. Было бы одной пойти, а другой остаться при багажѣ—это первое. А второе,—вы должны были сдать багажъ, а не при себѣ возить... А этотъ человѣкъ не возьметъ...

И спасибо начальнику станціи, оправдалъ меня.

Тогда я подумалъ себѣ: надо брать расчетъ, а то такъ ни за что, ни про что въ острогъ попадешь.

А тутъ какъ разъ подошла зима. Подумалъ я и остался. «Доживу, говорю себѣ—до лѣта, а тамъ и попрошу расчетъ».

Пришелъ какъ-то почтовый поѣздъ. Приѣхало тогда много пассажировъ и между ними одна барышня. Развѣхались всѣ пассажиры, а та барышня осталась и сидитъ во второмъ классѣ. Подошелъ къ ней начальникъ станціи и спрашиваетъ:

— Что вы, сударыня, говоритъ,—поѣзда ожидать будете?

— Нѣтъ, говоритъ барышня: мужъ мой поѣхалъ въ городъ и скоро возвратится. Тогда и я поѣду въ городъ.

Отошелъ отъ нея начальникъ станціи и она осталась. Следѣла она до самаго вечера, а мужа все не было. Переноче-

вала—спова нѣтъ. Снова спрашиваетъ ее начальникъ:—Нѣтъ вашего мужа?

— Нѣтъ, говоритъ она.—Будьте такъ добры, обратилась она потомъ къ начальнику,—я вижу, что это мое несчастье... Приѣхала я сюда съ однимъ приващикомъ, русскимъ... я еврейка. Взялъ онъ меня отъ отца изъ Харькова—отецъ мой кунецъ второй гильдіи. Взяла я съ собою платье и восемь тысячъ денегъ и все ему отдала. Онъ и отправилъ все по желѣзной дорогѣ—не знаю куда... Четыре недѣли я скрывалась въ Харьковѣ и онъ меня навѣщалъ, а вотъ это недавно и говоритъ: поѣдемъ къ моимъ родственникамъ. Тамъ ты окрестись и свадьбу сыграемъ...

— Что же это вы надѣлали? говоритъ начальникъ.—Можетъ быть, мазурикъ какой, а вы послушали его, да вдобавокъ еще деньги и платье ему отдали.

Сильно плакала тогда эта еврейка. Взялъ ее начальникъ станціи къ себѣ, а потомъ отправилъ ее къ своимъ родственникамъ въ Одессу.

Итакъ прожилъ я на вокзалѣ восемь мѣсяцевъ.

Весною уже стали ѣхать на работу изъ Полтавской губерніи. Съ одной партіей рабочихъ ѣхалъ старикъ [лѣтъ] шестидесяти пяти. Ожидали они поѣзда въ третьемъ классѣ. Разговорился я съ ними и спрашиваю старика: ну, пусть та молодежь ѣдетъ: они заработать могутъ, а вы куда ѣдете? Вы уже работать не въ состояніи.

— Что же мнѣ дѣлать? говоритъ старикъ.—Я одинокъ; надѣяться мнѣ не на кого. Дастъ Богъ, можетъ быть, и я гдѣ нибудь приткнусь баштанъ стеречь. Хотя на одежду заработаю, а то теперь и переѣмнать нечего.

Денегъ у старика стало только до нашей станціи, а отсюда пошелъ онъ пѣшкомъ. Не знаю, куда его Богъ понесетъ.

Попросилъ я у начальника станціи расчетъ.

— Я тебя не увольняю, говоритъ начальникъ.

— Да я уже не хочу служить, говорю ему.—Пойду на работу въ городъ.

Разсердился на меня начальникъ за то, что я не захотѣлъ жить на вокзалѣ: приказалъ найти на мое мѣсто другаго человека и началъ высчитывать изъ моего жалованья за побитыя окна. Стекла были чуть треснувшія, и засталъ я ихъ такими, а онъ вычелъ мѣсячное жалованье.

И пошелъ я съ вокзала въ городъ, началъ работать. Работы было мало и я выѣхалъ въ Николаевъ, полагая себѣ, что если случится печная работа, буду работать въ городѣ; а нѣтъ, такъ поѣду въ степь.

Приѣхалъ я въ Николаевъ. Тогда какъ разъ была война въ Турціи и Сербіи. Работы никакой: богачи боялись дѣлать постройки, думали все, что придетъ турокъ и разобьетъ городъ.

Распродалъ я свою одежду и кормился съ семьею на вырученныя деньги, ожидалъ рабочаго времени, искалъ работы. А городъ пезнакомый, не знаешь, съ кѣмъ и заговоришь...

Встрѣтился я тамъ съ молоканами ¹⁾. Взяли они меня къ себѣ въ гости. Смотрю я на нихъ: люди какъ и православные. Начали они просить меня къ себѣ въ воскресенье.

— Въ воскресенье, говорятъ, у насъ будетъ «собраніе».

Думалъ я, что это «духовное братство», и въ воскресенье пошелъ на «Военное» посмотреть ихъ собраніе.

Смотрю, собралось много мужчинъ и женщинъ, поставили столъ среди комнаты, накрыли его бѣлою скатертью, а сами разсѣлись по лавкамъ. А хата большая: душъ около сорока собралось.

Сидятъ всѣ молча. Такъ около часу сидѣли. Вышелъ ихъ

¹⁾ Этими именемъ въ Николаевѣ обозначаютъ почти всѣхъ сектантовъ.

старшій пророкъ и проговорилъ: Христось воскресъ! А пророчица говорила: Христось воскресъ околю ста разъ, а потомъ начала кружитьсяя коро, скоро, какъ колесо, и упала на землю, а сама поспивала, какъ земля. Тутъ всталъ опять пророкъ и началъ пѣть духовную пѣсню:

Христось на гору идетъ,
 Христось на гору идетъ,
 А самъ стадичко пасеть... (2)
     Тяжелъ крестъ на гору несетъ,... (2)
     А самъ стадичко пасеть (2)
 И на стадичко взираеть, (2)
 А самъ слезы проливаеть. (2)
 И на стадичко взираеть, (2)
 А самъ кровь проливаеть. (2)

Потомъ встала другая пророчица и начала ходить по комнатамъ и все говорить: Христось воскресъ, Христось воскресъ! Потомъ все быстрѣе и быстрѣе и до того зачатила, что ничего не разберешь! Затѣмъ ходить она перестала и начала кружиться, какъ пуля, и упала на землю. Снова всталъ пророкъ и началъ говорить: работайте со страхомъ и трепетомъ. Всѣ взялись за руки и начали пѣть и плясать. Плясали они околю получаса, потомъ остановились и поклонились пророкамъ и пророчицамъ, а пророки благословили все братство.

Тогда вошелъ самъ Христось и говорить: миръ вамъ! Вотъ я избираю васъ: иныхъ пророками, иныхъ апостолами, иныхъ учителями, иныхъ священниками, а иныхъ мирянами. Идите въ миръ и учите, наставляйте и научайте весь народъ, чтобы въ-ровали Христу. Христось воскресъ!

И всѣ начали кричать: Христось воскресъ!

Думалъ я, что они скоро кончатъ свое служеніе. Гляжу, и ночь наступила — не кончаютъ.

— Буду ждать — подумалъ я себѣ: посмотрю, чѣмъ они кончатъ свое служеніе.

Опять старшій обошелъ вокругъ стола и говорить: радуйтесь, ибо къ вамъ пришелъ Христось.

Всѣ быстро встали съ мѣсть и стали рядомъ, мужчины и женщины. Думалъ я, что они библію будутъ читать. Стоять они молча. Старшій и говоритъ: вотъ я посылаю васъ въ разные города и селенія проповѣдовать Христа старому и малому.

Отошелъ онъ и сѣлъ въ сторонѣ. Тогда они снова начали пѣть духовную пѣсню:

Нынѣ я печаленъ:
 Нѣтъ мнѣ радости въ слезахъ.
 Я остался безъ отрады,
 Покатился слези съ глазъ.
 Непрестанно воздыхаю,
 Только слезы лью изъ глазъ,
 Крѣпко въ перси ударяю,
 Возвошу къ Творцу мой гласъ ¹⁾.

Снова всталъ старшій и говоритъ: миръ вторично! Примите Духа Святаго: онъ васъ научитъ и наставитъ на всякую истину! И подулъ по комнатѣ.

Снова всѣ заговорили: Христось воскресъ, Христось воскресъ и т. д. Говорили долго. потомъ замолчали. Потомъ вышли пророчицы и начали пророчить и кружиться одна за другою, одна за другою и до того докружились, что попадали на землю, а сами позеленѣли и почернѣли, какъ земля. Пророки начали пѣть духовную пѣсню:

Пробудись отъ сна, невѣста!
 Вотъ въ полуночи женихъ.
 Отъ небесъ грядетъ безвѣстно
 Съ мертвыми судить живыхъ
 Бди, молися! Онъ осудитъ
 Пераднваго раба,
 Коего отъ сна пробудитъ
 Его страшная труба.
 Но блаженъ Христовъ рабъ вѣрный,
 Что обрѣчетъ бдящимъ Богъ:

¹⁾ Пѣсня эта очень распространена среди сектантовъ; такъ она поется кавказскими шалапутами и царевскими хлыстами. Каждая изъ этихъ сектъ, впрочемъ, измѣняетъ отдѣльные стихи на свой ладъ.

«устон», №№ 9 и 10, отд. 1.

Онъ зрѣть будетъ свѣтъ безмѣрный
И войдетъ въ райскій чертогъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ вѣрнаго раба...

Убѣгай грѣха, какъ яда,
Убѣгай, душа моя,
Чтобы не попасть до ада,
А до свѣтлаго рая ¹⁾.

Было уже а полночь. Испугался я и думаю себѣ:—что мнѣ дѣлать? Уйти отъ нихъ боюсь, а цѣлый день ничего не ѣлъ... Чѣмъ же они кончатъ свое служеніе?

Былъ тамъ одинъ мой знакомый. Я подозвалъ его и спросилъ: какъ это братство называется?

— Развѣ ты не знаешь? говоритъ онъ.

— Не знаю.

— Маріевская секта ²⁾. Вотъ это—говоритъ—старшая пророчица, Марія Магдалина, а та другая Марія Іаковлева, а третья Марія Клеопова, а вотъ эти равноапостольницы. Тамъ вотъ апостоль Іаковъ, братъ Господень, а тотъ, который вышелъ,—Іуда, братъ Іакова. А вотъ—погоди—скоро придетъ Іуда Искаріотъ...

— А давно вы въ братствѣ? спрашиваю я.

— Уже другой годъ—говоритъ—хожу я на собранія. А какъ вамъ, братъ, кажется, хорошо? спрашиваетъ меня.

— Очень хорошо, говорю я.

— Тутъ еще нѣтъ всѣхъ нашихъ: нѣтъ многихъ сестеръ и братьевъ, говоритъ онъ.

— А я до сихъ перъ ничего еще не ѣлъ, говорю ему.

— Это собраніе пошло на трое сутокъ, говоритъ братъ:

¹⁾ Объ этомъ стихотвореніи нужно сказать тоже, что и о предъидущемъ.

²⁾ Основателемъ этой секты былъ коллежскій регистраторъ Сухотинъ, который былъ судниъ и оправданъ Николаевскимъ окружнымъ судомъ, вышедъ, однако, въ тюрьму съ 1868 г. по 1876.

никто не будет ни ѣсть, ни пить и никто изъ братьевъ домой не пойдетъ.

— А я пойду—говорю я—потому что не выдержу: ѣсть крѣпко хочется.

Начаю свѣгать.

— Когда бѣ — думаю — разсвѣло поскорѣе, чтобъ домой пойти.

— Свѣтаетъ, говорю я брату.

— Такъ и другая ночь пройдетъ и третья, говоритъ братъ.

Всталъ я и говорю: прощайте, братья! Они остановились тогда и сейчасъ же разошлись: боялись, чтобъ я не сказалъ кому-нибудь, потому что эту секту сильно преслѣдовали.

Пошелъ я домой поскорѣе: нора бы ю уже на работу идти. Прибѣжалъ я домой, схватилъ кусокъ хлѣба и побѣжалъ работы искать. Богъ помогъ: въ тотъ же день попалась мнѣ работа, рубля три заработалъ, такъ что не пропала даромъ моя молитва съ молоканами.

А тѣ молокане все ухаживаютъ около меня. Увидятъ, что я гдѣ нибудь работаю, придутъ ко мнѣ разговариваютъ, спрашиваютъ меня.

— Какъ работа твоя, братишка?

— Слава Богу! говорю. На харчипки заработалъ.

Приглашаютъ они меня на другое воскресенье.

— Мы, говорятъ, пригласимъ штундистовъ. Эти все работаютъ, на распѣвъ Богу молятся.

— Гдѣ же будетъ собраніе? спрашиваю.

— У Иларіона.

— Гдѣ же этотъ братъ живетъ? Я не знаю.

— Я зайду къ тебѣ, говоритъ одинъ изъ братьевъ.

— Хорошо, приходите, говорю я.

Было это въ субботу. Переночевалъ я, дождался воскресенья и думаю: «прошлое воскресенье я цѣлый день и цѣлую ночь былъ голодець. Теперь уже меня не надуете!..» Напился я чаю, позавтракалъ и ожидаю, пока «братья» придутъ за мною, позовутъ въ собраніе.

Приходить братъ, поздоровался со мною, руку пожалъ, и пошли мы къ тому брату, гдѣ было собраніе. Приходимъ. Правда, что нѣсколько братьевъ и сестеръ и духовныхъ братьевъ пришло, и молokane есть.

— Вы или мы будемъ держать «собраніе»? спрашиваютъ «духовные братья».

— Держите вы, говорятъ молokane.

— А вы насмѣхаться не будете? спрашиваетъ одинъ изъ «духовныхъ братьевъ».

— Нѣтъ, не будемъ! отвѣчаютъ.

Сѣлъ тотъ «братъ», а другой всталъ и обратился къ сестрамъ молokaneкъ, къ пророчицамъ. И тѣ говорятъ: не будемъ!

Сѣлъ тогда и второй «братъ», а первый всталъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжечку и началъ пѣть духовную пѣсню:

Здѣсь мы, братья, собрались
Богу выиѣ честь воздать.
Возпесемъ духомъ въ высь,
Гдѣ святая благодать.

Пренспози намъ сердца...
Пусть намъ правду дать узрѣть,
Чтобы Бога и Творца
Намъ достойно узрѣть.

Мыслью насъ своей, Господь,
Духомъ Ты насъ осѣни,
Дай намъ подавлять плоть,
Въ духъ крѣпнуть по вся дни,
Пусть насъ братская любовь
Во одно соединитъ...
Упованье намъ покровъ,
Вѣра же нашъ крѣпкій щитъ.

Такъ возрадуется всѣ,
Иегову воспоемъ;
Будемъ братья во Христѣ,
Живемъ помисломъ однимъ.

Всѣмъ надежда намъ дана
Сочетаться со Христомъ
И всѣмъ свѣтитъ намъ она
Яркимъ счастья лучемъ.

Такъ съ веселіемъ въ сердцахъ
Обратимъ мы къ Богу взоръ:
Подъ крыломъ Его не страхъ,
Не укоръ и не позоръ.

По окончаніи пѣсни одинъ «братъ» взялъ духовную книгу, евангеліе, и прочелъ отъ Іоанна главу третью. Положивъ на столъ раскрытую книгу, онъ снова началъ пѣть духовную пѣснь:

Радостно, радостно въ путь я иду
Къ мѣсту душъ праведныхъ на высоту.
Ангельскія хоры на встрѣчу поютъ,
Радостно, радостно къ дому зовутъ.
Скоро окончу я страиство труда,
Въ мѣсто душъ праведныхъ. Тамъ я, взойдя,
Чуждымъ не буду скитаться уже...
Радостенъ, радостенъ отдыхъ душъ.
Вшедши, друзья предо мной тамъ стоятъ,
Ждутъ моего приближенія въ свой радъ.

и т. д., и т. д.

Пропѣлъ и вторую пѣсню. Взялъ тогда братъ книгу и началъ толковать прочитанную главу. Всякому вбивалъ онъ въ голову, какъ это пужно «родиться свыше», и долго говорилъ, увѣщевалъ всѣхъ братьевъ и сестеръ. А молокане молчали, ни слова не говорили. Разъяснивъ всю главу, братъ закрылъ книгу, положилъ ее на столъ и снова запѣлъ духовную пѣсню:

Прими хвалу благодаренья,
Сынъ Божій, за твою любовь.
За грѣхъ нашъ Ты понесъ мученья,
За насъ Ты пролилъ потъ и кровь,

Терпѣлъ удары поношенья;
Чтобъ дать намъ жизнь, калѣ на себя
Все наше зло и прегрѣшенья
И умеръ въ мукахъ, насъ любя.

Съ слезами радости спасенъ
Отъ язвъ Твоихъ пріемлю я,
И вѣрой съ Богомъ примиренъ
Купила жертва мнѣ Твоя

Омытый отъ грѣховъ Тобою,
Я буду смертию невредимъ,
Прійми насъ всѣхъ: мы всѣ душою
Тебѣ Господь, принадлежимъ

Ахъ, даръ любви сей безконечной
Чѣмъ можетъ быть вознагражденъ?
Да, благодарностию вѣчной
Онъ будетъ въ сердца впечатлѣвъ!

Да свято я Твои заветы
Храню въ теченіи жизни всей
И, правдою твоею одѣтый,
Приду къ Тебѣ съ кончиной дией.

Окончивъ пѣснь благодарности, стали всѣ вокругъ на колѣни, начали молиться Богу, изъ ума, и начали всѣ плакать. Когда окончили молитву и плачь, то разошлись по домамъ. Распрощались они и поцѣловались мужчины съ мужчинами, а женщинамъ только руку пожали и разошлись часу въ первомъ днѣ.

И подумалъ я себѣ: эти «братья» какъ будто лучше молются, чѣмъ молокане.

Тогда же я познакомился съ «духовными братьями» и началъ ходить къ нимъ каждое воскресенье, началъ присматриваться и слушать, какъ они читаютъ псалтырь на распѣвъ и поютъ духовныя пѣсни.

А молокане все ухаживаютъ около меня: повравился я молоканскому братству. Сказалъ я имъ, что не могу быть братомъ ихнимъ, и они отстали. А къ «духовнымъ братьямъ» я ходилъ каждое воскресенье.

Въ одно время преосвященный епископъ собралъ братство въ церковь на совѣщанье. Приказали полицейскіе всѣмъ братьямъ и сестрамъ духовнымъ, и пошли они въ соборъ. Спрашиваетъ ихъ священникъ: какъ вы вѣруете?

Духовный братъ Иларіонъ сказалъ: я вѣрую — первое — во Спасителя нашего Иисуса Христа, Господа нашего, еще вѣрую въ святое писаніе, еще вѣрую въ пророковъ и вообще вѣрую во все написанное въ библии и въ евангеліи.

— Какъ же вы вѣруете, — говоритъ священникъ, — когда вы въ церковь не ходите?

— Мы черезъ то—говорятъ братья—не хотимъ ходить въ церковь, что тамъ читають и поють на славянскомъ нарѣчїи, а мы этого языка не понимаемъ.

И еще много говорили изъ святаго писанїа въ защиту свою, только я не могъ понимать, въ чемъ состоитъ вся точность ихъ оправданїа.

Шли братья домой, а православные камнями бросать въ нихъ начали. «Не дѣлайте этого!» кричалъ на нихъ священникъ, а православные еще больше кидать начали. Это я самъ видѣлъ, своими глазами.

Пришелъ я на квартиру. Говорятъ мнѣ, что одинъ «братъ» заболѣлъ. Пошелъ я къ нему: дѣйствительно, боленъ. А какою болѣзнью? Восемьро дѣтокъ у него, жена десятая, а самъ десятый и затынулся на работѣ. Самъ не доѣстъ и не допьетъ, а дѣткамъ да жепѣ старается. А тутъ зима, негдѣ взять. И заболѣлъ сердечный.

Пришелъ я, смотрю на ту несчастную болѣзнь: стоятъ вокругъ него дѣточки, какъ «кукіль», малъ мала меньше, а жена почернѣла, хата четыре дня уже не топлена и хлѣба ни крошки. Стоятъ они вокругъ брата и плачутъ. Вынулъ я три рубля — у меня у самаго было только шесть — и отдалъ «сестрѣ».

— Бѣги—говорю—скорѣе на базаръ да купи хлѣба и топлива и сварить что-нибудь. И брату купи поѣсть чегонибудь.

Побѣжала она, купила дѣткамъ лекарства, накормила ихъ и больного брата. Пошелъ я къ другимъ братьямъ, извѣстивъ и ихъ. Помогли и они, какъ узнали. И, далъ Богъ, выздоровѣлъ братъ.

Послалъ Богъ и мнѣ работу. Взялъ я къ себѣ и того брата на работу и другїе братья помогали, кто сколько могъ. Дотянули таки до весны.

Много тамъ помираетъ отъ голодной смерти. Жила тамъ

одна вдова, солдатка. У нея была своя хатка маленькая. Какъ пришла зима, та вдова и двое маленькихъ дѣтей—одному семь лѣтъ, а другому четыре—разомъ померли. Мать пригорнула обонхъ дѣтокъ на печкѣ, да такъ сама и дѣтки и померли.

Дожилъ я такъ до Пасхи. Работы нѣтъ, даже на хлѣбъ нельзя заработать, а о квартирѣ, топливѣ и освѣщеніи и говорить нечего. Разъ въ воскресенье пошелъ я въ собраніе къ духовнымъ братьямъ, помолился Богу, а думалъ больше, не найму ли у какого нибудь брата или возьму въ счетъ работы хоть немного денегъ. Собрались братья. Какъ вдругъ приходитъ квартальный и забралъ насъ сначала въ часть, а оттуда въ полицію. И представляю имъ свой видъ, а полицеймейстеръ говорить: «отправитъ его въ Елисаветградъ! Это онъ секту распространяетъ».

Взяли насъ всѣхъ и отправили въ Николаевскую тюрьму.

Думаю я себѣ: за что это меня въ тюрьму посадили? Я же совсѣмъ и не знаю этой секты, а такъ хотѣлось мнѣ только узнать, что это за духовные христіане, и потяпули меня на цугундеръ, чтобы показать мнѣ свѣтъ истинный! Можетъ быть—думаю—какіе нибудь преступники.

Разспрашиваю людей въ тюрьмѣ.

— Нѣтъ тамъ—говорятъ арестанты—никакого преступленія, а забрали васъ за то, чтобы вы по нашему людей не учили.

— Да я же—говорю—и самъ пошелъ только, чтобы узнать, что это за вѣра такая проявилась. За этимъ я ходилъ и къ молоканамъ. Я хотѣлъ только узнать, какое тамъ ученіе и въ чемъ заключается ихъ исповѣданіе. И узналъ—говорю. Пржеде не зналъ, да братья рассказали. Вѣра же эта заключается въ томъ, чтобы исполнять евангеліе; крещеніе должно совершаться—они такъ говорятъ—надъ совершеннолѣтними; нужно уменьшить число праздниковъ, ничего не боготворить, кромѣ трехъ лицъ Божіихъ, не почитать наравнѣ съ Богомъ свя-

тыхъ, молиться чрезъ Иисуса Христа и Духа Святаго къ единому Богу, исполнять заповѣди. Братья мои все это рассказали, а меня арестовали и въ тюрьму посадили...

И покаместъ я дошелъ до Елисаветграда, то прошло два мѣсяца, апрѣль и май. Вотъ какое горе постигло меня!

Въ заключеніе встрѣтился я съ однимъ старикомъ. Оселъ уже бѣдный. Старика этого представилъ по начальству богатый купецъ, чтобъ доставили его по этапу въ Полтавскую губернію, на родину. Старикъ этотъ жилъ у купца пятнадцать лѣтъ безвыходно, чабановалъ: лѣтомъ пасъ стадо, а зимою кормилъ плодовую овцу и такъ прожилъ пятнадцать лѣтъ. Случилось съ нимъ что то, оселъ бѣдняга, и вотъ купецъ приказалъ отвезти его въ Николаевъ и сдать въ полицію, чтобъ отправили по этапу на родину...

Отправили насъ въ Александрію. Тамъ сидѣли мы четыре дня, конвою ожидали. Тамъ я видалъ арестантовъ болѣе тысячи душъ и все народъ рабочій.

Привезли меня въ Елисаветградъ и отправили сначала въ тюрьму, а потомъ въ полицейское управленіе. Оттуда послали въ городскую полицію, и только изъ городской полиціи выпустили на волю съ тѣмъ, чтобы я являлся въ полицію каждый мѣсяць.

И вотъ, слава Богу, вырвался я и пересталъ ходить смотрѣть на духовныхъ братьевъ, а сидѣлъ въ своемъ городѣ да работалъ, чтобъ былъ кусокъ насущнаго хлѣба. Каждый мѣсяць въ полицію являлся.

Поѣхалъ я какъ то въ Бежбараги, херсонской губерніи, печи ставить. Встрѣтилъ я тамъ много парода изъ Полтавской и Кіевской губерніи. Наняли ихъ на срокъ: однихъ до Кузьмы и Даміана (по 1-е ноября), другихъ только на лѣто, за разные цѣны, какъ кто договорился, только чтобъ харчи были

хорошія. Были тамъ и дѣвушки, и «покрытки» ¹⁾, и замужня женщины; много было мушьянъ, парней и подростковъ, дѣвочекъ и мальчиковъ. Началъ я присматриваться къ ихъ житю. Утро. Рабочіе встають, идутъ на работу. Раздаются пѣсни, затѣваются игры, повсюду руготня, плачь, — смятеніе страшное! Собираются завтракать или обѣдать, замужня женщины садятся возлѣ своихъ мужей, дѣвушки возлѣ своихъ парней, имъ и харчи лучшія достаются: мушьяны сами берутъ «почви» ²⁾ и идугъ къ котлу, забирають борщъ, кашу, хлѣбъ и ложки, созывають своихъ и ѣдятъ. А другіе ходять. Одинъ кричитъ: «у меня ложки нѣтъ!» Другой вторитъ: «а у меня нѣтъ хлѣба!» Третьи заявляютъ: «намъ каши не стало!» А запоздавшимъ на работѣ и борщу мало, и хлѣба не достало. Прыкащикъ кричитъ на кухарку, зачѣмъ мало сарила, а та плачетъ, говоритъ, что мало прислали провизіи изъ экономіи: нѣтъ ни квасу, ни пшена, ни хлѣба! Малолѣтки плачугъ, говорятъ: «мы не завтракали, и теперь намъ ѣсть нечего!» Пишетъ прикащикъ записку къ эконому и кричитъ тому, что вывозить провизію: «садись на лошадь и бѣги, привози скорѣе хлѣба». — Ключникъ (экономъ) говоритъ, что весь хлѣбъ отдавъ, печенаго нѣтъ! говоритъ челоуѣкъ. А тѣ бѣдные плачугъ, ѣсть хотять, не пришлось имъ пообѣдать. Идутъ сердечные на работу да проклинають своего прикащика. А наѣвшіеся идутъ съ пѣснями: кто спльщѣ, тотъ и смтъ, а старому да малому и голоднымъ можно остаться. А въ экономію новый, видите, главноуправляющій поступилъ. всѣхъ: ключниковъ, прикащиковъ, отомановъ перебралъ, чтобъ не смѣли лишней провизіи выдавать.

Спросилъ я дѣвушекъ: ѣдите вы когда нибудь вдоволь?

— Хоть возьми, да помирай ложись, отвѣчали мнѣ дѣвушки. Намъ рѣдко когда достается столько, сколько нужно: все недостаетъ. Мы не осмѣлимся, а мушьяны кричатъ, то имъ

¹⁾ Покрытка — дѣвушка, имѣвшая ребенка до замужества.

²⁾ Лотия. — Въ нихъ вазываютъ пищу во время ѣды.

и даютъ. Мы же только заплачемъ и пойдёмъ, неѣвши. Силь уже нѣтъ ходить, не то что работать, какъ слѣдуетъ.

Оттого-то только и слышно было, какъ дивчата поютъ:

•Занис мене дурний розум
У чужую та сторонушку...»

Не могъ я заприимѣтить всего въ такомъ множествѣ на рода (душъ болѣе восьми сотъ было), а, бывало, нарочито бросаю работу и иду смотрѣть на это столпотвореніе. И сколько, бывало, плачу, пѣсецъ, сказокъ!.. Чего-чего тамъ не бывало въ рабочіе дни. За то уже въ праздникъ тѣ пойдутъ въ шинокъ водку пить, другіе въ деревнѣ купятъ молока, творогу, булокъ и ѣдятъ, и борщу и каши, а вечеромъ кулішу достанетъ и дѣвушкамъ и малолѣткамъ.

Поставилъ я пять печей и отвезли меня въ городъ: такъ я договорился съ прикащикомъ.

Черезъ два дня по приѣздѣ въ городъ, нанялся я къ помѣщику въ д. Ежицкую, Анапьевскаго уѣзда, передѣлывать печи и тамъ услышалъ, что вблизи есть «духовное братство». Самъ помѣщикъ рассказалъ мнѣ, что эти «пустомели» появились въ этихъ мѣстахъ отъ Михаила Ратушнаго и его товарища, Ивана Рябошапки. Ратушный живетъ въ Одесскомъ уѣздѣ, а Иванъ Рябошапка въ Елисаветградскомъ. Они по нѣсколько разъ въ годъ съѣзжались и, бесѣдуя, поучали другъ друга. Когда я услышалъ отъ помѣщика, что это первые сектанты, захотѣлось мнѣ увидѣться съ Ратушнымъ и разпросить его объ этомъ ученіи: «По какой, думалъ я, причинѣ Ратушный и Рябошапка, люди простые, неученые, могли образовывать секту, которая такъ сильно держится своего вѣроученія».

Въ одно воскресенье я и поѣхалъ въ деревню Пасѣкову къ Ратушному съ тѣмъ, что будто я желаю вступить въ братство, сдѣлаться членомъ ихъ секты. Въ это время у нихъ было «собраніе». Сектанты съѣхались изъ окрестныхъ дер-

вснь: ихъ было около двухъ сотъ душъ обоого пола, такъ что мнѣ пришлось, по случаю многочисленности, сидѣть въ сѣняхъ. «Собраніе» продолжалось отъ девяти часовъ утра до двухъ часовъ пополудни. Въ тотъ же день происходило крещеніе четырехъ «братьевъ» и шести женщинъ. Крестилъ ихъ Ратушникъ, въ ставкѣ (прудѣ) той деревни. Когда пришли къ рѣкѣ, женщины отделились отъ мужчинъ и, обернувшись спиною къ рѣкѣ, образовали два круга, чтобы заслонить собою и не видѣть, какъ будутъ переодѣваться желающіе креститься. Крещаемые переодѣлись въ бѣлыя рубахи, и всѣ начали пѣть духовныя пѣсни. Двухъ изъ нихъ я не понялъ, а одна изъ нихъ такая:

Блаженный день, въ который я
Рѣшился быть рабомъ Христа.

. . . . .
. . . . .

Счастливы день, счастливы день
Когда Иисусъ грѣхи омылъ
И жить всѣ дни мнѣ въ радости,
Молить и бдѣть Онъ научилъ.
Счастливы день, счастливы день,
Когда Иисусъ грѣхи омылъ.

Блаженна связь въ которой я
Съ Спасителемъ вступилъ тогда.
Ему, любящему меня,
Да будетъ слава навсегда.

Счастливы день, счастливы день,
Когда Иисусъ грѣхи омылъ,
И жить всѣ дни мнѣ въ радости,
Молить и бдѣть Онъ научилъ
Счастливы день, счастливы день,
Когда Иисусъ грѣхи омылъ.

Блаженный трудъ со мной свершенъ,
Я Божій сталъ, а Онъ сталъ мой.

Онъ звалъ меня, а я пришелъ,
Внявъ вѣры гласу, сталъ мой.

Счастливы день, счастливы день, и пр.

Блаженный я обрѣлъ покой,
Христа избравъ средоточіемъ;
Въ мысляхъ душѣ раздвоенной
Онъ сталъ соединеніемъ.

Счастливы день, счастливы день, и пр.

Блаженный часть, въ коемъ былъ внятъ
 Христомъ обѣтъ мой въ небесахъ;
 Всѣ дни припятимъ зпать.
 Моя забота будь въ трудахъ.

Счастливы день, счастливы день, и пр.

Когда окончили эти духовныя пѣсни, Ратушный вошелъ въ воду. Крестившіеся подходили къ нему по одному, и Ратушный погружалъ ихъ въ воду, а «братья» и «сестры» пѣли: «Лицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Затѣмъ Ратушный и окрещенные вышли изъ воды, стали на берегу и пропѣли духовную пѣсню:

Благодать Господа
 Иисуса и Христа,
 Любовь Бога-Отца
 И сообщеніе
 Святаго Духа будь съ нами,
 Святаго Духа будь съ нами,
 Святаго Духа будь съ нами.

Послѣ этого стали на колѣни и помолились Богу. Затѣмъ началось увѣщаніе крещенныхъ. Ратушный сказалъ имъ:

— Вы знаете, что вы только что сдѣлали? Вы крестились предъ Отцемъ Иисуса Христа, вы обѣщались впередъ не грѣшить. Кто изъ васъ крадъ, теперь не крадъ; кто лгалъ,—впередъ не лги; кто пьянствовалъ,—не пьянствуй. Это и есть покаяніе и омытіе тѣла.

И всѣ разошлись.

А мнѣ все хотѣлось разспросить Ратушнаго про то, какъ они узнали эту секту. Вотъ Ратушный самъ и говоритъ мнѣ

— Зайдите, землякъ, ко мнѣ пообѣдать. Я съ радостью согласился и пошелъ къ нему въ домъ.

Передъ обѣдомъ я и началъ разспрашивать, какимъ образомъ они научились понимать Евангеліе и кто первый открылъ эту книгу?

— Зачѣмъ это вамъ? спрашиваетъ Ратушный.

— Понравилась мнѣ, говорю, жизнь ваша.

— Изъ русскихъ людей я первый въ Херсонской губерніи сдѣлался «братомъ» и приобрѣлъ «брата» Ивана Рябошапку.

— Какъ же вы приобрѣли его? спрашиваю. — Онъ такъ далеко отъ васъ живетъ.

— Когда я былъ православнымъ, говоритъ Михайло:—я любилъ ходить по монастырямъ на богомолье. Пошелъ я, какъ-то, въ Кіевъ поклониться святымъ мощамъ и тамъ познакомился съ Иваномъ Рабошапкой; и онъ тоже пришелъ на поклоненіе святыѣ. Познакомились мы тамъ съ однимъ монахомъ, угостили его и начали бесѣдовать про вѣру христіанскую. Монахъ и говоритъ намъ: «Теперь нѣтъ христіанъ! Это все язычество». Еще больше начали мы спрашивать его, купили ему крѣпкаго вина. Выпилъ онъ и говоритъ: «Христіане и стипниые должны исполнять написанное въ Новомъ Заветѣ, а наши христіане и не знаютъ, что это за Заветъ такой!» — «Какъ же провѣрить это?» говоримъ мы съ Иваномъ. — «Прочитайте—говорить—библію и евангеліе и узнаете, чего у насъ не достаетъ».

— Купили мы—продолжалъ Ратушный съ Иваномъ ветхій и новій заветъ и начали вдвоемъ читать и бесѣдовать. Идемъ дорогою изъ Кіева и все читаемъ: нашли и кое-что изъ того, что говорилъ намъ монахъ въ Кіевѣ... На большой дорогѣ встрѣтили мы одного человѣка съ Кавказа, и онъ разсказалъ намъ всю правду, потому что онъ былъ уже просвѣщенъ. Онъ показалъ намъ, какъ нужно читать евангеліе, какъ понимать притчи и пр. Посовѣтовались мы съ Рабошапкой и уже въ дорогѣ рѣшили называться братьями, давши обѣтъ передъ Богомъ, что будемъ проповѣдовать евангеліе правды.

Такъ пришли въ домъ къ Ивану. Двѣ недѣли гостилъ я у него, и все мы читали да размышляли о томъ, какъ начать приобретать «братство». Тутъ же познакомились мы съ нѣмецкимъ братствомъ, и нѣмецкіе братья сказали намъ:

— Не молчите! Проповѣдуйте слово.

И съ Божьею помощію начали мы проповѣдовать своимъ, а потомъ и чужимъ людямъ.

— Оставилъ я Ивана и пошелъ домой и дорогой вездѣ проповѣдовалъ слово. Придя домой, началъ я читать библію

и новый завѣтъ, началъ собранія держать сначала со своимъ семействомъ, а потомъ начали и сосѣди хотѣть слушать и пѣть. Такъ собралось насъ человѣкъ десять. Тогда пріѣхалъ одинъ вѣмецкій братъ и показалъ намъ, какъ нужно собранія держать. И мы начали держать собранія.

— Провѣдали про насъ. Сталъ ѣздить попъ, пріѣхалъ ставной приставъ, забрали насъ, арестовали.— «Кто вамъ позволилъ такъ дѣлать и такъ молиться?» спрашиваютъ насъ.

— «Такъ евангеліе велитъ!» отвѣчаемъ мы. Взяли меня въ острогъ... Четыре тогда и три мѣсяца сидѣлъ я въ тюрьмѣ, а «братья» дома молились, хозяйство мое соблюдали: хлѣбъ сѣяли, собирали и все хозяйство сохранили въ цѣлости. Погнали меня изъ Одессы въ Кіевъ, чтобы усовершенить меня, а Иванъ Рябошапка уже былъ тамъ. Въ тюремномъ замкѣ мы и встрѣтились съ нимъ, обо всемъ переговорили...

— Повели насъ обоихъ на хоры въ церковь, чтобы мы увидѣли, какъ совершаетъ таинство священникъ, да все проклинаютъ насъ, еретиками называютъ. Спросили насъ тамъ, какъ мы вѣруемъ и назадъ отправили этапнымъ порядкомъ. На пятый только годъ вернулся я домой, да и побылъ дома только полъ года: снова взяли меня въ Одессу къ преосвященному. Разказалъ я и тамъ, какъ я вѣрую, еще полъ года посидѣлъ въ тюрьмѣ. Выпустили меня и больше уже не трогали...

— Значитъ вы первые «братья» въ Россіи? спрашиваю я Ратушнаго.

— Нѣтъ! говоритъ онъ.—Первые «братья» были за границей, и у насъ прежде «братіями» стали пѣмцы; они прежде начали вѣрбовать, а потомъ уже и наши — русскіе — начали искать истины. Я еще былъ маленькимъ, когда слышалъ про вѣмецкое «братство», да только не понималъ, въ чемъ дѣло, а теперь, благодаря монаху и встрѣчному кавказскому «брату», я позналъ вѣру истинную. Совѣтую и тебѣ, братъ, принять эту вѣру, которую ты видѣлъ сегодня.

Поговорили мы съ Михайломъ и онъ пригласилъ меня къ

обѣду. Вошли мы въ хату. Столъ накрытъ бѣлою скатертью, и на столѣ лежитъ книга. Въ хатѣ чисто вымазано, убрано, нѣтъ ни иконъ, ни картинъ.

Сняли со стола книгу и положили хлѣбъ, поставили борщъ и графинъ съ виномъ.

— Всѣ дома? спрашиваетъ Михайло.

— Ивана нѣтъ! отвѣчаетъ чей то голосъ.

— А скоро прійдетъ?

— Скоро!

— Ну, подождемъ сына, говоритъ Михайло.

Скоро пришелъ и сынъ Ратушнаго. Всѣ встали вокругъ стола и запѣли духовную пѣсню:

Благослови, Господь, Отецъ,
На сей трапезѣ даръ святой,
Кой Ты подаль, благій Творецъ,
Для пищи плоти сей земной.

Ты удостой Твой даръ вкусить
Сей плоти въ подкрѣпленіе,
Чтобъ крестъ свой въ слѣдъ Христа носить,
Излей благословеніе.

Обѣдъ прошелъ молча. Никто не говорилъ ничего, кромѣ необходимаго разговора. Послѣ обѣда снова пропѣли пѣсню:

Духомъ мы къ Тебѣ, Отецъ,
Въ небо мыслию паримъ,
И за лицу, отъ сердець,
Мы тебя благодаримъ.

Черезъ Иисуса мы къ Тебѣ
Благодарственно зовемъ
И въ сердечной сей мольбѣ
Авва, Отче! вопіемъ.

Началъ я благодарить за обѣдъ, а Ратушный и говоритъ мнѣ: Не учитесь такъ, а благодарите Бога. Если бы Богъ мнѣ не далъ, то я и вамъ не далъ бы. Черезъ это и нужно Бога благодарить, а меня не за что.

— Не зналъ я — говорю, — какъ у васъ это слѣдуетъ дѣлать, и поблагодарилъ васъ, какъ всѣ люди.

Распрощался я съ Михайломъ и пошелъ къ своему дѣлу.

Работалъ я въ Ежицкой полтора мѣсяца. Присмотрѣлся я, какъ люди тамошніе совсѣмъ на нѣмецкій ладъ живутъ: по-нѣмецки хлѣбъ сѣютъ, лошадыи орутъ, лошадыи гармануютъ. Все на нѣмецкій ладъ.

Окончилъ я работу у помѣщика въ деревнѣ Ежицкой и меня взялъ другой помѣщикъ на Тилигулѣ пересмотрѣть печи въ домѣ. Господинъ этотъ былъ родственникъ перваго помѣщика и былъ у него въ гостяхъ. Увидѣлъ онъ, что я тамъ печи клалъ и взялъ меня къ себѣ въ Звѣревку, а оттуда отвезъ въ Веселый Кутъ.

Встрѣтилъ я тамъ одного человѣка, который рассказывалъ мнѣ про старину, говорилъ, что дѣлалось когда-то на этой землѣ, гдѣ мы теперь живемъ.

— Теперь, говоритъ, хоть и бѣдность повсюду, да за то тихо и вольно. А прежде было совсѣмъ не то. Выѣдетъ, бывало (дѣдъ мнѣ рассказывалъ), человѣкъ въ степь орать, да и посматриваетъ во всѣ стороны, чтобы враги не налетѣли какіе набудь, или поляки, или татары, или молдоване. А скотину бережетъ уже, словно глазъ во лбу. Теперь же куда хочешь иди, не бойся. Пачпортъ возьми и отправляйся на всѣ четыре стороны.

Услышалъ я, что онъ про старину знаетъ и началъ его просить, чтобы рассказалъ про старое житье.

— Какъ же оно было? спрашиваю.

— Дѣдъ мнѣ покойникъ, говоритъ, рассказывалъ, что здѣсь была вольница, не было стражи на границахъ, и всякъ, кто хотѣлъ, врывался изъ чужихъ земель.

— Теперь, говорю я, солдаты стоятъ по границамъ.

— Да! говоритъ Иванъ Максимовичъ (такъ звали этого человѣка). Въ старину здѣсь были пустыя степи. Люди здѣшніе, — славянами назывались; жили себѣ сами, никому не подчинялись.

— Какъ же они жили? спрашиваю я. — Они же могли собраться и прогнать своихъ враговъ.

— Да у нихъ и свои солдаты были, только они не солдатами, назывались, а казаками. Людей только мало было! Степегуть съ одной стороны, а врагъ дѣлаеть набѣгъ съ другой. Бережешься татаръ, набѣгаютъ поляки изъ-за Кіева, остерегаешься поляковъ,—набѣгаютъ татары изъ Таврической губерніи. А раздѣлятся наши на двѣ части, то нашихъ побьютъ и заберутъ скоть, овецъ, хлѣбъ,—что только попадетъ подъ руку. И такъ рвали нашъ край со всѣхъ сторонъ! Забираютъ въ плѣнъ молодыхъ парней, дѣвушекъ...

— Куда же дѣвали ихъ поляки? спрашиваю.

— Продавали въ чужія земли, говоритъ Иванъ Максимовичъ.—Нѣмцамъ продавали въ крѣпостныя, туркамъ. А татары своимъ богачамъ продавали. Дѣвушекъ, бывало, обращаютъ въ свою вѣру, да въ жены себѣ берутъ: у нихъ женъ по десяти бываетъ и больше. Жиды, бывало, покупаютъ (потому-что когда-то было и жидовское царство) нашихъ дѣвчатъ и малыхъ ребятъ да поворачиваютъ въ свою вѣру. Скоть тоже, бывало, продаютъ, рѣжутъ, и овецъ такимъ же порядкомъ.

— А паны, спрашиваю я Ивана Максимовича, ничего не говорили тѣмъ татарамъ?

— Тогда пановъ и не было, а были только мужики, да и то изрѣдка; была только степь, какъ дымъ и больше ничего.

— Кому же земля принадлежала? спрашиваю.

— Да намъ же.

— Рассказывайте, пожалуйста, еще про старину,—попросилъ я Ивана Максимовича, а у самаго какъ будто сердце биться перестало, когда я услышалъ, что нашихъ продавали татарамъ и что татары убивали нашихъ дѣтей.

— Дѣдъ мой покойный, продолжалъ Иванъ Максимовичъ, былъ казакомъ. Тогда, было, если не хочешь хозяйничать, въ казаки иди. Хорошее жалованье платили. Служилъ онъ казакъ лѣтъ тридцать, былъ и въ турецкой землѣ, и въ татарской, и въ Польшѣ. Приходилось ему и казни видѣть. Поймаютъ, бывало, казака, распнуть его на деревѣ и пекуть ог-

немъ, чтобы рассказалъ, что дѣлается въ нашей землѣ. А казаки, бывало, поймають поляка, тоже дѣлають. Только и новостей было, что плачь матерей, отцовъ и родственниковъ, слезы да проклятiя.

Поѣдутъ, бывало, рассказывалъ покойный дѣдъ, въ турецкую землю выручать своихъ плѣнныхъ. А ихъ, было, турки къ галерамъ приковываютъ, чтобы они работали (галеры тогда были вотъ какъ теперь корабли или пароходы). И работаютъ молодые ребята!.. Выѣдутъ, бывало, наши на чайкахъ прямо къ Константинополю, зажгутъ его со всѣхъ сторонъ, а сами высматриваютъ, гдѣ наши въ колодкахъ сидятъ. И гдѣ только найдутъ, освобождаютъ и мужчинъ и женщинъ. Тѣ, бывало, ихъ годъ отъ году ожидаютъ: знаютъ, что придутъ выручать ихъ изъ неволн. Соберутся потомъ и узники, и тѣ, что пріѣхали, вмѣстѣ и такого чѣсу дадутъ туркамъ, что небу жарко станетъ. Заберутъ деньги, все, что попадется, и вертаются домой.

— Дѣду моему было сто пять лѣтъ, продолжалъ Иванъ Максимовичъ,—а мнѣ было, вѣрно, лѣтъ десять. Онъ, бывало, остается дома съ нами, маленькими дѣтьми, а отецъ и мать на барщинѣ работаютъ или у себя на пивѣ. Пойдетъ, бывало, «дідусь» въ садъ съ нами и рассказываетъ мнѣ про старину, все, бывало, рассказываетъ, вспоминаетъ, какъ братья его положили головы за родину. Покажетъ, бывало, на могилы и говоритъ про то, какъ насыпали ихъ запорожскіе казаки. «Станетъ, бывало, казакъ на могилѣ, говорилъ покойникъ,—и поглядываетъ по сторонамъ, высматриваетъ, откуда будетъ орда идти. Увидитъ набѣгъ татаръ или поляковъ—отовсюду видно съ могилы—и сейчасъ подастъ вѣсточку. Такъ, бывало, и оберегаются отъ нападеній. А другіе хозяйничаютъ, работаютъ на степи или дома. Хорошо было тогда скотинѣ, варивалъ покойникъ. У всякого хозяина было стадо: было гдѣ плодиться и овцамъ, и конямъ. Цѣлые косяки въ степи ходили. Хоть иногда и займутъ татаръ или турки, такъ мы и

у нихъ угонимъ... И народъ все былъ здоровый, красивый: сморѣть любо было на молодежь. Праздникъ придетъ—всего вдоволь! И меду, и масла,—чего только душенькѣ захочется! Все есть! Хлѣба, бывало, немного насѣвають, да много собираютъ... Любили другъ друга, старшихъ почитали... Все было хорошо! Последнее время, продолжалъ Иванъ Максимовичъ,— было при гетманѣ Хмельницкомъ, который присоединилъ Малороссію къ московскому государству. Тогда то расхватили нашу землю, какъ жида курей на базарѣ хватаютъ: часть захватили поляки; часть турки съ татарами, а часть отошла къ Москвѣ. Разказывалъ дѣдъ покойный, что многихъ услали куда-то на работы (дѣдъ и самъ не зналъ, куда). Послѣ этого уже начали сзывать народъ и поселять села. Раздѣляли нашу землю и отдали панамъ; а паны сначала сманили народъ на эти земли, а потомъ въ крѣпостные записали. Вотъ такъ и пропалъ народъ!.. Поблагодаримъ Бога и царя всероссійскаго, Александра Второго: онъ освободилъ насъ отъ рабства и страшной казни. Теперь хоть на работу идешь, куда захочешь: и въ Херсонскую губернію, и въ Таврическую, и на Донъ, и въ Черноморію. Заработаешь такъ рублей пятьдесятъ, да подати заплатишь, прядя домой, а зимой пойдешь на сахарный заводъ и заработаешь тамъ на соль, а иногда и на хлѣбъ, и живешь себѣ, какъ у Христа за пазухой. Дождешься весны и снова маршишь въ Черноморію или въ какую нибудь другую сторону. Такъ весь свой вѣкъ и проходишь!

— А дома вы отчего не работаете? спросилъ я.

— У насъ и земли нѣтъ, говоритъ Иванъ Максимовичъ.— Только работой и живемъ. Если у кого есть жена, то она и дома заработаетъ копы двѣ—три хлѣба и тѣмъ прокормится зимою, а то по сахарнямъ, да по винокурнямъ ходить и такъ перебивается. А мы лѣта дождемъ и сейчасъ въ степи на работу: своя пива у насъ есть только у богатыхъ, а у бѣдныхъ нѣтъ. Такъ себѣ и живемъ, по волѣ Божьей, помаленьку

доживаемъ вѣка. Старикн ваши дома остаются, садикн оберегаютъ, фруктами торгуютъ, приѣзжимъ мѣщанамъ продаютъ яблоки да груши или вишни,—у кого что посажено; у кого есть своя скотина, тотъ самъ вывозитъ въ мѣстечки, въ города, по селамъ развѣзжаетъ да тѣмъ и кормится. Кто топоромъ можетъ работать, тотъ идетъ въ лѣса, къ жидамъ и дѣлаетъ тамъ возы, колеса, гнетъ дуги, доски пилитъ, дрова рубитъ,—всякому есть работа! И все-таки заработаетъ кусокъ того хлѣба!.. Тому только худо, кто работать не въ силахъ, да и тотъ находитъ работу по силамъ: хочется имѣть кусокъ своего хлѣба, хоть чернаго.

Позвалъ я Ивана Максимовича къ жиду въ шипокъ, выпили по маленькой и распрощались: онъ поѣхалъ въ поле, а я пошелъ къ своей работѣ на барскій дворъ.

Работалъ я тамъ четыре недѣли и когда кончилъ работу, то попросилъ пана, чтобъ отвезъ меня на вокзалъ; наступала уже осень (сентябрь уже стоялъ), и нужно было ѣхать въ Елисаветградъ: боялся я, чтобъ зима меня въ деревнѣ не захватила.

Пошелъ я работать по Елисаветграду и встрѣтился съ однимъ разжалованнымъ чиновникомъ, который рассказывалъ мнѣ про свое горькое житье.

— Черной работы я, говорить, дѣлать не научился и ни въ какой таковой должности неспособенъ. Нанялъ, было, меня одинъ помѣщикъ—присматривать за посѣвомъ хлѣба, а въ хозяйствѣ я тоже ничего не смыслю, — сказано, военный! Я и ходилъ за сѣятелями, а потомъ хлѣбъ какъ взошелъ, и оказалось много голыхъ мѣстъ. Разсердился на меня помѣщикъ и прогналъ меня. Пришелъ я въ Николаевъ, ходилъ, ходилъ по городу—нѣтъ для меня работы!.. Въ одно утро пошелъ я на берегъ рѣки Буга, а тамъ рыболовы ловили рыбу. Попросилъ я у нихъ рыбки, они мнѣ дали. Я попрощалъ, чтобъ

вмѣстѣ съ своею они и мою сваргли; они согласились и пригласили меня къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ я и началъ ихъ просить, чтобъ приняли меня въ свою артель. Посмотрѣли на меня рыболовы и говорятъ:— «Намъ надобно людей здоровыхъ, сильныхъ, которые могли бы побольше снести да посильнѣе потянуть; а вы человекъ совсѣмъ малосильный и къ нашей работѣ не годитесь; тѣмъ болѣе, что и работа-то наша временная!»

Дали они мнѣ рыбы и хлѣба на дорогу и я пошелъ обратно въ Николаевъ. Оттуда взялъ меня пѣмецъ на работу подь Бобринецъ, «загрѣбать копиці»¹⁾. Загрѣбалъ я ихъ цѣлый мѣсяцъ и получалъ по двадцать копѣекъ въ день. Когда у пѣмца не стало работы, тогда я пошелъ въ Елисаветградъ и вотъ уже прожилъ тѣ деньги, что заработалъ у пѣмца. А тутъ у меня нѣтъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ,—не къ кому обратиться за помощію. Теперь такъ пришлось, хоть воруй! Да и воровать-то я не умѣю, сейчасъ же попадусь съ поличнымъ; а милостивію просить стыдно!

Пригласилъ я этого дворянина почевать къ себѣ на квартиру, переодѣлъ его въ свое бѣлье, а то, что было на немъ, отдалъ прачкѣ вымыть. Когда прачка вымыла бѣлье, отдалъ я его тому человекѣ, далъ ему хлѣба на дорогу и отпустилъ его отъ себя. потому что боялся подозрѣнія: всѣ мѣщане и мастеровые говорили, что намъ нельзя заводить компанію съ благородными и образованными людьми, потому что между ними есть какіе-то подозрительные люди. Черезъ это и не далъ я этому человекѣ никакой работы, отправилъ его поскорѣе и сказалъ, чтобъ онъ шелъ себѣ къ какимъ нибудь господамъ. Куда онъ пошелъ отъ меня, я не знаю. А я пошелъ на свою работу.

¹⁾ «Загрѣбать копиці» — значить загрѣбать остатки сѣва, оставшіеся послѣ того, какъ конны станули къ снѣрду.

Работая у жидковъ, встрѣтился я со своимъ старымъ товарищемъ, съ которымъ я пасъ скотъ еще тогда, когда былъ маленькимъ. Зовутъ его Василий Ивановичъ Коровай.

Началъ я его спрашивать про жизнь-бытье до этого времени. Когда мы еще пасли скотъ, то мнѣ было только семь лѣтъ, а Василию восемь. Когда были вмѣстѣ, то — сказано, дѣти — не знали, кто мы такіе и гдѣ родились. Теперь же мнѣ Василий разсказалъ слѣдующее:

— Родился я въ Апаньевскомъ уѣздѣ, въ д. Звѣревкѣ отъ мѣщанки Кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, города Звенигородки. Мать мою звали Марьей. Сманулъ ее бурлакъ Иванъ. Работалъ онъ на сахарныхъ заводахъ, познакомился тамъ съ матушкой и взялъ ее съ собою на полевые работы въ Херсонскую губернію. Жили они въ деревнѣ Звѣревкѣ безъ законнаго брака, тамъ и я родился. Фамилію я получилъ по матери, которая была Короваева, а отцовою фамилію нельзя было узнать: отецъ мой былъ бѣглый солдатъ. Ушелъ мой отецъ изъ солдатъ отъ страха, потому что у него кто-то укралъ ружье казенное, и проживалъ «бурлакою». Когда я былъ маленькій, то родители меня воспитывали, водили за собою, куда сами шли, а какъ я уже сталъ побольше и началъ понимать, то нанимали и меня скотъ пасти. Заснешь, бывало, а свиньи и пойдутъ въ копны, или въ садъ, или на токъ и надѣлаютъ тамъ бѣды. Найдутъ меня соннаго и начнутъ бить. Голову, бывало, пробьютъ, и молчишь, не скажешь ни отцу, ни матери, да еще боишься, чтобы хозяинъ не разсказалъ: снова бить будутъ. Сильно бѣдовалъ я, покамѣстъ подросъ немного и сталъ не такой сопливый; а то хотѣлъ самъ себѣ смерть причинить. Такъ сильно хозяева обижали: ни за что привяжется и поколотить. А жаловаться некуда: отецъ и мать бурлаки. Матери хоть и можно было взять паспортъ да отецъ не пускалъ: боялся, чтобъ не покинула его. Оттого и бурлаковали вмѣстѣ, и я съ ними. Такъ прожили мы пятнадцать лѣтъ, таскались по работамъ, зимою въ Кіевской губерніи на

сахарныхъ заводахъ, а дѣломъ въ Херсонщинѣ, въ степи, то у нѣмцевъ, то у помѣщиковъ, то у мѣщанъ, или у купца ка-когонибудь. Поймали отца нашего, Ивана Бурлаку, — когда его взялъ становой, то на допросѣ онъ сказалъ, что зовутъ его Иваномъ Бурлакой и признался, что ушелъ изъ военной службы, — и отправили въ полкъ, а меня съ матерью отпра-вили въ Звенигородку...

— Пригнали насъ въ Звенигородку — продолжалъ Васи-лій — на грунтъ моего дѣда, отца моей матери, стараго Коро-вая. Смотрятъ на насъ люди, какъ на звѣрей. Собрались и старые люди, которые знали мою мать еще дѣвушкой. Одни говорятъ, что это Марья Короваивна; а другіе — говорятъ, что на Короваивну она непохожа... Начала мать рассказывать, какъ кого зовутъ изъ старыхъ людей и гдѣ кто живетъ, родствен-никовъ своихъ указывала и насилу нѣкоторые признали ее. Тогда началось дѣло относительно меня: требовали, чтобъ мать доказала, что я дѣйствительно ея сынъ, гдѣ родился, гдѣ кре-стился и кто былъ крестнымъ отцемъ и матерью, въ какой церкви крестился и какъ зовутъ попа, который крестилъ меня? И отправило насъ Звенигородское общество по этапу въ Хер-сонскую губернію, чтобы взять метрику изъ той церкви, гдѣ меня крестили. Проходили мы по острогамъ два года съ половиной, пока вернулись съ тѣмъ метрическимъ свидѣтельствомъ. А какъ только случаевъ не видѣлъ я, чего только не вытерпѣлъ отъ арестантовъ!.. Какъ пригнали насъ въ первый острогъ, то мать отправили въ женскую половину, а меня въ мужскую. Вошелъ я въ камеру. Арестанты меня обступили. «Давай на парашу!» говорятъ. Было у меня пять копѣекъ, я и откупился; а у двухъ другихъ, что пришли со мною, ни гроша не было. Подождали арестанты до вечера и послѣ ужина, когда уже зажгли огонь, сдѣлали одного арестанта «котомъ», привязали ему на спину подушку изъ соломы, а сами всѣ подбѣлали жгуты и начали того «кота» гонять, а сами все кричатъ: «брысь! брысь!» Бѣгаетъ «котъ» то туда, то сюда по камерѣ, а тѣ

арестанты все бьютъ тѣхъ ребятъ, что не дали на парашу. Кричатъ бѣдные, въ землѣ припадаюгъ, живые до Бога лѣзутъ; а тѣ все кричатъ: «брысь! брысь!» Посмотрѣлъ я на это, и сердце заболѣло: у меня уже нѣтъ ни копѣйки за душой и у матери тоже нѣтъ. А тутъ еще пришло въ голову, что можетъ быть и съ матерью тоже дѣлаютъ!.. Больше трехъ часовъ гоняли того «кота» и все били тѣхъ двухъ парней, что не дали на парашу.

— Великое горе я видѣлъ, — продолжалъ онъ — по тюрьмамъ: мнѣ пришлось идти изъ Кіева въ Херсонъ, а оттуда въ Одессу, изъ Одессы въ Тирасполь, изъ Тирасполя въ Анапьевъ, а оттуда уже въ Звѣревку, въ ту деревню, гдѣ я родился. Тамъ жилъ мой крестный отецъ Григорій Лобода, а крестной матерью была дворянка Варвара Совинская. Пригнали насъ въ Звѣревку и потребовали попа изъ Стрюковой, чтобъ выдалъ метрику. Былъ тамъ и становой, писали что-то, спрашивали, какъ меня зовутъ и какъ фамилія, а потомъ и отправили тою же дорогою обратно въ Анапьевъ.

— И на обратномъ пути пришлось мнѣ много горя видѣть — говорилъ Василій. Какой-то діаконъ попался въ тюрьму. А тамъ уже сидѣлъ одинъ арестантъ, который кралъ лошадей и передавалъ ихъ діакону. Случилось такъ, что діаконъ не заплатилъ денегъ за тѣхъ лошадей, что воры привели къ нему, и ихъ въ Анапьевѣ арестовали. Привели и діакона по какому-то другому дѣлу. Увидѣли воры своего «свата» и говорятъ: «а что, отецъ діаконъ, привезъ деньги намъ за лошадей?»

— «За какихъ?» спрашиваетъ діаконъ: — «Не знаю, про какихъ вы лошадей говорите».

Кивнули арестанты одинъ другому и я сейчасъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло, а діаконъ ничего не знаетъ, огрызается. Когда поужинали и всѣ камеры заперли, одна партія арестантовъ начала «церковь строить», а другая «мельницу». Вторая партія начала кричать, пѣть, стучать, ногами топать (это и есть

«мельница»), а другіе устроили «церковь» такъ: Стало четыре человекъ, а два легли сверху вмѣсто связи. Поверхъ ихъ стало стоймя еще два человекъ. Остальные поймали діакона, подали его на верхъ и повѣсили его вмѣсто колокола. И начали одни «молоть» его жгутами, другіе «бом-ваютъ», за чубъ держуть; а третьи—читаютъ. Гулъ по всему острогу, а не слышно, что діаконъ кричитъ уже смертельнымъ голосомъ. И такъ помолчались, что черезъ три дня діаконъ и Богу душу отдалъ. Такое горе дѣлается на бѣломъ свѣтѣ!

— Отправили насъ съ матерью въ пересылочной командѣ въ Тирасполь. Въ острогѣ встрѣтился я съ двумя жидками, которыхъ арестовали за передачу золота за границу. Собрали они на нѣсколько милліоновъ кредитокъ и все переводили ихъ на серебро, а серебро мѣняли на золото, которое и передавали за границу; что-то еще они передавали, да я не понималъ. Привели ихъ въ острогъ. Тамошніе арестанты и заговорили къ нимъ: «господа купцы! Съ васъ на бѣдность слѣдуетъ!»

— «На какую бѣдность?» говорятъ жидки: «Мы и сами теперь люди бѣдные, насъ совсѣмъ обобрали. Теперь вы намъ на бѣдность дайте!»

Кинули арестанты одинъ на другаго, покрутили усы и молчатъ. Попросили тѣ жиды надзирателя, чтобъ имъ подали самоваръ, сахару и чаю; пришла жидовка изъ города, надзиратель вызвалъ ихъ изъ камеры, они тамъ поговорили по жидовски... Понанесли тѣмъ жидкамъ хлѣба, чаю и сахару, денегъ принесли. Тогда жиды и говорятъ арестантамъ: «вотъ это вамъ на бѣдность!» и дали два рубля.

Весь острогъ похвалилъ жидковъ за то, что дали на бѣдность. А тутъ сейчасъ и торговля началась! Начали продавать штаны, сорочки, пайки, а жиды все покупаютъ. Появился табакъ нюхательный и курительный... Словомъ, за три дня жидки стали хозяевами въ камерѣ. Даже свои карты вынимали другимъ арестантамъ! Оттуда отправили насъ съ

матерью въ Одессу. На дорогѣ мать продала съ себя платокъ, чтобъ было чѣмъ заплатить за бѣдность острожника, чтобъ,—борони Боже,—не попасть къ нимъ въ руки.

Привели насъ въ Одессу. Тамошніе острожники такъ и закричали: «ама!» Перепугались мы.

— «На бѣдность», говорятъ, «ребята, пожалуйста! Вы съ воли пришли, а мы тутъ сидимъ: намъ негдѣ взять!»

Отдалъ я свои двадцать копѣекъ, а тѣ, что со мною пришли, сняли шапки, просить начали. «Нѣтъ у насъ», говорятъ, «ни копѣйки! Половили насъ и дѣчиста обобрали».

— «Видите»,—говорятъ одесскіе арестанты,—«этотъ мальчикъ какой маленькій, и то онъ далъ на бѣдность, а вы съ воли поприходили и ничего не имѣете».

Вслѣдъ за нами пригнали трехъ безпоповцевъ. Поймали ихъ на границѣ, когда они переносили свои духовныя книги изъ Москвы за границу, къ тамошнимъ безпоповцамъ, и представили въ одесскую тюрьму. Были у нихъ и документы, да ихъ забрали и съ документами и пригнали въ Одессу для увѣщанія. Когда въ тюрьму пришелъ священникъ увѣщать ихъ, то они доказывали свой законъ по библіи и евангелію. Священникъ говорилъ: «Я кончилъ семинарію, а вы мужики; и вы меня учите, какъ понимать евангеліе или библію! Есть ли такое ученіе, чтобъ я не понималъ? А вы мужики: вы должны разспросить, какую вамъ книжку прочитать надо. Вы не умѣете говорить, а начали вторгаться въ духовныя дѣла, которыя вамъ даже и знать не подобаетъ. Вы люди простые, не книжные; вамъ въ пору только знать, какъ съ плугомъ да съ сохою обращаться, а не проносить контрабанду изъ-за границы да наполнять народъ православный разными богопротивными вещами. Вотъ теперь и попали подъ судъ и будете страшно осуждены за нарушеніе православной вѣры и христіанскаго закона. Совѣтую вамъ: бросьте эту глупость и ходите въ православную церковь, какъ и прочіе христіане. Тогда я могу освободить васъ отъ суда!»

— «Лучше намъ пострадать, — заговорилъ тогда одинъ изъ безпоповцевъ, — чѣмъ тебя послушать. Ты за деньги служишь, а Христось говорилъ: «даромъ получили, даромъ и давайте!» Намъ уже по восьмидесяти лѣтъ, а тебѣ, быть можетъ, только тридцать, и ты насъ учишь, какъ надо понимать писаніе. Ты самъ хорошо знаешь, что низкій возвысится, что пыльное да высокое — смрадъ предъ Богомъ, а низкое да черное близко къ Нем у». И замолчалъ.

— «Правда», говоритъ священникъ. «Я съ этимъ согласенъ, что низкое и черное близко къ Богу. Да зачѣмъ же вы ищете то, чего вамъ не нужно? Зачѣмъ вы проносите контрабанду за границу и обратно, передаете въ Россію какіе-то совѣты отъ своихъ заграничныхъ сотоварищей и, когда васъ поймаютъ, говорите, что ищете спасенія, а отъ поличнаго отказываетесь?»

— «Какую мы контрабанду проносимъ?» перебилъ другой безпоповецъ. «Какая въ томъ контрабанда, что мы пошли провѣдать нашихъ родственниковъ? И какое вамъ дѣло до нашей вѣры?.. Подати мы платимъ, повинности отбываемъ, солдатъ царю поставляемъ... Какое вамъ дѣло до нашей вѣры?!..» И замолчалъ.

— «Да!» говоритъ священникъ. «Подати-то вы платите и повинности отбываете, да почему же вы насъ не слушаете, въ церковь не ходите?»

— «Потому что Христось выгналъ изъ церкви торгашей,» — промолвилъ третій безпоповецъ, — «а вы снова торги въ церкви устроили. Черезъ это мы и не ходимъ въ церковь».

— Тогда священникъ оставилъ ихъ и пошелъ изъ тюремнаго замка, а безпоповцевъ посадили за рѣшетку. Стали съ нихъ арестанты требовать на бѣдность и они раздѣлили на всѣхъ десять рублей, даже и мнѣ дали гривенникъ. Пробыли мы съ матерью два дня въ Одессѣ и насъ отправили въ Николаевъ, потому что дорога наша лежала на Херсонъ.

— Пришли мы съ матерью въ Николаевъ и тамъ въ острогѣ нашелъ я своего отца. Заплакалъ я и отецъ мой заплакалъ. Разказалъ я объ этомъ матери (тамъ арестованнымъ мужьямъ и женщинамъ нельзя сойтись: солдаты не пускаютъ). Распрощались мы съ отцомъ и по сей день не встрѣчались: на другой день насъ съ матерью отправили въ Херсонъ.

Въ Херсонѣ сидѣли мы два мѣсяца. Въ это время пригнали шесть турецкихъ выходцевъ, которые показывали, что они родились въ Турціи, а потомъ прошли черезъ русско-турецкій кордонъ и объявили туркамъ, что въ Турціи они жить не желаютъ, а хотятъ, чтобъ выдали имъ документы и, по закону, пропустили черезъ таможеню. Тогда они могли бы приписаться въ любомъ русскомъ городѣ. Турки не признали ихъ за тамошнихъ уроженцевъ, а сказали, что они бѣглецы изъ Россіи, и отправили ихъ въ Россію по этапу. На допросѣ оказалось, что люди тѣ родомъ изъ Кіевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда, изъ деревни Осоты. Хотѣли они бѣжать отъ крепостной зависимости, и, оставивъ дома женъ и дѣтей, сами направилась въ Турцію.

— Отправили насъ, наконецъ, въ Кіевъ,—продолжалъ Василій. Шли мы да молились, чтобы Богъ привелъ насъ поскорѣе на родину матери. Въ Кіевѣ встрѣтились намъ уніаты, которые не хотѣли переходить въ православіе и молиться въ православной церкви. Отдѣлили мужей отъ женъ, отцовъ отъ дѣтей — набралось такихъ мужей и женъ дупль около двухъ сотъ—и пригнали въ Кіевскій острогъ изъ Винницы и изъ окрестныхъ мѣстностей. Насъ тамъ съ матерью держали всего одну недѣлю,—и отправили на родину, въ Звенигородку. Шли мы лѣсами да борами по-надъ Днѣпромъ рѣкою. Пригнали насъ домой и освободили... Словно свободный духъ подулъ на мое сердце!..

— Собрались въ расправу — разказывалъ немного спустя Василій — староста мѣстечка и старики, которые знали мою мать и приняли насъ въ общество. Тогда повела меня мать

на свой грунтъ. Тамъ стояла старая—престарая хатка, набокъ уже согнулась.

Въ хаткѣ въ нашей жилъ старикъ Кондрать, такъ себѣ жилъ самъ: не было у него ни жены, ни дѣтей. Такъ въ одиночествѣ и состарѣлся!

Пришли съ матерью въ хату. Нѣтъ у насъ ни хлѣба, ни горшка, ни ведра,—что называется ничего нѣтъ! И говорю я матушкѣ: теперь вы будьте дома, а я попытаюсь наняться куда-нибудь, чтобъ обзавестись хоть какимъ-нибудь хозяйствомъ.

Начала и мать спрашивать, не надо-ли кому-нибудь «наймита». (А мнѣ уже было лѣтъ восемнадцать отъ роду). Вотъ одинъ тамошній человѣкъ и началъ нанимать меня на годъ, чумаковать ходить, ѣздить въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой, купцамъ «хуру» возить. Договоръ былъ такой, чтобъ я ночью воловъ пасъ во всякомъ мѣстѣ, будетъ это подъ городомъ или въ степи, чтобъ возъ могъ поправить, если случится, и за все это онъ давалъ мнѣ тридцать рублей въ годъ. Посоветовались мы съ покойною матушкой, и я нанялся съ тѣмъ договоромъ, чтобъ онъ далъ въ задатокъ пятнадцать рублей, чтобъ можно было купить что нужно въ хату, а на остальные деньги купить хоть телку, чтобъ дожидаться какой-нибудь коровы. Согласился хозяинъ дать мнѣ пятнадцать рублей, и я сталъ на службу къ тому чумаку, а матери поручилъ, чтобъ купила, что нужно въ хозяйство...

— Горько горевалъ я въ чужой сторонѣ, и Богъ помогъ мнѣ, и материнская молитва пособила выслужить годъ у того чумака, Карпа Билобрысого. Получилъ я и остальные пятнадцать рублей серебромъ, и на тѣ деньги купила мать пару бычковъ — выпустковъ. А одѣвала меня сама, работала на свѣту и на чумарку, а тулупъ давалъ хозяинъ Билобрысий!

Заговорили тогда всѣ на поселкѣ: смотри какимъ хозяиномъ сталъ Марійченко! Три скотныи уже заслужилъ, а еще молодой.

Снова нанялся я въ тому чумаку, уже за пятьдесятъ рублей, потому что понравился я хозяину. Бывало, онъ бросить меня одного, а я и самъ работаю, что нужно, не ожидаю, пока прикажутъ хозяева. Подумаю, что я спрота, одна только мать у меня, да и та безъ здоровья; умереть, не дай Богъ, тогда придется самому жить съ чужими людьми. Отцовскихъ родственниковъ же у меня нѣтъ ни душички. И, работая на хозяина, думалъ, что хоть люди будутъ добры ко мнѣ. Выслужилъ я и другой годъ у хозяина, купилъ еще пару быковъ, да тѣ, что матушка купила, выросли, и стало у меня двѣ пары воловъ. Началъ я сѣять хлѣбъ, сталъ хозяиномъ...

— И пачали завидовать тамонніе хозяева моему спротскому житью! А мать еще, бывало, пойдетъ промежъ людей, по чаркѣ выпить да — сказано, мать! — и пристыдить хозяйскихъ сыновей и самихъ отцовъ. Завзятая была жепцина, самостоятельная! Думала, что я у нея одинъ, и хозяева ничего не могутъ сдѣлать съ нами...

— Кончилось мнѣ уже и двадцать два года. Думалъ я уже жепиться, мѣщанку хотѣлъ взять изъ Херсонской губерніи: почему-то не понравились мнѣ тамоннія «черногузки». А такъ какъ родился я въ Херсонской губерніи, то и думалъ: взять паспортъ, пойти туда, найти тамъ себѣ «дівчину», да тамъ и хозяйствомъ заниматься. Съ матерью даже говорилъ объ этомъ.

Да не тутъ то было! Осенью пришли и взяли меня въ солдаты. Матушка туда, сюда, — ничего не подѣлаешь.

«Твой сынъ — говорятъ — подставою; онъ вернется, чего плачешь?»

А материнское сердце чуетъ бѣду, да только не скажетъ. Чувствуетъ она, что сынъ уже не вернется, что лишилась своего хозяина, и говоритъ имъ: «чуетъ моя душа, что не вернется уже домой мой Василій. Некому будетъ хозяйничать, некому будетъ кормить меня... Развѣ Богу будетъ угодно, и онъ вернется съ военной службы, а изъ пріема, я чувствую, что онъ не вернется!»

— «Не можетъ этого быть» — говорили тамъ старики и старухи, — «чтобы вдовиного сына въ солдаты отдали. А кто же старуху — мать накормить».

А старуха мать плачетъ, въ сырой землѣ припадаетъ. Что вы меня утѣшаете? Кто будетъ хлопотать за вдову да за вдовиного сына? Если бы отецъ былъ, то не отдалъ бы даромъ своего сына въ солдаты; а я, женщина, не знаю, куда толкнуться, у кого совѣта попросить!...

— Отвезла меня въ пріемъ, забрили въ солдаты. Тогда мать продала пару воловъ и отдала мнѣ вырученныя деньги на дорогу; а себѣ оставила пару половъ да корову и сказала мнѣ: «если будетъ Богу угодно, и ты будешь живъ, сыну мій Василю, тогда и хозяйничать будемъ. А теперь благословляю тебя, мій сыну! Должно быть, ты меня живою не застанешь»!..

— Распрощался я съ матерью; заплакали горько да поцѣловались, и меня отправили въ Кіевъ, продолжалъ потомъ Василій. — Въ Кіевѣ выбрали меня въ Харьковъ. Въ Харьковѣ учили меня маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, подучили немного и снова выбрали на Кавказъ, въ дополнительный линейный батальонъ. Пятнадцать лѣтъ я тамъ служилъ, и на побывку не пришлось домой пойти. На пятнадцатомъ году отпустили меня совѣзмъ домой! Прихожу домой; а матушка годъ тому назадъ, какъ померла...

— Заплакалъ я горько. Отъ хозяйства ничего не осталось, только одна хатка. И подумалъ я тогда: «чего я пришелъ сюда? Кто меня здѣсь пожалѣетъ? Здѣсь же у меня нѣтъ ни матери, ни роду, ни племени»! Продалъ я хатку, взялъ отставку въ руки и пошелъ, куда Богъ приведетъ. Вотъ и съ тобой, братъ, увидѣлся...

— Теперь уже не знаю — окончилъ онъ свой рассказъ — какъ Богъ поможетъ пережить это горькое время. Хожу по черной работѣ, да такъ ни зароботку, ни пріюту нѣтъ. Думалъ было жепиться, да нужно взять дѣвушку, а дѣвушка дѣтьми обсѣетъ, — что тогда будешь дѣлать съ дѣтьми безъ

пріюту? А взять пожилую,—всѣ распутныя: любить не будетъ. Пьяницы теперь женщины да потаскухи. А я уже человекъ старый, «підтоптаный». И возьмешь себѣ горе подъ старость. Да и такъ-то горе!.. Жить негдѣ, негдѣ голову приклонить! Будешь еще ходить, пока ноги носятъ, а, не дай Боже, заболѣешь, тогда гдѣ пріютъ найти?..

— А въ госпиталѣ! — промолвилъ тутъ другой человекъ, сидѣвшій въ сторонѣ. Тамъ тебя до смерти кормить будутъ.

— Скорѣе заморять,—промолвилъ Василій. Лежалъ я уже по госпиталямъ, хорошо знаю, какъ тамъ берегутъ нашего брата. Тамъ скоро вѣкъ доживешь, мигомъ схоронять.

— И хорошо! говоритъ человекъ тотъ. Чтобъ долго не шляться по разнымъ жидовскимъ да купеческимъ работамъ!..

— Богъ насъ и сотворилъ для того, — промолвилъ Коровайченко,—чтобъ мы работали да отъ трудовъ своихъ и другимъ помогали. Оттого то теперь и горе всюду, что никто работать не хочетъ, да на госпиталь надѣется. «Схоронять думаетъ—и въ госпиталѣ»!.. Другіе на наслѣдство надѣются, а третьи хорошихъ ярмарокъ ожидаютъ, и работать всѣ не хотятъ. Женщины жениховъ своихъ или мужей ожидаютъ и работать не хотятъ. Воры тоже не хотятъ работать, украсть надѣются. Черезъ это и любви нѣтъ между людьми, никто не помогаетъ ближнему. И такъ всякій, надѣясь на что-то, бросаетъ свою работу, такъ что теперь и тому, кто хочетъ работать, нельзя найти работы. Всѣ стали нарывать, чтобъ не работая жить и хлѣбъ ѣсть, и дѣтямъ наслѣдство оставить. И дорого все стало оттого, что работающихъ людей мало стало: все больше прикащики да торгаша!

Послѣ этого я распрощался съ Василіемъ на нѣкоторое время, потому что мнѣ нужно было кончать работу.

И вспомнилось мнѣ, какъ въ дѣтствѣ мы товарищами были, какъ насъ наказывали за то, что мы заснемъ, а скоть и пойдетъ себѣ или въ пашню, или въ садъ, или на токъ. Поколотятъ насъ, бывало, я мы засматриваемъ другъ другу на спину

и въ такія мѣста, куда самому нельзя заглянуть. Посмотримъ этакъ, одинъ на другаго, да пожалѣемъ другъ друга. Заплачемъ горько да и молчимъ,—никому ни слова!..

Когда я вернулся обратно, Василій уже бесѣдовалъ съ тѣми людьми, которые въ сторонѣ сидѣли.

— Что, вы и до сихъ поръ тараторите? спрашиваю.

— Да тутъ у насъ разговоры хорошіе! говоритъ Коровай!

— Какіе-такіе разговоры хорошіе? спрашиваю.

— Да вотъ этотъ человѣкъ рассказываетъ про себѣ шутистовъ и баптистовъ.

— А ну-ка, землячокъ,—говорю,—рассказывай, да только правду говори.

— Ей Богу, буду говорить правду, проговорилъ тотъ человѣкъ.

— А какъ васъ зовутъ? спрашиваю.

— Съ дѣтства меня еще зовутъ Левко Маржановъ, пошутилъ тотъ человѣкъ,—и что я буду рассказывать, то все правду, потому что я только и помню, когда отецъ выводилъ меня почью, то все, бывало, приказываетъ, чтобы я не вралъ, а говорилъ всегда правду. «Кю всегда правду говорить,—наказывалъ мнѣ отецъ,—тотъ праведникъ, а кто не правду,—тотъ грѣшникъ». Отъ того я еще съ малолѣтства все правду говорю, и вамъ буду правду рассказывать, ей-Богу, правду.

— Добрые люди—говорю ему—не божатся; а и безъ этого говорятъ правду.

— Когда я такъ привыкъ! говоритъ Левко.—Вотъ и священникъ говоритъ, что божиться грѣшно, а я все-таки забываюсь... Ну, да я и такъ буду вамъ правду рассказывать.

И онъ началъ свой рассказъ:

— Наняла меня мать еще мальчикомъ къ одному вѣмцу, въ иѣмецкую колонію Калестрову. Началъ я служить... Видитъ

хозяинъ нѣмецъ, что работаю я хорошо, по правдѣ, и говорю всегда правду, и говорить мнѣ: «Тебѣ, Левко, нужно учиться читать: ты любишь празду и будешь добрымъ человѣкомъ». — «Правду говорить нѣмецъ», подумалъ я. «Выучусь я читать и писать, и буду добрымъ человѣкомъ». Пришла зима. Управляюсь я, бывало, со скотомъ да съ лошацями, а хозяинъ мнѣ и кричитъ: «Левко! читай!» И читаю я, учусь тамъ часъ или два. Дочь хозяйская—Августинной звали—мнѣ показываетъ... Угождаю я своему хозяину, а еще больше угождаю хозяйской дочери: я ей и воды принесу, и телятъ загою, и соломы изъ току напошу, чтобъ только читать учила! Выучился я немного читать. Вотъ мой хозяинъ поѣхалъ какъ-то въ Одессу и привезъ оттуда книжку—Новый Заветъ, и подарилъ мнѣ эту книжку. Думалъ я сначала, что хозяинъ высчитаетъ за книгу изъ моего жалованья,—нѣтъ, не высчиталъ!..

Началъ я читать ту книжку уже самъ.

Въ одно воскресенье и говорить мнѣ хозяинъ: пойдѣмъ въ церковь!

— Да тутъ же нѣтъ церкви! говорю ему.

— Какъ можно нѣтъ?! Есть! Церковь—ведѣ.

— Какая тамъ церковь у васъ? удивился я.—Церковь отсюда за двадцать пять верстъ, а вы говорите: «пойдемъ въ церковь!»

— Дуракъ! говоритъ хозяинъ.—Не понимаешь ты, что такое церковь!

— Какъ не понимаю?! обидѣлся я.—У насъ церковь большая, съ крестомъ наверху, съ священникомъ, съ дьячками, а вы говорите, что я не понимаю, что такое церковь!

Крѣпко я разсердился на хозяина: если бы могъ, поколотилъ бы его за то, что онъ сказалъ, что я не понимаю церкви.

— Было вамъ вчера—говорю—идти въ церковь, потому что въ церковь ходятъ не ѣвши. А то напились кофею, наѣлись колбасъ и говорите: «пойдемъ въ церковь!»

— Дуракъ ты! снова говоритъ хозяинъ: я тебѣ говорю о церкви небесной, а ты о своей земной толкуешь.

— Да это-жь небесная церковь!.. закричалъ я. Тамъ же написаны ангелы небесные!

Засмѣялся хозяинъ и пошелъ себѣ въ свою церковь. Крѣпко разсердился я на него за то, что дуракомъ обозвалъ и сказалъ, что я ничего не понимаю!..

Читаю я ту книжку, что подарилъ мнѣ хозяинъ, и вспомнилъ, какъ мать мнѣ рассказывала про нашу церковь и говорила, что притворъ—это земля, что по срединѣ—воздухъ, а алтарь—небо; крестъ же на церкви въ память того, что жиды Христа нашего распяли. «Ну думаю—если хозяинъ будетъ другой разъ спрашивать, то я уже буду знать, какъ отвѣчать!.. А то: не понимаешь!..»

— Дождались другаго воскресенья,—продолжалъ Левко.— Справился я по хозяйству и пришелъ въ хату. Хозяйка уже приготовила кофе (нѣмцы прежде наѣдятся, а потомъ идутъ въ церковь).

— Левко! кричитъ хозяинъ. Завтракай да ступай сюда: въ церковь пойдемъ!..

— Въ какую тамъ церковь? спрашиваю.

— Въ Божью церковь!

— Наша церковь—говорю—православная, Божья церковь, потому что наша церковь есть земля, воздухъ и небо.

Удивился хозяинъ и началъ меня спрашивать, почему я сказалъ: земля, воздухъ и небо? А потомъ и говорить:

— Фу, ты! какая большая ваша церковь!.. И земля, и воздухъ, и небо! Пойдемъ-ка, пойдемъ! Я тебѣ покажу настоящую церковь.

Не могъ я переспорить его и пошелъ съ нимъ. Повелъ онъ меня къ одному русскому—Ефремомъ звали. Приходимъ. Ефремъ читаетъ такую самую книжку, какъ и у меня. Начали они бесѣдовать съ хозяиномъ; а я только сижу да смотрю. Пришло еще нѣсколько душъ, а потомъ собралось много и женщинъ, и дѣвушекъ, и мужчинъ и молодыхъ парней. Всѣ вынули изъ кармановъ маленькія книжечки да какъ запоютъ всѣ разомъ!.. Смотрю я на нихъ и думаю: «что это такое?»

И такъ мнѣ показалось хорошо, такъ хорошо, что я забылъ про все. «Если бы я зналъ давно,—подумалъ я себѣ—то давно ходилъ бы къ Ефрему: такъ тутъ весело да хорошо!»

Долго они пѣли, потомъ молились, а потомъ перестали и начали говорить про законъ да крещеніе. Часть изъ нихъ была штундисты, а другая — баптисты. Одни (баптисты) и говорятъ, что нужно два раза креститься: первый разъ маленькимъ, а другой разъ совершеннолѣтнимъ; а другіе (штундисты) доказываютъ, что надо креститься только одинъ разъ, именно, совершеннолѣтнимъ. Кромѣ того, штундисты говорятъ, что нужно обучаться свѣтскимъ наукамъ; а баптисты утверждаютъ, что не нужно, а нужно только научиться читать духовныя книги, а все остальное Богъ самъ откроетъ Духомъ своимъ.

— Нѣтъ, нужно учиться—говорятъ штундисты—не только читать и писать, а и всѣмъ наукамъ, какія есть у людей, чтобъ быть человѣкомъ стоящимъ. А то нужно написать что-нибудь,—и проси православнаго; понадобится что другое,—проси наставленья или у православнаго, или у жида. А это унижительно для «братства».

Такъ и раздѣлились: баптисты не учатся и два раза принимаютъ крещеніе, а штундисты учатся и принимаютъ крещеніе только одинъ разъ.

Вернулись мы съ хозяиномъ домой!..

— Что ты тутъ рассказываешь?—прервалъ его человѣкъ, сидѣвшій въ сторонѣ.—Эти «штундари» чорту молятся, а ты говоришь: «хорошо да bravo!» Должно быть, ты и самъ уже присталъ къ нимъ, что такъ ихъ хвалишь. Служилъ съ малолѣтства у тѣхъ проклятыхъ «штундаривъ», а теперь и самъ ты проклятый штундарь!..

— Ни, чоловіче добрый! Я не проклятый штундарь, а такой же человѣкъ, какъ и ты, или какъ и всѣ люди. А рассказываю я людямъ потому, что меня просятъ, чтобъ я рассказывалъ про тѣхъ людей. Пусть узнаютъ про нихъ люди: дѣло это новое, всякому хочется знать, что за люди такіе появились.

— Не правда, ты штундарь. И глаза твои доказываютъ, что ты штундарь.

— Какіе-жъ у меня глаза? Такіе же, какъ и у тебя!

— Нѣтъ, не такіе, потому что твои очи чорта видятъ, а мои не видятъ, такъ какъ я православный христіанинъ, а ты штундарь.

— Отойди отъ насъ, чоловіче добрый! говоритъ тогда Левко.

Тутъ вступились и другіе люди. «Отойди,—говорятъ,—чловіче добрый! Люди себѣ бесѣдуютъ, а ты мѣшаешь».

Отошелъ человѣкъ тотъ, а Левко снова началъ свой разсказъ:

— Пришли мы съ хозяиномъ домой. Даетъ намъ хозяйка обѣдать, а хозяинъ меня и спрашиваетъ: «А що, Левко, видѣлъ церковь?»

— Какую тамъ,—говорю—церковь?

— А ты же ходилъ со мною въ церковь.

— Да мы же ходили—говорю—къ Ефрему, а не въ церковь!

— Что же ты видѣлъ у Ефрема?

И понялъ я тогда, что церковью называется то, если сойдутся люди вмѣстѣ.

— Понимаю—говорю—теперь, что значитъ церковь.

Растолковалъ мнѣ хозяинъ, что церковью называется собраніе вѣрующихъ и спрашиваетъ меня:

— А какъ тебѣ показалось въ нашей церкви?

— Чудно—говорю—и хорошо такъ.

— Оттого и чудно, что ты ужъ черезъ-чуръ часто ходишь въ церковь. А ты, Левко, ходи почаще, тогда и поймешь лучше.

— Правду—подумалъ я—говоритъ хозяинъ.

Пошелъ я и на другое воскресенье—продолжалъ Левко,—и началъ уже думать, какъ понимать тѣ слова, что штундисты читаютъ. Началъ я размышлять про «двери». Еще въ дѣтствѣ я слышалъ, какъ діаконъ, бывало все читаетъ: «двери, двери!» Спрашиваю я: что это за «двери», про которыя я постоянно слышалъ въ православной церкви.

Одинъ «братъ» — штундистъ и объяснилъ мнѣ, что двери это значить—Христось.

Сильно удивился я, что штундисты знаютъ наши православныя молитвы! Прочтали мнѣ и «Отче нашъ» и про «Отче нашъ» рассказали, какъ нужно исполнять...

Гдѣ ни взялись два человѣка, подѣли къ намъ, прислушиваются, о чемъ мы разговариваемъ.

— Врешь! Ты самъ штундаръ! говоритъ одинъ изъ нихъ,— Не слушайте его, добрые люди, плюньте! Священникъ говорилъ, чтобы даже и не сходится съ этими с... с... Онъ вамъ рассказываетъ, да все расхваливаетъ этихъ «пройди-свѣтивъ». Онъ вамъ знаетъ, что рассказать.

— Опомнись, дурачина! перебилъ его другой.—Человѣкъ крестится, а ты не вѣришь, что онъ правду рассказываетъ. Человѣкъ служилъ тамъ и видѣлъ все, вотъ и рассказываетъ. А что пользы, что батюшка прочтаетъ да расскажетъ что-нибудь. Твой батюшка даже разговаривать не станеть съ такимъ дурнемъ, какъ ты или я. А это, видишь, люди простые и понимаютъ писаніе. Слышалъ, какъ про «двери» прочтала? Ты весь вѣкъ ходи,—этого знать не будешь, хоть про «двери» постоянно читаютъ!

И замолчали оба.

— Договорюсь я тутъ до горя, промолвилъ Левко.

— Говори, не бойся! сказалъ мой товарищъ Василій.— Говори, что знаешь. Такая хорошая компанія, слушаютъ. Если бы я зналъ что-нибудь такое хорошее, все до чиста бы рассказалъ.

— Началъ я, заговорилъ снова Левко, — ходить къ нимъ каждое воскресенье, началъ уже понимать все до слова, что только читаютъ. Приѣхалъ разъ старшій баптистъ навѣстить своихъ «братьевъ». Тутъ снова разговоръ зашелъ. У штундистовъ нѣтъ старшихъ, а у баптистовъ есть. Вотъ баптисты читаютъ одно, а штундисты другое, все доказываютъ, что Христось приказалъ, чтобы не было старшихъ. Не понравилось

это тому старшему баптисту: началъ онъ изворачиваться. Смотрю я и замѣчаю, что оно значить? И не ругаются, какъ у насъ, а только книжечки переворачиваютъ да прочитываютъ.

— Надо слушать, говоритъ старшій баптистъ,—да и поступать такъ, какъ написано.

Сильно меня заинтересовало то, что штундисты скоро начинаютъ въ книжечкахъ то, о чемъ разговоръ зайдетъ. Чтобы ты ни задумалъ, все они найдутъ и прочитаютъ. А баптисты этого сдѣлать не могутъ...

Въ это время подошли двѣ пьяныя бабы и начали прислушиваться.

— Люди добрые! перебили онъ рассказчика.—Что это вы дѣлаете, зачѣмъ слушаете этого с... с...? Онъ самъ проклятыи штундарь, онъ самъ чорту молится!..

Крестится Левко и божится.

— Врешь, сякой такой сынъ! кричитъ одна.

— У него и глаза не такъ, какъ у людей! прибавляетъ другая — Видите, какъ онъ смотритъ, скоро бѣльмами ворочаетъ. Уйти хочешь?.. Нѣтъ, не уйдешь!..

— И не думаю уходить! говоритъ Левко.

— Послушайте, начала одна баба,—что мнѣ рассказывала про этихъ «штундарів» моя купчиха, Марья Петровна, у которой я уже четыре года служу. Эти проклятыи штундарь, говорила Марья Петровна, покладуть на окошко одинъ рубль, а берутъ два; покладуть десять, а берутъ двадцать рублей. А намъ, убогимъ, зарабатывать нужно. И пока заработаешь тотъ рубль, горько тебѣ станетъ. А ему что? Онъ будетъ здѣсь съ вами рассказывать цѣлый день, да еще и завтра, а домой придетъ — положить на окно рублей десять, а возьметъ двадцать... Божилась Марья Петровна, что такъ имъ деньги достаются.

Кто-то изъ мужчинъ позвалъ бабъ и онѣ отошли отъ насъ.

— Поѣхалъ тотъ старшій баптистъ, началъ снова Левко,—и начали штундисты одинъ на другаго сердиться, да все молча, такъ что постороннему человѣку и не видно, что они сердятся.

Споръ зашелъ у нихъ о томъ, что баптисты сильно богатѣютъ и словъ писавія не исполняютъ. Штундисты же говорятъ, что не нужно сильно предаваться богатству, потому что слово Божіе попадетъ тогда въ терніе. Они по своему знаютъ, какъ уколеть другаго. Штундистъ не скажетъ другому, что тотъ сдѣлалъ худо или напился пьянъ, а скажетъ: «а что, вымытая свинья, да въ грязи валяется?» или «возвращается собака на свои блюваки», да такъ иносказательно и пробираютъ одинъ другаго, а посторонній и не пойметъ, что они говорятъ и за что споръ зашелъ. Никогда они не ругаются матерными или чорными словами, потому что у нихъ считается грѣхомъ всякая руганья. Поэтому и узнать можно штундиста или баптиста: онъ никогда не ругается.

— Да этимъ проклятымъ штундарямъ нельзя ругаться! промолвилъ человѣкъ, сидѣвшій въ сторонѣ.—Потому что чортъ не дастъ имъ денегъ, если они ругаться будутъ.

— Имъ и чорта нельзя вспомнить, подхватилъ другой,—потому что онъ сейчасъ его и схватитъ, если только онъ его вспоманетъ. А намъ ругаться можно: мы крестимся!

— Они и рассказываютъ, говоритъ Левко,—что то за крестъ, когда рукою машешь, если тою самою рукою и во-руешь, и другаго человѣка бьешь? Развѣ можно подумать даже, чтобъ такая рука способна была креститься?..

— Правда, промолвили два другіе человѣка.—И намъ батюшка приказываетъ, чтобъ мы не крали, не любодѣйствовали; это, положимъ, и намъ полагается. Ну, пусть они черезъ это не крестятся. А отчего же они не ругаются?

— Они говорятъ, продолжалъ Левко,—что человѣкъ языкомъ ругается; значить, языкъ этотъ уже не годится для того, чтобы молиться Богу; у того, кто ругается, поганый ротъ.

Насталъ уже вечеръ: нужно было расходиться. Левко пошелъ со мной въ мою квартиру на постоянный дворъ, а товарищъ мой пошелъ на ночь на работу, плитку исправлять.

Переночевали мы съ Левкомъ и пошли на базаръ, чтобы увидѣть моего товарища и распрощаться съ нимъ, потому что у меня товарищъ все равно, какъ братъ родной.

Нашли мы его на базарѣ; онъ насъ пригласилъ къ себѣ на квартиру.

— Тамъ, говорить, и распрощаемся.

На квартирѣ Левко снова началъ свой рассказъ:

— Когда я служилъ въ Калестровой, тогда я кой-чему научился. Я, какъ пришелъ туда, былъ совсѣмъ дуракъ. Тамъ меня научили, почитай, шутками да насмѣшками. «Ты, Левко, вотъ того не знаешь или этого!» говорить, бывало мнѣ; а хозяинъ нарочно мнѣ рассказываетъ что-нибудь, чтобы научить меня, потому что мнѣ казалось, что я больше ихъ знаю. А я ничего не зналъ, былъ гробомъ окрашеннымъ. Казалось, что я былъ человекъ, а во мнѣ только и разуму было, что я смотрѣлъ на свѣтъ Божій. Когда меня уже освѣтилъ свѣтъ, тогда я самъ себѣ сказалъ: «И что я за тварь такая!» Прежде я не зналъ даже, что то за добро на свѣтѣ или зло. Казалось мнѣ, если я валялся и вапился, да есть у меня сапожонки и постолы, то и хорошо мнѣ. И гора мнѣ мало!.. Вши по мнѣ такъ и лезать, а я еще пою, бывало, думаю, что я казакъ, и живу на свѣтѣ!.. ...Началъ меня нѣмецъ читать учить, а я и не выговорю за нимъ, не могу замѣтить той буквы. Онъ мнѣ говорить: говори—а! А я говорю: ай!—«Ты вошь, ты осель! кричить хозяинъ.—Говори: а! а-а!» Стыдно мнѣ станеть и я говорю: а-а!—«Вотъ такъ! Говори теперь: бе!» Я и говорю: дме!—«Дуракъ! кричить хозяинъ.—Бе-е! говори. Снова мнѣ станеть стыдно и я говорю: бе-е! Сколько онъ мучился со мной, покажѣсть я понялъ! Такой дурень былъ, что и сказать нельзя!.. Началъ я читать, слова выговаривать. И тогда я понялъ, какой я несчастный!.. Прежде я не зналъ и не думалъ, въ чемъ состоятъ счастье и въ чемъ несчастье. Я думалъ, что я и счастливъ, если хозяинъ или кто-нибудь другой накормитъ...

...Еще больше началъ я понимать, когда хозяинъ повелъ

меня къ штундистамъ и когда они начали меня муштровать. Посмотрѣлъ я тогда на себя... круглый сирота, ни отца нѣтъ, ни матери, потому что той матери, которая есть у меня, самой нуженъ отецъ, чтобы привести ее къ Богу!

— Родился я, началъ, немного спустя, Левко, — въ Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда, въ селѣ Требиляѣ, и воспитанъ былъ на барскомъ дворѣ, возлѣ свиней! Мать моя была замужемъ за плугатаремъ... Отецъ мой «парубкомъ» еще былъ возлѣ панскихъ плуговъ, а мать ходила къ нашему-таки управителю «на тижневу». (Недѣлю, видите, во дворѣ, на барщинѣ, а другую недѣлю дома). Отецъ мой и полюбилъ мать мою, и пошелъ къ самому пану, чтобы позволилъ жениться. Позволилъ панъ и спрашиваетъ отца: — Кого ты, Федоръ, думаешь взять за себя замужъ?

— Я хочу, — говоритъ отецъ, — если ваша милость позволитъ, взять у Панька дівчину, ту, которая ходитъ «на тижневу» къ управляющему.

— Вотъ это ты хорошо выдумалъ! говоритъ панъ. Она будетъ во дворѣ и бѣлье мыть и гладить: ее управительша уже выучила. Вотъ вы и будете обое во дворѣ. Благослови тебя, Господь! Иди, сватай. Тамъ тебѣ водки дадутъ на свадьбу и мукн на «коровай»¹⁾. А завтра чтобы повѣнчались!

Посватался мой отецъ. Сыграли свадьбу, и взялъ онъ мать на барскій дворъ. Мать миѣ рассказывала, какъ это все было...

... И началъ управитель подлазить къ моей матери. Что хочешь, то и дѣлай!.. Долго она отказывалась и, наконецъ, сказала отцу, что тотъ ляхъ-управитель не даетъ ей проходу. (Тогда она уже была беременна мною). А батько мой было «козацького заповіту». Когда мать рассказала ему это, онъ и началъ присматривать за нею и за управляющимъ...

... Разъ, распорядившись возлѣ плуговъ, отецъ пошелъ въ

---

¹⁾ Коровай — свадебный хлѣбъ особой формы.

садъ къ матушкѣ (Въ саду была прачешная.) и видитъ: управляющій привязалъ ее за руки и за ноги къ дереву и издѣвается, мучить ее. Побилась, бѣдная, до крови, все не поддавалась. Увидѣлъ — говорю — это отецъ да такъ какъ держалъ «истикъ»¹⁾ въ рукѣ, такъ и загородилъ въ управителя: прокололъ лаяхъ, а мать освободилъ! Увидѣли тутъ, что отецъ убилъ управляющаго, схватили его, въ кандалы заковали. А пана въ это время не было дома, въ Москву уѣхалъ...

— Отправили отца въ Кіевъ, на судъ,—продолжалъ Левко,—и больше ни мать, ни я уже его не видѣли... Покамѣсть мать была здорова, то была панскою прачкой; а когда силъ не стало, то посадили ее на птичникъ, птицу присматривать, а меня взяли къ панскимъ свиньямъ... Плачетъ, бывало, матушка, горюетъ въ одиночествѣ (отецъ не возвращался) и покамѣсть вышла воля, она и изсохла, почернѣла, состарѣлась. Послѣ воли она скоро и умерла, а я остался одинъ—одинохонекъ, служилъ въ той нѣмецкой колоніи, въ Калестровой. Восемнадцати лѣтъ былъ я, а не умѣлъ двадцати копѣекъ пересчитать. Былъ словно мертвый: только и понималъ, что хочется ѣсть или болилъ животъ, рука или голова, а больше ничего не зналъ, все равно, какъ скотина! Да послалъ мнѣ Богъ хозяина, отца роднаго. Сначала я думалъ, что онъ нѣмцемъ хочетъ меня сдѣлать, а онъ меня добру училъ!..

— Теперь я вѣрю этимъ людямъ, которые по глупости не хотятъ вѣрить добрымъ словамъ. Такъ и я прежде, по глупости въ добро не вѣрилъ! кончилъ Левко свой рассказъ.

Распрощались мы съ товарищемъ. Онъ съ Левкомъ пошелъ на работу въ нѣмецкія колоніи, а я пошелъ на свою работу, къ одному мѣщанину.

Понадобился мнѣ помощникъ, старую печку выбросить. Пошелъ я на базаръ, гдѣ собираются рабочіе, и встрѣтилъ

¹⁾ «Истикъ» — палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Употребляется для очищенія пауга отъ прилившей земли.

тамъ оборваннаго парня, молодого, лѣтъ двадцати семи. Самъ весь чорный, рубашка на немъ изорвана, ноги босыя. Онъ согласился наняться ко мнѣ. Договорился я съ нимъ, и повелъ его на работу, а дорогою началъ спрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда?

— Я самъ елисаветградскій, отвѣчалъ онъ мнѣ.—Зовутъ меня Гордѣмъ, а по отцу Макаровичъ.

— Развѣ у тебя, Гордѣй Макаровичъ, нѣтъ родственниковъ или знакомыхъ? спрашиваю.

— Зачѣмъ тебѣ понадобилось знать, есть ли у меня родственники или знакомые? говоритъ Гордѣй.—Чѣмъ они мнѣ теперь помогутъ? Когда у меня осталось отъ отца наследство, домъ и левада, тогда нашлись и родичи, и знакомые, и вымотали у меня все, что было. Теперь уже нѣтъ ни родичей, ни знакомыхъ: знакомиться не для чего.

— Какъ же это случилось? спрашиваю я Гордѣя.

— Такъ ужъ и быть, расскажу вамъ, какъ было дѣло. Жизнь моя съ дѣтства какъ то очень странно сложилась. Отецъ мой былъ купецъ третьей гильдіи изъ безпоповцевъ. Самъ онъ былъ человѣкъ простой, не грамотный; торговалъ онъ бакалейными товарами. Насъ было только двое у отца и матери. Мать моя—Лушей звали—была изъ благородныхъ, грамотная и сама вела счеты по лавкѣ. Ну, пока жили по бѣднѣе, и жили лучше: мать любила отца, а отецъ мать, и жились хорошо, и торговля и хозяйство хорошо шли. Разбогатѣли немного и случилось несчастье: полюбила моя мать прикащика изъ своей лавки. Допесли отцу, онъ началъ драться съ матерью, сталъ запивать; мать тоже начала гулять съ прикащикомъ. Торговля пошла плохо. Прикащика того отецъ выгналъ, а мать ушла вслѣдъ за нимъ изъ дому. Остались мы сами. Отецъ началъ сильнѣе пить; въ скорости и лавку за долги продали съ аукціона: не стало у насъ никакого дохода. А отецъ пьетъ своимъ порядкомъ. Померла сестра,—похоронили. Вскорѣ послѣ него умеръ и отецъ. Жидки хотѣли было домъ нашъ отобрать въ счетъ забранной отцомъ водки, да

наплавсь добрые люди, сказали, что есть сирота-наслѣдникъ и жена гдѣ то ходить, и отдали домъ подъ опеку. Назначили опекуновъ надъ домомъ. Мнѣ было въ то время восемь лѣтъ... И не нашлось ни одной доброй души, не отдали въ школу, чтобъ я грамотѣ научился, а поручили меня бабушкѣ, матери отца, въ монастырь безпоповскій отдали. Тамъ я росъ до десяти лѣтъ. Померла бабушка и меня поручили дядѣ, брату моей матери. У него я жилъ года два. Потомъ явилась моя мать: больная пришла. Пожила одинъ годъ,—харчала все,—и померла. И остался я одинъ у дяди въ работникахъ. Живу годъ, другой, третій, четвертый... минуло мнѣ двадцать лѣтъ, а я все служу!.. Спрашиваю тогда своего дядюшку: «вотъ я сколько лѣтъ служу у васъ.. Что же вы мнѣ за службу положите?»

— Какія я тебѣ деньги еще буду давать! отвѣчаетъ дядя.— И твою мать схоронилъ, тебя кормилъ съ дѣтства... А ты же видишь, сколько у меня дѣтей, и знаешь, какой я богатый человекъ!.. Что я могу тебѣ дать?

Заплакалъ я и пошелъ въ опеку.

— Еще вамъ лѣта не вышли, говорятъ мнѣ въ опекѣ,— нельзя еще вручить вамъ наслѣдство ваше.

Пошелъ я посмотреть на свой домикъ, а онъ пришелъ въ совершенное запустѣніе: никто уже и не жилъ въ немъ! И подумалъ я: «Что же я буду дѣлать съ этой хатенкой? Нѣтъ у меня ни денегъ, ни ремесла въ рукахъ. Если бы я былъ хоть мастеровой, то можетъ быть какъ нибудь еще поправился бы...» А самъ и не знаю, что опекуны уже назначили мой домъ въ продажу, оттого что онъ уже крѣпко обвѣтшалъ.

Посмотрѣлъ я на домъ и пошелъ напялся къ одному мѣщанину. Прослужилъ я мѣсяца три. Вдругъ передаютъ мнѣ, что домикъ мой продали за сто пятьдесятъ рублей. Заплакалъ я тогда и говорю самъ себѣ: «Теперь уже я сдѣлался вѣчнымъ работникомъ».

Прослужилъ я годъ, прихожу въ опеку, чтобы получить свое наслѣдство. Привелъ и свидѣтелей, которые и отца моего

знали и меня, чтобы подтвердили, что я действительно наследникъ. И кто же купилъ мой домъ?!. Мой дядя!..

Отдаютъ мнѣ деньги и говорятъ: «можетъ быть за нимъ есть недомки?» Позвали сборщика, тотъ посмотрѣлъ по спискамъ и говоритъ: «на Макарь и сынъ его Гордѣй числится казенныхъ недомокъ сто рублей!» Взяли у меня сто рублей въ счетъ податей, а сорокъ мнѣ отдали: десять я израсходовалъ покаместъ выхлопоталъ эти деньги...

... Жалко мнѣ стало, что перевелось мое хозяйство на сорокъ рублей, и пошелъ я гулять. И до сихъ поръ гуляю! Нѣтъ правды на свѣтѣ!.. Оттого я такой и оборванный и черный!.. Приютъ имѣю на постояломъ дворѣ, да еще такъ: заработалъ или нѣтъ, а на ночь доставай пять копѣекъ, потому что жида и переочевать не пустать.

Такое мое сиротское житье! Забыли меня и родственники, и знакомые, про которыхъ вы спрашиваете. Если бы мои родственники были люди добрые, — они бы отдали меня въ мастерские и я имѣлъ бы теперь кусокъ хлѣба. А то остался теперь чернорабочимъ... Не купили бы они моей хаты!.. Мало я прожилъ на свѣтѣ, кончилъ Гордѣй, — да много горя испыталъ и все отъ родныхъ, — да отъ знакомыхъ... Теперь человѣку не вѣрь: онъ звѣрь; хоть не укуситъ, такъ испугаетъ!

— За что ты упрекаешь родныхъ и знакомыхъ? говорю. — Не купилъ бы дядя твоей хаты, купилъ бы ктонибудь другой, жидъ, можетъ быть. Не отдали тебя въ мастерские, должно быть потому, что силъ не было ни у родныхъ, ни у знакомыхъ.

— Пока отецъ былъ купцемъ да была лавка, — то у насъ были такіе знакомые, что и родныхъ не надо; а какъ не стало отца и лавки, некому и пристроить ребенка!..

Поработалъ Гордѣй до вчерашняго вечера. Я ему отдалъ заработанные имъ деньги и пошелъ на свою квартиру.

Какъ-то разъ весною наняли насъ, каменщиковъ и простыхъ рабочихъ, копать фундаментъ для церкви. Пошли мы на работу. Показалъ намъ староста планъ и мы начали. Человѣкъ насъ было около восьмидесяти. Работаемъ мы. Приходить староста, а рабочіе и мастеровые и говорятъ: начинаемъ церковь. Нужно бы «закладчину» выпить!

Весь народъ и началъ просить старосту, чтобы далъ на «закладчину», а староста и говоритъ: «Вы просите на «закладчину»; а спросите, на какія деньги мы будемъ строить эту церковь, что начинаемъ?»

Нѣкоторые тамошніе мѣщане и говорятъ: какъ на какія деньги? А барышня пожертвовала восемнадцать тысячъ? А тѣ двадцать тысячъ, что купецъ далъ? А еще мелкій сборъ, тотъ, что по двѣ, по три тысячи собирали? Развѣ на эти деньги церкви нельзя построить?

— Спросите у батюшки, гдѣ эти деньги. Это дѣлается начало только для того, чтобы показать счеты, а послѣ того она и будетъ себѣ строиться!..

Всѣ мѣщане заговорили: какъ это можно? Какъ можно, чтобы у насъ денегъ не было?

— Говорю же вамъ, — объявилъ староста. — что нѣтъ никакихъ денегъ.

— Денегъ нѣтъ, а церковь строить начали. Пойдемъ-ка мы къ батюшкѣ! У насъ должно быть больше шестидесяти тысячъ денегъ, а староста говоритъ, что не станетъ, не только на постройку церкви, но и на закладчину!..

Поработали мы съ недѣлю и бросили работу.

И начались разговоры.

— Хотите вы, братцы, добра на свѣтѣ, — заговорилъ одинъ. Всѣ мы знаемъ, что деньги должны быть въ церкви, а намъ говорятъ, что нѣтъ. Какой же можетъ быть порядокъ въ думѣ или на базарѣ? И куда бы ты не пошелъ, вездѣ такъ: вездѣ нѣтъ именно того, что должно быть. Вездѣ обманъ:

денегъ нѣтъ на постройку, а строить начали, да вотъ и бросили!..

— Знаете что, братцы, подхватилъ другой.— Вотъ мы постройку начали, а господа увидятъ и пайдутъ, куда дѣвались эти деньги.

— А господамъ какое дѣло до этого? перебили его.

— Ну, такъ купцы вступятся и отыщутъ деньги.

— Да, какъ-же. Бросить тебѣ купецъ свои дѣла, да станеть деньги отыскивать. Пропали, не найдешь уже!..

А староста молчить!..

— Вотъ что, братцы, заговорилъ одинъ. Въ воскресенье, когда сойдется весь приходъ, мы всему приходу и расскажемъ, что у насъ нѣтъ денегъ на постройку.

Разошлись мы и я не знаю, чѣмъ тамъ кончилось. Послѣ уже слышно было, что старосту опсали, потому что онъ говорилъ, что батюшка гзялъ деньги, а батюшка говоритъ, что деньги взялъ староста. Когда же въ воскресенье прихожане собрались въ церковь, то въ церкви начался крикъ. Батюшка разсердился на людей. «Это скотъ, а не люди!» говорилъ онъ. «Сохлисъ бы въ будній день о постройкѣ да о деньгахъ говорить, а теперъ Богу молиться нужно!»

— Намъ пельзя тратить время въ будни! закричалъ народъ.— Теперъ намъ расчетъ подавайте!..

Оставилъ батюшка ихъ въ церкви, а самъ домой ушелъ.

— Въ тюрьму старосту посадить! закричали нѣкоторые.

— Да онъ не виновать! говорили другіе.

— Виновать и онъ и батюшка, заявилъ прихожанамъ дьячекъ.— Они дружны были, они и знаютъ оба, гдѣ эти деньги.

— И какое намъ дѣло до этого? заявили нѣкоторые. Хотятъ,— пусть себѣ строятъ церковь, а не хотятъ, и пусть не строятъ!

— Дураки вы! Какъ не наше дѣло? Приходъ нашъ и дѣло, значить, наше!..

— Ну, такъ чего же смогрѣть? Подавайте прошеніе въ

консистоцію на священника, а въ окружный судъ на старосту. Что-нибудь да будетъ. Выйдетъ какой-нибудь порядокъ!

И подали. Сначала на старосту къ суду, а потомъ и на священника. Слышно было, что къ старостѣ пріѣзжали имущество описывать, да у него ничего не оказалось: все уже успѣлъ переписать на свою жену, а домъ на внука и оказался несостоятельнымъ. Баяюшка отказался, сказалъ, что совсѣмъ не видѣлъ этихъ денегъ.

И такъ застроили фундаментъ, и будетъ онъ, должно быть, стоять до самаго страшнаго суда! А староста занимается себѣ помаленьку купечествомъ, а батюшка читаетъ по маленьку въ старой церкви! Старосту другаго выбрали.

Поработали, говорю, мы одну педѣлю, какъ увидѣли, что некому намъ платить, то и разошлись въ разныя стороны искать пропитанія.

Я пошелъ въ Вознесенскъ (по старинному этотъ городъ называется Соколами); услышалъ, что тамъ есть каменная работа. Пріѣхалъ я туда и нанялся къ одному подрядчику, цѣною за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Былъ тамъ одинъ рабочій, да такой старій да химерный:

«Заспѣваетъ веселой»,

«А на журбу зверне...»

Начнетъ онъ, бывало, подносить камень, а ноги и затрясутся. Упадеть и плачетъ. А какъ на работу идемъ, то старикъ нашъ «трепака» выбиваетъ.

Спрашиваемъ мы, бывало, его: отчего вы такой химерный?

— Какой же я химерный? Удивился сначала старикъ, а потомъ и рассказалъ намъ, отчего онъ химерный.

— Я, говоритъ, неудачникъ, горемыка. Начну камень нести, — споткнусь; начну пѣсню пѣть, — зацепнусь, плясать стану, — упаду: вездѣ неудача! Работать не могу, а ѣсть хочется. Оттого я и плачу. Молодымъ я былъ, — веселымъ былъ. Куда бы я ни шелъ, всегда пою! Пѣлъ и про сироту, и про вдову, и про Марійченка, и про козачество. А больше всего

пѣлъ про «неурожайку стару бабу» да про «недонжку—молодую молодлицю.» И прозвали меня чудакомъ, химернымъ. Любилъ я, когда меня химернымъ звали!..

Когда я былъ маленькимъ, то хожу, бывало, въ степь за «катраномъ» или за «бабками»¹⁾. Иду, бывало, и размышляю: Откуда трава растетъ?—Изъ земли.—Да какъ же она растетъ такъ, что никто не видитъ? Видно уже, когда она большая выросла, а какъ она растетъ и невидно. Что тутъ дѣлать!.. Сорву, бывало, травку, чтобъ узнать, какъ она растетъ, и смотрю, какъ сокъ изъ нея течетъ. «Должно быть, это кровь травкина, потому что у человѣка есть кровь. Такъ и у травки есть кровь и у дерева,—сокъ...» Хожу я да думаю, и увидѣлъ дерево съ ободранной корой. Посмотрѣлъ я на него, а у него верхушка засохла. «Должно быть, кровь кто нибудь выпустилъ!» подумалъ я.

Вышелъ я на могилу, смотрю: орелъ ловить другую птицу, съѣсть хочетъ. «Какая правда въ свѣтѣ?» подумалъ я. «Кто сильнѣе, тотъ и лучше! Поймалъ себѣ птицу и правъ, потому что никого не боится!» Съѣжу за орломъ да за той бѣдной птицей: уходитъ она отъ него, перышки по вѣтру разлетаются, а ему и ничего. продолжаетъ ловить ее. Смотрю я: собралъ она послѣднія силы и подлетѣла къ другимъ птицамъ. Собралась ихъ цѣлая стая. Увидѣлъ тогда орелъ, что птичекъ много, покружился въ воздухѣ, покружился, полетѣлъ и съѣлъ на горѣ, началъ ждять, покаместъ останется одна птица, чтобы поймать—такъ ее. Хитритъ, чтобъ добыть себѣ пропитаніе... Люблю я знать все, что дѣлается на свѣтѣ!..

Въ шинокъ зайду и вдарю трепака, да и заплачу, потому что старъ уже, кости болятъ, а хочется показать людямъ, что и я еще танцовать могу. Заплачешь такъ, чтобы никто не видѣлъ: не увидать и смѣяться не будутъ!

¹⁾ «Катран»—растеніе изъ семейства вѣстоцвѣтныхъ, а «бабки»—изъ сем. губоцвѣтныхъ. Оба растенія лесною сладки и употребляются въ пищу, какъ лакомство.

Пойду я въ церковь, и оттуда меня дьяки выгонять: не вытерплю я, подпѣвать начну; невпопадъ запою, меня и выведутъ изъ церкви. Въ городъ пойду, и тамъ горе! Богомольный я былъ и пойду, бывало, въ соборъ на позднюю обѣдню помолиться, да святыхъ иконы посмотрѣть. Пошелъ я какъ-то, да и вышелъ впередъ господь, чтобъ можно было поклониться и хорошо помолиться Богу. Только что я вышелъ, какъ ухватили меня солдаты, какъ поперли изъ рукъ въ руки и выперли на дворъ. Кричатъ на меня, ругаютъ: «ахъ, ты оборванецъ скверный! Впереди господь сталъ!..»

— За что вы, говорю, выгнали меня?

— Ступай, ступай!.. говорятъ.—Вишь, оборванецъ!.. Впереди господь сталъ!

Перекрестился я и пошелъ себѣ. «Хорошо, думаю, помолился! Чуть чуть зубовъ не выбили!..» А хотѣлось помолиться Богу: словно въ раю, такъ хорошо въ этомъ соборѣ. Иконы вездѣ золотыя, чисто такъ, хорошо!.. Походилъ я вокругъ собора, заплакалъ и пошелъ. «Неужели, думалъ я, такъ и изъ раю выгонять того, кто явится въ «латаній свитині». Здѣсь вотъ и грошей надо и хорошее платье. А у меня ни денегъ, ни платья». Заплакалъ я и началъ проклипать тотъ день, когда родился.

— Тогда я еще былъ парнемъ, когда въ соборъ ходилъ молиться, а потомъ задумалъ жениться. Началъ я спрашивать людей, кого бы мнѣ посватать? Люди мнѣ и говорятъ: «Що жъ, хлопче добрый! Работникъ-то ты хорошій да бѣднякъ. Послать тебя къ какому-нибудь хозяину,—не отдадутъ за тебя дѣвушки; а послать тебя къ какой-нибудь вдовѣ,—надо будетъ тебѣ къ ней въ «пріймы» идти. А ты, братъ, сердитый да химерный: не уживешься съ нею! Поди-ка ты лучше послужи годовъ нѣскольکو, да тогда уже и будешь о женитьбѣ думать!»

Сирота я былъ: отецъ и мать покинули меня у пана, а сами ушли куда-то. Такъ я и не видѣлъ ихъ. И выросъ, и состарѣлся вотъ, а не женился: такъ и таскался весь свой вѣкъ... И пошелъ я на Черноморію работы искать. Зарабо-

талъ я тамъ рублей восемьдесятъ, — работалъ до Зимняго Николая (6-го декабря), холодно уже стало. Товарищи мнѣ и говорятъ: какъ будешь домой идти, то хорошо прячь деньги. Теперь черкесы разѣзжаютъ; накинуть тебя арканомъ за шею и отнять деньги. Забылъ я послѣ, что товарищи мнѣ говорили. Потомъ, когда мнѣ уже нужно было уходить отъ хозяина, у котораго я цѣлое лѣто работалъ, хозяйка мнѣ и говоритъ: «Смотри же, Онофрей, будь осторожнѣй въ дорогѣ. Теперь черкесы разѣзжаютъ. Не случилось бы чегонибудь!»

— «Чего мнѣ бояться?» подумалъ я. — «Я еще самъ двухъ черкесовъ поборю!»

Пообѣдалъ я, поблагодарилъ хозяина за хлѣбъ-за соль и пошелъ себѣ прямою дорогою. Иду себѣ да еще пою:

«Та йшовъ казакъ в Дону,

«Та з Дону до-дому...»

Вдругъ мимо меня проскакалъ черкесъ верхомъ, накинулъ меня арканомъ и помчался въ сторону. Испугался я крѣпко... Оттянулъ онъ меня версты четыре въ сторону, всталъ съ лошади и подошелъ ко мнѣ; а я лежу, мертвымъ прикинулся... Обыскалъ онъ меня, нашелъ мои деньги, вынулъ и поѣхалъ себѣ!..

Долго я лежалъ да думалъ, куда мнѣ идти теперь: самому страшно стало. Дождаясь я вечера, всталъ и вернулся назадъ къ хозяину, у котораго работалъ лѣтомъ. Увидѣлъ меня хозяинъ и говоритъ: А что, Онофрей? говорили тебѣ, чтобы ты былъ осторожнѣе. И зачѣмъ было самому идти, когда можно было товарищей — попутчиковъ найти? Теперь и пропало твое лѣто.

Началъ я его просить, чтобы посоветовалъ мнѣ, что дѣлать.

— Иди, Онофрей, на рыбный заводъ. Тамъ про зимуешь и можешь быть заработаешь чтонибудь! говоритъ хозяинъ.

Послушалъ я его, пошелъ на берегъ Черпаго моря и началъ спрашивать, у кого бы мнѣ стать лямщикомъ. Нашелъ я тамъ себѣ хозяина и началъ ловить рыбу вмѣстѣ съ дру-

гими ребятами. Перезимовалъ я тамъ, рублей тридцать заработалъ и пошелъ въ свой край, помолившись Богу.

— И скажу вамъ, — кончилъ старикъ, — какъ оно ни есть въ своей сторонѣ, а все же лучше, чѣмъ на чужой чужбинѣ. Пришелъ я домой и говорю себѣ: лучше буду мастерству учиться, чтобы не шляться по чужимъ странамъ на заработки. И началъ просить своего-таки человѣка, чтобы тотъ училъ меня каменной работѣ. Согласился онъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я, выучившись, работалъ у него одинъ мѣсяцъ безъ денегъ, а потомъ и за деньги. Выучился я, Слава Богу, и началъ работать. Съ тѣхъ поръ и пересталъ ходить по тѣмъ Черноморіямъ, а то довелось бы тамъ пострадать смертию.

Въ 1879 году поѣхалъ я по желѣзной дорогѣ въ Кіевскую губернію на развѣдки, такъ какъ у насъ въ городѣ не было никакой работы. Распрашивая людей, пашелъ я одного подрядчика въ Головкинѣ и пошелъ къ нему: думалъ, что достану у него какую нибудь работу. Работы, положимъ, не довелось мнѣ найти — даромъ проѣхался. Только и пришлось увидѣть лѣсовыхъ людей.

Возвращаясь отъ подрядчика, зашелъ я въ шиннокъ выпить рюмку водки и увидѣлъ тамъ одного страннаго дѣда, котораго всѣ звали «співакою» (пѣвцомъ) и рассказчикомъ. Старикъ было лѣтъ восемьдесятъ. Былъ онъ высокаго росту, съ сѣдой, коротко остриженной бородою; лице у него продолговатое, носъ длинный, брови и волосы большіе; голосъ имѣлъ грубый, — какъ заговорить, стекла зазвенять.

Тамонніе люди попросили его, чтобы онъ запѣлъ какую нибудь старинную пѣсню.

— Вы бы сначала поднесли старикъ чарочку, — промолвилъ дѣдъ, — а потомъ и заставляли бы пѣть.

— А вотъ я вамъ, дядусю, буцлю горилочки, проговорилъ одинъ молодой человѣкъ, — только пойте, пожалуйста; я въ такомъ горѣ да въ досадѣ: батько меня изъ хаты выгналъ со всѣмъ моимъ семействомъ.

— Добре, хлопче! сказала дѣдь.

Поднесъ молодой дѣду чарку за шесть гривенъ. Выпилъ онъ, крикнулъ, закусилъ хлѣбомъ съ солью и заплѣлъ:

Повій вітре, повій буйний,
З глибокого яру...
Прибуль, прибудь, козаченьку,
З далекаго краю.

Ой, як мені позивати,
Коли яр глибокий.
Ой, як мені прибувати,
Коли край далекий.

— А у васъ, дідусю, и голосъ славный, говоритъ тогда молодой.

— Когда я былъ твоихъ лѣтъ, то, бывало, запою и за семь верстъ слышно; а работать, бывало, начну и никто со мною не справится. Имѣлъ я на вѣку три жены... Было у меня пятнадцать душъ дѣтей. Всѣ выросли, всѣхъ я женилъ да замужь отдалъ, а ты вотъ говоришь, что отецъ тебя изъ хаты выгналъ.

— Тогда было лучше, говоритъ молодой,—а теперь тяжело: не на что даже хаты построить.

— Нп, сыну! говоритъ дѣдь. И тогда тяжело было, да только не такимъ манеромъ. Тогда мы работали больше и на барщинѣ и на своей нивѣ, а вы работаете меньше, потому что только на себя работаете.

— Какъ же мы на себя работаемъ? перебилъ молодой.— Податей такъ много, что работаешь-работаешь да и отнесешь все, что заработалъ. А у насъ какъ не было ничего, такъ и теперь ничего нѣтъ. Вы хоть и работали, да за то работой и платили пану, а мы деньгами платимъ.

— Нехай, ёму маму мудруе! сказалъ старикъ.— Не говори. Иди-ка да я еще по чаркѣ куплю. Оно, сыну, какъ было худо, такъ худо и есть.

Выпили и начали закусывать.

— Когда-то, бывало,—говоритъ старикъ,—для закусокъ и медокъ, и яблочки водились,—все было, а теперь хоть и

придется когда-нибудь выпить, то выпьешь, да хлѣбомъ съ солью и закусишь. «Бывало, что срывало; а теперь только дѣргаетъ». Было и у меня когда-то своихъ колодокъ триста, а теперь у жидка, у посессора, пасѣчникомъ, за посессорскими пчелками присматриваю.

— «Та нехай тому посессорові куций приснитьця!» перебилъ молодой. — Лучше спойте какую-нибудь пѣсню, если знаете.

— Добре! сказалъ старикъ. Развѣ эту спою?

И запѣлъ:

Ой, крикнула лебедонька,
Из-за хеплі вириваючи.
Заспистали козаченьки,
З-за лиману виступаючи...

— И пѣлъ я когда-то, — началъ снова старикъ, — любо послушать! А теперь уже состарѣлся, голосу не стало.

— Давай квартиру! крикнулъ молодой шинкарю.

Тотъ поаялъ. Сѣли они съ дѣдомъ за столъ, выпили по одной да по другой; молодой захмѣлѣлъ и началъ себѣ подъ носъ мурлыкать да трандыкать, а старикъ выскочилъ изъ-за стола и пустился въ плясъ, самъ себѣ подпѣвая:

Як був же я въ Терешполі,
Та купив я корецъ соли.
А що ж мені заробітку?
Маю соли, втерав дівку!..

— Оттак погуляй! промолвилъ онъ послѣ танца.

— А я развѣ такъ и не затанцюю? усмѣхнулся молодой.

Я еще лучше умѣю.

Въ это время въ шипокъ вошла молодая женщина и еще въ дверяхъ закричала: ты тутъ пьянствуешь, а меня отецъ твой изъ хаты выгвалъ?..

— Соромъ, соромъ, молода молодца, — обратился къ ней дѣдъ. А ты бы вошла въ хату да сказала: помогай Богъ! Да распросила бы хорошенько, толкомъ рассказала бы, а то... Соромъ, соромъ... А знаешь, что? заговорилъ онъ снова къ мужичинѣ. — У меня есть хата. Иди и живи въ ней: я все равно вѣдь пойду къ посессору на пасѣку.

— На, выпей чарку горілки, сказаль молодой женѣ, и поди къ куму Назару, лошади попроси и переѣзжай въ дѣдову хату.

— А вотъ тебѣ и ключъ,—промолвилъ дѣдъ.—Отопрешь и будешь хозяйничать. А мы здѣсь выпьемъ да побесѣдусь... Хата все равно пустая стоитъ.

Женица пошла, а гуляки остались въ шинкѣ.

Дѣдъ началъ просить у шинкаря водки. Я хотѣлъ было уже идти да подумалъ: «дай-ка поспажу да еще посмотрю на старого та моторного. Старикъ, видно, разумный».

Шинкарь подаль еще кварту водки.

— Видишь, сыну,—заговорилъ снова старикъ,—какъ тебѣ тяжело жить на свѣтѣ, говоришь ты. А у меня, старика, и рубашки-то некому вымыть. Много я дѣтей имѣлъ, а теперь негдѣ головы приклонить. Да что и говорить объ этомъ!.. Выпьемъ!

Выпили, и молодой снова началъ трандыкать, а старикъ топаетъ ногами да поетъ:

Чорві очі, як терем...
 Коли ж ми ся поберем?..
 — А я маю надію,—
 Поберемся въ неділю!
 Гоп-гоп-гопака!
 Чорві брови въ козака!

Въ это время за мною прислалъ подрядчикъ, чтобы я вернулся къ нему, и я оставилъ ихъ въ шинкѣ.

Вернулся я къ подрядчику и онъ предложилъ мнѣ работу съ тѣмъ условіемъ, чтобы изъ моего заработка ему отчислить десятую копѣйку. Я подумалъ: «чѣмъ шлаться пд-пусту, лучше за работу взяться, хоть за какую-нибудь».

— Я согласенъ,—говорю я подрядчику,—по двѣнадцати рублей за печь, а вы уже за сколько сойдетесь, остатокъ будетъ вашъ.

— Хорошо,—говоритъ подрядчикъ,—завтра же и поѣдемъ

на работу, я укажу тебѣ. Деньги получишь, когда работу кончишь.

Остался я у него ночевать. Дождались утра. Напился подрядчикъ чаю и поѣхали мы въ одному помѣщику на работу. На дорогѣ встрѣтили мы маленькаго пастушка, пасъ свиней и телятъ. Заснулъ тотъ мальчикъ, а телята и свиньи и пошли въ хлѣбъ. Въ это время какъ-разъ подъѣхалъ управляющій и началъ пороть соннаго мальчика арапникомъ по спишѣ. Посѣкъ на немъ рубаху, раскроилъ тѣло... Кровь такъ и бѣжитъ!..

... Вспомнилъ я тогда, какъ я еще маленькимъ—въ дѣтствѣ—пасъ мѣщанскій скотъ. Выгналъ я стадо весною въ поле, скотъ принялся пастись, а я легъ и заснулъ. Просыпаюсь, а скотъ по баштану ходитъ, по только что вспаханному и посаженному. А баштанъ тотъ принадлежалъ одному попу. Черезъ двѣ недѣли выѣхалъ попъ на баштанъ смотрѣть, увидѣлъ слѣды и зоветъ меня:

— Сынокъ, а, сынокъ! Иди, я тебя поблагословлю!

Скинулъ я шанку и подбѣжалъ, чтобъ батюшка поблагословилъ меня. А батюшка схватилъ меня за чубъ и началъ меня благословлять веревочнымъ путомъ, да еще съ узлами, по спишѣ, разъ, можетъ быть, двадцать потянулъ. Вырвался я изъ рукъ и кричу: нашъ батюшка не такъ благословляетъ, а крестить; а ты путомъ бьешь!

Поѣхалъ онъ къ моимъ хозяевамъ и рассказалъ, какъ я его ругалъ, да хозяева только посмѣялись надо мною.

Пріѣхали мы съ подрядчикомъ къ тому помѣщику, у котораго была печная работа (въ Александрійскій уѣздъ, Херсонской губерніи). Взяли мы работу, и я остался тамъ, а подрядчикъ забралъ свои «верхи» и уѣхалъ себѣ домой.

Работая у этого господина, замѣтилъ я четверо сиротъ: двѣ дѣвочки и два мальчика. Старшей дѣвочки было четырнадцать лѣтъ, а тѣ всѣ меньше другъ друга. Дѣвочки тѣ ходили на работу и тѣмъ кормили самихъ себя и мальчиковъ.

И никто за этими дѣточками не присматривалъ, никто имъ порядку не давалъ. Пойдутъ бѣдныя дѣвочки на работу, а мальчонки возмутся за руки и бродятъ по деревнѣ, бѣдные спротки, безъ приюту.

Началъ я про нихъ людей спрашивать, и одна старуха мнѣ рассказала, что всѣ родственники тѣхъ дѣтей вымерли, что двѣ дѣвочки пошли на работу, а дѣтки такъ и ходятъ, пока старшія вернутся вечеромъ съ поля.

— И нѣтъ надъ ними никакого надзору? спросилъ я женщину.

— А какой же надзоръ за ними? отвѣтила она.—Есть у нихъ старшая сестра; вотъ и весь надзоръ.

Двѣ недѣли проработалъ я въ экономіи, а потомъ рассчитался съ помѣщикомъ и поѣхалъ въ свой городъ.

Приѣхалъ я домой и пошелъ работать по городу. Какъ-то разъ замѣшкался я въ трактирѣ за стаканомъ чаю да разговоромъ. Было уже десять часовъ вечера, когда я вышелъ изъ трактира и хотѣлъ идти домой. Да не тутъ то было! Взяли меня въ полицію за то, что такъ поздно по улицамъ расхаживаю, и пошелъ я отдыхать въ сибирку при полицейскомъ управленіи.

Слышу я—арестованные разговариваютъ. Одинъ говоритъ, что онъ тамъ-то укралъ столько-то; другой говоритъ, что онъ тамъ-то церковь обокрал. Разные разговоры были.

Сидѣли тамъ и три мальчика, лѣтъ по четырнадцати. Спрашиваю ихъ: за что васъ арестовали?

— Да мы безпріютные, пачали они рассказывать. Забрали насъ на базарѣ. Когда частный приставъ началъ насъ допрашивать и спросилъ меня, гдѣ моя квартира, я ему и сказалъ: на улицѣ подъ заборомъ! Его спросилъ, а онъ говоритъ: я у него квартирую! А тотъ отвѣтилъ: а я у этихъ двухъ квартирую!.. Такъ мы заранѣе условились. Продержали насъ за это три дня въ части, а теперь вотъ представили въ полицейское управленіе на усмотрѣніе полиціимейстера. Не знаемъ,

что намъ за это будетъ. Хоть бы пріютили насъ, въ мастеровые куда-нибудь отдали, чтобы намъ не околачиваться на постоянныхъ дворахъ да не пропадать съ голоду, а зимой и съ холоду.

— Вамъ хорошо,—замѣтили другіе арестанты.— А намъ уже не возвращаться болѣе: мы замокъ у лавки отбили.

Это были уже люди совершеннолѣтніе.

Хоть такихъ людей и опасно спрашивать, да я осмѣлился завести съ ними разговоръ.

— Худо и мнѣ — говорю — жить. Хотѣлось бы и мнѣ съ вашимиъ братомъ познакомиться.

Видно обрадовались они тому, что я хочу сдѣлаться ихъ товарищемъ и начали мнѣ рассказывать, какъ нужно приниматься за «работу».

— Когда я начиналъ, говорилъ одинъ, то сильно боялся лѣзть въ лавку или въ домъ. А какъ первый разъ полѣзъ, такъ во второй разъ уже смѣлѣе сталъ.

— А я когда первый разъ шелъ на работу, сказалъ другой, то выпилъ для смѣлости и полѣзъ къ жиду въ конюшню. А тамъ была собака и залаяла. Я упалъ въ ясли и сѣномъ прикрылся. Вышелъ жидъ въ конюшню и сѣлъ возлѣ яслей. Лежу я въ ясляхъ ни живой, ни мертвый. Сдѣлалъ жидюга свое дѣло и пошелъ въ хату, за нимъ и собака побѣжала во дворъ. «Слава Тебѣ, Пресвятая Богородице!» думаю я. Лежу себѣ тихонько и не знаю брать или не брать? А потомъ и подумалъ: «Я же пошелъ учиться коней врать. Что же я за козакъ буду, если теперь не возьму?»... А самъ все лежу въ ясляхъ. Слышу, уже всѣ поснули. Я тогда отпаялъ лошадей. Смотрю, а тутъ и повозка стоитъ, хорошая повозка, кованая! «Что же я за дуракъ буду, что верхомъ поѣду?» подумалъ я. — «Поѣду лучше баринномъ!» Намостилъ я сѣна на повозку, запрегъ лошадей, какъ не можетъ быть лучше, отворилъ ворота, выѣхалъ помаленьку, а потомъ подошелъ подъ жидовскую хату и крикнулъ:

— Прощай, жиде!.. И не види своих лошадей, потому что их забрал Чернобривенко!

Вскочилъ я на повозку и поѣхалъ въ Златополь. Тамъ я ихъ и продалъ, какъ своихъ собственныхъ лошадей.

Всѣ похвалили рассказчика. Настало утро, меня выпустили изъ сибирки и я пошелъ домой.

Снова пошелъ я работать по городу и заработалъ немного деньжонокъ. И все хочется мнѣ приблизиться къ Богу.

— Чтобы мнѣ такое сдѣлать, чтобъ было Богу угодно? думаю себѣ. Началъ я читать евангеліе, — не понимаю. Хожу на работу да размышляю про себя. Долго я думалъ и надумалъ, что надо или обратиться къ кому-нибудь порядочному, чтобъ тотъ мнѣ рассказалъ что-нибудь, или встрѣтиться съ какимъ-нибудь такимъ разумнымъ человѣкомъ. Да только къ кому мнѣ обратиться?

Взяли меня какъ-то въ гостиницу, въ еврейскомъ дождѣ, возлѣ возала сдѣлать двѣ простенкія печи. Приходитъ изъ Харькова смѣшанный поѣздъ и съ этимъ поѣздомъ пріѣхалъ въ номеръ (въ ту самую гостиницу) одинъ человѣкъ высокаго роста, въ бородѣ, и такой разговорчивый, такой хороший, что я его полюбилъ, какъ роднаго отца или мать.

Пришелъ онъ ко мнѣ на работу и началъ спрашивать, каковъ заработокъ, кто я такой, чѣмъ занимаюсь и сколько за лѣто выработаю.

— Лѣтомъ когда работашь, — говорю ему, — то и есть что ѣсть, а зимой всего бываетъ. Бываетъ такъ, что дня три-четыре въ нетопленной хатѣ сидишь; бываетъ и такъ, что по мѣсяцу вареной пищи не ѣшь. А есть еще люди, которые и хуже нашего живутъ!

«Почмывавъ» человѣкъ тотъ носомъ и спрашиваетъ меня:

— А вы кончаете свою работу или до сумерекъ работаете?

— Моя работа не урочная, — отвѣчаю: — можно бросить и раньше, и позже.

— Вечеромъ я зайду къ вамъ, сказалъ онъ и ушелъ.

И началъ я просить Бога, чтобы скорѣе вечеръ насталь. «Вотъ этотъ человѣкъ» — думаю себѣ — «разскажетъ мнѣ всю правду!»

Пришелъ онъ вечеромъ, позвалъ меня въ трактаръ и за стаканомъ чаю спрашиваетъ меня: вы читать умѣете?

— Немного — говорю — умѣю; учился самоучкой.

— А евангеліе вы читали? спрашиваетъ.

— Читалъ да не понимаю.

— Да, тамъ надо понимать духовно... Тамъ вѣдь все въ притчахъ. Притчи понимать надо... А библію вы читали?

— У меня нѣтъ библія, говорю я.

— Ну, я подарю вамъ библію, сказалъ онъ, пошелъ въ свой номеръ и вынесъ мнѣ книгу.

Поблагодарилъ я того человѣка и впредь благодарить буду за всѣ его рассказы. Онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторыя притчи (о сучкѣ, о сѣятелѣ и другія), разъяснялъ мнѣ писаніе духовное и свѣтское; задавалъ мнѣ вопросы и, чего я не могъ разъяснить, самъ помогалъ мнѣ. Остановился онъ въ нашемъ городѣ, и мнѣ хотѣлось, чтобы онъ остался нѣсколько дней. Онъ меня многому научилъ, и я самъ уже началъ многое понимать, когда онъ уѣхалъ.

Окончилъ я печи въ гостинницѣ и пошелъ снова работать по городу. И все начинаю работу да кончаю, потому что работа моя мелкая, малоцѣнная. Что лѣтомъ заработаешь, то зимою пропалъ да проѣшь. И сколько я ни стараюсь, чтобы хоть немного поправить свое состояніе, оно все становится хуже и хуже. Все я нуждаюсь, все я долженъ. Разъ попробовалъ торговлею заняться, вышелъ на толкучку, а на меня всѣ, какъ на звѣря, посмотрѣли. Куплю я чтонибудь и перепродавать начну, другіе торговцы, жиды и русскіе, подойдутъ къ покупателю и говорятъ ему: «не покупай, потому что

вещь вкраденая! Покупатель и бросить меня. Сердился я да ничего не подѣлаешь... Бросилъ я тряпье и снова пошелъ на работу.

А трудно въ городѣ добыть кусокъ хлѣба убогому чело-
вѣку. За работу мало платятъ, и чѣмъ дороже работа стоитъ,
тѣмъ меньше за нее платятъ... И надо горе терпѣть, на то
воля Божья!..

Ходя такимъ образомъ по городу, встрѣтился я съ елса-
ветградскимъ пьяницею, Иганомъ Маракупомъ, и захотѣлось
мнѣ узнать, понимаетъ ли еще что-нибудь человекъ этотъ.

Встрѣтилъ я этого Ивана и говорю ему: пойдешь-ка, зем-
лякъ, по чарочкѣ выпьемъ!

Обрадовался онъ.

— Откуда васъ—говорить—Господь принесъ? Я вѣдь уже
три дня не ѣлъ и не пилъ ничего!..

Развѣ лучше горевать голому и босому, какъ вы,—говорю
ему,—чѣмъ бросить пить эту водку?

— Что же мнѣ дѣлать въ свѣтѣ, если я не могу бросить,
потому что если брошу, то сейчасъ же и заболѣю.

— Отчего это съ вами сдѣлалось? спрашиваю я. — Сами
вы такъ ослабѣли или кто нибудь васъ испортилъ?

— Нѣтъ! говорить. — Никто меня не испортилъ, а такъ
ужь вышло. По ремеслу я тулупникъ... Работалъ я, работалъ,
да ни къ чему не привела моя работа. У кого нѣтъ тулупни-
ковъ я не работалъ, а все голъ и босъ. Я и сказалъ тогда:
Чортъ бы побралъ всѣхъ васъ!.. Не стало у меня ни глазъ,
ни здоровья!.. И пошелъ кутить!.. День за днемъ, и вотъ уже
восемь лѣтъ прошло, а я все кучу! Хожу по городу, пропасти
на себя пишу!

— Зачѣмъ же вамъ пропасти искать?—говорю я ему.

— А гдѣ же я себѣ пристанище найду? Кто приметъ меня
къ себѣ? Вѣдь у меня ни роду, ни племени! Была жена, да

и та бросила меня, съ отставнымъ полицейскимъ солдатомъ жить! Да-съ! Вотъ такъ и буду шляться, пока не пропаду гдѣ нибудь!

Поговорили мы съ нимъ и разошлись.

Послѣ того пришлось мнѣ какъ-то передѣлывать плитку у одного господина. Работалъ я ночью, чтобъ утромъ можно было обѣдъ готовить. Когда я кончилъ работу, было уже два часа ночи. Собралъ я инструменты и пошелъ на квартиру. Иду себѣ, смотрю: у дома одного богатаго купца стоитъ женщнна лѣтъ сорока и дѣвушка лѣтъ пятнадцати. Остановился я и смотрю.

— Смотри, если всѣхъ денегъ не дасть, — говоритъ старуха, — то я тебѣ не везю...

— Мама, прошу васъ!.. говоритъ дѣвочка. Пойдемъ домой, лучше я буду работать горько! А вы хотите сдѣлать меня несчастною!

— Дура ты! закричала старуха. Пятьдесятъ рублей вѣдь даетъ! Деньги это или нѣтъ?!

Стою я и ничего не понимаю.

— Мама! пойдемъ домой! говоритъ снова дѣвушка.

— Я тебя убью, сякая-такая! Знаешь вѣдь: одѣть тебя нужно, а гдѣ я тебѣ возьму платье, сякая-такая?

Только теперь я понялъ, что мать приводила свою дочь, продать хотѣла. Совѣстно мнѣ стало стоять и я пошелъ домой. Не знаю, чѣмъ кончила мать.

Пришелъ я на квартиру и легъ отдохнуть послѣ тяжелыхъ трудовъ. Утромъ пошелъ я къ тому господину за деньгами. Прихожу, а онъ и говоритъ: тогда отдамъ деньги, когда протопятъ недѣлю и плита будетъ исправна.

И пошелъ я снова искать работы.

Зашелъ я въ трактиръ выпить чаю и увидѣлъ тамъ старуху лѣтъ шестидесяти. Выпила она съ другими женщинами и начала рассказывать про свою жизнь въ дѣвичество и замужемъ.

— Я дочь пономаря — такъ начала она свой разсказъ. Отецъ мой жилъ при церкви и всегда, бывало, посылаетъ меня въ церковь, каждое воскресенье, чтобы не пропустила ни одной службы. Грѣхомъ это большимъ считалось, непросвительнымъ. Встану, бывало, рано-рано, вытоплю, обѣдъ готовлю, приберу хатку, сама приодѣнусь и пойду въ церковь Богу помолиться. Только и работы было мнѣ у покойнаго отца. Посватали меня мѣщане изъ города. Покойный отецъ далъ намъ корову, пару воловъ, пять овецъ, кожухъ линтваревый ¹⁾ и свиту поярковую, десять рубахъ, семь юбокъ и носемь колодокъ пчель. Взялъ меня мой покойникъ и повезъ въ городъ Чигиринъ. Приѣхали мы туда, а мѣщане тѣ люди бѣдные, ничего нѣтъ!

— Ничего! думаю себѣ. Какъ-нибудь проживемъ.

И начали мы съ покойникомъ работать. Нажли-таки порядочно: было у насъ уже три коровы, десятка два овецъ, двѣ пары воловъ. Въ это время умерла моя свекровь, а у меня родилась дѣвочка. И тѣ похороны да крестины обошлись намъ въ пятьдесятъ рублей, — на ассигнаціи тогда было. Продали мы корову и похоронили мать.

Снова родила я дѣвочку, снова затрата. Пожила она года три и умерла. И такъ родилось у меня и умерло десятеро дѣтокъ, а потомъ заболѣлъ и мой мужъ и пролежалъ четыре года. И какъ онъ заболѣлъ!.. Поѣхалъ онъ ночью за снопами, — меня пожалѣлъ, потому что у меня тогда былъ грудной ребенокъ. Какъ теперь помню, говорить онъ мнѣ:

— Я, стара, поѣду, да тамъ и волю напасутся. Наберу я на два воза сноповъ, а ты тѣмъ временемъ вытопишь, обѣдъ сваряшь, коровку выдоишь. Приѣду я, и тогда вдвоемъ поѣдемъ за житою.

И поѣхалъ бѣдняга. А у насъ тамъ дорога неровная, ко согоры! Ыхалъ онъ назадъ со снопами, а возъ какъ-то пере

¹⁾ «Линтварь» — шкура изъ годовалой овцы.
«усток», № 9 и 10, отд. 1.

ворачиваться началъ. Хотѣлъ онъ тотъ возъ поддержать, а возъ и навалился на него, сломалъ ему руку и ногу. Отъ этого и заболѣлъ онъ, да какъ легъ, такъ и лежалъ, пока не умеръ, — все лежалъ. Кидалась я то сюда, то туда, лечила все хозяйна и пролечила все, что было. Умеръ онъ, и я послѣднюю пару воловъ продала, схоронила его, а сама осталась съ маленькимъ четырех-лѣтнимъ сыномъ... Ну, да знаете, моя молодички, пѣсня моя длинная! Давайте-ка выпьемъ по чаючкѣ, потому что, должно быть, никому не было такого горя, какъ мнѣ!..

— А прекрасно, что вы ничего не забыли, заговорили женщины.

— И какъ это можно было забыть?! Не забудешь во вѣкъ, когда такое горе перенесешь.

— Ну, титко, выпьемъ!

Выпили и закусили и старуха снова заговорила, когда одна женщина попросила ее рассказать про свою жизнь.

— Ну, слушайте, — начала она, — буду рассказывать... Начала я ходить по заработкамъ... Долго я плакала за хозяиномъ: хозяйкой, вѣдь, была, а теперь работницей стала, да еще и съ малымъ ребенкомъ. Опустѣла моя хата, я все по работамъ ходила, то подъ Одессу, то по Херсонской губерніи, то въ Черноморію, потому какъ не пойдешь на работу — и ѣсть нечего будетъ. Ходила — ходила, да и перестала: ноги стали болѣть. Пошла я по сахарнымъ заводамъ, па бураки, годовъ десять еще ходила...

— Развѣ васъ никто не сваталъ? спросили нѣкоторыя женщины.

— Кто же меня сватать захочетъ, когда я старуха уже. Выкормила я сына да въ солдаты взяли. Сказано, — сирота! Плакала я, плакала, да ничего не помогло. Пошелъ въ солдаты. А я хату продала, да деньги сыну отдала на дорогу. Богъ знаетъ, вернется ли онъ или нѣтъ? Чувала душа моя, что не вернется; и не вернулся — таки, сложилъ гдѣ-нибудь на войнѣ головушку. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ прошло съ

той поры, какъ пошелъ онъ въ солдаты, и до сихъ поръ нѣтъ про него ни вѣсточекъ. Если бы онъ былъ живъ, то, по крайней мѣрѣ, письмо написалъ бы, а то до сихъ поръ нѣтъ отъ него ни слуху, ни вѣсти!.. Вижу я, что нѣкуда мнѣ уже дѣваться, и пришла въ Елисаветградъ. Панимаюсь къ жидамъ или къ купцамъ дѣтей нанячить. Да надоѣло сидѣть, какъ въ острогѣ, возлѣ дѣтей! Разсчиталась я, хоть похожу немного, на людей посмотрю да повеселюся!

— Ну, за вашъ рассказъ,—говорять женщины,—и мы возьмемъ по графинчику.

Взяли онѣ по графинчику и начали пѣть:

Ой, на ставу, на ставочку
Плывуть качки в три радочки;
Одна другу спережае,
Кожна собі пару мае...
А я живу в Божій карі:
Не дав мені Господь парі!..
А я з горя та з досади
Піду трохи погулати,
Піду трохи погулати,
І світонька повидати.
І світонька повидати,
Свою скуку розігнати.

Вышелъ я изъ трактира и не знаю, чѣмъ кончилась бабушкина гулянка. И пошелъ я на работу.

Доработалъ я до воскресенья и пошелъ къ «духовнымъ братьямъ» Богу помолиться. Пришелъ я въ девять часовъ, «братья» только-что начали собираться. Когда всѣ собрались, то женщины сѣли на кровати и возлѣ печки, «на припѣчку», а мужчины по лавкамъ и по скамейкамъ. Всѣ сидѣли молча. Потомъ одинъ изъ «братьевъ» всталъ и спросилъ: всѣ уже собрались или еще кто-нибудь придетъ?

— Всѣ уже! отвѣтилъ, кто-то.

— Будемъ, братья, молиться! промолвилъ тотъ братъ. Взялъ онъ маленькую книжечку и началъ «проказывать» первую ду-

ховную пѣсню. Такъ, прочтаетъ онъ первый стихъ и поютъ; потомъ онъ читаетъ слѣдующій стихъ и снова всѣ поютъ. Пѣли они слѣдующую пѣсню:

Господи! Тебѣ извѣстно,
 Для чего сошлись мы здѣсь.
 Дай же намъ съ сердцецъ нежество
 Высказать всѣ чувства здѣсь;
 Какъ Ты въ прошлыхъ дняхъ недѣли,
 Всѣхъ изволилъ насъ водить;
 И желаемъ мы на дѣлѣ,
 Въ тѣсный путь Христовъ ходить.
 О, водитель нашъ, Иисуса,
 Ты насъ здѣсь благослови;
 Дабы въ братскомъ мы союзѣ,
 Жили въ мирѣ и любви.
 Дай душамъ благіе нравы,
 Въ здѣшней жизни суетной:
 Чтобъ достигъ намъ вѣчной славы,
 И наслѣдовать покою.

Когда первую пѣсню пропѣли, всѣ стали на колѣни и одинъ «братъ», со слезами на глазахъ, началъ молиться слѣдующимъ образомъ:

«Господь, Богъ и Отецъ неба и земли! Услышь голосъ нашъ, бѣдныхъ созданій, преклонившихъ колѣни, и дай намъ вѣру нелицемѣрну и любовь. Чтобы не словомъ мы любили другъ друга, а дѣломъ. Господи Боже! Ради Иисуса Христа услышь, не оставь созданія Твоего! Просимъ Тебя, открой намъ очи сердцецъ нашихъ, чтобы мы видѣли свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, Отца и сына, и Святаго Духа».

Всѣ «братья» и «сестры» сказали «аминь!» снова сѣли на своихъ мѣстахъ и начали пѣть духовную пѣсню:

Здѣсь съ Христомъ страдай въ терзаньяхъ,
 Подражай его дѣланьямъ.
 Радость придетъ за мученьемъ;
 Бѣдность здѣсь, богатство тамъ!
 Кто посетъ здѣсь слезами,

Тотъ отраду тамъ вознеть;
Здѣсь въ опасностяхъ съ скорбями,
Тамъ покой, печали нѣтъ.

И слова всѣ стали на колѣни и начали молиться. Теперь уже молились другіе «братья» и «сестры». Мнѣ нужно было пойти къ одному господину, поговорить на счетъ работы, и я не дослушалъ до конца.

На базарѣ встрѣтилъ я одного нищаго, которому было лѣтъ восемьдесятъ отъ роду. Позвалъ я его къ себѣ на квартиру пообѣдать. Поднесъ я ему одну чарку, потомъ другую и мы разговорились. Былъ крѣпостнымъ большаго помѣщика Соколова-Бородкина, служилъ въ панскомъ дворѣ въ качествѣ «воловика», т. е. смотрѣлъ за волами и за плугами. Звали его Дмитрій Овчаренко. Было у него и два сына; одного звали Еремѣемъ, а другаго Никодимомъ. Никодима отдали въ солдаты, когда онъ приписался въ мѣщане въ Елисаветградѣ, а Еремѣя сослали на поселеніе за воровство. Такъ и остался восьмидесятилѣтній старикъ одинокимъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ родственниковъ? спросилъ я его. Если сыновей нѣтъ, такъ, можетъ быть, племянники есть или братья.

— Меня господинъ Соколовъ-Бородкинъ купилъ изъ Киевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда, изъ деревни В. Тамъ можетъ быть и есть какіе-нибудь родственники. Да только продали меня маленькимъ; теперь я никого не найду, да и силъ нѣтъ дойти туда. Это хуже всего. Да и кто приметъ меня такого стараго, да къ тому же и немущаго? Кто будетъ кормить меня до смерти?

— Гдѣ же вы теперь живете? спрашиваю я.

— На постояломъ дворѣ, отвѣтилъ старикъ:—заплачу пять копѣекъ за ночь и переночую, или вотъ такъ попрошусь куда-нибудь къ добрымъ людямъ.

Накормилъ я старика и распрощался съ нимъ. а самъ подумалъ: Что я буду дѣлать, если и я такимъ стану? Куда

я голову приклоню? И у меня вѣдь нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ... Должно быть, и я буду такъ побираться, какъ этотъ старикъ, потому что когда я уже не въ силахъ буду работать, никто меня держать не захочетъ!...

Вотъ такъ, понемногу, я и прилѣпился къ духовному братству.

А. Г.

Соціальное положеніе Італіи.

Любой туристъ, проѣхавшій по Італіи, считаетъ долгомъ доложить своимъ соотечественникамъ, въ формѣ-ли писемъ въ газеты, или въ частныхъ бесѣдахъ, о «всѣмъ извѣстной» лѣности итальянцевъ. Какими то особенными лѣнливцами должны быть эти закаленные пьемонтцы, первые земледѣльцы Европы, эти неутомимые ломбардцы, эти дѣятельные лигурійцы, эти промышленные луккійцы, эти подвижные романьольцы, эти трудолюбивые тосканцы.

Конечно, туристы и всякіе путешественники, съ своей точки зрѣнія, правы, дѣйствительно всякій итальянецъ съ жадностью набрасывается, если только представляется случай, на спекуляцію, онъ всячески старается избѣжать необходимости работать, и дѣлается музыкантомъ, торговцемъ и т. п. Но это происходитъ не отъ лѣности, а отъ ужасныхъ условій жизни, которыя за ничтожное вознагражденіе принуждаютъ его къ утомительнѣйшей работѣ въ 12—16 часовъ.

На западѣ во всѣхъ прочихъ странахъ нѣтъ ни одного рабочаго, который не требовалъ бы для утоленія своего голода хлѣба, какойнибудь теплой пищи, огня зимой и жилища, гдѣ онъ могъ бы провести ночлегъ на кровати. Итальянскій рабочій довольствуется мансовой похлебкой, называющейся «полента», или каштанами съ чернымъ хлѣбомъ, и отказывается безъ протеста отъ теплой пищи, отъ огня зимой (въ сѣверной Італіи зимы довольно

холодныя), въ качествѣ же квартиры ему съ удобствомъ служить, если у него нѣтъ семейства, сѣноваль или конюшня, гдѣ онъ спитъ на соломѣ вмѣстѣ съ 10—12 своими товарищами. Отсутствіе самыхъ элементарныхъ потребностей, дѣйствительно, поразительно въ итальянцѣ. Онъ довольствуется половиной того, что французъ или швейцарецъ считаетъ *minimum*'омъ, ниже котораго невозможно существованіе.

Экономическій «железный законъ», по которому рабочая плата известной страны никогда не поднимается выше удовлетворенія среднихъ потребностей рабочаго, а чаще, въ силу конкуренціи, спускается ниже, неумолимъ при господствѣ капиталистическаго производства. Понятно поэтому, что рабочая плата въ Италіи въ 2 раза меньше рабочей платы Франціи, Швейцаріи, не говоря уже объ Англіи. При этомъ можно безъ натяжекъ утверждать, что чѣмъ ниже уровень самыхъ необходимыхъ потребностей, тѣмъ болѣе шансовъ на то, что и онѣ часто не будутъ удовлетворены. Китайцу чаще будетъ недоставать отрубей, чѣмъ европейцу хлѣба; прландецъ чаще будетъ нуждаться въ картофелѣ, чѣмъ англичанинъ въ хлѣбѣ и мясѣ; итальянецъ чаще будетъ вѣрнѣ возможности достать поленту или черный хлѣбъ, чѣмъ французъ бѣлый хлѣбъ и вино.

Самый злой врагъ итальянскаго народа это низкій уровень его потребностей: такова логика капиталистическаго общежитія.

Капиталисты и буржуазные экономисты всячески поддерживали эти наклонности производителей мѣновыхъ цѣнностей. Въ маленькихъ брошюркахъ, на публичныхъ собраніяхъ, въ рѣчахъ, при открытіи кассъ взаимнаго вспоможенія, они проповѣдовали воздержаніе, какъ христіанскую добродѣтель, и личную бережливость, какъ единственный способъ обогащенія! Къ этимъ проповѣдникамъ, противоположнаго тому, чему сами они служатъ воплощеніемъ, присоединились, какъ это не покажется страннымъ, мащинисты, съ ихъ проповѣдью «обязанностей безъ правъ».

«Вы должны», писалъ Мащини, «просить Бога, чтобы онъ избавилъ васъ отъ произвола и ига людей. Вы должны вѣрить въ законъ прогресса и обязанности. Я говорю вамъ о жертвахъ, моральномъ улучшеніи и воспитаніи, а вовсе не о счастіи! Много говорили о правѣ. Улучшилось ли отъ этого положеніе народа. Нѣтъ, напротивъ того. Идея права дала только просторъ личному

эгоизму.—Маццани былъ бы правъ, если бы право, основанное на экономическомъ безправіи, можно было бы считать правомъ, а не фикціей права.

Итальянскіе пролетаріи долго увлекались подобными доводами. Однако, въ послѣднее время, все чаще начинаютъ сомнѣваться въ нихъ. Большія стачки въ Миланѣ (1870), въ Мантуѣ (1874), 60 годовыхъ бунтовъ, которые слѣдовали за крестьянскими возстапіями противъ ненавистнаго обѣденнаго налога (molinato), корпоративная организація переплетчиковъ, стачка въ Биллѣ, которая особенно выдается по числу и упорству ея участниковъ и по настойчивости капиталистовъ, призвавшихъ на помощь войска, быстрое развитіе социалистическихъ секцій въ Италіи, начиная съ 1871 г., двѣ вооруженныя попытки при Балонѣ и Беневентѣ, наконецъ, событія послѣдняго времени—все это показываетъ, что сознаніе собственныхъ правъ растетъ въ итальянскомъ народѣ.

Съ того времени какъ Италія изъ «страны мертвыхъ», какъ ее называли 50 лѣтъ тому назадъ, обратилась въ могущественное политическое государство и гордо присоединилась къ великимъ европейскимъ державамъ, ея экономическая нищета растетъ съ каждымъ днемъ, потому что производство не развивается, съѣстные припасы дорожаютъ съ каждымъ днемъ и далеко несоотвѣтственно съ увеличеніемъ рабочей платы, а о возрастаніи потребностей фиска и говорить нечего ¹⁾. Вотъ данія о возрастающей дороговизнѣ изъ официальныхъ журналовъ:

Цѣны на хлѣбъ и мясо въ килограммахъ (2¹/₂ русск. фунт.).

		1840 г.	1860 г.	1873 г.
		Сент.	Сент.	Сент.
Венеція	Хлѣбъ 2-го сорта	0,32	0,40	0,60
	Мясо	0,89	1,25	2,20
Неаполь	Хлѣбъ 2-го сорта	0,30	0,38	0,55
	Мясо	0,70	1,10	2,14

¹⁾ Въ 1858 году бюджеты итальянскихъ государствъ, включая и расходы на управленіе провинціями и общинами, простирался до 750 милліоновъ франковъ. Нынѣ бюджетъ Италіи возросъ до крупной цифры въ 2 миллиарда. И при такомъ бюджетѣ итальянцы умудрились поднять государственный долгъ съ 2 милліардовъ на 10.

		1840 г.	1860 г.	1878 г.
		Сент.	Сент.	Сент.
Миланъ	Хлѣбъ 2-го сорта	0,35	—	0,65
	Мясо	0,75	1,23	2,35
Туринъ	Хлѣбъ 2-го сорта	0,32	—	0,50
	Мясо	1,02	1,80	2,25
Римъ	Хлѣбъ 2-го сорта	0,25	—	0,70
	Мясо	0,60	1,05	3,10

Изъ этихъ цифръ вы видите, что цѣна хлѣба въ 33 года увеличилась въ Венеціи на 88%, въ Неаполѣ на 83%, въ Миланѣ на 36%, въ Туринѣ, на 56% и въ Римѣ на 180%, а въ среднемъ для всѣхъ большихъ городовъ Италіи это увеличеніе составляетъ, значитъ, 98% противъ прежней стоимости!

Увеличеніе цѣны мяса еще поразительнѣе: въ Венеціи на 147%, въ Неаполѣ на 305%, въ Миланѣ на 210%, въ Туринѣ на 121%, въ Римѣ на 417% — въ среднемъ увеличеніе выйдетъ на 221%.

Цѣны на масло, такъ называемое итальянское пирожное, сыръ и т. д. удвоились; цѣны на живность утроились, вино, которое прежде стоило отъ 10—20 сантимовъ, продается теперь 40—80 сантимовъ. Единственная комната, которой довольствуется итальянскій рабочій, стоила прежде 25—45 фр., а теперь 70—125 фр.; даже топливо утроилось въ цѣнѣ. (Въ Миланѣ центнеръ стоитъ теперь 5 франковъ). За тотъ же промежутокъ времени, рабочая плата, по численію экономистовъ, увеличилась только на 40%. — Цѣны на самое необходимое въ Италіи больше, чѣмъ во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи. Между тѣмъ, рабочая плата итальянцевъ составляетъ въ среднемъ только 55% французской, бельгійской и швейцарской рабочей платы.

Въ Ломбардіи, Пьемонтѣ и Лигуріи полевой поденщикъ получаетъ 3 фр. (всегда на своихъ харчахъ) во время жатвы, въ остальное лѣтнее время 2 франка, весною и осенью 1 франкъ, зимою отъ 70—85 сантимовъ; 2 мѣсяца при этомъ онъ безъ работы. Такимъ образомъ, его годовой заработокъ колеблется между 280 и 320 франками. На такое вознагражденіе нельзя пропитать даже и одного человѣка, не говоря уже о семействѣ.

Тѣ же поденщики въ другихъ мѣстахъ оплачиваются еще того хуже: въ Венеціи, наприм., они зарабатываютъ зимою отъ 60—75 сан-

тихонь, лѣтомъ около 1 фр. 50 сент. и только во время жатвы до 2 франковъ. Въ Тосканѣ заработокъ полевого подещика не превышаетъ 1,50, начинаясь съ 70 сент. Годовой заработокъ въ этихъ мѣстностяхъ не превышаетъ 290 фр., если принять во вниманіе и время безработицы. Въ Неаполитанскихъ провинціяхъ подеппый заработокъ колеблется между 20 и 80 сантимами, въ Сициліи между 65 сент. и 1 фр.

Неудивительно, если при такомъ вознагражденіи, жизнь рабочихъ представляетъ, по истинѣ, что-то невѣроятное. Нужны были бы цѣлые томы, для того, чтобы дать представленіе объ этой жизни; ограничились нѣсколькими картинами.

Земледѣльцы ломбардской равнины распадаются на 2 большія категоріи: на постоянныхъ рабочихъ какой нибудь аренды, называемыхъ «паззани» и на подеппиковъ, называемыхъ «аввентицин». Последніе наиболѣе несчастны: лѣтомъ они получаютъ нѣсколько больше «паззани», но зима, когда полевыхъ работъ нѣтъ, для нихъ время непередаваемыхъ страданій. Часто у нихъ совсѣмъ нѣтъ жилища и они вымаливаютъ мѣсто для почлега на сѣновалѣ для себя и своихъ семействъ и немного поленты, для того, чтобы не умереть съ голода. Врядъ ли кто нибудь, пробывшій хоть самое короткое время въ Италіи, не видѣлъ этихъ изможденныхъ людей, съ желтымъ восковымъ лицомъ, съ носомъ синимъ отъ мороза, съ вдавленной грудью и колеблющейся поступью, стоящихъ у воротъ города или села и выпрашивающихъ милостыню. Сколько изъ нихъ падаютъ отъ истощенія. Молодые люди становятся бродягами и погрязаютъ въ суровыхъ тирьмахъ Италіи, гдѣ ихъ положеніе все еще лучше, чѣмъ на свободѣ. Такая участь аввентициевъ. На протяженіи каждой «Casana» (аренда) находится рядъ несчастныхъ хижинъ; въ нихъ живутъ «Pascani». Злосчастная постель изъ соломы, нѣсколько тряпокъ въ качествѣ одѣяла, столъ и старый сундукъ—вотъ вся мебель; перѣдко мѣсто трубы въ печкѣ замѣняетъ дыра въ стѣнѣ; нѣкогда вы не падете стеколь въ окнахъ, чаще же и оконъ совершенно нѣтъ, потому что нельзя же окрестить этимъ названіемъ неправильныя четырехугольныя дыры пробитыя въ стѣнѣ и заклеиваемыя на зиму масляными листами бумаги. Одежда этихъ несчастныхъ во всей Ломбардіи и части Пиемонта одинакова: она состоитъ для мужчинъ изъ холстяной мантии земляного цвѣта, а

для женщинъ въ выбойчатомъ платьѣ красноватаго цвѣта. Нигдѣ въ этой странѣ лихорадокъ вы не встрѣтите шерстяныхъ платьевъ. Наконецъ, пищею служить все та же противная полента, которая не можетъ быть даже достаточно посоленной, потому что соль черезчуръ дорога (55 сантим. килограммъ). О покупкѣ дровъ на зиму и упоминать нечего: чтобы не замерзнуть, женщины и дѣти получаютъ позволеніе у арендатора помѣститься въ конюшняхъ.—Двѣ трети его платы дается «паззани» натурою, въ видѣ мансовой муки или риса, остальной же трети недостаетъ на платье и на уплату за квартиру. Такимъ образомъ «паззани», не смотря на то, что работаетъ лѣтомъ 16, а зимой 10 часовъ, не смотря на то, что питается только рисомъ или мансомъ и не позволяетъ себѣ ни малѣйшихъ расходовъ, кромѣ какъ на то, что далеко ниже самаго необходимаго въ сѣстныхъ припасахъ и одеждѣ, не смотря на то, однимъ словомъ, что ведетъ только растительное существованіе, полное лишеній, вѣчно въ долгу у своего арендатора. Его положеніе въ дѣйствительности ничѣмъ не разнится отъ рабскаго. Арендаторъ и его сповня имѣютъ фактически право первой ночи относительно молодыхъ работницъ, а рабочій не имѣетъ права протестовать противъ этой унижительнѣйшей мерзости, находясь вѣчно подъ угрозой голодной смерти, если хозяинъ его выгонитъ. Арендаторъ не церемонится прибѣгать и къ кулачной расправѣ по отношенію къ своимъ работникамъ.

Вотъ случай, бывшій въ окрестностяхъ Коданьо. Арендаторъ началъ бранить рабочаго, который нехорошо исполнилъ свою работу; рабочій оправдывался, но арендаторъ былъ нетерпѣливъ и ударилъ его палкой. Братъ поденщика позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, тогда арендаторъ ударилъ его такъ сильно по головѣ, что тотъ на мѣстѣ умеръ, арендаторъ предсталъ на судъ присяжныхъ, и присяжные его единогласно оправдали.

Вотъ что говоритъ Гаррели въ своей книгѣ «Рабочіе въ Италиі»—тотъ самый Гаррели, который послѣ вывода, что городскіе рабочіе Италиі получаютъ среднимъ числомъ 1,90 фран. въ день, вывода, основаннаго на богатыхъ статистическихъ данныхъ, дѣлаетъ сейчасъ же другой выводъ, изумительный по своему легкомыслию, и прямо противоположный его же цифрамъ объ итальян-

ской дороговизнѣ, будто 1 фр. 90 сан. совершенно достаточно, для того чтобы пользоваться жизненными удобствами въ Италіи и даже дѣлать сбереженія. Такъ этотъ самый Гарелли говоритъ о Ломбардіи и Піемонтѣ: «На этихъ нездоровыхъ, сырыхъ рисовыхъ поляхъ можно увидѣть безформенныя хижины, покрытыя плохо сложенными кирпичами, между которыми образуются дуплины щели, открывающія доступъ дождю, снѣгу и туману. Иногда вода прибываетъ съ рисовыхъ полей къ стѣнамъ этихъ хижинъ и образуетъ тамъ болота, въ которыхъ копошатся мириады насѣкомыхъ. Въ такой тяжелой и зараженной атмосферѣ живутъ сотни семействъ; которымъ служитъ пищей только полента и рисъ вечеромъ; единственнымъ ихъ напиткомъ бываетъ ключевая вода, которая заражена близостію воды рисовыхъ полей. Наступаетъ время жатвы и молотбы, и эти плохо вскормленные, плохо живущіе и не достаточно одѣтые и обутые полевые работники принуждены работать отъ 20—24 часовъ...»

«Удивительно ли, если между этимъ населеніемъ смерть, какъ при эпидеміи, неистовствуетъ неудержимо, и если тѣ, которые выдержали борьбу съ столь великой нищетой и маляріей, противны на видъ съ ихъ гнойными глазами, восковымъ и вытянутымъ лицомъ, беззубымъ ртомъ, впалой грудью? Браки заключаются тамъ рано и они плодовиты, но большая часть дѣтей сейчасъ же умираетъ отъ англійской болѣзни и золотухи; оставшіеся заболѣваютъ лихорадками, которыя съ особенною яростію преслѣдуютъ неокрѣпшія тѣла. Въ деревняхъ, окруженныхъ рисовыми полями, страдающіе лихорадкой составляютъ 80% всего населенія».

Прочтите, наконецъ, чрезвычайно талантливый рассказъ, переведенный съ итальянскаго въ «Дѣлѣ», кажется за августъ и сентябрь 1880 года, подъ заглавіемъ «Рисовыя поля», и вы получите понятіе, что такое эта работа на рисовыхъ поляхъ, т. е. во всей Ломбардіи и Піемонтѣ.

Таково положеніе рабочихъ на рисовыхъ поляхъ и по свидѣтельству названнаго политико-экономъ. Владѣлецъ рисовыхъ полей получаетъ въ 6 разъ больше доходовъ, чѣмъ предприниматели и владѣльцы другихъ хлѣбныхъ посѣвовъ.

Но не только лихорадки производятъ свои опустошенія среди ломбардскаго сельскаго населенія; ихъ лишенія и ихъ безпрестанное

питаніе мансомъ подвергаетъ ихъ страшной и всегда смертной болѣзни, называемой «пеллагра». Эта болѣзнь достояніе только ломбардскихъ пролетаріевъ, которые тысячами умираютъ отъ нея.

Что такое пеллагра? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ устами корреспондента французской газеты «Le Sicle»: «Между всѣми болѣзнями, которыя посѣщаютъ человѣчскій родъ, одна изъ самыхъ ужасныхъ это та, которая носитъ названіе «пеллагра». Кто не наблюдалъ этой болѣзни, тотъ не можетъ имѣть представленія о страданіяхъ, которыя она причиняетъ. Кожа становится красной и блестящей; она покрывается мѣстами струпами, которые возобновляются, по мѣрѣ того какъ отпадаютъ. Языкъ краснѣетъ, опухаетъ и причиняетъ боль; жажда жгучая; слюна обильная и жирная, и постоянный поносъ. Члены и торсы вздуты, взоръ блуждающій, и больной впадаетъ въ слабость, сомнѣніе, бѣшенство, неистовство. Онъ хочетъ смерти и въ концѣ концовъ приводитъ въ исполненіе свое желаніе, чаще всего при помощи утопленія.

«Пеллагра продолжается 2—3 года и неизлечима; и не думайте, что она рѣдко свирѣпствуетъ; не говоря уже о томъ, что она появляется иногда во французскихъ департаментахъ, (Жирондѣ, напр. и другихъ) и довольно часто-таки въ Испаніи, въ извѣстныхъ мѣстахъ Италіи, она не прекращаетъ своего опустошительнаго дѣйствія. Въ одинъ годъ въ Ломбардіи насчитывали 37,000 больныхъ пеллагрою».

«Какова же причина пеллагры? Говорятъ, что она только появляется у людей, которые живутъ въ вопіющей нищѣ и ѣдятъ ежедневно мансъ».

Въ средней Италіи, утверждаютъ, нищета не столь ужасна. Это, можетъ быть, и справедливо для нѣкоторыхъ мѣстностей Тосканы. Но въ Мареммахъ, въ Романѣ и, главнымъ образомъ, на Римской территоріи (агго гомано) безутѣшная нужда не меньше, чѣмъ въ Ломбардіи. Точно также и Венеція—страна непередаваемой нищеты, и здѣсь, какъ и въ Ломбардіи, вы увидите кучки людей, работающихъ подъ безпрестаннымъ наблюденіемъ смотрителя (gastaldo въ Венеціи, самраго въ Ломбардіи), который своей большой бѣлой палкой, своей дикой фізіономіей, своимъ грознымъ командованіемъ чрезвычайно напоминаетъ смотрителей надъ рабами. Это воспоминаніе о рабскихъ временахъ тѣмъ болѣе кажется примѣнимымъ сюда, что эти тощіе малевькіе работники, которые при-

биты нищетою и кажутся потому лѣтъ на 15 старше своего возраста, чрезвычайно напоминають старыхъ рабовъ.

Въ римскомъ полѣ дѣла обстоятъ еще хуже. Когда извѣстный писатель, Алеардо Алеарди, проѣхалъ это убійственное поле, то былъ пораженъ плачевнымъ состояніемъ жнецовъ, которые показались ему «скелетами, покрытыми грязной висячей шкурою». Онъ спросилъ одного изъ нихъ, какъ они живутъ.

«Здѣсь не живутъ, здѣсь умираютъ», отвѣтилъ ему.

И это не преувеличеніе. Римскіе пастухи, покрытые, какъ дикіе, козьими шкурами, живутъ только чернымъ хлѣбомъ, намоченнымъ въ соляной водѣ — *acqua cotta* называется это питаніе, и справедливо. Они спятъ на дворѣ на сырой землѣ и чisto по дѣтски радуются, когда имъ удастся найти пещеру для переночевки. Поденщики 2 раза въ годъ, во время полевыхъ работъ, скатываются, точно потоки, съ Сабинскихъ горъ, и тотчасъ же, какъ полудикія орды, приступаютъ къ работамъ.

Такъ какъ они при этомъ нанимаются по часамъ, то работаютъ черезъ силы, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ сантимовъ. Послѣ 16-ти часовой работы они спятъ на дворѣ, подкрѣпившись кускомъ чернаго хлѣба. Однако, число ихъ скоро уменьшается съ каждымъ днемъ, потому что «малярія» имѣетъ между ними богатую жатву, и «каждый вечеръ удаляютъ съ поля десятки мертвыхъ и умирающихъ жертвъ страшной лихорадки» (Гарелли).

Только 204 человекъ владѣютъ всей обширной римской страной они получаютъ огромные доходы, которые по традиціи римскихъ патриціевъ, тратятся на самыя невозможныя удовольствія и роскошества.

Въ неаполитанскихъ провинціяхъ столько же нищеты и еще больше рабства. Въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ рабочіе имѣютъ самое необходимое, но не больше, въ большинствѣ же случаевъ, положеніе сельскихъ рабочихъ еще хуже и ужаснѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ.

Они, не имѣя никакого другаго орудія кромѣ кирки, принуждены обрабатывать высосанную дурную почву и за это получаютъ $\frac{1}{4}$ продукта. Эта мизерная толика и въ цѣломъ врядъ ли была бы достаточна для нихъ, но несчастіе въ томъ, что даже изъ этой части больше половины отнимается ростовщиками, кото-

рымъ они задолжены по уши. Въ годы, когда рабочіе чувствуютъ недостатокъ въ каштанахъ или черномъ хлѣбѣ, благодѣтельный арендаторъ является на помощь и за 100 или 150% ссужаетъ ихъ недостающимъ. Вы поймете, какой просторъ должна имѣть ростовническая эксплуатація, если я скажу, что даже въ средніе годы рѣдкій рабочій сводитъ концы съ концами. Наконецъ, послѣ всѣхъ вычетовъ, поденщикъ еще платитъ за дыру, въ которую онъ втискивается вмѣстѣ съ домашними животными на ночь.

Часто случается, что рабочіе тайно уходятъ, или, въ стачкѣ, отказываются обрабатывать землю на такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Иногда владѣлецъ злоупотребляетъ своей силой и вынуждаетъ ихъ просто къ барщиннымъ работамъ. Онъ заставляетъ ихъ, не сдѣлавъ объ этомъ никакого условія, засѣвать свои запасныя пашни. Наступаетъ, на примѣръ, жатва; приблизился крайній срокъ собиранія продуктовъ, на которые уже потрачено столько труда. Является какой нибудь *fattore* (надсмотрщикъ) и отдаетъ приказъ немедленно позаботиться о хозяйскихъ посѣвахъ.

Эти барщины совершенно неограниченны, обусловливаются только распоряженіемъ владѣльца и могутъ быть самаго разнообразнаго рода.

Остается сказать еще объ одной формѣ феодальнаго крѣпостничества, которую неаполитанскіе *Galantuomini* какъ себя называютъ эти современные рабовладѣльцы, практикуютъ по отношенію къ *Safoni* (имя, данное въ насмѣшку неаполитанскимъ пролетаріямъ). Уже въ Ломбардіи мы столкнулись съ правомъ первой ночи, здѣсь же право первой ночи, переходитъ въ право имѣть у себя постоянный гаремъ. Главная причина этого заключается въ томъ, что младшіе сыновья владѣльца остаются незамужними, для того, чтобы не раззорять отцовскаго имущества, которое фактически переходитъ къ старшему въ родѣ. Если отъ этихъ сожителствъ являются дѣти, то они просто выбрасываются на улицу.

Установленная общинная организація, по которой всѣ общины переходятъ въ рукахъ богатыхъ владѣльцевъ, не гарантируетъ населеніе отъ произвола ихъ. Но мало того, что послѣдніе имѣютъ въ сво-

ихъ рукахъ всѣ общинныя земли, по этой организаціи, они имѣютъ право накладывать на общину налоги—право, которымъ они и пользуются въ избыткѣ. Въ неаполитанскихъ провинціяхъ это злоупотребленіе даетъ себя чувствовать съ особенной силой.

Конечно, при такихъ условіяхъ матеріальной жизни, нечего ожидать чего бы то ни было въ области интеллектуальной или моральной.

И дѣйствительно, положеніе женщинъ и дѣтей самое жалкое; про ихъ положеніе можно дословно сказать, что оно ничѣмъ не разнится отъ положенія рабынь во времена римлянъ. Несчастный мужъ, который привыкъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ вьючнымъ скотомъ, точно также обращается съ женой; она, проработавъ цѣлый день не меньше мужа, должна стоять и быть готовой къ услугамъ, когда мужъ ея, сидя на камнѣ, поѣдаетъ сырыя овощи.

О побояхъ и звѣрскомъ обращеніи, которому она подвергается, и говорить нечего. Что же касается дѣтей, то дѣло доходитъ до торговли ими. Особенно развита эта торговля въ средней Италіи. Маленькихъ рабовъ посылаютъ въ Америку; искомымъ товаръ составляютъ дѣвочки, которыя питаютъ проституцію Париза и Лондона.

Года 4 тому назадъ въ Римѣ схватили одного торговца, который везъ изъ неаполитанскихъ провинцій 19 рабовъ обоого пола, для того чтобы ихъ продать на чужбину, въ качествѣ рабочаго или проститутваго мяса.

Схватенный протестовалъ противъ этого воровства и доказывалъ, что продажа была совершена родителями.

Въ 1876 г. бюлетень Юрской Федерациіи публиковалъ слѣдующую корреспонденцію: «... Еще болѣе характерный, чѣмъ перессленія, признакъ бѣдственнаго положенія этихъ провинцій (средней Италіи)—это торговля дѣтьми.

Въ то время, какъ двоедушная буржуазія дѣлаетъ столько шума по поводу сохранившейся еще кое гдѣ торговли неграми, здѣсь въ Италіи, въ самыхъ богатыхъ мѣстностяхъ, состояніе народа доведено экономическимъ рабствомъ до такихъ вопіющихъ предѣловъ, что онъ торгуетъ собственными дѣтьми. Мальчики и дѣвочки отъ 5 до 6 лѣтъ, провожаемые ксендзовскими благословеніями и пожела-

ніями, продаются спекулянтамъ, которые увозятъ ихъ далеко отъ дому и обращаются съ ними такъ, что даже буржуазія должна была бы краснѣть, если-бы не потеряла всякихъ слѣдовъ человѣческаго чувства. На всѣхъ публичныхъ мѣстахъ Лондона, Парижа и Ньюіорка *) вы встрѣтите маленькихъ итальянцевъ, всегда оборванныхъ, тощихъ и умирающихъ отъ голода. Въ поздній вечерній часъ, въ тѣ печальныя зимнія ночи, когда грязныя улицы покрываются снѣгомъ, вы увидите въ углу церковнаго входа или у подножія колонны безпорядочную толпу оборвышей. Это группа маленькихъ итальянцевъ, которые собрались въ кругъ и толкаются для того, чтобы хоть какъ нибудь себя защитить отъ сырости и холода. Если они за день не успѣли собрать установленнаго количества су, то они не осмѣливаются вечеромъ явиться на глаза своему хозяину, который ихъ жестоко прибить. Пристанища у этихъ хозяевъ зараженные углы, къ которыхъ дѣти сваливаются безъ вниманія къ самымъ существеннымъ условіямъ здоровья. Питаютъ ихъ чрезвычайно скудно и часто предоставляютъ даже итавіе ихъ общественнымъ подаваніямъ. За малѣйшій проступокъ ихъ варварски наказываютъ; ихъ употребляютъ, какъ музыкантовъ и какъ модели для художниковъ, или же предназначаютъ къ проституціи. Запятія ихъ мѣняются постоянно, и часто они имѣютъ ихъ нѣсколько вмѣстѣ».

А вотъ другая корреспонденція:

Итальянская газета «Роттрѣано» извѣщаетъ: — «одна несчастная мать, впавшая въ страшную нищету, послѣ того, какъ она обошла всѣ общественныя заведенія съ просьбой о помощи, продала торговцу своего маленькаго мальчику за 22 и свою маленькую дочь за 11 карлиновъ. Такимъ образомъ продажей обонхъ дѣтей она даже не выручила 20 франковъ». Недавно, впрочемъ, мы читали и во французскихъ газетахъ, что одна французская мать продала въ Парижѣ свою дочь за пару ботинокъ и 10 франковъ.

Но перейдемъ къ другимъ мѣстамъ Италіи и посмотримъ, каково тамъ живется сельскимъ пролетаріямъ.

---

*) Въ Лондонѣ и Парижѣ теперь уже не бываетъ этого, потому что запрещено.

Въ Сициліи поселене также несчастны, какъ и на полуостровѣ. Къ ихъ экономическимъ бѣдствіямъ присоединяются только еще политическія. Ихъ сотнями объзвляютъ изгнанными и вывозятъ въ колоніи. Но въ жителяхъ Сициліи остается еще извѣстная доля достоинства, которая накладываетъ рамки на давящую ихъ систему. Раньше чѣмъ начать продавать своихъ дѣтей, сициліянецъ обращается къ разбою: это ему кажется достойнѣе. Конечно, повальный разбой возможенъ только тамъ, гдѣ нищета перешла всѣ предѣлы. Вотъ послушайте, что пишетъ о Сициліи корресподентъ умѣренной французской газеты: „Въ Палермо нѣтъ мѣста для всѣхъ, за накрытымъ жишенинымъ столомъ... Въ Палермо, громаднѣйшемъ городѣ, нѣтъ достаточно хижинъ, какъ бы онѣ жалки ни были, для того, что бы приютить всѣхъ на ночь... Въ Палермо, центральномъ пунктѣ плодороднѣйшаго въ мірѣ острова, нѣтъ достаточно хлѣба, чтобы накормить всѣхъ... Въ Палермо умираютъ отъ голода... Тамъ можно увидѣть людей, покрытыхъ лохмотьями, полунагихъ и исхудалыхъ дѣтей валяющимися подъ воротами домовъ и навѣсами общественныхъ зданій... тамъ можно видѣть грязныхъ исхудѣвшихъ женщинъ, съ чахлами дѣтьми на рукахъ, дѣвущекъ, матерей полунагихъ, распростертыми на землѣ предъ церквами, или на улицахъ съ другими дѣтьми, которыя спятъ на ихъ колѣняхъ и, кто знаетъ, проснутся ли завтра.

«Днемъ блуждаютъ эти оставленные дѣти по городу, безъ сопровожденія, безъ наблюденія, какъ собаки, не имѣющія господъ. Они собираютъ остатки выброшенныхъ на улицу овощей, гнилыхъ плодовъ, обглоданныя кости. Къ ночи эти сироты безъ отцовъ и матерей представляются взорамъ гражданъ въ ихъ грязномъ изсушенномъ видѣ, но не найдется ни одна милосердная душа, которая прикрыла бы ихъ и изъ жалости облегчила страданія. Городскіе жители уже привыкли къ этимъ видамъ. Въ какой бы кварталѣ вы не пошли, всюду свирѣпствуетъ таже нищета, которая рѣжетъ вамъ сердце ножомъ и какъ бы говоритъ: къ чему эти прелестныя мѣста для прогулки, благовоныя садки, роскошныя дома, широкія чистыя улицы, когда возлѣ этихъ чудесъ городского богатства, обрѣтаются мужчины, женщины и дѣти, которые не имѣютъ ни хлѣба, ни одѣянія, ни жилища?»

«Тисячи уличныхъ огоньковъ, которые освѣщаютъ городъ, еще болѣе подчеркиваютъ этотъ разящій контрастъ между бесполезной роскошью и страшной нищетой, о которой никто не печалится».

Что касается сардинцевъ, то они, конечно, живутъ лучше всѣхъ прочихъ итальянцевъ. Но это происходитъ оттого, что, въѣзжая во внутрь Сардиніи, вы не чувствуете себя больше въ Европѣ. Эти горцы съ благородною осанкою, черною бородой и длинными черными волосами, съ тонкою талією, пестрымъ платьемъ и вѣчно на конѣ, съ кинжаломъ за поясомъ и ружьемъ черезъ плечо, напоминаютъ на половину черкеса, на половину араба. Сардинецъ, подъ внѣшнюю обходительность, скрываетъ жестокость, которая обнаруживается въ его отношеніяхъ къ домашнимъ; онъ ужасно тугъ и неподатливъ къ прогрессу и примамкамъ цивилизаціи и проводитъ свое время въ разбоѣ и охотѣ. До чего доходитъ грубость понятій сардинцевъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: сардинецъ никакъ не можетъ понять, что навозъ удобряетъ поля, онъ, не смотря на всѣ убѣжденія, пребываетъ въ увѣренности, что отъ навоза вырастаютъ дурныя травы; поэтому весь навозъ свозится сардинцами въ ямы, гдѣ сжигается.

И, не смотря на все свое невѣжество и дикость, сардинецъ далеко такъ не нищенствуетъ и не забитъ, какъ изнуренный работникъ богатыхъ ломбардскихъ равнинъ, гдѣ господствуетъ научная агрикультура. Происходитъ это оттого, что въ Сардиніи индивидуальная собственность не достигла кульминаціонной точки своего развитія.

Переходя къ положенію фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ, намъ пришлось бы нарисовать такія же картины ужасной бѣдности, ибо положеніе этихъ рабочихъ еще отличается отъ положенія сельскихъ рабочихъ. Повсюду тѣ же страданія: жилище и питаніе больше чѣмъ недостаточны; зима безъ огня; утомительная работа подъ наблюденіемъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, которые съ рабочими обходятся, какъ съ собаками; невозможность вырваться изъ клещей нужды, частая безработица и т. д. Что касается дѣтей, то стоитъ только посмотреть на этихъ

маленькихъ дѣвочекъ ¹⁾, уже согбенныхъ отъ работы, съ уткой грудью, впалыми глазами, желтымъ цвѣтомъ лица и турнымъ взглядомъ, для того, чтобы судить объ ихъ мученіяхъ.

Ограничимся поэтому только нѣкоторыми цифровыми данными, которыя покажутъ, сколько итальянскій городской пролетарій получаетъ и сколько ему необходимо было бы на самое необходимое. Говорятъ, что цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Въ Миланѣ шляпочники получаютъ около 2 фр. въ, сапожники—1,50 фр., жестяники—1,63 фр., столяры и портные—2 франка, прядильщики—отъ 1,50 до 2,50 фр., ткачи—10—15 франковъ (въ недѣлю), булочники—40 фр. въ мѣсяцъ, рѣзчики по дереву—2,50 фр., слесари—2,60 фр., баретчики—1,80 фр., корзишники—1,00 фр., бочары—1,50 фр., литейщики—3,50 фр., ювелиры—3,20 фр., граверы—3 фр., мебельщики—1,60 фр., фабричныя рабочіе—1,70 фр.—3,20, поденщики—1,60 фр., фабричныя работницы—0,60—1,10 фр., дѣти—отъ 30 до 50 сантим.

Въ другихъ городахъ Ломбардіи рабочая плата мало чѣмъ разнится отъ этой.

По Гарелли рабочіе бумажныхъ фабрикъ получаютъ въ среднемъ отъ 90 сент. до 3 франковъ, женщины—отъ 30 сантимовъ до 1 франка. Ремесленники зарабатываютъ въ среднемъ отъ 1,60 до 2,20 фр.; поденщики—1,40 фр.; женщины—отъ 80 сент., до 1,10 фр., дѣти—отъ 30 до 50 сантимовъ.

На шелковыхъ фабрикахъ въ Ломбардіи рабочая плата простирается для мужчинъ до 1,70 фр., для женщинъ—90 сантимовъ и для дѣтей—50 сантимовъ.

На льняныхъ фабрикахъ мужчины получаютъ 1,50 фр., женщины 45 сент.

Въ Пиемонтѣ рабочая плата нѣсколько выше. Въ этой провинціи платится въ среднемъ кирпичникамъ 2,10 фр., столярамъ—1,75 фр., шляпочникамъ—1,63 фр.; плотникамъ—2,60 фр., малярамъ—3,50 фр., механическимъ слесарямъ—2,80 фр., туринскимъ

¹⁾ Въ Италіи фабриканты берутъ преимущественно на фабрику дѣвочекъ, вмѣсто мальчиковъ, которые, по ихъ словамъ, медленнѣе приучаются къ работамъ. Отсюда происходитъ, что всѣ самыя непріятныя, тяжелыя и индустриальныя работы падаютъ больше чѣмъ на 400,000 дѣвочекъ. Рабочій день въ Италіи въ среднемъ и для дѣтей 15 часовъ; тамъ нѣтъ никакихъ фабричныхъ законовъ.

арсенальнымъ рабочимъ—отъ 15 до 20 сантимовъ въ часъ, ткачамъ—2,25 фр. въ день, рабочимъ на мраморѣ—3 франка, каменщикамъ зимою 1,40—фр., лѣтомъ—2,60 фр., ихъ подмастерьямъ—1,25 фр.

Въ шерстепрядильныхъ: мужчины отъ 1 до 3 фр., женщины отъ 75 сент. до 1,25 фр., дѣти отъ 40 до 75 сент.; на шерстяныхъ ткацкихъ фабрикахъ мужчины и женщины получаютъ на 25 сент. больше ихъ поденной платы на шерстопрядильныхъ. Въ чулочныхъ мануфактурахъ мужчины получаютъ 1,40, женщины 70 сент., дѣти 40 сент. На хлопчатобумажныхъ мануфактурахъ вознагражденіе мужчинъ въ 1,50 фр., женщинъ въ 1 фр. и дѣти въ 40 сент. Эти цифры заимствованы у Гарелли, который заключаетъ свою статистику рабочей платы въ Пьемонтѣ такъ:

«Въ среднемъ мужчины зарабатываютъ 1,90 фр. въ день, женщины 1,20 и дѣти 53 сент. Но теперь мужчина можетъ хорошо жить въ Италіи на 1,25 фр. въ день, женщинѣ нужно меньше, а дѣтяти еще меньше. Ergo, заключаетъ онъ, это показываетъ, что рабочей живетъ въ хорошихъ обстоятельствахъ, и что онъ даже можетъ дѣлать сбереженія».

Посудите сами, какъ жить на 1,25 фр., когда хлѣбъ стоитъ 60 сент. кило, мясо 1 фр. 30 сент., вино 50 сент. литръ, жилище 100 фр. въ годъ (цифры Гарелли) и т. д. и т. д.

Въ шелкопрядильныхъ Венеціи мужчины зарабатываютъ 1,80 фр., женщины 1 фр., дѣти 32 сент. Въ бумажныхъ фабрикахъ: мужчины 1,80 фр., женщины 75 сент., дѣти 40 сент.

Въ неаполитанскихъ провинціяхъ средняя рабочая плата индустриальныхъ рабочихъ: для мужчинъ 1 фр., для женщинъ 50 сент., для дѣтей 25 сент.

Въ Средней Италіи и Сициліи рабочая плата почти не отличается отъ Ломбардской.

Остается еще сказать о подземныхъ работахъ, т. е. преимущественно о сѣрныхъ копяхъ Сициліи и Сардиніи. Официальные источники говорятъ, что поденная плата этихъ рабочихъ мужчинъ равняется 2 фр. 30 сент., дѣтей 50 сент.

Соберемъ теперь всѣ эти безконечныя цифры въ одну таблицу, которую мы заимствуемъ изъ «результатовъ индустриальнаго и земледѣльческаго слѣдствія», въ которомъ принимали участіе больше 200 обществъ самопомощи.

Средняя рабочая плата въ Италіи:

	Ломбардія.	Піемонтъ.	Средняя Италія.	Неаполит. пров.
	Франк.	Франк.	Франк.	Франк.
Сельскіе рабочіе, нанятые на годъ .	0,80	0,95	0,90	0,70
Сельскіе поденщики, находящіеся продолжительное время безъ ра- боты	1,00	1,20	1,10	1,00
Камешники	1,00	1,10	1,15	1,00
Столяры	1,40	1,45	1,42	1,25
Плотники	1,90	2,10	2,00	2,00
Сапожники	1,40	1,45	1,40	1,30
Граверы и рѣзчики	2,70	2,85	2,90	2,50
Портные	1,20	1,25	1,30	1,24
Шляпочники	2,30	2,45	2,35	2,50
Булочники и пирошники	2,25	2,30	2,27	2,15
Механическіе слесари	2,05	2,12	2,10	2,00
Ткачи	1,40	1,45	1,42	1,30
Прядильщики	1,20	1,15	1,20	1,05
Прядильщицы	0,75	0,80	0,80	0,75

Если мы продолжимъ эту таблицу и захотимъ вывести годовичную плату рабочимъ, принимая во вниманіе безработицу, болѣе или менѣе продолжительную, то получимъ:

Сельскіе поденщики	1	вр. съ безработицей въ годъ	290	вр.
Городскіе поденщики	1,50	»	»	385
Ремесленники	2	»	»	580
Городскія работницы	0,90	»	»	261
Сельскія поденщицы	0,80	»	»	232
Дѣти обонхъ половъ	0,45	»	»	145

И за такую-то плату рабочіе должны работать ежедневно отъ 12 до 16 часовъ.

Пиенъ установилъ для рабочаго слѣдующій минимумъ пищи:

Мяса (безъ костей)	400	гр. =	Азотист. вещество 12	гр.,	углеродист. 44	гр.
Благого хлѣба	500	» =	»	5,40	»	150
Жиру	60	» =	»	0,35	»	35
Вина	500	» =	»	0,07	»	20

Итого . . . . . 1,400 гр. = Азотист. вещество 17,79 гр., углеродист. 249 гр.

Если теперь замѣнить 100 грам. хлѣба 300 грам. картофеля, а 200 грам. мяса двумястами грам. хлѣба и двумястами овощей, «устон», № 9 и 10, отд. п.

то количество питательныхъ веществъ не уменьшится, но за то пища будетъ разнообразнѣе. Итакъ:

Мясо (съ костями)	300 грам.	цѣною въ	45 сант.
Хлѣба	600 >	> >	30 >
Масла	60 >	> >	25 >
Вина	1/2 литра	> >	25 >
Картофеля	300 грам.	> >	6 >
Овощей	200 >	> >	9 >

Въ суммѣ 1,40 фр.

На годъ, значить, рабочему одному необходимо только на пропитаніе 511 франковъ:

Присоединимъ теперь къ этому	511 фр.
Расходы на отопленіе и освѣщеніе	60 >
Стирка и поправка белья	40 >
Квартира	100 >
Платье и обувь	60 >
Касса взаимнаго вспоможенія	30 >
Итого	801 фр.

Итальянскіе рабочіе въ среднемъ зарабатываютъ, какъ мы видѣли, половину этой суммы. Не нужно при этомъ забывать, что бюджетъ, который мы представили, имѣетъ силу только для одного человѣка. Если же мы захотимъ принять въ расчетъ семейство, то всѣ прежнія цифры пужно будетъ, по меньшей мѣрѣ, удвоить, и, значить, бюджетъ расходовъ рабочаго будетъ какъ разъ въ 4 раза больше получаемыхъ имъ доходовъ.

Какимъ образомъ незамужнія женщины и вдовы могутъ жить на 90 сантимовъ—это просто непостижимо. Въ семействахъ работаютъ отецъ, мать и дѣти, но даже при этомъ условіи въ семейномъ бюджетѣ ощущается дефицитъ. Мужъ, жена и двое дѣтей зарабатываютъ вмѣстѣ среднимъ числомъ 1,050 франковъ, а ихъ потребности опредѣляются больше чѣмъ въ 1,600 франковъ и ни коимъ образомъ не меньше 1,400.

Въ то время, какъ капиталистическая продукція все глубже и глубже роетъ въ Италиіи нищенскую пропасть, въ которую шагъ за шагомъ падаетъ итальянскій пролетаріатъ, она же, съ другой стороны, и такъ же скоро обостряетъ бѣдствія мыслящаго или вообще интеллигентнаго пролетаріата. Избытокъ интеллигентныхъ силъ особенно замѣтенъ въ Италиіи. Есть тамъ безъ преувеличенія де-

Летки тысячъ молодыхъ и пожилыхъ людей, которые ждуть, не находя какогонибудь занятія на 60 франковъ въ мѣсяць, для того, чтобы гарантировать себѣ не жизнь, а медленную смерть.

И-бранные, т. е. тѣ, которые имѣютъ работу, зарабатываютъ среднимъ числомъ 75 франковъ въ мѣсяць. Изъ 69,000 государственныхъ чиновниковъ 41,000 получаетъ меньше 1,200 въ годъ.

Общинные служащіе получаютъ среднимъ числомъ 70 франковъ въ мѣсяць. Если мы такимъ образомъ примемъ среднюю норму чиновничьяго жалованья въ 85 франковъ въ мѣсяць, т. е. 1,020 франковъ въ годъ, то будемъ имѣть болѣе чѣмъ правдивую норму.

Теперь прикинемъ каковы расходы служащаго въ годъ и будемъ при этомъ держаться самыхъ низкихъ цифръ:

Квартира (въ городѣ)	330	фр.
Хлѣбъ (1½ кило ежедневно)	273,75	»
Овощи, рисъ, соль и т. д. (50 сантим. ежедн.)	182,50	»
Мясо (600 грам. 90 сантим. ежедн.)	329,50	»
Освѣщеніе и отопленіе	120	»
Вино (ежедневно литръ 50 сантим.)	182,50	»
Одежда и мойка бѣлья.	400	»
Разныя друг. необх. мелочи	50	»
<hr/>		
Итого	1,888,25	фр.
Получаесть_омъ	1,020	»
<hr/>		
Недостаесть	868,25	фр.

Таково положеніе счастливыхъ, которые имѣютъ занятія. Какъ они устраниваются неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, состоя на государственной службѣ, есть способы округлять доходы. Но вы поймете, что если состоящіе на государственной службѣ оплачиваются мизерно, то, по крайней мѣрѣ, столь же, если еще не болѣе, мизерна плата на частныхъ службахъ. Притомъ нужно принять во вниманіе огромную массу конкурентовъ, ходящихъ безъ работы и предлагающихъ свой трудъ за неизмѣрно низкую плату.

Какъ было во всѣхъ странахъ, итальянская интеллигенція набросилась сперва на улучшеніе политическихъ формъ, предполагая, что хорошія политическія формы улучшатъ положеніе страны.

Явился рядъ блестящихъ попытокъ къ созданію изъ Италіи сильнаго, конституціонно-политическаго и самостоятельнаго цѣлаго, попытки, начавшихся съ карбонаріевъ, продолжавшихся въ лицѣ

неутомимаго Мацини и кончившихся въ лицѣ Гарибальди. Попытки эти увѣнчались успѣхомъ: создалась единая, сильная, конституціонная Италия. Но мы уже сказали, что даже самыя совершенныя политическія формы ведутъ только къ увеличенію умственно подготовленныхъ людей, которые напрасно ищутъ возможности приложить свои знанія.—Разъ явилась эта неудовлетворенность политическими формами и нежеланіе больше способствовать ихъ совершенствованію, остается единственный путь—путь экономическихъ реформъ.

Лени.

Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни.

(Письма къ читателямъ).

IV.

Разказы г. Вс. Гаршина, издавныя отдѣльнымъ изданіемъ, были уже разобраны разными рецензентами, и всѣ въ одинъ голосъ признали, что г. Гаршинъ обладаетъ выдающимся и очень симпатичнымъ талантомъ. При этомъ были кое-гдѣ заявлены сожалѣнія, что г. Гаршинъ стоитъ на почвѣ мрачнаго гамлетизма, что очень прискорбно и странно для писателя изъ молодого поколѣнія, въ наше мрачное и тяжелое время, когда всѣ силы должны употребляться на борьбу, а отнюдь не на какія-бы то ни было гамлетовскія рефлексіи.

Прискорбно это или не прискорбно, — дѣло личнаго вкуса. Что же касается до того, пристало ли молодому писателю предаваться гамлетовскимъ рефлексіямъ, это вопросъ вовсе не такой легкій, чтобы рѣшить его однимъ почеркомъ пера, и я его не то чтобы рѣшительно отстраняю, но желаю подойти къ нему совсѣмъ съ другой стороны: т. е. не съ той стороны слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть такому странному явленію, а со стороны самого явленія. Какъ бы то ни было, а оно на лицо: молодой писатель, съ выдающимся и симпатичнымъ талантомъ, вмѣсто того, чтобы вдохновлять въ насъ мужество, выступаетъ передъ нами съ цѣлымъ рядомъ гамлетовскихъ сѣтованій на тщету всего земнаго. Что сей сонъ значить? Разъ фактъ существуетъ, онъ конечно имѣетъ свои причи-

ны, вызывавшія его. Конечно, причины могутъ быть какія-нибудь случайныя, исключительныя, лежащія въ частной жизни автора и его натурѣ. Но не говоря уже о воиющемъ содержаніи разсказовъ г. Гарпина,—напередъ, а ргіогі можно заключить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ такими причинами: вѣдь если бы это было такъ, въ такомъ случаѣ г. Гарпинъ представлялъ бы собою явленіе исключительное, стоящее внѣ общаго теченія, и въ такомъ случаѣ онъ не производилъ бы впечатлѣніе таланта симпатичнаго затрагивающаго сердца и волнующаго читателей своихъ. Да и вопросъ еще, существуютъ ли такія единичныя явленія, которыя, вызываясь своими особенными, исключительно имъ принадлежащими причинами, стояли бы особняками внѣ духа времени и среды, какъ какія-нибудь аеролиты, занесенныя изъ другой планеты?

А разъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ хотя бы и не съ всеобщимъ и преобладающимъ въ наше время, но во всякомъ случаѣ выдающимся и принадлежащимъ обширной категоріи, то вопросъ о причинахъ его становится на первомъ планѣ, и лишь по изслѣдованіи этихъ причинъ и по ближайшему знакомству съ самымъ явленіемъ, мы можемъ придти къ заключенію, какое подлежить ему отвести мѣсто въ нашей жизни; и если это явленіе прискорбно, то имѣемъ ли мы возможность отъ него избавиться.

Но прежде всего, позвольте мнѣ вамъ задать такой вопросъ: имѣете ли вы вполнѣ ясное и правильное понятіе о томъ, что такое гамлетизмъ? Понятіе это образовалось въ эпоху полнаго господства метафизики, и я сильно сомнѣваюсь въ томъ, пробовали ли вы это понятіе пересадить съ метафизической почвы на реальную, или оно остается въ вашей головѣ все въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ вы его получили отъ отцовъ и дѣдовъ? Въ метафизическую же эпоху на гамлетизмъ смотрѣли чуть что не какъ на особенную субстанцію, какъ на природный темпераментъ особеннаго рода, предполагая, что люди отъ рожденія являются гамлетами или дошкхотами, совершенно подобно тому, какъ они рождаются блондинами или брюнетами. Но нынѣ достаточно самого элементарнаго знанія фізіологіи и психологіи, чтобы понять всю нелѣпость подобнаго представленія гамлетизма. Достаточно двухъ, трехъ фактовъ историческихъ, двухъ трехъ фактовъ изъ окружающей васъ жизни или личнаго опыта, чтобы понять, что гамлетизмъ есть ни что иное, какъ извѣстное психологическое настроеніе

не, и что, подобно всѣмъ прочимъ психологическимъ настроеніямъ, онъ можетъ быть мимолетнымъ или хроническимъ; можно пожалуй родиться гамлетомъ, но это не значитъ родиться съ какой то неизмѣнной психической субстанціей, а все равно, какъ рождаются золотушными, съ наклонностью къ чахоткѣ, какому-нибудь виду сумашествія и даже къ пьянству. Но этого мало, что гамлетизмъ, какъ извѣстное психическое настроеніе или, пожалуй, если хотите, болѣзнь, есть явленіе преходящее, которому каждый смертный можетъ подвергнуться, можетъ отъ него и избавиться, — происходитъ это настроеніе отъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ комбинацій, и иногда отъ причинъ діаметрально противоположныхъ, вслѣдствіе чего и характеръ каждаго случая гамлетизма является совершенно особенный, специфическій и своеобразный, такъ что подъ словомъ гамлетизмъ разумѣется понятіе крайне сложное. Общаго во всѣхъ сортахъ гамлетизма только и есть, что извѣстное психическое настроеніе со всѣми его симптомами, какъ-то: угнетеннымъ, мрачнымъ настроеніемъ духа, упадкомъ энергій и активности, развитіемъ скептическаго и пессимистическаго взгляда сначала на свою собственную особу, а потомъ и на весь людской родъ, а въ концѣ концовъ наклонность къ помѣшательству, пьянству или самоубійству. Но ведутъ къ этому болѣзненному состоянію духа тысячи путей самыхъ разнородныхъ, и достаточно перечислить нѣсколько изъ нихъ, наиболѣе существенныхъ, чтобы убѣдиться, отъ какихъ иногда совершенно противоположныхъ причинъ происходитъ гамлетизмъ.

Представьте себѣ, что масса образованныхъ, передовыхъ людей, а за ними и все общество, въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, стремилось къ прекрасной и благой, намѣченной впереди цѣли. Много было принесено страшныхъ жертвъ, пролиты моря крови, чтобы достигнуть этой цѣли. Нѣсколько разъ казалось уже, что цѣль близка, почти въ рукахъ. Но въ концѣ концовъ она оказалась вдругъ также далека, какъ была въ началѣ. Массы охладѣли къ тщетнымъ усиліямъ, устали, махнули на все руками и предались безиробудной спячкѣ. Но среди этихъ массъ осталось нѣсколько неутомимыхъ борцовъ, неусыпныхъ стражей среди общаго сна, которые нивакъ не могутъ упустить изъ вида все ту же благоую цѣль. Они продолжаютъ рваться къ ней, продолжаютъ будить окружающихъ и взывать къ нимъ. Но тщетны всѣ ихъ старанія разбудить

кого-либо. Въмѣсто сочувствія они встрѣчаютъ одинъ ропотъ недовольства, какъ безпокойные люди, мѣщающіе спать, ихъ начинаютъ гнать и всячески преслѣдовать. Видя что ничего не беретъ и что безсильны они снова вдохнуть въ общество прежнюю энергію, бодрствующіе борцы сами опускаютъ руки, энергія ихъ наконецъ гаснетъ, они впадаютъ въ мрачное разочарованіе, въ нихъ начинаетъ развиваться скептическое настроеніе по отношенію и къ окружающимъ людямъ, и къ самимъ себѣ,—однимъ словомъ изъ нихъ дѣлаются Гамлеты. Въ такого рода гамлетизмъ впадали идеалисты начала нынѣшняго столѣтія, выразителемъ которыхъ послужилъ лордъ Байронъ.

Но можетъ случиться и такъ, что опять таки нѣсколько передовыхъ людей увлекутся цѣлью вовсе не какою-нибудь утопическою, вѣковой, а напротивъ того самою простою и элементарною, и къ тому же такою, которая давно уже осуществлена болѣе зрѣлыми обществами и это осуществленіе успѣло принести несомнѣнно прекрасные плоды; но, къ сожалѣнію, среда до такой степени невежественна, что не въ состояніи возвыситься до пониманія даже и этой простой и элементарной цѣли, и немногіе люди сознавшіе ее, являются отдѣльными свѣтлыми точками, теряющимися въ глухомъ и непробудномъ мракѣ. Такъ этихъ людей еще мало и такъ они разрозненны, что освѣтитить имъ этотъ мракъ каждый своимъ отдѣльнымъ свѣточемъ, пѣтъ никакой возможности,—и вотъ является сознаніе одиночества, безсилія, лишности, ненужности, а затѣмъ опять таки скептицизмъ личный и общій,—и пошла писать губернія. Нужно ли и прибавлять, что такого рода гамлетизмъ, въ общій развивался въ 40-ныя годы на почвѣ нашей російской жизни.

А вотъ и третій случай гамлетизма: человекъ стремится къ цѣли, въ сознаніи его вполне осуществимой; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что у него нѣтъ ни малѣйшихъ силъ для осуществленія, чувствуетъ себя полнымъ банкротомъ. Но въ то же время онъ настолько субъективенъ, (опять таки вслѣдствіе слабости своихъ психическихъ силъ), что онъ не въ состояніи сознать, что это банкротство лишь его личное качество или можетъ быть двухъ трехъ подобныхъ ему субъектовъ: ему представляется, что вся среда, все современное поколѣніе, племя и чуть что не все человѣчество раздѣляетъ съ нимъ это банкротство;—и въ результатъ развивается гамлетизмъ опять таки своего особеннаго рода, гамлетизмъ совре-

менихъ намъ героевъ въ родѣ ни «Павы ни Вороны» г. Новодворскаго (см. мое предыдущее письмо).

Въ четвертыхъ совершенно наоборотъ, гамлетизмъ можетъ развиться при обиліи психическихъ силъ вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было цѣли, къ достиженію которой силы эти могли бы быть приложены. Таковъ гамлетизмъ Печорина. Въ пятыхъ, независимо отъ количества силъ гамлетизмъ можетъ развиться, когда человѣка преслѣдуютъ двѣ цѣли, одинаково неизбежныя, но въ тоже время совершенно противоположныя, исключая другъ друга и поэтому парализующія энергію человѣка. Таковъ гамлетизмъ шекспировскаго Гамлета. Въ шестыхъ гамлетизмъ развивается очень часто въ высшихъ слояхъ общества, какъ истощеніе психическихъ силъ вслѣдствіе пресыщенія земными благами; человѣкъ, въ такомъ случаѣ, приходитъ къ убѣжденію, что все на свѣтѣ суета суетъ и всяческая суета, потому что онъ все испыталъ, всемъ наслаждался и пришелъ къ заключенію, что все это выѣденнаго янда не стоитъ. Наконецъ, въ седьмыхъ, опять таки совершенно на оборотъ—особеннаго рода гамлетизмъ развивается на чердакахъ и въ подвалахъ отъ истощенія психическихъ силъ вслѣдствіемъ голода.

Вотъ сколько видовъ гамлетизма мы насчитали, цѣлыхъ семь; а мы далеко не исчерпали всѣхъ ихъ, взяли только первые попавшіеся подъ руку, но если порыться въ исторіи, въ художественныхъ произведеніяхъ, въ жизни, можно очень легко насчитать и семью семь, и все-таки не дойти до конца счета, потому что жизнь въ своихъ комбинаціяхъ безконечна; каждый же диссонансъ ея, все, что насъ давитъ, терзаетъ, мучаетъ,—все это можетъ привести насъ къ гамлетизму, разъ мы поколебались духомъ въ борьбѣ, обезсилили, или какимъ-нибудь путемъ потеряли въ нашихъ глазахъ самый смыслъ борьбы.

Въ виду всего этого сказать, что такой то писатель имѣетъ склонность къ гамлетизму, еще не значитъ опредѣлить его. Слѣдуетъ показать, какой характеръ имѣетъ гамлетизмъ и въ какомъ отношеніи находится онъ къ своему вѣку. Вотъ объ этомъ то мы и потолкуемъ по отношенію къ г. Гаршину.

Выше я уже замѣтилъ, что гамлетизмъ шекспировскаго Гамлета заключается въ томъ, что человѣка преслѣдуютъ разомъ двѣ противоположныя цѣли, которыя тянутъ его каждая въ свою сторону

и тѣмъ самымъ парализуютъ его энергію. Подобнаго рода гамлетизмъ особенно сильно развивается въ переходные періоды, на рубежѣ двухъ эпохъ, когда старыя идеалы, понятія и предразсудки всякаго рода мало того, что не успѣли еще вполне утратить своего обаянія, но покоясь на старыхъ порядкахъ, продолжаютъ еще быть обязательными, какъ основной нравственный долгъ чело-вѣка и гражданина; а между тѣмъ явились уже новыя идеалы, которые раскрываютъ передъ чело-вѣкомъ всю несостоятельность старыхъ и влекутъ его совершенно въ противоположную сторону. Такимъ именно и является шекспировскій Гамлетъ. Онъ вполне олицетворяетъ въ своемъ лицѣ героя эпохи *renaissance*, когда средне-вѣковой мракъ едва успѣлъ разсѣяться, а солнце новой цивилизаціи едва озаряло европейскій горизонтъ пурпуромъ восхода. Воспитанникъ Виттембергскаго университета, философъ, Гамлетъ успѣлъ уже приобщиться новаго духа гуманности. Характеръ его смягчился, утратилъ феодальную суровость; кровь ему начала претить, и онъ не въ состояніи уже былъ проливать ее съ такимъ равнодушіемъ, какъ Лаертъ, этотъ чело-вѣкъ вполне вѣрный всѣмъ преданіямъ старины, не тронутый и потому въ своемъ родѣ цѣль-ный. Гамлетъ былъ бы вполне на своемъ мѣстѣ въ качествѣ рас-пространителя просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, въ обществѣ та-кихъ же, какъ онъ философъ, въ роли гуманнаго покровителя художниковъ и ученыхъ. Судьба же его повлекла вдругъ совсѣмъ въ другую сторону, бросила въ грубую, полудикую среду и поста-вила лицомъ къ лицу съ звѣрскимъ преступленіемъ, противъ ко-торого возмутилась вся его природа. Средне-вѣковая традиція личной кровавой мести обязывала его за кровь платить кровью же; онъ оставался вѣренъ этой традиціи, но мечъ колебался въ его рукахъ, привыкшихъ держать книги, и онъ не въ состояніи уже былъ от-даться жаждѣ мести съ такою же беззавѣтностью, съ какою отдался ей Лаертъ. Оттуда и произошли всѣ колебанія, отсрочки, реф-лексіи и пр.

Буквально въ такомъ же положеніи мы видимъ героевъ перваго и третьяго рассказовъ г. Гаршина. Разказы эти «Четыре дня» и «Трусъ» были написаны очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣдней войны. Въ послѣдней же войнѣ была такая особенность, которую мы почти не встрѣчаемъ во всѣхъ предъидущихъ нашихъ войнахъ. Въ прежнія времена наши войска состояли изъ массы

рядовыхъ, по большой части безграмотныхъ и темныхъ, которые правда насильственно отрывались отъ родины, семьи и плуга, но разъ этотъ болѣзненный процессъ выносился новобранцемъ, онъ потомъ вполне входилъ въ роль солдата и смотрѣлъ на войну, какъ на свою священную обязанность безъ разсужденій и какихъ-либо сомнѣній. Интеллигентная же часть войска (исключая рѣдкихъ случаевъ насильственной отдачи въ солдаты въ видѣ административной кары) состояла почти вся изъ добровольцевъ, смотрѣвшихъ на войну, какъ на свое единственное призваніе и притомъ считавшихъ это призваніе выше всѣхъ прочихъ государственныхъ и общественныхъ функцій. Все войско, такимъ образомъ, состояло изъ ревностныхъ поклонниковъ Марса, которые скучали во время мира и только на войнѣ чувствовали себя въ своей сферѣ, не только отправляли казенную службу, но священнодѣйствовали. Введеніе же всеобщей воинской повинности внесло въ ряды нашей арміи совершенно новый и до сихъ поръ невѣдомый элементъ—новобранцевъ, отрываемыхъ не отъ одного плуга, перстака, выручки и т. п.,—но и отъ книги. Представьте себѣ юношу, который въ 20 лѣтъ своей только что разсвѣтающей жизни успѣлъ уже выработать дорогое призваніе, полюбилъ какую нибудь науку или искусство или увлекся какою нибудь высокою цѣлью общественнаго характера, которая сдѣлалась для него дороже жизни. И вдругъ роковымъ, неизбѣжнымъ путемъ онъ долженъ все это бросить и обратиться въ пушечное мясо, отданное въ полное, безпрекословное распоряженіе людей, которыхъ онъ считаетъ ниже себя по образованію. Прибавьте еще къ этому рядъ гуманныхъ идей и всевозможныхъ философскихъ взглядовъ, которые съ одной стороны заставляютъ его содрогаться при одной мысли, что ему придется убивать ближнихъ, такихъ же несчастныхъ людей, какъ и онъ, къ которымъ онъ не питаетъ ни жалѣйшей злобы и съ которыми готовъ былъ бы обняться побратски, встрѣтясь съ ними не на полѣ брани; съ другой же стороны—онъ скептически смотритъ на самую цѣлесообразность войны—для рѣшенія какихъ бы то ни было вопросовъ. Чтожъ ему въ такомъ случаѣ остается дѣлать? Употребить, какія нибудь окольные лазѣйки, чтобы избавиться отъ военной повинности? Но тысячи соображеній заставляютъ его смотрѣть на этотъ шагъ, какъ на крайне неблагоприятный. Онъ видитъ во всеобщей военной повинности, круговую обязанность

асѣхъ и каждаго защищать родину, и уклоненіе отъ этой обязанности, во всякомъ случаѣ, принимаетъ видъ эгонистическаго слабодушія, выстулненія на почву привилегированнаго положенія и измѣны демократическому знамени. Въ то же время онъ не сознаетъ еще себя на столько полезнымъ родинѣ на излюбленномъ поприщѣ, чтобы ради этой пользы съ спокойною совѣстью предоставить свой рекрутскій жребій другому несчастливцу, можетъ быть въ тысячу разъ болѣе полезному члену общества или своей семьи. Наконецъ, въ немъ продолжаетъ сидѣть и традиціонный предразсудокъ: какъ ни скептически смотритъ онъ на служеніе Марсу, однакожь основную добродѣтель, предписываемую этимъ культомъ, храбрость, онъ считаетъ однимъ изъ обязательныхъ достоинствъ своей особы и боится какъ бы уклоненіе его отъ воинской повинности не было бы принято окружающими его людьми, и въ особенности, конечно, прекраснымъ поломъ, за трусость. И вотъ въ то время, какъ всѣ симпатіи, всѣ влеченія и убѣжденія влекутъ юношу въ одну сторону,—судьба тащитъ совсѣмъ въ противоположную,—и онъ вноситъ въ ряды войскъ новый, неслыханный тамъ элементъ гамлетовскихъ рефлексій. Изъ него могъ бы выработаться вполне Донъ-Кихоть, если бы жизнь его сложилась иначе и онъ былъ бы въ состояніи весь отдаться служенію своей идеи,—теперь же онъ истый Гамлетъ, и любой прапорщикъ съ птичьими мозгами является передъ нимъ самымъ безукоризненнымъ Лаэртомъ. Нужно ли говорить о томъ, что подобныхъ юношей въ нашихъ полкахъ въ настоящее время не десятки, а можетъ быть тысячи, и г. Гаршинъ изобразившій передъ нами подобныхъ героевъ, вывелъ на сцену отнюдь не какое нибудь исключительное явленіе, а такое, которое съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе зауряднымъ.

Впрочемъ, между героями двухъ вышеупомянутыхъ рассказовъ есть нѣкоторая разница. Герой «Четырехъ дней», когда шелъ на войну, хотя по своему общему развитію и былъ уже готовъ превратиться въ Гамлета, но въ немъ все еще преобладали Лаэртъ завѣтовъ временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма. Онъ шелъ на войну не по одному велѣнію рока, а сознательно и добровольно, увлеченный идеею. Онъ не понималъ даже, въ силу чего окружавшіе его люди смѣялись надъ его военнымъ задоромъ и называли его «юродивымъ». «Когда я затѣялъ идти драться, говоритъ онъ: мать и Маша не отговаривали меня, хотя и плакали надо

мною. Ослѣпленный идеси, я не видѣлъ этихъ слезъ. Я не понималъ (теперь я понялъ), что я дѣлалъ съ близкими мнѣ существами. Да вспоминать ли? Прошлаго не воротить. А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ. «Ну, продивный! Изъетъ, самъ не зная чего!» Какъ могли они говорить это? Какъ выжутся такія слова съ ихъ представленіями о гѣройствѣ, любви къ родинѣ и прочихъ такихъ вещахъ? Вѣдь въ ихъ глазахъ я представлялъ всѣ эти доблести. И тѣмъ не менѣе, я—продивный».

Но до чего не успѣлъ онъ додуматься въ мирныя времена, онъ постигъ это путемъ самого опыта военныхъ дѣйствій. Вотъ онъ лежитъ передъ вами гдѣ то въ кустахъ, раненный, забытый, рядомъ съ трупомъ турка, котораго онъ передъ тѣмъ убилъ, и тутъ, среди мукъ пестеримой боли отъ ранъ, пожирающей жажды и отчаянья, его начинаютъ преслѣдовать цѣлый рядъ скептическихъ рефлексій:

«Передо мною, говоритъ онъ: лежитъ убитый мною человѣкъ. За что я его убилъ? Онъ лежитъ здѣсь, мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекой сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ся работникъ и кормилецъ. А я? И я также... Я бы даже помѣнялся съ нимъ. Какъ онъ счастливъ: онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ ранъ, ни смертельной тоски, ни жажды. Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь. Это сдѣлалъ—я. Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ. Ну, и что же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ, (на немъ египетскій мундиръ)—онъ виновать еще меньше. Прежде, чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли идти, онъ и пошелъ. Если бы онъ не пошелъ, его стали бы бить палками, а то, быть можетъ, какойнибудь наша всадилъ бы въ него пулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула

до Рушук. Мы напали, онъ защищался. Но видя, что мы, страшные люди, не боимся его патентованной англійской винтовки Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькій человекъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего черного кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце. Чѣмъ же онъ виновать? И чѣмъ виновать я, хотя я и убилъ его? Чѣмъ я виновать? За что меня мучаетъ жажда?

«Я не могу не думать о немъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ: неужели я бросилъ все милое, дорогое, шелъ сюда тысячеверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучался отъ зноя; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мукахъ ради того, чтобы этотъ несчастный пересталъ жить? А вѣдь развѣ я сдѣлалъ чтонибудь полезное для военныхъ цѣлей, кромѣ этого убійства? Убійство, убійца... И кто же? Я!..»

Здѣсь гамлетизмъ представляется только что народившимся. Это первые проблески скептицизма; всѣ вышенприведенныя мысли являются передъ нами не столько мыслями, сколько ощущеніями, и нужно было герою испытать то фантастически страшное положеніе, въ какомъ онъ находился, брошенный на потѣ битвы, рядомъ съ гниющимъ трупомъ, и мучаясь чуть что не муками агоніи, — чтобы онъ постигъ весь ужасъ и всю тщету человѣческой бойни, называемой войною. Совершенно не то представляетъ герой «Труса».

Еще ранѣе, чѣмъ его взяли въ ополченіе, онъ уже является передъ нами вполне сформировавшимся Гамлетомъ. Извѣстія съ поля войны производятъ на него потрясающее впечатлѣніе. «Нервы, спрашиваетъ онъ себя, что-ли у меня такъ устроены, только военныя телеграммы, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ, производятъ на меня дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ. Другой спокойно читаетъ: «потери наши незначительны, ранены такіе то офицеры, нижнихъ чиновъ убито 50, ранено 100, и еще радуется, что мало, а у меня при чтеніи такого извѣстія тотчасъ появляется передъ глазами цѣлая кровавая картина. Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ — это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстія о какомънибудь убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человекъ? Отчего видъ пронизанныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ

внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на тилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію, а на авашпостныхъ дѣла, съ «незначительными» потерями, тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, никто не обращаетъ вниманія?»

Отъ подобныхъ общихъ соображеній, онъ переходитъ къ своей личности. «Куда же дѣнется твое «я»? спрашивалъ онъ: мы всѣмъ существомъ протестуемъ противъ войны, а все-таки война заставить тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать. Да нѣтъ, это невозможно! Я, смиренный, добродушный, молодой человѣкъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги, да аудиторію, да семью и еще нѣсколько близкихъ людей, думавшій черезъ годъ-два начать иную работу, трудъ любви и правды; я, наконецъ, привыкшій смотреть на міръ объективно, привыкшій ставить его передъ собою, думавшій, что всюду я познаю въ немъ зло и тѣмъ самымъ избегаю этого зла—я вижу все мое зданіе спокойствія разрушеннымъ, а самого себя напяливающимъ на плечи то самое рубище, дыры и пятна котораго я сейчасъ только разсматривалъ. И никакое развитіе, никакое познаніе себя и міра, никакая духовная свобода не дадутъ мнѣ жалкой физической свободы располагать своимъ тѣломъ».

Далѣе затѣмъ приходятъ ему вдругъ въ голову, сомнѣнія въ своей храбрости. «Быть можетъ, думаетъ онъ: всѣ мои возмущенія противъ того, что всѣ считаютъ великимъ дѣломъ, исходятъ изъ страха за собственную кожу? Стоитъ ли, дѣйствительно заботиться объ какой нибудь одной, неважной жизни, въ виду великаго дѣла! И въ силахъ ли я подвергнуть свою жизнь опасности вообще ради какого нибудь дѣла?» Но герой началъ припоминать всю свою жизнь, всѣ тѣ случаи—правда, не многіе—въ которыхъ ему приходилось стоять лицомъ къ лицу съ опасностью, и не могъ обвинить себя въ трусости. «Тогда, говоритъ онъ: я не боялся за свою жизнь и теперь не боюсь за нее. Стало быть, не смерть пугаетъ меня».

Но уклониться отъ предстоящей участи, воспользовавшись кое какими вліятельными знакомствами и остаться въ Петербургѣ, состоя въ тоже время на службѣ, герой не былъ въ состояніи, его претило прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, а во вторыхъ, что-то не подчиняющееся опредѣленію, сидѣло у него внутри, обсуждало

его положеніе и запрещало ему уклоняться отъ войны. «Не хорошо», говорилъ ему внутренній голосъ.

Этотъ внутренній голосъ потомъ ясно сформулировался передъ нимъ устами одной знакомой барышни, Марьи Петровны: «Они (т. е. другіе) сказала она: тоже не пошли бы, еслибы могли, но они не могутъ, а вы можете... Они идутъ воевать, а вы останетесь въ Петербургѣ живой, здоровый, счастливый, только потому, что у васъ есть знакомые, которые пожалеютъ послать знакомаго человека на войну. Я не беру на себя рѣшить, можетъ быть, это и извинительно, но мнѣ не нравится, нѣтъ».

И онъ пошелъ, своего рода «невольникъ чести», умирать подъ непріятельскими пулями безъ малѣйшаго энтузіазма и съ полнымъ отвращеніемъ къ дѣлу ненавистной ему войны.

Велика или мала доля подобнаго рода гамлетизма въ нашей жизни (кто ее можетъ измѣрить?), но можно навѣрно сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такого рода гамлетизмомъ, который представляетъ отнюдь не мимолетное явленіе, а напротивъ того явленіе это должно съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрастаться. Съ каждымъ новымъ лучемъ свѣта знаній, съ каждою молодою силою, увлекаемою въ потокъ теченія передовыхъ идей, съ каждою мало-мальски искреннею и успѣшною попыткою распространить просвѣщеніе въ массы, число подобнаго рода Гамлетовъ должно возрастать въ геометрической прогрессіи. Къ какимъ бы горячимъ званіямъ ни прибѣгали шовинисты, когда бываетъ на ихъ улицѣ праздникъ, какія бы великія и передовыя идеи ни выставляли они на знаменахъ войны, можно положительно сказать, что съ появленіемъ перваго Гамлета на ихъ улицѣ—дѣло ихъ рѣшительно проиграно въ будущемъ. Я не отрицаю, что много еще можетъ встрѣтаться такихъ моментовъ въ исторіи, въ которыя идеальныя, патріотическія или какія нибудь иныя массовыя увлеченія будутъ настолько сильны, что самые сознательные Гамлеты забудутъ всѣ свои рефлексіи и на время подѣлаются самыми повидимому беззавѣтными Лаэртами, но что подобные моменты будутъ встрѣчаться все рѣже, и рѣже, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Самый этотъ укоренившійся въ нынѣшнемъ столѣтіи обычай придавать войнамъ не-премѣнно какую нибудь либеральную, освободительную цѣль, которая привлекла бы людей, вдохновляла бы ихъ и оправдывала всѣ отвратительныя ужасы войны, свидѣтельствуетъ о томъ, что

чистый военный задоръ все болѣе и болѣе изъясняетъ въ массахъ, и все менѣе становится такихъ мѣдлолюбыхъ Лазртовъ, для которыхъ въ кровавомъ боѣ, все равно изъ за чего бы то ни было, заключается единственное наслажденіе—колотъ, рубить, крошить.

Съ поля войны г. Гаршинъ ведетъ насъ въ художественныя студіи, въ своемъ разсказѣ «Художники», но и здѣсь мы находимъ такое же развитіе гамлетизма, отвлекающаго самыхъ талантливыхъ художниковъ отъ искусства, совершенно подобно тому, какъ вполне мужественные люди получаютъ отвращеніе отъ войны.—Дѣдовъ и Рябининъ,—это тѣ же Лазръ и Гамлетъ. Дѣдовъ въ своемъ родѣ цѣльный человѣкъ; онъ несъ до мозга костей преданъ своему искусству, и кромѣ того въ самомъ искусствѣ исключительно пейзажной живописи; внѣ этого копыка ничего для него не существуетъ, онъ живетъ и дышетъ восходами, заходами, лѣсными просѣками, ивами надъ прудами и т. п. Онъ понять не въ силахъ, какъ это можно сомнѣваться и задавать себѣ какіе бы то ни было вопросы относительно значенія и цѣлей искусства. Для него искусство само въ себѣ и само по себѣ составляетъ цѣлый міръ, въ которомъ заключены свои начало и конецъ, исходъ и цѣль. Этому служенію чистому-искусству способствуетъ во многомъ отношеніи то обстоятельство, что Дѣдовъ человѣкъ обеспеченный, получившій наслѣдство отъ тетки; дѣло извѣстное, что подобнаго рода чистое искусство всегда родилось и рождается на почвѣ паразитизма, и въ этомъ отношеніи г. Гаршинъ вполне вѣрно опредѣлилъ ему мѣсто. Не менѣе вѣрно постигъ авторъ и тотъ фактъ, что Дѣдови непременно должны быть Сальери, т. е. люди съ крайне ограниченными талантами и достигающими чего нибудь въ искусствѣ лишь потомъ усидчиваго труда. Дѣдовъ такимъ образомъ не только Лазръ, но и Сальери: и это нисколько не исключаетъ одного и другого и вполне совмѣстно: Лазръ, какъ человѣкъ слѣпо и безъ разсужденій преданный своему традиціонному дѣлу, въ свою очередь блеститъ передъ нами во всей красѣ своего узколобья. И въ самомъ дѣлѣ: Дѣдовъ относится къ своему товарищу Рябинину совершенно, какъ и Сальери къ Моцарту въ драмѣ Пушкина. «Чертовски, говоритъ онъ: талантливая «устон», №№ 9 и 10, отд. II.

натура, но за то лѣнтяй ужасный! — И Сальери почти тѣмъ же словами сѣтуетъ, что «геній озаряетъ голову безумца, гуляки празднаго». Но Дѣдовъ не завидуетъ Рябинину, во первыхъ, такъ какъ у него другой жанръ въ искусствѣ и онъ избавленъ отъ соперничества съ нимъ, а главное дѣло, Дѣдовъ не знаетъ никакихъ рефлексій, не понимаетъ даже возможности ихъ, считаетъ себя поэтому недосыгаемо выше Рябинина и ликуетъ въ самодовольствѣ.

Рябининъ же весь изъѣденъ рефлексіями. Для него мало искусства въ самомъ себѣ, онъ безпрестанно спрашиваетъ себя, какое значеніе имѣетъ оно въ жизни и имѣетъ ли какое нибудь значеніе:

«Когда я хожу по выставкѣ, говоритъ онъ, и смотрю на картины, что я вижу въ нихъ? Холстъ, на который накапаны краски, расположенныя такимъ образомъ, что они образуютъ впечатлѣнія, подобныя впечатлѣніямъ отъ различныхъ предметовъ. Люди ходятъ и удивляются: какъ это онѣ, краски, такъ хитро расположены! И больше ничего. Написаны цѣлыя книги, цѣлыя горы книгъ объ этомъ предметѣ; много изъ нихъ я читалъ. Но изъ Тэповъ, Карьеровъ, Куглеровъ и всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, до Прудона включительно, не явствуетъ ничего. Они все толкуютъ о томъ, какое значеніе имѣетъ искусство, а въ моей головѣ, при чтеніи ихъ, непремѣнно шевелится мысль: если оно имѣетъ его. Я не видѣлъ хорошаго вліянія картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть? Зачѣмъ вѣрить? Вѣрить то мнѣ нужно, необходимо нужно, но какъ повѣрить? Какъ убѣдиться въ томъ, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему нибудь иному, возбужденію скверныхъ инстинктовъ, напримѣръ) и тщеславію какого нибудь разбогатѣвшаго желудка на ногахъ, который не спѣша подойдетъ къ моей пережитой, выстраданной, дорогой картинѣ, писанной не кистью и красками, а первами и кровью, пробурчить: «мм... ничего себѣ», сунетъ руку въ оттопырившійся карманъ, броситъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей и унесетъ ее отъ меня. Унесетъ вмѣстѣ съ волненіемъ, съ бессонными ночами, съ огорченіями и радостями, съ обольщеніями и разочарованіями. И снова ходишь одинокій среди толпы. Машинально рисуетъ на-

турника вечеромъ. машинально пишешь его утромъ, возбуждая удивленіе профессоровъ и товарищей быстрыми успѣхами. Зачѣмъ хѣлаешь все это, куда идешь?»

Откуда же являются подобнаго рода рефлексіи, гдѣ рождаются эти тревожные вопросы, нарушающіе творчество художника и возмущающіе весь его внутренній міръ? А все это происходитъ изъ той причины, что истинные художественные таланты, въ родѣ Рябинина.—люди съ крайне чуткими впечатлительными нервами, и какъ бы они ни старались устраниваться отъ жизни,—жизнь со всѣми своими ужасами, всѣми своими гадостями и грязью—непрестанно волнуется ихъ, бѣситъ, терзаетъ, вызываетъ ихъ на страшный бой. Нужно имѣть желѣзные, лаэртоскіе нервы Дѣдова, чтобы смотрѣть и не видѣть, слышать и не содрогаться, и при видѣ возмущающихъ зрѣлищъ ни о чемъ не думать, какъ лишь о красотѣ тоновъ неба, раскинувшихся надъ людскими безобразіями. Рябининъ этого не можетъ, и вотъ въ немъ происходитъ мучительное, опять-таки чисто гамлетовское раздвоеніе: жизнь тянетъ его въ одну сторону, искусство—въ другую. Онъ пытается помирить этотъ разладъ, посвятивши искусство жизни, писать картину, на которой изображаетъ весь испытанный имъ ужасъ при видѣ адской каторги рабочаго-котельщика, собственною грудью поддерживающаго на днѣ котла страшные удары молотомъ при утвержденіи заклепокъ. Картина выходитъ поразительная по своему страшному впечатлѣнію. Но ожидаемаго примиренія все-таки она художнику не приноситъ. Онъ представляетъ себѣ свою картину на выставкѣ. «Нельзя сказать, думаетъ онъ, чтобы на нее не смотрѣли; будутъ смотрѣть и даже хвалить. Художники начнутъ разбирать рисунокъ, рецензенты, прислушиваясь къ нимъ, будутъ чиркать карандашиками въ своихъ записныхъ книжкахъ. Публика... публика проходитъ мимо безстрастно или съ непріятной гримасой; дамы—тѣ только скажутъ: «ah, comme il est laid! «глухарь», и поплывутъ къ слѣдующей картинѣ, къ «дѣвочкѣ съ кошкой», смотря на которую, скажутъ: «очень, очень мило», или чтонибудь подобное. Солидные господа съ бычачьими глазами поглазбуютъ, потунятъ взоры въ каталогъ, испустятъ не то мычанье, не то сопѣнье и благополучно прослѣдуютъ далѣе. И развѣ только какойнибудь юноша или молодая дѣвушка остановятся со вниманіемъ и прочтутъ въ измученныхъ

глазахъ, страдальчески смотрящихъ съ полотна, вопль, вложенный мною въ нихъ... Ну а дальше? Картина выставлена, куплена, увезена. Что же будетъ со мною? То, что я пережилъ въ послѣдніе дни, погибнетъ ли безслѣдно? Кончится ли все только однимъ волненіемъ, послѣ котораго наступитъ отдыхъ съ исканіемъ невинныхъ сюжетовъ?...» и т. д.

А дальше будетъ то, что какое-бы вопиющее содержаніе ни заключала въ себѣ картина Рябинина, все равно неизбежная участь ея затеряться въ покояхъ какого-нибудь Саламатова или Утроинина, гдѣ она будетъ играть совершенно такую-же роль эфемерныхъ украшеній праздной роскоши, какъ и стоящіе тутъ-же возлѣ нея бронзовые канделябры. Чтобы выйти изъ этого ада сомнѣній, Рябинину остается одно: бѣжать отъ искусства, не смотря на всю свою любовь къ нему и могущественный талантъ, и онъ кончаетъ тѣмъ, что отдается непосредственному дѣлу борьбы съ безобразіями жизни.

И опять таки мы имѣемъ здѣсь дѣло отнюдь не съ какимъ-нибудь исключительнымъ и необыкновеннымъ явленіемъ жизни. Гамлетовъ-Рябининовыхъ нисколько не менѣе, если не болѣе, чѣмъ и Гамлетовъ-Трусовъ. Что во всѣхъ отрасляхъ искусствъ заключается нынѣ преобладаніе труженической и ремесленной посредственности дѣдовскаго пошиба и отсутствіе сильныхъ и гениальныхъ талантовъ, это сдѣлалось ходячимъ триумфомъ. Не разъ въ прессѣ было заявляемо, что это зависитъ по всей вѣроятности отъ того, что слишкомъ назойливыя тревоги жизни нашей смутной эпохи отпугиваютъ наиболѣе талантливую и чуткія натуры отъ мирныхъ занятій съ музами и втягиваютъ ихъ въ свои мрачныя пучины. И это совершенная правда. Искусству такимъ образомъ угрожаетъ печальная участь, мало по малу, и незамѣтно обратится въ мертвое ремесло въ угоду тщеславной роскоши, и къ этому могутъ привести его не какія-либо эстетическія теоріи, а сама жизнь своимъ неизбежнымъ теченіемъ. Многія отрасли искусства успѣли уже достигнуть такой печальной окаменѣлости; таковы, напримеръ, валяніе и скульптура, ихъ ющія нынѣ значеніе скорѣе шаблонной промышленности, чѣмъ художественнаго творчества, въ заставѣ котораго нѣкогда такіе гении, какъ Бенвенуто Челлини, вкладывали всю душу въ украшеніе какого-нибудь золотого кубка.

Близко можетъ быть и такое время, когда чудеса кисти Айвазовскаго или Куинджи будутъ производиться паровыми машинами подъ управленіемъ законченныхъ механиковъ и кочегаровъ, органы у Палкина въ своемъ симфоническомъ творчествѣ заткнуть за поясъ не только Вагнера, но и самаго г. Кюи. А беллетристика... она и теперь уже принимаетъ зачастую характеръ фабрично коллективнаго производства. И вотъ, когда все это окончательно сформируется такимъ образомъ, тогда только Рибинныхъ-Гамлетовъ болѣе не будетъ, а останутся одни Пазрты-Тѣдовы, совершенно подобно тому, какъ и въ настоящее время на свекло-сахарномъ заводѣ можно задумываться насчетъ заработной платы, насчетъ дурнаго воздуха фабрики, но, конечно, ни одному рабочему не придетъ въ голову пуститься въ рефлексіи о тщетѣ самаго производства сахара.

Совершенно иного рода гамлетизмъ представляетъ собою герой разсказа «Ночь». Въ разсказѣ этомъ авторъ, къ сожалѣнію, не выяснилъ, со всѣми подробностями, что именно привело героя его къ самоубійству; онъ представилъ намъ одинъ только моментъ самой попытки раздѣлаться съ жизнью. Но по тѣмъ мыслямъ, какія бродятъ въ героѣ въ этотъ страшный моментъ, мы можемъ судить съ достаточнымъ основаніемъ, что за типъ мы имѣемъ передъ собою. Здѣсь очевидно передъ нами рисуется опять все тотъ же слабодушный и выродившійся потомокъ Ренетилловыхъ-Чулкатуриныхъ, котораго мы видѣли въ разсказахъ Новодворскаго или у г. Гл. Успенскаго въ его Михаилѣ Михайловичѣ. Высокомѣріе, тщеславіе и черствый барскій эгоизмъ подъ личиною высокихъ цѣлей и громкихъ фразъ,—таковы, какъ мы видѣли, существенныя качества этого типа. Гамлетизмъ является здѣсь въ видѣ мрачнаго сознанія своей жалкой несостоятельности. Жизнь подноситъ человѣку цѣлый рядъ горькихъ опытовъ и разочарованій, вслѣдствіи которыхъ онъ трезвѣетъ отъ всѣхъ своихъ самообольщеній, и, вмѣсто величественнаго полубога, видитъ въ себѣ ничтожнѣйшаго, пресмыкающагося червя и къ тому же обманщика, шулера.

«Въ прошломъ нѣтъ опоры, говоритъ онъ себѣ, потому что все ложь, все обманъ. И лгалъ, и обманывалъ я самъ и самаго себя.

не оглядываясь. Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачемъ, рассказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то «тамъ», «не получены», но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво. Я всю жизнь долженъ самому себѣ. Теперь насталь срокъ расчета—и я банкротъ, злостный, завѣдомый»...

Но само по себѣ это сознаніе не излечиваетъ еще героя отъ педуга самообожанія. У него все-таки не хватаетъ еще настолько мужества (да и откуда ему взять его), чтобы честно сознавшись передъ собою въ своей несостоятельности, въ тоже время смирится душою и подавить въ себѣ всякую гордыню. Ни чуть ни бывало: даже сознавая себя ничтожѣйшимъ изъ ничтожѣйшихъ, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ красоваться передъ собою въ гордомъ величїи; изъ самаго своего самоуниженія онъ устраниваетъ себѣ пышную мантию, въ которую драпировается. Даже падамъ съ пьедестала, онъ и не помышляетъ о томъ, чтобы ударить въ грязь лицомъ передъ людьми. Правда, онъ банкротъ, но изъ этого конечно вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ хуже другихъ; ни чуть ни бывало: это показываетъ только, что всѣ безъ исключенія банкроты, но онъ, во всякомъ случаѣ, цѣлою головою выше всего человѣческаго рода, потому что люди, состоя банкротами, не сознаютъ этого и продолжаютъ пресмыкаться, а онъ созналъ и желаетъ честно отдѣлаться отъ жизни. И вотъ, на прощанье съ жалкимъ человѣческимъ родомъ, онъ пишетъ передъ смертью письмо, въ которомъ излагаетъ, «что умираетъ спокойно, потому что жалѣть нечего: жизнь есть сплошная ложь; что люди, которыхъ онъ любилъ—если только онъ дѣйствительно любилъ кого-нибудь, а не притворялся передъ самимъ собою, что любить, не въ состояніи удержать его жизнь, потому что «выдохлись». Да и не выдохлись, «печему было выдохаться», а просто потеряли для него интересъ, разъ онъ понялъ ихъ. Что онъ понималъ и себя, понималъ, что и въ немъ, кромѣ лжи, ничего нѣтъ и не было; что если онъ сдѣлалъ что нибудь въ своей жизни, то не изъ желанія добра, а изъ тщеславія; что онъ не дѣлалъ злыхъ и нечестныхъ поступковъ не по неимѣнію злыхъ качествъ, а изъ малодушнаго страха передъ людьми. Что тѣмъ не менѣе, онъ не считаетъ себя хуже «вась, остающихся вгаты до конца дней своихъ», и не про-

силь у нихъ прошенія, а умираеть съ презрѣніемъ къ людямъ не меньшимъ, чѣмъ къ самому себѣ. И жестокая безсмысленная фраза сорвалась въ концѣ письма: — Прощайте, люди! прощайте кровожадныхъ, кривляющихся обезьян!»

Но пустить себѣ пулю въ лобъ ему не удалось. Давно, конечно, всѣмъ извѣстно, что подобнаго рода Гамлетамъ хотя и исполнивъ свойственно приходитъ къ мысли о самоубійствѣ, но осуществлять эту мысль всегда бываетъ очень трудно. Онъ и не замѣтилъ, какъ просидѣлъ въ своей комнатѣ, въ креслѣ, собираясь раздѣлаться съ жизнью, всю ночь до разсвѣта. Наконецъ начали уже звонить въ заутрени. Звукъ колокола пробудили его отъ мрачнаго раздумья. «Колоколъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ напомнилъ запутавшемуся человеку, что есть еще что то, кромѣ своего собственнаго, узкаго мірка, который его измучилъ и довелъ до самоубійства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминанія, отрывочныя, безсвязныя, и всѣ какъ будто совершенно новыя для него. Въ эту ночь онъ многое уже передумалъ и многое вспомнилъ, и воображалъ, что ясно видѣлъ самого себя. Теперь же почувствовалъ, что въ немъ есть и другая сторона, та самая, о которой говорилъ ему ему робкій голосъ его души».

Однимъ словомъ, воспоминанія дѣтства воскресили въ немъ совершенно иной строй души, простой, безхитростный, чуждый всякихъ раздѣлающихъ рефлексій, но чуждый вмѣстѣ съ тѣмъ и узкаго эгоизма, когда «онъ думалъ именно то, что думалъ, любилъ отца и зналъ, что любить».

— «Вѣдь есть-же міръ, воскликнулъ онъ, подѣ обаяніемъ всѣхъ этихъ воспоминаній: колоколъ напомнилъ мнѣ про него. Когда онъ прозвучалъ, я вспомнилъ церковь, вспомнилъ толпу, вспомнилъ огромную человѣческую массу, вспомнилъ настоящую жизнь. Вотъ куда нужно уйти отъ себя и вотъ гдѣ нужно любить. И такъ любить, какъ любить дѣти.... Обратиться и сдѣлаться какъ дитя!.. Это значитъ, не ставить во всемъ на первое мѣсто себя! Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное Я, которое, какъ глисть, сосеть душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи».

Это были однимъ словомъ тѣ старыя, но вѣчно новыя, народныя демократическіе идеалы, которые были чужды ему до сей поры,

но которые теперь наполнили сердце его невѣдомымъ восторгомъ. «Онъ почувствовалъ, что не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что осталась еще любовь и даже самоотверженіе, что стоитъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло—онъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда свести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее, житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ».

Но, къ сожалѣнію, это великое сознаніе, что слѣдуетъ жить не для себя, а для другихъ, эта святая готовность принять на себя хоть частичку мірскихъ страданій, — явились къ нему слишкомъ поздно. Не говоря о томъ, что запасъ нравственныхъ силъ его былъ уже истощенъ, но и физическія силы были до такой степени надломлены, что гдѣ уже было думать ему о страданіяхъ за другихъ, когда онъ не въ состояніи былъ вынести и того восторга, которымъ пренеполнился: съ нимъ произошло нѣчто въ родѣ разрыва сердца, и онъ тутъ-же и умеръ, не доживя до утра. Однимъ словомъ, новое вино не удержалось въ старыхъ мѣхахъ. Для этого новаго вина оказалось мало одного нравственнаго возрожденія со стороны старыхъ людей, а необходимы новыя люди съ новымъ запасомъ не только нравственныхъ, но и физическихъ силъ.

Нужно ли и говорить о томъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ какимъ нибудь исключительнымъ и необыкновеннымъ явленіемъ. Хорошо исключительное явленіе, когда о немъ приходится намъ бесѣдовать съ читателями въ каждомъ письмѣ, имѣя дѣло съ такими разнообразными вариантами этого типа, какъ Михаилъ Михайловичъ г. Гл. Успенскаго, «Ни пава, ни ворона» Новодворскаго, герой «Ночи» г. Гаршина; а стоитъ еще копнуть героевъ разказовъ г. М. Бѣлинскаго (что отъ насъ еще не уйдетъ), тамъ мы не оберемся подобнаго рода Гамлетовъ. Очевидно, это одно изъ крупныхъ и выдающихся явленій нашей современной жизни. Это обычный историческій фактъ, который постоянно повторяется, когда какой нибудь слой общества окончательно, что называется, изживается, выдохнется, дойдетъ до полнаго истощенія всѣхъ и психическихъ, и физическихъ силъ.

Именно на почвѣ подобнаго вырожденія и является этого рода гамлетизмъ. Онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ видовъ гамлетизма, какъ самый антипатичный; и еще бы: однимъ тѣмъ уже отвращаетъ онъ отъ себя, что отъ него разитъ запахомъ тлѣнія, угрожающимъ заразить все живое. По счастью подобнаго рода гамлетизмъ недолговѣченъ: въ то время, какъ разсмотрѣнные нами выше виды, имѣютъ, какъ мы видѣли, всѣ шансы на развитіе и распространеніе въ будущемъ (конечно, пока условія жизни, вызывающія ихъ, не измѣнятся),—этотъ, напротивъ того,—обусловливается лишь явленіемъ, вполне уже отжившимъ, именно крѣпостнымъ правомъ; онъ является лишь отрывкомъ дореформенныхъ порядковъ, царствовавшихъ на Руси до крымскаго погрома. Гамлеты этого рода—ничто иное, какъ послѣдніе могикане того извращенія, какому подвергалась человѣческая природа на почвѣ рабства. Вскорѣ послѣ паденія феодальнаго режима и Западная Европа была знакома съ этого рода Гамлетами во образѣ Вертеровъ, Рене и т. п. Но нынѣ они представляются лишь достояніемъ исторіи. Вскорѣ простимся съ ними и мы.

Наконецъ въ послѣднихъ двухъ разказахъ «Attalea princeps» и «То, чего не было»,—является передъ нами гамлетизмъ самого автора, и это обстоятельство дѣлаетъ разказы эти вдвое любопытнѣе. Мы обратимъ вниманіе на Attalea princeps, какъ на болѣе цѣльную и въ тому же спорную.

На «Attalea princeps» многіе критики (и пзустно, и печатно) взглянули крайне косо и заподозрѣли въ этой сказочкѣ даже нѣчто ретроградное. Помилуйте: росла пальма въ оранжереѣ, представляющая собою очевидно эмблему свободомыслія. По крайней мѣрѣ, она одна тяготилась спертымъ воздухомъ оранжереи и низкими ея сводами: ей хотѣлось свѣжаго воздуха и небснаго простора. И вотъ она вздумала перерости всѣ прочіе растенія и одна своими силами разрушить стекляннй куполь тюрьмы. Сказано, сдѣлано.

Но когда Attalea princeps достигла своей цѣли, и стекла оранжереи посыпались подъ напоромъ ея вѣтвей, она горько разочаровалась:

«Только-то? думала она.—И это все, изъ-за чего я томилась и страдала так долго? И это-то достигнуто было для меня высочайшею цѣлью?»

«Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину въ пробитое отверстіе. Моросилъ мелкій дождикъ пополамъ съ снѣгомъ; вѣтеръ плзко гналъ сѣрыя клочковатія тучи. Ей казалось, что онѣ охватываютъ ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснахъ, да еляхъ стояли темнозеленія хвон. Угрюмо смотрѣли деревья на пальму. «Замерзнешь! какъ будто говорили они ей.—Ты не знаешь, что такое морозъ. Ты не умѣешь терпѣть. Зачѣмъ ты вышла изъ своей теплицы?»

«И Attalea поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вернуться снова подъ крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада, на скучный огромный городъ, видѣвшійся въ туманѣ, и ждать, пока люди, тамъ внизу, въ теплицѣ, не рѣшатъ, что дѣлать съ нею».

А люди порѣшили спилить ее, такъ какъ не стоитъ дѣлать надъ нею новаго купола: она опять вырастетъ и все сломаешь.

Вотъ въ этомъ-то во всемъ мудрые критики и провидѣли своего рода ретроградство, заключающееся, будто бы, въ слѣдующемъ правоученіи, проистекающемъ изъ судьбы пальмы: не старайтесь перерюстать вашихъ ближнихъ гордымъ разумомъ, не стремитесь къ свободомыслию, ибо такое стремленіе ни къ чему не приводитъ, какъ лишь къ горестному разочарованію и къ пагубѣ.

Но подобнаго рода выводъ, отъ котораго дѣйствительно вѣетъ духомъ Фамусова и Молчалина, смѣю думать, принадлежитъ самимъ господамъ критикамъ, которые совершенно напрасно навязываютъ его разсказу г. Гаршина изъ особенной арханческой привычки предполагать, что въ каждой баснѣ непременно должна заключаться моральная сентенція. Вѣдь если захотѣть отыскивать въ художественныхъ произведеніяхъ моральныя сентенціи, то любую повѣсть, въ которой изображается порядочный человѣкъ, терпящій траги-

чeskій исходъ, можно подвести подъ что нибудь подобное: не будьте порядочнымъ чelовѣкомъ, ибо вамъ угрожаетъ презрѣнiе и ненависть пошляковъ, гоненiя и преждевременная смерть. Попробуемъ же взглянуть на сказку г. Гаршина помимо всякихъ сентенцiй, вполне объективно, и тогда намъ откроется въ ней совершенно иной смыслъ.

Attalei princeps, съ ея стремленiемъ къ чистому воздуху и небесному простору, съ ея призывомъ ко всемъ прочимъ растенiямъ «рости» выше и шире — очевидно олицетворяетъ собою передовую и лучшую часть нашей интеллигенци. Интеллигенци эта, по своимъ идеямъ, представляющимъ продуктъ иной, высшей цивилизаци, дѣйствительно, является среди насъ словно какимъ-то заморскимъ растенiемъ, хирѣющимъ въ тѣсныхъ оранжерейныхъ рамкахъ нашей жизни. Напрасно взымаетъ она, чтобы окружающiя ее растенiя стремились на просторъ воздуха и свѣта. Никто ей не внемлетъ или отвѣчаютъ ей одними презрительными восклицанiями: «несбыточная мечта! вздоръ! нелѣпность!» и т. п. Когда же она одна рѣшается выступить изъ затхлыхъ сводовъ оранжереи на просторъ полей и луговъ, — дѣйствительно, что-жъ до сихъ поръ встрѣчало и встрѣчаетъ ее, какъ не горькое разочарованiе? вмѣсто тепла и свѣта, т. е. вмѣсто того восторженнаго привѣта, который она надѣется встрѣтить за предѣлами оранжерейныхъ стѣнъ, на нее начинается дуть со всѣхъ сторонъ морозный вѣтеръ нашего самобытнаго невежества: мгла и сырость нашихъ отечественныхъ болотъ прохватываютъ ее до костей... Вспомните, обходилось ли хоть одно свѣтлое мгновенiе, хоть одинъ восторженный и смѣлый порывъ нашей интеллигенци (напр.: шестидесятые годы) безъ того, чтобы дѣло не кончалось все однимъ и тѣмъ же восклицанiемъ: «только-то? И это все, изъ-за чего томилась и страдали мы такъ долго?» Съ этимъ восклицанiемъ уходитъ у насъ въ могилу чуть ли не каждый истинно-интеллигентный чelовѣкъ, чуть ли не каждое поколѣнiе.

Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ гамлетизмомъ совершенно особеннаго рода, вызываемымъ не тѣми или другими частными обстоятельствами, а суммою всѣхъ условiй нашей жизни. Это гамлетизмъ нашего вѣка, лежащiй въ основахъ всѣхъ нашихъ общественныхъ отношенiй. Сердитесь сколько угодно на г. Гар-

пина, зачѣмъ онъ раскрываетъ передъ вами эту горькую скорбь своего вѣка и берeditъ раны, проникающія глубоко въ ваши сердца, но, согласитесь, что онъ тысячу разъ правъ въ своемъ гамлетизмѣ, и что гамлетизмъ этотъ отнюдь не случайное, личное качество автора и не пустой капризъ больной фантазін, а болѣзнь, общая всѣмъ намъ.

Александровъ.

Отчего крестьяне предпочитают «свою» школу земской?

Народная школа пользуется особенной заботливостью многих земств: во многих уездах на этот предмет ассигнуется по 25, даже по 30 тысячъ въ годъ; нѣкоторыя земства, съ цѣлью привлечь хорошихъ преподавателей, завели въ росписи расходовъ особую статью—на награды наставникамъ, установили въ возвышенномъ размѣрѣ жалованье для окончившихъ курсъ среднеучебныхъ заведеній, выписали для школъ различныя наглядныя пособія; кой-гдѣ установлена даже бесплатная раздача книжечекъ для народнаго чтенія. Словомъ, многія земства принимаютъ всѣ возможныя для нихъ мѣры, чтобы популизировать свою школу; не менѣе заботятся они и о томъ, чтобы сдѣлать ее доступной. Между тѣмъ, весьма и весьма часто приходится наталкиваться на тотъ фактъ, что крестьяне этой земской школы, и обставленной кое-какъ, и дающей льготу по отбыванію воинской повинности, предпочитаютъ «свою», не только не дающую никакихъ правъ, но и преслѣдуемую инспекціей, лишенную не только наглядныхъ пособій и книжечекъ для чтенія, но и какихъ бы то ни было учебниковъ, не только не снабженную въ достаточномъ количествѣ мебелью и классными принадлежностями, но и вовсе не имѣющую ни того, ни другаго, лишенную даже опредѣленной квартиры. И замѣчательнѣе всего то, что эту «свою» школу крестьяне не только предпочитаютъ всякой другой, земской или правительственной, но и считаютъ ее единственной «настоящей» школой, а «своего» учителя (часто переходящаго поочередно изъ села въ село)—единственнымъ «настоя-

ними» учителемъ, способнымъ научить чему либо ребятъ. Всякому понятно, однако, что, при самомъ плохомъ состояніи земской ¹⁾ школы, при самомъ неудовлетворительномъ учителѣ въ ней, она можетъ развѣ сравниться съ «своей», но уступить ей никоимъ образомъ не можетъ: отсутствіе мебели, школьныхъ принадлежностей, пособій и даже учебниковъ, представляетъ въ земской школѣ исключительный случай; въ «своей»—явленіе нормальное; малознающій и неопытный учитель съ звуковымъ способомъ, по меньшей мѣрѣ, равняется опытному по методѣ «буки, азъ—ба», если не превосходитъ его. Слѣдовательно, въ превосходствѣ обстановки земской школы и относительной легкости обученія въ ней не можетъ быть никакого сомнѣнія. Что же заставляетъ русскаго крестьянина такъ, повидимому, естественно относиться къ ней? что заставляетъ его, платя, въ видѣ земскаго сбора, на земскую школу, въ то же время содержать другую, «свою», съ малограмотнымъ учителемъ, и главнѣе—ее-то и считать «постоящей», а «казенную» (земскую) почти ни въ грошъ не ставить?

Вопросы эти серьезнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ билое, недавнее, впрочемъ, время на всѣ подобные вопросы у русскаго интеллигента былъ одинъ отвѣтъ: все это отъ неумѣстна, грубаго непониманія своей собственной пользы; въ настоящее время эта фраза не сходитъ съ языка всякаго псалом-

---

¹⁾ Считаю нужнымъ оговориться. Ставя вопросъ о причинахъ предпочтенія крестьянами «своей» школы земской, я не утверждаю, что земскія школы пусты, что крестьяне, безъ всякихъ причинъ, уклоняются посылать въ нихъ своихъ дѣтей. Я лишь констатирую фактъ, что, рядомъ съ земскими школами, содержащими на счетъ крестьянства же, есть другія, не земскія, учрежденія которыхъ, слѣдовательно, не обязательно для сельскаго общества и которыя все-таки учреждаются, вдобавокъ, совершенно безмолвно, безъ всякихъ предварительныхъ сходовъ, вотаровокъ, обсужденій и проч., какъ будто и спора тутъ быть не можетъ; словомъ что, признавая нужнымъ обученіе грамотѣ, крестьяне, въ то же время, въ рѣдкихъ мѣстностяхъ соглашаются устроить на свои средства школу и получить для нея учителя и пособія отъ земства, а вымѣнъ этого издерживаются на содержаніе и плату «своему» учителю, на книжки для ребятъ, какъ бы секретно отъ земства. Такую оговорку считаю нужнымъ сдѣлать потому, что фактъ существованія «своихъ» школъ (фактъ общезвѣстный), во первыхъ, считается возможнымъ лишь вдали отъ земскихъ школъ, а вторыхъ, объясняется, обыкновенно одною обширностью школьныхъ районовъ, это далеко не вѣрно.

щика, волостнаго писаря и кабатчика, которые переняли ее от интеллигента такъ же, какъ ихъ жены переняли старыя моды отъ жены интеллигента. Но уже сама, такъ сказать, «школа», проповѣдующая эту «истину», мало вселяетъ довѣрія къ своему авторитету. Съ другой стороны, достаточно некоторыхъ поверхностныхъ соображеній, чтобы убѣдиться въ томъ, что «истина» эта весьма сомнительнаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего бы это русскому крестьянину быть въ такой мѣрѣ невѣжественнымъ? До 1861 года, положимъ, онъ былъ рабочей силой (вродѣ лошади, быка и проч.), только рабочей силой; о его развитіи некому было думать, а самому ему, съ трудомъ находившему время для необходимаго отдыха, было недосугъ объ этомъ думать, такъ же, какъ не можетъ подумать объ этомъ лошадь, быкъ и вообще живая рабочая сила; до 1861-го года, значить, были резоны пребывать русскому крестьянину грубымъ и невѣжественнымъ. Но вѣдь это было назадъ тому почти 20 лѣтъ, почти четверть вѣка, и всю эту безъ малаго четверть вѣка онъ считается уже не рабочей силой, а человѣкомъ, владыкою тварей. Почему же его міросозерцаніе и теперь таково же, какимъ было тогда, когда онъ былъ только рабочей силой? На этотъ вопросъ опять очень часто отвѣчаютъ стереотипно: «крѣпостное право слишкомъ долго и слишкомъ тяжело давило его, чтобы за такое, сравнительно, короткое время ему подвигаться замѣтно надъ прежнимъ уровнемъ; для этого нужна смѣна поколѣній». Прекрасно. А негръ американскій, признанный физиологами низшимъ типомъ въ человѣчествѣ, отмѣченный самою природою, не позже ли пересталъ быть скотиной, которою управляли исключительно посредствомъ кнута на обширныхъ сахарныхъ и табачныхъ плантаціяхъ? И не представляетъ ли онъ, этотъ черашній парія во всемъ человѣчествѣ, нагляднаго опроверженія истины о необходимости смѣны поколѣній для сколько нибудь замѣтнаго прогресса въ своемъ развитіи? Неужели русскій крестьянинъ въ этомъ отношеніи ниже негра? Вѣдь онъ не представляетъ отдѣльнаго типа въ ряду племенъ, населяющихъ землю, и ни одинъ ученый, ни глубокій, ни мелкій, никогда не пытался даже доказывать, что у русскаго крестьянина особое устройство черепа, какъ это не разъ блистательно доказано относительно черной расы. Напротивъ: побѣрники будущей «русской» цивилизаціи неоднократно и пылко отстаивали его «природную» талантливость, его «ши-

рокую», «самородную» натуру и старательно разыскивали русских «самоучек» — поэтов, механиков, астрономов. И розыски всегда увеличивались успехом: оказывалось, что в русском крестьянстве способны самобытно проявляться и развиваться до весьма почтенных размѣров не только практическія знанія, необходимыя для хозяйственнаго, такъ сказать, обихода, но и науки болѣе или менѣе абстрактныя, и не только науки, но и искусства. Почему же в массѣ этого племени, если я не на столько талантливаго, какии представляют его сторонники «чистой русской» цивилизаціи, то во всякомъ случаѣ и не ниже другихъ, почему в массѣ этой націи девятнадцатилѣтній періодъ не произвелъ и половины прогресса, какого негское племя успѣло достигнуть въ тринадцатилѣтній?.. Очевидно, тутъ что-то не такъ: или русскій крестьянинъ и поныи остается тою же одушевленною рабочею силой, какою былъ до 1861-го года, и мы интеллигенція во всѣхъ видахъ, употребляли все время всѣ усилія, чтобы парализовать всѣ попытки съ его стороны къ развитію, или сама «истина» о его непроходимой глупости — неспособность, а объясненіе всего въ его жизни грубостью да невѣжествомъ — вздорное объясненіе, которымъ пользуются, какъ хорошо наѣзженнымъ конькомъ, люди, неспособныя или не желающіе думать. Что касается меня, то я предпочитаю второе мнѣніе, хотя бы только потому, что фраза о «необразованности мужика исходитъ изъ очень ужъ нечистыхъ устъ: ею пользуются тѣ, вся философія которыхъ только и заключается въ принципѣ — «пользоваться». Поэтому я думаю, что фраза относительно крестьянскаго невѣжества и непониманія собственной пользы — только фраза и притомъ весьма пустая фраза, и что русскій крестьянинъ понимаетъ свою пользу не хуже, чѣмъ мы съ вами, читатель, свою, и несравненно лучше, чѣмъ мы ее понимаемъ.

Итакъ, почему русскій крестьянинъ предпочитаетъ «свою» школу земской?

Когда были введены земскія учрежденія, нѣкоторые земства (херсонское, напримѣръ, нитское), съ первыхъ, такъ сказать, дней своего существованія, серьезно задумались надъ постановкой народно-учебнаго дѣла. Они видѣли, что школа чистой грамотности, какъ бы прекрасно обставлена она ни была, не можетъ соответствовать нуждамъ крестьянскаго населенія. Дѣлая его грамотнымъ,

уча его счету, школа даетъ крестьянину лишь средство не быть обчитану лавочникомъ и кабатчикомъ, не быть обмануту волостнымъ писаремъ и различными нанимателями, при составленіи контрактовъ на работы (хотя, впрочемъ, крестьянская грамотность совершенно безсильна противъ юридическаго слога контрактовъ, въ которыхъ можно вмѣстѣ весьма многое, имѣя дѣло и не съ такими грамотѣями). Правда, въ жизни крестьянина и это немаловажная польза: его привыкли обегоривать на каждомъ шагу всѣ, кому вздумается. Но всякому понятно, что это — только косвенная польза, вродѣ той, которую приносить тому же крестьянству принятое въ земской школѣ освѣщеніе керосинномъ, а не лучиною: когда мальчикъ, посѣщавшій школу, слѣдается хозяиномъ, то, зная всѣ преимущества керосина передъ лучиною, онъ, при возможности, замѣнитъ первымъ послѣднюю и уменьшить такимъ образомъ на нѣсколько процентовъ число пожарныхъ случаевъ въ своей деревнѣ. Но какъ керосинное освѣщеніе школы не дѣлаетъ будущихъ хозяевъ—школьниковъ зажиточнѣе и не создаетъ для нихъ возможности покупать керосинъ, точно такъ же и грамотность и умѣнье считать сами по себѣ не производятъ зажиточности и не устраняютъ такого матеріальнаго положенія, въ силу котораго необходимо закабалиться на работу къ нанимателю на тяжелыхъ условіяхъ (хоть и извѣстныхъ грамотному крестьянину), необходимо слѣдять заемъ у кабатчика за «еврейскіе» начеты (опять-таки извѣстные тому, на кого дѣлаются) и проч. Ясно, что, удовлетворяя одной изъ несомнѣнно насущныхъ потребностей, школа чистой грамотности безсильна для той цѣли, для которой она, какъ созданная на средства полуннищаго крестьянства, только и можетъ имѣть смыслъ, именно—для улучшенія его матеріальной обстановки, рядомъ съ которымъ только и можетъ имѣть мѣсто расширеніе умственнаго кругозора и возвышеніе нравственнаго уровня. Указанныя земства видѣли, что пропагандировать среди крестьянства идею о пользѣ ученія незачѣмъ, потому что идея эта имъ вовсе не чужда: грамотѣи обыкновенно весьма выгодно выдвигаются въ ряду неграмотныхъ, а къ человѣку, которому случай, при грамотности, далъ возможность измѣнить профессію земледѣльца на болѣе обезпечивающую, односельцы относятся прямо съ завистью. Но всему классу земледѣльцевъ, бурлаковъ, дѣспныхъ, земляныхъ и всякихъ другихъ рабочихъ измѣнить свои

профессіи на профессіи приказчиковъ, конторщиковъ, писарей, ихъ помощниковъ и проч. невозможно, а для «крестьянскихъ» профессій школа чистой грамотности, кромѣ вышеуказанной выгоды, другихъ не представляетъ. Это-то и понимали нѣкоторые земства и пришли къ заключенію, что для того, чтобы имѣть право на названіе «народной», школа должна удовлетворять кореннымъ народнымъ нуждамъ, должна, прежде всего, давать по возможности больше знаній, необходимыхъ въ земледѣліи и крестьянскихъ промыслахъ, необходимыхъ для удовлетворенія обыденныхъ потребностей въ одеждѣ, обуви, посудѣ и проч., а не ограничиваться тѣмъ или другимъ уровнемъ грамотности и счета. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, проектированы были «сельско-хозяйственные», «образцовыя» и «ремесленные» школы. Какъ разсадникъ учителей для такихъ народныхъ школъ, въ Вятской губерніи было заведено земское училище сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній, обставленное весьма солидно, снабженное фермами, мастерскими, лабораторіями и проч. и, не смотря на свою печальную судьбу, принесшее краю не мало пользы, въ лицѣ своихъ воспитанниковъ. Вопросъ о «сельско-хозяйственныхъ» и прочихъ народныхъ школахъ, съ участками земли и другими приспособленіями, и повинѣ остается «вопросомъ»; но такое явленіе, какъ учрежденіе вятской сельско-хозяйственной семинаріи, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что проекты всѣхъ сейчасъ указанныхъ видовъ народной школы были не плодомъ «либеральнаго зуда», обучившаго якобы земскую интеллигенцію того времени, а результатомъ яснаго сознанія необходимости въ нихъ, результатомъ убѣжденія, что школа чистой грамотности—не «народная» школа, ибо не удовлетворяетъ народнымъ нуждамъ; что если она и не бесполезна, то не на ней по преимуществу должно быть сосредоточено вниманіе устроителей, не въ нее исключительно или хоть и преимущественно должны быть вложены тѣ матеріальныя средства, которыя брались съ народа для удовлетворенія его пользы и нужды.

Въ проектахъ этихъ была и еще одна сторона, чрезвычайно характерная и важная для рѣшенія занимающаго насъ вопроса. При учрежденіи такъ называемыхъ учительскихъ семинарій, земства ставили одною изъ важныхъ сторонъ устройства этихъ учрежденій простоту жизни въ нихъ, такую постановку ихъ, чтобы воспитанники и воспитанницы этихъ заведеній, вышедши изъ

нихъ по окончаніи курса, не сдѣлались чужды интересамъ крестьянства, не относились свысока къ грубой крестьянской жизни и обстановкѣ, не стали барами въ средѣ сельскаго населенія. Понятно, что однимъ внѣшнимъ устройствомъ заведенія достигнуть этого было невозможно; что если это и достигалось иногда, то—независимо отъ внутреннихъ порядковъ въ семинаріи, а просто обуславливалось нравственнымъ уровнемъ личностей, завѣдывавшихъ семинаріею; понятно также, что, при условіяхъ нашей общественной жизни, это не могло быть особенно частымъ явленіемъ: словомъ, если и были тутъ результаты, то одного отрицательнаго характера: заведенія, въ которыхъ воспитывались будущіе учителя и воспитатели народа, не содѣйствовали развитію въ нихъ барства. Но дѣло не въ томъ, насколько способствовали сближенію съ народомъ, напримѣръ, артельные порядки, заведенные въ тверской женской учительской семинаріи, а въ томъ, что лучшія земства видѣли настоятельную необходимость создать для народной школы такихъ учителей, которые, представляя плоть отъ плоти и кость отъ костей крестьянства, продолжали бы, въ качествѣ наставниковъ, жить тою же жизнью, какою живетъ крестьянство, не выдѣляться изъ него особенно культурною обстановкой, принимать близко къ сердцу его низменные интересы, обращающіеся всецѣло около «хлѣбушка», «скотинки», «покоса» и проч., словомъ, были бы «своими» людьми, отличающимися отъ окружающихъ лишь своими знаніями, своимъ умѣньемъ пособить въ нуждѣ совѣтомъ или дѣломъ, готовыми во всякое время раскрыть свою душу для слезъ и радостей этого «грубаго и невѣжественнаго» люда и постепенно, хоть и не замѣтно, поднимать его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Вотъ идеаль сельскаго учителя, къ которому стремились лучшія земства, при организаціи народно-учебнаго дѣла.

Почему земства считали необходимыми эти два условія?—Потому, что они знали крестьянскую жизнь, съ ея интересами, и понимали непосредственныя, ближайшія, а слѣдовательно и болѣе насущныя крестьянскія пользы и нужды. Только человекъ, никогда не выходившій изъ своего кабинета, ни на волосъ не знакомый съ міросозерцаціемъ крестьянства, можетъ утверждать, что выраженіе напр.: «жили отцы безъ грамоты, проживемъ и мы» имѣетъ смыслъ равнодушнаго или даже враждебнаго отношенія къ ученію. Я живу

помню то время, когда на Руси не было земствъ, не было и школъ и когда даже не на всякую волость приходилось по грамотѣю, да и то случайному. Миѣ чрезвычайно отчетливо представляется слѣдующая картина: у избы, на заваленкѣ, въ лѣтній праздничный день, сидитъ человекъ десятокъ «почтенныхъ» домохозяевъ; возлѣ нихъ, на травѣ, покрывающей дворъ, расположились другіе—мужики помоложе и бабы съ ребятами; среди этой группы сидитъ плохограмотный мальчикъ и читаетъ «Житіе великомученицы Варвары» или о подвигахъ славнаго витязя Бовы-королевича. Сколько вниманія и заинтересованности обыкновенно было написано на всѣхъ этихъ лицахъ! Какія продолжительныя и живыя бесѣды выходили обыкновенно по поводу этихъ чтеній!... Но все это бывало только въ праздники; по буднямъ это называлось «баловствомъ». Почему? Чтѣ «баловство»—сама грамотность или занятіе ею въ будни? Нѣтъ, не сама грамотность: относительно ея есть въ народѣ такая загадка: «бѣлое поле, черное сѣмя; умна головка, что его носѣтъ». «Баловство», значитъ, занятіе грамотою въ будни, «баловство» потому, что въ будни надо «работать», т. е. добывать «денежки на подати», запасть «хлѣбушка». Спрашивается: правъ ли крестьянинъ, ставя денежки на подати и хлѣбушко первую своею заботой? — Понятно правъ: не собери онъ денежекъ для уплаты податей,—его разорять, не запаси хлѣбушка,—никто ему его не запасетъ и всей семьѣ придется или опозориться—пойти съ сумой (нищенство и попрошайство въ народѣ, вопреки всѣмъ нашимъ разглагольствованіямъ о крестьянской лѣни, считаются позорными), или умереть медленною голодною смертію. Поэтому для крестьянина можетъ сдѣлаться заманчивой, можетъ разрѣшить его на «баловство» лишь такая школа, въ которой онъ научится приумножать сборъ хлѣба и сѣна, пособлять «скотникѣ», изготавлять въ зимніе досуги одежду, обувь, утварь и проч. Только для такой школы крестьянинъ, по своему экономическому состоянію, согласится оторвать работника отъ домашнихъ работъ, и это-то и понимали, какъ нельзя лучше, земцы 60-хъ годовъ, когда проектировали выдвинуть на первый планъ «сельско-хозяйственные» и др. школы и сдѣлать грамотность только одною изъ принадлежностей народной школы. Съ другой стороны, земства видѣли, что одного этого условія недостаточно. Примѣръ сельскаго духовенства убѣждалъ ихъ въ этомъ нагляд-

пѣйшимъ образомъ. Всѣ сельскіе священники, по характеру своихъ отношеній къ прихожанамъ, весьма близки къ нимъ и, можно сказать, одинаково близки; но авторитетны для своихъ прихожанъ далеко не одинаково: вы можете встрѣтить священника, котораго каждое слово свято для его прихожанъ, который пользуется полнымъ довѣріемъ и которому недостаетъ лишь подготовки, чтобы быть руководителемъ цѣлыхъ тысячъ населенія въ ихъ частной и общественной жизни; но еще легче встрѣтите такого, которому кланяются только изъ приличія, котораго имя никогда не произносится безъ злой насмѣшки или укоризны, который считается врагомъ всѣхъ прихожанъ поголовно. Обладая такой священникъ самою полною и прекрасною подготовкой, онъ не можетъ сдѣлаться совѣтникомъ и руководителемъ своей паствы; онъ даже не можетъ принести ту долю пользы, какую приноситъ повсе не подготовленный, но снискавшій довѣріе священникъ первой категоріи, потому что его «стадо» смотритъ на него не какъ на своего охранителя—«пастыря», а какъ на врага—«волка». Последнихъ отношеній со стороны крестьянъ къ школъ и желали избѣгнуть земства, когда задумывались надъ тѣмъ, какъ устроить дѣло такъ, чтобы учителя народной школы были вполнѣ «своими» людьми для сельскаго населенія. Они понимали, что, при отсутствіи короткости между населеніемъ и учителемъ школы, отношенія къ школъ съ той и съ другой стороны будутъ чисто официальными, и слѣдовательно, даже школа, способная, при другихъ условіяхъ, дать практически-полезныя знанія, дастъ или очень мало, или не дастъ ровно ничего.

Что такое земская школа?—Это школа, въ которой выучиваютъ читать, писать, считать, рѣшать элементарныя задачи, выучиваютъ главнымъ молитвамъ и догматамъ православной церкви и—только. О гимнастикѣ и пѣніи говорить нечего, впервыхъ, какъ о предметахъ, съ точки зрѣнія крестьянства, совершенно бесполезныхъ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи опять нельзя не признать за крестьянствомъ полного пониманія собственной пользы. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, гимнастика?—Это—систематическое упражненіе мускуловъ, изобрѣтенное для того, чтобы, о богу съ развитіемъ умственныхъ силъ человека, не атрофировались или не ослабляли въ своемъ развитіи силы физическія, занятіе изобрѣтенное, слѣдовательно, для тѣхъ, кто, безъ такого искусственнаго упражненія мускуловъ, ве

а во вторыхъ, какъ о такихъ, которые сколько нибудь серьезно почти вездѣ не поставлены. Но чтобы научиться всему этому въ земской школѣ, надо пробыть въ ней три зимы и даже не три зимы только, а еще три весны и три осени, т. е. почти три года. Но и тутъ не конецъ; и за три года выучиваются всему этому, выражаясь мягко, далеко не всѣ, а выражаясь точно,—почти никто. Дѣло въ томъ, что одна земская школа весьма часто приходится на 50-верстный районъ и на десятки селъ, изъ которыхъ, даже при настоящемъ отношеніи крестьянства къ школѣ, собирается до 100 и болѣе человѣкъ. Эта сотня учениковъ разбивается всегда на два отдѣленія: старшее и младшее. Старшее отдѣленіе это тотъ десятокъ человѣкъ, который готовится къ вы-

упражнять бы ихъ вовсе (продъ того, какъ искусственное вдыханіе воздуха придумано для тѣхъ, кто, по болѣзни, не можетъ вдыхать его естественно). Нуждается ли крестьянскій мальчикъ въ этомъ искусственномъ упражненіи физическихъ силъ? Всякій знаетъ, что пѣтъ: онъ гимнастируетъ съ утра до вечера, самыми разнообразными способами, обладаетъ прекраснымъ аппетитомъ, который рѣдко удовлетворяетъ вполне, спитъ глубочайшимъ сномъ, способенъ одолѣть въ рукопашной любого изъ своихъ интеллигентныхъ сверстниковъ, даже занимающихся систематически гимнастикой. Для чего-жъ ему гимнастика? Ужь не для того ли, чтобы онъ «упражнялъ свои мускулы систематически» (какъ выражаются составители руководствъ по гимнастикѣ, которыми нужно распродать побольше этихъ самыхъ руководствъ да приобрести побольше учениковъ). Но тогда не изъааетъ, для полноты системы воспитанія, попросить какого нибудь пѣнца (они на эти штуки—настера) придумать систематическій курсъ вдыханія воздуха, и ввести его обязательно въ народныхъ школахъ: отъ систематическаго вдыханія воздуха, можетъ быть, сдѣлается систематичѣе кровообращеніе, а отъ него—питаніе и проч. Нельзя не согласиться также со взглядомъ крестьянина на пѣнне. Ему очень пріятно, когда «парнишка» поетъ на клиросѣ, онъ даже не прочь позволить ему обгата при досугѣ къ учителю попятъ; но онъ находитъ, что жертвовать на пѣнне нужнымъ для хозяйства временемъ — сильная роскошь, такъ какъ всѣ парни и дѣвки въ каждой русской деревнѣ поютъ, не учившись, а псаломщики знаютъ, что послѣ чего слѣдуетъ во время службы. Что касается такъ называемаго эстетическаго развитія, даваемаго якобы пѣннемъ въ народной школѣ, то, независимо отъ вопроса, на сколько эта крестьянская нужда своевременна, а бы съ интересомъ послушалъ, какъ станутъ доказывать, что то пѣнне, которое раздается въ нашихъ сельскихъ церквяхъ (а другого въ школѣ не можетъ быть), развиваетъ эстетически человека, принимающаго въ немъ участіе. По крайней мѣрѣ, наши псаломщики, специалисты этого дѣла, эстетическимъ развитіемъ не отличаются.

пуску и съ которымъ исключительно занимается самъ наставникъ; занятіе съ младшимъ, состоящимъ обыкновенно изъ 90% всѣхъ учащихся и раздѣленнымъ на двѣ, а часто и на три группы, лежитъ всецѣло на помощникѣ. Спрашивается: многоль можетъ усидѣть съ 90, напримѣръ, учениками одинъ помощникъ, человекъ, вдобавокъ, часто весьма малоопытный и малознающій? Да тутъ и спрашивать не о чемъ: достаточно одного того факта, что къ выпуску обыкновенно готовится не болѣе 10% всего числа посѣщающихъ школу, а получаетъ свидѣтельства на льготу по воинской новинности 6, 5, даже 4%, достаточно одного этого факта, чтобы судить объ успѣшности преподаванія въ земской школѣ. Крестьянинъ знаетъ, что «на свидѣтельство» надо «ходить» три года; но три года прошло, а свидѣтельства мальчикъ не получилъ: онъ оказался неподготовленнымъ къ экзамену, и крестьянинъ, не смотря на всѣ просьбы мальчика—пустить еще «на зиму», не пускаетъ его больше въ школу, потому что если онъ поступилъ въ нее 8 лѣтъ, то теперь ужъ ему 11, а крестьянскій мальчикъ и въ 7 л. годится для поѣздки съ отцемъ за дровами и для множества домашнихъ работъ, стало быть, въ 11 онъ и совсѣмъ работникъ. Съ другой стороны, види такой незначительный процентъ получающихъ свидѣтельства, крестьяне годъ отъ году увѣряются все больше и больше въ томъ, что земская школа — «баловство одно», и это понятіе о «баловствѣ» они распространяютъ не только на такія вещи, какъ гимнастика, пѣніе, но и на самый звуковой методъ, на систему нагляднаго обученія. Не замѣчая дѣйствительныхъ причинъ малоуспѣшности, состоящихъ въ обремененіи помощниковъ огромнымъ числомъ различно подготовленныхъ учениковъ, они приписываютъ ее звуковому способу и, естественно, приходятъ къ заключенію, что старшій лучше (вотъ почему, между прочимъ, ни одинъ «свой» учитель не обучаетъ по звуковому методу, хотя постигнуть его и не трудно). А пришедши къ такому заключенію, крестьяне, не отрицая вовсе пользы грамотности, находятъ болѣе экономнымъ обучать ей ребятъ у «своего» учителя: онъ учитъ лишь тогда, когда время посвободнѣе, къ нему не надо посылать ребятъ за десятки верстъ, не надо, слѣдовательно, заводить для нихъ одежду, обувь, не надо запасать харчей и проч.

Но экономіей времени и средствъ дѣло не ограничивается. «Свой» учитель—это обыкновенно человекъ бывалый, много выдавшій на

своёмъ вѣку, много знающій изъ того, что полезно и нужно знать въ жизни крестьянина. Это—въ своёмъ родѣ сельская энциклопедія. У него масса свѣдѣній по части посѣва и уборки хлѣбовъ и овощей; онъ умѣетъ посадить дерево, сдѣлать прививокъ; онъ знаетъ, какъ слѣдуетъ содержать и кормить пчелу, какъ залучить лучшую въ улей; ему извѣстно, когда надо собирать ленъ, чтобъ было сѣмя лучше, и когда—если желаешь, чтобъ волоконъ вышелъ; онъ научитъ, какъ сдѣлать бѣлье холстъ, окрасить чернило нитки; знаетъ онъ и на счетъ домашней птицы: которая годнѣе къ носкѣ, а которая—къ выводкѣ, какой пѣтухъ лучше; онъ можетъ указать весною траву, отъ которой у коровы молоко станетъ гуще, научитъ, какъ выходить здороваго теленка, сильнаго жеребенка, какъ выкормить свинью; онъ наладитъ на мельницѣ вертено, научитъ связать неводъ, разставить сѣть на птицу, расскажетъ, когда какая рыба больше всего ловится, какъ какую птицу мапить птицеловъ; при случаѣ, онъ сошьетъ сапоги, выстрогаетъ скямью, сдѣлаетъ раму и проч.; словомъ, нѣтъ такого предмета въ сельской жизни, относительно котораго онъ бы оказался невѣдущимъ или неспособнымъ дать совѣтъ, наставленіе. Правда, многія изъ его свѣдѣній бываютъ вздорными, основанными на суевѣріяхъ; но всѣ они практическаго характера, всѣ они нужны крестьянину, и вотъ, за нихъ то онъ, главнымъ образомъ, и цѣнитъ «своего» учителя.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что пріобрѣсть эти свѣдѣнія земскіе учителя не могутъ, какъ люди обыкновенно молодые: обзавестись ими (и многими другими, не менѣе полезными) можно въ сравнительно недолгое время; никто также не станетъ оспаривать и того, что всѣхъ этихъ свѣдѣній, даже самыхъ элементарныхъ изъ нихъ, учителя и помощники нашихъ земскихъ школъ дѣйствительно лишены. Огромная масса ихъ, кромѣ официально необходимыхъ, не обладаетъ никакими лишними даже теоретическими знаніями и не чувствуетъ ни малѣйшаго стремленія пріобрѣсть ихъ на должность учителя или помощника. Люди эти видятъ передъ собою (въ земствѣ-ли, въ администраціи-ли) одинъ механический бюрократизмъ и—пишутъ только «заявленія» въ управу, «отчеты» да «рапорты» въ одно изъ фиктивныхъ земскихъ подзучрежденій—училищный совѣтъ, продерживаютъ определенное число часовъ ежедневно въ школахъ ребятъ, получаютъ

жалованье, и вотъ всѣ ихъ функціи; возможность (не то, чтобы необходимость) другихъ функцій имъ и въ голову не приходитъ. Меньшинство тяготеетъ своимъ малознаніемъ и, на сколько можетъ, пополняетъ его, но пополняетъ въ области теоріи: читаетъ книжки по психологій, исторіи, естествознанію и проч. При удобномъ случаѣ оно старается популяризировать эти знанія среди своихъ учениковъ; но если, безспорно, что знанія эти интересны, что они могутъ быть даже небезполезными, то въ такой же мѣрѣ безспорно, что, напримѣръ, правило процентовъ, смѣшенія, пропорціональнаго дѣленія могутъ быть даже весьма пригодными въ жизни крестьянина и рабочаго,—однако, они не преподаются въ народной школѣ. Всякое знаніе почтено, всякое можетъ быть полезнымъ; но человекъ, которому некогда приобрѣтать всѣ знанія, посвящаетъ время лишь на приобрѣтеніе тѣхъ, которыя ему, по условіямъ его жизни, нужныѣ другихъ. А по условіямъ жизни крестьянина, ему необходимы вышеуказанныя практическія знанія: они только и имѣютъ для него цѣну, и даже такія реальныя знанія, какъ физико-географическія, геологическія и т. д., въ его глазахъ,—только праздная забава.

Только весьма незначительная доля учительскаго земскаго персонала понимаетъ свое назначеніе правильно и смотритъ на свои функціи шире. Проникнутая искреннимъ желаніемъ быть полезной сельскому обществу и глубокимъ сознаніемъ того, что она ему необходима, эта незначительная доля земскихъ учителей ставитъ себя цѣлью, не спускаясь до «своего» учителя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, подняться до него въ отношеніи популярности среди крестьянства. Но, при всемъ ихъ горячемъ стремленіи сдѣлаться въ крестьянской средѣ «своими», полное достиженіе этой цѣли невозможно: въ силу рѣзкаго различія, существующаго между ихъ частною жизнью и жизнью крестьянъ, они, самое большее, могутъ снискать симпатіи населенія, какъ «хорошіе господа», крестьяне съ удовольствіемъ могутъ заходить къ нимъ по зову «чайку попить» да «покалякать» и, разъ побывъ у нихъ, звать ихъ къ себѣ въ гости и бесѣдовать съ ними обо всемъ; но той короткости, той задушевности, того «пріятельства», которое абсолютно необходимо для того, чтобы сдѣлаться руководителемъ и авторитетнымъ совѣтникомъ для крестьянина, и которымъ пользуется вездѣ безъ исключенія «свой» учитель (иначе онъ бы не жилъ въ

сель), — такихъ отношеній съ крестьянствомъ они установить не могутъ; различіе общественныхъ положеній является непреодолимымъ препятствіемъ къ этому.

Резюмируя сказанное, приходится констатировать слѣдующія положенія:

1-е. «Свой» учитель и «своя» школа экономнѣе для крестьянина, чѣмъ земская: при «своей» школѣ, мальчикъ не отправляется изъ дому на недѣлю, слѣдовательно, нѣтъ надобности запасать для него на такое продолжительное время харчей, а, оставаясь дома, онъ ѣсть, что случится; онъ не выходитъ «въ люди», слѣдовательно, не нуждается въ спеціально для него изготовленной одеждѣ и обуви, а надѣваетъ, когда понадобится, отцовскую; не проводитъ за ученіемъ всего дня и, слѣдовательно, значительную долю сутокъ посвящаетъ на работу.

2-е. «Свой» учитель не «разбалуетъ мальченку», не изнѣжитъ. такъ сказать, его наклонностей: не приучитъ его къ одному книжному занятію и не отлучитъ отъ «настоящей» работы; не станетъ, кромѣ того, съ нимъ «баловаться» всякими гимнастическими да хоровыми пѣніями по буднямъ.

3-е. «Свой» учитель—свой человекъ, свой братъ мужикъ, который не побрезгуетъ посидѣть «съ человекомъ» на заваленкѣ, а то и въ кабакѣ, раздѣлить съ нимъ горе и радость, многому научить, не то чтобы ребятъ однихъ, а и мужиковъ и даже бабъ, а въ нуждѣ и «пострѣленка» покачаетъ.

Если все это вѣрно (а провѣрить это можетъ всякій личными наблюденіями), то скажите, пожалуйста, понимаетъ ли крестьянинъ свою пользу, предпочитая «свою» школу земской, правъ ли онъ, расходуя незначительныя гроши на «свою» школу, кормя и одѣвая «своего» учителя, вмѣсто того, чтобы устраивать помѣщеніе для школы съ мебелью и отопленіемъ и отдавать его въ завѣдываніе земства? Будетъ ли онъ правъ со временемъ, когда, понявъ, что земская ассигновка на народное образованіе необязательна (теперь онъ не различаетъ «обязательныхъ» статей сметы отъ «необязательныхъ» и на всѣ смотритъ, какъ на государственный налогъ, известный подъ именемъ земскаго сбора, который становой приставъ все равно взыщетъ), уничтожить, гдѣ сможетъ, всякій расходъ на народно-учебное дѣло?

Могутъ сказать, что такое пониманіе своей пользы именно и есть полное непониманіе ея. Я того мнѣнія, что это легче сказать, чѣмъ доказать; но допустимъ, что такое пониманіе собственной пользы—результатъ невѣжества: допустимъ, что крестьянинъ предпочитаетъ коновала ветеринару, деревенскую повитуху акушеркѣ, а безграмотнаго отставнаго солдата человѣку, знакомому съ теоріями Дистервега, Диттеса, Коменскаго и всѣхъ ихъ поклонниковъ,—по невѣжеству, что бѣденъ онъ по невѣжеству же; допустимъ даже, что и невѣжественъ онъ по тому же невѣжеству. Что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ не бессильны въ жизни крестьянина тѣ причины, которыя заставляютъ его именно такъ понимать свои пользы? Развѣ только невѣжественный человѣкъ можетъ украсть хлѣба, съ цѣлью утолить голодь? Какая связь между «невѣжественностью» и желаніемъ съэкономничать время и трудовую копѣйку? и не обуславливается ли эта самая его «необразованность» его бѣдностью, нищетою, а не наоборотъ? Устраните причины, создающія эту нищету, или хотя ослабьте ихъ дѣйствіе настолько, чтобы противъ нихъ можно было врати человѣку, и тогда говорите о невѣжествѣ мужика, укоряйте его въ его «грубости и необразованности», требуйте отъ него другого, болѣе правильнаго взгляда на общественныя пользы, болѣе вѣрнаго пониманія своихъ собственныхъ. Но пока вы этого не сдѣлали, пока эта самая «грубость и необразованность» создается и закрѣпляется за нимъ непреодолимыми для него силами, предоставьте ему самому право чувствовать, когда онъ сытъ и когда голоденъ. Поймите, что причины, заставляющія его экономизировать время и деньги, для него важнѣе вашего мнѣнія объ уровнѣ его развитія, дайте ему такую школу, какая нужна ему, по его потребностямъ, а не такую, какою ей слѣдуетъ быть по теоріямъ всякихъ великихъ и маленькихъ, российскихъ и заграничныхъ педагоговъ.

Пучинюкъ.

Антикабацкое движеніе.

Въ числѣ немногихъ, такъ называемыхъ «отрадныхъ» явленій нашей жизни за текущій годъ, видное мѣсто занимаетъ антикабацкое движеніе въ крестьянской средѣ. Движеніе это выразилось въ приговорахъ крестьянъ того или другого села «не пить» и въ приговорахъ о закрытіи питейныхъ заведеній. Приговоры эти немедленно же попадали въ газеты и вызвали цѣлые потоки жалкихъ словъ и лицемѣрныхъ изліяній. Для примѣра можно привести слова газеты «Голосъ», этой закоренѣлой въ либерализмъ вдовицы. Рассказавъ одинъ случай постановленія крестьянскаго схода о закрытіи находящагося въ селѣ кабака, газета заявляетъ: «намъ кажется, что подобныя мѣры противодѣйствія пьянству, идущія съ мѣста, отъ мѣстныхъ силъ, окажутся на дѣлѣ болѣе успѣшными, чѣмъ регламентаціи, сочиняемыя кабинетными или канцелярскими путемъ. Отъ пьянства пьяницу можетъ воздержать только ближайшая его среда, съ ея правами, а не тотъ или другой видъ и способъ устройства питейныхъ заведеній и продажи питей»¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ, но только еще рѣшительнѣе, высказались и многіе другіе органы нашей печати. Такіе же разговоры слышались и въ обществѣ.

Однако, весь этотъ шумъ, поднятый изъ-за антикабацкихъ приговоровъ, былъ ничѣмъ инымъ, какъ сплошнымъ лицемѣріемъ.

---

¹⁾ «Голосъ», 1882, № 154.

Не много нужно было ума, чтобы понять, что при настоящем положеніи вещей всѣ «мѣры протнводѣйствія, идущія съ мѣста, отъ мѣстныхъ силъ», не могутъ имѣть рѣшительно никакого успѣха. Немного требовалось знанія русской жизни, чтобы понять, какая подкладка была у всѣхъ этихъ приговоровъ о закрытіи кабаковъ и что всѣ толки о томъ, что «наконецъ крестьяне поняли, сознали весь вредъ пьянства, убѣдились въ его пагубныхъ послѣдствіяхъ и т. п.» что всѣ эти разговоры—ложь и одно фарисейство. Неужели наши крестьяне—такіе идіоты, что до сихъ поръ не сознавали и не понимали вреда пьянства, и почему настоящій годъ отличается такимъ особеннымъ счастьемъ, что теперь повсюду крестьяне вдругъ прониклись сознаниемъ злобности кабака?

Ознакомившись ближе съ дѣломъ, мы убѣждаемся, что никакого такого особеннаго «сознанія» въ народѣ въ прошедшемъ году не пробуждалось, а что обиліе газетныхъ извѣстій о крестьянскихъ антикабацкихъ приговорахъ объясняется тѣмъ, что кабацкій вопросъ до послѣдняго времени былъ «модный» или вѣрнѣе, пріятный начальству. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, выползли на сцену люди, которымъ захотѣлось отличиться передъ начальствомъ и которые поэтому составляли за крестьянъ антикабацкіе приговоры и затѣмъ посылали ихъ для напечатанія въ «Сельскій Вѣстникъ»; а съ другой—въ печать стали попадать приговоры о закрытіи кабаковъ, которые постоянно постановлялись сельскими обществами, вслѣдствіе неудовольствія на кабатчиковъ, но которые прежде, когда на нихъ не было моды, никогда въ печать не проникали. Что это такъ, въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, просмотрѣвши десятокъ напечатанныхъ приговоровъ.

Самая редакція многихъ приговоровъ указываетъ на то, что въ составленіи ихъ принимали участіе лица, совершенно постороннія крестьянству. Вотъ для примѣра одинъ изъ наименѣе кудреватыхъ приговоровъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне старо-рахинскаго сельскаго общества, села Старога Рахина, въ которомъ числится 341 душа и 196 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса, на сельскомъ сходѣ находились: сельскій староста и 148 домохозяевъ, и имѣли разсужденіе о томъ, что существующій въ селѣ нашемъ питейный домъ только разоряетъ насъ, дѣлаетъ многихъ изъ насъ несостоя-

тельными къ платежу казенныхъ податей, портить нравы и поведеніе молодого нашего поколѣнія, такъ что дѣти уже не стыдятся ни стороннихъ, ни родителей входить прямо въ заведеніе и пить вино, и, такимъ образомъ, идутъ по пути погубельному. Чтобъ отворотить отъ себя пагубное зло это, къ искорененію коего стремится и правительство, мы единодушно приговорили: не дозволить никому открывать въ нашемъ селѣ питейнаго заведенія съ 1-го іюля 1882 года, и чтобъ, затѣмъ, продажи никакими хмѣльными папятами у насъ не было. Если кто-либо позволитъ себѣ секретно производить торговлю виномъ, то съ того, кромѣ наложеннаго закономъ штрафа, взыскивать штрафъ въ пользу мірской кассы отъ 10 до 25 рублей. Пусть, при божіей помощи, желаніе наше не видѣть зла на своей улицѣ продлится на многія лѣта. Утвердивъ настоящій приговоръ своимъ подписомъ, представить его на утвержденіе въ крестецкое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и, вмѣстѣ съ симъ, всепокорнѣе просить оное: не найдеть ли оно возможнымъ сообщить, куда слѣдуетъ, о невыдачѣ патента на открытіе питейнаго заведенія въ нашемъ селѣ съ 1-го іюля 1882 года. Къ оному и подписались¹⁾.

Какъ составляются такіе приговоры съ «порчей нравовъ и поведенія молодого поколѣнія», съ «пагубнымъ зломъ, къ искорененію коего стремится и правительство» и съ «желаніемъ не видѣть зла на своей улицѣ, длѣющимся на многія лѣта»,—это прекрасно разъясняетъ одинъ крестьянинъ въ «Орловскомъ Вѣстникѣ». Вотъ что онъ пишетъ:

«Стоитъ кому-нибудь изъ сосѣдей землевладѣльцевъ, батюшкѣ, старшинѣ или писарю или иному кому прославиться въ печати, чтобъ знали, что живетъ-де тамъ-то Петръ Ивановичъ Бобчинскій и вдругъ составляются приговоры, въ которыхъ, Богъ знаетъ, что написано, что крестьяне, по выслушаніи рѣчи пріѣхавшаго сосѣда землевладѣльца, или отца, или инаго благодѣтеля, почувствовали, что они до сихъ поръ были свиньи, а теперь стали людьми, что у нихъ все зло приключается, не отъ какихъ-либо другихъ причинъ, а только отъ пьянства, что они отрекаются впредь до втораго пришествія и за себя, и за свое потомство не имѣть кабака и проч., и проч.».

¹⁾ «Голосъ», 1882, № 132.

И вся-то эта перемена является у крестьян мгновенно, послѣ рѣчи сосѣда-барина!... Рекламы тоже увѣряютъ, что, послѣ трехъ чашекъ шоколада Гетаблиеръ, больной немедленно чувствуетъ облегченіе.

Крестьянинъ продолжаетъ:

«И какимъ глупымъ, беспомощнымъ представляется крестьянинъ вездѣ-то во всѣхъ своихъ дѣлахъ, даже въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ только онъ и знаетъ больше всѣхъ и тутъ уже являются Бобчинскіе; и тутъ путаютъ былъ съ небылицей. Въдѣ въ этихъ приговорахъ только и заключается самобичеваніе, самоотреченіе, и рѣдко-рѣдко гдѣ высказывается правда. Неужели въ самомъ дѣлѣ изъ руководителей приговоровъ никто не додумался до той простой истины, что мужикъ знаетъ свои нужды больше кого-либо, что не можетъ ихъ устранить потому, что это не отъ него зависитъ, а когда будетъ зависѣть, то тогда устранить и безъ всякаго сосѣда, что не въ уничтоженіи кабаковъ единственное спасеніе мужика, а въ лучшей экономической обстановкѣ его положенія, въ развитіи его способностей и правъ, что подтасовывать, въ угоду времени, карты дурно уже потому, что это выйдетъ обманъ, который всегда принесетъ вредъ».

Другой рядъ приговоровъ поставляется крестьянами, дѣйствительно, самостоятельно, но не въ силу «пробудившагося сознанія», а просто вслѣдствіе неудовольствій съ кабатчикомъ. Какъ извѣстно, кабатчики за право открытія кабака въ селѣ, вопреки прямому требованію закона, платятъ въ пользу сельскаго общества извѣстную сумму, опредѣляемую взаимнымъ соглашеніемъ общества и кабатчика. Такъ вотъ когда сельчане пожелаютъ увеличить сумму, платимую имъ кабатчикомъ за право опиванія, а кабатчикъ упрется и не дастъ надбавки, тогда-то и является приговоръ о закрытіи кабаковъ, «дабы прекратить сіе пагубное зло» и «сохранить наше молодое поколѣніе отъ порчи яравовъ и поведенія».

Что всѣ эти приговоры рѣшительно не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ «борьбы съ пьянствомъ», лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что повсюду въ селахъ, сходн которыхъ постановили «не имѣть кабаковъ», пьянство нисколько не уменьшается противъ прежняго. Вотъ, напр., что пишутъ изъ Череповца:

«Крестьяне деревни Гоши, Даргунской волости, не пожелали имѣть въ своемъ селеніи питейнаго заведенія, вслѣдствіе чего

кабакъ закрылся; но, съ закрытіемъ послѣдняго, образовалось нѣсколько тайныхъ шинковъ, въ которыхъ, по прежнему, продолжаютъ продавать водку, часто испорченную. Вотъ что передаютъ нѣкоторые изъ женщинъ означенной деревни: «прежде знаешь, гдѣ хозяинъ: если нѣтъ дома, то идешь прямо въ кабакъ, ибо тогда былъ одинъ кабакъ, а теперь ихъ много — не знаешь куда и идти». Такъ, напр., одна изъ женщинъ, отыскивая своего мужа, обошла всю деревню, но не могла найти; послѣ оказалось, что ее супругъ, со своими односельцами, находился на чердакѣ одного дома, попивая могоарычъ, и, услышавъ голосъ своей жены, спрятался. Слѣдовательно, гошинскіе крестьяне «отъ волка бѣжали, да на медвѣдя попали»¹⁾).

Еще лучше разъясняется эта сторона дѣла въ одной корреспонденціи изъ села Николаевская слобода, Астраханской губерніи.

«Большая торговая Николаевская Слобода, имѣющая до 21,000 душъ населенія, замѣчательна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что вотъ уже шесть лѣтъ въ ней нѣтъ ни одного кабака, ни одного ренского погреба, ни одного трактира, ни одной харчевни и вообще ни одного мѣста для открытой розничной и распивочной продажи спиртныхъ напитковъ. И это не потому, чтобъ мѣстное населеніе, малороссы, не употребляли ихъ: оно пьетъ ни больше, ни меньше, чѣмъ пьютъ въ каждомъ русскомъ селѣ, и еще шесть лѣтъ назадъ въ слободѣ существовало нѣсколько десятковъ кабаковъ. Причина этихъ явленій заключается въ томъ, что николаевское сельское общество, взявшее, по заведенному обычаю, плату, подъ предлогомъ аренды за мѣста, занимаемыя питейными домами, за выдачу ежегодныхъ разрѣшительныхъ приговоровъ на ихъ открытіе, удвоило эту плату. Винооторговцы на то не согласились и, не будучи въ состояніи убѣдить общество понизить свои требованія, пооткрывали оптовые склады вина, пользуясь тѣмъ, что на право открытія ихъ не требуются разрѣшительные приговоры общества. Въ настоящее время, вмѣсто кабаковъ, трактировъ и проч., въ Николаевской слободѣ существуютъ 18 оптовыхъ винныхъ складовъ, которые всѣ, безъ исключенія, производятъ чарочную распивочную продажу вина и открыты именно съ этою цѣлью.

¹⁾ «Русскій Курьеръ», 1882, № 242.

Устройство почти всѣхъ складовъ во всемъ напоминаетъ устройство кабака: та же стойка поперекъ, сзади полочки съ бутылками, табанчиками и рюжками, какъ и въ обыкновенномъ кабакѣ; измѣнилась только вывѣска, и, вмѣсто «питейнаго заведенія съ продажей питей распивочно и на выносъ», красуется: «оптовый складъ вина и спирта такого-то». Существованіе этихъ складовъ-кабаковъ не составляетъ ни для кого тайны: ни для губершнн, ни для мѣстныхъ уѣздныхъ властей. Они говорятъ, что иначе невозможно было ничего сдѣлать, такъ какъ пришлось бы прекратить въ слободѣ совершенно питейную торговлю, что отразилось бы уменьшеніемъ питейнаго дохода и разореніемъ виноторговцовъ. По существующему уставу о питейномъ сборѣ, изъ складовъ не можетъ быть продаваемо вино менѣе трехъ педеръ сразу и отпускъ вина контролируется акцизнымъ надзоромъ. Чтобы соблюсти это требованіе, складчики, по мѣрѣ расхода вина въ чарочной продажѣ, выводятъ по книгамъ отпускъ его въ трехпедерномъ размѣрѣ на фиктивныхъ лицъ, и акцизный надзоръ, которому безезызвѣстно настоящее положеніе дѣла, повѣряя отпускъ складовъ, довольствуется подписями, что ко дню ревизіи въ складѣ оставалось столько градусовъ вина.

«Кромѣ волостного и сельскаго начальства, въ слободѣ постоянно проживаютъ мировой судья, судебный слѣдователь, становой приставъ и, до прошлаго года, проживалъ акцизный, за увольненіемъ котораго въ отставку, акцизное вѣдомство, чтобы не мозолило ему глаза открытое нарушеніе устава, не назначило въ слободу новаго акцизнаго, а присоединило ее къ участку акцизнаго въ Царевѣ, за 220 версть. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое множество начальства, живущаго и наѣзжающаго въ слободу, случаи преслѣдованія складчиковъ за чарочную продажу вина чрезвычайно рѣдки. Складчики ихъ и не боятся, потому что торговля виномъ такъ для нихъ выгодна, что они съ лихвою успѣютъ выторговать штрафъ, если онъ будетъ положенъ на нихъ за производство чарочной продажи. Съ прекращеніемъ существованія открытыхъ питейныхъ заведеній и съ устройствомъ, взаимнъ ихъ, оптовыхъ складовъ, въ слободѣ развилась тайная безпатентная торговля виномъ — корчемство. Всѣ ея лавки расположены на базарной площади, по окраинамъ слободы существуетъ нѣсколько мелочныхъ бакалейныхъ лавочекъ, въ которыхъ товаръ имѣется больше для изда, такъ какъ

они торгуютъ, главнымъ образомъ, секретно отъ начальства, виномъ, но открыто для мѣстныхъ жителей, которые и называютъ эти лавочки «шинками»; сверхъ того, существуютъ шинки и безъ такого прикрытія. Обыватели насчитываютъ до 100 тайныхъ шинковъ въ слободѣ. Когда существовали кабаки, въ интересахъ виноторговцевъ было преслѣдовать безпатентную торговлю виномъ, такъ какъ она стѣсняла ихъ продажу; теперь же въ интересахъ виноторговцевъ покровительствовать ей, потому что она облегчаетъ расходъ вина изъ ихъ складовъ, потому что какъ ни открыто ими производится чарочная продажа вина, все же они нѣсколько стѣсняются, и, при появленіи въ слободѣ какого нибудь чиновника высшаго ранга или вообще другого какого чиновника изъ губерніи, имѣющаго соотношеніе къ питейной торговлѣ, къ дверямъ складовъ приставляются караульные, особенно въ базарные дни, и лишь только чиновникъ покажется на улицѣ, какъ изъ складовъ черезъ заднія двери выгоняются посѣтители».

Указанное положеніе питейной торговли въ Николаевской Слободѣ составляетъ далеко не единичный случай.

«Въ концѣ прошлаго года, крестьяне верхне-ахтубинскаго и среднеахтубинскаго сельскихъ обществъ предложили было увеличить плату за разрѣшительные приговоры на открытіе питейныхъ заведеній; мѣстные виноторговцы на это не согласились и, вмѣсто кабаковъ, пооткрывали склады. При выдачѣ же патентовъ на второе полугодіе, оба названныя общества понизили свои требованія и вошли въ соглашеніе съ виноторговцами относительно платы за дозволительные приговоры, и въ обоихъ селеніяхъ открылись съ 1 іюля кабаки. Въ селеніи Пришибѣ, того же Царевскаго уѣзда, до 1 іюля существовало 12 кабаковъ и два оптовые склада; за разрѣшительные приговоры на второе полугодіе общество потребовало 2,400 руб. со всѣхъ виноторговцевъ, вмѣсто платимыхъ ими ранѣе 1,500 руб.; виноторговцы не согласились и пооткрывали оптовые склады, числомъ девять. Замѣчательно, что въ этомъ селеніи начинъ возвышенной платы за приговоры принадлежалъ двумъ крестьянамъ виноторговцамъ, надѣявшимся этимъ способомъ сократить число своихъ конкурентовъ. Во Владиміровской Слободѣ обществомъ положено къ содержанію одно питейное заведеніе: виноторговцы открыли шесть оптовыхъ складовъ собственно для чарочной продажи, причѣмъ одинъ складъ принадлежитъ мѣстному по-

лостному старшинѣ, только переведенъ флятинно на другое имя. На Баскунчакскомъ соляномъ озерѣ, для предупрежденія пьянства среди рабочихъ, вовсе не дозволено открытія питейныхъ заведеній: вмѣсто этого, тамъ производится въ сильныхъ размѣрахъ питейная торговля виномъ, которое доставляется чумаками изъ Владиміровской слободы и передъ продажей разбавляется водою. На Эльтовскомъ соляномъ озерѣ то же явленіе. Астраханское управленіе государственными имуществами, на правахъ землевладѣльца, не разрѣшило съ 1 іюля открытія питейныхъ заведеній на Эльтовѣ, въ виду вреднаго вліянія ихъ на нравственность рабочихъ; виноторговцы открыли лишній кабачъ въ селѣ Житкурѣ, въ 28 верстахъ отъ Эльтопа, и изъ села Житкура отпускаютъ водку для тайной продажи рабочимъ на соляномъ озерѣ, гдѣ она сбывается соледомщикамъ и чумакамъ, разбавленная водою, по 9 к. за маломѣрный стаканъ, и пьянство среди рабочихъ не уменьшилось».

«Подобныхъ фактовъ можно привести сколько угодно; они встрѣчаются не въ одной Астраханской губерніи, и вообще можно сказать, что каждый оптовый винный складъ, учрежденный въ селеніи, открывається единственно для чарочной, раздробительной продажи вина, такъ какъ крестьяне покупаютъ вино ведрами только передъ большими праздниками, вроде пасхи, и осенью, въ періодъ свадебъ. Въ селѣ Горномъ Балаклеѣскомъ, Царицинскаго уѣзда, о которомъ сообщалось, какъ о похвальномъ примѣрѣ постановленія крестьянъ не имѣть ни одного кабака, съ новаго года открылось нѣсколько оптовыхъ складовъ и самый приговоръ о неизмѣнн кабаковъ поступовалъ по несоглашенію между обществомъ и виноторговцами относительно платы за разрѣшительные приговоры на право открытія питейныхъ заведеній. Въ Дубовскомъ Пасадѣ, въ которомъ, несмотря на скопленіе лѣтомъ рабочихъ, пьянства среди населенія не замѣтно, посадская дума постановила не разрѣшать открытія питейныхъ заведеній, харчевенъ, трактировъ и ренсковыхъ погребовъ въ кварталѣ, прилегающемъ къ паровой мельницѣ Камнева и пивоваренному заводу Корсова и населенномъ рабочими; и дѣйствительно, тамъ нѣтъ открытыхъ заведеній этого рода, но зато существуетъ нѣсколько тайныхъ шинковъ ¹⁾».

¹⁾ «Голосъ», 1882 г., № 248.

Приведя все вышесказанное, я вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что крестьяне никогда не постановляютъ приговоровъ о закрытіи кабаковъ изъ соображенія протекающаго отъ пьянства вреда и изъ желанія бороться съ нимъ. Какъ ни рѣдки такіе приговоры, но они все-таки бывають. Но и такими приговорами можно развѣ только восхищаться какъ проявленіемъ «пробужденнаго сознанія»; ожидать же отъ нихъ какого либо «успѣха» въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ по меньшей мѣрѣ наврно.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что какое нибудь сельское общество «сознало весь вредъ пьянства» и постановило не разрѣшать открытія кабаковъ на своей территоріи, а кабаки тѣмъ не менѣе открываются; что тогда предпринять сельскому обществу? Да 1873 года сенатъ считалъ возможнымъ подвергать наказанію тѣхъ, кто торговалъ виномъ на крестьянской землѣ безъ согласія крестьянъ, но потомъ сенатъ пришелъ къ заключенію, что подобный проступокъ «не нарушаетъ интересовъ казеннаго управленія», и нарушаетъ только «права, представленныя закопомъ обществамъ», слѣдовательно, общества могутъ жаловаться, «если пожелаютъ». По этому поводу «Русскія Вѣдомости» основательно замѣчаютъ:

«Кто же не знаетъ, что значить у насъ жаловаться по начальству, да въ особенности, когда дѣянія, за которыя жалуются, «не нарушаютъ интересовъ казеннаго управленія», а, пожалуй, еще производятся въ этомъ интересѣ. Покуда начальство соберется удовлетворить ходатайство объ отобраніи патента, покуда покопчить переписку, безъ которой никакому начальству никакъ обойтись нельзя, срокъ патента давно истечетъ. Рекомендуется вчинать искъ. Но о чемъ? Объ убыткахъ? Но, вѣдь, исчислить ущербъ, причиняемый обществу кабаками, куда какъ трудно. Онъ неисчислимы и неусловимъ. Еще труднѣе доказать его, а доказать искъ въ гражданскомъ судѣ необходимо».

А такіе случаи открытія кабаковъ въ селахъ противъ желанія ихъ обывателей бывають очень часто. Способы, употребляемые для обхода желанія крестьянъ, крайне разнообразны. Вотъ что, напримеръ, имѣетъ мѣсто въ настоящее время въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне с. Спасскаго составили приговоръ, въ силу котораго кабакъ на селѣ былъ закрытъ».

Тогда вѣкій предприимчивый человекъ—русскій отставной солдатъ, не желая оставить с. Спасское безъ кабака, воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что земля крестьянъ сосѣднаго села Гущина (имѣнье кн. Меньшикова) отдѣляется отъ построекъ с. Спасскаго только проселочной дорогой. Такая близость чужой земли и безъ того стѣсняла крестьянъ с. Спасскаго, теперь же вышеупомянутый предприимчиватель взялъ на аренду у гущинцевъ десятину земли, прилегающей къ дорогѣ, идущей мимо с. Спасскаго, и отъ гущинцевъ же получилъ приговоръ на открытіе кабака на ихъ землѣ. Тогда кабакъ былъ выстроенъ и, оказалось теперь, замыкаетъ собою улицу села Спасскаго. Въ настоящемъ году, когда выстроена была Александровская часовня, кабакъ оказался отъ нея ближе чѣмъ въ 15 сажняхъ, и потому кабатчикъ, въ силу известнаго закона, не могъ продолжать торговлю виномъ на старомъ мѣстѣ, но поспѣшилъ, позади своей обширной избы, выстроить маленькое легкое помѣщеніе, въ сторонѣ отъ дороги, въ открытомъ полѣ. Но вскорѣ мѣстными властями, а также г. Щенкинымъ, завѣдывающимъ имѣніемъ Н. С. Тургенева, обнаружено было, что кабатчикъ производитъ продажу вина не только изъ новопостроеннаго помѣщенія, но и изъ своего дома; патентъ же носить въ карманѣ. Противъ кабатчика возбуждено было судебное преслѣдованіе, и онъ приговоренъ къ уплатѣ 400 р. штрафа; но кабатчикъ продолжаетъ свои незаконныя дѣйствія, причемъ кабакъ его служитъ не только мѣстомъ спаванія крестьянъ, но и пригономъ для всякаго рода воровства, такъ какъ водка отпускается подъ закладъ разнаго рода вещей ¹⁾».

О другомъ способѣ можетъ дать понятіе слѣдующая исторія. Въ Сергинской волости, Пермской губерніи, крестьяне постановили не давать разрѣшенія старому кабатчику П-на открытіе кабаковъ. Тогда П., «имѣя на своей сторонѣ старшину и писаря, является въ одно изъ своихъ питейныхъ заведеній, собираетъ туда всѣхъ своихъ сторонниковъ, вѣчно имъ спаваемыхъ, пишетъ тутъ же своей рукой приговоръ на имя своего родного брата, который вовсе и не бывалъ никогда на сходѣ, вписываетъ въ заголовокъ всѣхъ

¹⁾ «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 167.

крестьянъ волости, за которыхъ подписываютъ грамотные его сторонники; такимъ образомъ приговоръ почти готовъ, остается только засвидѣтельствовать его. Но и за этимъ дѣломъ не стало: оказывается, что въ Сергинскомъ селѣ два крестьянскихъ общества, въ одномъ изъ которыхъ староста былъ человекъ слабый, пьющій. Его то зазываетъ П. къ себѣ въ гости, напиваетъ и нынчаго уговариваетъ приложить къ приговору свою «печать». Для того же, чтобы обойти старосту другого общества, человека трезваго и, по выраженію крестьянъ, «постояннаго», П. не задумался подать посреднику жалобу, въ которой заявлялъ, что староста этотъ проситъ съ него взятку и безъ таковой приговора не свидѣтельствуетъ. Посредникъ, по принятому у этихъ господъ обычаю, не произвелъ лично дознанія, а послалъ запросъ волостному правленію; то, въ свою очередь, радѣя на пользу П., донесло, что староста не свидѣтельствуетъ приговора «единственно по своему упорству». Удовольствовавшись рапортомъ волостного правленія, посредникъ самъ завѣрилъ законность приговора, такъ что П. могъ получить патентъ и съ новаго года открыть торговлю. Крестьяне возмутились подобной продѣлкой и избрали довѣренныхъ, которымъ поручили ходатайствовать о закрытіи питейныхъ заведеній П. и о возбужденіи преслѣдованія противъ виновныхъ въ составленіи подложнаго приговора. Довѣренные начали съ того, что подали жалобу мировому посреднику, но тотъ, вмѣсто того, чтобы провѣрить справедливость обвиненій, заключенныхъ въ жалобѣ, раскричался на довѣренныхъ и угрозилъ, что онъ все общество отдастъ подъ судъ за выдачу приговора на имя В. за деньги. Долго ходили повѣренные къ посреднику и, ничего отъ него не дождавшись, подали заявленіе прокурору окружнаго суда, который немедленно поручилъ приставу 2-го стана Пермскаго уѣзда произвести строгое дознаніе. Тогда встрѣтилась новая, совершенно неожиданная задержка; кто то изъ радѣтелей патрона П-на ухитрился подстроить такъ, что прокурорское порученіе, вмѣсто пристава 2-го стана, попало въ 3-й станъ. Тотъ продержалъ дѣло безъ всякаго движенія болѣе полугода и только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года возвратилъ его «за непохожденіемъ Сергинской волости въ его станъ». Когда же, наконецъ, злополучная жалоба сергинскихъ довѣренныхъ дошла по назначенію и приступлено было къ производству дознанія, то всѣ

концы оказались спрятанными въ воду. П., конечно, съелъ нужннй потерять подлинный приговоръ, безъ котораго невозможно доказать подлогъ; мировой посредникъ, со своей стороны, не нашелъ никакого проступка со стороны волостныхъ и сельскихъ начальниковъ.— оставалось только прекратить дѣло производствомъ и сдать въ архивъ ¹⁾».

Иногда крестьяне не могутъ никакъ отбиться отъ навязываемаго имъ благодѣянія въ видѣ кабака и иной разъ даже сердятся. Такъ въ Бирскомъ уѣздѣ мужиковъ благодѣтельствуемъ кабаками мѣстный предводитель дворянства, г. Шестаковъ. Какъ ни стараются крестьяне избавиться отъ благодѣяній г. Шестакова, это имъ доселѣ не удавалось,—и вотъ въ выпшнемъ году разыгралась въ дер. Толбазы такая печальная исторія: крестьянами этой деревни «разнесенъ буквально до основанія мѣстный кабакъ, принадлежащій бирскому предводителю дворянства, г. Шестакову. Замѣчательно при этомъ, что собравшаяся гурьба народа первоначально выкатила бочки съ виномъ, затѣмъ чинно вынесла всю посуду и потомъ уже принялась за разрушеніе зданія, которое и было разломано до основанія. Разрушители кабака сначала заявили, что они ни вина и ничего другого не тронуть, а только ломаютъ ненавистный имъ кабакъ, имѣть который—они давно уже не желаютъ. Конечно, за свой самовольный поступокъ толбазинцы будутъ отвѣчать; но порицать ихъ за нежеланіе имѣть «насилъно» имъ навязываемый кабакъ едва ли возможно... ²⁾».

Третій способъ состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто закрытаго по приговору сельскаго общества кабака открыть тайный кабакъ. Такъ; напр., «въ деревнѣ Веревкино-Ранцево, Грылевской волости, крестьяне не дали приговора на открытіе у нихъ въ выпшнемъ году кабака, причемъ выразили единогласно желаніе, чтобы онъ и никогда вообще не былъ открываемъ въ ихъ деревнѣ. Въ началѣ деревня вздохнула было свободнѣе, такъ какъ меньше стало буйства, дракъ и вообще безобразнаго шума; но вскорѣ оказалось, что кабакъ въ деревнѣ все-таки существуетъ, хотя и не официально.

¹⁾ «Страна», 1881 г., № 120.

²⁾ «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 130

Кабатчица Преображенская по старому торгуетъ виномъ, и безо всякаго стѣсненія отпускаетъ его всѣмъ желающимъ не только малыми дозами-стаканами, косушками и т. п., но даже цѣлыми ведрами, причеиъ еще не платитъ акцизныхъ пошлинъ за торговлю. Деревенскія же власти—урядникъ, старшина и писарь, не обращаютъ никакого вниманія на безпатентную торговлю, ибо всѣ они «друзья-пріятели» кабатчицы. Не такъ равнодушно отнеслись къ «шинку» крестьяне. Замѣчая полное бездѣйствіе своихъ властей—они рѣшили сами дѣйствовать, рѣшили уличить кабатчицу на мѣстѣ преступления. Въ Оомипо воскресеньѣ, 4 апрѣля, крестьяне узнаютъ, что къ пей привезенъ боченокъ водки въ 12 ведеръ, и въ сопровожденіи сельскаго старосты, отираются производить осмотръ. Боченокъ съ водкой они дѣйствительно нашли и арестовали, причеиъ староста приложилъ къ нему свою печать. Послѣ этого помощнику акцизнаго надзирателя 5-го округа 3-го участка, живущему въ г. Осташковѣ, сдѣлано было письменное заявленіе о незаконной торговлѣ виномъ. Послѣдній немедленно же потребовалъ отъ сельскаго старосты произвести подробное дознаніе и составить актъ о случившемся. Составленъ былъ и актъ; въ немъ болѣе 20 человекъ дали показаніе, какъ они пили за деньги водку въ домѣ мѣщанки Преображенской. Какое теперь движеніе дано акту акцизнымъ чиновникомъ—крестьяне до сихъ поръ не знаютъ и потому пачинаютъ опасаться, какъ бы онъ не попалъ подъ «сукино». Крайне странно поведеніе въ настоящемъ дѣлѣ урядника: въ началѣ онъ уговаривалъ крестьянъ не трогать боченка, ибо тотъ наполненъ не водкой, а масломъ; когда же его разубѣдили въ этой иллюзіи, то все-таки на отрѣзъ отказался отъ составленія протокола. Теперь урядникъ отрицаетъ даже присутствіе свое во время обыска въ домѣ кабатчицы. Между тѣмъ, кабатчица духомъ не пала и подала мировому судѣ 4-го участка прошеніе, въ которомъ обвиняетъ 14 человекъ (въ томъ числѣ и сельскаго старосту) въ самоуправномъ взятіи у нея не только боченка съ виномъ, но яко бы и другихъ вещей—всего на 13 рублей, что является вопіющею неправдой¹⁾.

¹⁾ «Русскій Бурьеръ», 1882 г., № 153.

Вотъ, вмѣсто того, чтобы кричать о «пробужденномъ сознаниі» и тому подобнѣхъ вещахъ, лучше было бы позаботиться о томъ, чтобы крестьяне не встрѣчали препятствій, когда у нихъ дѣйствительно является желаніе бороться съ пьянствомъ. А то дѣло дошло до того, что орловская цензура не пропускаетъ въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» извѣстій о томъ, что болховскіе крестьяне стремятся къ закрытію кабаковъ, а полиція не позволяетъ имъ этого ¹⁾. И все это рядомъ съ восхищеніемъ «пробужденнымъ сознаниемъ!»

Я. Абрамовъ.

---

¹⁾ «Русскій Курьеръ», 1862 г., № 132.

Голосъ старухи.

Среди цѣлаго вораха разнообразнѣйшихъ толковъ по поводу за-
крытія женскихъ врачебныхъ курсовъ, да позволено будетъ и мнѣ,
живущей на свѣтѣ шестой десятокъ лѣтъ, высказать по этому во-
просу свое мнѣніе, построенное на долготѣнемъ опытѣ. Вполнѣ со-
знательно помню я то время, когда ни о какомъ высшемъ женскомъ
образованіи не было и помину, когда физика и математика счита-
лись для насъ—женщинъ—не нужными... И не только помню, но
сама принадлежу къ тому несчастному поколѣнію женщинъ, кото-
рая умѣли только болтать по французски, играть на фортепьяно,
да вышивать гарусныя подушки. Затѣмъ, лѣтъ 15 тому назадъ, я
близко видѣла первая трудныя попытки русскихъ женщинъ достиг-
нуть знанія и извѣстной самостоятельности и наконецъ увидѣла
во очію женщинъ, до извѣстной степени достигшихъ того и другого.
Слѣдовательно, при мало-мальской наблюдательности и при совер-
шенномъ отсутствіи какой бы то ни было предвзятой идеи, можно
сдѣлать болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку въ данномъ случаѣ и раз-
смотреть вопросъ съ двухъ сторонъ: 1) были ли женщины лучше
«до курсовъ», чѣмъ теперь? 2) Необходимы ли женщины-врачи?

Начнемъ съ того, что гг. ратовавшіе противъ «курсовъ» и те-
перь ликующіе по случаю ихъ упраздненія, чаще всего формули-
руютъ свои мотивы тѣмъ, что закрытіе курсовъ якобы «возвратить
женщину семьѣ, къ исполненію ея естественныхъ обязанностей жены
и матери».

Господа! Слыхали ли вы выраженіе — конечно слышали—выра-

женіе рѣдкая мать, и приходило ли вамъ въ голову разобрать смыслъ этого выраженія. Рѣдкой матерью изстаря (о, еще задолго до «курсовъ») называли мать, добросовѣстно исполнявшую свои обязанности. Изъ этого прямой выводъ, что если-бы всѣ матери исполняли свои обязанности относительно собственныхъ дѣтей, то не было бы рѣдкихъ матерей. Быть хорошей матерью—дѣло, повидимому, на столько же естественное, какъ быть просто матерью. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не то. Хорошія матери рѣдки; оттого за ними и укрѣпился странный эпитетъ «рѣдкая мать». Отчего же это? Что мѣшало матерямъ въ исполненіи обязанностей? Что отвлекало ихъ, заставляло брать въ былыя времена крѣпостныхъ, а въ послѣдствіи и нанятыхъ кормилицъ, а за тѣмъ боннъ, гувернантокъ? Относительно послѣднихъ можно еще пайти объясненіе въ недостаточномъ образованіи матерей и желаніе дать лучшее образованіе своимъ дѣтямъ. Но кормить! Вѣдь это всякая (за самими рѣдкими исключеніями) можетъ, должна дѣлать. Не безобразіе ли, не злѣрство ли брать въ кормилицы ребенка совершенно незнакомую женщину, не зная никакихъ ея антецендентовъ и очень часто подвергая своего ребенка страннымъ послѣдствіямъ. И это вовсе не потому, что кормленіе ребенка по-мѣшало бы идти на какія нибудь лекціи, а просто потому, что онъ «ночью безпокоитъ», «руки связываетъ», уйти отъ него нельзя—въ гости, въ театръ, мало ли куда нужно! Гораздо удобнѣе нанять, чтобы его кормили, купали, не спали надъ нимъ ночей. . . Размѣры моей замѣтки не даютъ возможности привести массу доказательствъ недобросовѣстнаго отношенія матерей къ дѣтямъ въ «до-курсовое время», когда никакія идеи, никакія вѣянія не смущали женщинъ, не мѣшали имъ.

Но, позвольте спросить, гдѣ вѣроятность того, что непременно всѣ женщины, не имѣя возможности поступить «на курсы», сдѣлаются тотчасъ «вѣрными супругами и добродѣтельными матерями», т. е. попросту выйдутъ замужъ. Неужели можно проглядѣть ту массу старыхъ дѣвъ, изстаря безплодно бременившихъ и бременящихъ семьи отцовъ, затѣмъ братьевъ, замужнихъ сестеръ и наконецъ знакомыхъ? Тѣхъ несчастныхъ существъ, никому не нужныхъ, не имѣющихъ ни личныхъ кровныхъ родителей, ни собственной копѣйки, больныхъ, нервныхъ, обозленныхъ, шипящихъ, испавляющихъ всѣхъ и все, за то, что имъ не дано личнаго счастья?

Не всегда и даже очень рѣдко отъ самой дѣвушки завистить выйти замужъ или нѣтъ. Мы очень часто видимъ въ достаточной, хорошей семьѣ дѣвушекъ не дурныхъ соборъ, милыхъ, добрыхъ, остающихся незамужними безъ всякой видимой причины. Помню я одинъ такой случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ университетскихъ городовъ, гдѣ я тогда жила, переѣхало одно знакомое мнѣ семейство съ цѣлью «вывозить» старшую дочь, красавицу писаную, и не безъ приданого. Кромѣ этой дочери, въ семьѣ была еще другая, дѣвочка лѣтъ 12-ти. Какъ то разъ, говоря съ матерью этихъ дѣвицъ, я спросила у нея, не думаетъ ли она помѣстить свою меньшую дочь въ мѣстную женскую гимназію.

— Въ гимназію! воскликнула барыня почти съ ужасомъ, о, нѣтъ, никогда!

— Отчего же? спросила я.

— Помилуйте! Я воспитываю своихъ дочерей въ извѣстныхъ принципахъ; я хочу, чтобы современемъ онѣ были семьянинками, а гимназія... Это что то ужасное.

Не знаю почему во время этой тирады я взглянула на сидѣвшую тутъ же цвѣтущую и нарядную красавицу и при этомъ подумала: но чтобы быть семьянинкой, нужно чтобы прежде подходящій семьянинъ нашелся, а если нѣтъ...

И въ самомъ дѣлѣ: въ ту зиму красавицу показывали вездѣ: въ театрахъ, въ живыхъ картинахъ, на балахъ, въ качествѣ продавщицы билетовъ на аллегри и въ базарахъ, при бенгальскомъ огнѣ, въ различныхъ «національныхъ» костюмахъ. О красавицѣ говорилъ весь городъ, писали въ мѣстной газетѣ. Успѣхъ былъ громадный, кавалеровъ была масса, но между ними не нашлось ни одного семьянина. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ. На «курсы» она не поступила, но и семьянина до сихъ поръ не обрѣла.

Отрицать факта невозможно. Что старая дѣва составляютъ муку себѣ и другимъ тоже вещь несомнѣнная, но это только въ томъ случаѣ, если онѣ приживалки, лишніе рты. Дайте имъ самостоятельность и возможность приносить пользу себѣ и другимъ и старая дѣва перестанетъ тяготить васъ, она станетъ человекомъ.

А этого ей легко достигнуть, сдѣлавшись врачомъ, акушеркой-фельдшерницей и, повѣрьте, обладая какой нибудь изъ этихъ спе-

ціальностей, ей гораздо легче будет даже выйти замужъ. За примѣрами ходить не далеко: стоитъ оглянуться вокругъ да около.

Кромѣ того, господа, по мнѣнію которыхъ насильственное устраненіе женщинъ отъ «курсовъ» поведетъ непремѣнно всѣхъ дѣвушекъ подъ вѣнецъ, забываютъ то простое обстоятельство, что если можно выйти замужъ, то точно также можно и овдовѣть. Если предположить, что роль женщины въ семьѣ должна ограничиться только обязанностями «супруги и матери», а всѣ матеріальныя заботы по содержанию семьи должны лежать на кормильцѣ мужѣ, то вообразите себѣ, если этотъ кормилецъ—будь онъ врачъ, чиновникъ, словомъ не рапортёръ, не собственникъ—такъ вотъ этотъ самый кормилецъ вдругъ, что называется, повалится, а у бѣдной, умѣющей только любить женщинъ, останется на рукахъ одинъ или нѣсколько ребятъ. Не пригодилась ли бы ей тогда наука этихъ самыхъ «курсовъ» и не было ли бы для нея истинной отрадой сознаніе, что она сможетъ сама выкормить и воспитать своихъ сиротъ, не прибѣгая ни къ частной, ни къ казенной благотворительности. Бываютъ вѣдь разныя женщины. Для однихъ ничего не значатъ обивать пороги присутственныхъ мѣстъ и переднихъ высокопоставленныхъ лицъ, чтобы растыкать своихъ дѣтей на даровые харчи; но я знавала и такихъ, которыя зарабатывались до слѣпоты, до чахотки (въ тѣ еще не далекія времена, когда швейная машина считалась роскошью, когда иглолка была единственнымъ ресурсомъ бѣдныхъ вдовъ), но все-таки не соглашались отдавать въ пріютъ ребенка, не смотря на то, что онъ «ужасно мѣшалъ работать».

Обращаясь опять къ тому-же выраженію «возвратить женщину семьѣ», я не могу не указать на массу женщинъ всѣхъ классовъ, вышедшихъ замужъ и находящихся въ *séparation de corps*.. Неужели и этотъ фактъ не говоритъ самъ за себя? Не доказываютъ ли онъ, что и замужняя женщина не всегда бываетъ, не всегда можетъ быть «добродѣтельной супругой и пѣжной матерью». Не станемъ разбирать причины подобныхъ *séparations*, существовавшихъ и до «курсовъ»; я хочу только сказать, что и въ такомъ случаѣ, женщина обладающая извѣстными научными знаніями легче справится съ волнами моря житейскаго.

И почему это господа защитники интересовъ семьи, якобы потрясаемой курсами, проглядѣли другія специальности, не менѣе курсовъ, отвлекающія отъ семьи. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣ-

довало бы вернуть домой всѣхъ губернантокъ, учительницъ, консерваторокъ. Что-же это за сумбуръ-бы вышелъ?

Не будемъ напоминать, какъ часто эти самыя, уходящія изъ семьи дѣвушки, однѣ только и поддерживаютъ ея существованіе!

Съ другой стороны, если разсматривать, насколько женщины врачи полезны для общества, то я опять таки обращусь къ тому дореформенному времени, когда о курсахъ не было и понятія, когда гг. врачи-мужчины—да и тѣхъ было не много—были полновластными господами въ животѣ и смерти, словомъ ко времени моей молодости. Относительно медицинской помощи это было печальное время, особенно въ провинціи, или, напимѣръ, въ армейскихъ полкахъ, гдѣ и я провела десять лѣтъ лучшей молодой жизни. Армейскіе полки, расположенные въ то время всегда въ ужаснѣйшихъ захолустьяхъ, изобиловали женатыми, не богатыми офицерами. У всѣхъ почти были дѣти. И жены, и дѣти, конечно, нуждались въ врачебной помощи, для которой и существовали полковые врачи, по большей части молодые. Лѣчили они насъ какъ и чѣмъ Богъ послалъ. Но вѣдь въ то же время они были и нашими близкими знакомыми, точно также, какъ и всѣ офицеры полка. Обратиться къ такому молодому знакомому человѣку съ какойнибудь женской болѣзнію считалось у насъ въ то время невозможнымъ, немислимымъ. Какъ, тотъ самый Василій Ивановичъ или Иванъ Петровичъ, который у насъ каждый день играетъ въ карты, болтастъ вздоръ, который и безъ того по праву врача иногда позволяетъ себѣ слишкомъ, многое и вдругъ... ибѣть, ни за что! я умру отъ стыда... Всякій такой Василій Ивановичъ никогда не имѣлъ въ глазахъ нашихъ ничего импозантнаго или внушающаго довѣріе и мы всѣ предпочтали лучше хворать, чѣмъ лѣчиться у своего, за что многія изъ насъ заплатились годами страданій.

А господа теперешніе гинекалоги..

Не всѣ, конечно. Ну, да ужъ лучше не распространяться...

Нужно-ли прибавлять, что самая шепетильная молодая женщина не задумается обратиться за помощью къ врачу—женщинѣ.

А бѣдныя бабы, простыя деревенскія бабы, десятками изуродованныя бабками—самоучками? А полнѣйшій недостатокъ акушерокъ, которыхъ тогда, лѣтъ 25 тому назадъ, полагалось по одной на цѣлый уѣздъ, а потому помощью ея пользовались только мѣстными властями, да богатые помѣщики.

Что женщины врачи — кладутъ въ свое дѣло всю душу свою — этого, я думаю, никто отрицать не станетъ. Вспомнимъ послѣднюю войну; спросите солдатъ, испытавшихъ на себѣ, что такое «милосердная сестрица». Все это факты, не допускающіе возраженій. Посмотрите теперь на только что окончившихъ врачей мужчину и женщину. Мужчина — вчерашній бѣдный студентъ — сегодня уже чувствуетъ подъ собой твердую почву; онъ знаетъ, что какъ-бы онъ ни относился къ дѣлу, никогда не поднимется вопросъ о томъ, нуженъ-ли онъ или нѣтъ.

Совсѣмъ другое врачъ — женщина. Послѣ пяти лѣтъ борьбы, говетій, клеветы, муки, голода, униженія, она наконецъ врачъ. Ея страстно хочется показать, что она въ самомъ дѣлѣ врачъ, что она знаетъ, что можетъ быть полезна. Она знаетъ, что только реальными фактами докажетъ свою правоспособность, что ей ничего не простятъ, никакой ошибки, оплошности, недосмотра, что ее засмѣютъ, забросаютъ грязью. О, сколько драматизма въ положеніи женщины врача! Ежеминутно трепетать за свое душевное достоинство, за право быть полезнымъ членомъ общества. И ничего нѣтъ удивительнаго, если она дѣйствительно всей душой отдается больному. Отъ успѣшности ея леченія зависитъ разрѣшеніе мучительнаго вопроса: быть или не быть.

Мнѣ остается коснуться еще одной стороны вопроса, хотя говоря откровенно, не хотѣлось-бы... Многіе позволяютъ себѣ говорить о распущенности курсистокъ вообще. Не отрицая, что во всякомъ обществѣ, къ сожалѣнію, неизбѣжны нездоровые элементы, я тѣмъ не менѣе всегда буду утверждать, что эта кажущаяся распущенность нѣкоторыхъ есть ничто иное, какъ молодой задоръ, желаніе показать себя человѣкомъ взрослымъ, самостоятельнымъ. Не то-ли самое у молодыхъ людей. Кто больше всего бурлитъ и шумитъ, какъ не первокурсникъ? Но по мѣрѣ того, какъ наука получаетъ въ глазахъ его интересъ, онъ мало по малу успокаивается и идетъ своей дорогой. Тѣ же, для кого наука никогда не получитъ интереса, отпадутъ сами собою. Тоже самое и у барышень: посмотрите на только что окончившую бѣдовую гимназистку и на степенную студентку 4—5-го курсовъ. Развѣ между ними есть что нибудь общее? А если даже допустить, что поведеніе нѣкоторыхъ курсистокъ оставляетъ желать лучшаго, то, во первыхъ, въ семьѣ не безъ уroda, а, во вторыхъ, скажемъ съ сожалѣніемъ, при-

смотрите, господа строгіе судьи и порицатели, что дѣлается въ семьяхъ... И даже въ самыхъ благонамѣренныхъ, и патріархальныхъ. Скажете-ли вы, положи руку на сердце, что тамъ не куда бросить камешка?..

И такъ, смиряясь передъ Всесильнымъ промысломъ, безъ котораго и волосъ съ главы нашей не долженъ пасть, я, тѣмъ не менѣе, не могу безъ сердечной боли смотрѣть на закрытіе врачебныхъ курсовъ. Искренно жалѣю о тѣхъ горемыкахъ дѣвушкахъ, которымъ предстоитъ мигать одинокое, безцѣльное, безцвѣтное и безотрадное существованіе, а всякому немощному, бѣдному, старику и младенцу совѣтую обратиться въ тяжкую минуту къ врачу—женщинѣ, пока онѣ еще есть у насъ. Онѣ съумѣютъ оставить въ обществѣ свѣтлую память о своемъ короткомъ, уснпанномъ терніями пути.

Да пошлетъ имъ Богъ мужество!

Литературныя замѣтки.

Говорятъ, какой-то чужакъ, начитавшись патріотическихъ газетъ, столь ревностно занятыхъ искорененіемъ вредныхъ элементовъ, серьезно задаясь изобрѣтеніемъ машинки, которая измѣряла-бы и опредѣляла-бы степень благонадежности. Понадобилось узнать добромъ-мыслие того или другаго субъекта, сейчасъ же приставляютъ машинку къ шишкѣ политическихъ взглядовъ и смотрятъ, куда стрѣлка двигается—вправо или влево. При такой наглядности, никакимъ уверткамъ не останется мѣста и задача искорененія, слѣдовательно, будетъ значительно облегчена.

Если слухъ этотъ справедливъ, то нельзя не пожелать почтенному патріоту самого блистательнаго успѣха. Ибо, помимо блага родины, машинка для измѣренія благонадежности разрѣшала бы вопросъ о точномъ опредѣленіи умственныхъ и нравственныхъ направленій вообще. А труднѣе этого, какъ извѣстно, ничего нѣтъ. Хотя въ учебникахъ логики и психологій и сказано, что слово дано человѣку для выраженія его мыслей и чувствъ, но отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ дѣйствительно пользовался этой способностью во всемъ ея объемѣ. Нѣтъ ничего труднѣе формулировки. Языкъ нашъ такъ бѣденъ въ сравненіи съ міромъ чувствъ и мыслей, что только въ самыхъ общихъ чертахъ можетъ намѣтить контуры душевнаго міра, далеко не передавая всѣхъ изгибовъ его. Оттого-то даже въ самой добросовѣстной полемикѣ такъ часто раздается крикъ: «мои мысли извратили, я тѣмъ-то и тѣмъ-то «устои», № 9 и 10, отд. II.

думалъ совсѣмъ другое выразить». Слѣдуетъ новое изложеніе мыслей, которое, конечно, подаютъ поводъ къ новому «извращенію».

Нѣтъ, положительно пора придумать какой-нибудь приборъ для опредѣленія направленія. Господа физики изобрѣли разные барометры, термометры, динамометры, электрометры, фотометры, газометры, пльвіометры и всякіе другіе метры, а вотъ до сихъ поръ еще и намека нѣтъ на какой-нибудь психометръ, который бы въ числахъ, на циферблатѣ, всѣмъ и всякому видимомъ, отмѣчалъ бы нашу психику, показывалъ бы ходъ и движеніе мысли, и вообще точно, такъ чтобы не оставалось мѣста для спора, опредѣлялъ бы то, что мы называемъ «направленіемъ».

Въ особенности былъ бы полезенъ автоматическій, точный и безпристрастный приборъ для опредѣленія направленія въ настоящее время. Ужасно полезенъ и необходимъ, потому что никогда еще не существовало такого вавилонскаго столпотворенія въ опредѣленіи партій, какъ теперь. Самыя разнообразныя причины соединились вмѣстѣ, чтобы произвести невѣроятнѣйшую путаницу въ партійныхъ обозначеніяхъ. Главныя изъ нихъ, конечно, крайняя трудность чисто-теоретическимъ путемъ создать себѣ программу практическихъ дѣйствій и затѣмъ—страхъ іудейскій поплатиться за излишнюю откровенность. Все это, конечно, не можетъ способствовать ясному и точному формулированію.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда западно-европейскія партіи вырабатываютъ свои программы на основаніи богатаго опыта жизни, русскія должны ихъ созидать чисто-математическимъ путемъ, оперируя надъ отвлеченными величинами или того хуже надъ нксами. Западно-европейскій публицистъ, утверждая, положимъ, что необходимы такія то и такія реформы, такія то и такія законодательныя мѣры, прямо вамъ сошлется на резолюцію такого то и такого митинга, на постановленіе такой то и такой ассоціаціи, на прессу, не имѣющую надобности скрывать истину и т. д. За него, слѣдовательно, говорить, и въ большинствѣ случаевъ громко и ясно, сама жизнь и на его долю остается, такимъ образомъ, только нетрудная задача регистраціи. Но что прикажете дѣлать публицисту русскому, вынужденному, сидя у себя въ кабинетѣ, дѣлать такія выкладки: предположимъ, что будетъ обезпечена свобода личности, предположимъ, что будетъ свобода слова и сходобъ, предположимъ

еще что-нибудь въ томъ же родѣ, что тогда, въ виду всего этого, будетъ?

Конечно, еслибы жизнь была алгебра, гуревать тутъ особенно не о чемъ было бы. Выводы получались бы надлежащіе, ибо уравненіе рѣшается на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ и въ Америкѣ, и въ Азіи, и въ Австраліи, а бипомъ Ньютона одинаково вѣренъ и-на мысѣ Доброй Надежды и на Нордкапѣ. Но въ томъ то и дѣло, что жизнь не математика, и уравненіе общественной жизни, выведенное для Англіи, чортъ знаетъ чѣмъ окажется въ Россіи. Такіе новые факторы покажутъ свои когти, что вся ваша формула пойдетъ прахомъ. Измѣрить же эти факторы, если даже знаешь объ ихъ существованіи, заранѣе нельзя, ибо не имѣютъ факторы русской жизни яснаго проявленія и выраженія. И вотъ начинаются гаданія. «Ежели, да кабы сдѣлать опросъ народа», съ увѣренностью говоритъ г. Аксаковъ,—«то получится какъ разъ то, что столько разъ проповѣдывалось въ передовыхъ статьяхъ «Руси». «Нѣтъ, совсѣмъ другое», отвѣчаютъ либералы, «отвѣты получатся діаметрально противоположныя, соотвѣтствующія передовымъ статьямъ «Голоса» и «Порядка». И такъ какъ для гаданія рѣшительно никакихъ законовъ нѣтъ, то въ результатъ и получается, что органы даже одной и той же партіи гадаютъ всякій на свой образецъ. Ждите тутъ ясно намѣченной партійной программы.

А уже что говорить о той путаницѣ, которую вносятъ въ партійныя программы страхъ за цѣлость шкуры. Страхъ чувство субъективное, слѣдовательно различные субъекты въ различной степени его испытываютъ, отсюда неодинаковая откровенность, а у многихъ и усиленное стремленіе скрыть то, что само бросается въ глаза. Да и самые смѣлые принуждены говорить обиняками, аллегоріями, многоточіями, восклицательными знаками. Можно ли тутъ быть точнымъ и послѣдовательнымъ.

Все это вмѣстѣ и породило тотъ невѣроятнѣйшій сумбуръ, который воцарился теиерь въ журналистикѣ—этой, *faute de mieux*, выразительницѣ партійной жизни нашей. «Наблюдатель», напримѣръ,—кость отъ кости «Голоса» и плоть отъ плоти его, всѣ сотрудники котораго еще вчера были усерднѣйшими помощниками гг. Краевского и Бильбасова по части «обузданія звѣря», вдругъ ни съ того, ни съ сего взбѣленился и такую отвѣдь прочиталъ

своему кровнѣйшему родственнику по духу, что даже «Московскія Вѣдомости» нашли это неприличнымъ. Я говорю «ни съ того, ни съ сего» въ партійномъ смыслѣ. Личныя побужденія тутъ, можетъ быть, весьма сильныя есть. Но дѣло въ томъ, что въ другое время, редакція «Наблюдателя» никогда бы не позволила себѣ такъ отнестись къ «Голосу», потому что читающая публика сейчасъ бы въ недоумѣніи спросила: «да, позвольте, что же это за самозаушеніе такое?» Ну, а теперь шашки до такой степени переимѣшались, что свои своихъ не узнаютъ, свои своихъ бьютъ и все это, не возбуждая ничьего удивленія, тонетъ въ общей сумятицѣ. «Недѣля» съ такою рьяностью занялась «срываніемъ масокъ» съ прежнихъ своихъ единомышленниковъ, совершенно оставляя въ сторонѣ элементы нѣсколько повлѣательнѣе припертыхъ къ стѣнкѣ представителей «правоваго порядка», что только въ наше время полнѣйшаго разброда партій почтенная редакція и можетъ считать свою болѣе чѣмъ одностороннюю дѣятельность серьезнымъ выполненіемъ задачъ «народничества». Нанадать на либераловъ, выводить на свѣжую воду ихъ, прикрытія громкими фразами о свободѣ и прогрессѣ, хищническія пожеланія, конечно, вещь хорошая. Но только на либераловъ нанадать, а затѣмъ дѣлать книксены,—это уже тактика болѣе чѣмъ странная и, во всякомъ случаѣ, страшно дискредитирующая то «народничество», которое г. Гайдесуровъ хочетъ приписать русскому обществу.

Въ томъ же родѣ и другіе примѣры нашего партійнаго разброда, ожесточеннѣйшая напр. полемика такихъ сіамскихъ близнецовъ по духу, какъ Суворинъ и Комаровъ. Казалось, братски бы имъ себѣ жить да поживать, да благорасположеніе наживать. Такъ нѣтъ же, ссорится, да еще какъ: «прохвость, клоака». А то хороша также «полемика» между такими, опять таки казалось бы, дружественными патриотами своего отечества, какъ Суворинъ и кн. Мещерскій, полемика, въ которой почтенный князь, столь извѣстный въ качествѣ рьянаго защитника нравственности, участвуетъ въ нѣкоторыхъ такихъ восточныхъ наклонностяхъ, такихъ восточныхъ наклонностяхъ...

Не можемъ удержаться, чтобы встать не сказать нѣсколько словъ pro domo sua, тоже находящихся въ связи съ теперешнимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ по части партійныхъ группировокъ.

Въ «Устояхъ» былъ помѣщенъ разборъ произведеній покойнаго

Осиповича. Разматривая героя рассказа «Изъ жизни ни павы, ни вороны», статья послала нѣсколько жесткихъ укоровъ по адресу вымирающихъ представителей этого чахоточнаго типа, противопоставляя ихъ эгоистическому нутру людей дѣйствительнаго дѣла, а не воображаемаго, людей не рефлексии и quasi-возвышеннаго тупеядства, а бодрой и дѣятельной самоотверженности. Для человека, хоть сколько нибудь слѣдившаго за «Устоими», было бы, конечно, странно даже на одну минуту допустить, что въ этихъ нападкахъ «Устоивъ» на «ни павь, ни воронь» заключается какое бы то ни было желаніе «оплевать молодое поколѣніе». И конечно, еслибы за статью объ Осиповичѣ на «Устои» нанали свои, редакціи было бы очень грустно стать предметомъ такого совершенно неправильнаго толкованія ея словъ. Но представьте себѣ тотъ гомерическій хохоть, которымъ должна была разразиться редакція «Устоивъ», когда обвиненіе въ оплеваніи молодого поколѣнія раздалось изъ устъ... г. Буренина, того самаго г. Буренина, который еще состоя въ либералахъ и сотрудничая у г. Корша, вышучивалъ всегда молодыхъ стремленія, а теперь, съ переходомъ въ лагерь патріотовъ своего отечества, просто захлебывающагося отъ злости всякій разъ, когда ему приходится говорить о писателяхъ, симпатично относящихся къ молодому поколѣнію. Конечно, въ другое время у г. Буренина хватило бы на столько ума, чтобы не скандалить себя нелѣпою защитой молодежи отъ нападокъ «Устоивъ». Но въ наше время всеобщаго разложенія старыхъ группировокъ публика до того сбита съ толку, что у нѣкоторыхъ читателей «защита» г. Буренина можетъ сойти за чистую монету.

На дняхъ вышедшая книга г. Юзова «Основы народничества» старается внести нѣкоторый порядокъ въ лапы партійныхъ группировки. Ближайшая цѣль г. Юзова снять ту напосную кору, которая наслѣла на дѣйствительное «народничество». Кого только, въ самомъ дѣлѣ, не награждаютъ у насъ титуломъ «народникъ». Аксаковъ, преклоняющійся предъ народомъ Охотнаго ряда — «народникъ», Суворинъ, доподлинно знающій, что народъ хочетъ Константинополя — «народникъ», «Недѣля» и «Русская Мысль», вѣршія въ демократическія начала русскаго народа — тоже «народники», наконецъ, Глѣбъ Успенскій и Златовратскій, одинъ скептически,

другой восторженно относящиеся къ народной психикѣ и оба вмѣстѣ отъ души презирающіе и неавидящіе Аксакова и Суворина — тоже «народники».

Послѣдствія этой путаницы крайне печальныя. Сплошь да рядомъ вы наталкиваетесь на людей, собственно говоря, искренно желающихъ добра массѣ, но которые, однако, ни за что не прижмутъ къ «народникамъ». Съ понятіемъ о «народникахъ» въ ихъ умѣ, по волюнѣ естественной ассоціаціи идей, сейчасъ же вырисовывается нѣчто такое отталкивающее, что они съ ужасомъ отворачиваются отъ партіи, которой, при другихъ представителяхъ, они бы отдали все свои симпатіи. Какъ мужи засиживаютъ самия прекрасныя гравюры, такъ и Аксаковъ съ братьею до того опакостили идею самобытности, эту основу всякаго истиннаго народничества, что она положительно обратилась въ ругательное слово. «Самобытность», «самобытникъ» у насъ теперь не иначе произносятся какъ съ злобною усмѣшкою. А между тѣмъ, смѣшно же себѣ представить серьезнаго человѣка, который сталъ бы отвергать, что всякая страна имѣетъ свои спеціальныя естественныя и историческія условія, которыя дѣлаютъ ее отличной отъ другихъ странъ и вырабатываютъ ея національныя особенности. И сколько разъ, враги «самобытности» тогда, когда не идетъ полемика съ Аксаковымъ и К°, сами напирали на русскія, національныя особенности. А дойдетъ дѣло до формулированія своихъ мнѣній, «самобытность» отвергается съ пѣною у рта, такъ что можно серьезно подумать, что «Вѣст. Европы», имѣющій въ составѣ редакціи г. Пыпина, столь энергически отстаивающаго національныя права даже такой сравнительно мало самостоятельной народности, какъ малороссійская, и «Голосъ», однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ котораго состоитъ проф. Градовскій, такъ много работавшій надъ выясненіемъ и установленіемъ понятія о національности, можно подумать, говорю я, что эти органы, по отношенію ко всемъ національностямъ отстаивающіе принципъ народныхъ особенностей, по какому-то непонятному логическому капризу, отказываютъ въ самобытности такому могучему национальному организму, какъ 90 милліонная Россія. На самомъ дѣлѣ, ни «Вѣст. Евр.», ни «Голосъ», ни тѣмъ паче «Отеч. Записки», принадлежащія къ наиболее яркимъ противникамъ Аксаковской «самобытности», ни въ какихъ такихъ логическихъ *salvo mortale* не повинны. Все это только оцѣненіе

полемики съ лицами, недостойно представляющими великую идею, но ничуть не оппозиція самой идеѣ. Еслибы мы серьезно разобрались въ партійныхъ кличкахъ, то неизвѣстно даже кто бы оказался дѣйствительнымъ «славянофиломъ»: Аксаковъ, желающій, чтобы всѣ славянскіе ручьи слились въ русское море, чтобы поляки утратили всякое національное самосознаніе, чтобы чехи припяти православіе, а кроаты бросили латинскій шрифтъ, на которомъ воспиталось столько поболѣній. Аксаковъ, отнимающій право на родной языкъ у русскихъ малороссовъ и галицкихъ руссиновъ и предпочитающій правамъ болгарскаго народа привилегіи пришлыхъ вѣмцевъ, неизвѣстно, кто бы оказался большимъ «славянофиломъ», сей рыцарь руссопетства или «антиславянофильскій» «Вѣст. Европы», всегда горячо отстаивающій національныя права всѣхъ славянскихъ народностей, хотя бы то были даже и поляки, никогда не отнимающій у славянскихъ народностей тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя у нихъ установились теченіемъ исторіи, берущій подъ свою защиту самостоятельность отдѣльныхъ славянскихъ народовъ противъ чужеземнаго гнета и давленія. Будь у насъ правильная классификація партій, кто скорѣе удостоился бы почетнаго титула «народникъ» — Аксаковъ, полагающій что у мужика земли по горло, Аксаковъ, другъ, пріятель и покровитель «первостатейнаго купечества» московскаго, или же тѣ антагонисты «Руся», которые о мужицкомъ богатствѣ, навлекая на себя грозное обвиненіе въ подрываніи основъ, совѣтъ противоположнаго мнѣнія, а на первостатейное купечество смотрять какъ на «темное царство». Кто, наконецъ, оказался бы большимъ «самобытникомъ» — г. Аксаковъ, засѣдающій въ банкѣ, или тѣ «западники», которые о томъ только и молятъ Бога, чтобы чаша западно-европейскаго капитализма, надежнѣйшимъ разсадникомъ котораго служатъ именно банки, миновала бы нашу и безъ того многострадальную родину?

Заслуга г. Юзова состоитъ въ томъ, что книга его представляетъ собою первую болѣе или менѣе систематическую попытку вырвать знамя народничества изъ рукъ лицъ, узурпаторски имъ завладѣвшихъ и подъ его прикрытіемъ совершающихъ такіе подвиги, которые совершенно роняютъ въ обществѣ значеніе народническаго міросозерцанія. У г. Юзова хватило на столько смѣлости, чтобы не испугаться опасности быть ложно понятымъ. Быть зачисленнымъ въ юродствующую клику Аксакова и что всего страш-

иѣ - въ ту компанію теплыхъ ребятъ, которые поняли, что «на-роднѣишъ» міровозрѣніемъ можно ловко прижать къ стѣнѣ правду и доставить и безъ того торжествующей свинѣ еще двойное торжество. Исходя изъ того, что не погано тѣмъ море, что пси изъ него локали, г. Юзовъ находитъ страннымъ чураться отъ множества прекраснѣйшихъ принциповъ только потому, что разныя мухы охотнорядскаго славянофильства и ловкачи Страстнаго бульвара—запакостили ихъ. Вотъ отчего онъ съ меньшимъ азартомъ, чѣмъ г. Аксаковъ, защищаетъ и принципъ національности, и самобытность русской жизни, не менѣе страстно нападаетъ на интеллигенцію нашу за ея оторванность отъ народной жизни, за ея игнорированіе народной психики, за ея желаніе верховодить и насаждать «культуру» на мѣсто мужицкаго головотяпства, не спросивши, однакоже, первоначально мужика, можетъ быть ему пріятнѣе быть дуракомъ и головотяпомъ, чѣмъ умнымъ и цивилизованнымъ.

Послѣднее, то есть право мужика, какъ и всѣхъ другихъ людей, устраивать жизнь по собственному произволу, можно назвать основою міросозерцанія г. Юзова. Вытекающіе изъ этого основнаго принципа всѣ дальнѣйшіе принципы «народничества» г. Юзова: права народа на покровительствованіе той формѣ землевладѣнія, которая наиболѣе ему нравится, права народа на тотъ размѣръ землевладѣнія, который ему, дѣйствительному хозяину Россіи, кажется надлежащимъ, права его на свободное проявленіе своихъ религіозныхъ воззрѣній и т. д. и т. д., было бы, конечно, смѣшно назвать собственностью г. Юзова. Лучшая часть русской литературы сколько десятковъ лѣтъ ломаетъ копыя во имя этого. Но какъ уже сказано выше, опьяненіе полемикою съ московскимъ славянофильствомъ создало ту нелѣпость, что, защищая въ одиночку буквально всѣ серьезныя требованія народа, наша прогрессивная журналистика въ общемъ все-таки ни за что не хочетъ отказаться отъ права «руководить» народомъ, ни за что не хочетъ признать себя «самобытною» и поэтому не хочетъ признать себя «народническою», хотя въ дѣйствительности она все это есть. Развѣ защищать общину, артель, отставать расколъ, говорить о народныхъ нуждахъ, громить капиталистичекіе инстинкты нарождающейся русской буржуазіи—развѣ же это не практическое отставаніе правъ народа устраивать жизнь по своему произволу, развѣ же это не «народничество» въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого

лова. Затѣмъ, развѣ заплата хотя бы одной только общинной формы землевладѣнія, развѣ это, *implicite*, не есть «самобытничество»? Предположимъ, что излюбленный сравнительный методъ доказалъ, что общинное землевладѣніе не есть особенность русской жизни, что чрезъ этотъ «фазисъ» прошли всѣ народы. Но вѣдь не было же въ исторіи сочетанія общиннаго землевладѣнія у народа съ такимъ высокимъ культурнымъ развитіемъ у интеллигенціи. У другихъ народовъ община есть «первобытная» форма жизни, а нашу жизнь съ Пушкиннымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Толстымъ и т. д., съ женскимъ образованіемъ, подобнаго которому ничего похожаго нѣтъ во всей Европѣ, вообще съ тою интенсивностью умственной и душевной жизни, которая ставитъ нашу интеллигенцію рядомъ съ интеллигенціею самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы, развѣ же можно все это назвать первобытностью. Наконецъ, эта самая смѣсь европеизма и азіатизма, которая составляетъ предметъ постоянного констатированія прогрессивной, «западной» литературы, развѣ же это не есть самобытность, съ которою необходимо считаться всякому желающему, чтобы его идеи не остались простымъ теоретизированіемъ.

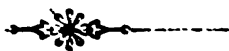
Повторяю—*implicite* народничество есть достояніе всей мало-мальски порядочной части русской интеллигенціи, мало-мальски нравственно чуткихъ людей, сознавшихъ свой великій, неоплатный долгъ предъ тѣми, на чьихъ плечахъ была вынесена на свѣтъ Божій русская гражданственность. Г-ль же Юзовъ только болѣе или менѣе свелъ въ систему всѣ отдѣльные элементы этого инстинктивного народничества и такимъ образомъ сдѣлалъ шагъ по пути экспроприаціи дѣйствительнаго народничества изъ нечистыхъ рукъ его теперешнихъ ложныхъ представителей. Еслибы прогрессивная печать съ такимъ же усердіемъ занялась бы выведеніемъ на свѣжую воду лже-народничества Аксакова, Суворина, Мещерскаго и др., съ какимъ консервативная печать нашла на лже-либерализмъ, то можетъ быть давнымъ давно знамя дѣйствительной любви къ народу было бы уже въ рукахъ тѣхъ, кому оно по праву принадлежить и не профанировалось бы слово «народникъ» примѣненіемъ его къ нововременской кликѣ, а были бы приложены къ мѣднымъ лбамъ этихъ ловцовъ рыбы въ мутной водѣ болѣе подходящія клейма.

Но, признавая за г. Юзовымъ заслугу извѣстной систематизаціи народничества, мы не можемъ, однако, не сдѣлать ему одного

весьма существеннаго укора. Нѣсколько съ малымъ багажомъ пустился онъ въ путь. Noblesse oblige и названіе «Соціологическіе очерки. Основы народничества» требовало бы куда большей эрудиціи по соціологіи, чѣмъ та, которую имѣетъ г. Юзовъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга г. Юзова скорѣе напоминаетъ конспектъ, чѣмъ настоящее изложеніе, во всеоружіи всего имѣющагося по данному вопросу матеріала. Процитировавши напр. нѣсколько разъ Милля и Спенсера, г. Юзовъ на этомъ основаніи строитъ главу о «законахъ исторіи», объ «отношеніяхъ личности къ исторіи» и т. д. Даже наиболѣе эрудитная глава г. Юзова «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» все-таки не выдерживаетъ требованій, которые, при современномъ обширномъ развитіи соціологіи и соціологическаго матеріала, можно предъявить всякому берущемуся за разрѣшеніе подобныхъ капитальныхъ вопросовъ. Очень слабы также, съ точки зрѣнія фактической основательности, главы о тѣхъ особенностяхъ, которыя г. Юзовъ считаетъ присущими русскому народу, т. е. объ общинѣ, артели и др. Именно эти то главы объ особенностяхъ слѣдовало бы пустить во всеоружіи имѣющихся фактовъ, такъ какъ особенности то эти и представляютъ собою тѣхъ китовъ, на которыхъ покоится всякое народничество. Ничего этого не сдѣлалъ г. Юзовъ. Не только ничтожно у него число приводимыхъ фактовъ, но и самыя факты никуда не годны, потому что большею частью основаны на «миѣніяхъ» разныхъ изслѣдователей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ основываться, какъ это дѣлаетъ г. Юзовъ, по вопросу объ общинѣ на миѣніи Юрія Самарина,—завѣдомаго идеализатора русскаго общиннаго землевладѣнія.

А все-таки спасибо г. Юзову за добрыя намѣренія обосновать народничество. Отъ первой попытки нельзя и требовать совершенства. Пусть бы только преданная народнымъ интересамъ литература энергически взялась за приведеніе въ систему своихъ воззрѣній и народничество перестанетъ волочиться по грязи лицемѣрнаго фразерства «Руси», ноздревскаго нахальства «Новаго Времени» и душевной тупости разныхъ другихъ еще болѣе ничтожныхъ прихвостней лже-народничества.

С. Венгеровъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Часть I. Спб. 1882 г. Ц. 2 р.

Не богата наша исторія выдающимися историческими людьми, передъ которыми потомокъ, при всей его почительности, могъ бы остановиться съ уваженіемъ, какъ передъ дѣйствительно крупными историческими дѣятелями, отмѣченными печатью мысли, широкихъ общественныхъ идеаловъ и безупречной дѣятельности. Патріархъ Никонъ, выдѣляющійся на безцвѣтномъ и мрачномъ фонѣ XVII столѣтія, принадлежитъ, несомнѣнно, къ выдающимся людямъ своей эпохи. Историки посвящаютъ ему цѣлые томы трудовъ и говорятъ объ его умѣ, образованности и силѣ характера; но все это надо, конечно, понимать въ исторической перспективѣ, сравнивая съ тѣмъ, что тогда было и окружало Никона и въ связи съ тою ролью, какую ему суждено было играть. Положимъ, что имя его связано съ небывалымъ возвышеніемъ и открытою борьбою духовной власти со свѣтской; но какъ возвышеніе это, такъ и самая борьба обуславливались чисто личными отношеніями его къ Алексѣю Михайловичу и исходили не изъ какой нибудь руководящей идеи, а изъ стремленій столь же простыхъ и несложныхъ, какъ и всякія личныя стремленія и стремленія тогдашней свѣтской власти и католическаго духовенства (въ тяготѣніи къ которому нѣкоторые подозревали Никона, совершенно, впрочемъ, неосновательно). Положимъ, что имя его тѣсно связано съ появленіемъ раскола, сначала до-

вольно узкаго, въ видѣ реакціи противъ яко бы новыхъ обычаевъ, а потомъ превратившагося въ цѣлое умственное теологическое движеніе; но нельзя не видѣть, что появленіе раскола является съ дѣятельностью Никона только внѣшнимъ, чисто механическимъ образомъ, что исправленіе духовныхъ книгъ, введеніе партеснаго пѣнія, однообразія въ службѣ и т. п. послужили только толчкомъ для того, что уже накопилось раньше въ жизни и искало только выраженія и случая для выхода. Религіозныя движенія у насъ были и раньше и послѣ Никона и возникали совершенно самостоятельно изъ причинъ экономическихъ и политическихъ, изъ страданій человѣческихъ и естественнаго человѣческаго скептицизма, особенно чуткаго къ объясненію человѣческихъ неправдъ религіозными догматами и божескими законами.

Однако, хотя о Никонѣ у насъ и достаточно написано, но прежніе историки (Татищевъ, Берхъ и др.), черпавшіе свѣдѣнія изъ частныхъ источниковъ и у иностранныхъ писателей, сообщали о немъ много неяснаго и невѣрнаго. Даже у Соловьева, пользовавшагося подлинными документами, какъ свидѣтельствуется г. Гиббенетъ, «многое пропущено, многое недосказано, а иное не такъ передано.» Тщательно отмѣчая ошибки Соловьева, г. Гиббенетъ объясняетъ ихъ невѣроятно беспорядочнымъ состояніемъ документовъ о дѣлѣ Никона, въ которыхъ многія мѣста даже прогнали. Г. Гиббенетъ употребилъ нѣсколько лѣтъ на разсмотрѣніе этихъ бумагъ и припеденія ихъ въ порядокъ, при чемъ открылъ много новыхъ документовъ; но, тѣмъ не менѣе, къ характеристикѣ личности Никона и къ разъясненію неясной ссоры его съ царемъ прибавилось пока весьма немного. Г. Гиббенетъ вполне соглашается съ объясненіемъ Соловьева, что причиною охлажденія Алексѣя Михайловича къ Никону были возни бояръ, недовольныхъ его возвышеніемъ и близостью къ царю. Весьма также вѣроятно, какъ объясняетъ митрополитъ Платонъ въ «Церковно-русской исторіи», что тутъ имѣло вліяніе и недовольство Никона уложеніемъ Алексѣя Михайловича, тѣмъ, что о поставленіи духовныхъ властей и посвященіи священниковъ и діаконовъ издавались отъ царя указы, безъ сношенія съ патріархомъ, и учрежденіемъ монастырскаго приказа, гдѣ засѣдали мірскіе люди и гдѣ велѣно было судить весь духовный чинъ, не исключая и патріарха. На это жалуется и самъ Никонъ въ письмѣ къ Пансію. Но замѣчательно,

что объ этомъ дѣловомъ поводѣ для недовольства во всѣхъ приведенныхъ г. Гиббенетомъ письмахъ и документахъ говорится только разъ и то какъ-то между прочимъ; главнымъ же образомъ все вертится вокругъ чисто личной домашней ссоры и взаимныхъ казуистическихъ придирокъ, гдѣ столько капризничанья и мелочности, что не знаешь кому и чему больше удивляться. Г. Гиббенетъ, высказывая симпатію къ Никону, весьма мало, однако, возбуждаетъ ихъ въ читателѣ своими новыми данными.

Внѣшнимъ поводомъ ссоры былъ, какъ извѣстно, случай столкновения царскаго окольникяго Хитрово съ патриаршимъ стряпчимъ княземъ Мещерскимъ, изъ которыхъ первый, рассчитавъ приѣхавшему въ Москву грузинскому царю Теймуразу путь, хватилъ подвернушагося ему подъ руку Мещерскаго палкою по лбу такъ, что «у того вскочилъ рогъ.» Когда Мещерскій пришелъ къ Никону въ слезахъ, тотъ «въ досадѣ написалъ царю записку, которою просилъ удовлетворенія за обиду, нанесенную его стряпчему.» Отсюда и загорѣлся весь сыръ боръ. Но это только внѣшній поводъ ссоры, истинная же причина, по словамъ г. Гиббенета, заключалась въ слѣдующемъ: «Внутренняя боль, таившаяся у Никона до сего времени на сердцѣ, при этомъ случаѣ обнаружилась. Весьма естественно, что Никонъ огорченъ былъ тѣмъ, что онъ не участвовалъ за царскимъ столомъ, къ которому онъ не былъ приглашенъ.» (27) Если только это не предположеніе самого г. Гиббенета, очевидно ничего обидѣе этого не могущаго себѣ представить, то не особенно велика была и эта истинная причина. На записку Никона, полученную во время обѣда 6 іюля, Алексѣй Михайловичъ отвѣтилъ собственноручно, обѣщая разслѣдовать дѣло и повидаться съ Никономъ. Но Никонъ остался этимъ недоволенъ и сказалъ посланному, что раздѣляется съ Хитрово церковью ¹⁾ Алексѣй Михайловичъ написалъ съ тѣмъ

---

¹⁾ По показанію Ав. Матюшкина Никонъ сказалъ: «Я де государю билъ челомъ, чтобы пожаловалъ государь велѣлъ дать оборону на Богдана Хитрово, что Богданъ убилъ моего Мещерскаго князя, и государь не пожаловалъ, оборони не далъ, и я де стану съ нимъ управиватца церковью; а хотя бы Богданъ убилъ и Бориса Морозова, и нѣ бы де было то... толковъ моего князя не билъ; а хто де Богданъ таковъ? У Мещерскаго де у самого есть въ его шару.» (стр. 79).

же посланнымъ второе письмо, но Никонъ повторилъ тоже. Тогда Алексѣй Михайловичъ надулся, сталъ избѣгать свиданія и не пошелъ на патриаршія службы, не смотря на праздники (8 и 10 іюля) и обычныя извѣщенія Никона о началѣ службы; а 10 іюля передалъ черезъ Ромодановскаго, что сердится на патриарха за то, что тотъ именуется «великимъ государемъ.»¹⁾ Тогда Никонъ, не долго думая, написалъ изъ Успенскаго собора, во время литургіи, къ Алексѣю Михайловичу письмо, гдѣ извѣщалъ, что оставляетъ патриаршество (письмо это Алексѣй Михайловичъ прочиталъ и возвратилъ назадъ съ тѣмъ же посланнымъ), а по окончаніи литургіи всенародно сказалъ, что оставляетъ патриаршій престолъ и отходить отъ града сего, дая мѣсто царскому гнѣву. Когда онъ надѣлъ простое монашеское облаченіе и черный клобукъ и, взявъ вмѣсто посоха простую клюку, направился къ выходу, то народъ и власти не пустили его и со слезами на глазахъ (прослезился и Никонъ) просили остаться. Дали знать о случившемся царю. «Всѣ ожидали, говорить г. Гиббенетъ, по всей вѣроятности и Никонъ, пришествія въ соборъ самого царя» (33); но онъ не пришелъ, а прислалъ бояръ Трубецкаго и Стрешнева сказать, чтобы Никонъ патриаршества не оставлялъ и что никакого гоненія на него нѣтъ. Никонъ, конечно, не удовлетворился этимъ и направился сначала въ воскресенское подворье (куда вторично являлись съ тѣмъ же самымъ Трубецкой и Стрешневъ, передавая ему, что Алексѣй Михайловичъ просить его не уѣзжать изъ Москвы, не повидавшись съ нимъ), а оттуда въ воскресенскій монастырь. Все это было лишь комедіей—никакого свиданія не произошло и ссора продолжалась. Вскорѣ же въ воскресенскій монастырь явились Трубецкой и Лопухинъ сказать Никону—зачѣмъ онъ съѣхалъ съ Москвы скорымъ обычаемъ, не подавъ царю съ семействомъ благословенія и не благословивъ никого на свое мѣсто, при чемъ просили разрѣшить исполнять его должность крутицкому митрополиту. Никонъ и благословеніе послалъ, и на то, чтобы патриаршія дѣла вѣдались временно крутицкимъ митрополитомъ согласился, но не примирился. Скоро оказалось, что, облачаясь въ простое монашеское платье и удаляясь

¹⁾ При такихъ обстоятельствахъ и на законъ основаніи Никонъ сталъ именоваться великимъ государемъ опять остается невмѣстимымъ.

отъ дѣлъ, онъ и не думалъ вовсе отказываться отъ патріаршества, (только московскимъ патріархомъ не именуясь, говорилъ онъ, а званія патріарха не отрицался) и начинаеть ю все выѣшиваться и проклинать своихъ враговъ, напримѣръ, крутицкаго митрополита за то, что онъ отчее сѣдалище обезчестилъ — совершалъ въ недѣлю ваѣй священнодѣйствіе на ослати, боярина Семена Стрешнева за то, что тотъ «са нѣкогого, подобна себѣ, научилъ благословлять обѣими ногами» и др. А тишайшій Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, посылая за благословеніемъ, въ тоже время запрещаеть духовнымъ лицамъ ѣздить къ Никону и приказываетъ устроить за этимъ наблюденіе, не отвѣчаетъ на письма, но самъ диктуеть что на нихъ отвѣчать, приказываетъ перехватывать письма и учинить дознаніе, чтобы узнать кто сноится съ Никономъ. Думные дяки Алмазь Ивановичъ и Дементій Башмаковъ скачутъ какъ угорѣлые, пѣвчіе дяки—Тверитиновъ и Семеновъ слетничаютъ, сосѣди воскресенскаго монастыря—Боборыкинъ и Ситилъ облизно обвиняють Никона въ захватѣ сѣна и въ подстрекательствѣ на убійство: созывается въ 1600 г. соборъ изъ архіереевъ и прочаго русскаго духовенства и нѣсколькихъ греческихъ архіереевъ и постановляется: «чужду быти Никону патріаршескаго престола и чести, — вкупѣ и священства и ничѣмъ не обладати» и признаеть его изверженнымъ и отрекшимся отъ патріаршества, при чемъ одни свидѣтельствуютъ, что слышали клятвеннос отреченіе самого Никона: «если помыслию быти патріархомъ, то буду анаема» (Питиримъ, митрополитъ крутицкій), а другіе, что хоть клятвы и не слышали, но слышали слова: «аще возвратусь, и я аки песь на свою блевотину» (Иосифъ, епископъ тверской) и т. п. Большинство ничего педобнаго не слышало. Постановленіе собора Никонъ не признаеть, на томъ основаніи, что поставленные имъ митрополиты и архіереи не имѣють права лишить его сана; не рѣшился привести его въ исполненіе и Алексѣй Михайловичъ. Поставилъ Никонъ затрудненіе и относительно избранія новаго патріарха: благословляя

*) На возраженіе какъ же это самъ онъ, будучи Новгородскимъ митрополитомъ, совершалъ это священнодѣйствіе, онъ отвѣчалъ — «тоже несвѣденіемъ», а нынѣ знаю, что кромѣ патріарха этого никому совершать нельзя.

сначала избраніе того, кого изволить Богъ и пресвятая Богородица и государь укажетъ, онъ потомъ говорилъ: «а на такое дѣло, чтобы безъ меня поставить новаго патріарха, не благословляю. Кому его ставить и кому на него митру положить? Мнѣ митру дали вселенскіе патріархи.» Если, продолжалъ онъ, меня позовутъ въ Москву, то я патріарха поставлю. Но въ Москву его не звали. Тогда онъ самъ начинаетъ, подъ разными предлогами, проникать въ Москву, желая повидать ясныя царскія очи и пишетъ слезныя и унизительныя письма, прося прощенія; но теперь уже Алексѣй Михайловичъ его не прощаетъ и не проситъ возвратиться. Желаніе Никона примириться можно было видѣть и раньше этого, такъ напр. думая вѣроятно подѣйствовать своимъ духовнымъ авторитетомъ, онъ говорилъ, что благодать Святаго Духа отъ него не отнята и что Божіею помощію и его молитвами многіе люди исцѣляются отъ недуговъ и болѣзней (40). Затѣмъ, желая подѣйствовать на чувства, онъ изъ простаго желудочнаго разстройства (40) создалъ цѣлую исторію, что его будто бы отравилъ дяконъ Θεодосій, по наущенію крутицкаго митрополита и чудовскаго архимандрита, что, однако, не подтвердилось. И вся эта ссора двухъ богатырей, разыгрывавшаяся на всероссійскомъ просторѣ, сопровождалась перепискою о колоколахъ, огородахъ, овощахъ, о посохѣ и митрѣ (которые Никонъ взялъ было съ собою и которые у него отобрали, не смотря на то, что митра была сдѣлана на подаренныя ему деньги), о худыхъ вещишкахъ, оставленныхъ имъ въ патріаршей палатѣ, которыхъ ему не выдавали, (47), о коурой лошадекѣ — иноходцѣ (177), коретишкахъ и т. п. Никонъ посылалъ Алексѣю Михайловичу овощи и хлѣбъ, а тотъ ему жалованье, рыбу, медъ и вино красное (37). Все это было бы истиннымъ первообразомъ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, если бы не было тутъ третьихъ лицъ, которыя страдали, и если бы все это не сопровождалось сплетнями, доносами, допросами, пытками, и т. д. Пытали людей въ Москвѣ, пытали ихъ и Никонъ въ своей обители (напр. Θεодосія и портнаго Тимофѣя Гаврилова). И все это длилось для блага отечества цѣлыхъ 8¹/₂ лѣтъ. Исторія отравленія Никона чрезвычайно характерна для тогдашнихъ нравовъ. Никонъ, повидимому, былъ убѣжденъ въ томъ, что былъ отравленъ и что только Господь его помиловалъ, да сѣдва безумемъ камнемъ и индриговымъ

пескомъ отпился». (95) Θεодосій же и Тимошка, пытаннне вторично въ Москвѣ, показали, что признаніе у нихъ было вынуждено пнтавшими ихъ, по приказанію Никона, полякомъ Ольшевскимъ и сотникомъ Михайловымъ, которые и заставили Тимофѣя Гаприлова показать на Θεодосія ⁴⁾. Нравы того времени вообще любопытны. Если Никонъ находилъ несправедливымъ, что мытари и лихонмцы видятъ постоянно царя, а онъ не видитъ, то и противники его приводили противъ него не особенно хорошіе факты: ссылки, пытку, то, что онъ дрался и т. п. (129) Положимъ, что драки тогда въ счетъ не ставились: дрался и самъ тишайшій, дрались и духовныя особы. Понъ Юсифъ, напримѣръ показывалъ, что «архимандритъ Діонисій билъ его, при патріархѣ, и вкинулъ въ рундукъ подъ лѣстницу» (146). Партесное пѣние и бархаты смиренные, гладкіе (темносиніе и малиновые), постилавшіеся въ церквахъ для хожденія патріарху и митрополитамъ, не мѣшали этому. Не мѣшали они и разговорамъ о харчѣ и питаніи, которые вездѣ слышались. Не мѣшали и хитрости, которой вездѣ было такъ много, и казуистикѣ и придиричвости, которой могли бы позавидовать наши слѣдователи и прокуроры. И все это хитрое, грубое и безграмотное звѣрье жило не болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, составляя еще одну изъ свѣтлыхъ страницъ московскаго періода. Невольно еще разъ видишь, какъ необходимъ былъ Петръ, чтобы вытащить Россію изъ этой невылазной трясины ханжества и самодурства на европейскій берегъ.

⁴⁾ Тимошка сначала показавъ было и въ Москвѣ на Θεодосія слѣдующее (отъ чего у пытки отказался): что по наученію Θεодосія онъ парился на полку и составъ дѣлалъ: жегъ муку ишеничную и волосы у себя изъ головы вырываетъ; дяконъ всѣгалъ ему по себѣ терѣть волосьями и приговаривать чтобъ патріарху было тошно и горько; а составъ тотъ всѣгалъ ему дяконъ дѣлать для е..... б.... и для привороту къ себѣ мужскаго вола и женскаго. Да онъ же дякономъ показывалъ корешокъ невеликъ, желтъ, и онъ, Тимошка, спросилъ у него: какой тотъ корень и что отъ него будетъ? На что дяконъ ему сказалъ: какъ то дѣло совершится, въ то время онъ ему и скажетъ и иному еще научить. (92) На самомъ же дѣлѣ Тимошку научилъ дѣлать этотъ составъ Куземка Ивановъ, патріаршій кузнецъ, жившій въ крестиконъ монастырѣ, научилъ, разуивается, не для отравленія патріарха, а для привороту.

Ф. Ф. Эрисманъ. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Часть II. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва, 1882.

А. Погожевъ. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. Москва, 1882.

Изслѣдованіе фабрикъ Московской губерніи, предпринятое московскимъ губернскимъ земствомъ, ведется уже три года. Въ настоящее время обслѣдованы уже 7 уѣздовъ—Московскій, Клинскій, Рузскій, Верейскій, Волоколамскій, Можайскій и Звенигородскій. Изслѣдователи, которымъ поручено земствомъ дѣло изученія и описанія фабрикъ, гг. Эрисманъ и Погожевъ выпустили уже шесть томовъ своихъ изслѣдованій. Все это даетъ намъ право, не вдаваясь въ оцѣнку собственно лежащей предъ нами книги, — такъ какъ пришлось бы повторять то, что уже было не разъ говорено по поводу предыдущихъ работъ московскихъ санитаровъ-статистиковъ,—поговорить вообще о значеніи предпріятія московскаго земства, нынѣ уже исполненнаго на половину.

Въ предисловіи къ первой части изслѣдованія фабрикъ московскаго уѣзда, г. Эрисманъ особенно настаиваетъ на томъ, что безъ работъ, подобныхъ предпринятымъ имъ, не мыслимо серьезное фабричное законодательство. Мысль вѣрная, но не полная. Возможность серьезнаго (т. е. имѣющаго серьезное значеніе для жизни) фабричнаго законодательства обусловливается, кромѣ подготовительныхъ работъ, подобныхъ работамъ московскаго земства, еще многими другими условіями, къ которымъ подготовительныя работы никакого отношенія не имѣютъ. Изъ такихъ условій мы укажемъ два: желаніе воспользоваться собраннымъ предварительными работами матеріаломъ для законодательныхъ работъ и среда, въ которой будутъ примѣняться предполагаемые фабричныя законы. Какъ ни драгоцененъ собранный московскими изслѣдователями матеріалъ, но если имъ не пожелаютъ воспользоваться, работы, предпринятыя московскимъ земствомъ, не будутъ имѣть практическаго значенія. Но если бы даже собранный изслѣдователями матеріалъ не погибъ безслѣдно, не принеся никакой практической пользы, если бы имъ и воспользовались для созданія фабричныхъ законовъ, серьезность значенія этихъ законовъ будетъ всецѣло зависеть отъ той среды, въ которой эти законы будутъ имѣть примѣненіе.

Обращаясь затѣмъ къ русской дѣйствительности, мы должны признать, что она даетъ мало надежды на то, что собранный гг. Эрисманомъ и Погожевимъ матеріалъ будетъ утилизированъ для практическихъ цѣлей. Тотъ подъемъ вниманія къ положенію фабричнаго рабочаго, высшимъ пунктомъ котораго было изданіе законовъ о работѣ малолѣтнихъ рабочихъ и о фабричной инспекціи, уже вопылся. Ожидать новаго подъема можно не скоро, а тогда положеніе дѣлъ на нашихъ фабрикахъ настолько измѣнится, что собранными московскими изслѣдователями данныя уже не будутъ соответствовать дѣйствительности.

Но если бы даже труды московскихъ изслѣдователей вызвали соответствующія законодательныя мѣры, и тогда собственно практическая польза отъ работъ, предпринятыхъ московскимъ земствомъ, была бы болѣе нежели сомнительна. Исполненіе законовъ всецѣло зависитъ отъ низшихъ чиновъ администраціи. А печальный опытъ говорить намъ, что составъ нашего низшаго административнаго персонала далеко не безукоризненъ, и слишкомъ любитъ «стороніе доходы». При такомъ положеніи дѣлъ трудно рассчитывать на то, чтобы отъ фабричныхъ законовъ получились иные результаты, кромѣ увеличенія «положеннаго», платимаго фабрикантами низшимъ чинамъ администраціи? Развѣ существующіе у насъ теперь фабричныя законы соблюдаются? Есть законъ, обязывающій промышленное заведеніе, занимающее болѣе 100 рабочихъ имѣть больницу; но изъ трудовъ гг. Эрисмана и Погожева мы знаемъ, что законъ этотъ вездѣ или соблюдается только фиктивно, или совсѣмъ нигдѣ не соблюдается. Есть у насъ также законъ, по которому паровой котель долженъ отдѣляться отъ остальнаго помещенія фабрики или завода каменною стѣною; а дѣйствительность посмѣивается надъ этимъ закономъ, и паровыя котлы стоятъ себѣ поставиваютъ за деревянными загородами. Есть у насъ законы о техническомъ надзорѣ, а дѣйствительность представляетъ такіе «вселенскіе пейзажи»: въ г. Гайсинѣ съ 1863 г. существуетъ паровая мельница, принадлежащая отставному поручику русской арміи, который вообразилъ себя инженеръ-механикомъ и на этомъ основаніи не держитъ никого изъ лицъ необходимо нужныхъ и понимающихъ уходъ за паровикомъ и машиной и обходится набранными изъ деревень простыми крестьянами, назначая по усмотрѣнію въ машинисты и кочегары, вслѣдствіе чего въ 1871 году послѣдовалъ взрывъ паровика и во время

взрыва нѣсколько человѣкъ пало жертвой, а самого г. поручика обожгло такъ, что онъ самъ отчаявался въ своемъ выздоровленіи и только по истеченіи полгода могъ встать съ постели; но это несчастіе не убѣдило его принять свѣдущаго машиниста: послѣ взрыва вскорѣ возобновлено дѣйствіе паровой мельницы и она постоянно продолжаетъ дѣйствовать до настоящаго времени, управляемая самимъ г. поручикомъ безъ всякой ремонтровки какъ паровика, такъ и машинныхъ частей, которыя пришли въ совершенную негодность и каждую минуту грозятъ опасностью для рабочихъ людей; въ послѣднее время на мельницѣ находился специалистъ-мельникъ, понимавшій порядочно и машинную часть, который сталъ настоятельно требовать отъ г. поручика исправленія паровика, но г. поручикъ не согласился, и мельникъ, не желая подвергать опасности свою жизнь, оставилъ мельницу. Въ прошломъ году, неизвѣстно по какому случаю, забрелъ въ это захолустье техникъ; онъ или сбился съ дороги, или командированъ былъ начальствомъ, но вѣроятно все же, что онъ печально наткнулся и, понавѣ прямо на квартиру къ г. поручику, просилъ позволенія осмотрѣть мельницу; на это г. поручикъ сказалъ технику: «если вы желаете осмотрѣть мельницу какъ частное лицо, то пожалуйте; если же какъ техникъ, въ такомъ случаѣ извольте сургуль—не трудитесь осматривать, а опечатайте мельницу». Техникъ изъявилъ желаніе осмотрѣть мельницу какъ частный человѣкъ, послѣ чего, имъ выдано г. поручику два свидѣтельства за подписью объ осмотрѣ и сдѣланной пробѣ силъ пароваго котла на мельницѣ и никуда негоднаго локомотива молотилки. Этими свидѣтельствами техникъ гарантировалъ г. поручика отъ всякаго вмѣшательства полицейской власти; въ настоящее же время паровикъ и всѣ машинныя части на столько пришли въ негодность, что при давленіи пара 20-ти сильнаго котла въ 60 фун. всѣ рабочіе: кочегаръ, машинистъ и даже самъ поручикъ уходятъ съ мельницы чрезъ окна и двери, однимъ словомъ, кто куда попало. Дабы убѣдиться во всемъ вышесказанномъ, стоитъ только взглянуть въ лѣвый бульваръ паровика и не нужно никакого освидѣтельствованія, чтобы ясно видѣть неминуемую гибель, могущую постигнуть рабочій людъ; что же касается локомотива и молотилки, то ни одинъ хотя мало свѣдущій кочегаръ не рѣшится развести огонь подъ паровикомъ.

исключая неопытнаго и доврчиваго мужика, услугами котораго только и пользуется нашъ поручикъ ¹⁾).

Къ концу концовъ наше мнѣніе таково, что непосредственной практической пользы фабричнымъ рабочимъ работы московскаго земства не принесутъ...

Тѣмъ не менѣе, мы придаемъ громадное значеніе этимъ работамъ. Значеніе это состоитъ въ томъ, что, раскрывая предъ обществомъ во всей наготѣ одну изъ серьезнѣйшихъ язвъ нашего общественнаго быта, работы московскаго земства дѣйствуютъ на общество гуманизирующимъ образомъ, пробуждая въ немъ сознание долга, лежащаго на обществѣ по отношенію къ рабочимъ, и побуждая его къ практической дѣятельности въ направленіи народнои пользы. Къ сожалѣнію, это влияніе работъ московскихъ изслѣдователей на общество въ значительной степени парализуется тою не удобною формою, въ которой результаты этихъ работъ доводятся до общаго свѣдѣнія, — формою сыраго матеріала...

Германъ Лотце. Основанія практической философіи. Перевелъ Я. Огусъ. Спб. 1882, стр. 1—86. Цѣна 75 коп.

Не знаемъ, для чего и для кого переведена брошюрка Лотце, подъ приведеннымъ выше громкимъ и совершенно неподходящимъ къ ней заглавіемъ. Повидимому, у насъ не вывелись еще люди, полагающіе, что всякая иностранная книжка, каково-бы ни было ея содержаніе, заслуживаетъ быть переведенною на русской языкъ, въ поученіе нашей бѣдной читающей публикѣ. Авторитетное имя Германа Лотце очевидно соблазнило русскаго издателя, и въ результатъ мы имѣемъ предъ собою никому не нужный тощенькій обзоръ самыхъ общихъ понятій, построенныхъ на своеобразной практической метафизикѣ.

Между прочимъ мы узнаемъ отъ автора, что высшіе нравственные идеалы должны быть присущи не одному человѣку, а всякаго рода существамъ, способнымъ къ дѣятельности, и что то, что свято и хорошо для насъ, должно быть также свято и хорошо для Бога и для ангеловъ (стр. 4). Говоря о болѣе житейскихъ философскихъ вопросахъ, авторъ преподаетъ намъ старую нѣмецкую

---

¹⁾ «Новороссійскій Телеграфъ», 1882, № 2120.

схоластику, приходящую въ забвеніе уже въ самой Германіи. Такъ, напримѣръ, право собственности объясняется тѣмъ, что «воля, захватывающая какую-нибудь вещь, чтобы пользоваться ею, какъ средствомъ для своихъ цѣлей, учреждаетъ первоначально владѣніе, которое становится собственностью только черезъ признаніе этой воли, къ чему всѣ прочія лица чувствуютъ себя обязанными» (стр. 37). А такъ какъ воля существуетъ у каждаго бѣдняка и она признается всею массою бѣдняковъ, составляющихъ большинство населенія въ народномъ государствѣ, то получился-бы выводъ, вовсе нежелательный для Лотце. Для автора власть государства какъ-бы замѣняетъ совѣсть для людей; но «совѣсть эта можетъ воплотиться только тогда, когда ея представителемъ передъ живымъ поколѣніемъ будетъ живое также начальство» (стр. 64). Авторъ находитъ весьма неудобнымъ стремленіе «разширить по возможности участіе каждаго человѣка въ общественныхъ дѣлахъ и признать его, если онъ соотвѣтствуетъ своему естественному-научному понятію (т. е. если онъ безъ роговъ и хвоста, не ползеть на четверенкахъ и т. п.) и пользуется кромѣ того незапятнанною репутаціею, — политически-нравственнымъ и годнымъ элементомъ, гражданиномъ». По мнѣнію Лотце, такой титулъ полноправности долженъ принадлежать только лицамъ, доказавшимъ свои заслуги и способности, — такъ-что большая часть народа составляетъ лишь безправную презрѣнную толпу, которую нельзя смѣшивать съ привилегированнымъ классомъ гражданъ. Съ точки зрѣнія почтеннаго нѣмца, «слѣдовало-бы желать гораздо большаго ограниченія активной политической правоспособности, чѣмъ это практикуется въ настоящее время» (стр. 80).

Для насъ эти стариковскіе взгляды и совѣты по меньшей мѣрѣ несвоевременны, если не считать ихъ глупою насмѣшкою.

Журналъ «УСТОП» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федостевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минский, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. Э. Слонимскій. Редакторъ-издатель С. Венгеровъ.

— Тамъ ми его и дождемся.

Дѣйствительно, когда карета Суарди проѣзжала площадю Санъ-Сепольеро, готовясь повернуть съ улицы Болло, верховой догналъ ее въ галопъ, поравнялся съ ней и, наклонившись къ дверцамъ, сказалъ:

— Синьоръ Суарди, неудобно ли вамъ выслушать меня. И вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ кучеру остановиться.

Въ ту же минуту и тележка выѣхала на площадь; одинъ изъ людей остался править лошадью, а другой, не выѣзая, сталъ на ноги, устремивъ глаза на карету Суарди, въ положеніи человѣка, готоваго по первому сигналу броситься впередъ.

Суарди обернулся къ всаднику: кучеръ остановилъ лошадей; верховой продолжалъ:

— Извините меня, синьоръ, за остановку; его превосходительство капитанъ юстиціи приглашаетъ васъ немедленно къ себѣ по неотлагательной надобности; по этому прошу васъ, прикажите кучеру повернуть и ѣхать въ Палаццо. Я буду слѣдовать вдали.

Когда неожиданный ударъ поражаетъ челоѣка и даетъ совершенно новое направленіе всѣмъ его мыслямъ, умъ его принимаетъ необыкновенную быстроту теченія. Память, сочетанія идей, сужденія, размышленія исполняютъ тутъ во мгновение работу цѣлаго дня. Какъ внезапнымъ лучемъ свѣта, все вдругъ освѣщается. Такъ было съ Галантино: въ секунду онъ все вспомнилъ, спросилъ себя и отвѣтилъ себѣ. Онъ понялъ, что это арестъ; подумалъ, что кто нибудь далъ этотъ совѣтъ графинѣ, съ яростію сообразилъ всѣ надѣланные имъ промахи и неосторожности, измѣрилъ опасность, разсудилъ, что можно сдѣлать и чего нельзя, — и, смекнувъ все это во мгновение ока, сказалъ спокойно и любезно улыбаясь, хотя блѣдный, какъ мертвецъ, и дрожащій, какъ паралитикъ:

— Что же дѣлать? Ступай на площадь Фонтана, крикнулъ онъ кучеру.

Нѣсколько челоѣкъ, говорить лѣтописецъ Бенвенути, проходили въ это время по площади, узнали карету откупщика Суарди и подумали, что подѣхавшій къ нему всадникъ и люди въ тележкѣ — агенты откупа, догнавшіе его по какому нибудь очень важному и спѣшному дѣлу. Только черезъ нѣсколько часовъ узнали, что синьоръ Суарди отправленъ къ капитану юстиціи въ собственной парадной каретѣ. Это весьма удивило всѣхъ, какъ неправиль-

ностью, съ которой былъ произведенъ арестъ, такъ и самымъ фактомъ ареста челоѣка, внушавшаго своимъ богатствомъ и вліяніемъ такое уваженіе».

Говоря о неправильности ареста, лѣтописецъ имѣетъ вѣроятно въ виду переодѣваніе полицейскихъ агентовъ; и дѣйствительно, это доказываетъ, что не рѣшились арестовать Суарди дома, среди его вѣрной откупной гвардіи. Это такая же черта нравовъ, какъ и наивное удивленіе, выражаемое лѣтописцемъ по случаю ареста челоѣка столь богатаго и вліятельнаго.

Адвокатъ Стриджели съ утра послалъ своего дворника, служившаго ему слугою, и секретаря стараго Агудіо—одного въ улицу Пантано, а другого во дворъ палаты юстиціи, а самъ ждалъ у Агудіо. Вскорѣ дворникъ явился съ рапортомъ, что Суарди выѣхалъ изъ дому, провожаемый верховымъ и двумя людьми въ телѣжкѣ, а секретарь,—что Суарди выѣхалъ во дворъ Палаты и, выйдя изъ кареты, преслѣдовалъ на верхъ къ капитану юстиціи.

Ну, сказалъ Стриджели, выслушавъ этотъ второй рапортъ, теперь намъ нечего бояться Галантино; а иначе, хотя я не вѣрилъ его угрозамъ, однако—чортъ-знаетъ, на что могъ рѣшиться этотъ челоѣкъ въ бѣшенствѣ. Поэтому то и надо было захватить его врасплохъ; бѣда была бы, еслибы онъ успѣлъ улизнуть. Теперь остается розыскать дѣвушку, и мнѣ кажется, я нашелъ средство; если не сегодня, то завтра она будетъ дома въ сохранности и, надѣюсь, даже довольная. Я собственно увѣренъ, что она втирилась въ этого негодяя, но надо надѣяться, что, узнавъ, кто онъ такой, опомнится и будетъ довольна, что ее спасли отъ него.

Онъ передалъ эту надежду и графу, который спросилъ его:

— Какое же у васъ средство найти ее сегодня же?

— Позвольте мнѣ пока умолчать о немъ, потому что я еще не могу рискнуть дать вамъ формальное обѣщаніе.

Средство это онъ надѣялся получить отъ Бароджи, съ которымъ у него было назначено въ этотъ день свиданіе у Агудіо. Бароджи питалъ глубокую признательность къ этому старику, грубому на видъ, но доброму и честному въ душѣ, который истощилъ въ интересахъ Бароджи и его матери всю свою науку, перерылъ все римское право, всѣ статуты, всѣхъ комментаторовъ, все рациональное право, поднималъ на ноги лангобардскихъ королей и ихъ законы,

подвергъ контрибуціи этику и даже теологію, правда, безуспѣшно, но не по своей винѣ.

Агудіо, которому было далеко за восемьдесятъ, уже не вставалъ съ постели, но сохранялъ прежній умъ и знанія.

Когда ему доложили о приходѣ Бароджи, онъ велѣлъ позвать его и посадилъ подлѣ своей кровати.

— Ну, дайка мнѣ посмотрѣть на тебя, сказалъ старикъ:—лицо лучшее заглавіе. Вижу, вижу: сейчасъ видно, что въ эти дни ты сдѣлалъ что-то такое, чего твоя совѣсть не можетъ переварить.

Бароджи молчалъ; старикъ продолжалъ:

— Ну, что скажешь новаго?

— Въ казармы не доходятъ повости отъ капитана юстиціи.

— Ага! Такъ ты знаешь? Что же ничего не говоришь?

— Я только что узналъ, выходя изъ казармъ, но такъ смутно; вы вотъ все знаете, кажется.

— Конечно, знаю, да и нехитрость знать; мошенникамъ всегда, рано или поздно, приходится расплачиваться. Кто бы вообразилъ, что этотъ самъ выроетъ себѣ яму и пленится въ нее, какъ простофила, хотя кажется хитрѣе чорта. Такъ всегда бываетъ съ мошенниками. Если людямъ не удастся изловить ихъ, они сами попадаютъ. И изъ за чего? Изъ за фантазіи! Влюбился въ дѣвочку! Такъ долго безнаказанно мошенничалъ, что воображалъ себя неуязвимымъ; всегда счастье ослѣпляетъ ихъ братью. Вѣдь не могъ же этотъ плутъ не знать что барышень нельзя похищать для препровожденія времени. Но счастье вскружило ему голову, и вотъ нынче онъ возвратился туда, откуда чудомъ выбрался пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Тебѣ было тогда пять лѣтъ. Хорошо было бы, еслибы и теперь ты былъ въ этомъ возрастѣ. Такъ то, другъ, такъ то! Не притворяйся удивленнымъ,—я все знаю; надо пособить; мнѣ главное жаль твою бѣдную мать; понимаешь? Жаль!

Бароджи въ безпокойствѣ всталъ.

— Что было, то было; я очень радъ, что вамъ все извѣстно. Но мнѣ хотѣлось бы увѣрить васъ, что моей вины тутъ не было; что мнѣ было дѣлать?

— Ну, что ты толкуешь? Тебѣ скажутъ: одолжи, любезный, мнѣ твою сабельку, зарѣзать человѣка, который мнѣ досаденъ,—и ты сейчасъ одолжишь; что же ты думаешь, съ тебя не взыщутъ?

— Понимаю; да, я это предчувствовалъ.

— Однако дѣвушка существуетъ?

— Конечно...

— То есть, вѣдь можно существовать различно.

— Что вамъ сказать? Довольно того, что она на рукахъ моей матери, а мою мать знаете.

При этихъ словахъ старикъ подпрыгнулъ въ постели, какъ укушенный змѣей:

— Такъ ты и мать втянулъ въ это дѣло? Свою мать! Сумасшедшій! Это настоящая пропасть! Ну, рассказывай мнѣ все, не пропуская ни одного слога; все—понимаешь?

Бароджи рассказалъ ему все, что мы знаемъ.

Онъ кончалъ, когда Стриджели вошелъ въ комнату и, увидѣвъ Бароджи, спросилъ Агудіо:

— Ну, что?

— Дѣло серьезнѣе, чѣмъ мы думали.

Стриджели испугался.

— То-есть серьезнѣе для этого безголоватаго юноши, поспѣшилъ прибавить старикъ.— Дѣвушка существуетъ, и онъ знаетъ гдѣ она: ты навѣрно удивишься, узнавъ, что она у его матери. А? Каково? Хуже вляпаться ужъ нельзя было; этакій дурачина! А ему-то, дураку, больше всѣхъ слѣдовало остерегаться; ему безъ молитвы не слѣдовало бы ни встать, ни сѣсть, потому что онъ изъ тѣхъ, которыхъ судьба вѣчно гонить съ утробы матери, не покидаетъ ни на минуту, стронуть имъ козни на каждомъ шагу. Что же ты думаешь теперь дѣлать, дружокъ?

— Прежде всего послать за дѣвушками.

— Я самъ поѣду, сказалъ Бароджи:— пусть только синьоръ Стриджели выхлопочетъ мнѣ отпускъ отъ моего начальника.

— Ты останешься здѣсь, сказалъ Агудіо:— ты понимаешь, прибавилъ онъ, обращаясь къ Стриджели,—если дѣвицы узнаютъ его, онъ пропалъ. Пусть онъ укажетъ мѣсто; графъ пошлетъ за ними свою карету; а тебѣ нужно приготовить его мать и дѣвицъ, чтобы онъ не сблизился въ показаніяхъ; стало быть, ты самъ по себѣ поѣдешь, а онъ останется въ Миланѣ ждать Божьей милости. Ступай, да прежде посоветуйся съ этой драгоценной донной Паолой; ступай же и постарайся устроить такъ, чтобы конецъ дѣло вѣнчалъ. Ты же, обратился онъ къ Бароджи,—можешь отправляться въ казармы; да если бы въ эти дни тебѣ случилось объѣзжать гра-

ницу, да, можетъ быть, имѣть какую нибудь передѣлку, то это было бы недурно: на границѣ, между двумя государствами, воздухъ всегда здоровъ: да протяни тамъ дѣла подольше, пока тебѣ не дадутъ знать, что и въ Миланѣ стало здорово; только едва ли. Ну, ступай, я изъ-за тебя заставляю ждать пѣсколько господъ въ приемной.

III.

Адвокатъ Стриджелли вышелъ отъ Агудіо съ самодовольствомъ поэта, только что написавшаго удачно заключительную строфу поэмы, отъ которой тѣмъ больше требовалось, что она была заключительная. Онъ шелъ въ домъ Пьетра съ адресомъ дѣвушекъ, добытымъ отъ Бароджи. Графъ былъ еще у донны Паолы. Адвокатъ, войдя въ салонъ въ веселомъ расположеніи духа побѣдителя и чувствуя себя больше хозяиномъ, чѣмъ сами хозяева, перебилъ ихъ разговоръ.

— Все кончено, все распутано, и графу остается только приказать запрягать, доннѣ Паолѣ — снарядить въ путь губернантку донны Ады, а мнѣ — самому снаряжаться. Отсюда до Комо на хорошихъ лошадяхъ можно доѣхать въ шесть часовъ, отъ Комо до Ассо... Нѣтъ, сегодня не доѣдешь, дѣлать нечего, графинѣ придется подождать до завтра свиданія съ дочерью... Но надо поскорѣе сообщить ей эту новость... Гдѣ она? Надѣюсь, при этомъ извѣстїи она воскреснетъ изъ мертвыхъ... Ведите меня къ ней, донна Паола. Графъ, пожалуйста съ нами.

И въ своемъ восторгѣ, ни на что не обращая вниманія, онъ направлялся къ комнатѣ графини. Донна Паола пошла за нимъ, обративъ на графа взглядъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ; увлеченный общимъ движеніемъ, графъ послѣдовалъ за ними, понуривъ голову. Пройдя смежную комнату, донна Паола отворила дверь къ графинѣ, чтобы предупредить ее о приходѣ адвоката и графа. Графъ остановился, подумалъ и вдругъ скорыми шагами обратился вспять въ салонъ, гдѣ, бросившись въ кресло, сталъ хлопать хлыстомъ по сапогамъ. Посидѣвъ съ минуту, онъ всталъ, опять прошелъ въ

сосѣднюю комнату и, увидавъ, что она пуста, снова совершилъ отступление въ салонъ. Между тѣмъ, донна Паола съ адвокатомъ вошли къ графинѣ и, не замѣчая отсутствія графа, спѣшили сообщить ей добрыя вѣсти.

— Ну, радуйтесь, графиня, сказалъ Стриджели.

— Радуйтесь, милая Клелія. Нашъ адвокатъ сейчасъ ѣдетъ въ экипажъ графа за Адой.

Графиня вскочила съ кресла, вырвавшись изъ рукъ горничной, которая причесывала ее.

— Вы ѣдете за Адой? Развѣ вы узнали, гдѣ она?

— Да, отвѣчалъ адвокатъ;—изъ Комо надо проѣхать въ Вала-сину на маленькую виллу на озерѣ между Скарениной и Каслино. Тамъ уединенно и мирно живутъ ваша дочь и маркиза Кривелли подъ надзоромъ, кого бы вы думали? матери Бароджи! А вы знаете, что она теперь больше всѣхъ въ Миланѣ полируетъ церковныя скамейки.

Графиня обратилась къ горничной:

— Поскорѣе, мнѣ некогда. Я думаю, сказала она Стриджели,—мы сейчасъ поѣдемъ?

— Конечно, мѣшкать не станемъ. Но, графиня, вамъ придется потерпѣть еще до завтра; и притомъ, повѣрьте, что лучше поѣхать мнѣ одному съ гувернанткой. Графъ тоже хотѣлъ самъ ѣхать со мной, и я его убѣдилъ... Но гдѣ же графъ, спросилъ онъ донну Паолу,—онъ, кажется, вошелъ съ вами?

— Должно быть, ждетъ въ той комнатѣ...

П донна Паола взглянула выразительно на графиню, ничего не прибавляя, потому что ей не хотѣлось дѣлать Стриджели свидѣтелемъ упрямства графини.

Но графиня не обратила на этотъ взглядъ никакого вниманія и продолжала, слѣдуя своей главной мысли:

— Нѣтъ, я ни за что не соглашусь ждать въ Миланѣ. Ни за что!

Въ такомъ случаѣ надо спросить мнѣнія графа, замѣтила донна Паола.

— Если донна Клелія упробитъ графа позволить ей ѣхать за дочерью, то почему же ей не ѣхать? Пойдемте же, милая Клелія; если вамъ непремѣнно хочется ѣхать съ нашимъ адвокатомъ, что волинь понятно, то мы съумѣете уговорить графа. Не правда ли,

сеньоръ Стриджели? прибавила она, обращаясь къ нему съ много-значительнымъ видомъ, давая ему знать, чтобы онъ поддержалъ ее. — Я иду, а вы, милая Клея, приходите попросить графа. И сейчас поѣдете, такъ что увидите вашу Аду сегодня же, а не завтра.

И, не ожидая отвѣта, она вышла въ салонъ.

Графъ сидѣлъ на креслѣ, опустилъ голову на руку, облокоченную о козѣно, и машинально хлопалъ хлестикомъ по кофру приѣмной.

Донна Паола сказала ему изъ-за спинки кресла:

— Графъ, бѣдная графиня хочетъ просить васъ... она сейчасъ выйдетъ...

— Что? воскликнулъ графъ, вскакивая и оборачиваясь.

Съ людьми, подобными графу, имѣть дѣло трудно больше всего потому, что никогда нельзя предвидѣть, что они сдѣлаютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Хорошо, если они поддадутся первому влеченію сердца: но малѣйшее раздумье все портитъ и ниспровергаетъ всякіе расчеты, потому что у этихъ людей, безъ царя въ головѣ, оно приводитъ къ совершенно неожиданнымъ выводамъ и результатамъ. На мѣстѣ графа всякій человѣкъ, разъ рѣшившись пріѣхать въ домъ къ доннѣ Паолѣ, зналъ бы, къ чему обязываетъ его этотъ первый шагъ и дѣйствовалъ бы уже безъ колебанія сообразно этому; разъ рѣшившись выказать участіе, забвеніе прошлаго, показать себя семьяниномъ, надо было взять на себя инициативу во всемъ, облегчить женѣ шаги къ примиренію, принявъ въ соображеніе, что чѣмъ онъ правѣе, тѣмъ тяжелѣе ей предстать передъ нимъ черезъ пятнадцать лѣтъ въ положеніи кающагося грѣшницы. Но онъ былъ не таковъ. Сначала онъ поддакъ влеченію сердца; но на порогѣ комнаты графини, при звукахъ ея голоса, ему пришло въ голову раздумье, смутившее его. Онъ подумалъ, что уже давно находится въ этомъ домѣ и что графиня до сихъ поръ не вышла къ нему, испугался, что если онъ первый войдетъ къ ней, то она приметъ его дурно, и, совершивъ ретираду, сидѣлъ въ недоумѣніи, не зная на что рѣшиться и обуреваемый злобой. Онъ уже готовъ былъ разразиться, какъ вдругъ въ дверяхъ явилась графиня съ адвокатомъ.

При видѣ ея, графъ какъ бы окаменѣлъ, съ выраженіемъ злобы на лицѣ. Графиня, ожидавшая, со словъ донны Паолы и адвоката,

ласковаго приѣма, была поражена этимъ выраженіемъ и, смертельно поблѣднѣвъ, взглянула на Стриджели, какъ бы желая сказать: что и выъ говорили?

Донна Паола и Стриджели, обнадежившіе графиню, никакъ не ожидали подобной перемены въ графѣ и не находили словъ, чтобы прекратить томительное молчаніе.

Мгновеніе было рѣшительное. Все зависѣло отъ того, какое чувство превозможетъ въ хаотической душѣ графа. На счастье превозмогъ конфузъ. Совершенно неожиданно онъ вдругъ съ азартомъ набросился на Стриджели:

— Что же вы не прикажете заперчь лошадей, сударь? заоралъ онъ самымъ неприличнымъ образомъ. — Что мы тутъ теряемъ напрасно время?

При этомъ непредвидѣнномъ восклицаніи, графиня ободрилась, очнулася изъ своего забытья и, подойдя къ мужу, сказала.

— Вы такъ хлопчете о моей дочери... дайте мнѣ поблагодарить васъ...

Эти простые слова, сказанныя дрожащимъ голосомъ, разомъ измѣнили выраженіе лица графа.

— Графиня просить васъ, подхватила донна Паола, — позволить ей отправиться съ адвокатомъ за Адой.

— Мое ли дѣло давать позволеніе? вѣдь вы мать.

Онъ сказалъ это грубымъ голосомъ, но по тону его было слышно, что онъ разчувствовалъ и только смертельно боится указать это. Онъ не успѣлъ сказать ничего больше, потому что при этихъ словахъ графиня, припавъ къ груди донны Паолы, разразилась рыданіями. Въ ту же минуту посланъ былъ приказъ запрягать дорожную карету графа, которая черезъ полчаса въѣхала на дворъ дома Пьетро. Графиня вышла на крыльцо, опираясь на руку графа, это былъ уже очень хорошій знакъ, сѣла рядомъ съ адвокатомъ, и лошади тронулись крушной рысью. Графъ весь этотъ день пробылъ у донны Паолы и даже обѣдалъ у нея, неумолчно толбуя о разныхъ речностяхъ.

IV.

Арестъ Суарди разразился какъ бомба въ головахъ миланцевъ, перевернувъ въ нихъ все вверхъ дномъ. Клевета, пущенная передъ этимъ противъ донны Паолы, приняла уже колоссальнѣйшіе размѣры и послужила основаніемъ къ несокрушиму на видъ зданію основанному на ней выводовъ. Теперь оно разлѣтѣлось въ прахъ, и всѣ хватили себя по лбу, обзывая болванами, что раньше не догадались заподозрить пресловутаго Галантино, представлявшаго всѣ данныя для подозрѣній. Снова начались ожесточенные споры между поклонниками донны Паолы, которые торжествовали, и противниками, которые сконфуженно говорили, что надо еще что-то посмотреть. Но всѣхъ мирило то необыкновенное и потому радостное происшествіе, что блестящій богачъ Суарди, пускавшій шель своимъ буланымъ конемъ съ лебединой шеей и черной гривой, своими пострѣомами, каретами и обѣдами, возвратился на жительство въ гостиницу капитана вестиди, какъ выражались остряки. Его злѣючіе, помимо общей ненависти къ откупу, составляло предметъ общей радости, какъ неожиданное паденіе благодня судьбы.

— Что онъ мошенникъ, это всѣ знали, но кто могъ думать, что это такой злодѣй? говорили одни. Вѣдь это святотатство! разсуждали другіе. Надо показать примѣръ, кричали третьи:—козосовать его и съ братьей. Всѣхъ откупщиковъ на верѣлѣ! А его первого! Нѣтъ, на этотъ разъ ему не удастся обмануть правосудіе и публику. Если сенатъ оправдастъ его, надо избунтоваться противъ сената. Нельзя терпѣть этого. Кто дѣлается овцой, тотъ самъ виноватъ, если волкъ съѣстъ его. Надо дѣйствовать рѣшительно. Драка въ монастырѣ, пятеро убитыхъ, мужество франкмасоновъ сдѣлали свое дѣло; эдиктъ 6 апрѣля исчезъ вчера со всѣхъ угловъ города. А вѣдь эдиктъ-то отъ 6 апрѣля, а негодий купилъ домъ при монастырѣ нѣсколько дней спустя. Стало быть, онъ уже тогда затѣялъ свое преступленіе.

Таковы были рѣчи публики, и по мѣрѣ того какъ росло негодованіе противъ Галантино, возбуждался энтузіазмъ къ другимъ: къ франкмасонамъ, которыхъ ложа въ Санъ-Виттореджо была заперта; къ лорду Краю, котораго превозносили какъ героя; къ доннѣ Паолѣ, которую чтили, какъ святую. Когда узнали, что адвокатъ Стриджелла открылъ убѣжище дѣвушекъ и поѣхалъ за ними

съ графиней Клеией В*** въ собственной каретѣ графа, восторгъ былъ всеобщій. Прославляли чудный умъ донны Паолы, которая раскрыла, какъ говорили, все и, воспользовавшись катастрофой, чтобы вызвать графиню въ Миланъ, добилась вещи невозможной — примиренія супруговъ послѣ 15-лѣтняго разрыва. Графиня Клеія была также предметомъ непомѣрныхъ восхваленій. Въ наукѣ она оказывалась несравненно выше Аньезе; какъ жертва гоненій и бѣдствій была достойнѣе состраданія, чѣмъ Марія Стюартъ; еще бы немпоже, и она заслужила бы мѣсто въ мартирологѣ. Что же до красоты, то она затмѣвала ея самыхъ свѣжихъ и молоденькихъ красотокъ, кромѣ собственной дочери, ангельской Ады; онѣ вдвоемъ доказывали, что Милану принадлежитъ пальма первенства по части женской красоты; Венеція не могла и тягаться; Генуя, Болонья и Феррара, такъ много толкующія о красотѣ своихъ женщинъ, должны спасовать при видѣ ихъ. Даже графъ В*** получалъ свою долю этихъ общихъ восторговъ. Особенно же возрасли они, когда узнали, что графиня и адвокатъ вернулись благополучно съ дѣвushками. До тѣхъ поръ не совсѣмъ вѣрилось, что дѣло кончится такъ скоро, просто и благополучно; поэтому тѣмъ живѣе была радость. Едва узнали это, какъ къ графинѣ сбѣжались всѣ ея родные, къ графу—всѣ его друзья съ поздравленіями. Наконецъ радость, сообщившаяся всему населенію, выразилась въ оригинальной формѣ одного тогдашняго любовитнаго обычая, заимствованнаго, какъ всѣ моды, изъ Франціи.

Тамъ въ первыхъ годахъ царствованія «обожимаго» Людовика XV, король этотъ незадолго до достиженія совершеннолѣтія опасно заболѣлъ. Парижане были такъ огорчены этимъ, что явно выражали негодование противъ регента, герцога Орлеанскаго, противъ котораго были направлены ужасныя подозрѣнія, возбужденныя почти одновременной смертью отца, матери и старшаго брата Людовика XV. Ненависть къ регенту была усилена беспорядками, возбужденными въ тоже время системой Лоу, которой онъ покровительствовалъ. Всѣ, вѣря въ злодѣйское честолюбіе герцога, были убѣждены, что молодому королю не миновать смерти. Но врачъ Эльвессіусъ храбро закатилъ ему, вопреки общему мнѣнію собратьевъ, рѣшительное лекарство, которое спасло его. При этомъ извѣстінъ народъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Регентъ для опроверженія клеветъ самъ представилъ народу молодого короля.

Чтобы отпраздновать чрезвычайнымъ образомъ столь счастливое событіе, парижское воображеніе придумало семейныя пирушки, которыя справлялись у дверей домовъ подъ покровительствомъ прекрасныхъ лѣтнихъ ночей.

Изъ Парижа эта мода быстро распространилась по всей Европѣ, и въ Италіи Миланъ первый усвоилъ ее. Хорошо было бы, если бы великія и полезныя идеи распространялись съ подобной быстротой, если бы напр. книга Беккарии была такъ быстро принята Европой. Сколько страданій и несправедливостей было бы предупреждено этимъ.

Но за неизбѣимъ короля миланца должны были придираться къ другимъ, менѣе важнымъ событіямъ, какъ напр. рожденіе наследника какой нибудь знатной фамиліи, какая нибудь великолѣпная свадьба, возбуждавшая толки во всѣхъ закоулкахъ герцогства или даже (тогда банкеты ограничивались только однимъ приходомъ или кварталомъ) назначеніе въ приходъ новаго священника. Если же и такой оказіи не было, то устраивали банкеты въ канунъ большихъ праздниковъ. Канунъ Петрова дня, напримѣръ, который приходился лѣтомъ, всегда ознаменовывался ночными банкетами по всему городу. Банкеты бывали болѣе или менѣе роскошны, что зависѣло отъ большей или меньшей щедрости чествующихъ, изъ коихъ иные предпочитали бы, чтобы ихъ ненавидѣли, лишь бы быть избавлены отъ расходовъ на общее угощеніе. Самымъ знаменитымъ до сихъ поръ былъ общій банкетъ, данный въ Миланѣ въ 1760 году по случаю рожденія первороднаго сына ихъ сіятельствъ дона Альберика Барбiano, графа Кунио, Луго, Велджіозо, маркиза ди Грумелло и проч. и проч. и доны Анны Риччарды припчипессы д'Эсте, причемъ воспріемникомъ былъ его превосходительство графъ Карлъ Фирміанъ. Событіе это было воспѣто поэтами въ сборникѣ, гдѣ въ заключеніе многихъ неизвѣстныхъ именъ на самомъ концѣ находимъ имя Парини, который былъ въ то время еще простымъ аббатомъ и не издавалъ своего Дня.

Въ прошломъ вѣкѣ страсть къ удовольствіямъ была гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ народѣ была непрерывная струя веселія и благодущія, которой теперь нѣтъ. Его отношенія къ богатой знати напоминали отношенія римскихъ кліентовъ къ своимъ патронамъ. Народъ живо принималъ къ сердцу радости знатныхъ фамилій, тщеславился ихъ славой, гордился ихъ богатствами, лю-

билъ описывать ихъ, прославляя и преувеличивая. Новыя идеи, выработывавшіяся въ Парижѣ, проникли лишь въ немногія голы, жившія въ сферѣ мыслей, которой народъ не подозрѣвалъ даже существованія. При природномъ добродушіи этого народа, не нарушеннымъ еще никакимъ рѣшительнымъ разрывомъ, при матеріальномъ благосостояніи многочисленнаго среднего класса и даже низшаго, гдѣ оно поддерживалось невѣжествомъ и невѣдѣніемъ возможности лучшаго, довольствомъ настоящимъ положеніемъ подъ покровительствомъ аристократическихъ патроновъ, при страсти къ удовольствіямъ, которая отъ господъ перешла къ слугамъ и овладѣла всѣми классами, при единеніи между горожанами, поддерживаемомъ тѣсными и многочисленными обществами, артелями и цехами ремеслъ и мастерствъ—понятно, что такія общественныя увеселенія, какъ общіе банкеты, сохранялись въ Миланѣ долго.

Оставалось только двое сутокъ до Петрова дня, когда графиня Клелія вернулась въ Миланъ съ дочерью и съ маркизой Кривелли. Рѣшено было отпраздновать это событіе общимъ банкетомъ, который затмилъ бы всѣ прежніе. Кстати и графъ В*** назывался Педро. Такимъ образомъ можно было разомъ отпраздновать: возвращеніе свѣтила науки графини В*** въ Миланъ, ея примиреніе съ мужемъ, чудесное спасеніе ихъ дочери, спасеніе дочери маркизы Кривелли, тезоименитство донъ Педро графа В***, празднивъ св. Петра. Поводовъ было за глаза достаточно.

Ночь уже наступила, когда густая толпа явилась подъ окнами дома Пьетра, крича изо всѣхъ силъ:

— Вива донна Ада В***! Вива донна Наола Пьетра! Вива графиня Клелія! Вива всѣ! Энтузіазмъ былъ таковъ, что графинѣ съ дочерью пришлось выйти на балконъ.

Когда онѣ явились на немъ среди двухъ лакеевъ съ свѣчами, восторгъ поднялся неописанный. Озаренное мелькающимъ пламенемъ, лицо графини было такъ молодо, что она казалась старшей сестрой своей дочери, а прелестное личико Ады казалось копіей съ ея величественнаго лица, копіей, сдѣланной кистью болѣе тонкой и изыщной. Оно блестѣло радостью, но выражало вмѣстѣ съ тѣмъ смущеніе, и ея ручки крѣпко держались за руку матери, какъ будто эти голоса, выкликавшіе ея имя, пугали ее. Это была картина, достойная кисти Герардо де ла Нотти.

V.

Есть города, исторія которых полна несчастіемъ, какъ біографія какого нибудь бѣдняка, рожденнаго подъ дурнымъ созвѣдіемъ; города, которыхъ никакія жертвы не спасаютъ отъ худой славы; добродѣтели и заслуги которыхъ обходятся молчаніемъ, подвиги оплачиваются неблагодарностью; которые осуждаются и презираются собственными дѣтьми. Таковъ между прочимъ Миланъ. Онъ имѣлъ свои великія историческія страницы не хуже другихъ. Бывали минуты, когда онъ былъ не только не изъ послѣднихъ, но первый. Онъ долженъ былъ и хотѣлъ страдать и обливаться кровью за себя и за другихъ. Онъ доставилъ свой контингентъ великихъ людей всѣмъ отраслямъ общественной жизни; онъ вознесъ свои гигантскія зданія, далъ свою печать искусствамъ; любя все великое, доброе и прекрасное, онъ далъ пріютъ многимъ благороднымъ умамъ, непонятымъ и несчастнымъ въ другихъ мѣстахъ. И тѣмъ не менѣе всѣ продолжаютъ повторять слова Альфіери, сказанныя имъ въ томъ знаменитомъ своемъ сонетѣ, гдѣ онъ разбираетъ репутацію итальянскихъ народовъ какъ листы презираемой книги, и говоритъ о миланцахъ, что они умѣютъ только ѣсть:

I buoni Milanesi a banchettare,
«А добрые миланцы провать».

Мы выбрали, повидимому, неудачно моментъ возстать противъ этого мнѣнія въ ту минуту, когда собираемся описывать городъ умирающимъ. Но въ оправданіе его напомнимъ общій духъ этого времени. При Барбароссѣ, Висконти и Сфорцахъ, подъ вливіемъ ланцкнехтовъ Германіи и свирѣпыми жандармами Франціи, Миланъ привыкъ презирать тѣхъ, кто умѣлъ только плакать, какъ высѣченное дитя, не понимая, что цыкату можно пить какъ Сократъ, проиически улыбаясь. Въ прошломъ вѣкѣ для всей Европы настали другія времена, застоя подъ видомъ покоя, разложенія подъ видомъ тишины. Венеція стала прекрасной Венеціей и забыла Венецію могущественную. Самъ Парижъ веселился, какъ пьяная вакханка, хотя скрывавшійся въ немъ вулканъ если еще не извергался, то уже дымился. И люди, и народы никогда не помышляютъ о серьезныхъ вещахъ въ минуты, предшествующія роковымъ событіямъ.

Нѣсколько человѣкъ отдѣлилось отъ толпы, стоявшей подъ балкономъ дома Пьетра, и попросили позволенія войти. Это были старшины ремесль, явившіеся просить позволенія отпраздновать въ канунъ Петрова дня возвращеніе графини и благополучное обрѣтеніе дочери. И графъ, и графиня предпочитали бы избѣжать этой публичной демонстраціи, но отказаться было невозможно, потому что отказъ выражалъ бы только желаніе сберечь тысячу цеккиновъ, которые имъ предстояло истратить на взносы въ кассы различныхъ ремесленныхъ обществъ. Поэтому они выразили рабочимъ депутатомъ свою глубокую признательность и сказали, что очень счастливы и рады такой чести, хотя незаслуженной. Выйдя изъ дома Пьетра, рабочіе старшины пошли такимъ же порядкомъ въ домъ Кривелли, гдѣ обмѣнялись подобными же вѣжливостями.

На другой день, въ воскресенье утромъ, на всѣхъ углахъ города явились объявленія о ночномъ банкетѣ, имѣющемъ быть наканунѣ Петрова дня у воротъ домовъ «для прославленія святого апостола и для ознаменованія общей радости по случаю чудеснаго спасенія отъ опасности благородныхъ дѣвицъ, донны Ады графовъ В*** и донны Джакомы маркизовъ Кривелли.

Въ понедѣльникъ, наканунѣ праздника, весь городъ былъ цѣлый день занятъ приготовленіями къ вечернему торжеству.

Чтобы составить себѣ понятіе о веселой тревогѣ, наполнявшей въ этотъ день городъ, надо представить себѣ въ чрезвычайно увеличенномъ видѣ приготовленія и хлопоты передъ рождествомъ, гдѣ впрочемъ общую радость смущаетъ грусть отцовъ семейства, которые должны позаботиться о подаркахъ для всѣхъ, не имѣя сами никакой надежды на полученіе ихъ. Но тутъ приготовленія были особенно шумны, потому что празднество должно было происходить на улицахъ. Всѣ дома, всѣ квартиры опустошались, и все, что было въ нихъ лучшаго, выносилось на улицу. Каждый притомъ старался показать свою внутренность въ лучшемъ видѣ, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Кто привыкъ обѣдать на голомъ столѣ, развертывалъ скатерть и салфетки, кто всегда ѣлъ деревянными ложками, выставлялъ блестящіе приборы новой жести. Знатные же дома соперничали выставкой самой богатой и разнообразной золотой и серебряной посуды. Патриціанскіе повара истощали всѣ тайны своего искусства. Майордомы обдумывали въ завѣтныхъ углахъ погребовъ выборъ бутылокъ самаго дряхлаго вида. Не меньше хло-

потъ было въ домахъ среднихъ, бѣдныхъ и убогихъ. потому что праздникъ былъ всеобщій. Предусмотрительные хозяйки и хозяева, любители покушать, еще съ утра разобрали плембейскихъ гусей и утокъ. Великолѣнные десятифунтовые каплуны—добыча торговаго класса, мѣтящаго въ высшія сферы, еще со вчерашняго дня печезли изъ лавокъ Верцайя, Каминотто и Санъ-Клементе, улицъ, уже тогда славившихся искусствомъ готовить жирнѣйшихъ пуляроковъ и доводить бекасовъ до высшей степени гніенія. А птичья аристократія, бекасы, дунеля, фазаны, водяныя курочки, рябчики и проч., аристократія, имѣющая право и обязанность особенно сильно вопять, наполняла своимъ благоуханіемъ патриціанскія кухни.

Тутъ случилось то, что почти всегда случается въ тѣхъ случаяхъ, когда ясное небо и хорошая погода требуются нещадно для общественнаго увеселенія. Статистика иллюминацій показываетъ, что по меньшей мѣрѣ половина ихъ нарушается туманами и градами, ливнями и вѣтрами. Въ іюнѣ и іюлѣ, когда солнце дѣлаетъ все, чтобы возбудить неблагодарность смертныхъ и съ четырехъ часовъ утра немилосердно сіяетъ до вечера; когда дождя жадутъ какъ благодѣянія, небо неумолимо и точно тѣпится, глядя на мученія почтальоновъ, задыхающихся по дорогамъ въ клубакъ пыли, и поэтовъ немогущихъ разродиться рифмой, изнемогая отъ пота. Но стоитъ только захотѣть воспользоваться этой погодой и устроить какое нибудь общественное увеселеніе, чтобы на небѣ ни съ того, ни съ сего явились черныя облака, грозя барышамъ однихъ и веселію другихъ.

Такъ и наканунѣ Петрова дня солнце, двадцать пять дней сряду жегши городъ по шестнадцати часовъ въ сутки, въ самый полдень вдругъ скрылось подъ облакомъ очень подозрительнаго вида. Это поселило во всѣхъ тревогу, поюдило множество семейныхъ ссоръ, потому что въ такихъ случаяхъ сердца ожесточаются; безъ луны и звѣздъ банкетъ лишился бы половины своей прелести, а при дождѣ сталъ бы и совсѣмъ невозможенъ.

Но продержавъ такимъ образомъ городъ въ страхѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и доведя дѣло до того, что многіе уже стали поговаривать о перенесеніи въ комнаты всѣхъ приготовленій, погода къ вечеру неожиданно разгулялась, луна явилась на своемъ мѣстѣ, и звѣзды усыпали небо. Радость воскресла въ сердцахъ;

ужинъ долженъ былъ начаться въ полночь; поэтому эти послѣдніе часы были посвящены на приготовленіе столовъ передъ дверьми домовъ и на украшеніе фасадовъ. Наконецъ, пробило полночь, и весь городъ сѣлъ за столъ, не боясь помѣхи со стороны лошадей, телѣгъ и каретъ, которымъ было строго запрещено ѣздить; почетное исключеніе было сдѣлано только для виновниковъ торжества, которые, по обычаю, должны были вскорѣ послѣ полуночи сѣсть въ экипажи и объѣхать весь городъ. Но уже много бутылокъ было опустошено, когда экипажи графа В*** и маркиза Кривелли тронулись въ путь.

VII.

Около семи часовъ, т. е. по нынѣшнему около часа пополночи парадная коляска графа В***, присланная имъ въ домъ Пьетра, торжественно выѣхала изъ воротъ его. Въ ней сидѣли графиня Клелия и Ада, однѣ, безъ кавалеровъ. Донна Пабла осталась дома, потому что хотя радовалась благополучному окончанію этого дѣла, но имѣла свое горе, мѣшавшее ей принимать участіе въ веселіи. Оставшись теперь лицомъ къ лицу съ этимъ горемъ, она живѣе чувствовала его, и забота о сынѣ мучила ее больше всего, что до сихъ поръ она испытала. Графъ также предпочелъ остаться дома, не рѣшаясь выставлять себя на показъ этой публикѣ, очень хорошо расположенной теперь къ нему и его семейству, но всегда любящей посмѣяться.

Графиня была великолѣпно одѣта, какъ подобало для такого торжества. Ада же, какъ монастырская воспитанница, была въ самомъ скромномъ костюмѣ и даже не сняла мундирнаго передника изъ черной шерстяной матеріи. Только неизбѣжная пудра покрывала ея роскошные черные волосы, натуральная красота которыхъ оставалась тайной ея матери и горничной, да красная роза въ этой пудрѣ была единственной прибавкой къ ея обычному туалету. Кучеръ, высоко засѣдавшій на драпированныхъ козлахъ, и три лакея, стоявшіе на запяткахъ кареты, были до того покрыты

серебрямъ, что возбуждали невольное опасеніе, какъ бы воры не украли ихъ, какъ драгоценности.

Прогулка по городу стояла добраго путешествія, потому что лошади должны были идти шагомъ, какъ при триумфальномъ въѣздѣ и притомъ поминутно приходилось останавливаться, чтобы отвѣчать на привѣтствія и любезности пирующихъ. Не успѣли выѣхать изъ воротъ, какъ пришлось остановиться на площади Борромео, передъ дворцомъ Борромео—принять привѣтствія хозяина. Среди площади былъ воздвигнутъobeliskъ изъ раскрашеннаго подъ гранитъ дерева, весь побитый сверху до низу разноцвѣтными фонариками, освѣщающими всю площадь. Откуда свернули налѣво и поѣхали среди безконечныхъ виватовъ переходившихъ отъ стола къ столу, не останавливаясь больше до площади Мерканти.

Площадь эта представляла живописное зрѣлище. Здѣсь были не семейные банкеты, а банкеты представителей благородной коллегіи юрисконсультовъ и цеховъ книгопродавцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, часовщиковъ и ленточниковъ. Съ площади черезъ промежутки колоннъ великолѣннаго зданія, построеннаго Пиемъ IV по рисунку Сереню для собраній юрисконсультовъ, была видна живая сцена, которую мы видимъ на ужинахъ Паула Веронеза. Столы стояли подъ портиками во всю ихъ длину. Роскошь архитектуры, двойныя дорическія колонны, интервалами пересѣкавшія сцену, свѣтъ люстръ, висѣвшихъ съ потолка, пламя канделябръ, разставленныхъ на столахъ, десятки бѣлыхъ париковъ въ парѣ, подмывшемся отъ кушаній, все это оживленное и движущееся, свѣтъ капризно перебѣгающій и играющій по яркимъ цвѣтамъ костюмовъ, потому что веселый духъ XVIII вѣка выражался и въ цвѣтѣ платья,—все это производило чудный и оригинальный эффектъ.

При въѣздѣ коляски на площадь юрисконсульты привѣтствовали ее виватами и тостами. Отвѣтивъ на привѣтствія, Ада опустила своей ручкой приношеніе въ урну, стоящую на площади подъ знаменемъ книгопродавцевъ и въ кружку, поставленную у ногъ деревянной вызолоченой статуи св. Эмилиа, покровителя золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Затѣмъ коляска повернула въ улицу Санта Маргарита и, выѣхавъ на площадь Санъ-Феделе, остановилась передъ палаццо Имбонати, въ то время одною изъ великолѣпнѣйшихъ въ городѣ.

Передъ нимъ, во всю длину его, тянулся безконечный столъ, убранный съ необыкновенной роскошью и изяществомъ, превращающимъ въ художественныя произведенія даже пироги и жаркія. За нимъ сидѣли блистательнѣйшіе представители ломбардскаго просвѣщенія. Древняя академія преобразованныхъ, основанная впервые въ Миланѣ въ 1546 году двѣнадцатю замѣчательными писателями, въ томъ числѣ Майораджо и Галлерано, и вскорѣ прославившаяся по всей Италіи, должна была современемъ закрыться. Только въ 1743 году графъ Джузепе Марія Имбонати, человекъ блестящаго ума и таланта, вызвалъ ее къ новой жизни, собралъ вокругъ себя лучшіе умы и открылъ въ своемъ дворцѣ собраніе членовъ. Статуты древней академіи давали новой болѣе обширный кругъ дѣятельности, чѣмъ имѣли остальные тогдашнія литературныя общества, кромѣ легкой литературы она занималась нравственною философіей и другими науками.

За столомъ сидѣли Пьетро Верри, Джонъ Ринальди Карли, Танци, Чезаре Беккарио, профессоръ Теодоръ Вилла, Паоло Фризи, Джузеппе Парини, графъ Джорджо Джулини, Квадрио, Баретти; здѣсь имѣлъ бы право сидѣть, какъ академикъ, и Джонъ Карло Пассерони, но въ то время онъ былъ въ Кельнѣ секретаремъ монсиньора Лучини, апостолическаго нунція при курфюрстахъ и князьяхъ нижне-рейнскаго округа. За то тутъ были поэтъ Валестріери, пресмникъ Маджи, Фолиацци, Гуттиересъ и другіе. Посреди стола, среди серебряныхъ, хрустальныхъ и фарфоровыхъ сосудовъ возвышалась платановая вѣтвь, обвитая широкой лентой съ Виргилиевымъ стихомъ: *Et steriles Platani malos gessere volentes*, девизомъ академіи. Когда коляска остановилась, всѣ встали. Графъ Имбонати съ женой, урожденной графиней Бичети, также замѣчательной поэтессой, съ сыномъ и зятемъ, допъ Франческо Карконо, вышли изъ-за стола и подошли къ экипажу. Кругомъ раздавался смутный гулъ безчисленныхъ разговоровъ всего города. Сцена была столь же интересна для слуха, какъ и для зрѣнія.

Отсюда черезъ Санъ-Рафаэло двинулись къ собору. Два скорохода съ факелами въ рукахъ предшествовали экипажу; имъ приходилось идти шагомъ и часто опоражнивать стабаны, подносимые имъ нярующими. Но временамъ кучеръ посылалъ имъ дружескій ударъ кнута по икрамъ, что составляло тогда обычную пріятельскую шутку кучеровъ съ скороходами, которыхъ они возводили сю

въ высшій рангъ лошадей. Подъѣзжая къ собору, кучеръ остановился у Кампо-Санто, гдѣ былъ также замѣчательный банкетъ общества скульпторовъ, имѣвшаго здѣсь свою резиденцію. Они пировали съ нѣсколькими архитекторами. Изъ скульпторовъ тутъ были Франки и Бусси и съ ними мальчикъ лѣтъ 9 или 10, Анджело Пицци, впоследствии соперникъ Кановы въ воспроизведеніи въ апофеозахъ и въ гигантскихъ размѣрахъ фигуры Наполеона императора. Изъ архитекторовъ тутъ былъ шестидесятилѣтній Бибиена, потерявшійся въ излишествахъ фантазій и смѣлости, и молодой Симонъ Кантони, олицетворенная реакція противъ него, представитель школы, которая сама себя подрѣзала крылья исключительнымъ обожаніемъ италогреческихъ преданій. Съ ними былъ аббатъ лѣтъ двѣнадцати, любимецъ Бибиены, Джузеппе Запойя.

Бибиена всталъ и подошелъ къ экипажу поклониться графинѣ, которая съ удивленіемъ осведомилась, кто такой этотъ ребенокъ, одѣтый аббатомъ; его подознавали, и Ада любезно поговорила съ нимъ, послѣ чего тронулись дальше.

VII.

Коляска торжественно выѣхала на то мѣсто, которое и тогда, какъ теперь, звали Соборной Площадью. Когда коляска выѣхала на нее, все, что было на ней, поднялось какъ одинъ человекъ, и виваты потрясли воздухъ. Галлерей Фиджини, иллюминированная а діогно внутри и снаружи, представляла длинный рядъ столовъ; это пировали лавочники съ женами, дѣтьми и прислугой. Шумъ разговоровъ, дѣтскихъ криковъ и игоръ съ аккомпаниментомъ трубъ, свистковъ и барабановъ, былъ оглушительный, такъ что ничего нельзя было слышать, и оставалось только глядѣть. Взглядъ блуждалъ по длинному ряду столовъ, тянувшихся отъ дверей храма до противоположнаго имъ дома, за ними сидѣли разные ремесленники и рабочія общества и братства, цѣхи суконщиковъ, сѣдельщиковъ, ткачей и проч. Отдѣльно отъ другихъ въ углу площади, образуемомъ герцогскимъ дворцомъ, засѣдала *Abbatia et Universitas Salsamentariorum et Postariorum pinguedinis civitatis* и т. д., какъ гласилъ ей ти-

туль, изображенный буквами, составленными из разноцвѣтныхъ огней.

Читая эти слова, графиня Клеція расхохоталась отъ всей души, что очень польстило почтеннымъ членамъ цѣха; они отвѣчали ей дружнымъ взрывомъ рукоплесканій и виватовъ и своими признательными лобзаніями подвергли опасности бѣлую ручку Ады, когда она по ожила свертокъ цеквиновъ на громадное серебряное блюдо, на которомъ красовалась огромная кабанья голова, окруженная вѣнкомъ сосисокъ.

Освободившись отъ поцѣлуевъ колбасниковъ, *salsamentariogum*, поѣхали дальше, но были вскорѣ задержаны восклицаніями, поднявшимися изъ-за стола, разставленнаго полукружіемъ, за которымъ сидѣло многочисленное общество. Это были завсегдатая кафе Греко, большею частью праздношатающіеся холостяки, которые, хотя не имѣли статуовъ ни писанныхъ, ни печатныхъ, и формально не составили ни общества, ни цѣха, ни корпорации, но въ дѣйствительности были блаженнѣйшимъ братствомъ гуляющихъ, деньгамъ счета не знающихъ и праздноболтающихъ. Всѣ стограла любопытствомъ посмотрѣть вблизи графиню и ея дочь, потому что любопытство—главная страсть всѣхъ, для кого единственная забота—какъ убить время въ теченіе сутокъ.

Знакомый уже намъ пріоръ этого братства взялъ на себя непрощенный произнести привѣтствіе отъ имени всѣхъ. Онъ заявилъ графинѣ общую радость по случаю возвращенія въ Миланъ столь знаменитой дамы, прославившей свой родной городъ, и прибавилъ, что радость эта увеличена тѣмъ обстоятельствомъ, что графиня теперь соединена со своей прелестной дочерью, которая въ столь юныхъ лѣтахъ познала уже несчастье, но что это именно и должно быть для нея особенно лестно, такъ какъ тутъ ясно обнаружился перстъ Провидѣнія, и слѣдовательно, можно ожидать, что такое начало предзнаменуетъ великія судьбы въ будущемъ.

Графинѣ было и скучно, и смѣшно слушать эту рѣчь; она отвѣчала нѣсколькими любезными словами, къ которымъ сконфуженная Ада прибавила отъ себя пару, и кучеръ тронулъ лошадей дальше. Едва экипажъ отѣхалъ, всѣ за столомъ разразились хохотомъ, который съ трудомъ сдерживали.

— Каковъ ораторъ нашъ! Цицеронъ! Это не то, что соборныя проповѣди монсеньора Бовіо.

— То-то и есть!

— Что то-то и есть?

— Да, если бы не я, хорошо отличилось бы общество кафе Деметріо, прославленное остроуміемъ до того, что Верри, чтобы дать ходъ своему журналу, пускаетъ слухъ, будто онъ составляется и пишется у насъ.

— Да, ужъ печего сказать, ты съ утра, когда въ желудкѣ у тебя еще только одинъ шоколадъ, оглушаешь всѣхъ краснорѣчіемъ, а ужъ послѣ такого количества монтероббіо съ ума свелъ своимъ рѣчью. То-то, я думаю, графиня хохочетъ!

— Хохочетъ! Ты изъ зависти говоришь это.

— Пусть изъ зависти, а все же я радъ, что мнѣ приходится только хохотать за одно съ графиней. Кстати о ней. Куда къ чорту дѣлся ея теноръ? О немъ совѣмъ не слышно. Вотъ теперь вернутъ бы ему въ Миланъ.

— Чтобы опять въ тюрьму попасть?

— За что?

— Да смотри: всѣ бывшіе въ тюрьмѣ въ 1750 г., опять сидятъ въ 1766 г. Считаю: Лоренцо Вруни, скрипачъ, въ тюрьмѣ, Галантино и богатство не спасло отъ тюрьмы. Просто, точно вчера все было; все по прежнему, всѣ по мѣстамъ, какъ будто этихъ 15 лѣтъ не бывало. Ну и теноръ, какъ только пріѣхалъ бы въ Миланъ, еще лошадей не успѣли бы отпречь,—пожалуйте къ его превосходительству! Ахъ, еслибы его сюда залучить! Все началось бы съизнова. То то потѣха была бы!

Мы не будемъ останавливаться вмѣстѣ съ коляской графини въ другихъ мѣстахъ, специально удостоенныхъ ея вниманія. Скажемъ только, что онѣ побывали и на площади фонтана, гдѣ шировала корпорація посылщиковъ, эта аристократія мускульной силы, опровергавшая своимъ видомъ всѣ толки о вырожденіи человѣческой породы: останавливались на Кіаравелле передъ столомъ членовъ академіи фениксовъ, беземѣннымъ секретаремъ которой былъ аббатъ Андреа Оттолина, ученый, бібліографъ, поэтъ и педагогъ; прѣхали наковецъ въ Порто-Романа, гдѣ ихъ еще издали привѣтствовали восклицаніями. Здѣсь домъ Аннони соперничалъ въ блескѣ иллюминаціи и убранства съ противоположнымъ домомъ милліонера Меллеріо. Графиня съ дочерью обмѣнялись поцѣлуями съ графиней Аннони, пожилой дамой, пропитанной насквозь сознаниемъ

своего величія и, такъ сказать, благоговѣвшей сама передъ собой и передъ знатностью фамиліи, въ которой провидѣніе заблагоразсудило уродить ее. Затѣмъ онѣ приняли привѣтствія богача Меллеріо, окруженнаго своими пріеязниками и разными отбудными агентами, пиввицами общества. Отсюда поѣхали уже рысью до дворца Пертузати или гостиницы Музь, какъ его называли. Тутъ сидѣли за банкетомъ аркадскіе пастухи и пастушки такъ называемой миланской колоніи, учрежденной въ Миланѣ въ 1704 г. падре Джаннаntonіо Меццабарбой. Графъ Карлъ Пертузати, бывшій президентомъ сената и великимъ канцлеромъ, предоставилъ ей свой собственный дворець. Въ подражаніе садамъ Ручелан ¹⁾, онъ развелъ при немъ садъ, самый богатый во всемъ герцогствѣ по изобилію рѣдкихъ экзотическихъ растений; здѣсь аркадцы собирались по лѣтамъ читать свои произведенія, а донъ Лука Пертузати, желая соединить пріятное съ полезнымъ, открылъ въ немъ также ботаническія собранія. Но главную славу дворца составляла библіотека, обогащенная графомъ Карло въ бытность его президентомъ совѣта Италіи. Выслушавъ привѣтственную рѣчь графа, который совершенно забылъ свой санъ квестора сената и тщеславился только своимъ титуломъ аркадца, и вытерпѣвъ лобзанія дюжины пастушекъ, сидѣвшихъ за банкетомъ, донна Клелія съ дочерью приехала кучеру выѣхать за бастионы римскихъ воротъ и проѣхать оттуда къ посточнымъ воротамъ, чувствуя величайшую потребность отдохнуть отъ овацій. Выѣхавъ за городъ, онѣ вздохнули свободно, глаза и уши ихъ отдохнули отъ свѣта и шума. Съ дороги, правда, виденъ былъ, какъ зарево, свѣтъ тысячи банкетовъ, но умѣренный туманомъ, и до слуха слабо доносились крики безчисленной толпы.

Лошади, наскучавъ идти шагомъ, весело поскакали въ галопъ, почувствовавъ, что кучеръ отпустилъ возжи; скороходы съ факелами вынуждены были пуститься во всю мочь, какъ имъ приходилось рѣдко; но и этихъ рѣдкихъ случаевъ было за глаза достаточно, чтобы обезпечить имъ подъ старость одышку и грыжу.

Странное зрѣлище представляла эта великолѣпная коляска, мчавшаяся по голой, каменистой и неровной мѣстности бастионовъ, въ то время невоздѣланной и необсаженной деревьями. Скороходы

---

¹⁾ Во Франціи въ XV в. Прии. II.

въ залитыхъ серебромъ курткахъ, съ разбѣнающимися волосами, бѣжали, сломя голову, съ факелами въ рукахъ, распиртывая за-
пахъ смолы и сѣры. Фонъ этой сцены, ярко горящій заревомъ
со стороны города, былъ темень и непроглядень съ другой сто-
роны. На небѣ луна и звѣзды, а на краю горизонта уже свѣтъ
зари, придавали особенный отблескъ искусственному свѣту, бли-
ставшему въ разныхъ мѣстахъ города, какъ отблескъ волнъ озера.

VIII.

Коляска подъѣзжала къ восточнымъ воротамъ, когда вдругъ
сидѣвшія въ ней были поражены необыкновеннымъ освѣщеніемъ
одного загороднаго сада, изъ котораго раздавались голоса и пѣсни.
Графиня спросила кучера:

— Что это такое?

— Это маркизь Альберикъ Ф***, со своей шайкой.

— Такъ постой, сказала графиня. Кучеръ остановилъ лошадей.
Скороходы тоже остановились, отдуваясь, какъ кузнечные мѣхи, и
утврая потъ съ лицъ.

— Развѣ нельзя проѣхать въ городъ, не проѣзжая тутъ? спро-
сила графиня кучера.

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, мы промахнемъ
такъ, что никто насъ не задержитъ.

— Хорошо; по подожди минутку.

Въ это время въ саду раздавалась музыка менуэта; это былъ
тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ спустя Моцартъ перенесъ
въ своего Довъ Жуана въ сцену пира. Онъ былъ распростра-
ненъ всюду, прежде чѣмъ великій композиторъ сдѣлалъ его зна-
менитымъ.

Графиня не хотѣла проѣзжать мимо загороднаго имѣнія маркиза
Ф***, потому что онъ слылъ отчаяннѣйшимъ развратникомъ, и объ
его обѣдахъ, ужинахъ и пирахъ ходила такая слава, что ихъ счи-
тали подражаніемъ луперкаліямъ древняго Рима. Известно было,
между прочимъ, что у него бывали многія терсихоры, улетучивав-

иша съ разныхъ италянскихъ сценъ въ его обитель. Понятно, что графиня не хотѣла дѣлать дочь свидѣтельницей, хотя бы мимоходомъ, подобныхъ оргій.

Альберикъ Ф*** соединялъ въ себѣ свойства отца съ свойствами дяди, т. е. былъ скупой кутила или развратный скряга, что встрѣчается чаще, чѣмъ можно думать. Чтобы удовлетворить минутному капризу, онъ готовъ былъ бросить цѣлое богатство съ неразумностью ребенка; но онъ же былъ способенъ цѣлѣмъ мѣсяци и годы водить за носъ кредиторовъ въ надеждѣ воспользоваться ихъ нетерпѣливой крайностью и притѣснить должника съ безсовѣстной непоколебимостью ростовщика. Владѣя двумя домами въ Миланѣ, отцовскимъ и дядинымъ, онъ забросилъ первый и жилъ по зимамъ въ родовомъ палаццо маркизовъ Ф***, а на лѣто построилъ себѣ особый домъ. среди платановъ и липъ, украшенный перспективами Галиари и Бибиены. Тьеноло младшій изъ Венеціи доставилъ туда картины скоромнаго содержанія; маркизь приобрѣлъ Галатею Маратты, туалетъ Венеры Лопцарипи. Леду съ лебедемъ Зукари, заказалъ молодому Бюнди коніи съ портрета Форнариши Рафаэля и съ Джоконды Леонардо. Стало быть, онъ по своему любилъ искусство и покровительствовалъ ему, хотя платя скупю и туго. Но спеціальностью его была женская красота, и тутъ онъ могъ потягаться съ цѣлой академіей живописцевъ и скульпторовъ. Онъ судилъ о ней съ вѣрностью взгляда торговца рабами, гаремнаго поставщика или конскаго барышника, судя о ней по всеѣмъ статьямъ. Хотя любитель театра и постоянный посѣтитель его, знатокъ музыки и хореографіи, онъ однако цѣнилъ въ пѣвицахъ, актрисахъ и танцовщицахъ красоту формъ гораздо больше таланта, и способенъ былъ влюбиться въ самую отчаянную кликушу, если у ней была грудь Дианы. Окруженный пріятелями, онъ проводилъ въ «забавахъ Клятеры», какъ тогда говорили, между шампанскимъ и картами недни, а ночи, когда жила въ Миланѣ; днемъ же его дворецъ могъ назваться сонной обителью; но въ народѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ чортова дома.

Но въ Миланѣ онъ былъ не всегда, часто отсутствуя подъ предлогомъ службы, потому что купилъ себѣ чинъ капитана въ полку Клеричи. Ему хотѣлось пеголять мундиромъ, чтобы имѣть больше успѣха между женщинами, потому что, недовольствуясь покупными милостями жриць Терпсихоры, онъ ухаживалъ за дамами и всегда

былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ какой нибудь женщиною женою, мѣняя только каждый мѣсяць эти отношенія.

Нельзя сказать, чтобы не было людей, отзывавшихся о немъ хорошо. Театральные музыканты, напр. прославляли его, потому что когда театры бывали закрыты, они находили работу у него: театральная прислуга перевозила его, потому что онъ не скупился на водку. И въ другихъ городахъ о немъ отзывались очень хорошо, потому что если онъ съ своими солдатами не представлялъ школы нравственности, за то сыпалъ деньгами. Онъ слѣдовалъ при мѣру своего генерала Клеричи, который возилъ въ походы театральныя оперныя и балетныя труппы и на бивакахъ строилъ деревянные театры. Маркизь Альберикъ прославилъ себя даже за границей, когда въ 1759 году воювалъ подъ Гогенбирхеномъ подъ командой Ласи.

Этотъ Сарданапалъ въ полковыхъ чулкахъ, этотъ Валтасаръ, неутражаемый никакими предсказаніями, не ударилъ въ грязь лицомъ и въ эту ночь общаго веселія. Передъ его домомъ сидѣло многочисленное общество ириующихъ. Много было кушаньевъ и напитков: но главное было не въ обилии, а въ оригинальности. Мѣсто слугъ занимали двѣнадцать Гебъ въ разнообразныхъ костюмахъ. Когда гости насытились, и банкетный столъ представилъ картину разрушенія, начались танцы, и десятокъ кавалеровъ съ своими дамами начали кадрили и менуэты. Маркизь съ нѣсколькими друзьями остались за стаканами, слушая въ промежуткахъ между танцами сквозь открытое окно салона нѣмне прекрасной и капризной Агуари, стоявшей нѣмне сокровища своимъ обожателямъ. Недавно она удостоила своей милости великолѣпнаго маркиза за то, что разъ послѣ обѣда онъ позволилъ ей разбить драгоцѣнный фарфоровый сервизъ, а другой разъ, когда донъ Альберикъ слѣзая при ней съ великолѣпнаго арабскаго коня, она вытребовала позволеніе пустить этому коню пулю въ ухо.

Графиня недоумѣвала еще, проѣхать ли ей мимо чортова дома или повернуть назадъ, когда тѣ изъ танцующихъ, которые увлеклись за ворота дома, увидѣли и узнали ея экипажъ. Въ одну минуту онъ былъ окруженъ подгулявшей толпой, которая вырвала факелы изъ рукъ скороходовъ и съ криками окружила коляску. Услышавъ ихъ и догадавшись въ чемъ дѣло, маркизь съ своей компаніей вышелъ поклониться. При видѣ его Ада испуганно

вскричала, но прежде чѣмъ встревоженная графиня успѣла сиротить се, что испугало ее, коляска проѣхала.

Дѣло было очень натуральное. Увидавъ Маркиза, Ада, которая прежде никогда не видала его, подумала, что передъ ней Суарди въ офицерскомъ мундирѣ. И это обстоятельство объясняется также просто, если вспомнимъ, что Андреа Суарди родился въ домѣ или вѣрнѣе въ конюшнѣ покойнаго дяди дона Альберика, Маркиза Ф***. Его почтенный родитель, кучеръ Джованни, былъ женатъ на очень хорошенькой уроженкѣ Кремоны, и еще до рожденія своего единственнаго сына подвергался насмѣшкамъ остальной прислуги, и насмѣлки эти возрастали по мѣрѣ того, какъ сынъ его росъ и какъ увеличивалось вмѣстѣ съ тѣмъ его сходство съ Маркизомъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Храбро перескочивъ тридцать лѣтъ, мы попадаемъ въ начало 1797 года, прямо на карнавалъ. Сорокъ семь лѣтъ прошло съ той ночи, когда теноръ Аморевони перелѣзъ ограду сада палатцо В***. Можно сказать, что въ этотъ промежутокъ времени человѣчество, какъ змѣя, смѣнило кожу. Однако, въ тридцать лѣтъ, прошедшихъ съ похищенія и отысканія Ады, никто почти изъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ не умеръ, кромѣ донны Наоли Пьетра, дряхлаго Агудіо и молодого Лорда Краля, вздумавшаго сдѣлаться предшественникомъ Ортиса и послѣдователемъ Вертера. На мѣсто этихъ сошедшихъ со сцены явились другіе, народившіеся отъ оставшихся въ живыхъ и съ которыми намъ придется познакомиться.

Но если многіе люди остались, за то обстановка совершенно измѣнилась: явились новые костюмы, новыя зданія возникли на мѣстѣ старыхъ уничтоженныхъ. Человѣкъ, умершій въ 1750 или въ 1766, воскреснувъ въ началѣ 1797, не узналъ бы мѣстности, напр. очутившись на улицѣ Скала. На мѣстѣ старой церкви, гдѣ прежде красовались надписи въ родѣ Pax vobis или Полная Индугенція или Молитесь объ усопшемъ такомъ то, стоялъ теперь огромный театръ съ огромнымъ портикомъ и фронтономъ, на которомъ красовался Фебъ въ колесницѣ. Въмѣсто объявленій духовнаго содержанія на стѣнахъ была наклеена громадная афиша, и публика, толпившаяся передъ ней, читала:

БАЛЕТЪ
И А И А
ИЛИ
ГЕНЕРАЛЪ КОЛЛИ ВЪ РИМѢ.

ПАНТОМИНА.

ИСПОЛНИТЬ
ГРАЖДАНИНЪ ЛЕФЕВРЪ.

Пониже были приклеены двѣ маленькія афиши, не отличавшіяся изяществомъ бумаги и прифѣта. На нихъ вслѣдъ за заглавіемъ балета и именами дѣйствующихъ лицъ и актеровъ слѣдовала эти-графъ изъ Данта. *Ahi Costantin di quanto mal sù matre*, а затѣмъ слѣдовало обращеніе гражданина Сальфи къ миланскому народу: «Пантомнина эта, возвѣщающая царство разума, есть не только остроумное сочиненіе, но изображеніе фактовъ и характеровъ, составляющихъ интереснѣйшую исторію послѣднихъ событій въ Римѣ. Можно провѣрить всѣ мельчайшія подробности по документамъ, которые должны быть теперь извѣстны публикѣ и которые находятся въ журналѣ «Политическій термометръ Ломбардіи». Пусть этотъ первый лучъ истины диспелитъ обманъ и фанатизмъ, дастъ торжество религіи и миру. Привѣтъ и братство».

Мартовскій день былъ ясенъ и прозраченъ, дуть теплый, отраднѣй морской вѣтеръ, возвѣщавшій, можетъ быть, весну, а можетъ быть, послѣдній снѣгъ. Люди, подверженныя ревматизмамъ и зубной боли, были послѣдняго мнѣнія. Однако, въ ожиданіи послѣдствій всѣ пользовались теплымъ воздухомъ. Завсегдатая распивочной Калибіази, знаменитой своими наливками, особенно такъ называемыми старушечьимъ молокомъ и прекрасной любовью, стояли группами передъ дверями и толковали о предстоящемъ балетѣ. Тоже самое происходило и передъ стариннымъ кафе Виртуозовъ. Старички, еще упорно державшіеся треугольныхъ шляпъ и париковъ à ailes de pigeon, дивились на диковинныя моды молодежи. Высокія и широкія шляпы котломъ, обшитыя бархатными лентами, изъ подъ которыхъ выглядывала республиканская кокарда, закрывали лица до глазъ, изъ подъ нихъ по щекамъ спускались отропщенные лохматые волосы, теряясь въ громаднѣхъ бѣлыхъ галстукахъ, закрывавшихъ шею и подбородокъ и возвышавшихся до ушей. Свободными оставались только глаза и носы.

На площади разношники газетъ, брошюръ и биллютеней выкликали: «Господа, Вѣрую папы за два солди! Рѣчь гусара, господя! Сонъ эрцгерцога Фердинанда! Булла Пія VI! Кому?» Вдругъ среди этихъ голосовъ раздался одинъ, крайне произительный; онъ принадлежалъ карлику, одѣтому въ ярко красное платье, спускавшееся ему до ступней, чтобы прикрыть уродливость ногъ; на груди у него висѣлъ серебряный медальонъ съ изображеніемъ всевидящаго ока: «Господа, въ Санъ-Лоренцо!» кричалъ онъ:

— Гражданинъ архисвященникъ будетъ сейчасъ проповѣдовать о напѣ. Въ Санъ-Лоренцо, въ Санъ-Лоренцо!

Еще наканунѣ вечеромъ знали, что архисвященникъ церкви Санъ-Лоренцо обѣщалъ сказать проповѣдь о напѣ, объ его временной власти и непогрѣшимости, чтобы ободрить богобоязненныхъ, совѣтливыхъ и церѣшительныхъ и дать имъ смѣлость пойти смотреть новый балетъ въ Скалу. Поэтому, когда карликъ, швейцаръ церкви Санъ-Лоренцо, возвѣстилъ на площади начало проповѣди, площадь разомъ опустѣла, всѣ отиравились въ церковь, въ томъ числѣ и посѣтители кафе Виртуозовъ и между ними самъ хореографъ, гражданинъ Лефевръ, которому предстояло играть роль Пяту, и синьоръ Раймондо Фиданца, представлявшій генерала Колли. Толпа повалила густая, такъ что надо было не падать локтей и боковъ, чтобы прокладывать себѣ путь между колоннъ Санъ-Лоренцо, гдѣ уже раздавался звучный голосъ архисвященника Безоццо, любимаго профессорами реторики за краснорѣчіе, чтимаго даже ханжами за глубокое знаніе теологіи, подозрительнаго для аристократіи, прославляемаго патриотами.

II.

Въ этой толпѣ былъ и восьмидесятилѣтній Лоренцо Бруни, мужъ Гауденци, давно умершей, съ своимъ сыномъ, Джокондо Бруни, въ то время также уже не молодымъ. Старикъ, бывшій якобинцемъ, когда о якобинцахъ не было еще и помина, былъ личнымъ свидѣтелемъ начала революціи во Франціи и дожилъ до осуществленія во очію своихъ смутныхъ идеаловъ. Съ нимъ былъ феноменальный

священникъ Латуада изъ Барезе, крайній изъ крайнихъ, и монахъ Каррера, бывший аскетъ, тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ вырвавшійся на свободу.

Когда старшій Бруни съ сыномъ и друзьями пробился наконецъ къ кафедрѣ, проповѣдникъ говорилъ уже давно.

«Я знаю, говорилъ онъ, что нѣкоторые, страдающіе предрасудками и неизлѣчимымъ невѣжествомъ, (нехочу приписывать имъ другихъ мотивовъ, мѣше извинительныхъ), инсинуировали и съ кафедрѣ, когда хватало духу, и въ исповѣдальныхъ, когда храбрости не хватало, что моихъ словъ не слѣдуетъ слушать, что, не имѣя ни ума, ни знанія, я злоупотребляю авторитетомъ, которымъ облеченъ. Хорошо, пусть они правы; не вѣрьте моимъ словамъ. Но что скажете вы, когда за меня заговорятъ величайшія свѣтила церковной исторіи? Когда заговорятъ евангелисты, когда сами святые отцы осудятъ поведеніе римской Куріи, когда сами папы признаютъ себѣ во вредъ истину и не побоятся возвѣстить ее?

Тотъ, кто сказалъ вамъ, что папа непогрѣшимъ, солгалъ. Непогрѣшимость дана только церкви.

Святые отцы хранятъ глубокое молчаніе объ этой мнимой непогрѣшимости папы.

Св. Василій строго обвиняетъ папу Дамаса за то, что онъ сердится на говорящихъ правду. Если бы св. Василій считалъ папу непогрѣшимымъ, обвинялъ ли бы онъ папу Дамаса?

Рустикъ и Себастіанъ утверждаютъ, что папа Виргилій оспаривалъ опредѣленіе Халкединскаго собора, вслѣдствіе чего архіепископъ Еумарій говоритъ, что папа этотъ былъ еретикъ.

И крайне соблазненъ нашимъ поведеніемъ, пишетъ св. Коломбанъ нашъ Бонифацію IV, ибо оно въ высшей степени подозрительно въ еретичествѣ. Если хотите считаться наследникомъ Петра, то должны быть хранителемъ его вѣры.

Какое выраженіе можетъ рѣшительнѣе опровергать папскую непогрѣшимость?

Августинъ, хотя приверженецъ папы, прямо говоритъ въ своемъ сочиненіи *Clavis Scientiae*, что папа можетъ погрѣшать: *Papa potest errare*.

Самъ Иннокентій III призналъ, что папа можетъ ошибаться, какъ всякій.

И до того истинно, что папы могутъ грѣшить, что вся исторія

свидѣтельствуесть объ ихъ ошибкахъ и преступленіяхъ. Но и тутъ не вѣрьте мнѣ, если вамъ подозрительны свѣтскія книги, если вы думаете, что моими устами говорятъ враги церкви: послушайте ея поклонниковъ.

Алкуинъ пишетъ Карлу Великому объ неспорченности римскаго двора и говоритъ, что въ немъ нѣтъ ни благочестія, ни справедливости, ни милосердія: что нѣтъ другаго приближенца, кромѣ мудрости императора, который одинъ можетъ найти средства прекратить подобныя безпорядки.

Кто не знаетъ, что писалъ св. Бернадъ Иннокентію III? «Говорю откровенно, потому что искренно люблю», и говорилъ, что причина упадка церкви—развращеніе римской куріи.

На рейскомъ соборѣ въ 992 говорили открыто, что Римъ сталъ продаженъ, что все мѣрится въ немъ на вѣсъ золота и серебра.

Адрианъ IV сказалъ, что римскій дворъ запятнанъ безправственностью.

Стало быть, не я говорю, не мнѣ вы должны вѣрить. Если читаете св. Бернарда, если вѣрите намъ Иннокентію и Адриану, если почитаете безапелляціонныя слова соборовъ, то должны слушать ихъ, а не меня.

Что же дѣлать? Возвратить римскій престолъ къ святой престолю первыхъ временъ; заставить его возратить роковые дары земныхъ царей; принудить, такъ сказать, его быть святымъ, ограничить духовную власть.

Уничтоженіе свѣтской власти—единственное средство прекратить вопіющія злоупотребленія римскаго двора и спасти Италію. Пора нанести сильный, рѣшительный ударъ. Тогда безпорядки прекратятся, церковь, очищенная отъ предразсудковъ восторжествуетъ, миръ водворится въ мірѣ, человечество насладится благами жизни, и Богъ будетъ прославленъ.»

Тутъ проповѣдникъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, какъ будто пересталъ быть священникомъ и сдѣлался простымъ гражданиномъ, желающимъ дать дружескій совѣтъ гражданамъ:

«Тѣмъ изъ васъ, у которыхъ, какъ я уже сказалъ, больше благочестія, чѣмъ просвѣщенія и здраваго смысла, кажется очень страннымъ, что я созвалъ васъ, чтобы пригласить присутствовать при театральномъ представленіи, гдѣ на сцену будетъ выведенъ первосвященникъ. Но такъ какъ нуценъ слухъ, что особа перво-

священника подвергнется оскорбленію и что непристойная сатира выставить ее на публичное посмѣяніе, то я долженъ предупредить васъ, что этотъ слухъ пушенъ фанатиками и трусливыми умами. Представленіе это весьма назидательно, нисколько не оскорбительно для насъ и содержитъ въ себѣ полезныя идеи для тѣхъ, кто желаетъ исцѣленія древнихъ ранъ Италіи.

Съ этими словами проповѣдникъ исчезъ съ кафедры; въ церкви послѣ мертвой тишины поднялся оживленный шумъ, различныя мнѣнія столкнулись въ горячихъ спорахъ, такъ что внутренность Санъ-Лоренцо стала больше похожа на парламентъ, чѣмъ на храмъ. Мало по малу однако она опустѣла. Около трехъ часовъ пополудни огромная толпа хлынула къ Скаль. Представленіе было даровое, и всѣ спѣшили прійти первыми, чтобы занять лучшія мѣста. Не обошлось безъ скандаловъ. Національная гвардія, прибѣжавъ, оставила на мѣстѣ нѣсколько сломанныхъ ружей, шляпъ и фалдъ. Много платьевъ, сюртуковъ и сунанъ было изорвано въ клочки: нѣсколько женщинъ вынесли замертво.

III.

Послѣ послѣдней борьбы и усилій толпа взяла приступомъ мѣста въ партерѣ, разѣблалась вдоль и поперекъ по театру и наконецъ свободно вздохнула. Наиболѣе пострадавшіе могли на свободѣ ощущать поврежденные члены, оцѣнить важность понесенныхъ ущербовъ, осмотрѣть платье, чтобы обсудить, годны ли еще къ починкѣ оборванные фалды, цѣлы ли часы въ карманахъ, по мѣстамъ ли платки и табакерки. Начались разговоры, споры, ссоры, особенно въ той части публики, которая, прождавъ долго на площади подъ полуденнымъ солнцемъ, такъ неискусно проманеврировала въ толпѣ, что получила только мѣста въ дверяхъ, гдѣ ей приходилось стоять на ногахъ, подвергаясь постоянно шпкамъ толкотни, которой она же сама была и причиной, и жертвой.

До начала представленія театръ освѣщался только двумя жалкими масляными лампами, проливавшими скудный свѣтъ, терявшійся въ громадномъ пространствѣ. Сидѣвшіе въ партерѣ позажи-

гали восковыя свѣчи, чтобы разогнать скуку ожиданія чтеніемъ программы новаго балета Мосье Лефевра. Сверху партеръ представлялся прудомъ стоячей темной воды, отражающимъ неподвижнныя звѣзды неба. Но и раскъ въ своей республиканской амбиціи и инстинктивномъ отвращеніи къ третьему сословію, засѣдавшему въ партерѣ, не взирая на водруженное древо свободы и не имѣвшія хода свидѣтельства равенства, также освѣтились огарками. прилепленными на краю баллюстрады.

Но это дополнительное освѣщеніе догорѣло во время чтенія программы, и театръ снова погрузился въ полумракъ сумерекъ, продолжавшійся около часу. Синьоръ Джокондо-Бруни, сынъ стараго Лоренцо, имѣлъ свободный входъ въ театръ въ качествѣ пріятеля самого импрессарію Лефевра и перваго балетнаго скрипача синьора Джузеппе-Перуконе, по прозванію Пасквилино, поэтому онъ пришелъ во время, не задолго до того момента, когда музыканты должны были занять свои мѣста, ложи наполниться, и театръ освѣтиться. Опъ пошелъ прямо на сцену раскланяться съ знакомыми, позжать руку Мосье Леферву, уже облаченному въ папскій костюмъ; сквозь щель занавѣса онъ бросилъ взглядъ на мрачное и волнующееся море партера, и, увидавъ, что музыканты уже на мѣстахъ и что первый оперный скрипачъ, синьоръ Луиджи де Байлу, уже принялъ торжественную позу командира, сошелъ въ оркестръ и сѣлъ между своими двумя пріятелями конграбассами, подъ покровительствомъ которыхъ имѣлъ привычку смотрѣть больше на залу, чѣмъ на сцену.

Прислушиваясь къ глухому роноту публики, онъ, отъ времени до времени, могъ уловить разныя отрывочныя слова, служившія указаніемъ на главныя темы разговоровъ: Бонапарте, Альвинци, Кальдіеро, Арколе, нѣмцы, Пій VI, Мантуа, Толентино, Безоццо, Римская республика, Франческо, Эригерцогъ Карлъ, аристократы, смерть, адъ, папа, столица міра, всѣ эти слова резюмировали собою тогдашнее положеніе Италіи.

Дѣйствительно, всѣмъ извѣстно, что съ мая прошлаго года Бонапартъ сраженіями при Кальдіеро, Арколе, Риволи выгналъ нѣмцевъ изъ Италіи, началъ войну съ папой, разбилъ генерала Колли въ сраженіи при Севіо и въ февралѣ 97 предписалъ миръ въ Толентино, отпавъ у церковной области легатство. Но теперь въ мартѣ Австрія послала въ Италію новыя войска подъ предво-

дательствомъ Эрцгерцога Карла. Отсюда съ одной стороны безпредѣльныя надежды, съ другой безпричинныя опасенія и еще болѣе, чѣмъ къ Австрiи, ненависть къ папѣ, врагу республики, врагу французскаго имени, врагу цивилизаціи и прогресса.

Въ то время, какъ въ великомъ котлѣ театральнаго зала кипѣли и рокотали республиканскія чувства и разговоры, въ ложахъ являлись одна за другой итальянскія красавицы, почти всѣ въ фригійскихъ шапкахъ, такъ какъ почти всѣ онѣ стали горячими послѣдовательницами французскихъ идей, можетъ быть, изъ убѣжденія, а можетъ быть, ради моды и чтобы расположить къ себѣ юную часть побѣдоносной арміи. Въ одной изъ ложъ явилась женщина необыкновенно прекрасная и необыкновенно обнаженная, имя которой мы обозначимъ только начальной буквой Р... Также скромны будемъ мы и относительно ея сосѣдки и соперницы по красотѣ, которую назовемъ графиней А... Она была въ красномъ колпакѣ, въ бѣломъ одѣяніи, которое состояло изъ четырехъ неспитыхъ полотнищъ, перехваченныхъ на плечахъ аграфами, оставляя совершенно голыми грудь и руки; эти полотнища, не перехваченныя кушакомъ, расходились при каждомъ движеніи, раскрывая самымъ нескромнымъ образомъ очаровательныя формы, повидному, ничѣмъ не скрытыя, хотя въ дѣйствительности онѣ были облечены въ тѣснаго цвѣта трико. Третья была, также въ первомъ ряду, и раздѣляла съ этими двумя вниманіе публики, хотя была далеко не такъ хороша, съ неправильными чертами лица, но за то съ роскошными формами, и вовсе не знатна, будучи супругой одного адвоката, извѣстнаго всему городу за плута и скрягу. Такимъ образомъ въ четверть часа времени наполнились всѣ пять ярусовъ ложъ. Чѣмъ выше былъ рядъ, тѣмъ большую скромность обнаруживали дамы, хотя почти всѣ были одинаково одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ и красныхъ шапкахъ.

Въ семь часовъ капельмейстеръ де-Байлу далъ сигналъ, и представленіе началось среди несмолкаемыхъ разговоровъ публики. Иѣнцы надсаждались напрасно, ихъ не слушали, потому что пришли въ театръ совсѣмъ для другого: тенора и сопрано лишлись на этотъ разъ всякаго обаянія. Шла опера Адемира при полномъ невниманіи слушателей, и только въ концѣ перваго акта вниманіе возбудилось не достоинствомъ самой оперы, а благодаря тому, что дирекція ухитрилась пригласить къ ней во избѣ-

жаніе свистовъ. Именно, дѣйствіе должно было заключаться слезами примадонны, которая поетъ.

*Quest'acuta gelosia
Nella tomba mi tragga!*

(Эта острая ревность сведеть меня въ могилу).

Вмѣсто того всѣ пѣвцы, въ томъ числѣ и плачущая примадонна, ни въ селу, ни къ городу затагнули слѣдующіе стихи:

*A suon di violini,
Di corni e clarinetti,
Con giubili perfetti
Andiamo a festeggiar,
E per render la gioja palese
D'un bel canto patrioto francese
L'aria intorno facciam risuonar!*

(При звукахъ скрипокъ, рожковъ и кларнетовъ съ полной радостью пойдёмъ праздновать и, чтобы выразить нашу радость, огласимъ воздухъ прекрасной французской патриотической пѣснью).

Затѣмъ запѣли эту пѣсню:

*D'âge en âge, de race en race,
Que le plus brillant souvenir
Porte jusqu'au sombre avenir
Les prodiges de notre audace!
Que nos neveux, leurs enfants,
Par nous à jamais triomphants,
Nous doivent leur indépendance!
Que le monde brises ses fers!
Et que au jour cher à la France
Soit la fête de l'univers!*

Хотя и слова и музыка этой пѣсни были вѣсѣмъ отлично знакомы, потому что пѣлись еще съ прошлой осени, будучи безъ всякаго уваженія къ смыслу съ демагогическимъ насиліемъ прицѣплены къ финалу оперы Фіорованти «Плутовка въ любви», однако весь театръ привѣтствовалъ ихъ рукоплесканіями и сопровождалъ тѣмъ естественнымъ кресцендо, которое впоследствии съ Джениероли и Россини вошло въ искусство. Крики: «да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Италия!» оглушительно раздались вслѣдъ за тѣмъ, за ними послѣдовало: «Да здравствуетъ свобода и равенство!» На эти крики, слившіеся въ одинъ общій голосъ толпы, гулкой, какъ шумъ моря, отвѣчала изъ райка чей-то громовый оди-

ночный голосъ, вылетѣвшій изъ бычачьей груди: «Да здравствуетъ Діониза!» Этимъ именовъ народная сатира заклеимла всѣ безобразныя крайности, которыми неизбежны услужливые медвѣди пичкаютъ дѣло прогресса. Діониза была извѣстная всему городу публичная женщина, и народъ прозвалъ этимъ именовъ изображение свободы на вывѣскахъ табачныхъ и соляныхъ лавочекъ.

Однако, мало-по-малу, публика успокоилась, особенно когда первый скриначъ, синьоръ Перуконе, явился передъ своимъ пюпитромъ. Въ это время Джокондо Бруни перевелъ свой монокль съ одного молодого драгуна, съ сіяющей каской, на ложу третьяго яруса, а съ этой ложи на ложу перваго яруса, гдѣ засѣдала синьора Р***. Дѣло въ томъ, что драгунъ смотрѣлъ на ложу третьяго яруса, а на него смотрѣли изъ этихъ обѣихъ ложъ. Драгунъ былъ никто иной, какъ сынъ несчастнаго таможеннаго Бароджа, въ ложѣ третьяго яруса сидѣла графиня Ада съ своей дочерью. Кромѣ того, въ этотъ вечеръ въ театрѣ изъ нашихъ знакомыхъ были два старика по седьмому десятку, банкиръ Андреа Суарди и маркизь Альберикъ Ф***. Всѣ они смотрѣли другъ на друга, припоминая прошлое и задумывая будущее, а на всѣхъ ихъ опять взирало «грозное око судьбы».

IV.

Синьоръ Перуконе подмигнулъ бутафору, приложилъ скрипку къ щекѣ, и началась увертюра новаго балета, музыка котораго принадлежала синьору Понтелиберо. Синьоръ Понтелиберо наследовалъ впоследствии синьору Перуконе въ должности капельмейстера въ Скалѣ. Республиканско-демократическія идеи были наследственны въ этой должности съ 1750 г., когда ее занималъ синьоръ Лоренцо Бруни. Понтелиберо, подобно ему, читалъ Руссо и внимательно прислушивался къ событіямъ во Франціи, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы революціонная волна нахлынула на Италию, одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ вступленіе французскихъ войскъ и чуть не былъ раздавленъ концемъ Бонапарта, когда тѣснился взглянуть поближе на юнаго героя свободы. Таковы были

идей и чувства, вдохновившія автора музыки балета. Что до сочинителя балета, москве Лефевра, то, по отзыву всѣхъ знавшихъ его это былъ милѣйшій и честиѣйшій человекъ. Мысль поренести на сцену, драматически изобразить одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій текущей исторіи принадлежала, впрочемъ, не ему самому, а была заимствована гражданиномъ Сальфи, составителемъ программы балета, у-рванаго демократа, священника Латуады; послѣднему же мысль эта была внушена, можетъ быть, больше всего поразительнымъ наружнымъ сходствомъ танцовщика и балетмейстера Лефевра съ папой Піемъ VI.

Удивительно, что программа балета, отпечатанная въ 6,000 экземпляровъ, безслѣдно исчезла теперь не только изъ книжныхъ лавокъ и частныхъ коллекцій, въ которыхъ намъ приходилось рыться, но даже изъ всѣхъ публичныхъ библіотекъ, такъ что намъ стоило большаго труда отыскать одинъ экземпляръ. Это было бы не удивительно, если бы она была когда нибудь официально запрещена и истреблена по приказанію властей; но этого никогда не бывало. Стало быть, надо думать, что, по возстановленіи стараго порядка, лица, владѣвшія ею, по побужденію собственной совѣсти или страха, совершили тайныя ауто-да-фе. Но возвратимся въ театръ.

Увертюра кончилась при рукоплесканіяхъ публики, и занавѣсъ поднялся. Сцена представляла залу консисторіи въ Ватиканѣ. Папа сидѣлъ на тронѣ; кардиналы, епископы, прелаты, богословы по чинамъ сидѣли вокругъ; по сторонамъ трона стояли папскій племянникъ и князь-охранитель папскаго престола. Сцена эта была произведеніемъ богатой фантазіи деворатора Ландріани.

Рукоплесканія привѣтствовали ее; среди нихъ раздался рѣзкій свистокъ, мало по-малу замершій въ огромной залѣ. Свистокъ этотъ, пущенный горбуномъ Ригоцци, не выражалъ ни порицанія декорации, ни неодобренія сюжета балета; Ригоцци, извѣстный своимъ злоязычіемъ, безпокойнымъ характеромъ и ярой преданностью парижскимъ идеямъ эпохи террора, поклонникъ Робеспьера и всѣхъ пытавшихся обновить міръ гильотиной, просто пустилъ свистокъ, чтобы заявить свою антипатію папѣ.

Консисторія разсуждала о статьяхъ мира, предложенныхъ французскою республикою. Ихъ читали и отвергали съ негодованіемъ, какъ противныя достоинству папскаго двора. Но вдругъ, доминика-

пецъ, генералъ этого ордена, бросается къ ногамъ папы и убѣждаетъ его, что войны желаютъ англичане и австрійцы, а не апостолы и христіане; папа, изумленный этимъ, спрашиваетъ мнѣнія другихъ, которые всѣ снова провозглашаютъ войну.

Кардиналъ-секретарь Буска тотчасъ пишетъ резолюцію св. конгрегации, и папа размахиваетъ пшлагой при рукоплесканіяхъ кардиналовъ.

Фигуранты, исполнявшіе роли кардиналовъ, слѣдуютъ инструкціямъ хореографа и отца Латуады, рукоплещутъ съ самымъ натуральнымъ увлеченіемъ; на это изъ райка раздаются свистки, и между сценой и райкомъ происходитъ состязаніе, угрожающее выйти изъ хореографической области; раекъ требуетъ, чтобы кардиналы перестали рукоплескать, а тѣ хотятъ добросовѣстно выполнить свою роль; дѣло доходитъ до того, что изъ райка летятъ отчаянныя ругательства и даже съѣстные припасы, превращенные въ огнестрѣльные снаряды, въ несчастныхъ фигурантовъ, которые за тридцать сольди должны играть роль кардиналовъ и богослововъ и безвинно подвергаться общественному негодованію. Наконецъ, усиліями разсудительныхъ людей, порядокъ восстанавливается, и представленіе продолжается.

Сочинивъ отвѣтъ отъ имени папской непогрѣшимости на условія французскихъ республиканцевъ, конгрегация расходится, и сцена переносится во внутренность папскихъ покоевъ, гдѣ идетъ интрига между принцессой Браски, племянницей папы, желающей войны, и принцессой Санта-Кроче, которая хочетъ мира. Папа, по пауценію первой, даетъ военныя предписанія сенатору Реццонико и бригадиру Гандипи. Но въ это время опять является генералъ доминиканцевъ и открыто обвиняетъ въ обманѣ и коварствѣ придворныхъ, обружающихъ папу. Все это онъ выражаетъ мимикой, поясняемой либретто, гдѣ говорится: служитель религіи мира не долженъ помышлять о войнѣ. Наслѣдникъ св. Петра долженъ дѣйствовать ключами, а не мечомъ. Должно слѣдовать правиламъ апостоловъ, а не кардиналовъ. Наслѣдіе папы церковь, а не почтенная свѣтская власть.

Но на все это папа отвѣчаетъ, что побѣда несомнѣнна и уходитъ въ одну сторону съ принцессой Санта-Кроче, а генералъ доминиканцевъ въ другую съ принцессой Браски, чѣмъ и кончается первый актъ.

Во второмъ актѣ идетъ какая-то чепуха, предназначенная единственно для наполненія его, чтобы вышли неизбежныя пять дѣйствій. Изображается какая-то пошлая интрига, въ которой принципесса Браски притворно падаетъ въ обморокъ въ объятіи доминиканскаго генерала, на чемъ ихъ застаютъ кардиналь-секретарь и идетъ звать изну; папа является и грозитъ генералу отнять его орденъ, затѣмъ идетъ какая-то бессмыслица, и въ заключеніе раздается почтовая труба, входитъ бригадиръ Гандини и возвѣщаетъ о прибытіи генерала Колли, присланнаго изъ Австріи командовать панскими войсками. На этомъ кончается второй актъ.

Въ антрактѣ раздавали въ ложахъ и въ партерѣ печатныя листы, заключавшіе въ себѣ знаменитую прокламацію секретаря Піа VI, кардинала Буска, которая въ февралѣ, передъ сраженіемъ при Севіо, была прибита на всѣхъ углахъ римскихъ улицъ. Водворилась тишина, и слышенъ былъ только шелестъ листовъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки; потомъ послышалось шептаніе, наконецъ громкіе разговоры и смѣхъ.

Въ одномъ углу партера кто-то громко читалъ отрывки изъ прокламаціи; всѣ обратились туда и стали прислушиваться:

«Европа отъ края до края взираетъ на васъ (на панскихъ солдатъ), не сомнѣваясь въ вашей храбрости и въ счастливомъ исходѣ борьбы.

«Великій императоръ»... тутъ раздались свистки... «великій императоръ Францъ II, великодушный защитникъ римской церкви, посылаетъ вамъ на помощь храбрыхъ волонтеровъ венгерскихъ, трансильванскихъ, кроатскихъ и германскихъ и по просьбѣ святѣйшаго, любящаго отца нашего Піа VI прислалъ намъ одного изъ своихъ лучшихъ, достойнѣйшихъ, опытнѣйшихъ генераловъ»... (Крики: у! у! со стороны слушателей). «Онъ прибылъ. Одно имя Колли оживляетъ духъ народовъ». (Громкій смѣхъ).

«Честь требуетъ, чтобы съ вами новый Цезарь пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Счастливы вы, что такъ основательно можете надѣяться на это».

Новый взрывъ смѣха прервалъ чтеніе, и раздались крики: довольно! Однако чтеніе продолжалъ:

«Подъ покровомъ пресвятой Дѣвы можете ли вы сомнѣваться въ ея заступничествѣ? Вы, великодушное воинство, сражаетесь подъ побѣднымъ знаменіемъ креста и можете твердо уповать на побѣду,

подобно тому какъ Константинъ Великій подъ этимъ знаменіемъ явившемся ему на мильвійскомъ мосту, побѣдилъ тирана Максенція и вслѣдствіе этой побѣды установилъ миръ въ столицѣ міра»...

Тутъ чтецъ былъ прерванъ орѣхомъ, пущеннымъ изъ райга прямо ему въ лобъ, въ тоже время раздался крикъ: долой Константина! Чтецъ разумѣется остановился, но въ публикѣ поднялся споръ; одни кричали: довольно! другіе... продолжайте, продолжайте! Чтецъ поколебался, но наконецъ храбро продолжалъ, не взирая на шишку, росшую на лбу:

«Такъ и вы подъ этимъ побѣднымъ знаменіемъ восторжествуете надъ врагомъ печестивымъ и варварскимъ...»

Но тутъ, единодушно грянули крики: довольно! молчать! заглушившіе голосъ чтеца, а въ тоже время изъ за сцены буттафоръ далъ сигналъ капельмейстеру.

Занавѣсъ поднялся, и передъ очарованными взорами публики предстала площадь св. Петра въ Римѣ. Рукоплесканія наградили декоратора Ландріани, который на этотъ разъ превзошелъ самъ себя; онъ долженъ былъ выйти на сцену и раскланяться.

Площадь была полна народомъ, съ нетерпѣніемъ желавшимъ видѣть въѣздъ генерала Колли, какъ гласило либретто. Черезъ нѣсколько минутъ ожиданія, доставленнаго публикѣ, чтобы она имѣла время насладиться грандіозной перспективой вѣчнаго города, явился папа, несомый на престолѣ, окруженный дворомъ въ великолѣпныхъ церковныхъ облаченіяхъ, и двойнымъ рядомъ почетной стражи и швейцарской гвардіи въ фантастическихъ завитыхъ золотомъ мундирахъ, созданныхъ воображеніемъ костюмера, который хотѣлъ оспаривать пальму первенства у декоратора. Въ глубинѣ сцены видѣлись другія войска подъ ружьемъ. Снова публикѣ было дано нѣсколько минутъ на восторгъ и рукоплесканія, чѣмъ она и воспользовалась; рукоплесканія были такъ усердны, что мосеѣ Лефевръ забылъ свое свитительское величіе и, вставъ на своемъ престолѣ, трижды раскланялся передъ публикой. Партеръ прекратилъ рукоплесканія, недовольный такимъ смѣшеніемъ понятій, что не мало сконфузило Лефевра.

Въ это время грянулъ военный маршъ, и въ одномъ углу сцены показалась бѣлая голова лошади, убранныя перьями. Это была лошадь генерала Колли, который совершилъ въѣздъ на сцену среди двухъ солдатъ, державшихъ лошадь подъ узцы въ предупрежденіе

опасности отъ нея для стеколъ рамы. Рядомъ съ генераломъ Колли или синьоромъ Раймондо Фиданца выступалъ также на лошади начальникъ панскихъ войскъ сенаторъ Реццанико или синьоръ Лунджи Кортичелли.

Генераль сошелъ съ лошади, подошелъ къ папскому престолу и наклонился поцеловать святѣйшую туфлю. Публика не аплодировала и не свистала и въ величественномъ молчаніи кривала, какъ папа предстанялъ своему двору надежду Ватикана, генерала Колли. Публика уже натѣшилась прокламаціей кардинала Буски и теперь недоумѣвала, слѣдуетъ ли смѣяться или сердиться. Можетъ быть, она наконецъ издумала бы разсердиться, но спасительнымъ клапаномъ послужила неизбежная любовная интрига между первой мимой и первымъ мимомъ, т. е. между принцессой Браски и генераломъ Колли. Надо замѣтить, что предполагалось, что они видятся въ первый разъ въ жизни. Но одного взгляда было достаточно, чтобы воспламенить ихъ. Впрочемъ принцессѣ хотѣлось войны, и потому попятно, что она желала воодушевить сердце своего рыцаря и предупредить принцессу Санта Кроче, всегда готовую подставить ей ножку на двойномъ поприщѣ любви и политики. Затѣмъ папу унесли, за нимъ ушли придворные, войска и подданные, генераль Колли удалился подъ руку съ принцессой Браски, въ образѣ скорѣе Купидона, чѣмъ Марса, возбудивъ негодованіе панскаго племянника, мужа принцессы, и какого то графа Антонио, повидимому, неравнодушнаго къ ея прелестямъ.

Такъ какъ третій актъ, кончившійся такъ любовно, происходилъ на площади, то хореографическія правила требовали, чтобы слѣдующій открылся въ великолѣпной внутренности. И дѣйствительно, передъ публикой явилась роскошно убранная зала въ Ватиканѣ съ накрытымъ столомъ въ глубинѣ. Вокругъ него возвышалась эстрада, на которой помѣщались пѣвцы, эвнухи, какъ удостоверяло либретто. Сцена была ослѣнительно ярко освѣщена.

Послѣ обычной паузы явился папа съ генераломъ Колли. Такъ какъ по правиламъ четвертый актъ долженъ быть посвященъ танцамъ, и никакія соображенія здраваго смысла не могли помѣшать этому, то папа со всѣмъ дворомъ засѣли за столъ, а на сцену выступилъ коръ де балетъ, три запасныя корифейки и пара первыхъ танцоровъ, и принялись продѣлывать напередъ папой. Программа гражданина Сальфи поясняла между тѣмъ, что папа оцѣ-

пиваетъ хорошенькія пожки, и приписывала разные вѣдуховныя помысли кардиналу-секретарю, монсеньору Бускѣ. Между тѣмъ генераль Колли не дремалъ и продолжалъ среди танцевъ развивать свои военныя и любовныя планы. Ухаживая за принципессой Браски подъ носомъ у мужа, папскаго племянника, и вице-мужа, графа Антонио, онъ давалъ приказанія, результатомъ которыхъ былъ воинственный маршъ, и подъ звуки его всѣ вышли, и занавѣсъ упалъ.

Пятый актъ происходилъ опять на площади св. Петра, наполненной народомъ и войскомъ. Папу приносятъ въ сопровожденіи Колли и Реццонико, обоихъ верхомъ. Колли дѣлаетъ смотръ войскамъ, прославляя ихъ мужество. Всѣ становятся на колѣни, и папа благославляетъ знамена, затѣмъ вручаетъ шпагу генералу, который клянется сражаться «за дѣло фанатизма и рабства». Уже данъ сигналъ выступить, какъ вдругъ является курьеръ съ депешами, отъ чтенія которыхъ папа падаетъ въ обморокъ, и всѣ поражены ужасомъ; депешы эти возвѣщаютъ взятіе Мантуи и другія побѣды французовъ.

Тутъ является снова генераль доминиканецъ, искренно любящій истинныя интересы папы. Между нимъ и генераломъ Колли возникаетъ столкновение. Генераль хочетъ увѣрить, что онъ можетъ одинъ измѣнить все теченіе дѣлъ. Но папа, пришедшій въ чувство, колеблется между страхомъ и надеждой, являясь простымъ слабымъ смертнымъ, поддержаннымъ всѣмъ человѣческимъ заблужденіемъ и страстямъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ предается въ руки генерала доминиканцевъ, который христіански увѣщаетъ его дѣлаться достойнымъ пріемникомъ св. Петра во славу церкви и на благо народу. «Откажитесь, громко восклицаетъ доминиканецъ, отъ пышности и царства этого міра, сложите съ себя тиару и надѣньте эту шапку свободы (при этомъ онъ подаетъ ему ее), которую конечно послали апостолы рыбаки; признайте вѣчныя права народа, который есть истинная церковь, гдѣ вы отецъ, а не деспотъ».

При этихъ словахъ генераль Колли яростно устремляется на эмблему свободы, но народъ, понявъ истину и увидавъ обманъ, обращается противъ него, папа признаетъ свободу и надѣваетъ фригійскій колпакъ, сложивъ символическую тройную корону. Онъ обнимается съ генераломъ доминиканцевъ, и всѣ дѣйствующія

лица, въ томъ числѣ и Колли, тоже обратившіеся, окружаютъ ихъ, составляя группу. Публика неистово аплодируетъ этому зрѣлищу. Вдругъ одинъ французскій офицеръ провозглашаетъ: *Vive le pape! Vive le général! Mais nous voulons un périgourdin entre le pape et le général. Allons, vite, un périgourdin!* Странное желаніе вмигъ подхвачено. Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: *Allons vite un périgourdin!* Крики дѣлаются все настойчивѣе и грознѣе. Конечно, будь тутъ настоящій папа, онъ безъ сомнѣнія предпочелъ бы принять мученичeskій вѣнецъ, но мосье Лефевръ не питалъ ни страсти къ мученичеству, ни лишняго благоговѣнія къ папскому достоинству. Онъ пустился отыскивать съ сибиромъ Фиданци отчаянный перигурдинскій. Это возбудило неописанный хохотъ, и даже тѣ, которымъ это было не понутру, катались отъ хохота на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, чтобы прекратить скандалъ, опустили занавѣсъ, публика пошумѣла, требуя повторенія, но мало по малу успокоилась и разошлась.

Благодаря особенно этому неожиданнымъ дивертисменту, которымъ закончилось представленіе, оно надѣлало страшнаго шума во всѣмъ свѣтѣ и показалось чудовищнымъ святотатствомъ. Священникъ Латуада, архисвященникъ Безоццо и гражданинъ Сильфи стали хлопотать о запрещеніи дальнѣйшихъ представленій, и балетъ былъ запрещенъ. Люди эти опасались, что возбужденный скандалъ послужитъ на пользу аристократической и клерикальной реакціи, которую страшило тогда общество фанатичныхъ аристократовъ и выгнанныхъ изъ монастырей монаховъ, собиравшееся въ одномъ домѣ улицы Санта-Марія Фульборина подъ предсѣдательствомъ бывшаго кутилы, маркиза Ф... Въ слѣдующей книгѣ мы должны будемъ обратиться въ засѣданіе этого общества, замышлявшаго ниспровергнуть весь новый порядокъ. Семьдесятъ лѣтъ прошло съ той поры, но эти замысли кажутся современными. И теперь, какъ тогда, передъ нами тѣ же враги, тѣ же вопросы, тѣ же факты.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

I.

Когда толпа почти вся выпла изъ партера и разлилась по площади, банкиръ Андреа Суарди вышелъ изъ своей ложи въ четвертомъ ярусѣ направо и пройдя, по корридорамъ, вступилъ въ сѣни почти въ одно время съ маркизомъ Ф..., который появился изъ ложи перваго яруса направо. Оба были одѣты въ строго республиканскій костюмъ; широкіе кафтаны съ большими отворотами, высокіе галстуки и шляпы съ кокардой. Обоиъ было по шестидесяти восьми лѣтъ; съ этими лѣтами ихъ поразительное сходство еще болѣе увеличилось, потому что маркизъ нажилъ брюшко и приобрѣлъ ту солидную полноту, которая прежде отличала цвѣтущаго Суарда отъ тощаго маркиза.

Встрѣтившись у выхода, они обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, но тотчасъ отвернулись другъ отъ друга и остановились, ожидая, чтобы толпа прошла и очистила дорогу, поглядывая между тѣмъ на сладострастныхъ и полуобнаженныхъ демократизированныхъ графинь и маркизъ, ожидавшихъ экипажей. Гражданинъ Суарди, не смотря на свои почтенныя лѣта, смотрѣлъ на нихъ съ безцеремонностью бывшаго сердца, а маркизъ, нѣкогда кутила, но давно превратившійся въ ханжу, заглядывалъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ Тартюфъ смотрѣлъ на жену Оргона. Они не стали дожидаться своихъ каретъ, и какъ только можно было пройти въ двери, отправились за ними сами въ улицу Санъ-Джузеппе, гдѣ экипажи ждали ихъ. Они знали, что народъ не жалуетъ ихъ,

и потому всячески избѣгали всего, что могло обратитъ на нихъ его нежлостивое вниманіе. У экипажей ихъ ожидали слуги безъ ливрей и также съ трехцвѣтными кокардами. Подходя къ каретамъ маршнзъ тихонько шепнулъ Суарди:

— Такъ завтра мы васъ ждемъ въ положенный часъ.

— Да, непремѣнно.

— Что скажете о балетѣ?

— Хорошо.

— Прекрасное дѣло. Теперь сельскіе священники могутъ запугать мужиковъ и повести ихъ, куда угодно.

— А знаете, что Эргерцогъ Карлъ ведетъ сильную армію?

— Да вѣдь, кажется, я и сообщилъ вамъ эту новость?

— Ахъ, только бы, кончился этотъ проклятый разливъ! Какъ вы думаете?

— Послѣ разлива всегда дѣлается сухо, дѣло обыкновенное. Однако до свиданія.

На другой день, въ понедѣльникъ на масляницѣ 1797, около полудня нѣсколько человекъ собралось въ одномъ домѣ улицы Санта-Марія Фульборипа. Въ большой залѣ нижняго этажа, выходящей на дворъ, стояло и сидѣло около дюжины поповъ и монаховъ, фамильярно сблизившихъ между собой, не смотря на преграды, раздѣлившія ихъ въ церковной іерархіи. Всѣ они были въ свѣтскомъ платьѣ, только совершенно черномъ, съ обстриженными волосами и въ круглыхъ шляпахъ, защищенныхъ трехцвѣтными кокардами, предназначенными отводить отъ ихъ синихъ народныя кулаки. Посреди собранія сидѣла важная особа, епископъ одного города, неподалеку отъ Милана; онъ обладалъ наружностью, устроенной отъ природы такъ, чтобы не выводить людей въ заблужденіе относительно его нравственныхъ качествъ: огромный голова, похожая на тыкву; широкій ротъ съ узкими губами, растопутыми вѣчной улыбкой, точно надрубъ на тыквѣ, большой лобъ лщникомъ, короткій квадратный носъ, глаза щелканы. Для епископа онъ былъ еще молодъ, сорока трехъ лѣтъ; роста онъ былъ малого, но тѣлосложенія былъ крѣпкаго и приземистаго, того склада, которымъ неуклюжіе, коротконогіе карлики отличаются отъ гурбуновъ тонкихъ и вѣжныхъ. Онъ былъ однимъ изъ лутинихъ учениковъ миланской семинаріи, потомъ проповѣдникомъ, пользовался расположеніемъ Эргерцога Фердинанда, архіепископа, стараго Каупида и самого

Леопольда II, скоро попалъ въ архисвященники, а оттуда и въ епископы. Но еще въ семинаріи онъ заслужилъ ненависть товарищей шпионствомъ.

Подлѣ него сидѣлъ соборный монсиньоръ, бывшій профессоръ еврейскаго языка и казуистики въ семинаріи, человекъ ученѣйшій и обладавшій также большими знаніями въ нумизматикѣ. Онъ обладалъ тѣмъ спеціальнымъ складомъ ума, который находитъ наслажденіе въ самыхъ сухихъ предметахъ и съ легкостью преодолеваетъ въ нихъ трудности, кажущіяся другимъ непобѣдимыми. Онъ былъ скромнень, смиренъ, безъ претензій и властолюбія, никого не обижалъ, вообще человекъ хорошій по натурѣ. Характеръ онъ имѣлъ хладнокровный и въ наукѣ былъ очень снисходителенъ къ противникамъ; но, какъ скоро дѣло заходило о религіи, онъ превращался въ отчаяннаго фанатика и не выносилъ никакихъ возраженій. Люди, близко его знавшіе, называли его бѣшенымъ кретиномъ, набитымъ ученостью. Прочіе присутствующіе были большею частью монахи различныхъ орденовъ, выгнанные въ одно прекрасное утро на улицу изъ монастырей Юсифомъ II и оставшіеся безъ крова и безъ хлѣба; этимъ они возбудили въ себѣ общественное состраданіе, котораго сами по себѣ не заслуживали. Впоследствии, они получили мѣста священниковъ въ разныхъ деревняхъ миланской епархіи, съ порученіемъ сбивать съ толку головы несчастныхъ поселянъ и вѣрой и правдой служили реакціи.

Среди ихъ бесѣды въ залу съ пахмуреннымъ видомъ вошелъ маркизъ Ф... въ сопровожденіи графа Т..., богача Меллеріо, провѣдителя венеціанской республики Винченци и банкира Суарди.

Въ это самое время городъ Бергамо, принадлежавшій венеціанской республикѣ, былъ занятъ Бонапартомъ, который хотѣлъ расположить къ себѣ народъ въ континентальныхъ владѣніяхъ республики. Генералъ Бараге д'Илье, вставъ во главѣ мѣстныхъ республиканцевъ, угрозою французскихъ штыковъ и пушекъ заставилъ подесту Оттолина очистить континентъ отъ венеціанскихъ войскъ. Въ то же время, въ Миланѣ, былъ организованъ Бонапартомъ тайный комитетъ, въ который вступили, въ большомъ количествѣ, итальянскіе республиканцы, съ цѣлью перенести революцію въ Венеціанскую область. Изъ итальянцевъ въ этомъ комитетѣ участвовали графъ Коленио—бергамецъ, Лекки и Гамбара—бретіанцы, Порро—миланецъ, и др.; въ немъ было много французовъ и въ томъ числѣ

кавалерійскій полковникъ Ландриѣ, избранный комитетомъ въ главные дѣятели. Служившій подъ его начальствомъ капитанъ Джереми Бароджи былъ также членомъ комитета. Андреа Суарди, воспитавшій этого молодого человѣка, часто выдававшійся съ нимъ и дававшій ему квартиру въ одномъ изъ своихъ домовъ, узналъ черезъ него о существованіи комитета и не преминулъ явиться къ нему.

Суарди, хотя удрученный седьмимъ десяткомъ лѣтъ на исходѣ и только чудомъ своего пройдошества вырвавшійся изъ когтей правосудія, былъ въ душѣ все прежній Галаантино, т. е., обладалъ все той-же неистощимой изобрѣтательностью въ изысканіи средствъ наживы и прежней алчностью къ наживѣ. Всѣ измѣнчивыя судьбы отечества, бѣдствія, происходившія отъ остатковъ стараго порядка, и бѣдствія, сопровождавшія неизбежно разрушеніе его—все эксплуатировалось имъ для наживы. Въ 1766 онъ грѣлъ руки на откупѣхъ, обогащаясь въ ущербъ странѣ. Въ 1796, едва громъ оружія раздался въ Италіи, онъ зачуялъ новую поживу, присоединился къ военнымъ комиссарамъ и поставщикамъ и пукался въ предпріятія, повидимому, очень рискованныя, но дававшія ему по 40, 50 и 60 на сто. Онъ былъ равнодушенъ къ событіямъ, къ ихъ внутреннему значенію; французская революція, Бонапартъ, древо свободы, демократія, аристократія, прогрессъ, реакція, побѣды и пораженія—все это, само по себѣ, не представляло для него интереса, но служило ему только указаніями, въ какую сторону играть, чтобы выиграть.

Мы уже знаемъ, что въ характерѣ его была смѣлость и страсть къ риску, которыя дважды довели его до тюрьмы, но за то дали возможность обогатиться. Онъ замыслилъ и исполнялъ вещи, о которыхъ другой побоялся бы и подумать. На такой рискъ онъ пустился въ подрядахъ на армію. Будучи другомъ и довѣреннымъ лицомъ австрійскихъ командировъ, онъ, въ то же время, вошелъ въ дружбу и довѣріе французскихъ генераловъ. Получивъ выгодный подрядъ на французскую армію и заполучивъ уже деньги, онъ теперь мечталъ о томъ, чтобы какое нибудь благопріятное обстоятельство, пораженіе французовъ или народное возмущеніе въ мѣстности расположенія французскихъ войскъ, позволили бы ему передать заготовленные запасы австрійцамъ, чтобы получить вторично плату за нихъ изъ австрійской казны. Это было повтореніе той

стратагеми его, при помощи которой 30 лѣтъ тому назадъ онъ въ одно и тоже время наживался и съ откупа, и съ направленной противъ откупа контрабанды.

Его былая ненависть къ аристократіи давно прошла. Послѣдній австрійскій намѣстникъ въ Ломбардіи, Эрцгерцогъ Фердинандъ самъ барышничалъ на хлѣбной торговлѣ и часто водился съ разными торгашами, въ томъ числѣ и съ Суарди, который попалъ къ нему въ милость, сдѣлался своимъ человѣкомъ при дворѣ и здѣсь сблизился со многими высокопоставленными лицами, между прочимъ, съ упомянутымъ епископомъ и съ маркизомъ Ф***.

II.

— Что же дѣлать маркизь?

— Монсиньоръ, что дѣлать?

— Поменьше болтать а побольше дѣйствовать, вмѣшался старшій Галантино въ разговоръ двухъ титулованныхъ особъ съ безцеремонностью человѣка, привыкшаго командовать.

Собесѣдники взглянули на него съ неудовольствіемъ.

— Такъ научите же, что дѣлать, не болтая, сказалъ монсиньоръ, расширяя надрѣзь въ своей тиквѣ.

— У меня все готово; надо только, чтобы ваши священники придумали какія нибудь пугали, чтобы взбудоражить мужиковъ въ вашей энархії и чтобы вы повліяли на венеціанскія области. У меня бумажная фабрика на Брембо, шелкопрядильня близъ Бергали, на нихъ у меня нѣсколько тысячъ народа, привыкшаго повиноваться мнѣ. Кромѣ того, у меня нѣсколько сотъ контрабандистовъ, привыкшихъ драться съ таможенными. Они, пожалуй, хоть цинками въ сидѣніе погонять эту сволочь мужичье, которая боится французъ еще больше, чѣмъ чорта. Если вся венеціанская область возстанетъ, если эрцгерцогъ Карлъ будетъ своевременно извѣщенъ объ этомъ, если войска Бонапарта хоть сутки останутся безъ продовольствія, — все разомъ перевернется. Стоитъ Бонапарту потерпѣть хорошую взлупку, и всѣмъ этимъ симпатіямъ, поклоненіямъ, колокольнымъ звонамъ, торжествамъ и мольбамъ придетъ конецъ. Я

свѣтъ знаю: тотъ, кто больше всѣхъ кричалъ, первый сдастся. Знаю я этихъ болтуновъ-патріотовъ. Но и вы, сеньоръ провиниторъ— онъ обратился къ Винченчи — должны дѣйствовать энергически, если хотите, чтобы ваша республика не улетучилась и не провалилась бы въ морѣ. Пишите Оттолину; онъ человѣкъ твердый и преданъ лъву, пишите Баталіѣ въ Брешию, хотя, между нами будь сказано, онъ порядочная дрянь, и не мѣшало бы дать знать вашему сенату, чтобы его послали въ лагуну и назначили инспекторомъ грязи. Повѣрьте, этотъ вашъ Баталія попался какъ дуракъ въ силки Бонапарта и, волей, неволей, играетъ роль союзника Франціи. Итакъ, надо дѣйствовать, надо сказать вашимъ сенаторамъ, что пора сбросить съ себя долгополныя тоги, расползающія къ лѣни и мѣшавшія ходить. Главное—быстрота, а это не шутка, когда приходится обгонять эту проклятую борзую—Бонапарта, которому ни по чемъ всякіе рвы и заборы. Надо растормозить вашу республику изъ ея долгой старческой дремоты.

Тутъ всталъ одинъ монахъ, занимавшій мѣсто приходскаго священника на границѣ бывшаго герцогства, и, обратившись сначала къ епископу, какъ бы за позволеніемъ говорить, сказалъ:

— Я съ своей стороны жаль бы высказать свое мнѣніе.

— Говорите, почтеннѣйшій, съ живостью воскликнулъ Галаитино.

— Было бы, не правда ли, прекрасно, если бы, не тревожа столько людей, и не подвергая опасности столько жизней, можно было бы достигнуть нашихъ цѣлей: прославить нашу святую вѣру и разрушить дѣла дьявола?

Епископъ взглянулъ на него и промолчалъ. Маркизь тоже взглянулъ и посмотрѣлъ на Галаитино, который сказалъ:

— Зная монастырь, изъ котораго вы вышли, я весьма цѣню ваши совѣты. Объяснитесь.

— Неправда ли, монсеньоръ, что Юдифь была почтена бегульскими старѣйшинами и признана св. Библіей священной героиней за погубленіе Олоферна?

— Развѣ вы отыскали въ своемъ приходѣ какуюнибудь Юдифь? спросилъ Суарди, подмигивая маркизу:—въ такомъ случаѣ прежде, чѣмъ послать ее на подвигъ, покажите ее намъ съ маркизомъ. Мы посмотримъ.

Тутъ заговорилъ соборный монсеньоръ, знатокъ еврейскаго языка и казуистики.

— Я дивлюсь и не могу объяснить себѣ присутствія преосвященнаго монсиньора епископа, слыша здѣсь рѣчи, пропитанныя проклятымъ невѣріемъ, оскорбительныя для священнаго сана. Зачѣмъ мы здѣсь? Искать ли средствъ отразить опасности, со всѣхъ сторонъ угрожающія нашей святой вѣрѣ, или слушать непристойныя шутки надъ ней.

— Успокойтесь, ваше преподобіе, сказалъ епископъ, положитесь на меня; повѣрьте, что я не потерялъ бы присутствія здѣсь лицъ, которыхъ внутреннія мысли и цѣли не согласовались бы съ нашими.

При этихъ словахъ, соборный монсиньоръ склонилъ голову, скрестилъ руки и сѣлъ, бормоча какую то молитву.

Суарди только посмотрѣлъ на него презрительно и сказалъ маркизу вполголоса:

— Что за скотина!

— Къ нему надо имѣть снохожденіе, отвѣчалъ маркизъ; это человѣкъ святой жизни и притомъ великой учености.

— Конечно, мнѣ все равно, но если бы я зналъ, что придется имѣть дѣло съ такими дураками, я повернулъ бы въ другую сторону. Другіе, по крайней мѣрѣ плуты, а вѣдь это животное въ самомъ дѣлѣ убѣждено.

Между тѣмъ, епископъ пригласилъ бывшаго монаха продолжать свою рѣчь и объяснить свое предложеніе.

— Упомянувъ о Юдифѣ, заговорилъ монахъ, я не хотѣлъ сказать этимъ, что явилась новая Юдифь. Провидѣніе не соблаговолило на это; если бы соблаговолило, то оно дало бы вмѣстѣ съ тѣмъ этому печестивому корсиканцу любострастіе Олоферна. Но онъ холоденъ, умѣренъ, воздержанъ, имѣя въ помышленіи только истребленіе людей и войну противъ Бога. А потому благо было бы передъ людьми и передъ Богомъ найти средство прекратить его роковое существованіе. Старѣйшины еврейскіе прославили Юдифь, когда она показала народу Бетулійскому отсѣченную голову Олоферна. Кто убьетъ генерала, того благословятъ всѣ дуди въ Италіи и во Франціи.

— Чтоже, вы сами хотите быть Юдифью? прервалъ его Галантино.

— Я?

— Да, вы, преподобный отецъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ трудно будетъ найти убійцу.

— Убійцу!? возопилъ вѣдъ себя, указывая на ноги, бывшій профессоръ казуистики:— Кто смѣетъ такъ выражаться? Какой онъ партій? Чей онъ врагъ—сатаны или нашъ? Развѣ законъ, умерщвляющій врага общества,—убійца? Почему же все человѣчество столько вѣбковъ прбславляло, какъ боговдохновенныхъ героинь Юдифи и Іанль?

— Я не имѣю удовольствія, монсеньюръ, быть знакомымъ съ этими дамами, такъ какъ не обладаю вашей ученостью, отиѣчалъ Суарди. Я одобряю, что законъ казнить убійцу, но считаю убійцей человѣка, который убиваетъ другого, какова бы ни была его цѣль. По моему невѣжеству я имѣю самое смутное понятіе о дѣлахъ этой синьоры Юдифи и той, которую вы называете Іанль. Но я слышалъ оперу Освобожденная Ветулія моэстро Гульельми, гдѣ пѣла Агуари... Вотъ голосъ то! Хе... Маркизь! Помните эти трели? Вотъ время было! И про Іанль знаю, потому что видѣлъ балетъ монсу Питро, Дебора и Сисара; хороша Іанль; но еще лучше была Деруліана Бидо, которая се представляла. Какія формы! Впрочемъ объ этомъ лучше спросить маркиза... Какъ бы то ни было, изъ всего, что я объ нихъ знаю, я вывожу заключеніе, что въ настоящее время всѣ эти Юдифи и Іанли отправились бы въ уголовный судъ, если бы хоть два свидѣтели застали ихъ на мѣстѣ преступленія. Надо брать въ расчетъ, что нынче времена не тѣ, да и мало ли еще, что надо брать въ расчетъ. Поэтому я посогласенъ на проектъ прендобнаго отца; довольно будетъ съ него, если онъ вернется въ свой приходъ и превратитъ своихъ овецъ въ волковъ и медвѣдей противъ республиканцевъ; и прочимъ гг. священникамъ надо заняться этимъ. Монсеньору епископу я не смѣю давать совѣтовъ; со временемъ само собою будетъ видно, что ему дѣлать. А вамъ, монсеньюръ, я, прося у васъ извиненія, посоветовалъ бы вернуться въ соборъ, молиться за насъ грѣшныхъ, въ томъ числѣ и за меня, недостойнаго, если будетъ время; этого пока довольно. Теперь же, что до насъ, то опять таки говорю, намъ не приходится терять время на болтовню, потому что дѣло идетъ впередъ и не терпитъ остановокъ. Бонапартъ, по всѣмъ вѣдомостямъ, хочетъ завладѣть венеціанской республикой; надо поднять противъ него область. Пусть республика раздуваетъ съ своей стороны, а мы

будемъ поддывать отсюда. У маркиза земли на двадцать миліоновъ, онъ можетъ располагать своими поселянами. Я буду тоже дѣлать съ своей стороны. Но, главное, духовенство должно помогать намъ. Вотъ хоть бы этотъ балетъ въ Скалѣ; если вы хорошенько разработаете его съ кафедрѣ, а вы на это мастера, то можно надѣлать чудесъ; особенно надо подѣйствовать на женщинъ, а ужъ онѣ повліяютъ на мужчинъ; если онѣ хорошенько наострятъ новобранцевъ, то въ первомъ же сраженіи тѣ ударятся въ бѣга, и пошло, и пошло...

— Съ позволенія его пресвященства, сказалъ монахъ, я настаиваю на моемъ предложеніи, потому что провидѣнію угодно было какъ нарочно указать мнѣ этотъ путь.

Суарди сдѣлалъ гримасу.

— Послушаемъ, сказалъ епископъ.

— На этихъ дняхъ, началъ братъ, явился ко мнѣ на исповѣдь одинъ мой прихожанинъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати, взятый еще въ прошломъ октябрѣ въ республиканскія войска. Его отецъ состоитъ въ деревнѣ старостой братства св. Троиства; мать—святая женщина, ходитъ на исповѣдь каждую недѣлю. Сыновья и дочери все въ родителей. Такого благочестиваго семейства я думаю нигдѣ не найдешь. Приходитъ ко мнѣ этотъ солдатикъ на исповѣдь и говоритъ:—ваше преподобіе, я къ вамъ за совѣтомъ. Видѣлъ я сонъ, какіе самъ Богъ посылаетъ людямъ для откровенія. Вотъ я вамъ разскажу. Вижу я будто генерала Бонапарта подъ мостомъ при Арколе, гдѣ и я былъ; только вмѣсто воды течетъ кровь. Вижу, подходитъ гренадеръ, тотъ самый, который при мнѣ вытащилъ изъ подъ моста генерала. Вдругъ слышу голосъ, какъ будто съ неба, точно голосъ ангела, стоящаго у подножія престола Божьяго, и разносящаго приказанія Божіи: «Сынъ италіанской матери, говори этотъ голосъ, ты будешь проклятъ во вѣки за то, что вытащилъ изъ крови сына сатани. Но, за то тотъ будетъ въ раю со святыми, кто убьетъ его и спасетъ этимъ Италію зъ міръ». Я принялъ это за внушеніе, и готовъ исполнить Божье соизволеніе.

— Чтоже вы ему отвѣчали? спросилъ епископъ.

— Ничего, только сказалъ, приходи черезъ три дня.

Монсеньоръ епископъ молчалъ, не желая давать совѣтовъ. Онъ былъ глубокой богословъ, но ученость не повредила ему мозговъ.

Если бы предлагаемая затѣя была уже осуществлена, онъ нашелъ бы софизмы для ея оправданія, но совѣтовать ее не смѣлъ.

За то казунеть воскликнулъ съ жаромъ:— отлично, наука одобряетъ это дѣло, святое писаніе представляетъ примѣры. Авраамъ не колебался принести въ жертву Исаака.

Но Суарди, выйдя окончательно изъ терпѣнія, возразилъ рѣзко:

— Но я то не Авраамъ и не хочу ввязываться въ сумасбродства. Вашъ рекрутъ просто сумасшедшій дуракъ. Когда онъ явится къ вамъ, покажите ему дорогу въ больницу, вотъ все, что можно сдѣлать для этого несчастнаго безумца, жертвы отца старосты, святоши матери, ханжей сестеръ и проныръ поповъ.

Казунеть вскочилъ разъяренный, поразилъ банкира убійственнымъ взглядомъ, посмотрѣлъ на епископа и, вдругъ склонивъ голову и сложивъ руки, вышелъ, сказавъ: ухожу!

Никто не пытался удерживать его.

По уходѣ его, маркизъ Ф*** обратился къ епископу:

— Вамъ, монсеньоръ, слѣдовало бы отправиться къ себѣ, потому что военныя дѣйствія идутъ быстро, и со дня на день надо ожидать рѣшительныхъ событій. Я также поѣду въ имѣнія, чтобы быть на готовѣ.

— Да, сказалъ епископъ, и вы, господа, отправляйтесь по приходамъ; когда настанетъ время, вы получите отъ меня инструкціи. А вы, синьоръ Суарди?

— Ужъ предоставьте мнѣ дѣйствовать самому; я и вамъ еще укажу путь. Генераль Бонапарте какъ молнія объѣзжаетъ всѣ пункты театра войны; правда, ему всего 27 лѣтъ; но и я, хотя мнѣ 68, не отстану отъ него, повѣрьте. Стало быть, до свиданія.

Всѣ вышли, кромѣ маркиза, и вскорѣ послышался топотъ лошадей и стукъ колесъ, возвѣщавшій о разѣздѣ всѣхъ преподобныхъ отцевъ.

Въ то же время, въ передней послышался женскій голосъ; услышавъ его, маркизъ всталъ и съ выраженіемъ неудовольствія проормоталъ:— что еще ей понадобилось тутъ?

Это была его дочь, графиня А***, которую мы видѣли въ театрѣ въ фригійскомъ колпакѣ и въ хламидѣ, выставившей на показъ всѣ ея прелести.

У входа она встрѣтила Суарди.

— Какъ ваше здоровье, гражданинъ? привѣтствовала она его

съ сіяющимъ видомъ, потому что молодость, сознаніе побѣдоносной красоты, толпа влюбленныхъ, непрерывная любовная интрига и торжествующее самолюбіе постоянно поддерживали ее въ настроеніи какого то радостнаго опьяненія: — Вы здѣсь? Что означаетъ эта процессія черныхъ людей, выходящая изъ квартиры моего отца?

— Не знаю, графиня; вѣроятно, это священники, приходящіе за милостями, которыя фамилія Ф*** расточаетъ имъ въ силу своего *jus patronalis*.

— А, ну, хорошо! Но знаете, что я вамъ скажу, любезнѣйшій синьоръ Андреа, гражданинъ?

— Что?

— У васъ племянникъ красавецъ.

— У меня нѣтъ никакого племянника.

— Какъ? А тотъ драгунъ, что сѣдился съ вами въ карету?

— Ахъ, онъ! Нѣтъ, онъ мой протеже только.

— Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ и моимъ протеже.

Суарди съ минуту что то соображалъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, мы раздѣлимъ протекцію пополамъ. Угодно вамъ, графиня?

— Еще бы!

— Мнѣ прислали изъ моего сада въ Инцаго чудесный букетъ фіялокъ, я буду имѣть честь прислать его вамъ черезъ моего капитана.

— Прекрасно, дорогой синьоръ Андреа, и графиня въ знакъ удовольствія крѣпко пожала ему руку. И Суарди отправился прямо на другое тайное сборище.

III.

Мы упомянули о полковникѣ Ландріѣ, начальникъ штаба кавалеріи, избранномъ тайнымъ комитетомъ, учрежденнымъ Бонапартомъ въ Миланѣ, въ главныя организаторы возстанія въ венеціанскихъ владѣніяхъ. У него ежедневно собирався бонапартовскій комитетъ. Туда отправился и гражданинъ Суарди.

Едва поставивъ ногу на первую ступеньку лѣстницы, онъ услышалъ на верху голоса, машинально остановился и выслушалъ слѣдующій разговоръ.

— Все идетъ отлично, успѣхъ вѣрный, но прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, надо сдѣлать еще одно.

— Что?

— Надо устранить банкира Суарди. Не понимаю, какъ онъ втерся въ наше общество.

Суарди наострилъ уши.

— Да, ты правъ, но какъ же теперь быть?

— Какъ? Не надо ничего сообщать ему и дѣлать все безъ него. Если дѣло пойдетъ хорошо, какъ слѣдуетъ ожидать, этотъ Суарди станетъ кричать о своихъ заслугахъ, а генералъ Бонапарте не похвалитъ насъ за то, что мы взяли въ такое снятое дѣло подобнаго субъекта; вѣдь отъ генерала навѣрно не скроются похождения этого плута.

Суарди посиѣлнлъ сирѣтаться въ чуланъ, услыхавъ, что разговаривающіе спускаются съ лѣстницы. Они прошли мимо него, и онъ узналъ Порро и Калепо.

Онъ шелъ къ полковнику безъ всякаго опредѣленнаго плана, съ единственной цѣлью присутствовать при совѣщаніи комитета; но подслушанный разговоръ внушилъ ему цѣлый планъ.

Онъ познакомился съ Ландріе черезъ капитана Бароджи и вступилъ въ комитетъ для вывѣдыванія замысловъ противниковъ. Кромѣ того, ему было необходимо, чтобы главный руководитель комитета, тайкомъ отъ своихъ товарищей, перемѣнилъ нуть и велъ бы дѣло такъ, чтобы цѣли комитета не достигались! Полковникъ же Ландріе доставилъ Суарди подряды на армію и получилъ отъ него за это хорошій кушъ; вслѣдствіе этого въ совѣти его были все какія завозы, за которыя ловкому человеку можно было уцѣпиться; къ тому же онъ былъ страстный игрокъ. На все это Суарди рассчитывалъ, хотя зналъ въ то же время, что полковникъ человекъ храбрый и до извѣстной степени честный, такъ что дѣло не совсѣмъ легкое зацѣпить его душу.

Импровизируя свой планъ, Суарди медленно поднялся по лѣстницѣ и у дверей квартиры полковника встрѣтилъ выходившихъ членовъ комитета.

— Опоздали, синьоръ Суарди.

— Не бѣда. Я сообщу полковнику все, что имѣлъ сообщить вамъ, а онъ послѣ передастъ всѣмъ. А гдѣ капитанъ Бароджи?

— Онъ еще у полковника по дѣламъ полка.

— Такъ до свиданія вечеромъ въ театрѣ; тамъ будетъ скандалъ по случаю запрещенія новаго балета Лефевра.

— До свиданія, и Суарди вошелъ къ полковнику гдѣ, поклонившись ему, обратился къ Бароджи:

— Миѣ нужно дать тебѣ одно порученіе.

Капитанъ Бароджи всталъ, выпрямляя свою стройную и граціозную фигуру, точно парочно созданную для того, чтобы носить мундиръ, рейтузы и ботфорты. Въ его сложеніи сила соединялась съ изяществомъ, а въ лицѣ, нѣжность почти дѣтская и самое беззаботное чистосердечіе, страннымъ образомъ гармонировали съ выраженіемъ мужества и твердости.

— Какое порученіе? спросилъ онъ.

— Такое, что многіе тебѣ позавидуютъ. Надо отнести букетъ одной дамѣ.

— Развѣ для этого необходимъ непременно драгунскій капитанъ?

— Не то чтобы необходимъ, а полезенъ. Тебѣ предстоитъ познаться съ одной изъ первыхъ миланскихъ красавицъ.

— Кто такая?

— Графиня А... Она желаетъ покровительствовать тебѣ. Она сама сказала миѣ это своими розовыми устами. Благодарю же меня, лѣтъ тридцать тому назадъ я не послалъ бы тебя, а пошелъ бы самъ.

Полковникъ Ландріе разсмѣялся и сказалъ:

— Ха, ха, ха, милѣйшій капитанъ, если порученіе вамъ не правится, то передайте букетъ мосье Шапье, нашему интенданту; онъ безъ памяти влюбленъ въ графиню, а она, ко всѣмъ добрая, неумолима къ нему. Всѣ надъ нимъ трунать, онъ бѣсится и собирается убивать всѣхъ ея любовниковъ.

Полковникъ не подозрѣвалъ, что попалъ прямо въ центръ мыслей Суарди. Интендантъ Шапье былъ единственный человѣкъ, стоявшій ему поперекъ дороги въ дѣлѣ съ поставками.

— Если такъ, сказалъ Суарди, то слѣдуетъ сдѣлать доброе дѣло, открыть мосье Шапье доступъ къ графинѣ.

— Извольте, беззаботно отвѣчалъ капитанъ, надѣвая каску.

— Ступай же и постарайся ввести Шапье въ домъ графини. Вотъ смѣху то будетъ.

Когда капитанъ ушелъ, полковникъ спросилъ, шутя:

— Ужь не хочется ли вамъ, чтобы эта устрица интендантъ, уязвленная стрѣлами графини, наткнулась еще на саблю капитана?

— А хоть бы и такъ! сказали Суарди, тоже шуточнымъ тономъ:—Теперь полковникъ, потолкуемъ о дѣлахъ.

IV.

Въ одномъ домѣ улицы Снига, въ залѣ нижняго этажа, выходящей въ садъ на берегу канала, вечеромъ одного мартовскаго дня 97 года сидѣло трое женщинъ. Онѣ представляли собою три поколѣнія. Одна была бабушка, графиня Клеція В***; другая мать— графиня Ада С***; третья дочь—Паолина. Первой было 72 года, второй—46, третьей 17.

Трудно было узнать бывшую красавицу, которую мы видѣли, во всемъ блескѣ двадцатипяти лѣтней красоты и потомъ, въ полномъ развитіи сорокалѣтней зрѣлости, въ старухѣ, которая была теперь передъ нами. Правда, нѣкоторыя подробности не измѣнились: волосы, по прежнему густые, были теперь также бѣлы отъ лѣтъ, какъ прежде отъ пудры, брови, все такія же густыя, остались черными, но онѣ строго нависли надъ впадинами глазами, и все черты, ставшія рѣзко угловатыми, приняли выраженіе чрезвычайной суровости. Графиня, наружность которой и въ молодости представляла мало симпатичнаго, поражала бы теперь неприятнымъ выраженіемъ старческаго лица, если бы, отъ времени до времени, въ выраженіи этомъ не проглядывало много ума, испытаннаго горя, цѣлая жизнь пережитая умомъ и сердцемъ. Она сидѣла за столикомъ съ раскрытой книгой въ рукахъ, съ очками въ оправѣ чернаго дерева на носу. Ея дочь, та прелестная Ада, которую мы знали шестнадцатилѣтней дѣвушкой, была теперь почтенной дамой въ самомъ невыгодномъ возрастѣ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ: не то старость, не то нѣтъ. Впрочемъ, она прекрасно сохранилась, такъ что при выгодномъ отъщепеніи могла

смѣло сбрасывать 15 лѣтъ съ плечъ, за то при невыгодномъ освѣщеніи на ея лицѣ выступало множество морщинокъ и пятнышекъ, доказывавшихъ, что жизнь ея не обошлась безъ тяжелыхъ впечатлѣній. Она сидѣла теперь передъ фортепьяно и пѣла марсельезу, въ то время еще новость въ Италиі. Поодаль отъ бабушки и матери, пользуясь теплотой мартовскаго вечера, на подоконникѣ раскрытаго окна присѣла дочь графини Ады, Паолина, носившая это имя въ честь и въ память покойной донны Паолы Пьетра. Читатель, можетъ быть, удивится, что говоря объ этихъ республиканскихъ временахъ, мы титулуемъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ; но, не смотря на все республиканство временъ, титулы ни на одну минуту не выходили изъ употребленія, потому что, не только прислуга, для которой это былъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, не перестала величать господъ донами и графинями, но и всѣ приверженцы стараго порядка упорно держались за эти остатки его: конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда не рисковали быть услышанными демократіей, которая была тогда скоро на руку и не спускала безнаказанно подобныхъ заявленій.

Наружность донны Паоллины, кромѣ наслѣдственной красоты, поражала необычайно высокимъ ростомъ; въ сущности ростъ ея не превосходилъ обыкновенный мужской ростъ средней вышины, но, въ женскомъ платьѣ, при маленькой головѣ, рукахъ и ногахъ, при талѣ въ обхватъ, она казалась непомерно высокой и казалась бы даже долгоvisoй, если бы узкіе рукава по тогдашней модѣ и складки платья, обрисовывавшія въ этой позѣ ея члены, не выказывали тѣлеснаго развитія не по лѣтамъ пыллага. Впрочемъ, она не долго просидѣла въ этомъ положеніи на подоконникѣ, обхвативъ руками колѣна, и какъ бы движимая какой-то мыслью, вдругъ вскочила и нѣсколько разъ прошлась по комнатамъ.

Степнѣло. Подали свѣчи. Вскорѣ пришли гости и сидѣли до одиннадцати часовъ. Затѣмъ донна Паолина пожелала покойной ночи бабушкѣ и матери, взяла свѣчу и въ сопровожденіи горничной отправилась въ свою спальню.

Молча дала она причесать себя на ночь, отпустила горничную и стала потихоньку раздѣваться, безпрестанно взглядывая на портретъ мужчины, висѣвшій надъ ея кроватью. Мы спѣшимъ объяснить, что это былъ портретъ ея отца, графа С***, одного изъ богатѣйшихъ миланскихъ магнатовъ, служившаго въ настоящее

время, по слухамъ, въ рейнской арміи французской республики; говоримъ по слухамъ, такъ какъ о графѣ достоверно ничего не знали въ Миланѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ, прокутивши два состоянія и явившись изъ Франціи прокучивать полученное въ наследство третье, подвергся онекъ за мотовство со стороны родныхъ и съ досады печезь, отшавившись, какъ говорилъ, во Францію, гдѣ принималъ участіе въ гражданскихъ смутахъ еще раньше, и наконецъ поступилъ въ военную службу. Онъ былъ моложе графини Ады, но когда женился на ней, то былъ уже дважды вдовцемъ. Она потерпѣлась отъ него великаго горя, что не мѣшало ей дочери смотрѣть съ благоговѣніемъ на портретъ таинственнаго отца.

Если бы нескромный наблюдатель подсматривалъ за донной Паолиной во время ея раздѣванія, ему конечно было бы не до того, чтобы дѣлать выводы изъ ея движеній и поступковъ. Однако и онъ конечно удивился бы, увидавъ, что, раздѣвшись и уже опершись колѣномъ—Боже! какимъ колѣномъ!—о постель, она вдругъ остановилась, подумала, пошла къ шкафу и вынула оттуда—чтобы вы думали? Каску съ султаномъ, зеленый мундиръ съ бѣлыми отворотами, лосинные штаны, ботфорты и палашъ.

Кому же принадлежали эти доспѣхи? Ей. Какимъ образомъ? А вотъ какимъ.

Въ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась и изъ котораго вышла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, былъ устроенъ по случаю карнавала театръ, гдѣ разыгрывали комедіи профессора Мироклето Геддини, сочиняемая нарочно для пансіонцовъ. Комедіи эти были отчаянно глупы, и одной изъ самыхъ плоскихъ была «Благотворительный Драгунъ», однако нравились директрисѣ пансіона. Это была французженка, по имени мадамъ Бланшаръ, явившаяся въ Миланъ изъ Парижа, съ репутаціей женщины знаменитой ученостью и прегерѣнными бѣдствіями по ея словамъ: отецъ ея былъ гильотированъ, и ихъ великое семейное богатство расхищено разъяренной чернью. Въ Миланѣ ее приняли съ распростертыми объятіями и сдѣлали директрисой новооткрытаго женскаго учебнаго заведенія, куда вся знать носѣшила отдать своихъ дочерей подъ руководство столь почтенной особы. Подъ ея управленіемъ пансіонъ процвѣлъ. Благодаря щедрому покровительству родителей воспитанницъ, въ немъ завелась такая роскошь, что его акты, экзамены, балы сдѣлались настоящими великосвѣтскими праздниками.

Молодые маменьки соперничали на нихъ красотой и нарядами. Маменьекъ сопровождали кавалеры, ихъ родственники и знакомые, и все офицерство республиканской арміи сдѣлалось посѣтителями пансіонскихъ базовъ и спектаклей.

Когда на масляницѣ въ пансіонѣ затѣяли домашній театръ, трудно было добиться билета. Спектакль сопровождался угощеніемъ, и для офицеровъ было приготовлено порядочное количество шампанскаго. Въ числѣ воспитанницъ были дѣвушки лѣтъ по 14, 15 и 16, какъ донна Паолина. Имъ предстояло играть главныя роли въ пьесахъ Гедина. Маменьки ихъ менѣе стремились явиться въ это общество молодежи, чѣмъ матери четырехъ и пяти лѣтнихъ дѣвочекъ, опасаясь невыгоднаго для себя сравненія. Правда, маменьекъ замѣняли гувернантки, но онѣ были или стары, или молоды; въ первомъ случаѣ, имъ нельзя было угоняться за шаловливыми воспитанницами и имѣть за ними строгій надзоръ, а во второмъ— онѣ слишкомъ заботились о собственныхъ дѣлахъ.

Когда мадамъ Бланшаръ придумала устроить въ пансіонѣ домашній спектакль въ четвергъ и въ воскресенье на карнавалѣ и избрала «Благотворительнаго Драгуна», она предназначила роль драгуна доннѣ Паолинѣ, которая уже восемнадцать мѣсяцевъ жила въ пансіонѣ; она рѣшила, что мужская роль ей по росту. Донна Паолина съ радостью согласилась и выпросила у матери сшить ей полный драгунскій мундиръ. Когда она, примѣривъ его, показала въ немъ дома передъ родными, бабушка, графиня Клеція, протестовала противъ появленія ея въ немъ на сцену. Это очень огорчило дѣвушку, которая рассчитывала произвести эффектъ, потому что находила, что костюмъ очень идетъ къ ней, и всѣ хваливали ея сценической талантъ. Мадамъ Бланшаръ, съ своей стороны, пришла въ ужасъ отъ veto бабушки, потому что роли было некому передать, и весь спектакль долженъ былъ разстроиться. Онѣ вдвоемъ осадили графиню Аду, которая и въ челолюбыхъ лѣтахъ не отличалась твердостью характера. Сбитая ими съ толку, она рѣшилась поступить вопреки мнѣнію матери и позволила доннѣ Паолинѣ выступить на сцену драгуномъ.

Ожиданія дѣвушки сбылись. Въ первый разъ она произвела фуроръ. Когда въ антрактахъ она выходила въ партеръ принимать похвалы маменьекъ, кавалеры, военные и статскіе, толпились вокругъ нея, чтобы поближе взглянуть на нее. Въ слѣдующій

разъ всё, еще съ большимъ рвеніемъ старался понасть на домашній спектакль въ пансіонъ мадамъ Бланшаръ, и воспитанницы, расхрабрившись, выбѣгали въ костюмахъ изъ залы въ корридоры и въ садъ.

На этотъ разъ въ числѣ гостей былъ и драгунскій капитанъ Джеремя Бароджи. Ему было двадцать три года, и онъ, какъ мы видѣли, былъ очень красивъ собою. Поэтому будучи нѣскольکو фатомъ, онъ благодаря своей наружности, своему кавалерійскому мундиру со шпорами, производившему непреодолимое дѣйствіе въ тѣ воинственныя времена и благодаря также свободѣ тогдашнихъ нравовъ, очутился въ скоромъ времени съ поддужкиной любовныхъ интригъ на рукахъ, самъ почти не зная, какъ. Наконецъ одна изъ его знакомыхъ, красавица Р***, забрала его настолько въ руки, что онъ почувствовалъ свою свободу въ опасности и былъ радехонекъ, когда Суурди указалъ ему путь къ графинѣ А***, соперницѣ сньюори Р*** по красотѣ и модѣ, надѣясь такимъ образомъ уравновѣсить между ними двумя свое положеніе и возвратитъ себѣ независимость. Но, въ то время, когда онъ занимался этими глубокими стратегическими соображеніями и дѣйствовалъ по нимъ, свободѣ его грозила непредвидѣнная и роковая опасность.

Однажды вечеромъ молодому капитану удалось найти предлогъ, покинуть свой постъ при особѣ сньюори Р***, и онъ пошелъ, куда всё шло—въ пансіонъ Бланшаръ на домашній спектакль. Случилось, что изъ всѣхъ офицеровъ онъ былъ одинъ драгунъ. Въѣстѣ съ другими онъ подошелъ въ садъ къ толпѣ, окружавшей доуну Паолину, вышедшую подышать свѣжимъ воздухомъ въ антрактѣ. Дѣвушка, разгоряченная игрой и уснѣхомъ, увидавъ его, громко сказала:

— А, наконецъ вотъ и однополчепецъ!

— Желалъ бы я, чтобы это была правда, отвѣчала Бароджи: Я былъ бы неуязвимъ на полѣ битвы съ такимъ ангеломъ хранителемъ въ ботфортахъ.

Дѣвушка ничего не отвѣчала, но послала ему долгій взглядъ.

Всѣ присутствующіе посмотрѣли на нихъ съ невольной симпатіей, и у всѣхъ мелькнула въ головѣ мысль: вотъ была бы парочка!

Тѣмъ все и кончилось въ этотъ вечеръ. Пронизательный голосъ гувернантки клякнулъ доуну Паолину, и она быстро ужчалась въ залу, прогнѣмъвъ шпорами по ступенькамъ лѣстницы.

До сихъ поръ, во всѣхъ своихъ любовныхъ похожденияхъ, капитанъ Бароджи сохранялъ невозмутимое спокойствіе души. Онъ по-видать одну изъ своихъ Аспазій и, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ на манеры на дворцовую площадь, или въ канцелярію полковника Ландріе, или въ манежъ, совершенно забывая о существованіи всѣхъ дамъ, раздѣлявшихъ владычество надъ его сердцемъ. Сталь ровное состояніе духа поддерживало его въ цвѣтущемъ здоровіи и сохраняло на его лицѣ тотъ румянецъ, который лѣтъ тридцать спустя, во время моды на погребальныя фізіономіи и чахоточныя лица, лишилъ бы его всякихъ шансовъ на успѣхъ. Такъ и вечеромъ послѣ спектакля онъ проводилъ домой синьору Р*** и въ бесѣдѣ съ нею не имѣлъ времени вспомнить о своемъ однопольченцѣ. Онъ спалъ какъ всегда невозмутимымъ сномъ и всталъ утромъ съ постели веселый, свѣжій и бодрый, съ аппетитомъ двадцатилѣтняго человѣка, которому 15 верстъ галюна или ршен замѣняютъ желѣзныя шлюли. Но, когда вслѣдъ затѣмъ, онъ пришелъ въ манежъ присутствовать при обученіи верховой ѣзды рекрутъ, и увидѣлъ ихъ неуклюжія фигуры, мѣшками сидѣвшія на сѣдлахъ, передъ нимъ мелькнулъ стройный образъ драгуна изъ пансіона мадамъ Бланшаръ, и онъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе видѣть его передъ собой на лошади гарцующимъ подъ его руководствомъ. Это былъ первый симптомъ болѣзни, какъ бы нарывъ, вскочившій въ чужное время.

Образъ дѣвушки такъ неотступно преслѣдовалъ его съ этой минуты, что онъ искалъ предлога отправиться въ пансіонъ. Но тутъ его постигло разочарованіе: предлогъ то онъ нашелъ, но въ пансіонѣ не имѣлъ случая увидѣть ту, которая интересовала его. Однако это не только не вылечило его, а напротивъ, болѣзнь еще усилилась. Онъ не спалъ ночь, былъ на другой день не въ духѣ, собиралъ справки о дѣвушкѣ и объ ея родныхъ, но это ни къ чему не привело, и онъ узналъ только, что графиня Клеція съ дочерью живутъ очень уединенно, такъ что попасть къ нимъ въ домъ ему невозможно.

Какъ разъ въ это время онъ получилъ приглашеніе на балъ въ домъ Буска-Сербемюни. Онъ облекся въ короткіе штаны, шелковые чулки и башмаки, потому что въ то время Бонапартъ послѣ своихъ побѣдъ уже дѣлалъ переходъ отъ суровой Спарты къ геніальнымъ Афинамъ, и лохматые санюлоты обращались уже въ

изящныхъ франтовъ. На балу, онъ, къ своему радостному удивленію увидѣлъ догнну Наолину съ матерью среди дамъ, сидѣвшихъ кругомъ запы на бѣлыхъ диванахъ. Въ первую минуту онъ даже не узналъ ее въ женскомъ платьѣ, но узнавъ, тогчасъ подошелъ и пригласилъ танцовать.

Мы не будемъ передавать ихъ разговора въ этотъ вечеръ и при слѣдующихъ встрѣчахъ въ томъ же домѣ, гдѣ балы слѣдовали за балами. Трудно передавать любовные разговоры и объясненія, да и неинтересно, потому что они однообразны. Наконецъ Бароджи сказалъ дѣвушкѣ, что дня черезъ три ему придется ѣхать къ арміи, что онъ не можетъ и не хочетъ разстаться съ нею, что если она откажется слѣдовать за нимъ, онъ въ первой же битвѣ бросится на непріятельскіе штыки, что въ революціонное время есть примѣры, что женщины поступали въ солдаты, чтобы слѣдовать за мужьями, что и судьба и происдѣніе явно выказались въ пользу его предложенія, ибо не даромъ достался ей мужской военный костюмъ и притомъ именно его полка. Дѣвушка ничего не отвѣчала ему, но въ душѣ твердо рѣшилась послѣдовать за нимъ во что бы то ни стало. Бароджи говорилъ искренно, но въ увлеченіи страстной бесѣды, и когда на другой день на сибжую голову вспомнилъ свои слова, то самъ усеумнился и испугался. Догна Наолина, напротивъ того, съ тѣхъ поръ только о томъ и думала, какъ бы привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Въ половинѣ марта изъ Франціи пришли новые батальоны и много кавалеріи, которые со дня на день ждали приказанія идти дальше, къ арміи. Музыка этихъ проходившихъ полковъ играла въ публичномъ саду. Капитанъ Бароджи въ качествѣ адъютанта начальника штаба кавалеріи ходилъ по два, по три раза въ садъ, проходя по каналу, на которомъ жила догна Наолина съ матерью. Она была постоянно на сторожѣ у окна и выбѣгала при его приходѣ въ садъ. Тамъ она выбѣгала на плотъ, закрытый со стороюмъ дома кленами и далеко выдававшийся въ воду, такъ что съ него до другого берега было недалеко. Кроме того, каналъ былъ спущенъ для чистки, которая всегда начинается въ мартѣ, и въ немъ было набросано много большихъ камней, по которымъ можно было перейти, не промочивъ даже ногъ. Бароджи замѣтилъ все это и подумалъ, что здѣсь можно было бы перебраться безопасно и легко. Эта мысль подѣйствовала на него ободрительно. Онъ написалъ

доннѣ Паолипѣ записку, которая дошла до нея извѣстнымъ намъ образомъ; она отвѣчала ему такимъ рѣшительнымъ тономъ, что онъ изумился, но это изумленіе еще болѣе воспламенило его.

Въ такомъ положеніи было дѣло въ тотъ вечеръ, когда мы познакомились съ нашей новой героиней. Въ запискѣ своей капитану она предлагала ему обвѣнчаться прежде, чѣмъ бѣжать. Но она слышала, что браки, заключенные безъ согласія родителей, недействительны по закону, однако въ тоже время узнала, что бываютъ случаи, гдѣ это согласіе не требуется. Съ тѣхъ поръ она тайкомъ перерыла всю богатую бібліотеку своей ученой бабушки, отыскивая книгъ по вопросу о бракахъ. Послѣ долгихъ поисковъ она нашла между прочимъ: «Разсужденія, приписываемыя дону Джованни Бовара о императорско-королевскомъ эдиктѣ 16 января дня 1783 касательно браковъ; Миланъ, 1794», двѣ брошюры аббата секретаря Джудичи «О гражданской власти въ бракахъ», вышедшія только что въ Миланѣ и наконецъ еще брошюру о томъ же предметѣ, также только что изданную въ Брешии, неизвѣстнаго автора.

Она съ жадностью прочла эти книги, но, при всемъ ея умѣ, эта смѣсь юриспруденціи съ теологіей оказалась выше ея силъ; понятно, что Бовара и Джудичи писали не для дѣвицъ. Поэтому она мало что поняла изъ прочитаннаго, однако настолько, что дѣло показалось ей невозможнымъ, и сю овладѣло отчаяніе.

Но вдругъ она сдѣлала открытіе. На 23 страницѣ анонимной брошюры она прочла слѣдующее драгоценное изрѣченіе: «Извѣстно всѣмъ, что по Тридентскому собору считается законнымъ бракъ дѣтей безъ согласія родителей». Этого ей было довольно. Она закрыла книгу совершенно успокоенная, отнесла всѣ книги въ бібліотеку и знать больше ничего не хотѣла. Такъ поступаютъ впрочемъ и многіе ученые, выхватывая изъ книгъ фразу безъ связи, если она можетъ въ такомъ видѣ подтвердить ихъ теоріи, и не заботясь о дальнѣйшемъ.

Тогда она написала Бароджи второе письмо, требуя непременно брака, какъ необходимаго предварительнаго условія бѣгства и отбѣда. Капитанъ понятія не имѣлъ о постановленіяхъ Тридентскаго собора, но зналъ, что есть гражданскіе законы, введенные генераломъ Бонапартомъ и дѣлающіе заключеніе браковъ затруднительнымъ. Но онъ счелъ лишнимъ оснашивать этотъ пунтветъ, относи-

тельно котораго дѣвушка была непоколебима. Однако не полагаясь на юридическія свѣденія доппи Паолини, онъ рѣшился посоветоваться съ Суарди, зная, что тотъ сладитъ съ самыми чортъ.

Онъ немедленно пошелъ къ нему, но пришелъ совершенно нестати. Сверхъ всякаго обыкновенія и въ великому своему удивленію онъ пошелъ сеньора Суарди въ ужасномъ униженіи. Что случилось? Отъ самого сеньора Суарди конечно нельзя было ничего узнать; слуги, которыхъ онъ спрашивалъ, ничего не знали. Бароджи пошелъ въ контору и спросилъ писца; изъ того, что тотъ сообщилъ ему, можно было догадаться, что Суарди получилъ дурное извѣстіе, но нельзя было отгадать, какое. Мы же скажемъ читателю, что утромъ этого дня къ Суарди прискакалъ тайно гонецъ съ вѣстью о взятіи французами въ плѣнъ австрійскаго генерала Шульца, впоследствии умершаго отъ ранъ и бывшаго главнымъ посредникомъ въ дѣлѣ поставокъ; въ то же время умеръ отъ раны одинъ французскій обозный офицеръ, который передъ смертью написалъ письмо французскому военному интенданту въ Миланѣ, сообщая ему очень важныя и интересныя свѣденія о дѣлахъ поставокъ и продовольствія.

V.

Въ тотъ же день, незадолго до обѣда, капитанъ Бароджи получилъ отъ Суарди пригласительную записку на обѣдъ съ просьбой непременно прийти. Бароджи очень обрадовался и явился.

Гостей не было; они обѣдали вдвоемъ. Сеньоръ Суарди сталъ веселъ и спокоенъ по наружности, какъ былъ всегда.

— Ну, капитанъ, какъ идутъ дѣла съ графиней?

— Такъ себѣ, не слишкомъ идутъ то. Да и съ Р*** плохо; ревнуетъ и угрожаетъ скандаломъ. Надоело мнѣ все это; хочу въ отставку. Довольно съ меня подобныхъ женщинъ. Канризы, ссоры, притворства—вотъ все, что я видѣлъ въ эти три мѣсяца, гарнизонной службы.

— Иначе и не можетъ быть съ твоей системой держать ихъ

цѣлую свору заразъ. Ты думаешь, одна о другой не знаетъ? И то чудо, какъ до сихъ поръ уживались.

— Да вѣдь я ничѣмъ ни съ одной не связанъ, я подписки ни одной не давалъ. Хожу къ нимъ, какъ общій другъ. Мало ли къ нимъ ходитъ народу! Хорошо было бы...

— Ну, не будемъ спорить. Я не стану тебя убѣждать, что кромѣ письменныхъ обязательствъ бываютъ подразумеваемые и что любовники, какъ адвокаты, — двумъ противнымъ сторонамъ служить не могутъ. Это было бы скандально. Но такъ какъ ты хочешь выйти въ отставку, то тебѣ надо заслужить награду. Я тебѣ ее достаю, но съ условіемъ, чтобы ты отправился сегодня вечеромъ съ гражданкой графиней, — надѣюсь, ты не донесешь республиканцамъ, что я составляю такія слова, — въ Канобіану и поухаживалъ за ней, да такъ, чтобы это бросилось въ глаза полковнику Ландріе, когда онъ будетъ по своему обыкновенію играть въ карты съ мосье Шанье.

— Зачѣмъ все это?

— Это ужъ мое дѣло... А что до скандаловъ синьоры Р***, то пускай себѣ скандалятъ. Тѣмъ лучше: это будетъ для тебя предлогъ порвать со всѣми, если онъ тебѣ дѣйствительно надоѣли.

— Мысль недурна, но дѣло въ томъ, захочетъ ли графиня ѣхать. У насъ съ ней вѣдь все такъ: какъ попросишь, — откажетъ.

— Стоитъ захотѣть. Я всю жизнь руководствуюсь этимъ правиломъ. А ужъ относительно женщинъ и говорить нечего.

— Съ добрыми и простыми такъ. Но вы не знаете этихъ барынь. Въ нихъ нѣтъ ни простоты, ни доброты. Въ нихъ гордость, зависть, капризы и злоба, и вся ихъ молодость, простота, ужъ направлены всегда во вредъ ближнему и на гибель простофилямъ, имѣющимъ глупость серьезно влюбляться въ нихъ. Р*** я давно и хорошо знаю; а графиню узналъ недавно, благодаря вамъ, но для меня она только объясняетъ и дополняетъ первую. Если мы еще ладимъ и если ея сѣятельство еще не прогнала меня, то потому только, что я не влюбленъ, что она очень хорошо видитъ это, не смотря на всѣ мои торжественныя клятвы, и надѣется привести меня въ состояніе жертвы, чтобы потомъ, ни съ того, ни съ сего, бросить, низвергнуть съ высоты благополучія на потѣху предстоящимъ и къ торжеству моего преемника, котораго постигнетъ та же участь, и такъ отъ одного къ другому, пока сохранится молодость и красота.

— О, ты, я вижу, дока! Но почему ты вдругъ стать разсуждать такъ умно? Неужели...

— Что?

— Что! Стария любовницы подвергаются критикѣ только при новыхъ. Я, другъ, эти дѣла знаю: съ шестнадцати лѣтъ принялся изучать ихъ. Какъ же? Ты серьезнѣе. Можно узнать, въ чемъ дѣло?

Тогда Бароджи разсказалъ Суарди, что позналъ наконецъ истинную любовь, доказывая, что молодой человѣкъ можетъ истинно полюбить только дѣвучку. При этомъ, онъ назвалъ сначала имя своей возлюбленной, а потомъ и фамилію.

Услышавъ ее, Суарди сначала онѣмъ отъ удивленія, потомъ хлопнулъ себя по лбу, откинулся на спинку кресла и нѣсколько времени смотрѣлъ въ потолокъ, наконецъ всталъ и началъ прохаживаться, восклицая:

— Вотъ казусъ! Вотъ комбинація!

Бароджи смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Что же тутъ необычайнаго, наконецъ? спросилъ онъ.

— Ахъ, если бы ты зналъ! Ты вѣдь и представить не можешь!.. Вотъ такъ любопытное стеченіе обстоятельствъ! Вотъ тутъ и свистни когда въ театрѣ представляютъ что нибудь повидимому неправдоподобное... Однако поздно; времени терять нельзя; чтобы ѣхать съ графиней въ восемь часовъ въ театръ, тебѣ надо начать ухаживать за ней по крайней мѣрѣ за два часа. Ступай же и не ударь въ грязь лицомъ, потому что для меня это..

При этихъ словахъ Суарди принялъ опять озабоченный видъ, и дѣйствительно въ его положеніи было не до смѣху.

Бароджи, желавшій еще потолковать съ нимъ о своемъ дѣлѣ и попросить у него совѣта и помощи, долженъ былъ поневолѣ отложитъ это до другого раза, надѣлъ саблю и выпить кофе, стоя, потому что Суарди настойчиво приставалъ къ нему, торопя идти.

Пробило шесть, когда капитанъ вышелъ отъ Суарди и направился къ графинѣ А***.

Обычай садиться за столъ въ четыре тѣмъ, которые имѣютъ на обѣдъ три блюда, въ пять—тѣмъ, которые кушаютъ четыре блюда, не считая десерта, сыра и лишней бутылки, въ шесть—богачамъ и аристократамъ, имѣющими неопредѣленное количество кушаній и изучающимъ географію по винамъ—обычай этотъ принадлежитъ на-

шему въку. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія народныя классы держались еще обычая обѣдать въ полдень, вечерничать и ужинать. Только у привилегированныхъ классовъ революція, не затруднивъ ничего прочаго, преобразовала обѣденные часы. Однако они не переступили еще четырехъ, такъ что когда капитанъ явился къ графинѣ, она съ своими гостями уже распивала кофе въ салонѣ, предназначенномъ для пищеваренія.

При имени капитана, всѣ поклонники хозяйки дома, восторженные обожатели, молчаливые поклонники и болтливые льстецы, окружавшіе золоченое сѣдалище этой прекрасной и сладострасной богини, какъ бы по сигналу разступились, очищая мѣсто подлѣ нея привилегированному герою. Всѣ съ нѣкотораго времени считали его состоящимъ на правахъ хозяина дома. Но это не обезкураживало и не отгоняло поклонниковъ, потому что, по предъидущимъ примѣрамъ, они знали, что мѣсто не замедлитъ сдѣлаться вакантнымъ, и каждый заранѣе метилъ на эту ваканцію. Они даже приветствовали любезными улыбками красавца капитана, хотя въ душѣ и питали къ нему болѣе непріязненные чувства, чѣмъ даже къ мужу графини. Однако они, можетъ быть, ошибались въ своихъ расчетахъ, потому что прекрасная графиня обнаруживала къ капитану искреннее чувство, не похожее на ея всегдашнее отношеніе къ своимъ любовникамъ, и онъ былъ не правъ въ своихъ отзывахъ о ней Суарди. Итъ сомнѣнія, что если бы она нашла въ немъ сочувствіе, скандальная хроника лишилась бы, дальнѣйшаго матеріала о ней, и можно даже думать, что если бы молоденькая дочь маркиза Ф*** встрѣтила на порогѣ жизни челоуѣка, подобнаго капитану, вмѣсто мужа, даннаго ей ханжей отцемъ въ собственныхъ расчетахъ, то она всегда оставалась бы женщиной примѣрной нравственности.

Бароджи сѣлъ подлѣ графини, наклонился къ ней и между ними началась бесѣда въ полголоса а parte, какъ будто бы они были совершенно одни въ комнатѣ. Въ этомъ интимномъ разговорѣ онъ не замедлилъ попросить позволенія сопровождать ее въ театръ.

— А что скажетъ гражданинъ Р***? съ улыбкой отвѣчала графиня.

— Пускай говоритъ, что угодно.

— Гражданинъ Р*** и генералъ Леви вернулись въ Миланъ.

— Когда?

— Какъ? Вы не знаете?

— Право, не слышала.

— Будто?

— Честное слово.

— Если такъ... Она обвела взглядомъ комнату и, увидавъ, что никто не смотритъ на нихъ, неожиданно обернулась къ нему и поцаловала его.

Грація, очарованіе, наивное увлеченіе, съ которыми она прикоснулась своимъ розовымъ ротикомъ къ устамъ капитана, произвели бы разстройство въ систолѣ и діастолѣ всякаго сердца, даже сердца протоколиста; если бы этотъ поцѣлуй пустить на аукціонъ, онъ достигъ бы баснословной цѣны. Но Бароджи остался невозмутимъ.

Поцѣлуй этотъ былъ наградой. Графиня думала сначала, что онъ предлагаетъ ей ѣхать въ театръ въ отместку гражданкѣ Р***, которую молва обвиняла въ болшей интимности съ генераломъ Леки, только что возвратившимся въ Миланъ. Узнавъ же, что Бароджи не знаетъ о его возвращеніи и, стало быть, не имѣлъ никакой посторонней цѣли, она захотѣла выразить ему благодарность.

Графиня явилась съ драгуномъ въ своей ложѣ перваго яруса въ самую минуту поднятія занавѣса. Все головы въ партерѣ и ложахъ обратились къ нимъ, и пошли шушуканія и шептанія. Въ то же время вошелъ въ партеръ и синьоръ Суарди. Начался балетъ, уже не Папа, а другой. Никто не замѣтилъ, глядя на сцену, что графиня А*** и капитанъ исчезли изъ ложи. Балетъ кончался, и танцоры принимали послѣднія граціозныя позы, какъ вдругъ въ партерѣ поднялась суматоха. Одни выходили, другіе вскакивали, спрашивая, что случилось. Пронесся слухъ о какой то ссорѣ. Оркестръ замолчалъ, танцы прекратились.

Старый Суарди былъ изъ числа тѣхъ людей, которые дѣлаютъ подлости не только по необходимости, но и такъ сказать «на всякій случай». Подобно тому, какъ есть скряги, копящіе деньги не изъ любви къ нимъ, а изъ болѣзненнаго страха очутиться безъ копейки на черный день, такъ есть и плуты, плутующіе не изъ любви къ искусству, а изъ предусмотрительности. Подобные люди лгутъ, напр., иногда, повидимому, безъ надобности; но въ сущности изъ отдаленнаго разчета, что сокрытіе правды можетъ когда нибудь пригодиться. Встрѣчаясь съ новымъ лицомъ и еще не имѣя съ нимъ никакого дѣла, Суарди инстинктивно смотрѣлъ на него.

какъ на будущаго врага, и искалъ противъ него наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ. Такъ прежніе феодалы укрѣпляли свои замки и въ то время, когда никакою непріятель не угрожалъ имъ. Встрѣтившись въ своихъ подрадахъ на республиканскую армію съ интендантомъ Шанье, Суарди тотчасъ почувствовалъ, что не сойдется съ этимъ человѣкомъ и принялся искать средствъ, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность отдѣлаться отъ него. Онъ сталъ изучать его характеръ, отыскивать слабыя стороны въ немъ, развѣдывать объ его отношеніяхъ.

Прежде всего, онъ подумывалъ перессорить интенданта съ Ландріе, такъ чтобы они перегрызлись и одинъ другаго свалили, но вскорѣ убѣдился, что полковникъ можетъ быть годенъ для другаго, но не для этого. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что Шанье падохъ до женщинъ и тѣмъ болѣе влюбчивъ, что ухаживанія его остаются безуспѣшными; безуспѣшность эта дѣлала его только завистливымъ и иногда злоязычнымъ въ отношеніи молодежи, имѣвшей на этомъ поприщѣ больше успѣха. Суарди чутьемъ чужалъ, что тутъ-то и есть слабая сторона интенданта, на которой можно поймать его въ случаѣ надобности. Вскорѣ онъ узналъ, что Шанье пылаетъ страстью къ прекрасной графинѣ А***, и замѣтилъ недружелюбные взгляды, которые онъ кидалъ на капитана Бароджи.

Суарди съ дѣтства зналъ сына несчастнаго таможеннаго Бароджи, воспиталъ его, не щадя расходовъ, общалъ умирающему отцу замѣнить его для сына и, дѣйствительно, любилъ его, насколько могъ любить. Безъ крайней надобности онъ ни за что не рѣшился бы пожертвовать имъ. Но для него свой интересъ былъ все-таки выше всякихъ другихъ соображеній. И теперь, очутившись въ крайне опасномъ положеніи, за неимѣніемъ другаго средства, онъ рѣшился хладнокровно принести его въ жертву.

Графиня А***, сидя въ своей ложѣ рядомъ съ красавцемъ драгуномъ, съ наслажденіемъ выставляла передъ всей публикой на показъ свою новую побѣду, какъ дѣвочка, которую тѣшить показывать всѣмъ новую блестящую игрушку. Насладившись этимъ, она вышла изъ ложи къ ожидавшей ее толпѣ поклонниковъ, и пошла съ ними въ фойе, гдѣ собирался цвѣтъ общества и гдѣ еще долго по окончаніи спектакля продолжалась бесѣда и карточная игра.

Бароджи на минуту отсталъ отъ ея общества, и въ это время Суарди подошелъ къ нему, взялъ его подъ руку и сказалъ.

— Любезный Джеремя, тутъ есть одинъ чудакъ французъ, котораго не мѣшало бы хорошенько проучить.

— Военный или статскій?

— Амфибія.

— Какъ амфибія?

— То есть, ходить въ мундирѣ, но не сражается, а только деньги и провіантъ считаетъ. Интендантъ.

— А, жосье Шанье! Знаю. На театрѣ Санъ-Мартино есть обезьянка въ генеральскомъ мундирѣ, бѣгающая по веревкѣ; точь въ точь его родной братъ. А онъ имѣетъ слабость искать усеѣха у дамъ. О, знаю.

— Хорошо, что ты его знаешь; но не хорошо, что онъ дурно говорить о тебѣ.

— Что онъ можетъ говорить обо мнѣ, когда мы никогда съ нимъ никакихъ дѣлъ не имѣли?

— А между тѣмъ онъ дурно говорить о тебѣ и о ней.

— О комъ?

— О графинѣ, понятно. Говорить, будто она платитъ любовникамъ я тебѣ..

Бароджи подскочилъ, какъ ужаленный, съ яростнымъ восклицаніемъ.

— Что ты кричишь, сумасшедшій. Кричатъ вповалые. А ты просто возьми эту скотину за шиворотъ...

Бароджи, не говоря ни слова, пустился съ лѣстницы. Суарди остановилъ его:

— Постой, куда ты? Вѣдь ты даже не знаешь, гдѣ онъ?

— Вѣрно въ фойе по обыкновенію. Впрочемъ, куда бы онъ ни запрятался, я его същущу.

— Постой, не торопись. Тебѣ надо подойти къ нему не въ сердцахъ, а съ улыбкой. Конечно, мнѣ тебя не учить этимъ дѣламъ, но ты самъ понимаешь, что нельзя тебѣ сказать ему настоящую причину твоего гнѣва. Главное, чтобы имени графини тутъ не было. Просто подойди къ нему съ улыбкой и посмотри на него такъ, чтобы это значило: ты мнѣ дескать и смѣшпъ, и жалокъ. Если онъ не замѣтитъ, повтори; если и этого мало — отдави ему ногу, чтобы онъ понялъ, что это дѣлается съ умысломъ. Впрочемъ, когда кошка съ собакой сойдутся, то ихъ не учить, какъ подраться. Это дѣлается само собой.

Суарди не солгалъ. Шапье, дѣйствительно, сдѣлалъ это оскорбительное замѣчаніе о Бароджи. Суарди, бывшій цѣлый вечеръ на сторожѣ, подхватилъ его. Бароджи вошелъ въ фойе, пылая страстью, но молчалъ. Только проходя мимо Шапье, который сидѣлъ на стулѣ, онъ такъ толкнулъ стулъ, что французъ упалъ бы, если бы сосѣдъ не подхватилъ его. Оскорбленіе не замедлило разразиться. Въ фойе поднялась суматоха, и противники готовы были тутъ же раздѣлаться оружіемъ, если бы другіе не вмѣшались, и рѣшено было кончить дѣло дуэлью.

Это-то и надѣлало шуму въ партерѣ.

VI.

Синьоръ Джакомо Бруни, сынъ .Юренца Бруни и танцовщицы Гауденан, былъ старинный другъ дома графини Клезин и ея дочери. Онъ жилъ на улицѣ Спига, въ трехъ домахъ отъ ихъ дома, и имѣлъ привычку обѣдать у нихъ всякую пятницу и, кромѣ того, заходить каждый вечеръ сообщать послѣднія политическія извѣстія, особенно военныя новости, которыя узнавалъ, большею частью, отъ военныхъ въ театрѣ. Такъ и въ этотъ вечеръ, выйдя изъ театра съ толпой, толковавшей о скандалѣ въ фойе и о предстоящей на завтра дуэли итальянскаго офицера съ французомъ—дѣлѣ въ то время, впрочемъ, очень обыкновенномъ, онъ, въ одиннадцаті часовъ, зашелъ на минутку къ графинѣ Адѣ и, не садясь даже по позднему времени, сообщилъ ей и ея матери послѣднія новости: что генералъ Массена одержалъ побѣду при Райселѣ, взялъ въ плѣнъ 4,000 солдатъ съ четырьмя генералами и 25 пушками; что Бонапартъ, соединясь съ Жубертомъ, побѣдоносно вошелъ въ Клагенфуртъ; что въ Брешии вспыхнуло возстаніе; что графъ Леки, только что вернувшійся въ Миланъ, посиѣпно выѣхалъ. Затѣмъ, уже направляясь къ двери, онъ прибавилъ, что въ театрѣ случилась ссора между капитаномъ Бароджи и интендантомъ Шапье, и что завтра будетъ дуэль.

— Изъ-за чего же это вышло? спросила донна Ада.

— Разное говорятъ: кажется, изъ-за любовныхъ дѣлъ и ревности: это всегда самое правдоподобное.

При этихъ словахъ донна Паолина, уже много дней и много ночей думавшая только объ одномъ и ставшая ко всему равнодушной, обмерла, и донна Клелиа, конечно, замѣтила бы это, если бы въ эту самую минуту дѣвушка не встала, собираясь уйти. При имени Бароджи она, какъ окаменѣлая, остановилась у двери.

— Дѣло, видите, въ томъ, продолжалъ Бруни, — что Бароджи былъ всегда съ синьорой Р**, а нынче перебѣжалъ подъ знамена графини А***; такъ, по крайней мѣрѣ, толкуютъ. Мосье Шанье ухаживалъ за графиней, разсердился и что-то сказалъ оскорбительное для Бароджи; тотъ, узнавъ это, прибѣжалъ въ фойе и далъ пишка въ стулъ Шанье, который шлепнулся бы, если бы его не поддержали. Вотъ и все. Зантра одного изъ нихъ не будетъ въ живыхъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ будетъ въ постели.

Донна Паолина выбѣжала изъ комнаты, заперлась у себя, бросилась на постель, уткнула голову въ подушки и залилась слезами.

Черезъ часъ мать зашла къ ней.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Отчего ты убѣжала не простая?

Донна Паолина притворилась просыпающеюся и отвѣчала:

— Миѣ очень захотѣлось спать; она обняла мать и крѣпко поцѣловала ее.

Ада отдала ей поцѣлуй, не подозрѣвая ея рѣшимости, и ушла, пожелавъ ей покойной ночи.

Въ душѣ дѣвушки была страшная буря. Извѣстiе о дуэли и имени Р*** и графини А*** поразили ее. Съ одной стороны, ее мучилъ страхъ за жизнь Бароджи, съ другой — терзала мысль, что этотъ человекъ — негодяй, желавшій только обмануть ее. Страхъ потерять его въ дуэли и страхъ лишиться его, какъ обманщика, который, чего добраго, воспользуется этой дуэлью, если останется живъ. чтобы уѣхать, нарушить всѣ свои клятвы и обѣщанiя — одинаково волновали ее. Вся ея пылая, раздражительная натура трепетала отъ этихъ двухъ мыслей, всѣ фибры были возбуждены. Въ этомъ волненiи у нея была одна мысль, инстинктивная, преобладающая — мысль о необходимости сейчасъ же увидѣться съ Бароджи, переговорить съ нимъ и изъ этого разговора узнать всю истину о немъ. Бѣжать, бѣжать къ нему, во чтобы то ни стало! — вотъ что она думала, на что рѣшилась. Любовь къ родительскому дому была

въ ней недостаточно сильна, чтобы остановить ее. Она почти не жила въ пемъ, потому что скандалы, учиняемые ею отцомъ дома, принудили ее мать рано отдать ее на воспитаніе въ пансіонъ, а когда графъ исчезъ, воспитаніе, начатое внѣ дома, пришлось и продолжать тамъ.

Она выждала, когда въ домѣ все успокоилось; тогда она сошла въ салонъ нижняго этажа и потихоньку открыла балконную дверь въ садъ.

Она прошла по саду и заглянула въ каналъ посмотреть, спущена ли вода; вода стояла низко. Она обвела взглядомъ сосѣдніе дома и сады, чтобы убѣдиться, что все въ нихъ тихо и спокойно, и что никто не бодрствуетъ въ нихъ, кто могъ бы замѣтить ея побѣгъ. Тогда она взяла садовничью лѣстницу и опустила ее однимъ концомъ на дно канала. Затѣмъ она вернулась въ свою комнату.

Тамъ она съ лихорадочной торопливостью надѣла лосиные штаны, сапоги, мундиръ, ооясалась саблей, покрыла голову каской, взяла двѣнадцать венеціанскихъ цехиновъ, составлявшихъ ее карманный капиталъ, и вышла. У низкой стѣны сада она остановилась въ колебаніи; это была первая и послѣдняя минута нерѣшимости. Проворно перелѣзла она черезъ ограду, выбрала въ каналѣ мѣсто посуше и перебралась черезъ него, волоча за собой лѣстницу; подошла къ берегу, она снова поставила ее, выбралась изъ канала и побѣжала по улицѣ къ новымъ воротамъ, отсюда она въ мигъ очутилась на площади замка. Она знала, что Бароджи живетъ въ замкѣ. Въ то время онъ еще не былъ обращенъ въ казарму, какъ теперь, былъ окруженъ укрѣпленіями и представлялъ обычную звѣздную форму цитадели. Хотя гражданамъ былъ воспрещенъ входъ безъ особаго позволенія военнаго начальства или безъ сопровожденія кого нибудь изъ квартировавшихъ въ замкѣ офицеровъ, но этотъ приказъ соблюдался не строго, потому что былъ неудобенъ для офицеровъ, къ которымъ часто ходили разные гости. Довна же Наолина была пропущена безъ всякаго затрудненія часовыми, благодаря своему военному мундиру. Но далѣе ей еще предстояло пройти черезъ гауптвахту и подвергнуться осмотру дежурнаго сержанта. Въ критическихъ положеніяхъ людьми овладѣваетъ отчаянная рѣшимость, придающая имъ непоколебимую смѣлость. Дѣвушка смѣло подошла къ сержанту и по французски спросила капитана Бароджи. Онъ всталъ, поднесъ къ ея лицу фонарь, пристально

посмотрѣлъ на нее и, хотя въ войскѣ было много молодыхъ безбородыхъ и женоподобныхъ солдатъ, по онъ былъ, повидимому, челоуѣкъ опытный и не обманулся. При видѣ ея необыкновенной красоты, онъ пробормоталъ про себя по итальянски:

«Вотъ такъ штука!» однако изъ уваженія къ капитану ничего больше не прибавилъ и даже любезно вызвался провѣсти молоденькаго драгуна къ капитану.

Войдя на второй дворъ и подойдя подъ террасу, посѣтитель сталъ громко кликать капитана. Сначала вышелъ посмотрѣть ординарецъ, за нимъ явился на террасѣ и самъ капитанъ, еще совершенно одѣтый, и спросилъ:

— Кто тутъ?

— Я гражданинъ С***, отвѣчала донна Паолина.—Пожалуйста выходите поскорѣе.

Бароджи вздрогнулъ. Какъ ни былъ онъ далекъ отъ мысли о подобномъ посѣщеніи, но узнавъ голосъ и бѣгомъ спустился во дворъ. Онъ трепеталъ, какъ листъ, и едва могъ выговорить приказаніе ординарцу и сержанту идти прочь по своимъ дѣламъ.

Разговоръ между ними былъ отрывистый и короткій, и на первыхъ порахъ дѣвушка встрѣтила своего возлюбленнаго очень жестоко. По его слова и увѣренія скоро заставили ее расплакаться. Она бросилась ему на шею, обняла его и склонила свою головку на его грудь. Подъ сводомъ стараго замка ихъ грунна казалась воспроизведеніемъ фантастической сцены изъ среднихъ вѣковъ.

Царствовала глубокая ночная тишина. Молодые люди не нарушали ее, погруженные въ невнятное чувство ожиданія неизвѣстнаго будущаго.

Наконецъ Бароджи взглянулъ на небо и провелъ рукой по лбу.

— Что же теперь дѣлать? сказалъ онъ.—На зарѣ я дерусь, а ты?

— Я подожду здѣсь поблизости, отвѣчала дѣвушка;—если ты умрешь, я умру, если будешь раненъ, буду ухаживать за тобой. Такова моя судьба, и я принимаю ее.

Она вполнѣ овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ себя безвозвратно преданнымъ ей и, цѣломудренно подѣловалъ ее, сказалъ:

— Нѣтъ, я не умру, этого быть не можетъ, ты мой ангелъ хранитель, и я за себя увѣренъ. Но, скажи мнѣ, нѣтъ ли кого нибудь, какой нибудь доброй женщины, какого нибудь честнаго и

умнаго челоѣвка, который имѣлъ бы авторитетъ въ твоёмъ семействѣ, съ которымъ совѣтовались бы, котораго слушались бы, къ которому твоя мать имѣла бы довѣріе?

При имени матери, дѣвушка почувствовала горячую скорбь.

— Бѣдная мать! воскликнула она.

Она помолчала въ глубокой горести.

— Что ты говорилъ? сказала она, опомнившись:— у насъ много друзей, ты зачѣмъ спрашивалъ?

— Надо найти когонибудь, кто помогъ бы намъ.

-- Какъ?

— Ужъ это я знаю.

Донна Паолина назвала нѣсколько челоѣвкъ, между прочимъ донну Гаэттану Аньезе, графиню дель Грилло, душессу дель Сесто, адвоката Стриджели и наконецъ Джокондо Бруни; она прибавила, что послѣдній живетъ въ улицѣ Синга въ трехъ домахъ отъ нихъ.

Тогда Бароджи спросилъ:

— Послушай, моя радость, ты вѣдь у меня храбрая?

— Ты видѣлъ.

— Хватитъ у тебя духу побыть одной до моего возвращенія?

Донна Паолина подозрительно посмотрѣла на него.

— Пенадолго... Тенерь четыре... Я схожу къ этому другу твоего семейства. Ты говоришь, что ему можно довѣриться; я все скажу ему; онъ намъ поможетъ. Будемъ надѣяться; можетъ быть, твой отчаянный поступокъ внушенъ тебѣ Богомъ.

Онъ предложилъ ей войти къ нему въ комнату, но она отказалась, сказавъ, что предпочитаетъ дожидаться на дворѣ, чѣмъ заперти. Онъ позвалъ ординарца.

— Послушай, товарищъ, сказалъ онъ ему:— я иду и сейчасъ вернусь. А ты пока не оставляй моего пріятели. Если прійдетъ какойнибудь офицеръ, станетъ спрашивать, приставать, понимашь? Ты скажи, что за него отвѣчаетъ капитанъ Бароджи; этого довольно.

Капитанъ послѣшно вошелъ къ себѣ, надѣлъ каску и саблю, крѣпко пожалъ руку дѣвухѣ, выразительно подмигнулъ ординарцу и ушелъ.

Донна Паолина неподвижно стояла, прислушиваясь къ замывшему вдали бряцанію его сабли и шпоръ.

VII.

Мирный сонъ добраго Джиконда Бруни былъ нарушенъ сильными ударами молотка въ дверь. Вставъ съ постели и взглянувъ въ окошко, онъ увидѣлъ у своей двери офицера, разговаривающаго съ привратникомъ и поминнающаго его имя. «Кто тамъ? Кто меня спрашиваетъ?» крикнулъ онъ. Офицеръ, раскисавшій въ извещеніяхъ, просилъ позволенія войти переговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Бруни велѣлъ привратнику впустить его, набросилъ халатъ и пошелъ отворить дверь. Драгунъ вошелъ и прямо сказалъ:

— Миѣ пужно поговорить съ вами по секрету и какъ можно скорѣе.

Бруни провелъ его къ себѣ въ спальню и предложилъ объясниться. Бароджи разсказалъ ему свою исторію съ донной Паслиной.

Бруни остолбенѣлъ:

— Итакъ, капитанъ, сказалъ онъ, — вы просите моего содѣйствія и совѣта? Но я могу сдѣлать только одно: сейчасъ отправиться за дѣвушкой и отвести ее къ родителямъ.

— Это невозможно. Съ ней не сладите, а отъ принужденія она способна броситься изъ окна.

— Да вы знаете ли, какой опасности...

— Я все знаю, но объ этомъ говорить бесполезно. Клянусь вамъ, что я не присовѣтовалъ бы ей этого поступка. Но дѣло сдѣлано; возврата нѣтъ.

— Какъ же быть?

— Вотъ вы и посовѣтуйте. Вы другъ дома. Я солдатъ, я бѣденъ, у меня за душой нѣтъ ничего, кромѣ жалованья, происхожденіе мое простое, я сынъ таможеннаго; поэтому я считаю бесполезнымъ обращаться къ роднымъ дѣвушки за согласіемъ ихъ на бракъ. Вы вѣроятно сами находите, что это немислимо.

— Да, отвѣчалъ Бруни, пожимая плечами, — прежде надо бы переимѣнить всѣ людскія понятія.

Только тутъ Бруни спохватился спросить имя офицера. Услыхавъ это имя, онъ былъ еще болѣе пораженъ. Оба нѣкоторое время молчали. Прошло пять. Бароджи ударилъ рукой по каскѣ: — Ждать некогда; черезъ часъ меня ожидаютъ на дуэль. Бруни припомнилъ, что самъ же вчера сообщилъ эту новость графинѣ Адѣ.

— Такъ какъ же? продолжалъ капитанъ — мнѣ нельзя дольше оставаться у васъ.

Въ это время неожиданно вошелъ въ комнату, привлеченный шумомъ въ такое необыкновенное время, восьмидесятилѣтній отецъ Джокондо. Бароджи встревоженно посмотрѣлъ на него, но Бруни успокоилъ его, сказавъ:— не тревожьтесь; это мой отецъ. Хорошо, что онъ пришелъ. Онъ можетъ сдѣлать то, чего никто не сдѣлаетъ.

И онъ сейчасъ же передалъ отцу въ краткихъ словахъ все случившееся.

Старикъ выслушалъ съ удивленіемъ и задумался.

— Пора бы, разсуждалъ онъ какъ будто про себя, перестать требовать для гражданскихъ дочерей непременно мужей съ титулами. Если мы не отстали еще отъ этого, то къ чему было дѣлать всю эту революціонную кутерьму? Вѣдь титулы отмѣнены. Законъ ясенъ. Молодому человѣку, въ 24 года командующему эскадрономъ драгунъ, гербы не нужны. Деньги не мѣшали бы, а короны теперь стали рхлядью. Любезный капитанъ, я знаю вашего отца; несчастнѣйшій былъ человѣкъ; можетъ быть, судьба хочетъ вознаградить за то сына. Надо надѣяться. Я поговорю.

И, обратившись къ сыну, онъ прибавилъ:— слушай Джокондо, ступай съ капитаномъ къ дѣвушкѣ и побудь съ ней до окончанія этой исторіи съ дуэлью. А потомъ увидимъ.

— Но, возразилъ младшій Бруни, не мѣшало бы пойти тотчасъ къ графинѣ Адѣ, предупредить ее и ея мать, сказать имъ что дѣвушка отыскана, прежде чѣмъ онѣ узнали о ея побѣгѣ. Теперь тамъ все спятъ, никто не замѣтилъ ея исчезновенія.

Старикъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Я знаю графиню Клелию и ея дочь; хорошія барыни. Но... родились барынями, и первородный грѣхъ этотъ чувствуется. Лучше пропаять ихъ горемъ, чѣмъ доводами. Пусть поищутъ; когда не найдутъ, материнская любовь заглушитъ все прочія чувства, и тогда доводы покажутся гласомъ провидѣнія, а иначе вмѣсто благодарности получишь только упреки. Такіе предразсудки, какъ нѣкоторыя душевныя болѣзни, вылечиваются только сильными потрясеніями. Ступайте; я ужъ устрою, не даромъ восемьдесятъ три года живу на свѣтѣ.

Капитанъ съ Джокондо ушли.

Мы не будем описывать прощанія капитана съ дѣвушкой передъ дуэлью, самой дуэли, которая прошла обыкновеннымъ образомъ, и радости дѣвушки, когда ея возлюбленный возвратился здравъ и невредимъ, тяжело рапивъ своего противника: мы последуемъ лучше за старикомъ Бруни въ домъ графини С***.

Въ дверяхъ дома онъ встрѣтилъ блѣднаго и растрепаннаго слугу, который бѣжалъ за его сыномъ по порученію графини. Изъ этого Бруни заключилъ, что ей и ея матери уже извѣстенъ побѣгъ донны Паоллины. И дѣйствительно, онъ засталъ мать и бабушку въ ужасномъ отчаяніи.

— Я все знаю, сказали старикъ, увидѣвъ ихъ, и знаю даже больше, чѣмъ вы. Мой сынъ при ней, и она сегодня же можетъ обвѣнчаться.

Ему показалось, что горе уже настолько подѣйствовало на мать и дочь, что онъ можетъ отступиться отъ печальной обязанности хирурга вертѣть желѣзо въ ранѣ для блага пациента; онъ любилъ и уважалъ донну Клелію и чувствовалъ симпатію къ ея дочери; онъ рассчитывалъ притомъ, что онъ довольно настрадался въ жизни, чтобы въ виду новой скорби держаться слѣпо за отжившіе предразсудки.

— Не огорчайтесь, сказали онъ: ничего дурнаго не случилось; вы можете увидѣться съ дочерью хоть сейчасъ.

— Но кто же посмѣлъ?..

— Эхъ, никто ничего не смѣлъ! Она сама добровольно ушла изъ дому. Не совѣтую вамъ однако встрѣчать ее бранью. Не знаю, замѣтили ли вы, что происходило въ послѣднее время въ ея душѣ; впрочемъ и не замѣчая ничего, можно было предполагать. Въ лѣтахъ вашей дочери, у здоровой, нормальной дѣвушки, сердце не можетъ молчать; холодность признакъ порчи. Боже сохрани насъ отъ молодежи, похожей на старчество. Всѣ эти матери игуменьи, которыхъ тайны теперь раскрываются и подъ управленіемъ которыхъ въ монастыряхъ замуравливали живьемъ дѣвушекъ, всѣ эти безчеловѣчныя ханжи были вѣрно холодны съ молодю. Ваша дочь славная дѣвушка. Она любитъ искренно, слушается только сердца, и въ ея молодомъ умѣ нѣтъ мѣста холоднымъ расчетамъ.

Когда человѣкъ, пораженный бѣдствомъ непонятнымъ и неизвѣстнымъ, узнаетъ подробности дѣла, это какъ будто облегчаетъ и успокоиваетъ его, и за отчаяніемъ слѣдуетъ тихое и обдуман-

ное горе. Такая перемена совершилась и въ сердцахъ донны Кле-
ліи и графини Ады.

Графиня спросила Бруни, кто виновникъ постигшаго ихъ не-
счастія.

— Это сынъ несчастнѣйшаго человѣка, умершаго прежде, чѣмъ
судьба успѣла оказать ему справедливость, отвѣчалъ старикъ:— да,
графиня, когда вы узнаете его имя, то можете быть, скажете, что
это дѣло провидѣнія.

— Кто же это такой?

— Сынъ Бароджи.

— Бароджи! воскликнула Ада съ выраженіемъ презрѣнія и
отвращенія.

— Ну, плохо! подумалъ Бруни.

— Да, Бароджи, таможеннаго, сказалъ онъ:— Бароджи, который
былъ нищъ, какъ Іовъ. Но ни ему, ни сыну его не приходится
стыдиться этого. Сынъ его—храбрый и честный воинъ. Въ 24 года
онъ уже драгунскій капитанъ. Скоро, можетъ быть, будетъ полков-
никомъ и генераломъ. Въ наши времена, и я радъ, что дожилъ
до нихъ, военное поприще самое честное и полезное. Вспомните,
графиня, кто вашъ мужъ? Лучшій день въ его жизни былъ тотъ,
когда онъ прикрылъ званіемъ солдата свой графскій титулъ.

Донна Ада вздрогнула отъ этихъ словъ, но промолчала.

Тогда вступилась графиня Клелія.

— Вы упомянули о графѣ, любезный Лоренцо, сказала она:—
онъ то и есть главное препятствіе къ тому, что вы предлагаете.
Вы не хуже меня и этой бѣдняжки знаете характеръ этого чело-
вѣка. Если онъ узнаетъ о подобномъ бракѣ—Боже! Онъ нагрянетъ
сюда изъ Парижа или съ Рейна и разразитъ насъ всѣхъ. Моя
дочь довольно настрадалась. Вѣдь вамъ все извѣстно.

Вдругъ стукъ подъѣзжающаго экипажа послышался подъ окнами.
Всѣ вскочили и подбѣжали къ нимъ.

Послѣ благополучнаго исхода дуэли, когда донна Паолина пе-
рестала бояться за позлюбленнаго, чувства ея поуспокоились, и
тутъ въ ней проснулася мысль о бѣдной такъ жестоко покинутой
матери. Когда Джакондо Бруни подалъ ей мысль о возвращеніи
домой, она ухватилась за нее также горячо, какъ прежде за мысль
бѣжать изъ дому, и рѣшительно потребовала, чтобы ее везли къ
матери. Притомъ надо замѣтить, что Бруни выразилъ совершенную

увѣренность, что бракъ ея съ Бароджи состоится, и прибавилъ, что отецъ его уже отправился къ графинѣ Адѣ переговорить объ этомъ. Такимъ образомъ, она отправилась въ родительскій домъ въ сопровожденіи Бароджи и Бруни. Подѣзжая къ нему, Бруни посоветовала капитану подождать результата совѣщанія у него на квартирѣ, и совѣтъ этотъ былъ принятъ. Донна Паолина посиѣшно выпрыгнула изъ кареты и стремглавъ помчалась по лѣстницѣ, такъ что Джаковдо едва могъ слѣдовать за ней.

Какъ бомба, ворвалась она въ залу и упала въ объятія матери, опрокинувъ ее въ кресло. Никто не заговаривалъ первый. Дѣвушка плакала; мать цѣловала и ласкала ее, также заливаясь слезами. Только старикъ Бруни шопотомъ спросилъ сына, гдѣ Бароджи и, узнавъ, что онъ у нихъ дожидается, сказалъ: «Ступай, сейчасъ приведи его; тотчасъ все и уладимъ, воспользовавшись минутой». Джаковдо вышелъ и вкорѣ вернулся съ капитаномъ.

Услышавъ въ передней званіе его шноръ, Лоренцо Бруни сказалъ графинѣ Клеліи:—вотъ капитанъ Бароджи, я послалъ за нимъ; пріймите его, какъ вамъ внушитъ ваша разумная доброта. И съ этими словами онъ пошелъ на встрѣчу молодому человѣку и взялъ его за руку. Донна Паолина, услышала его шаги, обернулась и весело улыбнулась сквозь слезы. Графиня Клелія, не смотря на свою ученость, свои несчастія, опыты жизни, не смотря на благороднѣйшія и безкорыстнѣйшія привязанности своего прошлаго, смотрѣла неодобрительнымъ окомъ на подобное нарушеніе аристократическихъ предразсудковъ. Но донна Ада, вся растроганная отъ свиданія съ дочерью, произнесла уже дрожащимъ голосомъ.

— Ну, пусть будетъ такъ; видно, судьба!

Старуха строго взглянула на нее, но промолчала.

— Вотъ и прекрасно, сказалъ старій Лоренцо, а обо всемъ прочемъ мы съ сыномъ похлопочемъ. По счастью, опека съ вашего мужа не снята, и онъ не имѣетъ ни права, ни обязанности отказывать въ своемъ согласіи, или давать его. По новому закону, бракъ есть гражданскій договоръ, и надо заключить его поскорѣе и безъ лишннихъ церемоній, пока капитанъ не уѣхалъ къ арміи.

Никто не возражалъ, и капитанъ ушелъ вполне счастливый. Сама старая графиня расчувствовалась и нѣжно поцѣловала внучку, когда она подѣзжала къ ней и обняла ее. Въ это время донна Ада, провожая Бруни, говорила ему:

— Я исполнила желаніе дочери и надѣюсь, что это дастъ ей счастье. Но, признаюсь вамъ, боюсь бѣды. Все что вы знаете и что слышали, не даетъ вамъ настоящаго понятія объ ея отцѣ. Когда я подумаю, что будетъ, если онъ узнаетъ объ этомъ бракѣ, меня беретъ содраганіе. Согласія на него онъ ни за что не дастъ, если бы изъ деликатности мы обратились къ нему. Одно меня утѣшаетъ— это мысль, что я исполняю долгъ матери, жертвуя собой для счастья дочери; чтобы меня ня постигло, я должна перенести все для нея, для того, чтобы спасти ее отъ гибели, которая ожидала бы ее, если бы я воспротивилась ея желанію. Не знаю, прибавила она, помолчавъ, когда копчаются наконецъ тревоженія моей жизни; бѣда за бѣдой, вы друзья, знаете мою жизнь; вамъ рассказывать нечего....

И пожавъ руки отцу и сыну, она отпустила ихъ грустными и полными опасеній за будущее.

VIII.

Но мы знаемъ только одну часть жизни донны Ади. Чтобы узнать всю ее, намъ необходимо подробнѣе познакомиться съ личностью ея мужа, графа С***.

Мы видѣли первое свиданіе графини Ади съ маркизомъ Ф*** въ ночь на Петровъ день 1766, когда она припяла его за Суарди. Черезъ три года она была невестой маркиза. Это была одна изъ первыхъ миланскихъ повостей, которую тогда узналъ Джакондо Бруни, только что возвратившійся въ Миланъ изъ заграничной поѣздки съ отцомъ. Въ то время онъ былъ еще мальчикъ, но уже настолько зналъ графиню Клелию и донну Паолу, по рассказамъ матери и отца, что весьма удивился, узнавъ что донну Аду выдаютъ замужъ насильно. Явившись къ доннѣ Паолѣ, онъ заговорилъ объ этой свадьбѣ. Она подтвердила это извѣстіе, но съ очевиднымъ неудовольствіемъ и поспѣшила переменить разговоръ. Потомъ уже отецъ его объяснилъ ему, что лордъ Вилямъ Краль влюбленъ въ дѣвушку, но она не любитъ его, и что поэтому донна Паола, въ виду представившейся выгодной партіи, желаетъ, чтобы бракъ этотъ

поскорѣ состоялся: она надѣялась, что окончательная утрата всякой надежды и время вылечать ее сына отъ несчастно страсти. Маркизь Ф*** былъ блестящей партіей; онъ былъ еще не старъ, знатенъ, страшно богатъ, красивъ собою. Притомъ надо было стараться истребить въ сердцѣ дѣвушки ее роковую страсть къ Суарди, которая, не взирая на все, казалась неизлечимою. Сама по себѣ Донна Паола думала иначе и говорила Лоренцо Вруни.

Будь Ада моя дочь или имѣй я возможность располагать ею по своему усмотрѣнію, я не посмотрѣла бы на людскіе толки, поступила бы по желанію дѣвушки и согласилась бы на ее бракъ съ Суарди, потому что, по моему, въ этомъ дѣлѣ она одна судья. Я даже убѣждена, что бракъ этотъ произвелъ бы въ немъ полный нравственный переворотъ, теперь же я постоянно опасаясь съ его стороны какого нибудь отчаяннаго поступка во вредъ дѣвушкѣ и доннѣ Клеини. Между нами будь сказано, по моему убѣжденію, маркизь гораздо безнравственнѣе Суарди, и Ада не будетъ съ нимъ счастлива. Но свѣтъ судить иначе: маркизь знатенъ, у него двадцать милліоновъ, и за это ему прощаютъ все его развратное прошлое, какъ скоро онъ выказываетъ желаніе прикрыть его торжественнымъ бракомъ.

Надо сказать тутъ, что Суарди, не смотря на свое богатство, высидѣлъ восемь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ по дѣлу о похищеніи дѣвушекъ. И публика, и судьи весьма желали, чтобы на этотъ разъ лиса не вывернулась изъ канкана. Но лиса оказалась хитрѣе даже, чѣмъ ее считали, и обстоятельства также не мало помогли ей. Бароджи былъ невиннымъ сообщникомъ Суарди; но невинность его, очевидная для адвоката и для всякаго посторонняго суду зрителя, не принималась въ расчетъ судомъ капитана юстиціи. Сообщничество было явно, и доказательство виновности Суарди влекло за собой установленіе виновности Бароджи. Адвокатъ Стриджели, во чтобы то ни стало желавшій выгородить послѣдняго, очутился въ затруднительномъ положеніи. Тутъ на счастье Суарди, на седьмомъ мѣсяцѣ заключенія умерла мать Бароджи, которая по своей простотѣ могла бы въ судѣ дать показанія пагубныя и для него, и для ее сына. Черезъ мѣсяць послѣ ее смерти обвиненный былъ освобожденъ по недостатку уликъ.

Освобожденіе это было бы однако все таки нестижимо, если бы мы не знали, что въ то время правосудіе, какъ и все прочее,

паходилось въ австрійской монархіи исключительно въ рукахъ князя Кауница, а въ миланскомъ герцогствѣ—въ рукахъ намѣстника графа Фирміана. Оба эти государственные челоѣка прославлены историками. Но о Кауницѣ мы знаемъ, что это былъ первый взяточникъ, до того безстыдный, что собственноручно писалъ главному ломбардскому откупщику графу Греппи благодарственныя письма, въ которыхъ цинично говорилъ, что «противъ вашихъ аргументовъ устоять нельзя». Графъ Фирміанъ, снискавшій себѣ популярность меценатствомъ и любезностями къ Парипи, былъ челоѣкъ невѣжественный, надменный, недовѣрчивый, злой, развратный и безсовѣстный—кажется довольно. При томъ, при немъ состоялъ въ званіи частнаго секретаря его бывшій цирюльникъ, тридцатилѣтній, по имени Дилетти, жалкое подобіе цирюльника Лудовика XI, который и былъ собственно главнымъ управителемъ Ломбардіи и Милана. Все это читатель можетъ найти въ посмертныхъ сочиненіяхъ Пьетро Верри.

Всѣмъ было извѣстно, что по ходатайству Дилетти Суарди было разрѣшено въ тюрьмѣ свиданіе съ своимъ главноуправляющимъ Роспати, который объяснилъ ему необходимость дать Дилетти крупную взятку и получилъ на это разрѣшеніе, извѣстно было даже, что заключено было четыре тысячи венеціанскихъ цехиновъ. Въ тотъ же день сенатскимъ декретомъ Суарди былъ признанъ виновнымъ; всѣ знали, что декретъ былъ изданъ по нарочитому приказанію графа Фирміана, и всѣ вопили, что Суарди откупился взяткой, данной Дилетти, но это не измѣнило дѣла. Впрочемъ, подобныя обороты не помѣшали графу Фирміану оставить при смерти на милліонъ миланскихъ лиръ долга и повергнуть этимъ въ нищету множество бѣдныхъ семействъ, дававшихъ ему взаймы мелочныя суммы черезъ посредство плута Дилетти, который конечно умылъ руки.

Выйдя изъ тюрьмы, Суарди прежде всего посвѣщилъ возстановить свою популярность щедрими пожертвованіями на бѣдныхъ, имѣвшихъ особенное значеніе при господствовавшей тогда дороговизнѣ и имѣлъ дерзость явиться, какъ ни въ чемъ не бывало, къ доннѣ Паолѣ снова свататься за донну Аду. Въ домъ ея родителей, уже посѣщаемый маркизомъ Ф***, онъ однако не посмѣлъ явиться. Впрочемъ графская прислуга рассказывала, что онъ являлся къ маркизу, что между ними вышелъ ужаснѣйшій скандалъ и что

дѣло кончилось изгнаніемъ Суарди. Донна Паола однако не говорила ничего объ этомъ даже своему другу Лоренцо Бруни.

Лоренцо видѣлъ однако, что дѣло не ладно и притомъ несправедливо всѣми силами души маркиза Ф^{***}. Посѣщая домъ донны Паолы, онъ встрѣчалъ тамъ донну Клелію съ дочерью. Она была всегда любезна съ нимъ. Улучивъ однажды минуту, когда остался наединѣ съ Адой, онъ спросилъ ее, неужели она охотно идетъ замужъ. Она отвѣчала, что исполняетъ желаніе матери и только. На это онъ сказалъ ей, что тутъ идетъ дѣло о счастіи всей ея жизни и что никто, даже мать, неимѣетъ права вмѣшиваться; онъ выразилъ также удивленіе, что она не совѣтуется съ донной Паолой, которая кажется не раздѣляетъ мнѣнія ея матери. Въ это время вошла графиня Клелія и спросила, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь. Лоренцо откровенно сказалъ ей, прибавивъ, что съ ея стороны, ни на что не похоже жертвовать дочерью. Графиня была поражена этими словами до того, что не нашла ничего отвѣтить, тѣмъ не менѣе нѣсколько дней спустя свадьба была окончательно назначена на 7 іюля 1770.

Маркизь въ это время дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы задобрить дѣвушку, онъ разсыпался въ любезностяхъ, и, надо сказать, что онъ былъ на это мастеръ и всю свою жизнь посвятилъ на изученіе способовъ снискивать расположеніе женщинъ; къ тому жѣ онъ дѣлалъ нескѣтъ почти царскіе подарки. Донна Ада казалась совершенно примирившейся съ своей участью, была весела и беззаботна. Видя это, Лоренцо Бруни, не смотря на свою антипатію къ маркизу, пересталъ высказывать порицаніе предстоящей свадьбѣ. Все радовалось и заранѣе веселилось. До свадьбы осталось три дня, когда однажды вечеромъ Бруни съ сыномъ пришли къ доннѣ Паолѣ. Едва войдя въ салонъ, молодой Бруни шепнулъ на ухо отцу: что тутъ могло случиться? Лоренцо ничего не отвѣчалъ, но также замѣтилъ, съ перваго взгляда, что нѣчто случилось. Въ салонѣ кромѣ хозяйки была графиня Клелія съ дочерью, маркизь, адвокатъ Стрижели, словомъ, всѣ, кому полагалось быть; всѣ разговаривали спокойно и даже съ веселыми улыбками. Для обыкновеннаго посѣтителя все казалось обстоящимъ благополучно. Но Бруни слишкомъ хорошо зналъ всѣхъ этихъ людей, чтобы не замѣтить что всѣ они не въ нормальномъ состояніи. Маркизь болталъ и улыбался, но и то, и другое видимо припущенно, онъ не могъ

скрыть озабоченности и беспокойства. Дамы были тоже не въ своей тарелкѣ. При входѣ Бруни, адвокатъ Стрижели тотчасъ всталъ, извиняясь сѣшными дѣлами и, выходя, бросилъ на Лоренцо многозначительный взглядъ, какъ бы приглашая его слѣдовать за со-
й. Лоренцо немедленно послѣдовалъ за нимъ и на приглашеніе озяйки остаться, сказалъ, что сейчасъ вернется.

Когда они вышли на улицу, адвокатъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, догадались, что есть новости?

— Да, что-то странное; что же такое?

— Не знаю, но можно думать, что маркизу являлся чортъ.

— Какъ такъ?

— Онъ ничего не говоритъ, но тѣмъ болѣе я ума не приложу что съ нимъ сдѣлалось?

— А что?

— Право, не знаю, только догадываюсь.

— Что же такое?

— Я думаю, что Суарди принужнулъ его чѣмъ нибудь, чтобы онъ не жепился.

— Едва ли Суарди рѣшился на угрозы, которыя опять приведутъ его къ капитану юстиціи.

— Суарди въ страсти, которая все еще обурѣваетъ его и въ ярости за то, что былъ выгнанъ лакеями маркиза. можетъ быть самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

— Нѣтъ, не думаю.

Тутъ, онъ задумался и, помолчавъ, сказалъ:

— Если то, что вы думаете—правда, то надо вспомнить прош-
лое. Надо вернуться къ 50 году. Да, если такъ, то я готовъ дер-
жать какое угодно пари, что я правъ.

— Я васъ не понимаю; о чемъ вы говорите?

— Вотъ что: я былъ всегда убѣжденъ, что покойный дядя мар-
киза назначилъ своимъ наследникомъ сына Бароджи. Я былъ убѣж-
денъ, что при смерти его, завѣщаніе его лежало у него въ бюро.
Я увѣренъ, что Суарди укралъ его, и я не сомнѣваюсь, что оно
еще существуетъ.

Адвокатъ былъ не мало пораженъ этимъ соображеніемъ, но въ
этотъ день о немъ не было больше разговора.

На другой день въ домѣ Шьетра все пришло въ обычный по-
рядокъ. Слѣдующіе два дня прошли въ приготовленіяхъ и приемѣ

гостей. Посаженой матерью невесты была доцца Вальказаль де Кардова маркиза де Лосъ Бальбадесъ, герцогиня де Сесто; она безпрестанно бывала въ домъ, равно какъ и шафера, донъ Джакомо Санацари и маркизь Рекалькати Чернуски. Вся миланская знать перебивала въ эти дни у доцци Наоли. Изъ духовенства постоянными посѣтителами были приходскіе священники, донъ Джамбатиста Радаэли и донъ Феличе Температи. Аббатъ Парини также являлся, но на минуту, нахмуренный; объѣялся нѣсколькими словами съ доццою Наолой, раскланялся съ графиней и ея дочерью, и уводилъ. Настала вечеръ торжественнаго дня. Церемонія была назначена въ два часа въ церкви Санта-Марія алля Порта. Приглашенныхъ было великое множество, въ томъ числѣ и Лоренцо Бруни съ сыномъ.

Цѣлая толпа стояла у воротъ дома Пьетра, чтобы взглянуть на невесту, знаменитую красотой и приключеніями; другая толпа дожидалась передъ церковью. Около двухъ часовъ вечера церковь была уже полна приглашенными, когда раздался стукъ экипажей, и подѣхалъ свадебный поѣздъ. Городская стража удерживала давку толпы; какъ только невеста и сопровождавшіе ее вышли изъ каретъ и вошли въ церковь, всѣ церковныя двери закрылись; осталась только отпертой боковая дверь, выходившая въ переулокъ; у нея былъ поставленъ на стражѣ слуга священника, облачившійся ради такой торжественной оказіи въ рясу и бѣлую кисейную рубашку. Ему было приказано впускать только лица, представляющія пригласительные билеты отъ имени маркиза.

Всѣ въ церкви были въ ожиданіи. Женихъ и невеста съ шаферами и герцогиней де Сесто вошли уже въ сакрестію, какъ вдругъ у боковой двери послышался шумъ какъ бы спора между привратникомъ въ бѣлой рубашкѣ и какимъ-то человѣкомъ, желавшимъ войти. Всѣ взоры обратились туда и въ ту же минуту увидѣли синьора Суарди, который на глазахъ всѣхъ закатилъ звучную оплеуху привратнику, такъ что тотъ сѣлъ на лавочку. Среди общаго изумленія, Суарди прошелъ черезъ церковь и вошелъ въ сакрестію. Прошло около четверти часа. Наконецъ служители зажгли на главномъ алтарѣ свѣчи; священникъ Радаэли приступилъ къ нему. Контессина Ада вышла изъ сакрестіи подъ руку съ посаженой матерью и стала на колѣни на приготовленную для нея передъ алтаремъ подушку. Въ то же время, другой священникъ, донъ-

Феличе-Температи, приглашалъ жениха преклонить колѣна на другой подушкѣ, рядомъ съ нею. Въ толпѣ лицъ, вышедшихъ изъ сакристїи слѣдомъ за женихомъ и невѣстой, былъ и Суарди. Всѣ смотрѣли на него подъ впечатлѣніемъ сцены съ привратникомъ, а онъ не спускалъ глазъ съ маркиза.

Маркизь готовился преклонить колѣни, но вдругъ отошелъ и что-то шепнулъ одному изъ церковныхъ служителей. Тотъ пошептался съ священникомъ, который спустился съ алтаря и вмѣстѣ съ маркизомъ ушелъ въ сакристїю. Велѣдъ за тѣмъ туда же позвали шаферовъ; одинъ изъ нихъ вскорѣ вышелъ и поговорилъ съ герцогиней де Сесто, и она съ невѣстой тотчасъ тоже ушли. Наконецъ вышелъ священникъ Редаэли и, обратившись къ публикѣ, сказалъ:

— Сегодня свадьба отложена; вы можете идти.

При этихъ словахъ Суарди, все время стоявшій непоколебимо, тронулся съ мѣста и вышелъ.

Можно себѣ вообразить изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ, и толки, возбужденныя этимъ, на площади передъ церковью и на улицахъ. Въ числѣ другихъ вышли и Бруни съ адвокатомъ Стриджели.

— Ну, теперь меня никто не разувѣритъ, говорилъ Лоренцо. — Только магическая сила милліоновъ могла такимъ образомъ въ одно мгновеніе расторгнуть бракъ, приготовлявшійся четыре года. Маркизь-то свое отцовское имѣніе прокутилъ; если бы ему пришлось отдать дядиню, ему оставалось бы только идти въ богадѣльню.

Стриджели качалъ головой, приговаривая:

— Быть не можетъ.

— О чемъ же, по-вашему, Суарди приходилъ говорить съ маркизомъ къ нему на домъ?

— Да вѣрно ли это?

— Люди говорятъ. И маркизь такъ разсердился, что велѣлъ его выгнать.

Какъ бы то ни было, но свадьба разстроилась. Маркизь пересталъ бывать у графини. Ада осталась въ дѣвцахъ.

Прошло лѣтъ шесть. Около 1776 г. вниманіе миланскаго общества началъ обращать на себя молодой аристократъ, графъ Акиль С***. Ему было только двадцать три года, а онъ успѣлъ уже побывать въ Америкѣ, гдѣ соперничалъ съ юношей Лафайетомъ на

полях битвъ за свободу. Но по характеру онъ не имѣлъ ничего общаго съ французскимъ героемъ, представляя странную смѣсь геройскихъ качествъ съ инстинктами злодѣя. Останувшись въ восемнадцатъ лѣтъ сиротой и обладателемъ большого состоянія, онъ со скандаломъ поссорился съ опекуномъ, графомъ Санацаро, котораго въ пылу ссоры избилъ самымъ грубымъ образомъ. Послѣ этого скандала, онъ поѣхалъ путешествовать во Францію и въ Англію, и оттуда попалъ въ Америку. Нѣкоторое время въ журналахъ писали о его подвигахъ на поляхъ сраженій, но черезъ два года въ «Шафгаузенской газетѣ» явилось описаніе ужасной ссоры, происшедшей между нимъ и однимъ американскимъ полковникомъ, ссоры, происшедшей на иврискѣ, причемъ миланскій подпоручикъ убилъ своего начальника и долженъ былъ бѣжать изъ арміи, чтобы избѣгнуть казни. Онъ вернулся въ Италію, оставивъ въ Америкѣ молодую жену, которая вскорѣ умерла.

Возвратившись двадцати двухъ лѣтъ, онъ уже не засталъ опекуна въ живыхъ; пикто изъ родственниковъ не брался за эту обузу, и самъ онъ слышать не хотѣлъ о новой опекѣ; поэтому, особымъ декретомъ сената, онъ былъ признанъ совершеннолѣтнимъ раньше законнаго срока. Онъ принялся кутить на всевозможные лады, и слухомъ о его скандалахъ наполнился не только Миланъ, но и вся Італія. Но онъ былъ замѣчательнъ не только буйствомъ и разгуломъ, но и необикновенными дарованіями; можно было подумать, что природа, въ минуту щедрости, высынала на него весь мѣшокъ своихъ даровъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ. Женщины съ ума отъ него сходили.

Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ очутился по уши въ долгахъ, всѣ имѣнія его были заложены, и онъ былъ принужденъ просить помощи у одного стараго дяди, съ которымъ былъ въ смертельной ссорѣ. Дядя остался глухъ ко всѣмъ просьбамъ, и въ одно прекрасное утро молодой человекъ очутился въ долговой тюрьмѣ. Это его нѣсколько образумило. Изъ тюрьмы онъ написалъ дядѣ такое трогательное письмо, что старикъ разжалобился, созвалъ кредиторовъ, устроилъ съ ними сдѣлку и назначилъ племяннику содержаніе, которое позволяло ему жить прилично и спокойно; онъ общалъ даже увеличить его, если будетъ доволенъ поведеніемъ племянника. И дѣйствительно, тотъ удалился въ деревню и цѣлый годъ прожилъ примѣрнымъ образомъ; когда онъ явился въ Ми-

ланъ, всѣ сожалѣли о немъ и бранили скупость дяди, принуждающаго его жить въ деревнѣ.

Наконецъ дядя, убѣдившись въ его исправленіи и желая закрѣпить его, предложилъ ему жениться, обѣщая дать ему хорошій доходъ, если онъ женится согласно съ его волей. Невѣста была уже на примѣтѣ; она была молода, хороша собой и богата. Молодой человѣкъ изъявилъ согласіе, и свадьба была отпразднована. Но, получивъ богатство, графъ опять пустился въ кутежъ, а черезъ годъ его жена умерла, какъ говорили, отъ побоевъ, нанесенныхъ ей мужемъ во время беременности. Оставшійся послѣ нея ребенокъ скоро умеръ, и графъ наследовалъ все состояніе жены, но не замедлилъ снова промотаться и запутаться въ долгахъ. Дядѣ опять пришлось выручать его, заключать сдѣлки съ кредиторами, выкупать имѣнія и такъ далѣе. Этотъ дядя былъ камергеромъ эрцгерцога Фердинанда и доставилъ графу должность офицера въ почетной гвардіи его высочества. Этихъ гвардейцевъ звали папикадилами. потому что по праздникамъ они окружали эрцгерцога въ церкви съ ногъ до головы залитые серебрянымъ питьемъ. На одномъ придворномъ балу графу случилось въ первый разъ танцевать съ Адой. Это было уже около 1780 года, и ей было под тридцать, но она была еще красавица, и графъ такъ влюбился въ нее, что тотчасъ же явился къ дядѣ съ просьбой сосватать ему ее. Дядя былъ пораженъ удивленіемъ, что его неукротимый племянникъ самъ желаетъ связать себя брачными узами, увидѣлъ въ этомъ ясный признакъ его желанія остепениться и взялся за сватовство. Ада съ своей стороны тѣмъ легче увлеклась графомъ, который былъ хорошъ собою и моложе ея, что ей уже грозило званіе старой дѣвы.

Извѣстіе о предстоящемъ бракѣ ихъ вызвало неожиданную катастрофу. Лордъ-Вильямъ Краль, жившій на виллѣ своей близъ Милана, былъ найденъ по утру мертвымъ въ своей комнатѣ, залитой своей кровью. Не было сомнѣнія, что онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, потерявъ всякую надежду жениться на Адѣ. Этотъ ударъ свелъ въ гробъ его несчастную мать. Свадьба была поэтому отложена, потому что донна Клеція не хотѣла праздновать ея до окончанія траура по своему другу.

Бракъ состоялся наконецъ въ іюнѣ 1780, но едва прошелъ медовой мѣсяць, какъ новобрачный принялся за прежнюю жизнь,

наполняя своимъ буйствомъ даже дворъ эрцгерцога, не говоря уже о семейномъ очагѣ. Дядя выѣхался, и по его стараніямъ на графа была наложена опека. Это еще болѣе раздражило его, а тутъ наконецъ подошли обстоятельства, принудившія его покинуть отечество и семейство. Вотъ въ чемъ было дѣло. Императоръ Іосифъ II припаялся по смерти матери за свои безпардонныя реформы, уничтожая, правда, старину, но вводя на ея мѣсто неслыханный прежде произволь абсолютизма. Ломбардія, которая прежде пользовалась до извѣстной степени независимостью, попала подъ общую ферулу, и можно сказать, что съ этихъ поръ началась непримиримая ненависть ломбардцевъ къ австрійскому владычеству. Въ числѣ прочаго былъ уничтоженъ миланскій сенатъ; хотя онъ былъ общимъ посмѣшищемъ и предметомъ общественнаго презрѣнія, но отъня его глубоко уязвила національное чувство миланцевъ. Обстоятельства, которыми она сопровождалась, еще болѣе усилили это раздраженіе. Когда императоръ пріѣхалъ въ Миланъ и былъ встрѣченъ въ залѣ сената президентомъ его Мотоне, облеченнымъ въ мантию и огромный парикъ, онъ взглянулъ на него и громко сказалъ: Вотъ шутъ!

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда сената, на балу у эрцгерцога нѣсколько придворныхъ разговаривали объ этомъ, превознося мудрость императора. Графъ Акиль подошелъ къ нимъ и сталъ поносить и ихъ, и мѣру императора самыми бранными словами, а когда извѣстный вижнга, графъ Меллеріо, осмѣлился отиѣтить ему, онъ схватилъ его за орденскую цѣпь и сталъ душить. Говорили, что онъ былъ пьянъ, избѣшенъ проигрышемъ, досадовалъ на новый судъ, замѣнившій сенатъ и наложившій на него опеку. Но какъ бы то ни было, поступокъ его заслужилъ симпатію большинства публики.

Какъ и слѣдовало ожидать, на другое утро полиція нагрянула въ домъ графа С***. Но его уже не было. Онъ выѣхалъ ночью и съ тѣхъ поръ не возвращался въ Миланъ. Онъ только разъ написалъ женѣ письмо изъ Парижа, прося ее поцѣловать за него маленькую Паолину, и съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху, ни духу.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

I.

Революціонныя идеи проникли въ Римъ и развились въ Римѣ не тѣмъ правильнымъ и постепеннымъ ходомъ, какъ въ Миланѣ. Въ Миланѣ онѣ постепенно распространялись въ многочисленномъ образованномъ классѣ, а изъ него входили въ массу, съ которой классъ этотъ находился въ постоянномъ умственномъ и нравственномъ общеніи. Въ Римѣ же наука, исключительно ограниченная археологіей, филологіей и вообще спеціальной эрудиціей, оставалась олигархической и не имѣла никакого вліянія на народъ. Первые французскія идеи были пущены здѣсь въ обращеніе французскими артистами, проживавшими въ Римѣ. Это была пылкая молодежь, въ которой идеи эти являлись въ самомъ крайнемъ своемъ развитіи, представляя рѣшительный контрастъ господствующему порядку клерикальнаго деспотизма, народнаго суевѣрія и невѣжества. Но не смотря на это, онѣ нашли здѣсь себѣ благопріятную почву, потому что римскій народъ, никогда не слышавшій объ энциклопедіи, Вольтерѣ и Руссо, ненавидѣлъ духовенство больше всякаго другаго народа, потому что былъ ежедневной жертвой и свидѣтелемъ его свирѣпаго деспотизма. Всякій бывавшій въ Римѣ знаетъ, какая фамильярность существуетъ тамъ между художниками и трастевринцами, вслѣдствіе чего понятія и идеи французовъ быстро переходили въ головы народа. При этомъ надо имѣть въ виду особенность этого народа, въ которомъ въ такой чистотѣ сохранилась древняя латинская кровь. Полторы тысячи лѣтъ прожилъ онъ подъ властью монаховъ и священниковъ, въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ

всего міра, въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, сохраняя языческія вѣрованія, обычаи и понятія среди всѣхъ высшихъ формъ развитія христіанскихъ догматовъ. При всей своей нищетѣ и при всемъ невѣжествѣ народъ этотъ сохранялъ память своего далекаго прошлаго и свято чтить въ себѣ имя римлянъ. Исторія древняго Рима переходила въ немъ изъ устъ въ уста двадцать вѣковъ. Тѣ, кто не слышали о существованіи Америки и не знали имени Парижа, толковали о Цезарѣ, Цицеронѣ, Катонѣ, Брутѣ, какъ о своихъ ближайшихъ родственникахъ. На всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ, кто бы они ни были, они смотрятъ съ пренебреженіемъ; этотъ сильный и крѣпкій народъ, представителемъ котораго былъ въ 48 году Чичервакіо, а въ 98 году нѣкто Камилонъ изъ Трастевера, терпѣлъ свое рабство у поновъ съ какимъ то чувствомъ безопасности, какъ будто находя, что за гибелью древняго геройскаго языческаго міра въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть достойной его гражданской жизни. За то съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ привѣтствовали онъ возрожденіе древняго міра, которое вознѣстили ему его друзья, молодежь, пламенные художники всѣхъ націй, жившіе въ Римѣ, когда въ началѣ 1798, вслѣдствіе убійства въ городѣ французскаго посла, генерала Басвиля, войска республики двинулись на Римъ подъ начальствомъ Бертье.

На третій день по вступленіи въ Римъ авангарда республиканскихъ войскъ, толпа тысячъ въ пять или шесть человекъ поднялась на зарѣ пасаждаъ на главныхъ площадяхъ города деревья свободы. Въ ней преобладали трестеверипцы и художники. Предводителемъ первыхъ былъ тогдашній Чичервакіо, Камилонъ, изъ артистовъ самымъ извѣстнымъ и пылкимъ былъ знаменитый Пипелли, еще очень молодой, но уже загребавшій золото лонатою и съ царской щедростью бросавшій его на угощеніе римлянъ.

Общимъ другомъ ихъ былъ юристъ Корона, самый блестящій представитель немногочисленной интеллигенціи римской.

Всѣ они уже въ теченіе двухъ лѣтъ съ завистью слушали рассказы о новомъ порядкѣ въ городахъ сѣверной Италіи, особенно въ Миланѣ, о свободной жизни, о новыхъ учрежденіяхъ, клубахъ, театрахъ, свободной печати, публичныхъ рѣчахъ; рассказы эти преувеличивали благодѣянія и прелести новаго положенія, такъ что когда оно съ войсками республики явилось наконецъ и въ Римъ, радость и восторгъ здѣсь были непоимѣрны.

II.

Мы последуемъ за народной толпой и остановимся съ ней на форумѣ: послушать рѣчь, которой адвокатъ Корона привѣтствовалъ воздвигнутое на площади символическое древо свободы съ его девизомъ: «Свобода, равенство, отечество, добродѣтель».

Ораторъ поднялся на разрушенную коринфскую капитель, лежавшую съ незапамятныхъ временъ между колонною Фоки и тремя колоннами Куріи, и произнесъ слѣдующее:

«Римляне, вы свободны. Древо свободы насаждено. Свобода, равенство, отечество, добродѣтель — вотъ четыре краеугольныхъ камня, на которыхъ навѣки созиждется священное зданіе нашего общаго возрожденія. Свобода заключается въ томъ, чтобы свергнуть желѣзное иго тираній и гарантировать каждому его неотъемлемыя естественныя права. Равенство — въ томъ, чтобы презирая привилегіи и титулы, уравнивать людей всѣми права и закона, не зная, не признавая иного различія, кромѣ различія между добродѣтелью и порокомъ. Добродѣтель, обожающая человѣка, — въ томъ, чтобы находить счастье лишь въ счастьи другихъ, чтобы полагать себя созданнымъ не столько для себя, сколько для отечества и для ближнихъ. Отечество наше здѣсь, въ этой странѣ, возрожденной къ новой жизни. Добродѣтель награжденная, порокъ опозоренный, заслуга признанная, тщеславіе униженное, истина раскрытая, лицемеріе обнаруженное, невинность обезпеченная, гнетъ низвергнутый, эмблемы тираніи уничтоженныя, человѣчество отпущенное, правосудіе безпристрастное, святыни древней чистоты возстановленная, воинскій духъ воскресшій — таковы плоды, общаемыя намъ нынѣ возрожденіемъ отечества. Живые жрецы, гордые патриціи, беззаконные тиранышки, коварные лицемеры, невѣжественныя шарлатаны, поймите, что отнынѣ свобода, равенство, добродѣтель и отечество служатъ основами нашего общественнаго зданія. А вы, слабыя и робкія души, узнайте корни, питающіе это символическое древо!»

Слова эти были покрыты взрывомъ рукоплесканій и криками: «Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ равенство! Вивать республика! Вивать Римъ!»

«Вивать Римъ! продолжалъ Корона, пользуясь этимъ возгла-

сомъ, чтобы, въ заключеніе своей рѣчи, перейти отъ необходимыхъ общихъ мѣстъ къ частностямъ и къ практическимъ вопросамъ:— Вивать Римъ! Да, именно! Если есть городъ, которому нынѣшняя революція особенно и исключительно выгодна, то это именно Римъ, и я теперь понимаю, почему его зовутъ вѣчнымъ. Послѣ униженія, въ которое ввергли его послѣдніе папы, послѣ позорнаго бѣгства Анибала Альбани, выставившаго римлянъ трусливыми баравами, послѣ послѣдняго пораженія при Севіо, гдѣ этотъ позоръ еще удвоился, что предвидѣлось въ будущемъ этому несчастному городу? Или скажу еще лучше: что случилось бы съ нами, если бы обстоятельства приняли иной оборотъ, если бы судьба, повинующая Провидѣнію, не приготовила обману, безпорядку и неправдѣ гибели въ ихъ собственныхъ крайностяхъ? Отвратительные поступки Пія VI имѣли для насъ ту выгоду, что истощили терпѣніе того, кто сильнѣе его и кто выѣтъ съ тѣмъ жалостливѣе къ страждущему человѣчеству, кто живо чувствуетъ позоръ Италіи, кто любитъ величіе и славу нашего Рима. Итальянецъ по рожденію, по уму и чувствамъ, онъ почувствовалъ необходимость помочь своему истинному отечеству, освободить его сердце отъ угнетавшаго его кошмара, возстановить въ немъ свободное обращеніе крови. Ибо Римъ, никогда городъ міра, Римъ, прозванный вѣчнымъ, не изирая на свое глубокое униженіе, все-таки первый городъ міра, все-таки сердце Италіи. О, римляне и вы, люди Трастевере, въ лицахъ и членахъ которыхъ сохранилась еще древняя складка героевъ, взгляните на эти жалкія развалины римскаго форума и вспомните, что тутъ была арена дѣятельности вашихъ предковъ, героевъ и полубоговъ. Еще годъ тому назадъ, вы со стыдомъ и сокрушеніемъ вспоминали это, но теперь вы можете съ гордостью переноситься мыслію въ прошлое. Годъ тому назадъ, возвращеніе древней доблести Рима казалось невозможнымъ, но теперь мы можемъ ожидать, въ недалекомъ будущемъ, ея воскрешенія. Все города Италіи приплотъ сюда своихъ лучшихъ гражданъ; здѣсь будутъ даны законы всей Италіи; здѣсь будетъ рѣшаться миръ и война; здѣсь будутъ получать награду тѣ, которые пожертвуютъ кровью для славы нашей націи, а первосвященникъ, въ уединенной молитвѣ въ своемъ Ватиканѣ, безъ стражи и солдатъ, благословитъ и возблагодаритъ Бога, котораго онъ теперь столь недостойный представитель. Онъ возблагодаритъ его за событія, лишившія его власти

и матеріальнаго могущества на благо Італія, которой онъ также снпъ и гражданинъ!»

За первымъ древомъ свободы, насажденномъ на форумѣ, были насаждены другія на другихъ главныхъ площадяхъ, и наконецъ толпа собралась у Квиринала, гдѣ также водрузили древо. и нѣкоторые энтузіасты устроили вокругъ него танцы въ ожиданіи выхода генерала Бертъе, квартировавшаго во дворцѣ; онъ долженъ былъ во главѣ войскъ отправиться въ Капитолій для торжественнаго провозглашенія римской республики.

Слухъ объ этомъ предстоящемъ торжествѣ привлекъ въ городъ множество народа изъ окрестностей и даже издалека. такъ что на памяти человѣческой въ Римѣ никогда не видано было такого множества. Площадь, уставленная рядомъ войскъ, кишѣла народомъ, а высокая и широкая лѣстница, ведущая отъ нея къ церкви Аг. Соелі, представляла оживленное зрѣлище амфитеатра, усеяннаго людьми; гулъ и шумъ толпы, рокотавшей, какъ бурное море, внезапно утихъ, когда раздался звучный голосъ помощника Бертъе, корсиканца генерала Червони, начавшаго рѣчь подъ древомъ свободы, воздвигнутымъ передъ Капитоліемъ среди колоссовъ Луція и Кая, трофеевъ Августа и статуей Марка Аврелія. Мы не будемъ передавать содержаніе этой рѣчи, наполненной общими мѣстами, приличествующими случаю, но бѣдной мыслию, уже по той причинѣ, что итальянецъ Червони, состоя во французской службѣ подъ начальствомъ Бертъе, котораго Бонапартъ звалъ гусемъ, не могъ дать волю своему патриотическому чувству и долженъ былъ заботиться, чтобы не сказать чего нибудь, что могло бы не понравится французамъ.

Затѣмъ, пятеро публичныхъ нотаріусовъ составили протоколъ провозглашенія римской республики, и въ тотъ же день, въ заключеніе торжества, Червони, явившись къ Пію VI, предъявилъ ему отъ имени республики приказъ покинуть Римъ и отправиться въ Сіену.

III.

Римляне ликовали. Вместе съ ценой исчезло зловѣщее воспоминаніе объ инквизиціи, тюрьмахъ, сбиркахъ и шпіонахъ. Свобода была несомнѣнно приобрѣтена, и всѣ спѣшили вкусить ея. Замѣненія радости и способы пользованія новой свободой были разнообразны, смотря по характеру, вкусамъ, чувствамъ и воображенію cadaго. Понятно, что для многихъ форма показалаеь важнѣе сущности, и что многихъ больше интересовала маскарадная реставрація безвозвратной древности, чѣмъ новыя пути будущаго. Не забывая о величности анахроизма, принялись выводить на сцену костюмы, эмблемы, имена и обычаи древности. Однимъ изъ первыхъ подалъ такой примѣръ архитекторъ Барбера, который явился съ своими тремя сыновьями публично въ тогахъ и объявилъ, что отнынѣ носятъ имя Ктезифонта.

Примѣръ его имѣлъ необыкновенный успѣхъ, и на римскихъ улицахъ и площадяхъ сталъ разыгрываться настоящій карнавалъ. Всякій бралъ себѣ за образецъ ту или другую личность изъ древней исторіи, съ которой находилъ въ себѣ или желалъ имѣть сходство. Кто былъ одаренъ отъ природы густыми черными волосами и окладистой бородой, являлся безъ церемоніи Муціей Сцеволой; Коллатины и Гракхи были во множествѣ; Корнеліи и Тулліи появлялись въ полупрозрачныхъ одеждахъ и съ обнаженными до плечъ руками. Больше же всего было Брутовъ обоаго сорта, т. е. и Юніевъ, и Марковъ, такъ что изъ нихъ можно было составить цѣлый полкъ, за то нельзя было найти ни одного Цезаря, ни едиааго Августа, да и самому основателю Рима не повезло; первый Рогуль, явившійся на площадь Навона, былъ привѣтствованъ свистками и кочерыжками и поспѣшилъ укрыться въ первый трактиръ, а оттуда вышелъ уже Маріемъ. Подобныя чудодѣйства суть неизбѣжныя слабости народа, долго бывшаго въ рабствѣ, котораго свѣжій воздухъ свободы на первыхъ порахъ ослѣпляетъ. Печальнѣе было, что такимъ же маскарадомъ занимались и правители новой республики, лучшіе люди, призванные давать ей законы и учрежденія. Эти были люди честные и благонамѣренные и притомъ самые образованнѣе изъ гражданъ; но при папахъ, кромѣ богословія, въ Римѣ существовала и процвѣтала изъ наукъ только

сухая археологія, и люди новаго правительства были буквоѣды, какъ знаменитый антикварій Висконти, первенствовавшій теперь въ совѣтъ республики. Свою дѣятельность они обратили на восстановление именъ сената, трибуната, преторовъ, квесторовъ и едиловъ въ четырнадцать статьяхъ выработанной ими конституціи; кромѣ того, такъ какъ наука ихъ была еще пропитана риторикой и духомъ Аркадской академіи, такъ этимъ древнимъ именамъ дѣлались престранныя прибавки: такъ, трибунатъ получилъ титулъ Воображенія республики, а сенатъ—ея Разума. Первый долженъ былъ представлять всѣ свои предложенія на разсмотрѣніе второму, и всякій день можно было видѣть посланныхъ отъ Воображенія, шествующихъ на поклонъ къ Разуму.

А между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Римѣ требовало другихъ мѣръ. Пана оставилъ государство въ банкротствѣ, а народъ въ нищетѣ. Не было ни хлѣба, ни денегъ. Нужда была вопіющая. Въ довершеніе французскіе представители, — комиссаръ Галлеръ и генералъ Массена, смѣнившіи Бертье, грабили все, что можно было. Известно, какому неслыханному грабежу подвергли они громадныя артистическія сокровища Рима. Въ довершеніе Массена грабилъ собственныхъ солдатъ, кладя въ карманъ слѣдующее имъ жалованье и содержаніе, вслѣдствіе чего солдаты бунтовали противъ него и грабили римлянъ. Беспорядокъ былъ ужасный, убійства безпрестанны, голодъ свирепствовалъ, какъ въ осажденномъ городѣ. Чтобы поднять духъ народа, привлечь въ него иностранцевъ съ деньгами и прикрыть отчаянное положеніе дѣлъ пышной внѣшностью, правительствомъ антикваріевъ и литераторовъ устраивало зрѣлища и торжества. По его приказанію амфитеатръ Флавіевъ былъ послѣ столькихъ вѣковъ открытъ публикѣ для представленія на немъ трагедіи Вольтера «Смерть Цезаря», и для вѣщаго торжества на него была перенесена изъ дворца Спада та самая статуя Помпея, у подножія которой Цезарь испустилъ духъ. Объ этомъ обстоятельстве говоритъ между прочимъ и лордъ Байронъ въ своихъ ученихъ примѣчаніяхъ къ IV пѣсни Чайльдъ Гарольда.

17 октября 1798 весь городъ стекся къ Колизею. Французская труппа актеровъ подъ управленіемъ перваго коміеа Розье, получила отъ Массена разрѣшеніе представить трагедію Вольтера, столь соответствующую по своему сюжету мѣстнымъ обстоятельствамъ Колизей былъ тогда въ жалкомъ положеніи, наполовину въ разва-

линахъ, и угрожая развалиться окончательно. Первая починки были произведены уже позже, въ 1805 году. Впрочемъ антрепренеръ спектакля принялъ нѣкоторыя мѣры, чтобы пособить занущенію развалинъ. Шалаши, кучи соломы и навоза, гряды съ кауустой, разведенныя здѣсь монахами при панахъ, были убраны. Такъ какъ каменные скамьи были совершенно разрушены, то поставили рядами деревянныя, а нѣкоторыя полууцѣлѣвшія ступени были кое какъ прилажены и закрыты драпировками. Несмотря на свое разрушеніе, Колизей представлялъ въ этотъ день единственное зрѣлище въ мірѣ. На первыхъ ступеняхъ амфитеатра, близъ цирка, гдѣ Бруту предстояло злоумышлять противъ Цезаря, блистало мундирами французское военное начальство: генералы, полковники, эскадронные командиры, драгуны, гусары, артиллеристы, гренадеры, конечно, все только офицеры, потому что и въ демократической республикѣ была своя аристократія. Подлѣ офицеровъ и въ перемежку съ ними сидѣли римскія матроны и донны высшего класса, изъ тѣхъ конечно, которыя рукоплескали вступленію республиканскихъ войскъ въ Римъ или изъ пристрастія къ служителямъ Марса вообще, или изъ искренняго увлеченія свободой; всѣ онѣ были въ тѣхъ костюмахъ, которыми мы уже любовались въ ложахъ Скалы. Мужья ихъ носили волосы *à la Brutus*, нависшіе на лобъ и на глаза, громадные галстуки, закрывавшіе уши и подбородокъ и огромныя кокарды, на круглыхъ шляпахъ. Имъ представляли контрастъ мужчины и женщины изъ Фраскати, Альбано и Тиволи въ своихъ неизмѣнныхъ костюмахъ, трастевеницы въ бархатныхъ курткахъ; толпа полуголыхъ ребятишекъ, обманувъ бдительность сторожей, пробралась въ зданіе и разбѣлалась повсюду. Среди этой пестроты выдавались челоуѣкъ тридцать чудаковъ, облеченныхъ въ древнеримскую тогу и представлявшихъ изъ себя Коллатиновъ, Сцеволю и Курціевъ.

IV.

Сцена, на которой актерамъ труппы Розы приходилось изъ всѣхъ силъ выкликать стихи Вольтера, чтобы ихъ было слышно на самыхъ верхнихъ ступеняхъ амфитеатра, была устроена на подмосткахъ овальной формы, возвышавшихся посреди Колизея. Такимъ

образомъ она была видна со всѣхъ сторонъ, но не имѣла ни кулисъ, ни занавѣса, ни декораций, однимъ словомъ, ничего, что обыкновенно составляетъ театральную сцену. Но такъ какъ она должна была представлять Капитолій, то на ней были устроены портики и ступеньки, выкрашенные подъ мраморъ, и поставлены гипсовыя статуи. Актерамъ предстояло рассказывать среди этихъ портиковъ и статуй, входить по этимъ ступенькамъ и спускаться съ нихъ. Это было совершенно ново и, по правдѣ сказать, гораздо болѣе естественно, чѣмъ обыкновенная сцена. Но больше всего содействовала эффекту и реализму этой сцены колоссальная статуя Номпея, та самая, какъ утверждаютъ, у подножія которой былъ убитъ Юлій Цезоръ и которую можно видѣть теперь въ одной изъ залъ палаццо Спада. Она была поставлена въ особомъ портикѣ, и афиши придавали ей такое значеніе, упоминая о ней такими громадными буквами, что можно было подумать, что все представленіе затѣяно съ цѣлью пустить въ ходъ статую.

Но откуда же, спросятъ, выходили на сцену актеры? Это было устроено очень остроумно. Они ждали своей очереди выходить въ пространство подъ подмостками, и оттуда выходили черезъ портики, которые такимъ образомъ служили отчасти кулисами.

Спектакль начался среди общей тишины, которая однако продолжалась очень недолго, потому что изъ 30 тысячъ зрителей по крайней мѣрѣ 20 тысячъ не понимали ни слова, одни по незнацію французскаго языка, а другіе—по шуму, который производили первые. Ребятишки, сначала остолебенѣвшіе было при появленіи Антонія въ голубомъ плащѣ и Юлія Цезоря въ красномъ, скоро принялись болтать, возиться, бѣгать взадъ и впередъ и карабкаться, оперничая въ проворствѣ и смѣлости. Однако Антоній могъ продекламировать свою первую фразу.

Cesar, tu vas régner

10 стиха

Qui peut à ta grande âme inspirer la terreur,

и Цезарь могъ отвѣтить ему, не переводя почти духа, слишкомъ шестидесятью стихами, отъ

L'amitié, cher Antoine,

10 заключительныхъ объятій и словъ:

*Ta promesse suffit, et je la crois plus pure
Que les autes, des diéux entourés du parjure.*

Изъ зрителей, тѣ, которые сидѣли на мѣстахъ, куда доходилъ голосъ актеровъ, и которые понимали по французски, слушали первую сцену, не обнаруживая ни скуки, ни удовольствія. Конечно, добрый республиканецъ не могъ рукоплескать такому тирану, какъ Юлій Цезарь, или такому гнусному лстецу, какъ Маркъ Антоній, хотя бы ихъ играли Гаррикъ, Кинъ, Тальма или Модена. Равнодушіе публики продолжалось до третьей сцены, когда вышли Кассій, Цинна и Каско и сгруппировались передъ Юліемъ Цезаремъ, сидѣвшимъ подъ аркой.

Бруту слѣдовало бы выйти съ товарищами и друзьями, дѣлать иначе—не было никакой драматической необходимости, но Брутъ былъ главное дѣйствующее лицо; его игралъ первый актеръ труппы: одно появленіе его должно было произвести эффектъ; поэтому онъ вышелъ послѣднимъ послѣ нѣкотораго промедленія. Раздались долгіе крики: *Vive la république! Vive la liberté! vive l'égalité!* Даже полуголые ребятишки, карабкавшіеся по карнизу амфитеатра, приостановились и закричали: *Euviva!* Брутъ, не преклонившійся даже передъ Цезаремъ, очень почтительно раскланялся передъ публикой.

Когда крики унялись, представленіе пошло своимъ порядкомъ. Несказанный энтузіазмъ охватилъ зрителей при заключительныхъ стихахъ этой сцены:

*Tout mon sang est à toi, si tu tiens ta promesse;
Si tu n'es qu' un tyran, j'abhorre ta tendresse.
Et je ne peux rester avec Antoine et toi,
Puisqu'il n'est plus Romain, et qu'il demande un roi.*

Послѣ такой сцены все дальнѣйшее показалось уже не интереснымъ, и первый актъ заключился при какомъ то бурливомъ ропотѣ публики, среди котораго вдругъ послышался звонкій голосъ трагестверинца, проводившаго Цезаря и Антонія со сцены восклицаніемъ:— Ахъ, чтобъ васъ разорвало! Общій смѣхъ отвѣчалъ на это восклицаніе, а французы въ недоумѣніи спрашивали, что онъ сказалъ.

Между первымъ и вторымъ актомъ былъ довольно продолжительный антрактъ. Среди офицерства, близъ Массены и генералъ Червони, сидѣлъ въ гусарскомъ мундирѣ, покрытымъ серебрянымъ шитьемъ, полковникъ графъ Акиль С***. Онъ сидѣлъ, охвативъ руками лѣвую ногу, высоко согнутую, такъ что колѣно чуть не касалось подбородка, и далеко вытянувъ лѣвую ногу въ узкихъ красныхъ штанахъ и ботфортѣ. Назойливый лучъ солнца, проникавшій

сквозь полотно, растянутое надъ генеральскимъ мѣстомъ, билъ ему въ глаза и заставилъ надѣть каску съ плюмажемъ, пахлабучивъ ее на глаза. Изъ подъ нея торчала только пара огромныхъ сходящихся концами усомъ и густыхъ бакенбардъ, оканчивавшихся у самыхъ усомъ. Ему было сорокъ восемь лѣтъ, но онъ казался навидъ моложе, хотя его помятое лицо носило слѣды бурь, за то усы и бакенбарды были черны, какъ смоль, а станъ былъ строенъ, гибокъ и мускулистъ, какъ у юноши. Во время антракта онъ пристально смотрѣлъ туда, куда также внимательно обращали взоры всѣ его сосѣди; предметомъ этихъ взглядовъ и сопровождавшихъ ихъ толковъ были двое людей въ военной формѣ. Въ недалекомъ разстояніи отъ полковника, въ мундирѣ драгунскаго капитана сидѣлъ Бароджи, а рядомъ съ нимъ другой воинъ, на первый взглядъ казанпійскій очень молодымъ юношей, но въ которомъ внимательный взглядъ не могъ не узнать женщины. то была донна Паолина. Въ то время было вовсе не рѣдкостью видѣть такое переодѣваніе; многія женщины сопровождали мужей и любовниковъ въ мужскомъ костюмѣ. Но то, что привлекало общее вниманіе было, во первыхъ, поразительная красота дѣвушки, во вторыхъ, когда вниманіе было привлечено къ ней, то можно было замѣтить во всѣхъ ея манерахъ, во всемъ обращеніи ея съ своимъ спутникомъ, какую то граціозную стыдливость и сдержанность, совершенно несвойственныя ея костюму и ея видимымъ отношеніямъ къ нему.

Что же это значило? Какимъ образомъ послѣ благополучнаго водворенія въ родительскомъ домѣ она снова очутилась въ драгунскомъ мундирѣ, съ Бароджи въ Римѣ. Для объясненія этого необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

V.

Мы видѣли, что графиня Клеція весьма неохотно дала свое согласіе на бракъ внучки съ Бароджи. Выпужденная дать его, она затѣмъ всячески старалась отсрочить этотъ бракъ, рассчитывая, что время и судьба могутъ создать какое нибудь препятствіе къ нему. Старая графиня больше прежняго была одержима теперь

аристократическими предрассудками. Господствованія въ обществѣ: противныя идеи, только вызвали въ ней съ большей силой это чувство, которое въ молодости она могла забыть, увлекшись идеалистическимъ теноромъ, но которое было крѣпко вкоренено въ ней воспитаніемъ. Она не ошиблась въ своихъ расчетахъ. Въ одно прекрасное утро капитанъ Бароджи получилъ приказаніе въ 24 часа явиться къ своему полку въ Пияченцу. Это было громаднымъ ударомъ и для него, и для донны Паолины. Но дѣлать было нечего, надо было ѣхать. Единственнымъ утѣшеніемъ влюбленныхъ было взаимное обѣщаніе писать другъ другу, на что, повидимому прещетствій не было, такъ какъ они были официально помолвлены.

Однако и это утѣшеніе было отнято у нихъ. Старая бабушка подвергла ихъ перенеску строжайшей цензуры, просматривая всѣ письма внучки и безошадно уничтожая въ нихъ все выходящее за предѣлы официального извѣщенія о состояніи здоровья. Съ письмами жениха она распорядилась еще безцеремоннѣе, просто конфискуя ихъ. Скоро доннѣ Паолинѣ надоѣло писать подъ диктовку бабушки, не получая притомъ отвѣтовъ. Но тутъ графиня пересоллила; эти лишніе мѣры предосторожности не повели къ добру. Оба влюбленные терзались неизвѣстностью другъ о другѣ; ревнивыя подозрѣнія стали забираться въ ихъ души; невѣста вспомнила о многочисленныхъ прежнихъ похиженіяхъ Бароджи; ему и во снѣ, и на яву мерещилось, что она уже давно стала невѣстой какого нибудь знатнаго господина. Наконецъ, намучившись вдоволь, онъ отправилъ въ Миланъ одного молодого человѣка, съ которымъ подружился въ Пияченцѣ, повѣривъ ему свою заботу. Пріятель явился прямо въ домъ графини и засталъ всѣхъ дамъ вмѣстѣ. Онъ тотчасъ заговорилъ о Бароджи. Старуха сочла нужнымъ поскорѣе выслать подъ какимъ то предлогомъ внучку изъ комнаты. Она повиновалась, повидимому, безропотно, но прійдя къ себѣ, тотчасъ сѣла и написала Бароджи такое письмо:

«Надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ передать эти строки твоему другу; наконецъ я могу написать тебѣ такъ, что ты одинъ будешь читать письмо, такъ какъ ты одинъ имѣешь на то право и одинъ можешь понять меня. Не стоитъ говорить о томъ, что я выстрадавала въ это ужасное время. Я даже въ тебѣ стала сомнѣваться. Между бабушкой, которая не желаетъ нашего брака, и моею бѣдной матерью, которая желаетъ, но не можетъ противиться бабушкѣ,

я жила въ постоянномъ молчаніи, хотя сердце мое не знало ни минуты покоя. Вотъ первый лучъ надежды въ этомъ безотрадномъ существованіи. Я рѣшилась: убѣгу; какъ и когда,—не знаю. Но я рѣшилась и исполню, и никто меня не остановитъ, развѣ убьютъ. Но не думаю, чтобы до этого дошла жестокость старости, набитой предразсудками. Какая тамъ знать, богатство, законы, власть! Законную власть любить тебя можетъ давать мнѣ только мое сердце, а больше я никакихъ властей не хочу знать. Но я слышу шумъ, не могу продолжать; и такъ, повторяю, клянусь тебѣ убѣжать отсюда къ тебѣ; будь, что будетъ».

Пока она писала, бабушка вела съ посѣтителемъ серьезный разговоръ. Съ логикой, достойной математики, которая оставалась ея утѣшительницей въ старости, она доказывала ему, что предполагаемый бракъ ничего вромѣ несчастья принести не можетъ, что время военное, что Бароджи, какъ воинъ, притомъ извѣстный храбростью (тутъ она сочла нужнымъ распространить этотъ комплиментъ) имѣеть много шансовъ быть убитымъ и что для дѣвушки было бы гораздо труднѣе перенести это несчастье, чѣмъ простой разрывъ; она прибавила, что если-бы этого и не случилось, то изъ брака могли бы выйти одни непріятности, такъ какъ отецъ дѣвушки никогда съ нимъ не примирится. Посланникъ принялся было возражать на все это, но графиня остановила его словами:

— Позвольте мнѣ дѣйствовать по своему съ помощью времени, и ручаюсь вамъ, что года черезъ два-три моя внучка будетъ мнѣ благодарна, а капитанъ будетъ или убитъ, или женатъ на другой, и думать о ней забудетъ.

— Что-же мнѣ сказать капитану?

— Передайте то, что слышали отъ меня.

— Но, графиня, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ разрывъ съ женихомъ, не слѣдуетъ ли спросить невесту?

— Обязанность дѣвушекъ слушаться старшихъ, болѣе опытныхъ. Впрочемъ она можетъ передать черезъ васъ поклонъ капитану, и она приказала горничной позвать дѣвушку.

Донна Паолина тихо вошла съ растроеннымъ лицомъ, держа въ рукахъ сложенное письмо.

— Синьоръ ѣдетъ въ Піаченцу; если ты хочешь передать что нибудь капитану, онъ предлагаетъ свои услуги.

Дѣвушка съ минуту помолчала въ нерѣшимости, потомъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Вотъ я написала все, что имѣла сказать, и съ этими словами передала письмо пріятелю Бароджи, прибавивъ многозначительно: прошу васъ не показывать его никому, кромѣ его.

Онъ понялъ, взялъ письмо и поспѣшилъ откланяться, обѣщая побывать еще завтра; по выйдя, первымъ дѣломъ отправилъ письмо въ Піаченцу.

Графиня не рѣшилась попросить у него письмо и только бросила на внучку грозный взоръ.

Восторгъ капитана при полученіи письма былъ неописанъ. Онъ сейчасъ же рѣшился содѣйствовать всѣми средствами намѣренію донны Паолины. Пріятель его скоро вернулся въ Миланъ. Донна Паолина выказала теперь столько же хитрости, сколько прежде терпѣнія. Она придумала воспользоваться неудовольствіемъ противъ графини привратницы дома, которую бабушка ея распекла за какую то провинность и пригрозила прогнать. По совѣту дѣвушки уполномоченный Бароджи исучилъ этой женщиной такія деньги, что та ахнула. Однажды утромъ, когда на колокольнѣ Санъ Піетро Челестино раздавались первые звуки аве магіа, донна Паолина сошла съ лѣстницы, нашла дверь запертой, но засовъ по разсѣянности отодвинутымъ, подбѣжала къ ожидавшему ее экипажу, дверца котораго растворилась передъ ней, и экипажъ умчался.

VI.

Теперь возвратимся въ Коллизей.

Тѣ, которые вѣрятъ въ такъ называемый голосъ крови, по которому будто-бы родители и дѣти узнаютъ другъ друга съ перваго взгляда, никогда прежде не видавшись, могутъ быть, по нашему мнѣнію, приравнены къ тѣмъ, которые вѣрятъ въ кипѣніе крови Санъ Дженнаро. Полковникъ С**** до такой степени не слышалъ этого голоса, что весьма плотоядно посматривалъ на хорошенькую дѣвушку въ драгунскомъ мундирѣ, что простительно, такъ какъ

ему не могло и вообразиться, что это его дочь. Ему захотѣлось узнать, кто эта красавица и какъ зовутъ ее счастливаго спутника. Онъ сталъ распрашивать офицероу по сосѣдству, но никто не могъ дать ему отвѣта. То-же любопытство овладѣло самимъ Массеной, который, хотя предпочиталъ женскому полу генуэзскіе дублоны, но не остался равнодушенъ при видѣ донны Паолины. Но и онъ ничего не могъ узнать, такъ какъ никто не зналъ капитана Бароджи, который только наканунѣ вечеромъ прибылъ въ Римъ. Но Массена, который и въ пустякахъ любилъ поставить на своемъ и не допускалъ отговорокъ, приказалъ адъютанту узнать, кто этотъ неизвѣстный офицеръ, и въ случаѣ надобности спросить его самого.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіями, адъютантъ подошелъ къ Бароджи и, поклонившись, сказалъ:

— Прошу извиненія, но генералъ приказалъ мнѣ узнать ваше имя.

— Капитанъ Бароджи, миланецъ, 7-го драгунскаго полка, который расположенъ въ Болоньѣ; я здѣсь въ отпуску и уже имѣлъ честь представиться коменданту.

— Генералъ не сомнѣвается въ васъ, капитанъ, но желаетъ лично узнать васъ.

— Я буду имѣть честь завтра представиться генералу. Онъ квартируетъ, кажется, на шйцца Кавалло?

— Въ Квириналѣ, капитанъ.

Адъютантъ все время запуская глазъ на дѣвушку, которая притворялась глубоко заинтересованной переѣздами, дѣлавшимися на подмосткахъ.

— А здѣсь много вашихъ соотечественниковъ, продолжалъ адъютантъ.

Бароджи и донна Паолина невольно взглянули на него подозрительно, но Бароджи сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— Я только что пріѣхалъ и никого не знаю,

— Вотъ напримѣръ полковникъ С****, что сидитъ слѣва отъ главнокомандующаго въ гусарскомъ мундирѣ. Онъ миланецъ и конечно будетъ очень радъ познакомиться съ вами. Такъ, стало быть, генералъ будетъ васъ ждать. Имѣю честь кланяться.

И онъ отошелъ, не замѣтивъ, что послѣднія слова его, какъ громомъ, поразили капитана и его спутницу. Донна Паолина обра-

тила взоры на полковника. Она никогда не видала отца, но въ ея комнатѣ висѣлъ его портретъ масляными красками, очень похожій двадцать лѣтъ тому назадъ; но годы не уничтожили этого сходства; однако дѣвушка была поражена неприятнымъ, дерзкимъ и вызывающимъ выраженіемъ лица полковника, которое напомнило ей все, что она слышала объ отцѣ.

— Что теперь дѣлать? обратилась она къ Бароджи по уходѣ адъютанта: что мы надѣлали!

Сердце Бароджи сжалось отъ послѣднихъ словъ, выразившихъ раскаяніе.

— Что дѣлать? отвѣчалъ онъ съ напускнымъ спокойствіемъ: конечно немедленно уѣзжать. Я ничуть не обязанъ являться къ генералу.

Донна Паолина ничего не отвѣчала; она готова была липиться къ чувству.

Между тѣмъ адъютантъ вернулся къ генералу и разговаривалъ съ нимъ. Бароджи, внимательно наблюдавшій за этой группой, увидѣлъ, что полковникъ встаетъ. Дѣйствительно, услыхавъ, что драгунскій капитанъ—миланецъ по фамиліи Бароджи, полковникъ сказалъ:

— Давненько не видалъ я соотечественниковъ; любопытно узнать, что тамъ дѣлается, что подѣлываетъ моя семейка; это по крайней мѣрѣ избавитъ меня отъ неприятности писать и еще худшей—получать отвѣты.

— Каконъ! чего боится! сказалъ, смѣясь, сидѣвшій подлѣ него хотннй полковникъ:— а самъ три года не писалъ женѣ ни строчки; при всякой перемиѣнѣ стоянці только объ одномъ и заботился, чтобы дома какъ нибудь не узнали, куда переведенъ полкъ.

— А вотъ теперь захотѣлось получить вѣсточку.

— Понимаю, понимаю; понравился таки этотъ драгунчикъ. Однако подумай, другъ мой, что ты перевалилъ за экваторъ, а дѣвушка самое большее восемнадцать лѣтъ; да притомъ и спутникъ ея—красавецъ.

— Не все молодость беретъ, а въ этихъ дѣлахъ, кто послѣдній пришелъ, тому выгоднѣе. А впрочемъ съ чего ты взялъ, что у меня такіе помыслы? Просто хочется узнать о семействѣ. Вотъ смотри, она встаетъ; право, я въ жизнь не видалъ такой красоты.

— Только у нея болѣзненный видъ.

— Ужъ право не знаю; но только чувствую, что мнѣ никогда не состарѣтся.

Говоря это, онъ направился къ Бароджи. Зрители разступались передъ его пытымъ мундиромъ.

Донна Наолина, которую Бароджи предупредилъ, что полковникъ идетъ къ нимъ, собрала всѣ силы для этой встрѣчи.

— Дорогой капитанъ, сказалъ графъ, подходя, я кажется имѣю удовольствіе пожать руку соотечественнику.

Бароджи всталъ почтительно и стоялъ, какъ подчиненный передъ старшимъ.

— Благодарю васъ за вниманіе, полковникъ.

— Садитесь, садитесь, и поболтаемте, пока будетъ умирать этотъ Цезарь, котораго я ненавижу не столько за тиранію, сколько за сегодняшнюю скуку.—Съ этими словами онъ усѣлся на стульи.

— А синьорина тоже изъ Милана? Вѣдь я не ошибаюсь, говоря синьорина. Вотъ и говорите тутъ, что женщинамъ идутъ только юбки. Право, завидую вамъ, капитанъ, завидую вашему счастью завербовать такого рекрута. У меня тоже два года тому назадъ была подруга изъ Бордо, носившая гусарскій мундиръ, какъ я; прелестная дѣвушка; самъ генералъ Бонапарте обратилъ на нее вниманіе; къ сожалѣнію въ одно прекрасное утро она сбѣжала отъ меня съ однимъ юнымъ капраломъ. О, по ваша подруга, я увѣренъ, не слѣдала бы этого! Такъ вы тоже изъ Милана?

— Не совсѣмъ, поспѣшилъ отвѣтить Бароджи, изъ окрестностей.

— Ну, это все равно. Расскажите же мнѣ о Миланѣ? Что тамъ дѣлается? Жива-ли эта скотина, графъ Меллеріо? Что-то онъ сказалъ, когда его любезный австрійскій князекъ долженъ былъ собрать свои пожитки! Славные есть люди въ Миланѣ, чудесные! Но по правдѣ сказать, и сволочь есть ужасная. Однако хотѣлось бы повидать старыхъ пріятелей. Вѣдь знаете, съ какихъ поръ я тамъ не былъ: вотъ, годъ, два, три, да такъ—четырнадцать лѣтъ будетъ, шутка сказать! А у меня тамъ жена, дочь, теща. Что прикажете дѣлать? Семейное дѣло издали лучше, по крайней мѣрѣ ссоръ нѣтъ. Говорятъ впрочемъ, жена все любитъ меня; добрая женщина

и вѣдь красавица была. Но вы, капитанъ, ваше имя мнѣ знакомо. Изъ какихъ вы Бароджи? Я зналъ банкировъ Бароджи; а то былъ Бароджи моихъ лѣтъ въ гвардіи эрцгерцога. Потомъ былъ Бароджи, изъ за котораго вышло дѣло по наслѣдству маркиза Ф***. Кстати, что это дѣло? прелюбопытная исторія. Что это мошенникъ Суарди, неужели еще живъ? Вѣдь онъ долженъ быть ужъ страшно старъ? Ахъ, какой мошенникъ, но умная голова.

Бароджи молчалъ, догна Паолина, вся трепеща внутри, молча смотрѣла на графа съ натапутой улыбкой, которая стоила ей ужасныхъ усилій. Когда потокъ рѣчи графа остановился, Бароджи отвѣчалъ:

— Я именно сынъ того Бароджи, изъ-за котораго было дѣло по наслѣдству Ф***.

— Ага! сказалъ графъ съ отгѣнкомъ презрѣнія: —вашъ батюшка живъ?

— Нѣтъ, онъ ужъ десять лѣтъ какъ умеръ, и маркизь Ф*** содержитъ на свои милліоны поновъ и шпіоновъ.

— Какъ же вы поступили въ военную службу, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ уже капитанъ?

— Да, я счастливѣе отца. Сказать по правдѣ, мнѣ пришлось бы плохо, если-бы въ Миланѣ все были только честные люди.

— Какъ такъ?

— Такъ, что безъ помощи балкира Суарди, я попалъ бы въ сиротскій домъ.

Въ это время трубы военной музыки возвѣстили начало третьяго акта, и на сценѣ явились Кассій, Децимъ и другіе заговорщики. Разговоръ долженъ былъ прекратиться. Полковникъ всталъ, раскланялся и пригласилъ капитана на вечеръ къ генералу, гдѣ собирается избранное общество горожанъ и иностранцевъ. Вернувшись на свое мѣсто, онъ поговорилъ съ Массеной, который послалъ адъютанта формально пригласить къ себѣ капитана Бароджи съ его дамой.

VII.

Среди общих рукоплесканій Кассій уже продекламировалъ стихи:

Enfin donc l'heure approche où Rome va renaitre.
La maîtresse du monde est aujourd'hui sans maître.

Уже искренніе республиканцы пролили слезы умиленія и восторга, когда Брутъ, бросившись къ ногамъ Цезаря, произнесъ эти чудесныя слова:

César, au nom des dieux, dans ton coeur oubliés,
Au nom de tes vertus, de Rome et de toi-même,
Dirai-je, au nom d'un fils, qui frémit et qui t'aime,
Qui te préfère au monde, et Rome seule à toi,
Ne me rebute pas!.

Кончившійся этимъ третій актъ понравился больше двухъ первыхъ, и республиканское увлеченіе дотога овладѣло всѣми зрителями, что въ эту минуту за нее готовы были подать голоса иныя знатнѣйшіе патриціи Рима, иныя ученые, еще недавно пользовавшіеся папскими и кардинальскими милостями, словомъ, всѣ, у кого былъ умъ и сердце, были расчувствованы этой сценой. Масса же публики, не читавшая драмы Вольтера, но знавшая изъ афишъ сущность ея и видѣвшая значеніе, преданное выставкѣ подлинной статуи Помпея, съ нетерпѣніемъ ожидала окончательной развязки, когда заговорщики поразятъ тирана, и онъ, завернувшись въ тогу, падетъ къ подножію памятника врага.

Но Вольтеръ слишкомъ изучилъ наставленія Горация, и въ драмѣ его въ ту минуту, какъ Долабелла толкуетъ римлянамъ о величій Цезаря, за сценой раздается крикъ заговорщиковъ:

Meurs, expire, tyran, courage, Cassius!

И вслѣдъ затѣмъ Кассій выбѣгаетъ съ кинжаломъ въ рукѣ и съ возгласомъ:

C'en est fait, il n'est plus.

Послѣ чего между нимъ и Долабеллой возникаетъ споръ, и оба обращаются съ воззваніями къ народу:

— Peuples, secouez moi, fraj pous, perçons ce traître!

— Peuples, imitez—moi, vous nâvez plus de maître!

Но настоящій, присутствовавшій тутъ народъ, гораздо болѣе республиканскій, чѣмъ римскій народъ исторіи и археологій, не захотѣлъ, чтобы смерть Цезаря оставалась тайной заговорщиковъ; со всѣхъ сторонъ поднялась буря криковъ:

— Смерть, смерть Цезарю, смерти!

— Ужь умерь, заораль кто то.

— Какъ умерь? Пусть встанеть и умереть при насъ. Давайте его сюда умирать!

Актеры остановились въ недоумѣніи, не понимая, чего требуетъ публика. Имъ растолковали. Они стали объяснять, ссылаясь на авторитетъ Вольтера; но публика съ своей стороны указывала на статую Помпея и требовала, чтобы Цезарь былъ убитъ передъ ней на сценѣ. Одинъ трастевиницъ, рыбой, съ физиономіей Каракаллы, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:—Я вотъ ему задамъ! Гдѣ онъ, этотъ Юлій? Тащи его сюда! Я ему сверну шею!

Цѣлая толпа другихъ трастевиницевъ поддержала товарища, и снова раздался громовый крикъ: Смерть Цезарю! Пусть умереть при насъ!

Крики и шумъ были такъ грозны, что антрепренеръ обратился къ Массенѣ, умоляя положить копецъ такому безпорядку.

— Что же мнѣ дѣлать? отвѣчалъ генераль:—Это ваше дѣло. Отчего же вамъ въ самомъ дѣлѣ не угодить публикѣ? Изировизируйте какуюнибудь сцену у статуи Помпея.

— Да онъ убѣжалъ.

— Кто?

— Цезарь.

— Какъ?

— Да онъ побоялся народа, бросилъ тогу, одѣлся въ свое платье и ушелъ.

— Какъ же онъ могъ уйти? Видь сцена посрединѣ амфитатра?

— Не знаю, только его нѣтъ. Вѣроятно, ушелъ такъ, что его не узнали.

Генераль, хотя не смѣпливаго характера, раскохотался.

— Вотъ, сказалъ онъ, чтобы настоящему Цезарю такъ поступить.

— Что же дѣлать намъ? Слышите, какъ кричать. Смотрите, лѣзутъ на сцену.

Генераль смотрѣлъ и повидимому любовался происходившимъ.

Дѣйствительно, народъ яростно влѣзъ на сцену, повытаскивалъ всѣхъ актеровъ въ тогахъ, въ томъ числѣ и Кассія, и Каску, и самого Брута, и съ угрозами допрашивалъ ихъ, гдѣ Цезарь. Наконецъ одинъ изъ народа сказалъ: «Ну, если тиранъ удралъ, то расправимся по крайней мѣрѣ вотъ съ Маркомъ Антоніемъ».

Вся ярость толпы обратилась на эту несчастную жертву, которая отъ страха упала въ обморокъ. Тогда Массена послалъ вырвать ее взводъ гренадеръ.

Выйдя изъ Колизея и выбравшись изъ толпы, Бароджи и донна Паолина стали снова обсуждать свое положеніе.

— Больше печего дѣлать, какъ скорѣе уѣзжать, говорилъ Бароджи:—завтра утромъ, а если можно, то сегодня вечеромъ.

— Да, конечно, этимъ мы избавимся отъ настоящей опасности, но она всегда будетъ грозить намъ.

— Но что же дѣлать, если при одномъ взглядѣ на отца ты чуть не упала въ обморокъ?

— Это была первая минута. Я обдумала и теперь увѣрена, что именно отецъ и поможетъ намъ выбраться изъ этого положенія вѣчной тревоги и неопредѣленности. Онъ странный, но не дурной человѣкъ. Всѣ говорятъ, что это храбрый воинъ, страстный республиканецъ, первый пошедшій противъ аристократіи. А кто наши враги? Эта аристократія, на которую бабушка молится.

— Все это прекрасно, но ты не знаешь этихъ республиканцевъ изъ аристократіи, а я ихъ довольно знаю. Они нахальнѣе всякихъ другихъ. Видѣла ты, какую гримасу скорчилъ твой отецъ, когда я сказалъ, что не родственникъ ни банкирамъ, ни гвардейцамъ.

Но донна Паолина не соглашалась съ доводами Бароджи и настояла отпавиться съ нимъ вечеромъ къ Массенѣ, гдѣ была увѣрена встрѣтить отца.

У генерала они застали многочисленное и оживленное общество, хотя не было ни знаменитыхъ художниковъ и писателей, ни кардиналовъ, ни знатныхъ дамъ, которые прежде составляли цвѣтъ римскихъ собраній. Все это разбѣжалось. Канова уѣхалъ въ Венецію, Монти—въ Миланъ, Винкельманъ умиралъ, оттого что не могъ пить воду Треви. Одинъ Висконти оставался въ Римѣ въ качествѣ триумвира.

VIII.

Графъ С***, который, хотя и молодился, однако не забывая, что прожилъ на свѣтѣ уже полвѣка, былъ пріятно удивленъ, замѣтивъ, что въ собраніи донна Паолина обращаетъ на него особенно благосклонное вниманіе, совершенно покинувъ для него своего кавалера. Онъ со своей стороны принялся ухаживать за ней, четыре раза приглашалъ на кадрили и наконецъ пустился въ такіа изліянія, что она была совершенно поражена, видя, что ея тактика произвела дѣйствіе, вовсе ею неожиданное. Она тотчасъ отошла отъ него и, подойдя къ Бароджи, сказала ему:

— Сегодня же, когда мы выйдемъ отсюда, я откроюсь отцу.

— Смотри, чтобы не вышло хуже!

— Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться. Пусть будетъ хоть хуже, но не такъ.

Она отошла отъ него и бросилась въ кресло, обдумывая, какъ поступить. «Онъ чувствуетъ ко мнѣ невольное расположеніе, думала она, самъ не понимая своего чувства. Пусть онъ, какъ говорятъ, вспыльчивъ, своенравенъ, нетерпѣливъ, но когда узнаетъ, что я его дочь, это чувство, невольно возникшее въ немъ, усилится, онъ полюбитъ меня, какъ отецъ, и напѣрно въ первую минуту не отвергнетъ меня. Нечего, стало быть, откладывать дѣла; можетъ быть завтра же все будетъ благополучно рѣшено, и мы будемъ вполне счастливы». Тутъ она вспомнила обращеніе съ ней отца и прибавила про себя: «Можетъ быть, и то уже я слишкомъ промедлила; слѣдовало сказать тотчасъ же».

Въ это время графъ, издали наблюдавшій за ней, подошелъ и спросилъ:—о чемъ вы задумались такъ?

— Объ одной вещи, отвѣчала она, о которой мнѣ необходимо поговорить съ вами обстоятельно.

— Я къ вашимъ услугамъ. Мы можемъ поговорить на пути отсюда, сказалъ онъ, предаваясь самымъ радужнымъ мечтамъ.

Гости стали расходиться. Дамы брали себѣ проводниковъ изъ мужчинъ. Одна изъ нихъ взяла руку Бароджи, а полковникъ предложилъ руку доннѣ Паолинѣ. Съ ними шли еще нѣсколько паръ, которымъ лежалъ тотъ же путь. Графъ замедлил шагъ, чтобы отстать отъ прочихъ.

— И такъ, что вы желали сказать мнѣ? началъ онъ, чувствуя волненіе, какого не испытывать съ юности.

— Ахъ, я очень несчастна! отвѣчала донна Паолина.

Фраза эта составляетъ у женщинъ обычное предисловіе вѣж-ныхъ бесѣдъ, что графу было очень хорошо извѣстно по много-лѣтнему опыту.—Ну, вотъ оно! подумалъ онъ.

— Да, я очень несчастна, и вы одни, одно ваше слово можетъ сдѣлать меня счастливѣйшей женщиной.

Графъ былъ на седьмомъ небѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ продол-женія, заранѣе ему извѣстнаго.

— Извините меня, продолжала она, съ минуту помолчавъ, за мой вопросъ: что подумали вы обо мнѣ, увидя меня въ первый разъ?

— Что я подумалъ? Какъ вамъ сказать? Тысячу вещей и ни-чего. Но въ какомъ смыслѣ?

— Я хочу сказать, что подумали вы, увидя меня съ молодымъ офицеромъ.

— Я подумалъ, что вы его жена.

Донна Паолина молчала.

— Я подумалъ, что капитанъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, имѣя такую прекрасную жену, продолжалъ графъ.

Донна Паолина еще помолчала и вдругъ, крѣпко сжавъ руку графа, остановилась и произнесла:

— Нѣтъ, это не правда; я не жена его. Этого не позволили тѣ, отъ кого это зависѣло. Мы бѣжали, чтобы не умереть отъ разлуки.

Графъ началъ недоумѣвать и, самъ не зная, почему, беспокоиться.

— Такое положеніе, говорила она, не можетъ продолжаться. Я всякій день боюсь, что насъ разлучатъ. Боже, что было бы со мной, еслибы это случилось. Мнѣ осталось бы только умереть.

— Нѣтъ, это не то, думалъ графъ. Это открытіе сконфузило его, но чтобы подавить смущеніе и досаду, онъ заговорилъ бойкимъ и развязнымъ тономъ:

— Да, ваше положеніе затруднительно, неприятно, очень не-приятно. А тѣмъ болѣе положеніе капитана. Вѣдь какъ хотите,— вы несовершеннолѣтняя, стало быть, капитанъ виновенъ въ похи-щеніи насиліемъ или обманомъ. Понимаете, вѣдь это не я говорю, а такъ скажутъ. Съ своей стороны я вполне убѣжденъ, что капи-тану никакого насилія или обмана не пришлось употреблять, не такъ ли? Скажите по совѣсти. Ну, да, я не сомнѣваюсь, что тутъ

была вина родителей, и что властямъ не слѣдовало бы, вмешиваться въ подобныя дѣла; но какъ бы то ни было, родители существуютъ, и власти всегда на ихъ сторонѣ. Бѣдный капитанъ! Жаль, очень жаль! Но теперь позвольте и мнѣ спросить васъ, почему вы сочли нужнымъ сообщить мнѣ все это?

— Почему? Потому что вы знаете моихъ родныхъ и...

— Что?

— Вы очень хорошо знаете моего отца.

— Вашего отца и родныхъ? Кто же они? Отчего же вы мнѣ не скажете?

— Ахъ, мнѣ страшно! Я боюсь!

— Чего?

Дѣвушка остановилась; они были у подножія лѣстницы Тринита де Монти. Все общество уже взошло по ней.

Она вдругъ выдернула свою руку, схватила его руку и, упавъ на колѣни, стала цѣловать ее, обливаясь слезами.

— Что это? Что съ вами? говорилъ графъ:—Насъ увидетьъ

— Ахъ, общайте мнѣ!...

— Что такое? говорите.

— Общайте помочь, сдѣлать все, что можете, чтобы я могла сдѣлаться женой капитана.

— Какъ же я могу общать, не зная...

— Увѣрю васъ, вы все можете; увѣрю васъ, что одно слово ваше можетъ сдѣлать насъ счастливыми.

И она продолжала стоять на колѣняхъ, не смотря на всѣ усилія его поднять ее. Вдругъ онъ отдернулъ руку, оттолкнулъ ее, такъ что она утала, и съ бѣшенымъ крикомъ бросился бѣжать. Въ одно мгновение все стало ему ясно.

IX.

Несомнѣнно, что самый добродушный родитель не могъ бы остаться покоенъ, встрѣтивъ неожиданно дочь въ положеніи донны Паолины. Тѣмъ болѣе должно было взбѣсить это такого человѣка, какъ графъ. Не смотря на свой наружный республиканизмъ, это былъ нетерпимѣйшій аристократъ. Аристократизмъ былъ въ немъ

нестолько убъжденіемъ, сколько природнымъ инстинктомъ. Самъ не понимая почему, онъ во всѣхъ частныхъ ссорахъ между товарищами, изъ которыхъ одинъ былъ дворянинъ, а другой плебей, принималъ сторону перваго, радовался, когда тотъ выходилъ побѣдителемъ изъ дуэли и огорчался, если онъ былъ побѣжденъ. По его, какъ и по общему убъжденію, дочь его была опозорена, убъжавъ съ любовникомъ, кто-бы онъ ни былъ. Но для него всего ужаснѣе было то, что этотъ любовникъ былъ такого низкаго происхожденія, сынъ таможеннаго сторожа.

Когда внезапная догадка освѣтила его умъ, онъ бросился бѣжать, самъ не зная куда. Машинально, быстрыми шагами пробѣжалъ онъ все разстояніе до Санъ Уиетро in Вісолі, гдѣ была его казарма, не замѣчая, гдѣ и куда идетъ, и очнулся только передъ дверью на окликъ часоваго. Постоявъ минуту передъ дверью, онъ повернулся и также быстро пошелъ назадъ тою же дорогой. Ему вдругъ вспомнилось, что онъ оставилъ дочь лежащую на улицѣ, и невольное чувство жалости и безпокойства влекло его теперь къ ней. Она представлялась ему умирающей, и онъ ускорялъ шаги, что бы поспѣть на помощь. Но прійдя къ лѣстницѣ Тринита де Монти, онъ никого не нашелъ. Онъ было подумалъ идти прямо къ ней на квартиру, но раздумалъ и снова направился въ казармы. Была глубокая ночь, когда онъ пришелъ домой, гдѣ его приходъ поднялъ со сна ординарца его, который съ трепетомъ предсталъ передъ нимъ въ ожиданіи распеканія.

— Ступай, сказалъ онъ ему, позови ко мнѣ сейчасъ Паоли и Баллабіо.

— Да они давно спятъ.

— Пойди, разбуди! Впрочемъ, постой, я самъ пойду.

Сказавъ это, онъ вышелъ въ сопровожденіи ординарца, который свѣтилъ ему. Онъ постучалъ въ дверь квартиры полковника Паоли. Не получивъ отвѣта, онъ застучалъ изъ всѣхъ силъ въ вѣтерпѣвнн. Наконецъ дверь отворилась, показался слуга и раздался рачерженный голосъ хозяина, кричавшій:

— Кто тамъ стучитъ по ночамъ?

— Успокойся! отвѣчалъ графъ своимъ звучнымъ голосомъ, тонъ котораго, рѣзкій и раздраженный, противорѣчилъ совѣту успокоиться: — мнѣ тебя нужно.

— Ну, войди.

Графъ вышелъ.

— Извини, сказалъ онъ:—у меня завтра дѣль. Я рассчитываю на тебя и на Баллабіо. Вы, какъ водится, будете моими секундантами.

— Хорошо; но что у тебя вышло? Назадъ тому часа два ты былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

— Дѣль будетъ на смерть, понимаешь? на смерть! Хочу весь Римъ поразить ужасомъ. Вели ординарцу позвать Баллабіо. Скажи, чтобы шелъ немедленно.

Ординарецъ вышелъ, и черезъ четверть часа явился полковникъ Баллабіо въ пианахъ и ботфортахъ и въ плащѣ. Между тѣмъ Паоли, сидя въ кровати, слѣдилъ за графомъ, который въ бѣшенствѣ расхаживалъ по комнатѣ.

— Что такое? спросилъ, входя, молодой Баллабіо.

Графъ остановился и, погруженный въ свои мысли, разсѣянно взглянулъ на него.

— Садись, сказалъ онъ наконецъ:—завтра меня или капитана Бароджи не будетъ существовать. Ты будешь по обыкновенію моимъ секундантомъ съ Паоли.

— Изволь. Но что случилось?

— Да, любопытно бы узнать, сказалъ Паоли:—надѣюсь, что все пустяки какія-нибудь, не изъ за дѣвченки, а то такъ извини меня, по моему, пора бы это кончить.

— Что кончить?

— Ну, да, если это та дѣвушка въ драгунскомъ мундирѣ привела тебя въ такой азартъ...

Графъ остановился по срединѣ комнаты и сказалъ:

— Знаете вы, кто эта дѣвушка?

— Нѣтъ.

— Моя дочь.

— О!

— Да, моя дочь, и капитанъ похитилъ ее изъ дому. Но я его убью, убью, убью!

Эти слова онъ проревѣлъ и въ изнеможеніи опустился на постели. Паоли.

Они протолковали всю ночь; истощивъ всѣ уговоры, друзья графа должны были утромъ отправиться къ Бароджи, который квартировалъ на площади дель Пополо.

Капитанъ и донна Паолина укладывались, собираясь выѣхать въ то же утро, когда офицеры приказали доложить о себѣ. Дѣлать нечего, пришлось принять. Донна Паолина, одѣтая въ женское платье, имѣла заплаканное лицо. Бароджи былъ хмурень и разстроенъ, но принялъ офицеровъ очень вѣжливо и пригласилъ сѣсть.

— Вы, можетъ быть, догадываетесь о причинѣ нашего посѣщенія, капитанъ? сказалъ Балабю.

— Кое что подозреваю, но не знаю, вѣрна-ли моя догадка. Вы вѣроятно друзья графа С***.

— Точно такъ, и намъ очень прискорбно, что приходится явиться къ вамъ отъ него съ неприятнымъ порученіемъ.

— Говорите, господа.

— Графъ считаетъ себя оскорбленнымъ и обезчещеннымъ вами въ своихъ семейныхъ обстоятельствахъ, по отношенію къ его единственной дочери. Извините, сньюра, прибавилъ Балабю, обращаясь къ доннѣ Паолинѣ, что я беру смѣлость говорить объ этомъ. Намъ невозможно было отклонить отъ себя щекотливаго порученія вашего родителя. Мы желаемъ только, чтобы наше участіе помогло все кончить, какъ можно лучше.

— Понимаю, сказалъ Бароджи, пахмурясь.—Но графу слѣдовало бы предварительно выслушать насъ. Я никого не обезчестилъ, и для того чтобы согласовать наше счастье съ фамиліной честью, заявляю, передъ Богомъ и передъ всѣми людьми, незараженными кастовыми предразсудками, что это моя жена; изъ уваженія къ чести семейства и къ общественному мнѣнію мы просимъ графа простить насъ и помочь намъ.

— Мы не имѣемъ права судить это дѣло. Я обязанъ только сказать вамъ съ величайшимъ—повѣрьте—прискорбіемъ, что графъ требуетъ отъ васъ удовлетворенія обычнымъ способомъ оружія.

При этихъ словахъ донна Паолина встала и хотѣла что-то сказать, обратясь къ Балабю, но промолчала, сѣла и тяжело вздохнула.

Балабю съ участіемъ взглянулъ на нее и далъ знакъ Бароджи, что разговоръ лучше продолжать безъ нея. Но капитанъ отвѣчалъ ему громко.

— Понимаю и благодарю васъ. Но она должна все слышать. Не даромъ носить она мундиръ и саблю. У нея мужественное сердце и умъ; она можетъ все выслушать. Итакъ, въ чемъ дѣло?

— Если вамъ угодно, то я скажу, что въ дуэли есть условіе.

Донна Паолина подняла голову и стала внимательно слушать.

— Какое?

— Она должна быть на смерть.

— Притомъ, сказать другой секундантъ, — если бы на первый разъ она не имѣла окончательнаго исхода, то должна быть повторена, до смерти одной изъ сторонъ.

— Пусть такъ! воскликнула донна Паолина; но скажите тому, кого я не только отцомъ, но и человекомъ не могу назвать, что на это условіе будетъ другое, то, что если капитанъ будетъ убитъ, дочь на томъ же мѣстѣ будетъ драться съ отцомъ! Вотъ мы удивимъ Римъ, котораго кажется нельзя удивить никакими чудовищностями.

Бароджи съ невыразимой нѣжностью взглянулъ на нее, взялъ ее за руку и поцѣловалъ въ лобъ, потомъ обратился къ секундантамъ, какъ бы собиравсь говорить, но спохватился, растегнулъ мундиръ и, раскрывъ грудь, сказалъ:

— Господа, надѣюсь, вы не подумаете, что я хочу хвастаться моими ранами, полученными при исполненіи простого долга, но я хочу вамъ только показать, что я не трусь и никогда не боюсь, я не буду бояться опасности. Три раза былъ раненъ...

— О, капитанъ, это напрасно! Стоитъ взглянуть на васъ, чтобы не сомнѣваться...

— Благодарю васъ. Но теперь въ виду такого несмысленнаго обстоятельства, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлаться убійцей, почти отцеубійцей, въ дѣлѣ столь гнусномъ...

— Позвольте, прервалъ Паоли, — прошу васъ не повторять этого, потому что ..

— Понимаю, полковникъ, и прошу извиненія. Но прошу васъ серьезно обсудить положеніе, въ которое мы поставлены.

— Я думалъ объ этомъ; вы можете быть увѣрены, что мы думали; но есть обстоятельства, есть обычаи и законы, которыми приходится подчиняться и повиноваться, не изърая ни на что.

— Это дурацкіе законы, порожденные предрасудками, оскорбляющіе природу и здравый смыслъ. Передайте графу, что пусть онъ требуетъ отъ меня другаго удовлетворенія, и я всегда готовъ исполнить его желаніе.

Баллабіо посмотрѣлъ на своего товарища, какъ бы говоря: «Онъ совершенно правъ». Но Паоли всталъ, прошелся по комнатѣ, подошелъ къ Бароджи и ласково взявъ его за руку, сказалъ:

— Я сдѣлалъ много походовъ; мнѣ сорокъ лѣтъ; я бывалъ въ разныхъ передѣлкахъ, имѣлъ девять дузлей на своемъ вѣку, всѣ не мною вызванныя и въ которыхъ я всегда считалъ себя правымъ; однажды обстоятельства были довольно похожи на нынѣшній случай. Я думалъ, думалъ, совѣтывался, рѣшалъ такъ и этакъ, — и въ концѣ концовъ дрался. Я ненавижу дузлей и дузлистовъ, и считаю мнѣніе, будто подло отказываться отъ дуэли... Ну, словомъ, я въ теоріи съ нимъ не согласенъ. Но дѣло тутъ не въ томъ, справедливо или несправедливо считаютъ человека подлецомъ, а въ томъ, что его считаютъ подлецомъ. Поэтому послушайте меня, не отказывайтесь, деритесь и положитесь на судьбу.

— Но при условіяхъ графа, судьбѣ ничего не остается дѣлать: одинъ изъ насъ долженъ умереть, а условія между нами равны. Если я буду убитъ, что будетъ съ моей женою? Если я убью графа, какъ ей быть убійцей ея отца? Вотъ почему, господа, я не могу съ нимъ драться. Мнѣ не до хвастовства, но даю вамъ слово, что въ фехтовальной школѣ меня прозвали непобѣдимымъ. Я не считаю въ себѣ это достоинствомъ, но могу сказать, что я совершенно увѣренъ въ своихъ ударахъ. Но дерясь съ отцомъ моей жены, я буду чувствовать себя обязаннымъ дать себя убитъ. Вѣдь это невозможно. Поэтому передайте все это графу. Прошу васъ, увѣрьте его, что я никогда не думалъ наносить безчестія его имени. Я полагаю, что храбрый солдатъ французской республики не долженъ раздѣлять предразсудковъ касты, для истребленія которой цѣлый рядъ великихъ мыслителей и героев сочли священнымъ долгомъ пролить потоки крови на алтарь отечества. Повторите эти слова графу, и надѣюсь, онъ переѣнитъ свое рѣшеніе.

Съ этимъ отвѣтомъ секунданты вернулись къ графу не безъ надежды уговорить его, и можетъ быть, графъ дѣйствительно поддавался бы, если-бы въ разговорѣ Баллабіо не сдѣлалъ неосторожности, упомянувъ о фехтовальной ловкости и о доказанной храбрости капитана. Это произвело дѣйствіе искры на пороховой складъ. Графъ вскочилъ, точно его ударили хлыстомъ по лицу, и чуть не выѣхавъ за шиворотъ товарищу; затѣмъ онъ разразился такимъ потокомъ ругательствъ самыхъ площадныхъ, проклятій, бѣшеныхъ криковъ и угрозъ, что походилъ на сумасшедшаго въ припадкѣ; но товарищи зная его, спокойно курили трубки, ожидая, когда буря утихнетъ.

Дѣйствительно, онъ наконецъ успокоился, сложилъ руки на груди и, подойдя къ Баллабю, сказалъ саркастическимъ тономъ:

— Итакъ, это Ахиллъ безъ пятки, или Орландъ, еще не сбѣсившійся; ну, мнѣ хочется собственноручно убѣдиться въ этомъ. Дугль будетъ и я настаиваю на ней больше прежняго. А чтобы не было отговорокъ, пусть будетъ до первой крови. Тутъ ужъ, какъ въ шахматахъ или на билліардѣ, исходъ зависитъ отъ искусства. Согласны вы на это? Довольны вы?

— Послушай, вѣдь всѣмъ извѣстно, что ты первая сабля въ дивизіи; поэтому я не воображалъ, что тебѣ покажутся мои слова обидными. Тотъ прозванъ непобѣдимымъ, но вѣдь и ты никѣмъ не побѣжденъ. Такъ какъ ты согласишься драться только до первой крови, то я думаю, и онъ согласенъ, и мнѣ даже съ потеряннѣемъ хочется посмотреть такой поединокъ.

— Такъ сдѣлайте же одолженіе, идите къ нему; не будемъ терять времени, чтобы нынче же все рѣшить.

— Все будетъ рѣшено нынче. А на счетъ оружія?

— Это его дѣло, онъ имѣетъ право выбора; мнѣ все равно: пикаги, сабли, палаши.

Вечеромъ къ графу явился ординарецъ главнокомандующаго, звать его тотчасъ же къ генералу въ Квириналь. Когда онъ вошелъ, Массена сидѣлъ въ огромномъ золоченномъ бархатномъ креслѣ съ папскимъ гербомъ; онъ былъ въ рубашкѣ, лосиныхъ штанахъ и ботфортахъ. Генералъ былъ малъ и щедушенъ, такъ что совершенно исчезалъ въ креслѣ; но лицо его было рѣзкое, угловатое, багровое, съ парой яркихъ черныхъ глазъ.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, сказалъ онъ,—но не какъ генералу Массенѣ съ полковникомъ его арміи, а какъ ниццкому гражданину, свѣтскому, опытному человѣку, признавшему принципы, провозглашенные съ 89 года, съ миланскимъ графомъ, который, выводя себя отъ Адама, забываетъ значеніе республиканскихъ принциповъ.

— Генералъ!..

— Я ужъ вамъ сказалъ, что я теперь не генералъ, а просто республиканецъ. Вы завтра деретесь?

— Я?

— Да, деретесь съ мужемъ вашей дочери. Вы удивлены, что я знаю, не смотря на ваше секретничаніе. Но вѣдь вы знаете, что

стѣни говорятъ; какой же прокъ въ томъ, что люди молчатъ? Ну, да все равно; не въ томъ дѣло. Я вамъ совѣтую не драться, признать зятемъ капитана, о которомъ я слышалъ, что онъ очень хорошій и храбрый малый, и кончить все безъ скандала.

Тутъ онъ всталъ и подошелъ близко къ полковнику, которому приходился по плечо:

— Это простой совѣтъ, понимаете; приказываю я только въ военныхъ дѣлахъ, въ сраженіи; не подумайте, что я вздумаю наказать васъ, если вы поступите наоборотъ. Дѣлайте; что хотите; я предоставляю себѣ только, смотря по вашему поступку, продолжать или перестать уважать васъ. Никто не знаетъ, зачѣмъ я васъ призывалъ

Слова генерала вылетали изъ его усть какъ пули изъ ружья, отчетливо, сухо, рѣзко.

Графъ зная, что онъ не любитъ возраженій и можетъ вскипѣть отъ одного неловкаго слова, не посмѣлъ отвѣчать, поклонился и вышелъ.

Понятно, что генералъ узналъ о дуэли отъ самой донны Паолины, которая явилась къ нему и такъ пробрала его крокодилью натуру, что онъ, при всемъ своемъ отращеніи къ вмѣшательству въ чужія дѣла, рѣшился поговорить съ графомъ.

Послѣдній, выйдя отъ него, догадался, откуда онъ получилъ это извѣстіе, и почувствовалъ злобу и къ дочери, и къ нему. Онъ даже загнулъ ему на улицѣ нѣсколько отчаянныхъ забранокъ и, вернувшись домой, засталъ у себя своихъ секундантовъ, которые объявили ему, что Бароджи принялъ новыя условія, что дуэль назначена завтра на разсвѣтъ, въ двухъ миляхъ отъ города, за воротами Санъ Себастьяно, у гробницы Цециліи Метелли.

Весь день и всю ночь донна Паолина провела въ странномъ томительномъ ожиданіи. Она рассчитывала, что вмѣшательство Массени не только отвратитъ дуэль, но и уладитъ дѣло такъ, что графъ изъ врага обратится въ друга и покровителя. Она трепетно прислушивалась къ лошадиному топоту, къ шуму колесъ, къ звуку отпираемой двери въ ожиданіи доброй вѣсти. Но прошелъ день, вечеръ, настала поздняя ночь; никто не приходилъ; вдобавокъ она должна была скрывать свою тревогу, потому что ходила къ генералу тайкомъ отъ Бароджи. Тѣмъ не менѣе, онъ замѣчалъ ея мученіе, и это было его единственной заботой. Относительно дуэли

онъ тѣмъ болѣе полагался на свое искусство, что выбрать палаша, тогда какъ графъ привыкъ къ саблѣ; онъ былъ увѣренъ, что не позволитъ нанести себѣ смертельной раны и не нанесетъ ея противнику.

X.

Разсвѣло. Капитанъ и донна Паолина встали. Вскорѣ къ гостиницѣ, гдѣ они жили, подъѣхало два экипажа, и вошли секунданты. Донна Паолина надѣла драгунскій костюмъ и вышла въ салонъ, гдѣ Бароджи принималъ двухъ офицеровъ, своихъ секундантовъ. Она была теперь спокойна и торжественна. Всякая надежда прошла, а съ ней и волненіе ожиданія. Она была, какъ больной, который долго мечталъ о выздоровленіи и вдругъ чувствуетъ, что дни его сочтены, перестаетъ мечтать и томиться и тихо ждетъ конца. Офицеры смотрѣли на нее съ благоговѣніемъ; она казалась имъ героиней.

— Увидите, все кончится благополучно, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Хорошо, только я васъ умолиу уговорите капитана позволить мнѣ отправиться съ вами. Обѣщаю вамъ, что буду неподвижна, какъ статуя, на томъ мѣстѣ, куда вы меня поставите. Здѣсь я не могу оставаться одна ждать. А тамъ, гдѣ нибудь по близости, а черезъ минуту могу узнать, чѣмъ кончится. Неужели это невозможно?

— Капитанъ, сказалъ одинъ изъ секундантовъ,—мы ручаемся вамъ, что ей можно подождать насъ въ нѣсколькихъ шагахъ. По жалуиста, согласитесь.

— Дѣлай, какъ хочешь, сказалъ Бароджи, беря ее за руку и цѣлуя.—Я также увѣренъ, что ты ничего не сдѣлаешь, что могло бы скомпрометировать честь человѣка, котораго ты выбрала своимъ мужемъ.

Всѣ вышли и спустились съ лѣстницы, гдѣ Бароджи, раздѣлавъ донну Паолину, усадилъ ее въ одинъ изъ экипажей, а самъ съ секундантами сѣлъ въ другой.

Отъ порта Пинчіана надо было проѣхать къ порту Санъ-Себастьяно черезъ весь городъ, а потомъ проѣхать еще двѣ съ половиной мили по *via Arria* до гробницы Цециліи Метеллы. Путь былъ не малый. Въ теченіе его капитанъ болталъ съ секундантами о настоящихъ, прошлыхъ и будущихъ судьбахъ Рима съ той напускной развязностью, которая считается обязательной въ подобныхъ обстоятельствахъ, хотя совершенно естественно и несомнѣнно, что человѣкъ не можетъ не быть озабоченъ въ нихъ. Не такъ весела была донна Паолина, сидя одна въ каретѣ. Тяжело было у нея на душѣ, и сердце въ ней вздрогнуло, когда она завидѣла древній памятникъ Метеллы и два экипажа, стоявшіе влѣво отъ него. Она глубоко вздохнула, подняла глаза къ небу, схватилась руками за виски и въ изнеможеніи опустила въ уголъ кареты.

Экипажи остановились. Бароджи съ секундантами вышелъ, подошелъ къ ея каретѣ, пожалъ ей крѣпко руку, ободряя взглядомъ, но не сказалъ ни слова. Пошли на мѣсто, гдѣ ихъ уже ждали противники, а донна Паолина осталась въ экипажѣ. Секунданты раскланялись, поговорили нѣсколько минутъ; одинъ изъ секундантовъ графа взялъ два палаша одинаковой формы и длины, смѣрилъ и предложилъ на выборъ одному изъ свидѣтелей Бароджи. Противники сняли мундиры и галстуки, засучили рукава и встали другъ противъ друга на указанныхъ секундантами мѣстахъ. Врачъ, фельдшеръ и два ординарца, одинъ драгунъ, другой гусаръ, стояли въ нѣкоторомъ разстояніи.

Мы не будемъ описывать всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ и отбитыхъ, всей этой борьбы силы и ловкости. Скажемъ только, что дуэлистамъ пришлось пять разъ останавливаться, чтобы перевести духъ, не нанеся другъ другу ни малѣйшей царапины, хотя всѣ видѣли, что капитанъ могъ бы уже дважды тяжело поразить графа въ голову и въ грудь. Поединокъ возобновился въ шестой разъ.

Бароджи въ этомъ фехтованіи успѣлъ хорошо ознакомиться съ приемами графа и найти способъ нанести ему ударъ, который положилъ бы конецъ дуэли, не нанося противнику серьезной раны. Но въ ту минуту, когда представился выжидаемый имъ удобный случай, онъ, соразмѣряя силу удара въ опасеніи нанести слишкомъ тяжелую рану, пропустилъ мгновеніе, и палашъ противника тяжело опустился ему на плечо; онъ еще успѣлъ отбить ударъ, но не всѣмъ.

— Кровь! закричали секунданты. — Стой! Довольно!

Графъ опустилъ палашъ; капитанъ вырвали его, обратился къ секунданту, который подбѣжалъ къ нему, и началъ тихо опускаться на землю. Врачъ и фельдшеръ бросились къ нему. Графъ, опираясь на палашъ, смотрѣлъ, не шевелясь и почти не дыша. Была минута торжественнаго общаго молчанія. Вдругъ донна Паолина, явившись неожиданно среди этой сцены, бросилась къ Бароджи, взглянула на рану, на лицо врача и, увидавъ на немъ тревожное выраженіе, вскочила на ноги, выхватила саблю и кинулась на отца съ крикомъ: «Теперь умрите вы, злодѣи!» Графъ едва успѣлъ отбить ея ударъ, а въ слѣдующее мгновеніе она, какъ трупъ, грохнулась на землю.

Всѣ бросились къ ней, кромѣ доктора, хлопотавшаго около раненаго. Графъ не пошевелился и стоялъ молча, снова опершись о палашъ. Но взглянувъ на него, Баллабіо съ удивленіемъ увидѣлъ двѣ слезы, катившіяся по его щекамъ. Его желѣзная натура не выдержала такого испытанія. Поймавъ взглядъ Баллабіо, онъ глухо спросилъ:

— Жива?

Съ дѣвушкой былъ опасный глубокой обморокъ. Долго возились съ ней, прежде чѣмъ она стала обнаруживать признаки жизни. Отецъ не рѣшался подойти. Но когда она очнулась, онъ какимъ-то сконфуженнымъ тономъ, совершенно ему несвойственнымъ, обратился къ Баллабіо съ просьбой спросить капитана, можно ли ему пожать ему руку. Бароджи утвердительно кивнулъ головой; графъ приблизился, наклонился и взялъ его за руку. Бароджи не отвѣчалъ на его пожатіе.

Графъ обратился къ доктору съ вопросомъ о ранѣ.

— Серьезная рана; боюсь, что надо будетъ выщелушить плечо, а это трудная операція.

Графъ промолчалъ, но замѣтно приунылъ.

Донну Паолину перенесли въ карету; раненаго положили на носилки.

Такъ кончился этотъ печальный день.

А теперь пройдетъ довольно много времени, прежде чѣмъ мы опять встрѣтимся съ этими лицами.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I

Мы въ 1810 году. Республика смѣнилась имперіей, которая достигла высшаго могущества и блеска. Миланъ — теперь столица итальянскаго королевства, резиденція вице-короля Богарне. Въ февральскую ночь 1810 года зѣваки толпятся передъ подъѣздомъ дворца, гдѣ вице-король даетъ балъ. Королевскіе драгуны давятъ ноги лѣзущимъ впередъ поглазѣть на прибывающихъ гостей. Въ туманномъ воздухѣ стоятъ ругательства кучеровъ, подъѣзжающихъ вереницей, и удерживающихъ ихъ жандармовъ. Изъ каретъ выходятъ великіе и сильные этого новаго наполеоновскаго міра, недавно возникшаго и обреченнаго на скорое исчезновеніе.

Вотъ герцогъ Мельца, хранитель печати, медленно вылѣзаетъ изъ кареты среди двухъ лакеевъ, золоченна либреи которыхъ метутъ землю. Его превосходительство облеченъ въ мундиръ необыкновенной длины и ширины и до того покрытъ нитьемъ, что не гнется, какъ будто сдѣланъ изъ древесной коры. За нимъ слѣдуютъ генералы Пино и Солароли, военный министръ Фонтанелли, маркизъ Каньола, великій судья Луози, утошающій въ громадномъ бѣломъ галстухѣ, докторъ Монтеджа пріѣзжаетъ въ парадномъ фіакрѣ.

Подъѣзжаетъ и выходитъ графъ Аквила съ графиней Амазіей, онъ въ черномъ шелковомъ кафтанѣ съ вышитыми зелеными дубовыми листьями, съ стальными пуговицами и стальной рукояткой шпаги, въ шляпѣ съ бѣлымъ плюмажемъ; она въ головномъ уборѣ

пунцовомъ съ бѣлымъ, съ брилліантовой звѣздой, въ бѣлой, вышитой серебромъ, нижней юбкѣ и въ платьѣ пунцоваго бархата также съ серебряннымъ шитьемъ. Выѣстъ съ ними поднимаются по лѣстницѣ адвокатъ Фальки съ своей супругой, прозванной адвокатшей. Мы ее видѣли 12 лѣтъ тому назадъ въ ложѣ Скалы на представленіи балета «Папа», почти безъ одежды и во фригійской шапкѣ. Она и тогда уже блистала не столько молодостью, сколько роскошью формъ, и сохранилась точно такую же и теперь. Но къ этому прибавился блескъ миллионнвъ, нажитыхъ ею мужемъ. Выходя по лѣстницѣ, она освѣдомляется у камеръ-лакея, пріѣхалъ ли уже министръ Прина, и получаетъ утвердительный отвѣтъ.

Въ залахъ дворца, заново раззолоченныхъ и разукрашенныхъ, царствуетъ поразительная роскошь. Въ наполняющихъ ихъ толпахъ обращаетъ на себя вниманіе Уго Фосколо въ черномъ платьѣ, съ стальной пиагой и въ шляпѣ съ плюмажемъ подъ мышкой. Въ настоящій моментъ онъ служитъ предметомъ разговора группамъ литераторовъ.

— Дай срокъ, говорилъ кавалеръ Випченцо Монти кавалеру Ламберти, я порастрясу прахъ его Гробницъ, увидите, что слава его, мною созданная, также быстро отъ меня разлетится.

— Да не стоитъ и трясти, иѣтеръ и такъ разнесетъ, сказалъ желчный критикъ Джордани, которому досталось отъ Фосколо за рабочіише панегирики Наполеону: — Вотъ вы теперь всѣ согласны со мной, что это просто великій шарлатанъ и что истинный поэтъ не могъ написать вздорныхъ виршей Гробницъ. Пусть критикуетъ твою прозу, Ламберти. Ему далеко до нея.

Къ нимъ присоединились другіе недовольные Фосколо: Маріо Пери, не прощавшій ему непризнанія его генія, Бруначи, еще не переварившій пощечинъ, обѣщанныхъ ему Фосколо подъ арками Павійскаго университета, и другіе. Все это были люди, награждаемые и покровительствуемые правительствомъ, тогда какъ Фосколо въ этомъ самомъ году лишился кафедры и былъ въ открытой оппозиціи.

Въ залѣ Каріатидъ сидѣла вице-королева Амалія, окруженная цвѣтомъ дамскаго общества. Тутъ были всѣ извѣстныя красавицы: графиня Аквила, Фалькиньони, которой непременно слѣдовало бы поступить на сцену играть Семирамиду, чтобы сдѣлать достойное употребленіе изъ своего классическаго носа и пышныхъ плечъ;

Дорія, красавица. десяти вершковъ роста, какъ нормандская лопадь: черномазая Р***, которая какъ Клеопатра плѣнила Цезаря. Изъ мужчинъ тутъ были сановники въ лентахъ Желѣзной Короны, министръ Прина, архіепископъ Урбинскій Боріоли, о духовномъ знаніи котораго можно было догадаться только по бѣлымъ воротничкамъ на груди. Но вниманіе дамъ больше всѣхъ привлекала высокая и величавая фигура живописца Джузеппе Босси, который въ платьѣ кофейнаго цѣфта разговаривалъ съ крошечнымъ человѣчкомъ, одѣтымъ весь въ черное. Ему было тридцать два года, и онъ былъ кумиромъ дамъ, хотя по небрежности своего костюма получилъ прозвище разгильдяя. Онъ былъ необыкновенно хорошъ, классической красотой, въ греко-римскомъ стилѣ, и при появленіи его мужчины оцупцали безпокойство. При этомъ таланты его были блестящіе и такъ разнообразны, что подобнаго сочетанія ихъ не было примѣра въ Италіи со временъ Леонардо ди Винчи. Онъ былъ живописецъ, поэтъ, писатель, ораторъ и музыкантъ. При этомъ онъ былъ необыкновенно пріятный и остроумный собесѣдникъ. Но не смотря на небрежность своего костюма, онъ до фатовства не только пользовался, но и злоупотреблялъ своими успѣхами между дамъ и, выходя отъ Грассини, говорилъ: — Вотъ мы теперь свояки съ Его Величествомъ.

— Вице-король кажется весель, говорилъ Босси своему собесѣднику, Капоннику Занойѣ, профессору архитектуры и сатирическому поэту.

— Щеглята всегда веселы.

— Впрочемъ съ чего же ему и грустить?

— Да, при такой головѣ и съ такимъ сердцемъ.

— Конечно, разводъ матери ему непріятенъ; но вѣдь что же дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ ему не слѣдовало бы произносить въ Сенатѣ рѣчь съ похвалою императору за разводъ съ его матерью.

— Ну, зато теперь разводъ найдетъ себѣ мѣсто въ законодательствѣ для всѣхъ.

— Объ этомъ пусть подумаетъ Прина.

— Какое дѣло министру финансовъ до законодательства?

— Первое дѣло, когда ему понадобятся деньги—а это при нынѣшней системѣ не замѣдлитъ случиться—онъ первый посоветуетъ узаконить разводъ. Онъ разсчитаетъ, что это дастъ не малый до-

Me II a - 12811

Въ конторѣ «Устоевъ» продается по уменьшенной цѣнѣ небольшое число экземпляровъ изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета, въ пользу нуждъ товарищей, литературнаго сборника

„ОТКЛЮКЪ“

Содержаніе: I. Отъ издателей-студентовъ. — II. Утѣсь. Стихотвореніе Н. Никифорова. — III. Старая крыса. Очеркъ А. Михайлова (Шеллера). — IV. Разладъ. Стихотвореніе П. Я. — V. Прогрессъ. Стихотвореніе П. Минскаго. — VI. Далила. Разказъ Максима Вѣлиискаго. — VII. Колдунъ. Повѣсть Н. Никифорова. — VIII. Къ свѣту. Стихотв. П. Я. — IX. Успѣхи рационализма въ древней Греціи. Истор. очерки О. Мищенко. — X. Одни. Очеркъ К. Баранцевича. — XI. Физиологическое и общественное значеніе нищи. М. Антоновича. — XII. Прометей. Стихотвореніе Я. Полонскаго. — XIII. Очеркъ поземельной собственности въ Англіи и проекты ея переустройства. П. Ш. — XIV. Шекспиръ и Пушкинъ. В. Чуйко. — XVI. Бруть. Драматическія сцены А. Михайлова. (Шеллера). — XVII. Старый грѣшникъ. Разказъ Н. Златовратскаго. — XVIII. Народу. Стихотвореніе К. Барковой. — XIX. Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы. С. Венгерова. — XX. Подъ снѣгомъ. Стихотвореніе П. Я. — XXI. Объ изученіи народнаго быта. А. Григорьева. — XXII. — XXIII. Два стихотворенія А. Плещеева. — XXIV. На пути въ деревню. Разказъ В. Метелицы. — XXV. Призывъ. Стихотвореніе П. Я.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ВЫШЛА ПОВАЯ КНИГА

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ОСНОВЫ

НАРОДНИЧЕСТВА

І. ЮЗОВА. *Ц.*

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся въ контору «УСТОЕВЪ» платятъ 1 р.

ЖУРНАЛЬ

„УСТОИ“

Будеть выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ:	Съ пересылкою:
На 1 годъ . . .	10 р.	11 р.	12 р.
» полгода . . .	5 »	5 » 50 к.	6 »
» 3 мѣсяца 2 »	50 к.	2 » 75 »	3 »
» 1 мѣсяць — »	80 »	— » 90 »	1 »

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федосѣевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протополовъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій.

Редакторъ-издатель С. А. Венгеровъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

4 098 419 948